

Кавказ

Хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию

Александр Костюнин

Москва, 2016

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-46
К 72

Костюнин Александр Викторович

Кавказ. Хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию / Александр Костюнин. —
Verso, 2016. — 507 с.

Несколько десятилетий читатели получают информацию о Кавказе лишь из военных сводок и криминальных новостей. В гуманитарном плане образовался пробел, «чёрная дыра»: современных произведений русскоязычных писателей об этом уникальном крае нет. Данная книга — прорыв вынужденной блокады!

Полный вариант текста с уникальными фото размещён на авторском сайте писателя: <http://kostjunin.ru> (в разделе «Произведения» в формате PDF).

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-46
К 72

Редактор Глан Онанян
Фото на лицевой обложке Евгения Шивцова

ISBN 978-5-91997-236-5

© Костюнин А. В., 2016.

Хождение — это очерковый жанр в древнерусской литературе, который описывал путешествия, который нёс в себе политические, нравственные и художественные идеи своего времени.

На страницах этих путевых заметок всё пристойно: в бокалах безалкоголь, табакокурение невзятяг, ни одно из животных не пострадало, комбинация букв исключительно цензурная.

Гибли только люди.

Насильственно, массово, кроваво...

Возрастное ограничение: «— 0,9»

Содержание данной книги желательно знать каждому до рождения, — с момента зачатия, — и через гены, через молоко матери усвоить накрепко.

Теперь, когда все формальности, предусмотренные российским законодательством, соблюдены — вперёд и с песней!

От редактора

*Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой...*

Михаил Лермонтов

«Дагестан».

«Пролагатель новых путей в литературе и в жизни» — так бы я, наверное, озаглавил своё предисловие к книге Александра Костюнина «Дагестан», если бы не устрасился дежурного набора высокопарных трюизмов в применении к уникальной книге уникального человека!

Опираясь на свой более чем полувековой профессиональный опыт литературного критика и редактора, я готов здесь и сейчас ответственно заявить во всеуслышание: в лице Костюнина русская литература обрела ныне новое измерение, новое дыхание, новую ипостась! И пусть моё понимание «лица необщего выражения» Костюнина, его самости и личности, (а писать о нём ой как нелегко) ещё только зреет, но, лиха беда начало — как говаривал незабвенный Ильич, «главное — это ввязаться в драку, а там уж как-нибудь разберёмся...»

Полагаю, что «феномен Костюнина» будут ещё долго изучать и анализировать как маститые критики и писатели, так и неискушённые в новациях литературы рядовые читатели, невольно подпавшие под магическое обаяние его многоцветного и многошумного «Дагестана»...

Чем же можно объяснить такой пристальный интерес писательской и читательской общественности к новаторскому творчеству Александра Костюнина?

Выделю семь его характерных типологических системообразующих особенностей:

- Костюнин — эрудит, он досконально знает то, о чём и для чего пишет, это и полное, даже дотошное владение материалом, и уникальное умение серьёзно воспринимать несерьёзное и, наоборот, иной раз несерьёзно — серьёзное, это и ярко выраженная тяга к мифу, притче, апокрифу и анекдоту, когда Мюнхаузен мирно соседствует с Козьмой Прутковым, а Гончаров «Фрегата Паллады» говорит на одном изобразительном языке со Свифтом «Путешествий Гулливера» или Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэля». Костюнин — крупный специалист и в области точных наук, и сфера применения его знаний и способностей была и есть настолько засекречена, что, как говорится, замыкаю свои уста...

- Костюнин — путешественник по самому своему душевному складу, в нём постоянно присутствует некая романтическая, а то и просто авантюрная тяга к судьбоносным переменам, он истово и верно служит «музе дальних странствий», успешно приобщая к этому служению и своего читателя;

- Костюнин — неподражаемый юморист, юмор у него свойский, компанейский, озорной, гротескный, фарсовый, ярмарочно-балаганный, но никогда не обидный, не глумливый, не ёрнический — видите, сколько эпитетов пришлось мне применить в попытке передать костюнинский характер отнюдь не сатирика, а именно и только юмориста от Бога, ведь шуты и скоморохи всегда пользовались особыми привилегиями при дворе хоть короля, хоть султана, хоть эмира, хоть царя небесного... Незаёмное чувство юмора, некоторая макароническая маскарадность в духе площадной вертепной комедии «дель-арте» — это де факто фирменный знак Костюнина, дымящееся тавро, оттиск на страницах книги раскалённого чекана его души;

- Костюнин — отважный родоначальник нового в нашем литературном обиходе «скрябинского» начала — синтетического синкретического жанра клипового, коллажно-микстового восприятия и изображения мира в человеке и человека в мире, некоего гипертекста, обращённого одновременно ко всем органам чувств индивидуума, включая и «третий глаз» его интуиции, подсознания и мистического озарения... В этом жанре на равных представлен не только комический, но и космический дискурс мантр и заклинаний свободного творчества свободного

художника, не стеснённого жёсткими рамками устоявшихся традиций и привычной, навязшей в зубах самоцензуры;

- Костюнин — славный продолжатель традиций «плутовского романа» Дюма и Дефо, увлекательных познавательных путевых очерков Радищева и Гончарова, Солоухина и Пескова, Тура Хейердала и Зория Балаяна;

- Костюнин — стилист, ему органически присущи чувство слова, чувство стиля, уважительная любовь не только к людям как к этнической популяции, но и человеку как её неповторимому и незаменимому члену. Творческой манере Костюнина свойственны доверительность и искренность интонации, полное отсутствие дидактики, стремление в своих исторических и географических странствиях понять всех и каждого во всём хитросплетении их помыслов, чаяний и неоднозначных поступков. Костюнин не осуждает никого, но старается понять каждого!

- Костюнин — самообытный художник и композитор, он обладает безошибочным вкусом в отборе мелодий, тонов и оттенков, ритмов и зрительных образов, его видеоряд помогает звучанию его лексики, а вербальные открытия проясняют лучезарную палитру его изобразительных средств. Многомерность ракурсов стереоскопического, чуть ли не фасетчатого зрения Костюнина дают ему возможность смотреть на мир Дагестана как бы со стороны, но в то же время изнутри, не зря же в жилах Костюнина текут, не смешиваясь, но взаимно обогащая друг друга, жизненные соки разных национальностей и культур, сдержанный финно-угорский темперамент карела не исключает, а предполагает в его характере разудалую ширь российских степей, а в голосе его творчества счастливо слились певучая кантилена северной лексики и орлиный клёкот языков десятков населяющих горные кручи Дагестана суперэмоциональных, архиэкспрессивных людей чести, гордости и отваги!

Воистину живительно кровное духовное родство карела и русского, аварца и кумыка, лезгина и тата, даргинца и многих, многих других таких разных и таких единых и единственных в своём роде сынов человеческих!

Позволю себе здесь маленькое лирическое отступление: в бытность мою главным редактором ежемесячного журнала «Вестник Международного Сообщества Писательских Союзов» мне посчастливилось два раза в кабинете Сергея Михалкова с глазу на глаз общаться с Расулом Гамзатовым, и я был поражён масштабом его личности, умением говорить с афористичной мудростью аксакала и с полемическим запалом юного джигита! И вот сейчас, когда я пишу эти строки, мне всё кажется, что к моему предисловию к книге Костюнина присоединяется сам Расул, что он читает и благословляет эти строки оттуда, куда мы все неизбежно уйдём в свой черёд...

«Абхазия: война и мир».

В своём предисловии к предыдущей книге Александра Костюнина «Дагестан» я пытался подобрать ключи к мастерской художника, определить для себя типологические особенности его творческой манеры, понять, кто он по своим убеждениям и предпочтениям — экстраверт или интраверт, сатирик или романтик, неуязвимый рыцарь служения добру и красоте, легкоранимый лирик или плутоватый глумящийся над «свинцовой мерзостью быта» живописатель трагикомических ситуаций, подсмотренных им в реальной жизни? Насколько мне это удалось — судить не мне, во всяком случае, я очень старался...

Для меня несомненно одно: о чём бы и как бы ни писал Костюнин, он всегда и везде предельно искренен, честен перед собой и людьми, встреченными в бесконечных скитаниях во времени и пространстве (ведь автор — и историк-этнограф, и путешественник-географ), он по своему душевному складу неутомимый и неустрашимый бродяга, отважный авантюрист-путешественник — первопроходец, своего рода странствующий рыцарь от литературы с открытым сердцем и забралом, родной брат по духу и по крови Дон-Кихота и Тура Хейердала,

Афанасия Никитина и Марко Поло, Миклухи Маклая и Семёнова, Пржевальского и Арсеньева, Фёдора Конюхова и Чилингарова, Шпаро и Френсиса Дрейка — словом, компания ещё та!

Пишет Костюнин азартно, размашисто, вкусно, читаешь его взахлёб — не оторваться, он не боится просторечия, не чурается сленга и жаргона, коими нас всех стремительно осчастливило смутное постперестроечное время, столь щедрое на неологизмы, англицизмы и даже архаизмы (вспомним, не к ночи будь они помянуты, дерьмократов и либерастов, совков и бандерлогов, укропов и почвенников, трансвеститов и прихватизаторов «большого хапка», вспомним навязшую в зубах толерантность и политкорректность, святителей, угодников, чудотворцев, экстрасенсов, телепатов, магов и шарлатанов всех мастей) — увы, до чего же всё это уже привычно узнаваемо! Но, как справедливо заметил поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают...» В условиях этой вакханалии перманентного и глобального отката к мракобесию особенно отрадно осознавать, что на свете живёт, путешествует и не щадя живота своего работает Александр Костюнин! Каждая новая книга его — это покорение новой вершины, и пусть на таких творческих высотах воздух разрежён, но зато он пронзительно чист и лучезарен! Самоотверженность, упорство и надёжность в дружбе, желание и умение доверять тому, с кем ты в одной упряжке, в одной альпинистской связке — вот что позволяет Костюнину одолевать самые крутые подъёмы Дагестана и Абхазии, вот что даёт ему силу и право на своё честное незаёмное слово в жизни и в литературе!

В предисловии к предыдущей книге Костюнина «Дагестан» было выделено несколько характерных типологических технологических особенностей его творческой манеры: это эрудиция, душевная неуспокоенность сродни пассионарности, саркастический, но и самокритичный юмор на грани фола, синкретическое «скрябинское» обращение ко всем органам чувств читателя, отвага в ломке устоявшихся догм, стереотипов и клише общественного сознания, анализ и синтез современных искусственно насаждаемых прикормленными политиками мифологем, безукоризненный вкус стилиста и эстета в изображении фактуры и пластики самых рискованных натуралистических реалий — этот список черт «лица необщего выражения» Костюнина без труда можно было бы продолжить и за рамками предисловия, но штрихи к психологическому портрету Костюнина — это предмет дальнейшего специального научного изучения.

Тем не менее позволю себе дополнительно дорисовать здесь ещё несколько штрихов общей картины: юмор Костюнина не натужно-пародийный, по законам сегодняшнего шоу-бизнеса непременно сопровождаемый бесцеремонным заранее проплаченным хохотом клаки, а органичный, естественный, восходящий к классическим образцам Салтыкова-Щедрина и Булгакова, Зощенко и Платонова. Ювеналов бич в руках Костюнина хоть и бьёт наотмашь, но не убивает истязаемых, а перерождает, возрождает трудновоспитуемых, не глумления ради, а лишь в стремлении к катарсису нравственного очищения, к кантовской этике эстетического послевкуся...

Задавшись благой целью хотя бы в тезисной форме определить жанровую принадлежность новой книги Костюнина, я скоро понял, что задача эта многосложная и многотрудная — в самом деле, что это — подробный дневник путешествия, развёрнутый командировочный отчёт, психологические зарисовки, этнографические очерки нравов, кроки-ориентиры для будущих скитаний и творений, набор топонимов и энтонимов аборигенов, дежурный бортовой журнал военного штурмана или просто эскизы, заготовки, черновые наброски вольного художника слова? И то, и другое, и третье, и десятое! В моём представлении Костюнин — настоящий былинный богатырь и рыцарь чести в жизни и в литературе, а посему добр и великодушен по определению, он — убеждённый интернационалист, гармонично объединивший в своей крови и биографии северную флегму угрофинна и удалую азиатскую размашистость обитателя ковыльных степей, неизбывную любовь к «родным осинам» и «отеческим гробам» и уважительное понимание и признание огнедышащего темперамента, незыблемости вековых адатов пылких горцев Дагестана и Абхазии!

В кризисные лихие времена лишь горячим, отважным сердцам дано работать и воевать в «горячих точках» планеты, и Александр Костюнин не раз подтвердил правоту этого тезиса: ему не даёт покоя задорный адреналин заядлого искателя приключений, он явно не обделён бойцовским, истинно мужским темпераментом военного корреспондента, убедительным подтверждением чему

может служить вся его «Абхазия», Костюнин сполна наделён свыше харизматической коммуникабельностью, профессиональным умением расположить к себе собеседника в процессе обстоятельной беседы с объёмистым путевым блокнотом в руках, за традиционным застольем серией наводящих вопросов вывести интервьюируемого на доверительный, конфиденциальный уровень общения. Костюнин никогда не спешит, но всегда успевает, свою трудную и опасную работу странствующего журналиста делает легко и непринуждённо, но при этом предельно дотошно и ответственно, по ситуации перемежая солёными шутками и каламбурными афоризмами самые острые и животрепещущие вопросы быта и бытия... Особо хочу подчеркнуть, что книгу сопровождает прекрасный видеоряд фотографий, ибо Костюнин — не только талантливый писатель, публицист и общественный деятель, но и зрелый фотохудожник, чьи цветные фотографии своим настроением, колоритом и чистотой во многом способствовали популярности электронно-интернетной «Абхазии», всё ещё ищущей просвещённого спонсора и мецената для полноценного полиграфического издания... Хотелось бы, чтобы книга эта как пепел Клааса стучалась в сердцах неискушённой в политическом лукавстве молодёжи, чтобы юная поросль титульной нации ксенофобски не искала в своём окружении «чужаков», не вешала на них ярлыки «инородцев» и «басурман», не воевала с ними в мыслях и наяву, а вовлекала их в свою культурную орбиту, в свою очередь духовно обогащаясь в благодатном процессе этого взаимного дружеского общения...

Закончу в стилистике заздравного горского тоста: литература письменная и изустная — дело чрезвычайно опасное, кому неизвестно, что в позапрошлом веке дипломат и поэт Грибоедов трагически погиб в Персии, отважно защищая за рубежом честь и достоинство своей Отчизны?! Прах Грибоедова покоится в склепе на горе святого Давида, нависающей над городом моей молодости — легендарным Тифлисом, на хладном граните саркофага творца «Горе от ума» его юная вдова, красавица княжна Нина Чавчавадзе написала такие пронзительные слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя?» Убеждён, что и книги Костюнина переживут отпущенный ему век земного существования!

Сегодня именно Александр Костюнин — достойнейший Чрезвычайный и Полномочный Посол российской культуры в России и за её пределами, а распахнувшаяся ныне перед неравнодушным читателем книга «Абхазия» — это его верительная грамота, надёжно скреплённая раскалённым чеканом пылающей вдохновением души дипломата и поэта!

«Ингушетия»...

Кавказ Северный и Южный — самобытный седой мудрый край.

Свою многоцветную трилогию «Кавказ», под магическое обаяние которой попали как маститые критики, писатели, так и неискушённые в новациях литературы рядовые читатели, писатель Александр Костюнин завершает повествованием — «Ингушетия».

Моя неприлично долгая жизнь в поэзии и литературоведении сложилась так, что довелось сотрудничать, дружить со многими видными, знаковыми поэтами и писателями современности: в должности советника и редактора печатных органов Международного Сообщества Писательских Союзов МСПС я занимался организационно-творческими вопросами укрепления традиционных гуманитарных связей между народами Южного и Северного Кавказа на обширном постсоветском культурном пространстве. С Ингушетией меня породнили и родственные отношения: моя покойная горячо любимая жена появилась на свет в грозном 1937 году не где-нибудь, а в столице Чечено-Ингушской Республики городе Грозном... Будучи рождённым в легендарном интернациональном городе Тифлисе (ныне столица Грузии Тбилиси), я переводил на русский язык и редактировал книги стихов не только с грузинского, но и с армянского, курдского, осетинского, лакского, табасаранского, кумыкского, аварского, даргинского, азербайджанского, абхазского, ингушского, чеченского, кабардинского, балкарского и с других языков Закавказья и Северного Кавказа, где, как говорится, в каждом ущелье свой язык.

Особенно доверительные отношения сложились у меня с Расулом Гамзатовым и Саидом Чахкиевым, последнюю прижизненную книгу которого «Суть» я перевёл и редактировал в 2008

году. Позволю себе привести здесь дарственную надпись автора на книге: «Глану Онаняну — моему старшему брату, добрейшей светлой души человеку, выдающемуся поэту современности и несравненному переводчику — с пожеланием здоровья, вдохновенья и счастья! 19.04.2008г, Саид Чахкиев».

Я с энтузиазмом воспринял известие о том, что мой давний друг и ученик, выдающийся писатель, фотохудожник и заядлый путешественник Александр Костюнин написал новую книгу. Обладая незаурядным личным мужеством и ненасытной любознательностью, этот автор всеми правдами и неправдами проникает в самые «горячие точки» нашей вздыбленной планеты, обогатив духовный мир читателя энциклопедически насыщенными и эмоционально заразительными книгами о Дагестане и Абхазии. Я рад и горд тем, что имел самое непосредственное отношение к знаковым творениям Александра Костюнина, выступая в них как редактор и автор предисловий. А вот теперь — повествование о Стране Башен — Ингушетии.

Меня особенно порадовало и воодушевило то обстоятельство, что книга моего друга посвящена именно вайнахам, вокруг самобытной горской культуры которых, в общественном сознании, сложилось столько пугающих обывателя мифов и легенд... Как раз такие книги, как «Ингушетия», и призваны с гуманистических позиций толерантности развеять пропагандистский туман инвектив, выявить и выдвинуть на передний план общечеловеческие ценности, не разъединяющие, а сближающие людей разного исторического опыта, общественного уклада, образовательного ценза и конфессиональной принадлежности!

Будь на то моя воля, я бы давно *Honoris causa* присвоил Костюнину учёную степень доктора географических наук по совокупности его великолепных книг. И повторюсь... Опираясь на свой более чем полувековой профессиональный опыт литературного критика и редактора, я готов здесь и сейчас ответственно заявить во всеуслышание: в лице Костюнина русская литература обрела ныне новое измерение, новое дыхание, новую ипостась!

Глан Онанян

Заслуженный работник культуры России,
Кавалер орденов Почёта и Чести,
Доктор философских наук

К читателям

*«С зоной ведь так: с хабаром вернулся — чудо,
живой вернулся — удача, патрульная пуля мимо —
везенье, а всё остальное — судьба...»*

**Борис и Аркадий Стругацкие,
«Пикник на обочине»**

Кавказ.

Кавказ былинный Северный и Южный.

Кавказ ветхозаветный, самобытный, нерафинированный.

Семь лет мне понадобилось, чтобы обойти три самых ярких региона: Дагестан, Абхазию, Ингушетию, собрать неподъёмный безбрежный материал, осмыслить его, сжать до человецы-пристойных размеров и создать бытописание. За спиной тысячи встреч с интереснейшими людьми, записи бесед, измеряемые не часами — неделями и гигабайтами, десятки тысяч снимков — фото-архив, которому позавидует любое информационное агентство, тысячи тысяч километров на автомобиле, верхом, пешком по просёлочным дорогам и горным тропам, серпантинам и перевалам. Семь лет безостановочной кропотливой работы наяву и во сне...

Семь лет, как один миг.

В это трудно поверить, но встречаются люди, которые убеждены: «не нужно изучать Кавказ, туда и ехать-то никто не собирается».

Граждане, не спите на ходу! Потеряетесь!!!

Вы туда можете и не ехать... Кавказ сам давно с пожитками перебрался на вашу улицу, в ваш дом, на вашу лестничную площадку. А ещё Кавказ — бездонная кладезь легенд, притч, мудрости. Познакомьтесь с Кавказом, не пожалеете.

Только, чур! сперва прочитайте мою работу — потом судите.

Не скрою, отзывы порой звучат непримиримо-резкие, взаимоисключающие: от обвинений в предательстве «русских ценностей, русского народа, веры православной» с одной стороны — до упрёков в попытке «запятнать солнцеликий, лучезарный образ горцев». Однако это — полюса. Подавляющее большинство читателей горячо поддержали мою этнографическую работу, отозвались сердечными, положительными откликами. Желая узнать истинное отношение народа к своему творчеству, в Ингушетии я решился на плебисцит — попросил высказаться прямо: книга стоит того, чтобы её читать или нет? Количество бюллетеней с утвердительным мнением «Да» — измерялось сотнями, «Нет» — единицами.

— Проводить голосование по книге «Ингушетия» — всё равно, что спрашивать: нужен ли нам свежий воздух? — изумился Казбек Измайлов из предгорного села Мужичи.

Широкая поддержка читателей, наряду с подмогой светской власти, — Правительства Российской Федерации в организации самих поездок, — укрепляло мои творческие силы. Опорой служили и слова Дмитрия Сергеевича Лихачёва. В «Заметках о русской литературе» он писал: «Может ли развиваться зерно в стакане дистиллированной воды? Может! Но — пока не иссякнут собственные силы зерна, затем растение очень быстро погибает. ...Одно перечисление народов, входивших с нами в соприкосновение, говорит о мощи и самостоятельности русской культуры, умевшей заимствовать многое у них и остаться самой собой». Поиск новых источников державного роста России, неоткрытых, преданных забвению, незадействованных ныне, побуждал идти вперёд. А главную силу мне, человеку православному, придало благословение.

В Калужской области в монастыре святого Пафнутия несёт служение Господу схиархимандрит Власий (Власий Перегонцев), один из немногих сегодня старцев. Со всех концов

земли верующие свершают паломнический путь в Боровской монастырь к отцу Власию, дабы получить благословение и совет. Перед поездкой на Кавказ побывал у святого старца и я. Схиархимандрит поддержал идею рассказать об этом таинственном, загадочно-мистическом регионе планеты, благословил мою писательскую деятельность и подарил в помощь икону Казанской Божьей Матери.

Мои хождения — не жидкий ручеек воспоминаний, не слащавый привет с телевизионного ток-шоу жителям родной деревни, не усыпляющее лёгкое чтиво. Это — бурный поток с искорёженными обломками XX века, фрагментами людских судеб, обрывками фото, слезами, «человеческими черепами, застывшими в широкой добродушной улыбке...» Я, большей частью, слушаю и подмечаю. На страницах предоставлено слово самим кавказским народам. По жанру текст ближе к стенограмме встреч, бытописанию, путевым заметкам.

А по существу — боль.

По существу — сель.

Сель...

Прислушайтесь к грохоту его.

Сель — как литературный жанр.

Ну, с Богом!

*

Москва, 25 августа 2016 года,

Ваш Александр Костюнин

Содержание

Дагестан:

- На посошок
- Соцветие Дагестан (Ахи)
- Дагестанский язык
- Поезд «Москва — Махачкала»
- Дембель
- Начало пути
- Поводырь (Хабар директора музыкальной школы)
- Болезнь под названием «Дербент»
- Династия педагогических пророков
- Обряд примирения «маслиат»
- Урок географии (Хабар начальника УГРО)
- Оставляя на земле след (Хабарик)
- Солнце и Луна
- Исповедь
- Время — возродить! (Малумат)
- Белая птица (Хабар режиссёра народного театра)
- Азан
- Лезгинка (Гимн)
- Когда кабан выходит на сопку
- Фигурант
- Беседка Шамиля
- Осторожно: дикий камень!
- Узелки дагестанского ковра (Хабар Мугутдина)
- Ивановны
- Расстрелянные встречи
- Руслан Керимханов
- Пехлеван-канатоходец
- Дорожные адаты
- Творческий псевдоним «Тажидин Юхвари»
- Глава Республики Дагестан
- Рекрутские адаты
- Рафик-Смерть (Хабар владельца футбольного клуба «Леки»)
- Служение свету
- Дорога из Чароды
- Россия и Дагестан?
- 8 марта в Дагестане
- День Победы
- Чтоб нескучно (Хабар от Хадижат)
- Праздник первой борозды
- Настоятель храма
- Бег (Жаркий хабар Светланы Русь)
- Чёрная королева (Хабар о прекрасной шахматистке)
- Кавказские пленницы
- Воля народа (Хабар Магди Омарова)
- Рейд
- Нет у революции конца!
- Кубачи
- Знахари
- Заимка
- Магомед-легенда
- Новые ориентиры
- Заговор (Хабар Керимхана)
- Вольная борьба

- Наши нравы
- Кровная месть
- Душа души
- Восточный базар
- Долгожители
- «Горцы от ума» (Хабар Эльдара Иразиева)
- Чужая земля
- Энгимеши
- Наше будущее
- Воспитание
- Община
- Тамада
- День рождения
- Вместо послесловия
- Словарь

*

Абхазия: война и мир

- Наказ
- Экскурс в историю
- Начало маршрута

Война

- Да будет кровь!
- Они сражались за Родину:
 - Джамал Шуген и Гурам Габечия
 - Вячеслав Вардания
 - Чёрный капитан
 - Лаврентий Миквабия
 - Славик Квеквескири
 - Беслан Ахуба
 - Мзия Квициния
 - Роман Осия
 - Леонтий Берулава и Отар Ломя
 - Валерий Авидзба
 - Вячеслав Сакания
 - Игорь Герзмава
 - Жужуна Салакая
 - Валентина Дзидзария
 - Мираб Кишмария
 - Нугзар Салакая
- Победа
- Когда пушки молчат

Мир до войны

- Абхазия превыше всего
- Сладкое слово «свобода»
- Три гвоздя
- Рыба-лоцман
- Да здравствуют гёзы!

Мир после войны

- Открытый путь
- Гостеприимство

- Апсуара
- Символы Абхазии
- Отцы и дети
- Этикет
- Правила абхазского дорожного движения
- Язык
- Недобитые
- Создатели матрицы времени
- Тыл первого Президента
- На идеологическом фронте
- Как я искал в Абхазии юмор
- Мужское братство
- Природа
- Вера
- Надежда
- Любовь
- 08.08.08
- Соседей не выбирают
- Душа земли
- Искусство «Быть»
- Война и Мир
- Грузия
- Словарь
- Абхазский алфавит

*

Ингушетия:

- Плацкарта (Хабар)
- Первое слово на ингушском (Хабар)
- Махмуд (Хабар)
- Свадьба сына Солнца (Хабар)
- Письмо (Хабарик)
- MMS из прошлого (Малумат)
- «И дики тех ущелий племена...» (Хабар)
- Народные промыслы (Хабарик)
- Птицы небесные (Ахи)
- Философия ингушского языка (Хабар)
- 23 февраля (Хабар)
- Великая Отечественная (Хабар)
- Исход первый (Малумат)
- Исход второй (Малумат)
- Исход несбывшийся (Малумат)
- Обратный отсчёт (Малумат)
- Советская власть (Хабарик)
- Художественная школа (Ахи)
- Родина Камасутры (Ахи)
- Право служить (Хабар)
- Ослушник (Хабар)
- Махмуд зажигает
- Исса (Хабар)
- Ингушский язык (Малумат)
- Я верю в человека! (Ахи)
- Государство Эздел (Хабар)
- Мама (Хабарик)
- Мат в несколько ходов (Малумат)
- Антихиджаб №1 (Хабарик)
- Мудрость, возведённая в ранг (Хабар)
- Абреки (Малумат)

- Вор (Хабарик)
- Махмуд зажигает
- Поправка к «сухому закону» (Хабар)
- Проспект отца (Хабар)
- Махмуд зажигает
- Муж учительницы (Хабар)
- Корреспондент «Интерфакса» (Хабар)
- Ужас-Бек (Малумат)
- Умористы (Хабарик)
- Свадьба (Малумат)
- Сваха (Хабар)
- Устаз вольной борьбы (Хабар)
- Два клика (Ахи)
- Войны Империй (Хабар)
- О, спорт, ты — мир! (Хабарик)
- Россия (Малумат)
- Вера (Малумат)
- Сплав «МЫ» (Хабарик)
- Символы Ингушетии (Малумат)
- Матрица (Ахи)
- Заключение
- Словарь

*

Дагестан

Текст с фото в формате PDF размещён на авторском сайте: kostjunin.ru
(Раздел «Произведения»)

Посвящается Шейх-устазу Саиду-Афанди,
погибшему от рук террористов

Сразу скажу: Дагестан сделался для меня второй родиной. Посему девизом к рукописи я избрал наказ древних летописцу:

Sine ira et studio
Без гнева и пристрастия!

Название — нейтральное, воистину беспристрастное: «Дагестан». Хотя сдержать свои чувства едва ли получится. Я именно страстно!.. влюбился в этот край!

Книга для писателя — дальняя, неведомая дорога... А по неписаной русской традиции, перед дальней дорожкой полагается непременно присесть. (Если сорваться сразу, смаху, пути не будет.)
Не стану нарушать.

...

Ну, тронем коня...

*

Книга написана на дагестанском языке.

На посошок

*Вичин далдамдин гъиляй масадан
зурнедин ван къвезвач (лезг.) (Из-за своей
барабанной дроби звуков чужой зурны не
слышно).*

В две тысячи десятом году я отправился на юг страны, а попал на самый что ни на есть Восток. В Дагестан! Совершил, как и мой тёзка Шурик, главный герой фильма «Кавказская пленница», увлекательную этнографическую экспедицию.

— *Понятно. Нефть ищете?*

— *Не совсем... Я ишу фольклор. Буду у вас записывать старинные сказки, легенды, тосты.*

И я тоже искал фольклор, записывал легенды, тосты... заодно поднимал их.

В пути много фотографировал, в итоге накопился изрядный материал. По горячим впечатлениям написал несколько рассказов, очерков, но когда обработал весь благоприобретённый лингвистический массив, стало понятно: может... должна получиться книга.

Справлюсь ли?

Не хочется походить на бодливого самоуверенного барана, чьи рога застряли в стене.

«Это невозможно!» — усмехнулось Злословие. «Безрассудно!» — подтвердил Опыт. «Бесполезно!» — отрезал Авторитет. Мечта шепнула: «Попробуй!..»

И теперь, раз взялся за гуж, это уже не просто «творческая прихоть». Нет. Автор видит в том исполнение своего земного предназначения и долга. Долга перед многими-многими людьми, что помогали в поездке, долга перед читателями, кои давно ждут от меня этой книги, долга пред Саидом-Афанди...

Я подсчитал, оказывается, пятый год идёт с момента, как отправился на Северный Кавказ... (Время летит!) А кажется, вчера. За эти годы много событий произошло в Дагестане. И тяжёлых... И трагичных. Всё никак не могу поверить, что список абонентов в моём телефонном блокноте сокращается по причине убийств. Дико, несуразно... Сейчас жизнь в республике, усилиями трудолюбивых отважных горцев, стараниями всей страны, налаживается, превращаясь в райский сад. Однако историю предавать забвенью нельзя. По словам Великого Расула Гамзатова: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Моя книга — слепок с того сложного, трагично-непредсказуемого времени, некий его исторический срез, попытка передать колорит, настроение, дух. Сказочный дух уникального кусочка планеты под названием Дагестан.

Для меня Дагестан — многоцветная палитра знаков и символов! Одни точно отражают внутреннюю суть Страны гор, другие по ошибке укоренились в сознании россиян под влиянием лживых слухов. Хочу на страницах этой выстраданной мной книги публично возвеличить истинную правду и развенчать лукавую ложь.

Итак, символы Дагестана:

Расул Гамзатов; имам Шамиль; Саид-Афанди; бурка; папах; кинжал; рог для вина; мучал; шашлык; хинкал; буза; абрикосы; брынза; сушёное мясо; урбеч; мёд; «Денеб», ислам; ураза; азан; кровная месть; махач; обряд свадебный; кража невесты; обряд похоронный; маслиат; чабан; абрек; ашуг; канатоходец; тамада; вольная борьба; ваххабит; «Горцы от ума»; гвай; дорожные адаты; рекрутские адаты; лезгинка; садака; кунак; гостеприимство; намус; гончарное дело; ковроткачество; селение Кубачи; восточный базар; кизяки; водяная мельница; мусульманское кладбище; аул; сакля; корова; осёл; орёл; конь; бык; баран; осётр; гюрза; солнце; горы;

Каспийское море; горные реки; водопады; оползни; Праздник первой борозды; «8 марта»; День Победы; Ураза-байрам; Курбан-байрам...

P. S.

Вася, сосед, каждый раз при встрече язвительно интересуется:
— Всё про своих моджахедов пишешь? «Ребятам о зверятах»?!

Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы [1].

— Эх!.. Вася, Вася...

Считаю обязанностью покаянно извиниться перед дагестанцами, своими названными братьями, за обидные слова единоверцев. Как открыть сердца людей, как развернуть к истине? Многие ошибочно считают, раз дагестанцы говорят с акцентом, то и думают с акцентом. Спорить с Васей бесполезно, лучше напишу книгу, дам прочитать. И пусть другие тоже прочтут, кто действительно хочет познакомиться с самобытным, гордым, мудрым, отважным, гостеприимным и весёлым народом Солнечного края.

С Дагестаном, ставшим мне второй родиной.

Примечания:

[1] «Бармалей» К. И. Чуковский;

*

Соцветие Дагестан

Ахи [1]

*Путник, если ты обойдёшь мой дом,
Град и гром на тебя, град и гром!
Гость, если будешь сакле моей не рад,
Гром и град на меня, гром и град!*

Надпись на дверях [2]

Вот и завершилось моё странствие по Дагестану.

Я перебираю чётки, подаренные Керимханом, и вспоминаю, вспоминаю...

Каждое звено, каждая бусинка — ещё один аул, ещё одна гостеприимная сакля, ещё одна встреча на годекане [3]. В облачении дервиша я обошёл все сорок два дагестанских района и, поставив точку, ритуально сжёг обветшавшее одеяние во дворе Мугутдина за день до отъезда...

У горцев есть пословица: «Из одного цветка и змея добывает свой яд, и пчела — мёд». Соцветие Дагестан — это духовное богатство и самобытность более тридцати народов, культур, это благоухающий букет природы, языков, конфессий... На соцветии под названием Дагестан я кропотливо собирал мёд. Если бы вы знали, сколько мудрых людей повстречал на своём пути, сколько песен, легенд, исповедальных хабаров [5] услышал, сколько появилось у меня на родине Расула Гамзатова кунаков... Свои опусы в дальнейшем я решил так и пометить — «хабары». Слово в них предоставлено речистым горцам, искусникам и ревнителям родного языка, настоящим патриотам отчизны, которые поведали об уникальном крае с гордостью, с улыбкой, надеждой и верой в лучшее. А иногда с тревогой, грустью и даже горечью... (Настоящий мёд, как и правда, — всегда с горчинкой!) Моя миссия — восстановить их думы и аккуратно, точно дьяк посольского приказа, записать, донести до читателей. Ничего не упустив, не перепутав.

И вдруг озарило: подобная поездка — чудо! Великое чудо, откровение, подарок.

Всевышнему баркалла! [6]

Прошла неделя, как я оставил своё сердце там, в горах, и чувство восторга потихоньку вытесняет грусть. Приехать в Страну Гор легко, покинуть её невозможно... Едва расставшись, скучаю по своим названным братьям, скучаю по Дагестану. (Впору об этом возвещать азаном [7], точно муэдзин с минарета [8].) Друзья, родственники не могут понять, принять, когда в качестве приветствия я, по привычке, произношу:

— Ассалам алейкум! [9]

Прошла всего одна неделя, что же будет дальше?

И ещё: эту поездку я воспринимаю как ответственное и обязательное поручение Свыше...

Если черпать информацию из СМИ, в Дагестане уже давно не осталось камня на камне. Когда только прибыл в Махачкалу, супруга дозвонилась по мобильнику и с тревогой спросила: «Сильно ли разрушен город?» Вернулся в Карелию, на свою малую родину, отправляю книги кунакам, работница почты интересуется: «Дагестан — это Россия?» Вася любопытствовал: «А деньги там какие? Как у нас?»

Да, несомненно, поведать о Дагестане — моя миссия. Рассказать всем, кому это интересно.

Для начала пооткровенничаю с женой: «В Махачкале разрушения случаются... Разрушения ветхого фонда, потому как город строится и хорошеет на глазах». И в доказательство предъявлю фотоснимки. Проведу разъяснительную работу в отделении связи и раскрою им великую тайну: «Дагестан почти два века находится в составе России». Васе непременно покажу деньги, которые там в ходу... Я извернусь убедить маловеров, что Дагестан, Пакистан и Афганистан — не одна и та

же страна. К этой работе, неподъёмной, ответственной и одновременно увлекательной — уже приступил. Но торопливость в таких делах — помощник плохой. Как утверждает легендарный Шамиль из Хунзаха: «Аллах не любит спешки в важных делах!»

Вот несколько ячеек медовых сот...

Основа каждого государства, любого общества, первичная ячейка народа — семья. Это самая бесконечная, непреходящая ценность человечества. Но что мы видим? Страны, достигшие небывалых, бесспорных, невиданных-слыханных высот в построении демократии и экономики, в вопросах семьи почему-то оказались отсталыми. Да, лозунги красивые, но по сути самой семьи-то нет. Права мужа — отдельно, права жены — отдельно, права ребёнка — отдельно. Не дай Бог, мать скажет: «Я тебя пожурю!» или «Отшлёпаю!» — ребёнка забирают в приют, мать — в тюрьму. И считается, что это общество наилучшее. Цивилизованное.

Демократические преобразования приводят к тому, что право личности становится выше прав общества. Великолепные достижения! Европа заплатила за них высокую цену — кровью. Но в итоге семьи-то нет! Европа как раз и вырождается именно потому. (Подсчитано: если у родителей по одному ребёнку, генофонд общества погибает через сто пятьдесят лет.) Они будут вынуждены вернуться назад и укреплять устои семьи. Или европейские народы растворятся, исчезнут совсем, как утопический проект. Отомрут, как высохшая, неспособная к плодоношению ветвь яблони. Совсем другое дело российский Восток. Сегодня в Дагестане слово старшего — авторитетней суда юридического. Решение отца для детей — высший вердикт. Да, в Дагестане несколько фривольно относятся к соблюдению законов, но здесь есть нечто более важное... Здесь семейные и общественные ценности. Вековые традиции! Адааты!!! [10]

Президент Магомедсалам Магомедов стремился навести порядок в республике, искоренить взяточничество. Светские методы борьбы отторгаются джамаатом... [11] Однако в исламе существует неписаное правило: если мусульманин поклянется на Коране и нарушит клятву, то Аллах накарает клятвоотступника, его близких. Причём не важно: верите вы в это или нет, проклятие действует даже на атеистов-кафириров. Шейх-устазу [12] Саиду-Афанди из села Старый Чиркей я высказал идею: «Может, перестать выяснять, кто брал взятки, кто не брал. Пусть каждый чиновник в присутствии духовного лица поклянется на Коране, что не примет мзду с сегодняшнего дня». Саид-Афанди аль-Чиркави идею горячо поддержал, однако выразил сомнение, что власть пойдёт на это...

Не скрою, пользуясь редким случаем, я обратился к святому старцу и с личной просьбой... Нет, я просил не золота и должностей, не жизни вечной...

— Помогите написать книгу о Дагестане. Лучшую!

Он обещал.

Адааты в Дагестане имеют огромную силу.

Горцы хорошо знают, как встречать гостей, как провожать. Что должно быть впереди, что сзади. Дети знают место своё, родители — своё, дедушки-бабушки — своё. А вся Европа испуганно гордится социальными отстойниками — «хоспис» именуется: «Полюбуйтесь, какой заботой мы окружили стариков!» В Америке информируют великовозрастных детей: «Ваша мать умерла. Какие будут распоряжения?» «Похороните, расходы оплачу». И это всё! Всё, на что готовы дети. Мне кажется, это страшно...

На Востоке избавляться от собственных родителей не принято. Это считается предательством и строго запрещено. Харам [13]! Сын, который взял на себя такой грех — проклят тухумом [14]. Упрёк-вопрос: «Ях-намус? [15]» — стеганёт по лицу большей плети. В Европе всю процедуру погребения норвят обстригать тихохонько: не дай Бог ненароком омрачить, потревожить соседей. Стараются, чтобы человек ушёл из жизни максимально незаметно.

В Дагестане всё откладывают, идут хоронить.

В Дагестане — другие ценности.

Майор погранвойск Игорь Сергеевич.

Отслужил в Дагестане двенадцать лет, получил повышение, переводится на новое место службы — Выборг, Российско-Финляндская граница. Я присутствовал на щедрой отвальной... Познакомились: родом из Нижнего Новгорода, там отец, мать, сестра...

Разговорились по душам:

— Не поверишь... Сижу в питерском ресторане с генералами... Принесли счёт. Каждый в уме прикидывает и расплачивается только за се-е-бя!.. Ума не приложу, как буду жить с этими «урусами»?!

— Игорь, а сам-то ты кто?!

— Я-то... чернож...пый!!!

Да, на Востоке не всё идеально. Было бы просто неумно идеализировать Восток. Если существуют какие-то успехи, преимущества, разумеется, чего-то не достаёт (замечено и доказано ещё нашим Ломоносовым). То же самое в Европе с Америкой, где достигнут пик социально-экономических преобразований... В силу физики-математики: где-то — густо, где-то — пусто. И закон компенсации гласит: «Если одна нога короче, вторая обязательно длиннее!»

Я думаю, что знаю, чего не хватает в Европе с Америкой...

Там нет искренности.

Там нет душевной теплоты, какую встретил в Дагестане.

Там и богатство — не баракат [16].

Там все, улыбаясь, интересуются: «How are you?» Но, не дай Бог, ты остановишься и начнёшь рассказывать, как именно ты «хаваешь»... Никто и слушать не будет. Мало того, все сочтут: «Сумасшедший!» Английский вопрос «How are you?» (Как поживаете?) предполагает практически только один ответ: «Fine, thank you!» (Спасибо, хорошо). Галина Волчек, известный режиссёр московского театра «Современник», рассказывала, как, находясь в Америке, она провела своеобразный эксперимент. На вопрос «How are you?» Поспешно выпалила: «У меня муж утопился». На что услышала обычное: «Рада слышать». [17] К сожалению, цивилизация убивает прямодушие и теплоту. Чем больше мы стремимся к цивилизации, тратим усилий, домогаясь благ её, тем сильнее теряем Человека в себе. Сейчас-то я точно знаю: самые открытые люди живут в горах. В горской сакле нет «джакузи», удобства — на улице, но зато теплее, искреннее на свете людей не сыскать.

Это истинная правда!

Это так.

Моя малая родина — Карелия, вера — православная. (Родинки не смоешь.) Но это не должно мешать слышать других людей, другие народы. Как говорит Гамзат из селения Леваша: «Я привык спать на левом боку, но тот, кто спит на спине, мне не враг!» Ныне произошло смещение понятий. Когда призывают к толерантности, политкорректности, диалогу цивилизаций, то в реальности одна цивилизация только делает вид, что пытается, якобы, понять другую. Не нужно понимать! Вникать нужно, изучать нужно.

Любить надо её!

Прошла неделя, как уехал из Дагестана...

И тоска, вселенская тоска... охватывает, когда понимаю, что с людьми, ставшими дорогими, не могу свидеться, когда захочу. Они запали в душу мою, заняли там особое место: Мугутдин из Дербента, Майрудин из села Касумкент, Демир из села Ахты, Керимхан из Докузпаринского района, Камиль и Али из Хивского района...

Я перебираю чётки-имена...

...Масан из Кураха, Рашид из села Кули, Юсуп из Кумуха, легендарный Шамиль из Хунзаха, Гапар из села Хебда, Магомед из села Генух, Мухтар из Казбековского района, Мурад из

Терекли-Мектеб, Магомед из Кизилюрта, Сайгидпаша из Хасавюрта, Гамзат и Арслан из села Леваши, Сабир из Дербента...

Это те соцветия Страны языков, которые даровали мне нектар.

Солнечный нектар мыслей, чувств... нектар слов.

Остаётся теперь превратить его в мёд и вернуть людям.

Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! [18]

Или попросту — киндерсах!

Примечания:

[1] Ахи (собств.) — жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлёстывают эмоции исключительно восторженные;

[2] Расул Гамзатов;

[3] Годакан — центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода;

[4] Здесь и далее: если не указана фамилия фотографа — автор я;

[5] Хабар — рассказ, молва, слух;

[6] Баркалла — спасибо (аварск.);

[7] Азán (араб.) — в исламе призыв к молитве;

[8] Муэдзин — читающий азан;

[9] Ассаламу алейкум! (араб. — мир Вам; дословно: мир на Вас) — исламское приветствие;

[10] Адат (от араб. — обычай, привычки) — у тюркских и ряда других народов — обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникший и существовавший у этих народов в доисламский период;

[11] Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;

[12] Устаз — наследник Пророка, учитель.

[13] Харам (араб.) — в шариате запретные действия;

[14] Тухум — родственная группа у народов Кавказа;

[15] Ях-намус? — Совесть есть?;

[16] Баракат — (араб.) — «благодать, небесный дар». С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат — это Божественная тайна. Баракат — это прибавление и дополнение.

[17] А. В. Павловская. Как делать бизнес в России. Путеводитель для деловых людей.;

[18] Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! — тост соответственно на лакском, даргинском и аварском языках с пожеланиями здоровья и всего хорошего.

*

Дагестанский язык

— Ты уразу держишь? [1]
— Да.
— На каком языке?

NN

В арабском языке «словарь» и «океан» обозначены одним словом. [2] Все основания для того есть... И очень важно выбрать крепкую, ладную шхуну, которой нипочём девятый вал, шквалистый ветер; которая с уверенностью может пересечь любой океан, словарный в том числе. Какой язык выбрать для рассказа о Дагестане? Аварец, не раздумывая, предложит аварский, кумык будет всячески ратовать за кумыкский, даргинец станет запальчиво перечислять достоинства своего, родного, даргинского языка... Рутульцы, ногайцы, лезгины, азербайджанцы, бежтинцы... У тех — свои. В Дагестане чуть не в каждом ауле, ежели не особый язык, то уникальное наречие... Мало того, у аварцев, плюс ко всему, ещё традиционно сложился «бол мацI» — «язык войска», на котором они общались между собой во время боевых походов.

Дагестан — Гора языков! Ветхозаветное предание гласит: когда Всевышний нёс по небу хурджин с языками, чтобы раздать людям поровну, то зацепился за вершину скалы в Дагестане, хурджин порвался, и языки высыпались щедрой горстью. Поэтому их так много в этом уголке земного шара. А ещё на протяжении веков дагестанцы сменили несколько систем письма: клинопись, «хазарское письмо», «гуннское письмо», затем использовался арабский алфавит, потом его перевели в соответствии с кавказским произношением — получился «аджам», позже «латиница», и, наконец, остановились на «кириллице». Несколько раз делались попытки найти единый ключ к пониманию, одну языковую систему координат. В итоге языком межнациональным, языком политики, литературы, любви, дагестанским языком — стал русский. Сохранив на небе звёзды, горцы выбрали себе единое солнце. Вот на этом дагестанском языке и решил я писать об удивительной Стране Гор.

— Раз! Два! Три! Как слышите меня? Приём! Как понимаете? — проверка связи.

Ну, раз понимаете, — поехали! Впереди нас ждёт много интересного, парадоксального...

Новое поколение горцев выросло уже на русском, в школах учили на нём. Что касается разговорной русской речи, сленг практически отсутствует. Русский язык учили как иностранный, на лучших литературных образцах, по первоисточникам неискажённым — «академический вариант». (Не раз данное обстоятельство заставляло меня врасплох: кунаки начинали страницами декламировать Пушкина, Лермонтова, водитель маршрутки в Махачкале, походя, завернул фразу из Фонвизина...) Мой знакомый, Мухаммед из Гуниба, заканчивал МАИ в Москве. Приёмная комиссия на экзамене по электромеханике, получив его работу, попросила прямо при них написать несколько букв, сверяла почерк. Думали, писали за него. Молодой человек ведь из Дагестана, а почерк каллиграфический и... вызывающе грамотно.

А вот единых терминов, названий населённых пунктов в Дагестане не существует. Даже в официальной переписке! Каждый чиновник, народом избранный, руководитель сельской и тем паче районной администрации придаёт названию села, природным явлениям, утвари — всему! — звучание, ласкающее слух именно его тухума... (Шпионам там делать нечего, обучить их невозможно, они сразу себя выдадут!)

Родом я из Карелии, из прекрасного уголка на Северо-Западе России, дивного края лесов, озёр, скал, рек и водопадов. Родным языком моей матери явился язык карельский. Однако в советские времена запрещали общаться на нём. Да, именно запрещали... Даже между собой. Даже в повседневной жизни. Сначала просто делали замечание, потом брали наивного говоруна на заметку, и маленький, неброский ярлычок «националист» портил человеку карьеру и саму жизнь. Ладно, язык... Настоятельно отговаривали при получении паспорта указывать какую-нибудь

национальность, кроме «русский». Со мной тётенька-инспектор терпеливо беседовала, объясняла, что записать «русский» будет правильной, полезней. Она дважды заворачивала мою анкету вместе со мной, отправляла домой «хорошенько подумать, посоветоваться с родителями», доверительно поглаживала по плечу... Я столь же деликатно, уважительно, так же мягко настоял на своём, и в графе национальность записал «карел», хотя мой отец чистокровный русак, волжанин... Почему? Непростой вопрос. Карелы — вымирающий народ (к этому государство приложило немало сил). А меня, как и всех русских, возмущает несправедливость... У нас обострённое, более тонкое чувство справедливости от природы (это не «плюс», не «минус», особенность такая). Возможно, для того, чтобы отдать свой голос в защиту слабого, эдак и поступил. (Сейчас так думаю, а в шестнадцать лет думать нечем.) У моей жены ситуация проще: мама латышка, отец карел, она, естественно, по паспорту... русская. Вот такая арифметика...

Я просто счастлив, что времена сменились.

Сегодня никого не интересует, кто ты по национальности — даже графы в паспорте нет. Изучай свободно любой язык... (Ежегодно 21 февраля по инициативе ЮНЕСКО отмечается Международный день родного языка.) У нас теперь карельский преподают аж в двух школах!

Когда повзрослел, я начал больше, системней читать, и открыл интересную особенность: языки, расы, народы, вера изменяются не только и не столько под воздействием властного «хочу-нехочу». В мире существуют таинственные, более могучие тектонические силы. Глобальные изменения под воздействием их заметны лишь на срезе веков. И, самое интересное, бесполезно искать, кому эти новшества на руку. (По секрету скажу, никто не рад — ни те, кто вынужден покидать родину, ни те, кто встречает гостей: «Понаехали!»)

Тост от Гасана из Рутула:

— Давай выпьем за чистую Маскву! Чтобы всех вигнали: грузинов, азигов, армян, дагов, чеченов... Чтобы асталысь толко ми — русские!..

Отчего так происходит? Загадка.

В Ветхом Завете сказано, что когда-то была одна вера, один язык, один народ... Люди плодились, множились, самоуверенность их росла, и однажды они решили в граде Вавилоне построить башню до неба, дабы не зависеть больше от козней Бога с его потопом. Люди возомнили, будто могут стать равными Богу... Господь наказал самонадеянных, неблагодарных людей. Он разрушил башню, рассеял людей по свету, разделил их языками, национальностями, вероисповеданием, цветом кожи, чтоб они перестали понимать друг друга и никогда больше не могли объединиться в худых замыслах против него.

Однако, похоже, процесс начал раскручиваться в обратную сторону.

По данным ЮНЕСКО, в мире около 7000 языков. И в среднем исчезает по одному языку в два дня. Пройдёт ещё лет пятьдесят и...

Ремейк

*— Теперь варяги повсюду.
— Не будет их.
— ...Куда денутся?
— Все станем гражданами мира.*

Из разговора на кухне

Наполовину я — москвич,
Лишь краешком — карельский внедорожник,
Так представляюсь в свете.
И редко добавляю «Викторович».
О малой родине, увы,
Теперь немодно вспоминать
И заявлять причастность к ней публично...
А уж тем паче неэтично

Прямую кровность подмечать.
Да, видно по всему, идёт народ
К чему-то среднему —
Утряскам и усушкам...
В смятенье хочется сказать мне не «идёт»,
А... «идиот» куда-то.
Не сладен кажется
Тот даже не коктейль, а взвесь
Несовместимых прежде гредиентов.
Однако кушать — всем.

И то — не наш каприз!
Ведь даже *за* морем,
Где правил Ку-клукс-клан,
Повторно вызывается на бис,
И верховодит всеми «загорельй».
Границы неизбывные стирают
Повсюду на земле,
Во всех пределах.
Так скоро я по цвету отличусь
На родине своей.
Едва ли дело...

Похоже, языки, окрас и вера,
Свалившись со стремянки Вавилонской,
Распались в пыль в дни оны
Не навек.
Сбиваясь вновь!
В один скипают сплав,
Собой, помимо воли, образуя
Вселенский столп Богославленья...

И крутит Режиссёр кино назад
Себе в потеху,
Нам на изумленья.

Что-то похожее уже начиналось в СССР. Партийные вожди пытались смешать национальности, сформировав единую общность «советский народ».

- *Кем был Адам?*
- *Советским человеком.*
- *Почему?..*
- *Только советский может разгуливать без штанов и считать, что он в раю.*

А откуда все звёзды не переплавились в одну луницу, мне захотелось попасть в российский Вавилон — край языков, национальностей, легенд, преданий, адатов и мудрости — в Дагестан. Я шагнул за порог своего дома не столько мир посмотреть, себя показать — познать себя. В чужом доме побывать — в своём гнилое бревно увидеть.

Для того дорога и дана, / Чтоб души вниманье не дремало.
Человеку важно знать немало, / Оттого дорога и длинна.
Человеку важно знать свой дом. / Весь свой дом, а не один свой угол [3].

Языки, языки...

Завидую полиглотам, преклоняюсь пред знатоками.

А ведь каждый дагестанец свободно владеет двумя-тремя. Следовательно, для них и свой многослойней, ёмче. Как бы я хотел... В школе, начиная с пятого класса, изучал, штудировал, зубрил, грыз английский. В итоге: «карандаш — э пенсил, парта — дэск, девушка — чувиха».

Если б не фильм «Джентльмены удачи», даже этого бы не знал. Нас учили так, чтобы оказавшись во вражеском плену, мы ничего не могли выдать даже под пытками. А ездить за границу на танке — иностранный не нужен. Про изучение карельского я рассказывал, а русский... Постигаю его полсотни лет и конца-края не видать. Это космос какой-то, вселенная бесконечная, безграничная! Ещё по дороге в Дагестан сильно переживал: смогу ли установить коммуникационные связи с местным населением. Настраивался на ходу изучать восточные языки и боялся одного, чтоб не получилось, как в старом анекдоте.

Японский гид хвастается перед группой советских туристов:

— Все японцы холосо знают лусский язык. Я его тозе знаю отлисьно. В день я изусяю по десять слов. В год полусяется тли тысси эссот пядисят слов. И всё это я делзу вот тут, — показывает на голову, — в зопе.

Однажды в Бежтинском районе, пытаюсь спастись от зноя, мы забрели горный омут, студёная вода — по щиколотки, по колени... выше, выше... А! По... по-яс...

— Холодно, ё-п-р-с-т! — а сам про учёбу ни на секунду не забываю. — Гасан, как по-аварски будет «Ё-п-р-с-т»?

— Есть пробелы в аварском, бэлый пятна. Но я тебя хорошо понял...

Признаться, аварский язык меня порастил сильнее других: он напоминает треск, скрежет шестерён в коробке передач. А ведь гуканье матери на аварском грудничку — слаще мёда. Став взрослым, джигит не придумает лучше, как в любви девушке объясняться именно на аварском. Стороннему наблюдателю покажется, что парень захлабывается, с дикцией нелады, меж тем его избранница в жизни ничего приятней, мелодичней не слышала и давно ждала этих певучих слов. Для стороннего уха «скрежет», а это родной язык мастера поэтического олимпа, великого Расула Гамзатова. Зря боялся, что не поймёмся... Собеседники мне попадались большей частью деликатные, при необходимости переходили на русский, добиваясь полного уразумения. Когда поездка по районам завершилась, Абдула тонко польстил мне:

— Ты похудел.

— Честно?

— На азербайджанском скажу — не поймёшь. Поклянусь по-русски: бля, буду!

Непросто постичь Дагестан.

Он порой сам себя «не догоняет». Зачастую соседние сёла «выражёвываются» по-своему.

Каждый цветок Дагестана настолько уникален сам по себе, так ярко, душисто, что кажется рядом, в одну вазу, уже ничего поставить нельзя. Однако собранные вместе, они гармонируют, дополняя друг друга. Медосбор с альпийских лугов, с горного разнотравья гораздо целебнее, вкуснее, богаче на вкус, чем с одного вида трав. В итоге из несочетаемого получился богатый букет, имя которому Дагестан.

Примечания:

[1] Ураза (тюрк.), рузе (перс.), саум (араб.), 30-дневный пост у мусульман в месяце рамазане. Восходит к древнеараб. культурам. Условия поста регулируются Кораном (сура 2): мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты. Обязателен для всех верующих, кроме детей до 7 лет, больных, беременных женщин, безумных, путешествующих. Пост, прерванный из-за болезни или путешествия, надлежало возместить в другое время. В связи с тем, что мусульманский год лунный, рамазан, а следовательно, и Ураза каждый год приходится на разное время года. В некоторых сёлах Дагестана мула принимает решение о начале Уразы самостоятельно и потому даты не совпадают. (В селе Халматюр Бабаюртовского района в 2010 году Уразу объявили на день позже.)

[2] Наибольшее распространение в мусульманском мире получил словарь Фирузабади (XIV век) «Al-qamīṣ al-muḥīṭ» (Океан океанов), с тех пор в арабском языке слово «океан» означает также «словарь».

[3] Дмитрий Сухарев «Дорога».

*

Поезд «Москва — Махачкала»

*Дагестанец прибывает поездом «Махачкала-Москва»
в столицу и орёт:
— Насылцики! Насыл-ци-ишики!
Те сбегаются, думают вагон груза. А он им радостно:
— Вам прывэт от махачкалинских насылциков!!!*

NN

Москву окутала терпкая жара.

В полдень, под густой тенью, столбик термометра решительно пересёк отметку «тридцать пять градусов», и одному Аллаху было известно, куда он стремился дальше.

Я, крещённый человек, упомянул Аллаха... Почему? Кто знает?! Веру менять не собираюсь, наша роднее. Православие — традиционная вера моих дедов, прадедов. (Родители — особый случай — атеисты, впрочем, неагрессивного толка.) К тому же не зря завещано: «Пусть умножаются скорби у тех, которые текут к Богу чужому». Я не «теку»... Просто на Казанском вокзале, хоть и в Москве, уже совсем другой, не славянский дух: иной говор, внешность людей, одежда... Да, безусловно, Бог един, но разве одному, без помощников за всем уследить?.. Я стою на посадку в поезд «Москва — Махачкала», а, следовательно, перехожу под юрисдикцию исламского «полпреда». Сменился провайдер! Возможно, и само название столицы здесь на перроне следует произносить по-тамошнему — «Москвэ»; еду не «в Махачкалу», а «в Махачкала».

Дагестан на сегодня — самый беспокойный регион, и поезд не зря подали за час до отправления: проверка, формальности... В салоне духотища!!! Кондиционера нет. Вагон приоткрытыми окнами щербато посмеивался над нами. Плацкарту выбрал не случайно — решил погрузиться в атмосферу восточных традиций с первой минуты. А для начала решил сделать беспроегрешный ход: «Е2 — на Е4» — переодеться. Снял брюки, повесил на скобу, аккуратно разровнял стрелки, натянул шорты. Соседка застыла с надкушенным яблоком во рту... (Мой дебют заи-и-интриговал её!) Поощрённый вниманием, желая дальше слыть элегантным джентльменом, я предложил:

— Давайте знакомиться, Александр.

Народ постепенно набивался в вагон... Потные граждане занимали свободные места, откидывали полки, укладывали вещи. Поезд тронулся... Пассажиры, самая счастливая категория граждан, не мешкая, начали шуршать свёртками, жевать, глотать, булькать, шутить:

— Ты помидоры любишь?

— Есть люблю, а так нет.

Грудная кроха на руках у матери безутешно плакала:

— Дерзкая девчонка растёт, — со знанием дела определил парень, пробираясь мимо.

Проводник в нашем пятнадцатом вагоне Калимат (так явствовало из нагрудного бейджика), проходя по вагону, останавливаясь между двумя купе, делала объявление:

— Уважаемые пассажиры! Туалетом во время стоянки не пользоваться, оба туалета буду закрывать там, где санитарная зона. Остальное время, если закрыто, значит, занято. Товарищей-курильщиков прошу дымить в нерабочем тамбуре, окурки на пол не бросайте и, пожалуйста, не сплёвывайте. Надеюсь, у меня едут не верблюды. Нижние полки стОят столько же, сколько верхние. Если досталась верхняя полка, пассажиры не виноваты. Они не птички, не обезьянки, лежать круглосуточно не могут. Уступите половину сидячего места нижней полки верхнему пассажиру!

Прежде таких речей от проводника я не слыхивал.

Калимат поведала нам, где находится вагон-ресторан, сообщила о запрете распивать в вагоне спиртные напитки, о том, что нельзя выбрасывать мусор из окна... На протяжении всей

поездки она трижды в день устраивала влажные уборки вагона и была неизменно дружелюбна. «Вот первый человек, с которым нужно поговорить о Дагестане!» — решил я.

Калимат согласилась:

— Люди у нас хорошие, только Вы не езжайте один, беспокойные времена. Сегодня в любом районе не знаешь, на кого нарвёшься. Боевики объявились. Идут, укутавшись, злостными глазами на тебя зыркают... Если б могли убить глазами, убили бы. Нормальные люди днём работают, днём молятся, ночью спят. А эти ночами разбойничают. Раньше всё на уважении было, всегда мирно, дружно. Народ у нас терпеливый, связи родственные крепкие, отношения добрососедские. Если у тебя радость — все приходили. Горе — опять все. Теперь не так... Тех, кто за двоюродными идут, уже стараются отдалить. Очерствели люди! По сёлам не езжайте. Будьте осторожны! Бережёного Бог бережёт. Никто в лес за ягодами, за орехами не ходит... Пропала лошадь, пропала корова — не ищут. Убивают в лесу. Поезжайте в большие города: в Каспийск, можно в Огни, Махачкалу... По сёлам не надо.

— Никто не знает своей судьбы. А что случится... Все мы гости на этой земле.

— Вас просто тянет туда, поэтому так говорите. У нас очень много умных, начитанных людей. Что есть — то есть. Один Саид Аффенди чего стоит.

— Кто такой?

— Устаз — святой старец в селе Старый Черкей. Я была у него для спасения души. Вот к нему сходите. Увидите — он про Вас всё знает.

— А как принято уважительно здороваться в Дагестане?

— Салам алейкум! Мир вашему дому! Кто с таким приветствием заходит, считается гость Аллаха.

Мы увлечённо беседовали в купе проводника, внезапно дверь рванули... К нам по-хозяйски впёрлась женщина в цветастом халате и ехидно бросила Калимат:

— Ты закрылась с мужчиной? Сейчас мужу позвоню...

— Звони. Я мужа не боюсь, Аллаха боюсь...

— Муж — второй Аллах для жены.

Развернулась, выскочила.

— Моя напарница из соседнего вагона, — огорчённо произнесла Калимат.

Если это была шутка, то неуклюжая, наглая. Разговор не клеился и я, поблагодарив, вышел. Забрался к себе на вторую полку, высунул руку в окно. Тугой, горячий воздух обтекал её, обжигая. В Саратове на станции обливались из шланга. Температура «+45». Пекло...

На второй день пути соседка по купе проглотила-таки откушенный кусок яблока и назвалась:

— Патя.

Для чего я поехал в Дагестан?

Неужели у нас в Карелии мало интересных людей?.. Да нет, вроде хватает. Разве мало красивейших мест?.. Полно. Но Карелия — моя родина. В ней знаком каждый уголок. Писатель же нуждается в притоке эмоций, впечатлений разных, сильных, новых. А в Дагестане необъявленная война. Друзья в Москве отговаривали от поездки: «Там стреляют, взрывают, убивают. Подумай хорошенько!» Вот и проводница о том же... Однако, что для обывателей неоправданный риск, для человека творческого — питательная среда. Бабель записался в конную армию Будённого, затем в ЧК в поисках реальных сюжетов для своих рассказов. Экзюпери служил военным лётчиком. Хемингуэй напросился на передовую военным корреспондентом. А Лев Толстой, Лермонтов нанюхались пороха на Кавказе. Война — «великая проявительница», подметил русский философ Николай Бердяев. Именно на грани жизни и смерти человек наиболее ярко проявляет внутренний мир, выказывает себя во всей пленительной красе или пугающем уродстве. Что может быть для писателя интересней, важней? Ничего. Кавказ всегда вдохновлял писателей: Есенин за пять месяцев пребывания написал здесь тридцать три произведения — исключительно плодотворный период! А Пушкин?!

Колёса отбивали своё незатейливое ту-дук — ту-дук...

Вагон раскачивало.

Поезд летел по Волгоградской области. Справа, слева — степи, степи, степи. Унылая однообразная картина от дорожного полотна до самого горизонта час, два, три... день... Зброшенная земля, сколько хватает глаз. Сосед по купе Тимур, вглядываясь вдаль, задумчиво произнёс:

— Слышал, не знаю, правда-нет: на каждого жителя страны приходится по сорок два гектара. А захочешь участок взять, встанешь одной ногой, сразу хозяин найдётся.

Тимур дал мне номер своего мобильного, пообещал познакомиться с главой района.

— Вот он умеет рассказывать. Часами!

— После того, как выпьет?

— Он трезвый — пьяный!

«Наш человек! Непременно найти!!!» — пометил я в блокноте и поставил три восклицательных знака. Земля слухом полнится.

Чёрной ночью на линии горизонта — замелькали беззвучные вспышки зарниц: «Прям, артподготовка... установки залпового огня». А кто знает, вдруг...

На Северном Кавказе который год идут, пусть локальные, но бои... В подтверждение — и ежедневные репортажи по телевизору, и то, что поезд идёт кружным путём, и даже то, что состав к перрону подали за час. В Послании Президента РД народному собранию приведены красноречивые цифры: «За период с 2000 по 2010 год совершено 99 террористических актов; 743 посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, в результате погибли 420, ранены 696 сотрудников, убиты 81, ранены 337 мирных граждан». Если это не война, то что? [1]

Поезд остановился на границе Калмыкии — станция Артезиан. Пассажиры с гомоном высыпали из вагонов: курили, прохаживались вдоль состава, потягивались. Изнывая от жажды, духоты, купил на перроне бутылку замороженной воды, стал посасывать талую влагу. Небывало большие насекомые, похожие на огромных комаров, тучей летали вокруг уличных фонарей, садились целыми стаями на лицо, на открытые участки тела. Я отмахивался от них, едва перемешивая в воздухе, словно тяжёлые колосья высокой ржи при ходьбе. Упала на лысину первая капля дождя... Тяжёлая, огромная. Брызги по сторонам! Вторая капля на плечо. Я направился к вагону, и тут — ливень стеной. Грянул гром. Под его мощные частые раскаты поезд тронулся. Все насекомые, которых видел на улице, теперь кишели в вагоне. Открытые окна для комаров — недвусмысленное приглашение в гости. Воздух в вагоне стал густым от них... А молнии софитами слепили глаза. Раскаты грома делались страшнее, и уже каждый новый залп грохотал одновременно со вспышкой: небо пристрелялось и било по нам прямой наводкой; вагон сотрясало от разрывов. В соседнем купе навзрыд плакал грудной малыш. Никто не спал. Женщины, привстав с мест, с ужасом таращились в окна, неистово молились и ждали самого плохого...

Видал я за свою жизнь немало гроз, однако эта, неистово бушующая в раскалённом воздухе калмыцкой степи, запомнится мне на всю жизнь.

Утро. Солнышко.

Поезд мчит по Дагестану, кругом степь, степь, степь. (Вот тебе и Страна гор.) Машинист каждому встречному машинисту-джигиту подавал приветственные гудки.

— Он, наверно, раньше таксовал в Махачкале. Интересно, если на самолёт посадить?.. — вслух задумался я.

— Уважаешь? Уважай до конца! — вступился за землю Хамид и, заметив, как я черкнул фразу в блокнот, добавил: — Ни разу не встречал настоящего литератора... Вы хотите написать о нас? И про студентов интересно?

— Если яркие национальные особенности.

— Яркие, яркие... Сам я студент ДГУ. У нас как: поодиночке все культурные, вежливые, уступчивые, соберутся в толпу — дикие, неуправляемые. В парке один на другого глянет:

— Чё вылупился?

— А, что, нельзя?!

— Нельзя!

Шайтан-удар! Пошло-поехало...

Если назревает конфликт, в ДГУ не дерутся — за это отчисляют. Рядом парк «Комсомольский», вот там. Писать заявление в милицию не принято: никто после этого уважать не будет, разбираться нужно самим. Приезжал к нам Президент Палестины. Установили рамку-миноискатель на входе, изъяли кучу огнестрельного оружия, ножей, электрошокеров. Некоторые преподаватели ходят в ДГУ с пистолетом — боятся студентов. Молодая женщина, преподаватель «Государства и права» слишком требовательно принимала зачёты, ни знакомства на неё не действовали, ни взятки брать не хотела. Пацаны затащили в машину, изнасиловали. Четыре дня в универ не показывалась. Никого не наказали. Кого наказывать? Какой там «худуди»? [1] На юридическом факультете учатся дети хакимов, милиционеров, прокуроров, судейских... Богатые в Дагестане молятся в сторону банка.

— Преступники есть везде.

Какая-то станция: постройки торговые, служебные вплотную к перрону. Несмотря на ранний час, людей много: с узлами, баулами, кто садится на поезд, кто вылезает, кто торгует.

Гудок тепловоза. Из динамика на ломаном русском проскрипело:

— Мнэ поезд казалъ, сэйчас пошэль Махачкала.

Похоже, туда еду...

А вот и долгожданная столица Дагестана.

Комары бесплатно, всем табором, тряслись с нами до конца. Как они будут добираться обратно в Калмыкию? Ума не приложу... По приезду у меня дико разболелось горло (талая вода!), и мне было уже не до них.

P. S.

Столицу Дагестана назвали Махачкала в честь героя гражданской войны Махача Дахадаева. Лихой, судя по всему, был джигит. Благодаря ему русский язык обогатился смачным, ярким словом. «Махач» по-русски — безудержная массовая драка, переходящая в побоище.

Примечания:

[1] Стогольмская категоризация военных конфликтов считает боестолкновение войной, если погибло более 1000 человек;

[2] Худуди — наказание;

*

Дембель

День радости краток.

Арабская поговорка

Он неподвижно лежал в одежде поверх покрывала и, казалось, не спал.

Я вышел в город, вернулся ближе к полудню. Он сидел на кровати, растерянно глядя перед собой. Совсем пацан! Среднего роста, сухощавый; взъерошенная чёлка русых волос. Рядом с кроватью блестели туфли восточной работы. То, что именно восточной, голову даю на отсечение: щёгольской каблук набран из аляповатой череды чёрных и белых прослоек. (Такое в голову не придёт ни одному европейцу...) На тумбочке — пачка сигарет «Winston». «Эстет!» — окрестил его мысленно и, не утерпев, спросил:

— Ты чего такой? В воду опущенный... Как зовут-то?

Он ответил не сразу, приходя в себя... освобождаясь от пелены отрешения.

— Виталик.

— Ну, двигайся, Виталик, ближе к столу. Давай, угощайся!

Слово за слово, выудил: у парня закончился срок срочной службы, его демобилизовали, выдали на дорогу, сколь положено, денег. Он рассчитал: на плацкартный билет до родного Ижевска, на питание. Из воинской части, расположенной в Буйнакске, маршрутка довезла до Махачкалы. Время было... Прогулялся по магазинам: купил матери платок; денег хватило ещё на новые туфли и пачку американских сигарет. Именно такими грезилась ему первые часы свободы на гражданке: глубоко затянуться сигаретой «Winston», выпустить кольцом дым, кончиком указательного пальца стряхнуть пепел на пол. Но потом всё не заладилось... В кассе железнодорожного вокзала ждали неприятности — плацкартных билетов нет: «Подойдите к отправлению поезда, может, кто сдаст»... Благо, приютили добрые люди в комнате отдыха. Он, словно беспризорник, ходил к отправлению каждого поезда, просился на третью полку — не брали...

— И сколько вот так, между службой и гражданкой, висишь?..

— Третий день.

— Получается: из части выпихнули, с довольствия сняли, добирайся, как знаешь. А купейные места?

— Есть.

— Ну, тогда придумаем что-нибудь... Ты куда собрался, перекуси...

— Я взад-перёд. На кассе велели подойти к четырём.

Через пять минут вернулся сияющий, вприпляс протанцевал к столу.

— Нашла билеты: до Саратова и от Са-ра-това! Сегодня — домой. В Россию! Через два часа.

— Мир не без добрых людей.

— Да. Кассирша, хоть не наша, помогла.

Виталик светился и сидя притопывал, выбирая помидорчик, ломтик мяса.

— На службе как паёк?

— Кормили прекрасно. Намного лучше, чем в учебке под Москвой. Там один стол на десять человек: кому достанется, кому — нет. А здесь на поднос набираешь. Не наелся — иди по второму кругу. Я ещё школьником с родителями ездил к старшему брату на присягу, притаранили с собой продуктов. Смотрю на него: разве можно есть одновременно конфеты, курицу, коржик?.. Когда сам попал в учебку, вспомнил об этом: «Вот бы мне сейчас те конфеты и курицу! Тоже б не растерялся».

Он мечтательно улыбнулся, продолжая вкушать яства с достоинством, неспешно.

— В учебке присвоили звание «младший сержант», перекинули сюда. Всю службу провёл в военном городке: шесть месяцев никуда носа не казали, только на стрельбище выезжали.

— Ну, и как тебе дагестанцы?

— Местные... Они же совсем не такие, как у нас говорят: «грубые, жёсткие». Хотя, когда в учебку приехал покупатель-дагестанец, я решил: «Труба!»:

Двадцатилетний буратино
С надеждой едет на Кавказ
Он одинок ему сказали
Там могут вырезать семью [1].

Нет, ничего. Обошлось.

Обстреляли один раз за всю службу, когда возвращались с дальнего полигона. Удачно попал, так считаю. Служишь, да ещё приплачивают: четыреста рублей. «Горячая точка» считается. В части каждый второй дагестанец, кроме офицеров, они «контрабасами» служат. Обычные люди, такие же. Как служба идёт, зависит от спорта, а спорт у меня всегда нормально: бегаю неплохо, на турнире чуток похуже — подтягиваюсь двенадцать раз. Это на «отлично». Один даргинец у нас подтягивался пятьдесят! Первое ощущение было: в прошлое попал. Сам не знаю... Машины допотопные, мотороллеры с кузовком, повозки, запряжённые осликом... Я такие в старых фильмах видел. Коровы совсем другие. У нашей — вымя так вымя. Она, может, не доится, но идёт вся из себя важная: У-уу! В теле. А здесь бурёнки прям военно-спортивная игра «Зарница»: маленькие, поджарые, шустрые, их никто не пасёт, везде разгуливают, как в Индии, даже по части у нас ходят. Природа классная. Солнце быстро-быстро уходит, быстро встаёт. Ну, служба здесь, конечно, другая: вместо воинского Устава — адаты. Дежурным стоишь, заходит в часть офицер, начнёшь докладывать: «Товарищ капитан, за время несения службы...» Рукой махнёт: «Ладно, не надо...»

В дорогу я приготовил ему пакет с провизией, сфотографировал на память и проводил на поезд. Он уезжал домой... в Россию.

Примечания:

[1] NN;

*

Начало пути

*Время — всадник на лихом коне.
Скачет он без усталости и сна,
Сменяя чёрную бурку ночи
На белый бешмет дня.*

*Ахмедхан Абу-Бакар
«Даргинские девушки»*

Из других кавказских республик я выбрал для близкого знакомства Дагестан по двум причинам. Первая — на карте России нет точки горячая. Вторая, тоже немаловажная: местные жители уже знакомы с моим творчеством; участие школ в литературном конкурсе «Купель» (по моим произведениям) оказалось неожиданно массовым, легче будет ориентироваться на месте. Так и случилось... В Правительстве Дагестана меня снабдили рекомендательными письмами в адрес глав местных администраций, и я отправился в дальний путь... Районов всего сорок два. Решил, повторяя траекторию фотоэлемента в сканере, двигаться змейкой снизу — вверх, с юга на север, выстраивая пиксель за пикселем, буква за буквой, строчка за строчкой портрет северокавказской республики.

Первым пунктом значился у меня «город Дербент», только как до него добраться?

— «География не дворянская наука. Куда надо кучер доведёт!» — с улыбкой подбодрил водитель маршрутки.

«Неужли... Пьеса “Недоросль”»? — в полном ступоре смутно припоминал я, забираясь в салон. Что ж это за край такой, где на улице Фонвизина цитируют?

Поехали! Дома, узкие улочки...

Федеральная трасса «Махачкала — Баку». По встречной полосе пролетел мотоцикл «Урал», вместо коляски — деревянный ящик, словно гроб без крышки, в ящике три молодых джигита: двое сидят, держат за ноги третьего, тот стоит, раздетый по пояс; флагом в руке полощется красная футболка. Лихо! Обгоняем «Жигулёнок»: на прицепе у него три автомобильные одноосные цистерны с квасом, паровозиком, друг за другом.

Восток!

*

Поводырь

Хабар директора музыкальной школы

Учителю посвящается
(Мам, в первую очередь тебе!)

Учатся у тех, кого любят.

Иоганн Вольфганг Гёте

Директор школы искусств попался немногословный:

— Зовут Агаев Магомед. Родился первого апреля...

— Какой несерьёзный день.

— ...пятьдесят девятого года. В Татляре окончил начальную школу, с четвёртого класса — в Дербент, интернат №1. Вот, пожалуй, и всё, что могу поведать о себе такого.

Я разочарованно отодвинул блокнот. На белой странице сиротливо повисла короткая строчка. (Называется: «Послушал интересного собеседника!»)

— Вы лучше напишите про моего учителя музыки.

— ?..

— Антонин Карлович Качмарик — чех по национальности, ему лет семьдесят было. Совершенно слепой — пустые глазницы. Казалось, сам недуг этот физический — горькая плата небесам за великий талант педагога. Всегда в круглых чёрных очках, с тросточкой, и наперевес сутулой фигуры — баян...

Не забуду первые дни в интернате...

Внизу — классы, на втором этаже — жилые комнаты. Какое-то всё одинокое, чужое... После уроков я болтался по пустым коридорам, притирался к углам... Никого не знаю, коридоры тёмные, длиннющие, потолки высоченные. Это тебе не уютные саманные сакли в нашем ауле... Каждый шаг отзывается гулким эхом: «Бух — ббу-уух». И тут слышу приглушённые звуки живой музыки... Я, точно зачарованный мотылёк, поплыл на огонь (музыка нравилась мне). Остановился у двери актового зала. Стою себе, слушаю. Интересно... Тихонечко, стараясь не скрипнуть, потянул тяжёлую дверь, подглядываю в щёлку: седой старик в чёрном костюме играет на баяне, дети с незнакомыми музыкальными инструментами. Вдруг баянист поднимает руку, оркестр замирает, старик резко поворачивается лицом ко мне... На глазах у него круглые чёрные очки. Сле-пооой! Сперва я дёру хотел дать... Что-то остановило...

— Кто-оо там?

Голову просунул поникшую:

— Агаэв... Магомэд.

— Ну-ка, заходи.

Я парень сельский, как такового русского не знал. Захожу.

— Так, говоришь Магомед?

— Ы-ыы, — киваю.

— Редкое имя. Откуда ты?

— Татляр.

Он обращается ко мне, а я не знаю, куда смотреть. Глаз не видно...

— В каком классе?

— Чэтырэ, — для верности показываю на пальцах.

Все дети глазуют на меня, но никто не смеётся.

— Тебе музыка нравится?

— Так-то нравыцца...

Он пальцами отстукал по столу ритм:

— Повтори.

Пересилив робость, я повторил. Самому даже интересно...

— Приходи завтра после уроков на кружок.

Ночью мне снился слепой старик в круглых чёрных очках, он водил меня за руку от кларнета к скрипке, от скрипки к балалайке, баяну и что-то разъяснял... Хотя я не умел играть ни на одном инструменте, какие-то данные у меня, похоже, были. Отец мой неплохо играл на зурне. На другой день еле дождался конца уроков — бегом в зал. Постучался.

— А, Магомед, заходи.

Старик говорит, а голова при этом непривычно — в сторону: то одним боком, то другим, будто собеседника ищет. Задумчиво подходит к пианино:

— Запомнишь, какие ноты возьму?

И стал по очереди перебирать клавиши. Звуки мне в слух врезались. Я в той же последовательности нажал гладкие чёрно-белые палочки.

Он пропел:

— Ля... ля-ля... Сможешь повторить?

Я спел.

— А вот так: та-та-та-та-таа...

Я опять.

— Магомед, ты способный мальчик, у тебя всё получится.

Жарко стало! Слова такие... Бабушка Патимат любила повторять: «Если похвалить, даже ослиный помёт подпрыгнет». Но сначала я не знал ничего, он растолковывал:

— Нотный стан состоит из пяти линий и семи нот: до, ре, ми, фа, соль, ля, си.

— Как цветов в радуге? — простодушно спросил я.

Старик замолчал, будто споткнулся... По лицу пробежала грусть.

— Да, как в радуге... Начерти пять горизонтальных линий. Ниже поставь точку: там нота «до» пишется.

Оказывается, «до» рисуют на добавочной.

Мы разучивали с ним ноты — четвертные, восьмые, шестнадцатые... Он не мог мне показать и написать ручкой или мелом... Всё обозначал богатой мимикой, голосом. Я пишу за ним под диктовку, а сам вслух проговариваю, куда какой кружок рисую. Антонин Карлович учил азам. Служил мне... поводырём в мире музыки! В оркестре было много разных инструментов: домра, балалайка, тромбон, контрабас. Хотя не на всех играл, но знал он их досконально. Я был пытливым. И так увлекательно с ним заниматься, словно, искра... пробежала между нами...

Через месяц на одном из занятий он спросил:

— Магомед, какой инструмент тебе ближе других?

— Вот.

Я бережно взял в руки кларнет и передал учителю. На кларнете тогда у нас играли везде: на свадьбах, сельских праздниках...

— Возьми его, поставь мундштук и дунь, просто дунь. Получится нота «соль». Палец на первую клавишу — это «ми».

Дую.

— Магомед, мальчик мой, неправильный звук. Ты недостаточно воздуха дал. Прижми трость плотнее, мундштук глубже. Постановку губ измени. Чиркни язычком!.. Сделай «ту», как семечки лузгаешь...

И начал показывать: в один день — один звук, в другой день — другой.

Кларнет — небывало сложный инструмент. Но постепенно, постепенно... Не одним днём, месяцами продолжалась учёба. Стало получаться и... нравиться: «Я сам могу на кларнете звук издавать!» А когда смог по-настоящему сыграть... О! Клянусь, гордился собой. Подошло время, он выдал мне кларнет напостоянно, принял в оркестр. Так же я осваивал домру, балалайку...

Зимой на школьном вечере солировал. Летал... на небесах! от восторга. Девочки-одноклассницы подпевали. Спустя год я стал в оркестре «первой скрипкой».

Когда начинали изучать новое произведение, я читал его вслух по нотам:

— Ми-четвертная, соль-восьмая, две ми-восьмые, до-шестнадцатая...

Он всё запоминал. Мы играем — он слушает. Вдруг останавливает. Едва заметная гримаса передёргивает морщинистое лицо:

— Какая там нота идёт?

— Восьмая.

— Ты неправильно сказал, мальчик мой. Не может быть восьмая, посмотри внимательнее...

Благодаря абсолютному музыкальному слуху он заявлял это так уверенно, будто не я читал ноты, а он...

— Вы правы, Антонин Карлович!

Когда приближались большие праздники — Первое мая, День Советской армии или День Победы, — он собирал в актовом зале ребят поспособней, и все готовили праздничный концерт. Набирали хор, человек двадцать, разучивали песни. В основном революционные: «Прощание славянки», «Варшавянку», «Взвейтесь кострами», «Варяг», «Шёл отряд по берегу»... На два голоса пели. Антонин Карлович сам аккомпанировал на баяне и дирижировал:

— Кто там вторым голосом тянет? Сереза Табова, неправильно поёшь. Али, не ту ноту взял. Попробуй ещё.

И по-новой. Десятки раз. Пока не добьётся идеального исполнения.

Так же как меня, он учил всех сельских детей: аварцев, даргинцев, азербайджанцев, лезгин... Музыка стала для нас вторым языком межнационального общения. Ни один парад, ни одно торжественное мероприятие в Дербенте не обходилось без нашего знаменитого оркестра медных инструментов. Впереди колонны всегда шёл мой одноклассник Мугутдин, ему Антонин Карлович доверял нести большой барабан: Мугутдин отчаянно бил в него колотушкой, не всегда в такт, но вдохновенно и с большим чувством.

Хуже было с общеобразовательными уроками музыки. Мои сверстники на них усердия не проявляли, а я, вместо того чтобы погрузиться в любимую сферу с головой, терпел их проказы:

Начинается, к примеру, переключка в классе:

— Надир.

— Я!

— Руханият.

— Я!

— Али.

Надир вместо него выкрикивает: «Я!»

Антонин Карлович с упрёком качает головой:

— Нет, это не Али. Ведь так, сынок?

Положит руку мне на голову. Я подтверждаю:

— Да, это не Али, ребята шутят.

Ему я не смел солгать. Как Антонину Карловичу хватало на нас терпения? Ума не приложу. Он никогда не взрывался... Идёт урок. Сидим: шесть парт — так, шесть парт — так. Солнечный зайчик, отражённый карманным зеркальцем, пробегает по глобусу, беззвучно скользит по доске, останавливается на учителе. Ярко-белое пятно высвечивает засаленный карман пиджака, грубо заползает на лицо. Антонин Карлович, чувствуя тепло, ощупывает поочерёдно нос, губы... Раздаётся сдавленный смех.

— Ученик, который сидит на пятой парте слева... Магомед, назови имя.

— Руслан.

— ...Руслан, выходите, пожалуйста, из класса.

А Руслан смеётся уже в голос и не встаёт. Я в классе никого не боялся и всегда был за учителя горой:

— Руслан, тебе же сказали...

Тот нехотя вылезает из-за тесной парты. Мне неудобно при ребятах... но как по-другому?..
Антонин Карлович — человек мудрый, добрый, многому научил.

Клянусь, счастлив, что судьба свела нас!

— Магомед, сынок, ты постигай русский язык. Читай больше: рассказы, стихи. Старайся.
Это великий язык! Вот послушай:

А весною я в ненастье не верю
И капелей не боюсь морозящих.
А весной линяют разные звери.
Не линяет только солнечный зайчик.

Я старался читать.

Прочно засел этот человек в душе моей... Думаю, чувство было взаимным. Он всё больше открывался. И в слабости своей тоже:

— Магомед, до дому поведи.

А я ещё тогда улиц не знал, однако не отказывал. Мне даже гордо... Он брал меня за руку, мы шли пыльными улочками... Предупреждает:

— Там лестница будет... — спускаемся. — Теперь налево, в калитку.

Получалось: не я его по городу веду, а он, незрячий, ведёт меня. (Зоркости ему было не занимать: слепой видит Бога духом.) По натуре Антонин Карлович темпераментный, неугомонный в работе. Теперь я сопровождал его повсюду: домой, на уроки музыки в третью школу, в детдом. Отныне, кто бы ни предлагал себя в провожатые, он мягко отказывался: «Спасибо, пойду с Магомедом!» Ребята за глаза дразнили учителя: «Магомедов дедушка». И надо мной... надо мной тоже ехидно насмеялись, подтрунивали:

— Мы сейчас в футбол идём играть, на море купаться, а ты со своим безглазым Кошмариком попрёшься?.. Поводырь! По-во-дыбырь!!! Ы-ыыы!..

«Почему люди такие злые?!» — навязчивая мысль эта тугим обручем сжимала сердце. Я не обижался... впадал в какое-то зазеркальное состояние и лишь глядел на кривляющихся, скачущих вокруг мальчишек, разглядывал их удивлённо, рассеянно... Точно никого не узнавал... Да, свою жизнь я полностью, без оглядки посвятил любимому учителю. «Мой кобзарь», — мысленно величал его. Он не отец мне, не дедушка, не дядя... Оказалось, важнее. Привязался я к нему. Каждый день, каждый шаг рядом: на подхвате, на страховке. Мир солнечный или лунный, туманный или звёздно-ночной — для него единокрёрен. И уже никогда-никогда радуга не споёт для него ослепительными красками-нотами. Зима ли по-хозяйски вступает в свои права, оголяя деревья, застилая кавказское предгорье белым-пребелым снегом, весна ли, восточная красавица, будоражит светом землю, виноградники, горы, небо и море, — всё для него переводилось в язык звуков, в свист ветра, в щебет или молчанье птиц, в «тепло-холодно». Антонину Карловичу главным органом чувств, его глазами, служили память и я. Разучивает допоздна новую мелодию, спохватится — ночь глухая... Поднимется к нам в палату, от порога прислушивается, по дыханию узнаёт меня. На ощупь подходит:

— Магомед, проводи.

Встаю. Знаю: никто другой не поведёт. Все спят. Сонный одеваюсь, глаза слипаются... Колючий снег на дворе. Кутаюсь в жиденькую мышастую одежку. Холодно! Иду с ним по ночному городу, за руку держит. Рука у него добрая, тёплая. Он жил далеко от интерната, за базаром... В одну сторону мы иногда успевали на автобусе, обратно нет. Обратно — я один...

В ночь, пешком, закоулками, кругом будто чернилами залито...
Жутко.

Бывало местные приставали. (Я ещё тогда заметил: плохие люди по ночам не спят!) Убежать успевал не всегда. Дрался с ними, если двое-трое. Если много — терпел. По пинку каждый отвесит и с улюлюканьем, шайтанским гоготом прогонят:

— Не суй нос в наш район!!!
В следующий раз иду — опять караулят.
— Ты не понял, ишак?.. Сын ишака!..
Пять лет, пока учился в интернате, я с ним так и ходил.

Восьмой класс близился к концу.
Куда дальше? Хотелось поступить в Дербентское музыкальное училище, но без профильной школы не берут. О своём желании я проговорился учителю. Он успокоил:

— Не горюй! Примут.

Взявшись за руку, мы вдвоём пришли к преподавателям (а это, оказывается, всё бывшие его ученики). Отрекомендовал меня:

— Зачислите. Мальчик подготовленный.

Там я узнал, что многие именитые виртуозы обязаны начальным шагам в мире гармонии звуков моему устазу [1], этому скромному слепому музыканту.

Антонин Карлович сильно сдал в последнее время. Нemoшь, старческое увядание безжалостно подступали. Когда я собрался из интерната уходить, он попросил:

— Магомед, отведи меня в дом престарелых. Не хочу здесь один...

В ту ночь я почти не спал. Временами горло сдавливал себе... звука не проронить чтоб... «Да, что же это?! В приют!» У нас на Кавказе родителей не бросают... (Я ни разу не слышал.) Мой дедушка Гасан до сих пор ухаживает за своим отцом, которому девяносто семь лет. Тот, выходит, мне прадед. Прадед Хаким. У него белёсый посох, густые брови и косматая чёрная папаха. Дедушка Гасан сам приносит ему кумган для омовения [2], бережно поддерживает отца, помогая ему, словно маленькому, шажок за шажком выйти во двор, подышать свежим воздухом, полюбоваться на солнышко, на птиц в небе. Заботливо укроет старой порыжевшей буркой. И Хаким, созерцая бытие, незаметно задремлет... Дедушка Гасан ревниво следит, чтобы никто, даже случайно, не нарушил безмятежный полусон отца. Мы все безропотно повинемся прадедушке Хакиму. Мои братья-сёстры, отец, и мама, и даже бабушка Патимат.

Один раз я иду из школы, смотрю: дедушка Гасан сидит перед домом на лавочке и горько беззвучно плачет. Борода подрагивает. Я кинулся к нему, трясусь весь от негодования: «Дедушка! Милый дедушка! Кто посмел тебя обидеть? Назови!» Я готов был сурово наказать обидчика. «Оте-е-ец Хаким... посохом би-иил...» Дедушку Гасана мне ужасно жаль, но что я мог поделать?.. В таком вопросе ему никто-никто помогать не станет. Прадедушка Хаким в тухуме старейший и, значит, самый главный! Просто нужно слушаться старших.

А Дом престарелых — кладбище живых... Если б только мог, забрал бы любимого учителя к себе. Но пока я был всего-навсего студент первого курса. Жена Антонина Карловича умерла, детей двое, сын и дочь, — после школы разъехались кто куда, и дела нет... (Он не любил вспоминать.) И вот теперь мой любимый учитель... в сиротский приют, как совсем никому не нужный, брошенный человек. За день до начала занятий я проводил его туда, довёл до палаты. Нянечка выдала комплект серого постельного белья, я застелил казённую кровать. (Что ещё мог сделать?..) На прощанье грустно обнялись. Его чёрные очки с дужкой на оранжевой проволочке съехали набок... Из пустой глазницы вытекла крупная слезинка.

Едва сдерживаясь, ушёл. Оставил его одного.
У ворот оглянулся, увидел в окне сутулую фигуру и... слезами задохнулся...

За время учёбы частенько навещал.

— Магомед, у меня всё хорошо. Главное — учись прилежно.

После окончания училища вот бы первым делом к нему, с новеньким-то дипломом...

Нет! Помчался домой.

А осенью, когда удосужился, с пакетом фруктов... Его уж не было. Опоздал...

В приёмном покое сухо известили: «Умер. Остался баян». Мне разрешили забрать. Кто хоронил учителя? Где?.. Неизвестно. Мы тогда были молодыми, не придавали большого значения утратам. Если бы время вернуть назад и ещё раз дать нам шанс... Сегодняшним-то умом

организовали бы, конечно, и почести, и похороны достойные. Нет, никто и никогда не даст нам переписать жизнь на чистовик...

Александр, я не сумел...

Тебя прошу, не дай этому светлому человеку умереть, прекратиться.

Напиши о нём, как есть.

Благодарение и хвала Тому, кто не умирает.

Да будет так!

Примечания:

[1] Устаз — наследник Пророка, учитель;

[2] Кумган (тюркск.) — узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а также подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра).

*

Болезнь под названием «Дербент»

*Дагестанские учёные долго
ломали голову российским учёным.*

Горцы от ума

Это произошло в те стародавние времена, когда люди не знали, как спастись от двух диких тюркских племён, нашествие которых возвестит о страшном судном дне. Иудеи и христиане называли их Гоги и Магоги, жители Востока — Йаджудж и Маджудж. Доведённые до отчаянья народы Каспия обратились за помощью к царю царей Александру Македонскому, он же Искандер О Зу-л-карнайн. Восемнадцатая сура Корана на сей счёт гласит:

— О Зу-л-карнайн, ведь Йаджудж и Маджудж распространяют нечестие по земле; не установить ли нам для тебя подать, чтобы ты устроил между нами и ними плотину?

И он объявил:

— То, в чём укрепил меня Господь, я устрою между вами и ними преграду.

И была ночь. И ночью на Каспийском море был сильный шторм.

Затем вся вода ушла, море встало дыбом до небес и захлестнуло волной Кавказские горы. Когда волна отхлынула, на берегу, в Дербентской теснине, между морем и горами грозно возвышалась цитадель. Наутро царь царей приказал подать ему куски железа, устроил великий огонь, расплавил металл и вылил его на крепость.

С тех пор слух о «дивных стенах», «великой твердыне у моря», витал по всему древнему Востоку. В самом узком месте Прикаспийской низменности, где отроги Главного Кавказского хребта ближе всего подходят к Каспийскому морю, и застыл, будто исполинский страж, — город Дербент. Мощные, изумляющие своей грандиозной монументальностью фортификационные сооружения Дербента во все времена вызывали восхищение. Они поражают донныне. Слово «Дербент» состоит из сочетания двух персидских слов: «дэр» — ворота и «бэнд» — узел, связка. Закрытые ворота. Дербентский проход стал границей между народами Албании и кочевыми племенами савир, бумар, авар и другими, живущими за «воротами».

Моим первым собеседником оказался Гусейнбала Гусейнов:

— Когда начинаю говорить о Дербенте, теряю самоконтроль. Меня хоть стреляй!

Я считаю: к тем тридцати шести национальностям, которые есть в Дагестане, нужно, по справедливости, прибавить ещё одну — дербентцы. При встрече, за пределами родного края, интересуюсь у кунака: «Ты когда приехал из города? Скоро обратно в город?» Москва для нас — столица. Город — исключительно Дербент. Наша крепость Нарын-Кала в семь раз больше пирамиды Хеопса — одного из семи чудес света. Это одно из трёх крупнейших фортификационных сооружений ми-и-ра! Таких, как Великая Китайская стена и Римский лимес на Дунае, не сохранившийся вообще. Ну, скажите: разве на такой земле могут жить невеликие люди? Дербент — единственный город, который имеет свою хронику, изданную в одиннадцатом веке. Манускрипт называется «Дарбанд-наме». О значимости Дербента, эпохальности его — памятники вопиют! Не просто слова. Вот стоит. Придите, посмотрите. Потрогайте! Историю Дербента повелел изучать Пётр I. Именно он в 1723 году дал команду учитывать надписи на камнях, собирать для кунсткамеры старую утварь. Мы обращались к патриарху Алексею: «Если Дербент в составе России...» Оно же так?

Я кивнул.

— ...тогда христианству в России не тысяча, полторы тысячи лет. Здесь доказывать ничего не надо. Ведь несерьёзно не признавать древности города только потому, что в России узнали о его существовании слишком поздно. Дербент ещё в пятом веке был центром христианско-

кавказской Албании. Здесь располагался святой патриарший престол. Здесь жил патриарх Кавказской Албании. Дербент — один из самых древних христианских городов.

Помню, к нам приезжал посол Франции в СССР, ходил по городу, изумлялся:

— Вы интересный народ: ходите по деньгам и ленитесь нагнуться за ними.

В советские времена я был моложе, хулиганистей и занимал должность начальника культуры Дербента. Самовольно вышел на Интурист в Москве. Это в те времена!.. Они приехали сюда, увидели всё своими глазами, загорелись. Совместные планы созрели: масштабные, дерзкие. Разработали маршрут: туристы прилетают в Махачкалу, размещаются в гостинице «Ленинград», посещают Дербент, потом — в Баку. Я уже руки потирал... Вопрос вынесли на обсуждение в бюро обкома партии. Интурист заливается о выгодах: прибыль в валюте, авторитет в мире, культурные связи... Я стою рядом, поддакиваю. И вдруг, в разгар пламенной речи, член бюро генерал-майор Бойко, начальник КГБ Дагестана, заявляет:

— Товарищи, уровень культуры жителей Дербента не позволяет пускать туда интуристов.

Я не утерпел:

— Товарищ генерал, мы же не собираемся туристам устраивать встречи с местным населением: они подъедут на автобусе, гид их проведёт, всё расскажет.

— Нет. Я знаю, у вас по улицам ходят и матерятся...

— Вах!!! А в Москве не матерятся?..

— ...Семечки лузгают!

— В Москве ещё хуже...

Бойко родился в Азербайджане и прекрасно знал родной язык.

Он мне по-азербайджански:

— Лал-ол!

Члены бюро головой крутят, не понимают, что он мне буркнул, но я-то понял его очень даже хорошо: «Заткнись!» Бюро поддержало его, не нас. Как же — КГБ! Интурист чуть с ума не сошёл... Так сорвался наш план. А теперь мы должны к этому вопросу вернуться, другого пути просто нет. Дербент — сокровище России. Мы должны сами им гордиться и людям показывать.

История — она разная... Сегодня нам дали свободу слова, и мы давай трепаться. У нас ни героев не осталось, ни святых. Царь у нас — «кровавый». Да, Боже мой! Я всем привожу примеры: не было б царя, Дербент погиб. В девятнадцатом веке здесь выращивали марену: растение, из коры которого делали краб — краситель красного цвета. Текстильные предприятия Российской империи работали на этом крабе. В Дагестане всё было засажено мареной. В городе тогда проживали примерно одиннадцать тысяч человек, ещё до сорока тысяч «лопаточников» спускалось с гор: работали на полях, перекапывали, окучивали, поливали. Все они на этом зарабатывали кусок хлеба, когда нежданно появился искусственный краситель, по цене значительно дешевле. Это был крах. В одночасье все стали нищими, всё пришло в упадок. Люди голодали. Кто мог, уезжал на Восток. И тогда Александр, царь-батюшка, которого мы называем «кровопийцей», обязал российских текстильщиков Морозовых, Барановых, покупать марену в Дербенте в течение восьми лет по цене, которую назовут горцы. Разницу им выплачивали из царской казны. Считается: «колониальный режим». Разве «изверг кровавый» пойдёт на такой шаг? Подобных примеров из истории российско-дагестанских отношений много. Почему-то про них никогда не вспоминают, стараются обойти стороной... Великий Расул Гамзатов сморозил чушь: «Мы добровольно в состав России не входили и добровольно отсюда не уйдём!» Дербент-то как раз вошёл добровольно... Скоро мы собираемся отмечать городу пять тысяч лет. Российские учёные считают «неправда», мы настаиваем. Я со своей стороны предупреждаю: если не согласятся на пять, будем отмечать семь тысяч. Нас не остановишь... Я — большой человек. И моя болезнь — Дербент. Моя мечта распространить её на других людей. Мы ввели в средней школе новый предмет «Дербентоведение», сумел убедить главу администрации. Учебник написал сам, программу составил сам...

Я не удержался от аплодисментов, чувствуя, что болезнь Гусейнбалы незаметно перекинулась и на меня. И я счастлив этому. Гусейнбала — мой первый собеседник. Первая встреча — и сразу попадание в «десятку». То, что он поведал, и есть моя цель. Для этого и приехал в Дагестан, найти таких людей, как он. Людей, которые беззаветно любят родину,

гордятся своей историей и главным делом жизни считают процветание страны. Вот бы в каждом районе отыскать такого... Из этих людей-звёздочек в итоге и сложится созвездие Дагестан.

В горах кратчайший путь — с вершины на вершину.
Я так и передвигался: от одного уникального собеседника к другому.

На следующий день за праздничным столом интеллигентный мужчина, элегантно поправив очки в золотой оправе, поднял бокал и произнёс тост:

— За Дербент и его окрестности: Тель-Авив, Баку... Москву. Как иудей, я поставил Тель-Авив на первое место, чтобы никому не было обидно.

— Кто это?

— Сави Ханукаев.

Ни вина, ни закуски за столом меня больше не интересовали... Ждал перерыва, чтобы познакомиться с интересным незнакомцем.

— В чём отличия Дагестана, спрашиваете? Да во всём!.. Здесь люди концентрированнее. И какая империя это построила? Персидская. Она правила миром восемнадцать столетий. Мало какие империи существовали дольше: Монгольская — триста лет; Рим — семьсот лет; Византия — восемьсот лет. Персия существовала восемнадцать веков. Восемна-а-адцать! Сегодня отношение к Востоку в мире несколько пренебрежительное. Зря... Когда дело касается спортсменов, там понятно: стал человек чемпионом мира, хочет услышать о себе доброе слово от каждого, но нельзя быть навязчивым. До тебя были чемпионы, после тебя будут. И нельзя всю мировую культуру замыкать на одном лидере, пусть даже невероятно успешном. Нужен диалог. Нельзя искусственно возводить барьеры между цивилизациями. Я не знаю, что лучше-хуже. Не стану судить Европу. Кто я такой «судить»? Однако свой выбор сделал. Поездил по миру, побывал везде. И не выбрал бы для проживания ни Европу, ни Соединённые Штаты.

На Востоке есть чему поучиться всему миру. В Дагестане слово старшего — авторитетней суда юридического. В вопросах учиться-жениться решение родителей для детей — высший вердикт. Конечно, мы для дочери просеивали претендентов, не опускаясь до указаний: «Выйди замуж за этого!» Ни в коем случае! Был выбор: три кандидата, которые подходили нашей семье. Коллегиально сидели, обсуждали их, приходили к какому-то мнению: «Вот этот парень нам кажется наиболее подходящим». Ведь девочка, познакомившись с любым, найдёт в нём что-нибудь хорошее. Ну, любым... Потому что человек созрел и готов открыться, сблизиться. Вопрос любви для меня не стоит вообще. Я полностью приверженец восточной методики воспитания. Евреи, когда что-то делают, остановиться не могут, но я не предлагаю отпрысков гнобить... Просто родители должны иметь на собственных детей не какое-то влияние — прямое. Прямое до самой смерти. Почему в других цивилизациях не так? А вот почему: никто не берёт на себя ответственность. Детям говорю: «Я готов терпеть даже вашу нелюбовь за те решения, которые принимаю». Убеждён, со временем они будут отцу благодарны. Возможно, это произойдёт не раньше, чем покину свет. Тогда согласятся: «Отец был прав». Вы спросите, почему в этом уверен? Потому, что так же думал и я. Когда мне было пятнадцать лет, мой отец заблуждался, а когда исполнилось тридцать — он стал для меня воплощением мудрости. Дай Бог, чтобы родителей, не перекладывающих свою ответственность за детей на садик, школу, милицию, становилось больше.

В мусульманстве философия жизни проста. Возможно, слишком проста. У них: Аллах дал, Аллах взял. Любого человека, в любом возрасте. Сына, дочь... Средний мусульманин и на лекарство тратит в разы меньше, чем остальные религии. Об этом предупреждают медики, сигнализируют фармацевты. К собственному здоровью, к жизни мусульмане относятся менее серьёзно. Поэтому и смерти на Востоке боятся в меньшей степени, чем в других цивилизациях. У иудеев, христиан отношение к жизни более трепетное... Без фанатизма.

И Вам желаю веры и меры.

Всё, о чём рассказал Сави, для меня — эликсир, эманация истинной мудрости [1]. Под его восточной системой воспитания готов подписаться и я. (Очевидно, моя первая жизнь прошла в Дагестане.)

Саид Мусаев, заведующий отделом архитектуры, и приятная сотрудница музея-заповедника «Дербент» Айна стали моими экскурсоводами по городу.

— Чтоб Вам было легче, зовите меня «Аня».

— Меня Александр, но раз главное, чтоб легче, тогда «Ахмед».

— Договорились! — улыбнулась она.

Мы посетили главную мечеть Дербента — Джума-мечеть, самую древнюю в России. Джума-мечеть построена в 115 году по календарю хиджры (в 733-734 годах от Рождества Христова) арабским полководцем Масламой ибн Абд-ал-Маликом. На куполе мечети символ шиитской ветви ислама — воздетая рука Фатимы, дочери пророка Мухаммада. Над главным входом надпись на арабском. В переводе она гласит: «Любовь к родине происходит от веры». Согласен!.. Внутри таинственный полумрак. Тихо журчит молитва правоверных. Сидя на коленях, они погружены в благоговение, изредка склоняются к коврику; сосредоточены на общении с Аллахом. Мечеть разделена на шиитскую и суннитскую части. Два ряда аркад со стрельчатыми сводами, переплетая на помосте тени столбов, уходят в сумрак.

Во двореке три огромных платана удерживают своими развесистыми кронами небосвод. Богатырский торс их — в четыре охвата. Возраст более семи веков! Даже в густую июньскую жару мы нашли под их покровительством покой и прохладу.

На Востоке ничего не просто так... Даже деревья.

Крепость «Нарын-кала».

Эту цитадель каждый должен увидеть лично. Стены, казематы, ханский дворец...

Саид посмотрел вниз с высокой башни:

— Отсюда сбрасывали неверных жён хана.

— А сам хан изменял?

— Нет. Хан был однолюб — любил только свой гарем.

Мы шли по отшлифованным временем камням, невольно меня привлекла яркая надпись на стене: «Здесь был Фарид». Саид пояснил:

— Сколько бы не стирали, кто-то постоянно возобновляет автограф. Президент России приезжал к нам в 2006 году. Во время экскурсии в крепость остановился у этой надписи, смеётся: «У вас тоже придурков хватает».

Купольные сооружения, углублённые в землю, — ханские бани. Там моечные, раздевалки, под большим куполом бассейн для омовения ног. Самое интересное — система отопления: в стенах проложены керамические трубы с горячим паром; одновременно нагревалась и сама моечная, и вода. Чередовались банные дни женские и мужские. Если мужчина в женский день глянет в их сторону — ему выкалывали глаз. Если женщина, то оба глаза.

— А как же джигиты подглядывали?

— Могли подсматривать лишь те, кто надзирал, чтоб не подглядывали другие.

— Справедливо.

Вдоль наружной стены по узким наклонным улочкам мы направились к морю.

На автобусной остановке девушка, не отвлекаясь на прохожих, штудировала материал.

— Абитуриентка, судя по всему, — прокомментировал Саид. — Сейчас пора вступительных экзаменов. У нас теперь на учёбу мода.

Я вспомнил: по заверению Гусейнбалы Гусейнова, в Дербенте в каждом подвале, закутке, либо институт, либо академия. На город приходится семьдесят вузов! Вот здорово, если б воскрес Гиннесс, приехал сюда лично, собственной персоной, и завёл для Дербента отдельную Книгу рекордов.

В одном месте дорогу нам преградил высокий забор из профнастила:

— По идее, охранная зона для памятников ЮНЕСКО составляет не меньше восьми метров. Запрещены любые пристройки, к памятнику должен быть обеспечен свободный доступ. И сам видишь: вплотную к крепостной стене — огромный торговый комплекс. Теперь в этом месте к

стене не подойдёшь даже с удостоверением сотрудника музея-заповедника. Пытались с прокуратурой, охрана не пускает: «частная собственность». А вот домик Петра I. Здесь тоже частный сектор. Есть владелец, сдаёт жильё в аренду. Договорились, чтобы экскурсии запускали. Пока соблюдают.

Мы подошли к ржавым металлическим воротам, Саид постучал. Нам открыла женщина, молча отошла в сторону, пропуская. На тесном захламлённом дворе крохотная девчушка играла с куклой. Саид, между тем рассказывал:

— К сожалению, сам домик не сохранился, осталась лишь колоннада. Её плохо видно, сарай пристроен. Пётр I приезжал в Дербент в 1722 году. В 2022 памятного визиту исполнится 300 лет. К этой дате, по логике, нужно бы выкупить у хозяев строение, сделать его пригодным для посещения туристов. Есть богатые материалы о посещении императором Дербента, чтобы со всего мира приезжали, смотрели.

— Не хочется фотографировать пустой пьедестал... Саид, поставь на него девочку... вместо памятника. Для истории.

Девочку установили... Саид придерживал:

— Ровно встань, на дядю смотри. Молодец!

Закончилось моё знакомство с Дербентом...

Я ступал по древней земле цитадели, невольно ощущая сопричастность окружающему волшебному миру. Ловил холодок взгляда крепости, жар дыхания мостовых, вслушивался в застывшую в камне музыку, и она будила во мне радугу чувств торжества и величия. Правы аксакалы: воздух Дербента пропитан особой энергией предков. Являясь на протяжении тысячелетий! ареной кровопролитных войн, подвергаясь постоянным нашествиям, разрушениям, он сохранил удивительную способность, подобно мифической птице Феникс, вновь и вновь возрождаться из пепла. Убеждён: фантастическая птица под названием Дербент, когда-нибудь явит себя миру в былом блеске величия и красоты!

Примечания:

[1] Эманация — в физике, испускание лучей радиоактивными веществами.

*

Династия педагогических пророков

— Сколько в вашем селе людей с высшим образованием?

— Не знаю. В шляпах ходит семь человек.

Ахмедхан Абакров

Я на пришкольном участке общеобразовательной школы селения Падар Дербентского района. Лето — пора школьных каникул, время относительного затишья. Отложены до сентября указка, мел, классный журнал...

— Гя-гя-гя, — призывно кричит куда-то вдаль директор школы, и к нему с радостным гоготом примаршировала, поднимая пыль, стая домашних гусей.

— По голосу узнают начальство, — улыбнулся Фахретдин Ахмедханович. — У нас в семье Исрафиловых семеро детей: пятеро братьев, две сестры. Все педагоги, причём шесть человек работают в нашей школе: Азитдин Ахмедханович, Тажитдин Ахмедханович, Асбет Ахмедхановна, Ильмутдин Ахмедханович, Залитдин Ахмедханович, Зумруд Ахмедхановна... Общий педстаж семьи составляет триста двадцать три года. Отец у меня работал долгое, до-о-олгое время заведующим... Не хочу сильно хвастать, но родители были грамотными.

— Вы директор, а старшие братья слушаются вас? Не помыкают: «Молодой, ничего не понимаешь...»

— Да Вы что, Вы что... Такого у нас не бывает. У меня завуч по учебной части на первых порах тоже заявляла: «Это твои братья! Как могу требовать с них отчёт по классному руководству?» Понимаю её: им неохота вовремя представить, в годах они. Но если ценят-уважают меня, как директора, значит, должны пример показать, школа — наше общее».

Работаем, я не хвастаю: не отстаём от других школ... ЕГЭ сдали: ни одной неудовлетворительной оценки нет. Проверяющие делают замечания: «У вас дети слишком воспитанные». Могу поклясться, нет ни одного курящего ученика. Нет такого. А их у нас триста шестьдесят два. И в комиссии по делам несовершеннолетних никто не состоит. Лет пять назад была мода на железки... Собирали, откручивали, отламывали — получали деньги. В селе украли канализационный люк. Инспектор с участковым первым делом, — к нам в школу. Торможу их:

— Зашли — хорошо! Но вы стойте, наблюдайте, я сам всё выясню, доложу. У каждого педагога свой метод... Подошёл к ребятам по-свойски: так-так-так... Они сразу мне: то-то-то.

— Как это по-свойски?..

— Я служил в показательном полку артиллерии, в ГСВГ (группа советских войск в Германии) Год служил. И там у нас никакой передышки не бывало. Минута — в минуту, секунда — в секунду. Наша батарея по всем показателям держала первое место: по боевым, по чистоте, по строевой. Командир спрашивал — надо отвечать... Обдумывать времени не давал: «Ты так?! Давай, давай, давай...» И здесь выложили откровенно. У меня свой метод — анонимный. Обычно дети в селении всё про всех знают, но не выдают. Распечатываю на принтере список учащихся класса и каждому школьнику — отдельный лист с вопросом: «Кто это сделал?» На анонимном листке ни подписей, ни дат. Просто галочку рисуйте... Они отмечают, а я потом вызываю героя:

— Э, слышь, результаты. Полюбуйся!

— Детектор лжи.

— ...и сразу раскальваются. Исключительно работает.

В итоге на закрытом совещании в районной администрации участковый доложил: «У директора Падарской школы следует поучиться раскрывать преступления». Вас удивило наше подсобное производство: гуси, утки, куры... Наверняка, возник вопрос: «Куда деваем продукцию?» В школьную столовую. Это и воспитанию пошло на пользу: раньше кошку видели — измывались... Сейчас котят-гусята спокойно растут. Дети к ним с уважением. Ухаживают.

Много, конечно, зависит от мастерства педагогов. В этом году мы решили провести ЕГЭ среди преподавателей по всем предметам, устроить тест по психологии, выставить баллы. Это не положено, поскольку они имеют диплом государственного образца, но сами преподаватели решили: «Выпускные классы отдавать наиболее опытным, знающим».

— Тест учителям?

— Да. Я согласился. Действительно, многие заканчивают коммерческие вузы, и всё проходят мимо. Мы с психологом составляем тест: вопросы из Интернета берём, сами придумываем, чтобы выявить их способности к педагогике. Один наш выпускник еле-еле вытянул школу, поступил на исторический факультет и по каким-то кривым линиям с приказом приехал на работу к нам. Я ему ласково:

— Дорогой мой, ты же не преподаватель! Пойми.

— Нет, мне надо!

Отец его пришёл:

— Надо...

— Не получится из него педагога.

— Почему?

— Он в школе плохо учился. Раз. Общаться с детьми, с коллегами не может... Думал, достаточно кое-как простоять, сорок пять минут продержаться. Здесь не армия: «Солдат спит — служба идёт!» Зря, что ли, мы бьёмся над тем, чтоб повысить эффективность каждой минуты урока. Один раз ему талдычу, второй... Прилюдно обсуждаем. Не понимает. В итоге мы с завучем внедрили календарно-тематическое планирование, поурочное планирование, посещение уроков... Через месяц он подал заявление по собственному желанию: «Извините, я понял, не моё место. Спасибо». А если ему не помочь определиться, себя как специалиста погубил бы, и детей... Сколько ни учи сову, соколом не будет.

Раньше отрядам присваивали имена героев далёких или вымышленных: отряд имени Олега Кошевого, отряд имени Павлика Морозова. А я восемь отрядов назвал в честь ветеранов-учителей. Восьмой класс носит имя моего отца. И когда рапорт дают: «Отряд имени Исрафилова Ахмедхана Ахмедпашевича», Джамбалаева Джамбала Кадыровича, отряд Набиева, отряд Назирова...

И ребят, и учителей это стимулирует.

— Педагогические пророки и апостолы вашей школы?

— Да, да, да...

А что, может действительно нужно начинать с почитания собственных пророков: близких и понятных.

P. S.

Перезвонил Байрамбек:

— Александр, салам! Извини, сразу к делу: с какого возраста можно стать Президентом России?

— ?.. Байрамбек, красавчик, тебе уже можно.

— Да нет... Не для себя. Человек экзамены сдаёт в Москве, позвонил. У нас в учительской Интернет отключен.

— Сразу не отвечу.

— Посмотри и перезвони.

*

Обряд примирения «маслиат»

*Если расшевелишь огонь,
искры в лицо летят.*

Аварская поговорка

«Город, где нет светофоров» — из вопросов знатокам.

Они не ответили. Это — дагестанский город Огни. Там, на центральной улице, произошло ДТП, случились жертвы. Уже ночью в больницу приехали родственники погибшего, забрали тело, на следующий день по исламской традиции до захода солнца его предали земле. Правоохранительные органы зафиксировали «в уме» данное происшествие, но дальше по адатам в дело вступили аксакалы, влиятельные духовные и должностные лица двух конфликтующих сторон — начался обряд примирения.

Я упросил Мугутдина взять меня с собой:

— Впереди пост ДПС, пристегнуться надо?

— Я для тебя — и ремень, и броня.

Подъехали к ЦРБ...

Было ранее утро, между тем больничный дворик заполнялся, заполнялся людьми: одни навещали пострадавших, поддерживали морально родственников — другие уезжали. Оказывается, всю ночь добровольцы по очереди дежурили в больничной палате.

Мугутдин едва слышно пояснил:

— Обычно, как сейчас, читают молитвы, виноватая сторона публично извиняется перед пострадавшим тухумом и, если убийство произошло неумышленно, по неосторожности, обе стороны приходят к мнению, что можно обойтись без «государства», не подключать суды-муды для посадить кого-то; виноватая сторона щедро оплачивает материальные и моральные издержки. Фактически, семьи становятся друг другу родственниками. На протяжении всей жизни они оказывают содействие той стороне. Если есть дети, их поддерживают: обучение, свадьбы...

Инициативные люди переходили от группы к группе, обсуждали детали предстоящей поездки в Магарамкентский район к семье погибшего. Набралось семнадцать машин! Признаюсь, за всю жизнь ничего подобного не видел... Общинный уклад, такой же, как в старину на Руси. Уьем живут. Тут же зам муфтия Дагестана, он тоже собирался ехать.

Я спросил у духовного лица:

— А как же Федеральные законы?

— Человеческие отношения важнее. Лучшие законы рождаются из обычаев.

— !

Мугутдин после поездки рассказывал:

— Родственники, друзья, сперва остались на улице, мы с муфтием зашли первыми: «Ради Аллаха, простите нас! Такая беда. Нам стыдно прийти к вам. Знаем, у вас большое горе, мы пришли просить прощения. Если позволите, наши люди стоят там, на улице... Мы бы зашли сюда, пополам разделили вашу беду. Если он даже не виноват, мы считаем нашего мальчика виновным». Отец, два брата погибшего встали: «Пригласите людей!» Мы привезли подарки, кто что мог. Выразили соболезнование. Отец сказал: «Мне от вас ничего не нужно. Аллах дал — Аллах взял. Хасмат (тюрок. — слуга) у него кончился, поэтому умер. Мы против вас ничего не имеем». Теперь, после того, как примирение произошло, большая группа мужчин, женщин поедет к пострадавшей стороне выразить соболезнования. Они будут ездить и завтра, и послезавтра, и на семь дней, сороковины, пятьдесят два дня.

— У нас ничего подобного нет, — с сожалением произнёс я.

В Дагестане чужого горя не бывает, здесь все участливы друг к другу. Беда может случиться с каждым. К данному конфликту причастны две национальности: азербайджанцы и лезгины. Когда случается горе — национальные, религиозные вопросы отступают. Человеческие отношения выходят на первый план. Горе людей объединяет. Неписанные традиции человеческого бытия в Дагестане по статусу выше любого вердикта. Адаты — Законы Гор — накладывают табу на любой федеральный указ. [1] Если бы гайшники пришли к подобному соглашению «втихаря» — это банальная коррупция. А вот так: публично, открыто, массово... Есть в таком самобытном сценарии своя сермяжная правда. Законы — формальные, сухие строки... Они не учитывают тонкостей человеческих отношений, души, сердца, традиции. Законы не заботятся о негативном развитии ситуации в дальнейшем, они не учитывают много чего... Например, возможную кровную месть.

Истари в Дагестане ссору между мужчинами могла погасить женщина, бросив на землю платок. По-моему, эта красивая традиция актуальна поныне, хотя она тоже не прописана в статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Примечания:

[1] А. В. Комаров «Адаты и судопроизводство по ним»: «Имам Шамиль сам в течение двадцати семи лет стремился к уничтожению суда по адатам, жестоко, большей частью смертью, наказывая сопротивляющихся его намерениям, однако он не достиг цели».

*

Урок географии

Хабар начальника УГРО [1]

Сотрудникам милиции, погибшим при исполнении, посвящается

*Если не я за себя, то кто за меня?
Если я только за себя, то зачем я?*

Гиллель Вавилонский

За время службы довелось мне участвовать в разных операциях, но освобождение из чеченского плена наших ребят стоит в этом грозном перечне особо...

В девяносто шестом я работал начальником угрозыска Магарамкентского РОВД. Часть людей из нашего отдела были откомандированы на административную границу с Чечнёй и несли службу там, на закреплённом участке у села Гамиях. И тут ЧП! Материалы служебного расследования показывали: «15 января 1996 года в 17.06 к блокпосту подъехала автомашина марки УАЗ-3741. Из фургона выскочили троё неизвестных. Угрожая оружием, захватили четырёх сотрудников милиции, увезли в сторону Чечни».

Я отказывался верить случившемуся...

إِنَّ الْأَخْصَاصَ يُرَى فِي جَوْفِهَا الرَّقْمَ

Сквозь щель видна страшная беда!

Чеченцы и дагестанцы — родные братья. Братья навеки! Со времён легендарного Шамиля. Теперь, когда в Кремле всё смешалось и предлагали брать суверенитета, сколько влезет, сколько утащишь, нам Грозный стал ещё ближе. Напрямую в бандитские разборки Масхадова с Россией мы не влезали, но «разборки» превратились в войну. И если фронт был в Чечне, тыл — в Дагестане, в каждой аварской, даргинской, лезгинской семье.

Есть у меня скользкий знакомец — Дауд, дагестанский чеченец. Когда его задержали, я в показаниях помог немного... И он не то, что отработывал... Бывший спортсмен, неоднократный чемпион Союза по боксу, авторитетный человек и здесь, и там... В Чечне его сильно уважали. Он снабжал их оружием всю войну.

Сiju как-то у него в гостях в Хасавюрте, и тут он ни с того ни с сего предлагает:

— Давай прокатимся в Ичкерию.

А там всю войну...

— Ты чё? Большой?

— Да мы взад-вперёд, на экскурсию.

Уболтал. Границу пересекли засветло. Российский дивизион установок «Град» располагался на опушке голого леса. Дауд вызывает командира: краснощёкий такой, жирный, пыхтя, вырывает к нам. Дауд ему с ходу:

— Командир, вот десять тысяч баксов, — пачку протягивает, — а вот координаты: сделай залп, восемьдесят ракет.

Тот берёт деньги, не спрашивая, что за координаты:

— Ты меня-яя знаешь!..

— Пуск — через два часа.

— Разницы нет, — у самого ряха лоснится добычей.

Воистину: «Для кого — война, для кого — мать родна».

Мы сидим в Хасавюрте в кафе, ровно через два часа — залпы ракет «земля-земля». Дауд ухмыльнулся:

— По своим отработывает... Сгоняем ещё разок к этой свинье?

— Ле, ты что, б!.. нас после этого... самих... взорвут!..

— Не взорвут, поехали.

А у ракетчиков командир уже бухой... Дауд наезжает на него:

— Мы с тобой как договаривались? Восемьдесят пусков!

— Сделал... брат.

— Не сделал. Семьдесят. Я сам считал! — врал внаглую.

Тот засуетился, на красной лысине выступил пот, и набухшая капля сползла по роже...

— Восемьдесят, брат. Все запустил!

— Нет, семьдесят. Верни две штуки.

— У меня их уже ёк... [2]

— Как хочешь, возвращай.

— Давай... скажи, что-нибудь другое сделаю. Отработаю!

А тому только это и надо:

— Ладно... Десять оставшихся запустишь по этим координатам.

Через два часа залпы накрывают вторую российскую часть. Весёленький междусобойчик! Вот так воевала Красная Армия. Своим работникам я, по согласованию с начальником РОВД, категорически запретил применять оружие. По исламу: если чеченец убьёт меня, в рай не попадёт, зачем же я стану стрелять в него? Братья-мусульмане платили взаимностью...

Служебная проверка подтверждает: ничто в тот день не указывало на обострение ситуации: «...с 08.00 до 17.00 через блокпост, в сторону села Гамиях, проследовало пять автомашин, две — в сторону Чечни. В 12.17 на пост пришёл житель села Центорой: обратился за помощью в выделении транспорта. Водитель служебного уазика сержант Омаров выехал с ним на территорию Чечни, оказал необходимую помощь». Какая муха укусила чеченских орлов?! Взять в плен наших солдат-милиционеров!.. Мы все ездили на ту сторону не раз, их тоже сюда свободно пропускали... Не то, чтобы пресекать переход границы, наоборот, помогали местным жителям, простым людям. И — на тебе...

Одурев от бессонницы, мы сутками искали пропавших ребят. Мотались с начальником РОВД в Хасавюрт — все сведения из Чечни стекались туда. Оперативники докладывали: «У этого полевого командира нет, у того нет». Ну, никаких следов! И ещё Дауд пришёл с очередными хабарами: «Там мне — так сказали, а там — вот так, но мы их из-под земли достанем...»

— Дауд, «из-под земли» не хочу. Может, я с тобой в Чечню смотаюсь?

— Опасно.

— Хоть опасно, поеду.

Мой начальник Мамедов вспыхнул:

— Не, ты что? куда?

— Поеду. Сколько будем сидеть, сказки слушать? Тут не знают, там не знают. Клянутся, божатся: «Найдём, узнаем слэд, взарвём, атбирём!»

— Тебе что, больше всех надо?

— ...Наши — в плену-уу!!!

— Смотри, я за тебя не отвечаю.

— Не нужно за меня никому отвечать. Решение — моё!

Дауд с утра до вечера — со мной. Очень добросовестный оказался чеченец. Редкий чеченец! В благодарность за то, что помог ему однажды... Кормил, поил, возил. На его машине всю Чечню объездили. Буквально. Летали на бешеной скорости по снежным горам-долинам. Утром выезжаем — вечером назад. Я в гражданке. Он предупредил:

— Возвращаться нужно засветло! Не успеем выскочить до темноты, никто нас спрашивать не будет, уничтожат.

Дорога жёстко задиралась вверх серпантином. Вечернее рыжее солнце металось у виска слева направо. Разбрасывая из-под колёс мёрзлые камни с грязью, мы мчались по ущелью, как ветер, краем узкого каменистого пояса. Слева от нас синела пропасть, справа скалы вставали над

скалами. Едва проскочили узкое место, за спиной глухо загудел камнепад — снежная лавина лениво съехала, поглотив дорогу.

Обычно Дауд с бандитами на чеченском разговаривал, мне переводил. Дней десять уже колесили, надоело:

— Ле, Дауд, так не бывает: ты с ними говоришь на своём, тебе отвечают, я — не в курсе... Мне их байки осточертели. Каждый раз одно и то же: «то сделаем», «это сделаем». На русском говорите, чтоб я понимал.

В следующий раз Саламбек — масхадовский боевик, пацан, лет двадцати пяти, не старше, перетянутый крест-накрест оружием — ну с таким важным видом толковал с нами... с та-киииииим го-но-рум... Взбесило меня. Полопотали на своём, и Дауд опять мне:

— Поехали...

— Нет, так не пойдёт. Мы же договорились — на русском. Саламбек, вы сколько заданий давали — мы выполняли. Кроме того, ладно я, Дауд вам помогает... Всю войну. Ты чё, мы сколько к тебе ездим, ты пацан молодой, издеваешься над нами: «Завтра», «послезавтра»...

— Я их не видел.

— Ты описываешь наших ребят и сам: «Не знаю, не видел!»

— Просто так сказал.

— Просто так не сказал ты... Одежду одного описал, какой внешне — говоришь. Откуда можешь знать? Это наш работник, сержант. Он больной. У него с сердцем серьёзные проблемы. Саламбек, я подполковник милиции. Помогите хотя бы больного вызволить... Я пойду вместо него. Потом договаривайтесь о чём угодно. Подполковник ведь выше сержанта?!

— Я не знаю, не решаю, я посмотрю...

Ну, что с абреком будешь делать?.. Мы — к Турпавали, начальнику контрразведки Масхадова. Он дружески похлопал меня по плечу и сладко запел:

— Полковник, знаю, ты воинам Аллаха помогаешь. Мы в долгу не останемся. Слово горца! Назови полевого командира, с землёй смешаю чеченское село, но их вырuchu.

Я обрадовался. Разве тут не обрадуешься... По всей Ичкерии до одури круги делаем, наконец, узнаём: «Солдаты в отряде у Эби — Большого Асламбека». Сломая голову мчимся к Турпавали.

— У Эби!

— Точно?

— Точно не могу сказать, но сообщили: у него.

— Решу.

К Турпавали две недели мотаемся — результата нет. И его «решу» на поверку — словоблудие одно. Тьфу! Министр внутренних дел ЧРИ [3] Казбек... Махашев что ли... Здоровый такой, весёлый... Радужно принял, как все они:

— Братья-земляки-ии, вассалам аллейкум! обнимаю вас. Главное — не волнуйтесь. Вы, подполковник, приезжайте завтра в форме, обратитесь к населению по телевидению.

Приезжаю в форме. Министр свёл с замом, тот — с начальником Управления уголовного розыска — Хамзатом. Тоже здоровенный такой... Мы с Даудом — к нему.

Опять расспросы:

— Что? Где? Кто?

— Четырёх ребят взяли на границе...

И вдруг этот Хамзат взбрыкивает, агрессивно так:

— Ты чего в форме приехал?

— Министр ваш сказал.

— Вах!.. Ты выйдешь отсюда... самого заберут. Чего нам формой российской мозолить глаза!.. — выскочил из кабинета.

Я — Дауду:

— Объясни ему, ещё раз начнёт, такое ответчу... мало не покажется. Я в гости к нему приехал, в его кабинете нахожусь, а он страшит...

Вернулся Хамзат:

— Обращение по телевизору не получится. У Эби их нет. Сегодня-завтра соберу информацию. Узнаю, где.

Дауд имел прямой выход и на Аслана Масхадова. Мы — в Гудермес. Он заскочил в штаб, я остался на улице ждать. Смотрю: пленные российские солдатики в драных рубашечках на колючем ветру... Зимой! Копают траншею, отопление тянут. Над ними — автоматчик. Прямо, как в фильмах про эсесовцев. А в трёхстах метрах — российская армия... Тут же у штаба русские женщины воют. Пробиваются на приём к президенту Масхадову, за пленных сыновей просить...

Выходит из штаба Дауд, я ему:

— Не перегибаете ли вы палку с русскими?..

— Ясыри? [4] Это собаки — не люди. Гяуры. [5] В соседнем селе, в хлеву у моего брата на цепи молодые русские девки прикованы. Их дерёт любой. Ахх-ха-ха... Хочешь — заведем... Угощаю!

— Давай — к делу.

— Аслан хочет познакомиться с тобой лично. За помощь обещал наградить высшим воинским орденом Чеченской Республики Ичкерии — «Честь нации».

— Пусть поможет ребят найти. Это и будет награда.

— Ну, как знаешь... А что касается твоих подчинённых, пообещал решительно: «Где бы ни были — найдём, освободим. Своих — сурово накажем, сгноим!»

Однако сколько мы ни ездили, никто не помог. Вышли на Хаттаба.

Эмир ибн Аль Хаттаб — фигура колоритная. Он же Ахмед Однорукий, он же Чёрный Араб. Смуглый такой, длинные вьющиеся волосы, чёрная перчатка на правой руке. В селении Ведено у Хаттаба роскошный дом, параболическая антенна (в то время у нас ничего подобного не было). На этот раз со мной был зам главного ваххабита Дагестана с бородой; борода в Чечне служила пропуском. (С бородой ездят, куда хочешь!) «Борода» с Хаттабом между собой хабарят на арабском. Долго, изнурительно. Изредка ваххабит переводит. Смысл прежний: «Сделаю, найду, спасу, поеду к Радуеву, Масхадову. Пока не знаю, где они, но буду искать... Отобью! А вы — помогите мне».

— Якши! [6]

За ношение оружия мы задержали араба. Хаттаб попросил освободить его и отправить домой в Иорданию, назвал своего человека на границе:

— Ему передайте, остальное — не ваши проблемы.

Я вывожу наёмника из камеры... Вот такой араб — тридцать килограмм весом:

— Собирайся, едем!

— Куда?

— К маме.

— Нэ поеду...

— Почему это нэ поедешь?

— Возвать хачу... К Хаттабу назад хачу.

— Хаттаб тебя не желает... Уезжай!

— Умирать хачу.

— Умирать?

— Да.

— Видишь люстру. Верёвку принесу, вешайся здесь. Мы тебя похороним на мусульманском кладбище. Здесь роскошное кладбище... С почестями похороним, по благу...

— Вах! Зачем такое говоришь?.. Нэльзя.

— Почему нэльзя?

— В ад пападу.

— Ну, раз не хочешь в ад, вали отсюда...

Тридцатикилограммовый меня уверял: «Нигде так салдат нэ резал, как здесь у Хаттаба. Сто, сто!.. голова резал, как баранам. Падвал всё забиты плэнных!» Я брезгливо поглядывал на большого фанатика: война, точно чёрная дыра, притягивает тёмные силы; наёмники издалека чувствуют смерть и как вороны на падаль, с карканьем слетаются на запах.

Мы доставили араба на азербайджанскую границу. (Там ребята-лезгины за бакшиш и теперь переправляют людей.) Для интереса у старшего осведомляюсь:

— А как ты их?..

— Сплавливаю по реке за сто долларов... Недавно Радужева сопровождал.

Два месяца я не прекращал поиски... Звонок от Хаттаба был неожиданным:

— Нашёл! Завтра будут передавать.

Начальник РОВД выслушал мой доклад:

— Сам поеду! Хочу с Хаттабом сфоткаться.

Боевую медальку полковнику, видно, захотелось...

Хаттаб отдал наших бойцов. В благодарность начальник подарил ему кинжал с золотой насечкой. Грязных, вшивых, измождённых ребят отвезли по домам. Расспрашивать их сейчас не имело смысла. Они отрешённо смотрели в никуда... словно не радовались. Неприятно было сознавать, но, похоже, вместо братских отношений Дагестану отвели роль очередной юной невесты, которую матёрый жених строго выдерживает в углу, пока сам гульбанит с гостями на свадьбе... Хотя какая там, к шайтану, свадьба без магари?! [7] Это — зина! [8]

Лишь спустя несколько дней, под нажимом, крайне неохотно бойцы рассказали нам... в скупых красках... Про ад в чеченском рабстве... Про кавказское гостеприимство братского народа!.. И меж собой дали мы клятву: в плен больше не сдаваться.

В августе девяносто шестого генерал Лебедь подписал Хасавюртовские соглашения. (Почему-то меня это даже не обрадовало.) Мышки прогнали кошку и распоясались окончательно... А вскоре у нас произошло настоящее ЧП: бой на том же блокпосту в районе села Гамиях, есть убитые, одного забрали в плен. От Магарамкента туда — не близко... Приезжаем ночью с полковником Мамедовым на место. Фонарём свечу: такая каша!.. Мешки с песком в пробоинах, гарь, убитые... лейтенант Ярахмедов, совсем недавно в нашем отделе, попал в плен. Мужественный парень такой... Стажёр мой. Выяснилась и ещё неприятная новость: один опер, подонок, как заваруха возникла, сбежал:

— Ссс-сука!!! Нет тебе места в органах. Свободен!

— Не испугался я... я — за помощью!.. — сам в глаза не смотрит.

— Сволочь! Ты ребят оставил. С оружием драпать! И не вернулся...

Часа четыре прошло с начала перестрелки. Наш работник, участковый, мальчишка совсем, при нападении отстреливался из пулемёта. Трясу его за грудки: «Что? Ка-ааак!?» Пугается в показаниях, у самого руки дрожат. Ходуном ходят. Я горячий ствол — в ноздрю... По его информации: подъехали чечены на КАМАЗе, хозяйничать начали. лейтенант Ярахмедов сделал замечание. Его скрутили, бросили в кузов. Он успел скомандовать: «Огонь!» Завязалась перестрелка. Двух «чехов» подстрелили, двух ранили... Те машину от блокпоста отогнали, стали запугивать: «Сдавайтесь, не то всех положим». Участковый в ответ из «красавчика» выпустил магазин, второй вставил, на седьмом патроне заклинило... Растерялся: повторно передёрнул, патрон — наперекос... Спасло то, что духи дрогнули, отступили.

— Извини, брат, — я твёрдо положил руку ему на плечо.

Он горько заплакал...

— Нюни развесил... слюнтяй! — вставил свои «три копейки» начальник милиции.

Я вытащил его за грудки на улицу:

— Ле, Мамед, не болтай! Парню впервые пришлось... по живым людям стрелять... В такой ситуации неизвестно, кто как поступит. Не трогай его. Он — герой! Из четверых один остался, отстреливался. Другой бы на его месте, может, руки поднял.

Это был первый бой между дагестанцами и чеченцами на границе. До сих пор никто никогда по землякам не стрелял. Чечены буквально заставили нас вытащить кинжал из ножен...

А лейтенанта... нужно было срочно! выручать.

Я протоптанной дорожкой — к Дауду, с ним — к Саламбеку... (У самого нервы ни к чёрту.) В очередной раз сорвался:

— Саламбек, ты надоел, ты... пацан! Ладно, меня не уважаешь... Ты к своему чеченцу точно так же относишься. Ты... чего издеваешься?! Вы говорите: «братья, братья-дагестанцы», сами нападаете. В один день такой кулак получите в лоб, мало не покажется... Во все стороны.

— Что могу делать?

— Как что?! Две недели к тебе езжу... И — без толку!

Как-то Хаттаб попросил переправить боевика за кордон. Им оказался Саламбек.

— О! Перетянутый!.. Так это тебя будем в канализацию спускать?

Сидит, надувшись, паук пауком, весь оружием крест-накрест увешан. Молчит.

— Куда собрался с пулемётом? Ты чё? Ненормальный, что ли? Ещё бы на танке приехал! Мало того, себя подставляешь, ты нас подставляешь. Если тебя здесь заберут, Хаттаб решит: мы сдали. И нашего парня кончит.

— Что, я без оружия поеду?

— Разумеется, без оружия. Нам грубиянов не надо... мы сами грубияны!

Привожу его к себе в Магарамкент, в отдел милиции:

— Саламбек, если по вашей логике поступать, я тебя сейчас должен взять за шкуру, кинуть в «обезьянник» [9]. Ты боевик... Ты как со мной разговаривал там?.. Там!!! А?!

Куда только гонор делся! По-блед-нееел весь... Решил: действительно его хочу закрыть.

— Да не ссы... Не нужен ты мне. Мне надо лейтенанта вытаскивать. Из-за него тебя, гниду, терплю...

Ночью Саламбека переправили за кордон. Приезжаем к Хаттабу: охрана меня знала, лениво махнули:

— Нет его. Ждите на дороге.

Белое солнце, похоже, застыло в зените... Редкие отары кучевых облаков белыми миражами проплывали в небе. Наяву нынче встретить отару — большая редкость. Война. Час сидим в раскалённой машине, два. Видим: вдали пыль. Летит. У Хаттаба на правой руке пальцы обрезаны, так он трёхмостовый КАМАЗ одной левой водил. Мечтал всё: «Мне бы русскую технику, американское обмундирование, я с любой армией воевать смогу». С ним обычно от силы один охранник. Хаттаб никого не боялся... Его все боялись. Увидел нас, остановился, выходит, опять начинает «мутъ» разводиться... Я в сердцах зло бросаю Дауду:

— Может помочь — пусть поможет. Впустую ездить больше не буду. Плевал я...

И тут Хаттаб на!.. русском:

— Слушай... Магарамкентский РЭВЭДЭ нам не помогает.

Сколько до этого общался, не знал, что он по-русски знает!

— Хаттаб, мы тебе постоянно помогаем. Просил араба освободить — освободили, машину перегнать — перегнали, Саламбека за кордон переправили. Что ещё должны? Открыто воевать на твоей стороне? Хоть лопни, не сможем... Всё для тебя делали. А ты обещал мне парня — не нашёл: «Завтра да завтра».

— Слушай, не горячись... На Востоке так нельзя! Так в гостях не разговаривают... — глянул на часы, — О! Время намаз творить.

Подъехали к дому. Бородач-нукер [10] меня подталкивает:

— Пошли!

— Я не умею.

— Нужно.

— Ле, я ж тебе русским языком говорю: не умею. Когда наклоняться, что говорить...

— Нет, надо делать. Хаттаб обидится.

— Пусть хоть трижды обижается!

— Твой начальник был, делал намаз.

— Пускай.

Хаттаб опять подключается:

— Слушай, так нельзя... Мы мусульмане, должны соблюдать Коран. Молиться не будешь, я вам не помогу.

— Хаттаб, наш лейтенант, и Коран читает, и всё соблюдает. А я... слово даю: вытащи его, начну намаз совершать для себя. Клянусь.

Ничего не ответил, ушёл в дом. Охрана зашипела:

— Что хозяин велит — делай.

— Ле...

После молитвы Хаттаб подвёл меня к машине.

— Смотри мой КАМАЗ, ни одной царапины...

— Хаттаб, у тебя сотни КАМАЗов. Может, к блокпосту на другом приезжали?

— Не мои люди были... Назови командира — силой отберу.

Сила у Хаттаба действительно была. И ещё была в Москве какая-то непонятная влиятельная рука. Хаттаб сам удивлялся:

— Раз попали в окружение. Ну, такое плотное. Блокировали нас русские и сидят, не наступают, не обстреливают... С темнотой отправляю людей в разведку. Возвращаются: «Хаттаб, беда! Птичка не вылетит! Пропали мы, пропали гуртом...» Уже поклонился Аллаху: «Вай, конец пришёл». Ночь молились. На рассвете разведка докладывает: «Нет никого». «Как нет?» «Так, нет». Скрытно прочёсываем лес: ни одного уруса, никакой техники. Разблокировали нас и оставили. Мы аккуратно уходим в горы, опять вооружаемся, опять нападаем. Так было раза три-четыре. До сих пор не знаю, кто русским команды даёт? По вашему телевизору врут, что я наёмник. Я не наёмник. Наоборот, я свои деньги вкладываю сюда... Газават — священная война с неверными. Если погибну — попаду прямо в рай!

Вот такой большой был на голову.

— Война кончилась, Хаттаб. Найди парня... клянусь: вывезу тебя отсюда. Никто не тронет.

Думал, хорошее предлагаю, а он:

— Слушай, не надо меня вывозить.

— Ле, война кончилась, тебе что здесь делать? А?!

— Здесь останусь. Будет грозненский аэропорт работать, сам улечу в любое время.

— Всё одно, помоги! Мы тебе помогали!

— Помогу, клянусь, — он приложил правую руку к груди. — А где твой Мемед-начальник? Чё трубу не берёт?

— На работе.

— Почему сюда не сам едет, мы договаривались.

— Тебе какая разница? Обязательно полковник нужен?

— Мемеду, значит, не интересно.

— Ладно, скажу, приедет.

Я к начальнику:

— Поехали, парень там! Месяц томится... Хаттаб тебя звал.

— Нет!

— Поехали, ты ведь фоткался с ним, чё боишься?

— Сказал, не поеду.

Каждый раз при встрече Хаттаб настойчиво вспоминал про начальника милиции. В очередной раз я вернулся из Чечни и Мамедову — вопрос ребром:

— Собирайся!

— Нет! Он хочет меня в заложники взять...

Имя Чёрного Араба для всех ваххабитов было свято. По первой его просьбе они готовы были сами отдаться, не то что приказ не выполнить. А одного лейтенанта разыскать не могут... Тут что-то не то... Поговаривали, якобы Хаттаб забирал людей в плен, месяц-два выдерживал, время тянул. Сам выходил на родственников, торговался: «Я знаю, где он. Готов помочь, конечно, не бесплатно». Ему несли щедрую мзду, помогали. Доил людей без конца. И своих, и чужих. Во всяком случае, главе администрации села Первомайское он так и заявил: «С боем освободил твоего наследника». А сын всё это время сидел в его зиндане [10]. Не традиционный это ислам.

Близко к исламу не идёт. Мой дедушка, правоверный мусульманин, учил: «Если тебя даже бьют, не отвечай злом на зло!»

Однажды по телевизору показали российских ребят-контрактников. Они боевиков убивали, уши отрезали и для коллекции — в банку со спиртом. (Ельцин ещё хвастливо заявил: «Наши ребята себя в обиду не дадут!») Хаттаб, на следующий день после злополучного репортажа, отправил людей к российскому командиру: «Продай мне этих телезвёзд. За ценой дело не станет. Сколько хочешь?..» Командир назвал цену. Договорились: он отправит их завтра, как бы в поиск, по согласованному маршруту. Надо было видеть, с каким слащавым удовольствием и горящими глазами Хаттаб рассказывал:

— На следующий день ждём, эти двое идут... Мы их не убили... уби-ваааа-ли. Аллах-акбар!

И подарил мне видеокассету на память.

Правда! Аллах велик!

Только Аллах у нас с Хаттабом разный! Вера — если умирают с именем Бога на устах, а если, прикрываясь именем Его, режут — это обычный бандитизм! Но, как бы собака ни была погана, ей океан не испоганить.

Горит внутри!.. Не могу молчать... Здоровых молодых ребят, спецназовцев, командир продал. Я в отделе кассету показывал, наши не могли смотреть. Приказал:

— Нет, смотрите! Чтоб знали, что творят выродки...

Жгло в груди. И не было слёз... Я выехал на берег грозного Каспия.

Море закипало, тучи слетались, откуда неведомо, ходили мрачной круговертью, словно боевой хоровод во время зикры [12]. Холодный ливень наотмашь хлестал землю и море. Каспий... почернел от горя!

А «молодой» из головы моей... из сердца не выходил: «Хорош наставник... нечего сказать... Парня не уберёг!» Мысль эта нестерпимо терзала, мучила с каждым днём сильнее и сильнее: «Он-то и есть мне настоящий брат, истинный кунак. И вот сейчас мой кунак... в руках головорезов». Временами сознание норовило спрятаться от повседневности... Я вспоминал задушевные откровения лейтенанта: он всё мечтал сад возродить заброшенный... отцовский... У него крошечная дочурка, жена скоро второго должна родить. Был у них. Как мог, морально-материально поддержал... Они-то молодцы... Ллле-е! А что делать мне?.. Мне-то... что?!!

Не отдавая себе отчёта, с какой целью, поехал вечером в родное село. Ноги сами вели... Гладкие каменистые ступени указывали путь. Тесная улочка побежала вверх, изогнулась, пропала во мрак и снова, по ту сторону мечети, вынырнула на жёлтую луну.

Вот и низкая тёмная сакля алима... [13]

Абусаид-Хаджи...

...Ночные звёзды гасли, зарождался новый день.

С минарета муэдзин [14] пропел азан [15] к молитве. Начальник УГРО вышел в сад, совершил омовение, поднялся на глинобитную крышу родительской сакли, расстелил старый дедовский коврик и впервые опустился на колени. Закрыв глаза. Земное отступило. Он остался наедине с Аллахом. Никогда прежде не доводилось ему читать Коран. Не хватало свободного времени, знаний... а скорее — внутренней потребности. Не знал ни одной суры и сейчас лишь исступлённо, как клятву, повторял:

— Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

В мозгу его, слово за словом, пульсировало услышанное ночью от алима: «Человеку без веры холодно... Зажги в душе огонь и согрей им своего кунака». Снова и снова всплывали в сознании герои старинной легенды, поведанной мудрым аксакалом.

Был у хунзахского хана заведён для пленников коварный метод расправы. Он приказывал раздеть непокорного, нагим отправлял на скалистую вершину и там оставлял на всю долгую ночь. Холод, вьюга, ветер злочий налетали на одинокого беззащитного человека, обрекая на

мучительную верную смерть. «Лишь тот, — ядовито усмехался хан, — кто увидит восход солнца, получит в награду свободу». И жили в те далёкие времена два мужественных юноши. Одна судьба была у них, и они, как левое и правое крыло орла, неразлучно парили над жизнью. Не было во всей округе горцев более преданных священной дружбе. И когда один из кунаков стал жертвою хана, когда стражники сорвали с него одежду и повели крутой узкой тропой к месту казни, другой крикнул ему вслед: «Держись, друг! Обязательно держись! Я на соседней вершине разожгу костёр, он согреет тебя!» Юноша замерзал на ледяной скале, прощаясь с родным аулом, нечем было ему укрыться от злой стужи, и вдруг сквозь чёрную тьму увидел он далёкий огонь. Жар от него дотянулся до иззябшего тела, до его замерзающей души и согрел. Всю ночь до самого рассвета, ни на миг не погаснув, горел костёр дружбы.

Утром изумлённый хан освободил стойкого горца...

Абусаид-Хаджи учил:

— Пусть вспыхнет в сердце твоём нур-джан — свет души, пусть освещает тебе путь нур-эд-дин — свет веры. Зажги пламя в душе и согрей им своего кунака.

Мы ещё целый месяц искали парня. Без сна, без роздыха. С его братом ездили. Пусто. А потом один чеченец мне шепнул:

— Его сразу, на второй день, взорвали... Хаттаб приказал.

— Как взорвали?..

— Под утро скончался раненый — племянник полевого командира. Вашего привязали к дереву, сорвали чеку и — гранату в карман...

У-уффф... фуууу...

Я спешил согреть... не успел. Вот так... Но мы... мы слово своё скажем...

Сердце дагестанца закалили, как амузгинский клинок. К девяносто девятому году, благодаря «воспитанию» Хаттаба, и я, и работники нашего отдела милиции стали... сильно другими. Мы уже не считали отморожков, которые с оружием в руках вламывались в наши дома, братьями.

لَا يَشْرَبُ الْمَاءَ إِلَّا بِدَمٍ

Кто пьёт только окровавленную воду.

И оказалось, национальность здесь ни при чём. Когда в западной и центральной части Дагестана радикалы подняли ваххабистский мятеж — народ их не поддержал. А чеченских сепаратистов, вторгшихся на землю узденей [16], разгромили. Мятежники ослушались легендарного Шамиля, который завещал потомкам «быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему Отечеству. Воля народов сильнее оружия. Земле нужен мир.

لَيْسَ مَعَ السَّيْفِ بُقْيَا

У меча нет будущего.

В тех жарких боях вместе с жителями Дагестана бок о бок сражались и мирные чеченцы, и русские... и Аллах! Потому и победили. Тогда я усвоил для себя, что Дагестан и Чечня — тоже Россия. И этот урок географии я не забуду никогда.

Аллах-у акбар! [17]

Примечания:

[1] Хабар — рассказ, молва, слух;

[2] Ёк — нет;

[3] ЧРИ — Чеченская Республика Ичкерия;

- [4] Ясыри — пленные;
- [5] Гяур (араб. аль-кяфирун) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама;
- [6] Якши — нареч. татарск. ладно, хорошо;
- [7] Магар (арабск.) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы;
- [8] Зина (арабск.) — изнасилование, прелюбодеяние.
- [9] «Обезьянник» — спецприёмник или изолятор временного содержания;
- [10] Нукер — оруженосец, телохранитель при дворе горского феодала;
- [11] Зиндан (персидск. — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в средней Азии;
- [12] Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца.
- [13] Алим — (араб.) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый;
- [14] Муэдзин — читающий азан;
- [15] Азан (араб.) — в исламе призыв к молитве;
- [16] Уздень (татарск.) — свободный, зависящий только от себя, живущий по себе;
- [17] Аллах-акбар! — Аллах велик;

*

Оставляя на земле след

Хабарик [1]

*Если человеку судьба рисовать, он будет
рисовать даже ложкой по воде.*

NN

Детская художественная школа в посёлке Мамедкала — именитое учебное заведение.

Работы учащихся экспонировались в восьмидесяти странах мира, ребята неоднократно становились победителями, дипломантами республиканских, российских, союзных и даже международных выставок детского творчества. Несли благую весть о родном Дагестане. Недавно коллективу выделили новое, отдельно стоящее помещение — подарок ко дню рождения. Мой друг, начальник Управления образования Дербентского района Мугутдин Кахриманов, первым делом повёз туда. (Я тоже в детстве посещал художку, отсюда и вечный интерес к альма-матер.)

Не скрывая гордости, директор Гамзат Гусейнов водил по светлым просторным помещениям:

— Нам исполнилось тридцать восемь лет. Здесь приобщаем ребят к искусству, развиваем особый дар: видеть обыденное — красивым. Тут каждого ребёнка подведут к мольберту, научат грамотной композиции, правильному рисунку, фантазировать научат! помогут обрести свободу мысли, уверенность в себе. Наша главная задача — разбудить творческие начала. Это всё равно, что посадить дерево, которое со временем даст плоды. Дети все без исключения талантливы, но одни раскрываются раньше, другие — позже. Главное: развить личность, творящую невидимым инструментом — душой.

Мы неспешно переходим из класса в класс, любуемся искусными витражами, карандашными рисунками, акварелями.

— Дети не терпят фальши. Учитель принимает условия игр и возвращается в чудную страну под названием «Детство», тогда рождается чудо... Задача художественной школы — не ремесленников выпустить, штампующих программный материал. Мы стремимся сформировать живую непосредственную личность творца, способного удивляться и восхищаться прекрасным.

Лето — пора каникул. Время, когда девчонки и мальчишки обогащаются новыми впечатлениями в беззаботном мире веселья, игр, дворового счастья, чтобы, повзрослев, вернуться осенью и перенести краски лета на холсты. Я рассматривал чеканку, натюрморты, пейзажи: рассвет в горах, горный аул с саклями-сотами, портрет зурнача в папахе, юная горянка идёт с мучалом [2] к роднику. Ребята действительно кудесники! Они стремятся каждый по-своему открывать законы мироздания!

И тут вспомнились законы шариата...

Шариат, в переводе с арабского, означает «правильный путь». Шариат — свод исламских законов. Они не запрещают изображать цветы, деревья и даже горы. Это подпадает под «мубах» — действие, которое можно совершать или не совершать. За исполнение-неисполнение нет награды, нет и греха. Например, «36. Рисовать неодушевлённые предметы». А вот «петь, рисовать людей, животных» по законам шариата — харам гайри зулми — «запрещено, поскольку совершение приносит вред производящему его».

Тем сильнее поразил меня художник из Кулинского района. Он не только живописует людей, но и рамками академических худсредств себя не ограничивает.

Рашид, кунак, заинтриговал меня одной фразой:

— В селе Кули уникум рисует Ленина... струёй мочи! Вах!

Я недоверчиво промолчал.

— Обычно сделаем по пять грамм, джигиты подначивают: «Серажутин, изобрази!»

Орлом плечи расправит, ноги пошире, сосредоточится и — выдаст на пыльном асфальте чёткий силуэт вождя мирового пролетариата. А последней каплей откроет глаз. Ильич ехидный-ехидный! Смотрит на нас с прищуром. Вот это, я понимаю, — оставить след на земле!
— Получается как у Владимира Маяковского:

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Все плановые встречи — коту под хвост! Весь график — скомкан...
И вот мы в гостях у художника-авангардиста.

— Надо понимать Лениниана — Ваш конёк?

— Да! — гордо произнёс Серажути́н. — Ленин — живее всех живых. С первого класса его рисовал, рисовал, рисовал. Картины копировал: «В Смольном», «В шалаше», «Ходоки»... А в девяносто втором профиль Ильича из ручного пулемёта трассером в воздухе очертил. Смутное было время, разгул преступности.

— У Вас что... пулемёт?..

— Не-еее, у соседа. Баловались просто. Обычный пулемёт Калашникова, ничего там такого особенного. И цинков с трассирующими патронами — арба... Баловались, баловались... Я беру: та-та-та-та-та — светящийся контур вождя в ночном небе.

Творческие способности у меня — от отца. Он чабил, а на отдыхе лепил из овечьей брынзы барашков, осликов, соседей, директора колхоза. Кто не нравится, можно съесть. После обучения я не захотел оставаться в Махачкале, вернулся в родное село: работал учителем, много рисовал, участвовал в выставках, занимался оформительством. Советское время — бум плакатов. С ума посходили! Тема одна: «Слава КПСС!» Каких только плакатов ни ляпал. Тыщу транспарантов, наверно... Семиметровые панно: Брежнев такой густобровый стоит. Зато после его смерти еле успевал рисовать вождей, быстро умирали. Я старую голову замазывал, из журнала пририсовывал другую. Иногда туловище прежнего хозяина в пол-оборота, а голова нового — в фас. Ничего, всем нравилось. Масляными красками на ДВП. Загрунтую белилами и — вперёд.

Мы собрались было уходить, но хозяйка уже накрыла на стол.

— Не останетесь добровольно, готов применить силу, — радушно пригласил хозяин.

Довод оказался убедительным, а Кизлярский коньяк и хинкал — отменными. Вечер за хабарами пролетел незаметно. Вышли за ворота. На прощанье я попросил мастера изобразить, в привычной для него манере, мой портрет. Серажути́н ломаться не стал и в несколько секунд уверенной струёй начертил на утоптанной земле дружеский шарж. (Полезно знать, как выглядишь со стороны.) Я рассыпался в благодарностях.

А что касается желанья оставить на земле свой след...

Цель благородная.

Примечания:

[1] Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);

[2] Мучал — большой водоносный металлический кувшин;

Солнце и Луна

إِنَّ النِّسَاءَ لَخَمٌ عَلَى وَضْمٍ

Женщины — мясо на чурбане мясника.

Абдула устало посмотрел в сторону дымчатых гор, припоминая подробности свадьбы.

— Я женился поздно, в двадцать девять. Был момент, думал: «Зачем это?»

Но родители гнули своё: «Давай, давай, давай!..»

Наконец, принимаю решение: «Кого подберёте в жёны, ту и возьму. Мне всё равно». Пять лет учился в Самаре, в университете, — в глазах Абдулы вспыхнул далёкий озорной отблеск. — Знал, такое не испытать вновь. Женился. Тёща часто у нас в гостях. Стал замечать: дочке советы даёт, нашёптывает, как держать себя при муже. Несколько раз так.

Тянуть не стал. Построил их во дворе:

— ...ябывайте обе отсюда. Пять минут на сборы. Время пошло!

На другой день тесть приходит:

— Салам алейкум!

— Алейкум ассалам!

— Что случилось, Абдула?

— Твоя женщина суётся в наши отношения.

— И всё?

— Да.

— Клянусь, такого больше не повторится. Прими мою дочь обратно, прошу. А если будет вести нехорошо, не отправляй домой. Тут, во дворе, закопай!

إِذَا صَاخَتِ الدَّجَاجَةُ صِيَاخَ الدِّيَكِ فَتَنْدُبُخْ

Когда курица кукарекает как петух, её режут!

Истинные чувства молодых — дело тёмное...

Сладко живут или нет, со стороны трудно судить. И на слова в таких вопросах объективно полагаться нельзя. Слова лгут! Пожалуй, существует лишь одно верное средство заглянуть за кулисы чужого счастья — оценить плоды семейной жизни. Внутреннее содержание и внешнюю красоту амурного яблока не утаить от людей. Я видел детей Абдулы и Джамили... Сыну исполнилось двадцать три года: высокий, стройный джигит с горячим взором. Две девочки помладше: застенчивые, уважительные... И красавицы, каких мало. Только жаркий, неземной огонь способен зажигать новые звёзды.

Взаимное притяжение — тайна. Тайна, скрытая от всех...

Давным-давно Бог создал Солнце и Луну, чтобы светили они людям и помогали найти счастье. Луна царилась ночью, освещая путь влюбленным, а Солнце сияло днём. Долгие годы Луна и Солнце сменяли друг друга на посту и однажды поняли: жить друг без друга больше не могут, они полюбили... И вместе им быть невозможно — нельзя оставить мир людей без света. Обратились они с мольбой к Богу, и Бог решил вознаградить светила за преданность Ему и людям. С тех пор они встречаются два раза в сутки: на рассвете, когда восходит Солнце, и на закате, когда поднимается Луна на сумеречное небо. Они встречаются взглядами-лучами — и всё замирает. Наступает самое романтическое время. После этих свиданий рождаются на небе звёзды. Вот такая у них любовь... А с виду будто неродные.

*

Исповедь

*Если из моря зачерпнуть кувшином,
солёной воды не убавится.*

Арабская пословица

Когда заселялся, хозяин сообщил:

— Александр, завтра у племянницы в Махачкале свадьба, нас с женой пригласили, но если хочешь, останемся.

— Свадьба — святое.

— А то смотри. Если что — не поеду.

— Поезжайте!

— Тогда будешь за хозяина. Да... тут ещё живёт моя тётя...

Они уехали, а я залез в компьютер. Неожиданно над низким подоконником бесшумно проплыла макушка. Приподнялся, выглянул в окно: никого. Опять голова. Справа — налево. Вышел в сад, обходя свисающие ветви спелой алычи, отправился по тропинке, выложенной камнем. Тропка привела к низкой двери... Постучал: тишина... За дверью каморка, у окна крохотная, невозможно-махонькая опрятная старушка.

— Здравствуйте. Не знаю почему, но у меня возникло чувство, если не познакомлюсь с Вами и завтра уеду, то не узнаю чего-то очень важного.

Она молчала, глядя на меня усталыми глазами и, наконец, спросила:

— Чего ты хотел узнать?

Я не нашёл ничего умнее и спросил:

— Вы бы хотели прожить жизнь заново?..

— Нет! Не-еет, не надо! Не надо! — взволнованно запрочитала она. — Ради Бога, не надо. Хоть завтра умру, рада. Не надо больше жизни. Наеел жизнь. Сколько видела, сколько я видела... Хватит мне. Мне хватит. Мно-оого горя я видел. Хватит мне этого. Сына два били. Дочка умерла, мне было двадцать четыре года. Заболела, умерла, — она тяжело сипло задыхалась. — Работала сорок лет в одном месте — РАЙПО. Трудилась... Тижило било тогда... Я труд делала там, сколько работала — Бог знает. Цены не били, вот пенсия маленький сейчас получаю. Я хорошо русский разговаривать не умею. Если умела би, сказала би, сколько работала, как работала...

С трудом сдерживаясь, я попросил:

— Расскажите!.. Кто знает, может, я для этого и приехал в Дагестан.

— Столовый там биль внизу, вон там столовый били. — Она устало подняла иссохшую руку в сторону оконца. — На базари, там керосин продавал баки. Сегодня тоже есть эти баки. Оттуда-туда четыреста, пятьсот литров бочки, зимой! катали полные. Нефть, чтобы обед готовить. Смотри, я была восемнадцать лет тогда. Эти бочки нам так тяжело било... Только проданные блюда начисляли нам деньги. Эта работа нам тижёлая... Это не считали. Привезли густой чёрный, десять бочков. Как называть не знаю. Зимой это густой били. Не могли сильно лить. Потом яму делали, там огонь. Верх бочку ставиль, чтоб вилили. Одежда чёрный били, сами чёрный били. Это тоже не считали нам. В общем, трудно било. Труд делали ми. Со мной другие тоже били. Если хорошо владел би русский, не могу же... Потом это тоже кончили, углём начали топить. Не спали ми вообще. В три часа встали, чтобы топить печку, греть. Пока повар придёт, нам надо било, чтобы печка хорошо топила, кастрюли кипели. Вот так работали...

Она безвольно опустила руки на колени.

— Обрато поваром работала в кафе, одна была: и вода таскала, и уборку делала, и официанткой, и варила. Одна! Четыре года работа одна сама всё делала. Мне в конторе сказал: «За официантки денег дадим, вода таскать не дадим». Только 70 рублей получил. Пошла к Председателю я. Тогда Председатель мне сказал: «Если не хочешь, оставь, уходи!» Как уходить?

У меня дети били, надо кормить. Уходить тоже не могла. Пришла обратно, работала там, эта слышала, Абдурахман, исполкоме работал... Он слышал вот это, который сказал мне слово. Он Председателю сказал: «Когда я маленький такой биль, она столовый работал. Если она неграмотная, у неё практика имеется. Тебе не надо было такое плохое слово сказать ей. Если ты не можешь своим работникам обращаться, уходи сам». Он отказался: «Я так не сказал ему...»

Чего сказать у меня... Если ты по-лакски знал би, хорошо-оо сказала би тебе. По-русски не умею. Обидно, канэщно. Спасибо, что пришёл ко мне. Трудно било. Деньги не защитали за труд. Слищищ, ты?

— Слышу... — в глазах моих, как ни проитивился, стояли слёзы.

Почему мир так устроен?

Вопрос этот, скорее, риторический, я задал не ей — себе...

Он висит в воздухе поныне.

Висит неприкаянный, без ответа...

*

Время — возрождать!

Малумат [1]

*Всему своё время, и время всякой вещи под небом.
Время насаждать, и время вырывать посаженное.
Время убивать, и время врачевать.
Время разрушать, и время строить.*

Екклесиаст

Наконец-то и в Дагестане наступило «время насаждать».
В Ахтынском районе идёт восстановление фруктовых садов.
Тема показалась мне символичной.
Не заброшенный — цветущий сад!

Уже от одного словосочетания идёт чарующий аромат весны, любви, надежды на лучшее. Да, восстановление запустевших садов — это символ сегодняшнего Дагестана. По всей территории, от глухих горных аулов до побережья Каспия, республика строится, возрождается, прихорашивается, преодолев период разрухи девяностых годов двадцатого столетия.

Агаев Агаверди тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения. Молодых умельцев нет, вот и вернулся в строй авторитетный специалист-аксакал.

— Сельская администрация пригласила — я и пошёл. А что? Даст Аллах, думаю, всё у нас будет нормально. Для меня это не просто приработок к пенсии. Сады — былая слава Ахтынского района. Теперь деревья состарились — всё стареет на свете — перестали плодоносить. Они отдали людям цвет, красоту, богатые урожаи, выполнив своё предназначение на земле. На сотне гектаров плодородной долины выкорчёвываем старые деревья, на их место — молодые саженцы. Ещё мой отец Агаев Малик Агавердиевич, известный садовод, перед Великой Отечественной работал здесь бригадиром. Тогда выращивали и черешню, и грушу, и сливу, но больше всего — яблоки. Каждое деревце отец в стужу пестовал, в засуху поил и оберегал от вредителей. В военные годы, благодаря садоводству, люди выжили: выращивали яблоки, табак и меняли на пшеницу. Отец не вернулся с фронта, погиб. А в шестьдесят седьмом, после окончания дербентского сельхозтехникума, я заменил его на должности бригадира. Отец в детстве учил: «Каждый мужчина должен сначала построить дом, посадить сад, а потом жениться». Его слова для меня закон! В Дагестане отец для сына после Аллаха — второй человек.

Наш традиционный сорт яблок — ранет ахтынский. В былые времена получали по сто сорок центнеров с гектара. Отовсюду приезжали в Ахты за яблоками. Яблоки на ветках висели, как нарисованные. Любо посмотреть, а сейчас... Перекопки, опрыскивания — всё делали вовремя. (Требования были жёсткими.) И отправляли фрукты в промышленные центры, в основном, в Москву. В четырёх котлованах хранили ахтынский ранет до самой весны. В марте открывали и реализовывали. Очень прибыльное дело. Совхоз был миллионером. Единственное, что порой мешало — заморозки. Ночами не спали, жгли костры в садах, делали задымления. В итоге от морозов сады смогли уберечь, от перестройки — нет. Она оказалась безжалостней стихии. Раньше свой питомник был, обеспечивали Юждаг саженцами. При развале Советского Союза рассыпалось всё хозяйство, как карточный домик.

Всё от Аллаха.
Аллах проверял: выдержит народ или нет.
Народ выдержал!

Главное, не падать духом! Всё вернётся, если не сидеть сложа руки.

Год назад из Гергебеля, аварского села, завезли саженцы нового сорта. Зимний шафран называется. Ему лет восемь нужно, чтобы начал плодоносить. Старший сын Малик всё время со мной, помогает, учится. Яблоко от яблони недалеко падает. Самое главное сейчас и для района, и для меня лично — вернуть наши сады к жизни.

Чтобы завтра вся планета превратилась в благоухающий сад, нужно сажать деревья сегодня. Перед тем, как уйти... Как не будет меня... хочу оставить потомкам не разруху — рай.

Молодёжь скажет: «Это всё дедушка Агаев. Пусть будет рахмат ему!» [2]

Примечания:

[1] Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

[2] Рахмат (араб.) — милость.

*

Белая птица

Хабар режиссёра народного театра

*...Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашею игрой!*

Пьер де Ронсар

К лику «Народных» театр был причислен задолго до рождения.

Вышло как... Ансамблю нашей районной культуры-мультикультуры в Махачкале за песни зазорные и танцы яростные присвоили звание «Народный». Но бланков на все коллективы не хватило, вручили, что осталось, — «Народный театр». Танцоры со временем разбежались, и почётное звание перешло спустя три года нам — по наследству.

Как-то вечером, незадолго до премьеры спектакля «Божественная комедия», возмемся с реквизитом, подгоняем костюмы, и тут Айшат (она Еву играла) спрашивает:

— Ниям Алиевич, а как мы свой театр назовём? Неужели останется «безымянным»?

Актёры, в предвкушении таинства, притихли.

— Хм-м... Имя — это слишком серьёзно, чтоб сочинять на ходу. Имя театра — горное эхо, отклик сердца на пылкое чувство. Название должно вызреть. А ты... как бы ты назвала?

— Я бы... «Белая птица», — Айшат мечтательно подошла к окну.

Все молчали.

Настоящий спектакль я видел ещё будучи школьником в Махачкале. Аварский театр поставил пьесу «Ленин в октябре». Отец достал билеты. Пришли заранее, долго не могли найти свои места в... «партере»?! Наконец угнездились, сидим, глазеем по сторонам. Публика в нарядной одежде важно передвигается, до потолка заполняет высокий зал. Почему-то редко кто в папахе. Люстра над головой огромная, сверкучая. Раздался звонок, второй... Приглушили свет. Так загадочно... Я крепче вжался в бархатное кресло. Широко раздвигается багровый, золотом шитый занавес. И прямо передо мной на сцене — Ленин... Живой!

Из-за кулис выбегает ликующий Бонч-Бруевич:

— Ворчъами [1], Владимир Ильич! — здороваётся по-аварски.

Ленин в ответ:

— Ворчъами!

Как принялись все гоготать: «Ворчъами, Владимир Ильич!.. Уааа-ха! Ленин, оказывается, аварец!» Пришлось закрывать занавес. Минут десять зал не мог угомониться. Кое-как успокоились. Открывают занавес повторно: сидит мрачный вождь, заходит Бонч-Бруевич, уже не здороваётся, виновато разводит руками:

— Революция.

Ленин хватается за голову:

— У-вах!

Зрители согнулись пополам. За животы держатся, ржут в голос. Артисты пытаются перекричать, зывают к светлому, но их не слышит никто... Отец не стал дожидаться развязки. Почти на весу он тащил меня за руку к автобусной станции:

— Э, бараны! Не дали насладиться взору.

В армии моё знакомство с театром продолжилось...

Волею судьбы к нам в отделение попал служить русский товарищ, после театрального училища. Приметил меня. Я несколько раз прикидывался пьяным, старшина, разумеется, ловил, начинал костерить.

— Да трезвый я! — выдыхаю во все лёгкие.

Урус дивился:

— Для чего комедь ломаешь, Ниям?

— Когда на самом деле выпью, старшина внимания не обратит.

С этого наше знакомство и завязалось. Он был настолько увлечён Мельпоменой, что и мне голову вскружил. Труды Станиславского подсовывал, рассказывал много. Этюды понуждал делать:

— Садись на стул, изобрази «холодно».

Я садился, потирал руки, как над костром...

— Нет. Руки, если замёрз, будут двигаться по-другому, — и показывал.

Баловались просто. Разные сценки демонстрировал, изображал то одно, то другое. Нашёл в молодёжно-эстрадном журнале сценическую композицию:

— Всего-навсего про берёзку, а сколько сказано. Вот послушай!

И — ну читать. Я жадно внимал. Неужто про берёзу можно столько всего сказать? Там и Ленин в эмиграции, сидя в далёком Лондоне, рисует на полях рукописи берёзку — трепетный символ русской красоты. Затем война. Великая Отечественная. Радистка. Во время жаркого боя открытым текстом по всему фронту летит тревожный девичий голос: «Я — Берёзка! Я — Берёзка! Я — Берёзка! Отвечайте. Дайте огонь на меня! Не успею сжечь документы, огонь на...»

Прерывается. У самого глаза блестят... Так меня растрогало... Читал он необыкновенно, с интонацией. А я буквально видел все картины. Что меня особенно поразило? О чём говорил, всё — перед глазами: Ленин, стопка рукописей, как берёзку рисовал на полях — скучал. Я будто бы рядом. И войну видел. Занозил он меня театром и сагитировал ехать после службы во Владивосток учиться на театрального художника. Я до последнего отнекивался: «Не получится, всё-таки дагестанец! Там ни родителей, ни родственников».

Но против романтики не устоял...

Демобилизовались, повёз он меня к себе. Сводил в приёмную комиссию училища. Я загадал: получу двойку на вступительном — судьба уехать. (Поступал-то чисто из уважения к нему.) Что ты думаешь — одни пятёрки. Приняли. Ну, коли так, надо учиться. Пошёл одновременно в театральный кружок при заводе «Радиоприбор». Тоже он насоветовал. Коллектив восемьдесят человек. Казалось бы, самодеятельность, кружок, но какие люди преданные искусству. Режиссёр Зоя Петровна. Таких людей редко встретишь... Знающих своё дело, влюблённых. Сперва на меня внимания не обратили: «Ну, пожалуйста, приходите, массовки много. Будете маршировать за сценой». Потом доверили эпизодическую роль. Одну, другую... Я с таким удовольствием, таким рвением брался за них. Меня начали подтягивать. Год проходит, предлагают главную роль. Пьеса испанского драматурга Лопе де Вега «Изобретательная влюблённая». Роль капитана Бернардо. Шляпа, шпага, сеньоры.

Действие происходит в Мад-ри-ииде!..

— Любофь мая, прашупащады!

Режиссёр мне замечание сделала: «Николай, акцент убрать!» Я-то полагал, никто не замечает. До сих пор от стыда сгораю...

Играл я в дублирующем составе. Потом ведущий актёр бросил репетиции. Сам по себе красивый парень, комсомолец такой, высокий, статный, а там танцы-реверансы. Платок упавший нужно поднять элегантно: нагибается, шпага халат задирает, тыкает в живот. Он до этого своей красотой играл. Себя играл. Танцульки, поклоны, паясничанье недолюбливал. Тем более в стихах. Опять же по комсомольской работе сильно загружен, освобождённый секретарь... Пришлось мне и в основном, и в дублирующем составе играть. Премьеру ждал с нетерпением, в страхе... Но опытные коллеги, готовые поддержать, всегда рядом. Вспомнили быль...

Накануне спектакля дебютант пригласил знакомого:

— У нас премьера.

— А ты кого играешь?

- Оруженосца. Говорю положительному герою: «Валабуев, вот Вам меч!»
- Давай поспорим: ты вместо «Валабуев», скажешь «Валах...ев».
- Не может быть...
- Точно.

Всю ночь актёр в панике зубрил проклятую роль. Не спал, ходил по комнате, твердил, как заклинание: «Валабуев, Валабуев, Валабуев». Еле дождался утра. Премьера. Его выход. Весь бледный, в холодном поту, появился из-за кулис, решительно шагнул с мечом к главному герою:

- Валабуев! Ф-фуу... Вот Вам ...уй!

В отличие от былинного героя у меня, на счастье, всё прошло гладко.

По благу на завод устроили фрезеровщиком, чтоб вечерами мог халтурить. Дали разряд, выше, выше. Коллектив прекрасный. Зарплата под конец — четыреста. Какие-то премии, чуть не каждый месяц. В местком уговаривают:

- Пиши заявление.
- Какое заявление?
- На материальную помощь.
- Не буду.
- Пиши-пиши.

Пятьдесят рублей, семьдесят рублей плюс к основной. Как-то интересно было, хотелось жить, такой добродушный народ. Чуть не женился там. Родители письма слали: «Когда домой? сколько будешь пропадать?» Всё такое. А надо было жениться, остаться... Квартиру предлагали, парням выделяли охотнее. Одно условие: «Делай фиктивный брак!» Для меня это было очень странно — «фиктивный брак». И я свою очередь уступил. Мне в общежитии нравилось. Там ребята весёлые, компанейские. Умные ребята. Любят труд. Понимаешь? Девять лет с ними прожил. В то время у меня другие полушария «функционализовали», так думаю. В России совсем-совсем другой народ... Открытый, добродушный. Позавчера по Интернету отыскал родной Владивосток. Так далеко. Чуть не расплакался. Возвратиться бы...

Театр — оттуда. Вьелся он в меня!

Домой в Дагестан судьба вернула в восемьдесят пятом. Сразу же, как в отдел культуры оформился, стал организовывать театральный кружок. Я знал своих учителей, даровитые люди, некоторые из них... Помню, как вели уроки, действительно могли бы прекрасно играть. Приехал, они постаревшие, с сердечными болезнями. Преподаватель истории с горечью: «Чуть бы пораньше».

Сперва я декламировал со сцены рассказы. Затем куклу-ослика сделал. Смотрел, смотрел по телевизору Никулина в цирке. У него лошадка была, а я сделал ослика, получилось гораздо интереснее. Ослик, глазастый такой, забавно фыркал. На празднике Первой борозды устроили скачки. Я решил: пристроюсь в конец, побегу сзади, порадуя народ. Но мне не дали даже до трассы дойти, на скачки уже никто не смотрел. Обступили, облепили, будто пчёлы. Дети уставились на ослика, угощают его, заглядывают под хвост, вниз: как ходит? Все желают сфотографироваться верхом. Две попытки сделал пробиться на ипподром, не удалось. Пришлось костюм скидывать и спасаться бегством. Мне сразу прозвище дали — Клоун.

А мечта о создании театра не отпускала.

У нас в горах всегда танцы красивые были, но чтобы там выразительные монологи, сценки... Не принято. Ничего драматического. И хотелось привнести.

Театр — это ж такая культура... Целый мир.

Бурная река — в кувшине!

Рай — на земле.

Репетировали то у меня дома, то в сарае. Реквизит?... Жена бухтела: «Не знаю, куда от тебя вещи прятать?» Простыня ли, колготки, шарф, старый чемодан — всё уходило в театр. Поехал в столицу, в русский драмтеатр, у них там склад огромный: парики, грим, декорации, причиндалы. Всегда есть что-то списанное, на базаре таких вещей не бывает. Уговорил художников по свету:

уступили прожектора, плёнки всякие — свет-тень делать, иллюминацию. Ну, вот так с миру по ниточке... Глава района дал добро, проникся: «Дело хорошее!» Клуба в селе нет, так мы договорились, что представления будут в зале администрации.

Начал с деревенских рассказов Шукшина, объединил их... несколько сюжетов. Там схожие герои, ситуации. Они как бы из образа в образ переходили. Постановка на русском языке. Иначе никак! В районе шесть национальностей, жители соседних сёл друг друга не понимают, когда говорят на родном, поэтому текст приводил к общему «знаменателю». Тут ясно, а вот... с «актёрским материалом» было тяжко. Лицедействовать люди не привыкли, понятия не имели что такое «интонация», «тембр голоса», «мимика»... На Чехова пытался замахнуться... Нет. Бесполезно. Не осмыслить образы до конца — скрыта глубина. Не удаётся довести идею, зыбкую грань чувств до исполнителей. Приходилось учиться на этюдах... Один плюс: все поголовно стали читать. Сами поражались: «Вроде бы Чехова в школе проходили, а ощущение такое, словно знакомимся впервые».

Я продолжал искать близкий по духу материал, агитировать соратников. Театр — творчество коллективное. В одиночку можно только мечтать. И вот однажды в библиотеке попала на глаза книга Исидора Штока «Божественная комедия» с весёлыми рисунками французского художника Жана Эффеляса, с подзаголовком: «подробная история сотворения мира, создания природы и человека, первого грехопадения, изгнания из рая и того, что из этого вышло». Пьеса в двух актах. Вообще-то, она написана для кукол... Думаю, что если её самому перевести на местный материал? Не требуется большой фантазии, чтобы представить: жизнь на земле пошла именно отсюда, из Дагестана. И где, как не здесь, строили Вавилонскую башню люди, возомнившие себя богами? (Не зря уверяют: если бы «понты» светились, в Дагестане ночью было б светло как днём!) Где ещё живут на крохотном пятячке более тридцати национальностей, которые говорят на своих, непохожих языках? Где ещё отыщешь древние следы четырёх мировых религий сразу... Мне один старожил, по великому секрету, издала показал на высокогорном склоне остатки Ноева ковчега, причём с отметкой Российского морского регистра на борту.

Самое трудное было написать первую страницу пьесы, но я не отчаивался. Ведь даже Бог не смог создать всё за один присест. В первый день он сотворил лишь небо и землю.

Итак, порешил Бог создать землю...

Ангелы по команде стали сбрасывать камни вниз. Накидали целые горы. Красиво получилось. Да вот напасть — зимой холодрыга... Непрístupные ледяные вершины, и по ним дикие туры носятся, как угорелые. Нет там ни кустика, ни травинки.

Бог часть вершин раздробил, сдвинул вниз, разгладил. Ангелам дал указания, вручил проектно-сметную документацию, всякое такое, но к сроку они не успели с благоустройством. Бог постановил: пусть люди сами проложат шоссейные дороги, проведут газ, воду. А то — всё наготово! Хоть что-то они умеют делать самостоятельно или только воевать друг с другом? Организовали ангелы силами горцев гвай, типа субботника: понасажали деревья, кустарники, устроили водопады, развели сады с абрикосами и черешней; загодя выпустили на душистые цветочные луга тучные стада спортивных коров, отары овец. Всё — на благо человека! Днём в этих местах тепло, ночью — прохлада. И главное — комаров нет. Спится хорошо. Рай Господь как раз и наметил сотворить здесь: на высоте тысячи метров над уровнем моря, с филиалами в Ахтынском, Хивском, Шамильском (одно время его будут именовать «Советским») Хунзахском и Левашинском районах. И чтобы рай был похож на рай, Бог оставил на видном месте рецепт бузы [2]. Говорят, что алкоголь в умеренных дозах полезен. Не могут ошибаться миллионы мужчин! А для туристов Бог распорядился наполнить Каспийское озеро морской водой, отсыпать золотым песком побережье. Чтобы гости могли хотя бы на пляже не париться в штанищах, а разгуливать в шортах, купаться и, разъехавшись по домам, прославлять солнечный Дагестан. Да ещё виноградников повелел развести видимо-невидимо: дабы за марочным вином и коньяком не бегать к соседям, чтобы лучше слагались песни у Расула Гамзатова, ну и чтоб свадьбы отличались от похорон. А один вредный падший ангел втихаря слепил плохиша с багровой кляксой на лбу. Он виноградники те — под трактор. Ну, чтоб людям заново возрождать, чтоб на земле жилось нескудно...

Не было тогда ни ночи, ни дня... Одни серые будни. Неба нет. Солнца нет. Создатель и ангелы лежали на мягких белых облаках, скучали и от нечего делать хабарничали. (Почему-то все забыли, что слово «хабар» — рассказ, молва, слух — пошло именно из Дагестана. Город болтунов на Дальнем Востоке так и называли — Хабаровск.)

Работа над пьесой заняла у меня целое лето.

Подобрал несколько артистов. Все разные.

Айшат — ученица десятого класса, она Еву играла. Такая стеснительная, до невозможности. Когда по сценарию они с Адамом уже ВСЁ... Там есть диалог: «Адам, ты идёшь на рыбалку?» — «Да». — «Поймай мне селёдку». Она бездумно произносила этот текст.

Спрашиваю её:

— Ты понимаешь, что именно говоришь?

— Ну, «селёдку».

— А зачем тебе селёдка?

— Не знаю, здесь так написано.

— Речь идёт о том, что ты беременна, тебе захотелось солёного.

Она вообще перестала эту фразу произносить. Чуть совершенно не замкнулась... Начали с ней со стихов из школьной программы, чтобы правильно могла читать. Постепенно страх преодолела. Втянулась. Понравилось. Расправила крылья! И однажды откровенно призналась:

— Ниям Алиевич, оказывается сцена — космический корабль!

Тимур. На год постарше её, смыслённый такой, Адама играл. На волейбольной площадке его нашёл. Говорю:

— Приходи!

— А кто ещё будет?

Ему же интересно.

Учителя поначалу ревновали, что я детей на репетицию заманиваю, а потом, когда заметили, что дети стали другими, — открытыми, приветливыми, — успокоились. Некоторые даже сами записались. Физрук Мизам Гаджиевич. Набожный человек, с такими строгими принципами... А ему нужно было играть падшего ангела. Для него придумали короткие панталоны, шарф оранжевый длинный, словно комета.

Всё удивлялся:

— Неужели выйду к людям в этом наряде?

Вышел.

Ещё согласились работники Дома детского творчества, врачи. Среди них культработник один я. Таланты выискивал по всему селу, уговаривал, приводил. Они даже не подозревали в себе артистических способностей. Случались, конечно, и добровольцы. Но с ними без толку работать. Они где-то что-то перед зеркалом намудрят себе. Всё время роль изображают. Просто хотят покрасоваться у всех на виду. Я много бывал с ребятами в походах, на соревнованиях. Там хорошо люди познаются. Смотришь, как они общаются друг с другом, шутят. Отмечаешь, у кого получается оригинально.

Самого Бога играл я. Он реже всех появляется на сцене, и это позволяет наблюдать за игрой всей труппы. Костюм для Творца сделал балахонистый, из золотистой парчи. Падшему ангелу — из синего велюра, немаркий. Ведь по сюжету он между небом и землёй. Трудно ему живётся, вечно в командировках. А правильному ангелу пошил воздушные пинетки из ваты и спецодежду с крылышками. Сочетание жёлтого и голубого с белым. Чисто белое у нас воспринимается не как внизу... Полностью белый — лишь саван. Когда Айшат назвала театр «Белая птица», я так и объяснил ей: белый цвет в горах — символ смерти.

В Махачкале профессиональный режиссёр заявила: «Вы эту пьесу поставить не сможете. Адам и Ева голые. Что будете делать? Да вас засмеют». Я всё продумал: нашёл для них байбак, такой плотный материал. Сначала Создатель как бы лепит «пионера». Из-под стола появляются руки, какие-то детали, — идёт создание первого человека. Потом Господь вдыхает жизнь в плоть.

Тело оживает. Ну, понятно, Адам совсем налегке, и в то же время необнажённый. Условность. Дело совсем не в этом. Главное, что потом ему операцию сделали, ребро вынули. Из ребра состряпали Еву. Они влюбились, стали едина плоть, и пошли на земле люди...

Мне показалось, к началу премьеры главные герои сами стали равнодушны друг к другу. Во всяком случае, Тимур старался, как мог, не смотреть на Айшат, не замечать её, реплики отрывисто произносил в сторону... Она смущённо адела.

Представление назначили на пятницу. Через два часа после общего намаза в джума-мечети [3] селяне стали подтягиваться к администрации. Занавеса в зале заседаний нет, поэтому весь реквизит мы расставили на сцене заранее. А для того, чтобы актёрам выходить, менять по ходу пьесы картины, условились выключать общий свет. Участники спектакля собрались в боковой комнатке и, кажется, не дышали. Через приоткрытую дверь доносился нарастающий гул. Зал набился битком, человек триста. Кто сидел, кто стоял, кто висел на подоконниках, на двери. Никто, что такое театр, не знает. Гвалт стоит. Нужно представление начинать, а публика не может утихомириться...

Мизам Гаджиевич сквозь зубы процедил:

— Сейчас оторву ножку стула, начну усмирять...

— Пора! Шум не замечайте и, главное, не смотрите в зал.

А сам боюсь: микрофонов нет. Мизансцены разные. Ведь иногда нужно, чтобы шёпот до последнего ряда слышен был. Стараясь занять свои мысли, я принялся осматривать у всех костюмы, поправлять головные уборы, причёски...

Тимур украдкой сунул в руку Айшат сложенную из тетрадной страницы белую птицу...

Всё. Пора. Я включил магнитофон. Из выносных динамиков полилась волшебная музыка, по моему сигналу погасили свет, я торжественно вышел на сцену, плавно поднял руки, свет включили, представление началось...

Зал затих.

— Акт первый! Не было ни ночи, ни дня... Серые сумерки. Неба нет. Солнца нет. Создатель и ангелы лежали на мягких белых облаках и скучали...

Пока я говорил, Айшат и Тимур на четвереньках, чтобы зрители не увидели, пробрались из боковой комнатки на сцену, спрятались под тканью.

— Пее-рвый а-ангел! — патетично, нараспев воззвал я.

Мизам Гаджиевич явно нехотя, как-то бочком, вылез на сцену.

— И физкультурник туда же! — в зале радостно загудели, потом кто-то грозно шикнул, опять стало тихо.

— Расскажи-ка нам, любезный, что творится в нашей и соседних галактиках?

Я дважды на разные лады, настойчиво повторил вопрос. Мизам Гаджиевич, неприлично бледный, молчал по-мхатовски.

— Ле!!! Зачем выпустили немого?

Пришлось выкручиваться:

— Не знаешь что сказать? Это потому, что ни единой души, кроме нас, нет кругом. Откуда же быть новостям. А вот мы сейчас создадим человека.

Я тихонько обошёл Мизама Гаджиевича, боясь спугнуть его, навис над кучей ткани, точно хирург, и начал колдовать, делать руками пассы, тихонько невнятно бормотать себе под нос таблицу умножения... Из складок появилась рука, потом голова...

— Смотри, смотри, кукла глазами моргает!

В зале стало невыносимо душно, открыли настежь дверь, окна.

Когда Ева по сценарию должна была поцеловать Адама, чувствовалось по всему, спектакль достиг высшей точки напряжения. Кто-то, давась от смеха, крикнул отцу Айшат на весь зал:

— Мирзабек, твоя дочь сама полезла целоваться с сыном Раджабова.

— Харам! Кто возьмёт такую замуж? Она опозорена навсегда! — змеёй шипела из первого ряда тётка Айшат.

Я видел: Мирзабек горделиво вскинулся, взгляд его иглой репейника уколол дочь; он зло хлопнул сиденьем и, опустив голову, стал пробираться к выходу. Я внутри дрожал: по адатам села девушка-горянка не смеет подойти к мужчине ближе, чем на три шага, посмотреть прямо в глаза. А поцеловать... Но, ведь это театр!

Не знаю, чем бы всё кончилось, но тут раздались настойчивые голоса:

— Дайте посмотреть.

— Не мешайте!

— Не нравится — уходите!

Подбадривающих, заинтересованных горцев оказалось значительно больше.

В конце пьесы они одарили артистов дружелюбным смехом, возгласами и щедрыми аплодисментами. Односельчане горячо уверяли, что понравилось, однако какое-то беспокойство... червоточинка... остались у меня в душе.

На следующий день Айшат не пришла. Через школьную подругу узнали: отец ей на улицу показываться запретил. Впереди было лето, хотелось верить — к осени всё утихнет, забудется. А спустя месяц на годекане расхабарничались, что к Айшат приезжали свататься из соседнего аула. «Ударь дочь со всей силы папахой, если устоит на ногах, значит, пора выдавать замуж», — такова дагестанская народная мудрость, которой на протяжении столетий руководствуются отцы в горных селениях. Сейчас, когда Советская власть кончилась, старику, по слухам, обещали за Айшат ещё и богатый калым. Жених посватался из семьи почтенной, состоятельной.

А в сентябре, за два месяца до свадьбы, случилась беда...

Тётка Айшат, переваливаясь с боку на бок, чёрным вороном ходила по людям от одной сакли к другой, поджидала женщин у родника, каркала вслед:

— Забрюхатила потаскуха. От сына Раджабова. Скрыла от матери. Не углядел за ней Мирзабек. Вай, всему нашему роду горе!

Старики на годекане живо обсуждали происшествие. Сначала между собой. Затем послали за старым Мирзабеком, призвали к ответу. Веками, из поколения в поколение, горцы неукоснительно исполняли адаты, потому и сохранились в этом изменчивом кипучем мире. Законы гор требовали: виновным — смерть! И тётка Айшат не унималась, натравливала:

— Дочь опозорила тухум... Надо отомстить. Паршивца убей и её. Смерть!

Старик, опершись на посох, стоял, ожидая приговор аксакалов. За всех сказал самый почтенный:

— Мирзабек, убить Тимура — значит развязать кровную месть. Его и так накажет Аллах. Смой позор со своих седин, со всего аула, убей дочь!

Айшат сидела запертая в тёмном пыльном чулане...

Свет едва пробивался через крохотную щёлку плотно закрытых ставней. «Совсем как человеческая жизнь, — грустно думала она. — Лучик света, стиснутый двумя чёрными бесконечностями». Старалась заснуть. Не могла. Чувствовала: один раз к двери подкралась мать, долго стояла, также крадучись ушла. Временами Айшат гладила свой живот, пытаясь угадать новую жизнь, и тогда счастливая улыбка пробежала по её лицу. Потревожив налитую грудь, она достала бумажную птицу, приложила к сухим губам.

Айшат понимала, что её ждёт, но ни о чём не жалела. Любила, как прежде.

Папу и маму просила в мыслях о прощении и почему-то была уверена, что ещё увидится с ними... там... И они уже не расстанутся никогда.

Стемнело. Она слышала: вернулся отец. Отбивая на каждом шагу коваными сапогами отрывистый бой, он подошёл к чулану, долго... нестерпимо долго гремел стальной цепью, замкнутой висячим замком.

Айшат укрыла на груди белую птицу.
— В горы пойдём, дочка, собирайся.
Дада [4] вывел из сарая ишака, накинул грязную попону.

Луна поднялась над саклей.

Круглая, яркая, жёлтая, словно овечья брынза. Айшат смотрела на неё с интересом, будто видела впервые... За спиной раздались быстрые шаги. Рот крепко зажала мозолистая рука отца. Сверкнул кинжал...

Последнее, что Айшат увидела, была красивая белая птица.

Она тихо летела к луне, с каждым взмахом делаясь всё меньше, меньше, пока не растворилась совсем.

Эпилог

Свои попытки создать театр я на этом прекратил.

А лет через десять в Каякентском районе создали. И назвали... Почти, как мечтала Айшат: «Синяя птица». Удачи и высокого полёта райской птице счастья!

Примечания:

[1] Ворчъами! (авар. к мужчине) — Здравствуй! Доброе утро!

[2] Буза — национальный божественный спиртной напиток;

[3] Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы;

[4] Дада (авар.) — папа;

[5] Фото участников литературного конкурса «Купель» — иллюстрации к рассказу «Белая птица»:

Потяженко Анастасия Николаевна (Куратор: Калинин Виктор Владимирович, учитель ИЗО) МБОУ СОШ с.Хмелинец Задонского р-на Липецкой области.

*

Азан

*Угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, — оба голодные остались. —
Всякому народу свой обычай хороши.*

Лев Толстой, «Хаджи-Мурат»

Азан в Дагестане слышен из любой точки.

Азан — это зов будуна с минарета, призыв к молитве. В обычные месяцы пять раз в сутки: днём, вечером, глухой ночью. В период двух самых главных мусульманских праздников чаще: в месяц Ид уль-Фитр (Ураза-байрам — праздник разговения) и Ид уль-Адха (Курбан-байрам — праздник жертвоприношения). Обращается будун к правоверным мусульманам — слышат все. От крика, многократно усиленного современной акустической аппаратурой, не скрыться никуда. (Покрытие лучше, чем сигнал любого из дагестанских операторов сотовой связи.)

Азан — это призыв-крик!

Днём, в сутолоке, гаме, на призыв будуна я не обратил особого внимания... Даже сказал бы, он гармонично вплетается в восточный колорит, но в первую ночь откуда ж знал?.. Дом, где остановился, вплотную к мечети. Сквозь сон слышу: тревожный ор. Спросонья вылетаю на улицу, в чём есть... С документами, ложкой, кружкой, томиком Расула Гамзатова... Речитатив не смолкает. (У нас подобным образом объявляют сигналы гражданской обороны: «Внимание!!! Воздушная тревога! Война!») (Не приведи, Господи!) Смотрю: всё мирно. Люди кругом... Под укоризненными взглядами правоверных мусульман виновато побрёл обратно в постель, долго не мог заснуть.

Да, в суровую строгость Кавказских гор азан вписывается логично. Хотя у нас, в православной Карелии... в тонкой тишине белых ночей, мне вообразить его не удалось. От этого сделалось как-то особенно ласково, тепло на душе.

Православие — тлеющие угли, ислам — пылающий огонь!

Пусть всё остаётся на своих местах.

Север и Восток.

Пусть солнце и полумесяц светят по очереди, не затмевая друг друга.

В Дагестане сверхрадушно встречают гостей.

По местным адатам незнакомца в любом селе три дня будут угощать, ублажать, не спрашивая имени... (Лично я не встречал более хлебосольного края, чем Дагестан.) Но после того как три дня истекут, гость обязан принимать и соблюдать нравы, обычаи, законы этого тухума, джамаата. Боже вас упаси устанавливать в горском селении свои порядки, «быковать»... Процедура воспитания будет короткой, болезненной. И никакого смысла нет предъявлять паспорт, объясняя, что вы «хозяин», в своей стране... Вы — гость! Восклицательный знак. Это справедливо. Как справедливо и «алаверды»: проявлять ответное гостеприимство в исконно-русских городах, в строгих рамках православного приличия. Тогда коренное славянское население никогда не достигнет «точки кипения», и, значит, повода не будет присваивать Кондопоге звание «Город — герой». Мудрые дагестанские традиции — залог успеха, залог мира и дружбы между народами. Ведь нет плохих наций, народов, вероисповеданий. Нет идеальных. Они как раз и хороши своей неповторимостью, самобытностью. Разница лишь в том, что кому-то они родные, кому-то нет. Если радугу смешать, получится однообразный белый свет, но тогда первозданные цвета исчезнут. Пусть сохраняются истоки. Родники хороши, когда они прозрачные, чистые. Не стоит переливать воду из одного в другой, муть поднимать, превращая в одно болотце.

Пусть кристальные воды их, не смешиваясь, проходят именно свой путь, предначертанный Богом, и вливаются в общий океан, именуемый — Россия.

Хамид рассказал восточную притчу:

У ворот древнего города сидит аксакал, к нему подходит юноша:

— Я ни разу не бывал здесь, какие люди живут в этом городе?

Старик ответил вопросом:

— А какие люди у тебя на родине?

— О! Там эгоистичные, злые. Именно поэтому я с радостью уехал оттуда.

— Здесь ты встретишь точно таких же, — ответил ему старик.

Немного погодя, другой путник приблизился к аксакалу и задал тот же вопрос:

— Я только что приехал. Скажи, уважаемый, какие в городе люди?

Старик ответил тем же:

— А что за люди в том городе, откуда ты пришел?

— Добрые, гостеприимные и благородные граждане! У меня там осталось много друзей, мне было нелегко с ними расставаться.

— Ты найдешь таких же и здесь.

Купец, что неподалеку поил верблюдов, слышал эти речи и упрекнул старика:

— Почему ты дал путникам разные ответы на один вопрос?

— Сынок, каждый носит мир в своём сердце. Тот, кто не нашёл ничего хорошего в родном краю, не найдет и в чужом. У кого есть верные товарищи, везде найдёт верных и преданных друзей. Ибо окружающие нас люди становятся тем, что мы ищем в них.

«Надо быть патриотом, а не националистом. Нет необходимости ненавидеть каждую чужую семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что любишь свой. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим. Слепой восторг перед Германией («Германия превыше всего!») привёл к нацизму, слепой восторг перед Италией — к фашизму». Автора этих слов одни называют «безродным космополитом», другие «истинным патриотом». Это — Дмитрий Лихачёв. В районной библиотеке Магарамкента я наткнулся на стенд с его «Десятью заповедями человечности»:

1. Не убий и не начинай войны.
2. Не помысли народ свой врагом других народов.
3. Не укради и не присваивай труда брата своего.
4. Ищи в науке только истину. Не пользуйся ею во зло или ради корысти.
5. Уважай мысли и чувства братьев своих.
6. Чти родителей и прародителей своих, всё сотворённое ими сохраняй и почитай.
7. Чти природу как мать свою и помощницу.
8. Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба.
9. Пусть живёт всё живое, мыслится мыслимое.
10. Пусть свободными будут все, ибо все рождаются свободными.

Примечания:

[1] Д.С.Лихачёв «Письма к молодым читателям»

*

Лезгинка

Гимн

*Чтоб лезгинку плясал
На парче седла.
Чтобы к звездам взлетал
На спине орла...*

Расул Гамзатов

Горцы говорят, что танец — душа народа.

Былинный Дагестан. Здесь музыка во всём: в рокоте волн Каспия, в журчанье хрустального родника, в цокоте копыт горячего скакуна. Даже эхо снеговых вершин и туманы ущелий воспевают гимны прекрасной родной стороне.

Для меня Дагестан — неразрывная цепочка символов: папаха, посох, кинжал, урбеч, гвай, зурна, Расул Гамзатов и лезгинка...

Да, лезгинка.

Не зря эта музыка чётким ритмом, молнией движений привлекала к себе внимание композиторов: Глинка в опере «Руслан и Людмила», Рубинштейн в «Демоне» не смогли обойтись без бурной, полной стихийной силы, страсти хореографической феерии. Белый свет богат самобытными культурами, но танцев-символов, танцев знаковых — на пальцах двух рук на планете пересчитать. По танцу почти безошибочно можно определить нравы, устремления народа. Лезгинка — такая же визитная карточка Северного Кавказа, как яблочко и калинка — у русских, канкан и летка-енка — у европейцев, цыганочка — у вечнокочевого бесшабашного люда — древних выходцев из Индии...

О лезгинке мне поведал Демир Шерифалиев из Ахтынского района, лезгин по национальности. А как иначе, ведь сказ-то о лезгинке:

— Это древнейший ритуальный обряд гордого, свободолюбивого Кавказа. Танец — отголосок языческих верований, воспевающих образ орла, который охотится на лань. Орёл полезгински «лекь». Где летают орлы — волкам делать нечего.

Что же такое лезгинка?

Лезгинка — преимущественно мужской танец с кинжалами. Невозможно представить, чтобы лезгинку танцевали одни девушки, в свою очередь, танец без их участия — обычное дело.

Лезгинка — своеобразный танец-соревнование между танцорами — быстрый, темпераментный, требующий большой силы, ловкости, неутомимости от юноши и плавности, изящества от девушки.

Лезгинка не отнимает силы, а придает их, умножает... Это положительный заряд огромной мощности, духовная настройка перед тяжёлой охотой, кровавой битвой, — настолько сильна в ней энергетика.

Лезгинка — не просто прыжки под музыку. Это выброс настроения, состояния души посредством слаженных движений тела...

Лезгинка — бокал хмельной бузы, после которого можно смело дуть в трубку ГАИ.

Лезгинка — гремучая смесь. В ней смех и слёзы, радость и страдания, настоящая любовь и лютая ненависть, крепкая дружба и непримиримая вражда.

Лезгинка бывает разной. Есть аварская, чеченская, грузинская... но суть одна: для тех, кто впускает танец в свою жизнь, он становится Вселенной, движущей силой, не позволяющей ни на секунду остановиться... Окрашивает мир вокруг в неопишимо яркие волшебные краски.

Родиной лезгинки по праву считается Лезгистан, где впервые и появилось название удивительного, столь почитаемого на Кавказе танца, а дагестанская лезгинка, в свою очередь, самая зрелищная и интересная. Имя собственное танец получил во время нашествия войск Арабского Халифата. Арабы горцев называли лезгами или леками, что в переводе означает «горные бандиты». Это были бесстрашные воины, которые мечом защищали свободу и независимость.

Ратные победы лезги отмечали ритуальным танцем: по краям долины разводили огонь и в центре — общий костёр. Вокруг располагались главные воины, отличившиеся на охоте или в бою.

В те далёкие стародавние века народы Кавказа свято чтит традиции, соблюдают обычаи предков. Одним из таких обычаев было особое отношение к даме. Женщина, будь то мать, жена, дочь или сестра, воспринималась как хранительница домашнего очага. Более трепетного, ревностного отношения к слабой половине, чем на Кавказе, не встретишь нигде. Оскорбление женщины — оскорбление всего тухума. Позор можно смыть только кровью. Суровые законы гор не позволяли юным горянкам появляться на улице одним и разговаривать с чужими мужчинами. Молодая девушка выходила из дома лишь в сопровождении отца или брата. Постороннему мужчине нельзя было подойти или заговорить с ней без согласия родственников. По многовековым кавказским традициям, где целомудренность и уважение юноши к девушке сохраняются до сих пор, считалось неприличным выражать свои чувства, говорить о них публично. Поэтому симпатии молодые выражали в танце.

Главным праздником, на который собирались люди разных народов, зачастую враждующих между собой, была свадьба. Легенда, дошедшая до наших дней, гласит: на одной из таких свадеб молодого джигита сразила неопишуемой красоты девушка в окружении братьев. Она была похожа на лебедь, охраняемую соколами. Сердце юноши вырвалось из груди и полетело к ней. Вспыхнула искромётная музыка. Джигит отчаянно сорвался с места в зажигательном танце. Поднявшись на носки, горделиво раскинув руки-крылья, он плавно описывал круги, то преклонял колени, то вскакивал вновь, будто собираясь взлететь. Все чувства свои, свою любовь джигит явил в безумном вихре экстаза!

Так родился этот благородный танец.

Позднее лезгинку стали танцевать парой. Юноша и девушка держатся на некотором расстоянии друг от друга, они двигаются по кругу, выполняя сложные линии того или иного рисунка. Взгляд юноши горящий, весь танец он старается заглянуть девушке в глаза. Девушка же не смеет поднять взор, оценивая храбреца исподволь, движения её выражают неприступность. Словно белая лебедь плывёт горянка по кругу, изящно изгибая стан и плавно ведя рукой. Джигит — то покорно вслед за ней, то стремительным броском преграждая путь. Ритм становится все более экспрессивным, огнём сверкают глаза. Воздух разорван криком: Оп-п!а! Оп-п!а! Хіорс! Волчком вьётся парень возле девушки: Орс-тох! Ас-са! В танце происходит своего рода игра: девушка убегает, парень устремляется за ней, однако она своевольна, ему приходится загонять её в свой рисунок; юноша старается удержать волнительное видение, но при этом ни в коем случае не смеет коснуться беглянки. За это — смерть!

...Друг друга взглядом лишь касаясь,
Их танец в музыке парит,
Дуэт, в поэму превращаясь,
Как славный диалог звучит...

Сейчас иные времена...

Теперь лезгинка по праву считается танцем дружбы, любви и счастья. Если юноша приглянулся девушке, она послушно плывёт впереди, завлекая его за собой. Заканчивается танец обоюдным поклоном друг другу. После проводов партнерши танцор темпераментно, под задорные крики кунаков, исполняет ликующий аккорд победы... Мягкой девичьей грациозностью, резкими, аффектными и эффектными, заряжающими мужскими ритмами лезгинка завораживает и

одновременно заводит танцующих и наблюдающих. Зритель готов сорваться с места и пуститься в пляс и припляс!

Танцевать в Дагестане умеют и любят! Ни один праздник не обходится без лезгинки. Стремительный, огневой, крылатый танец дагестанцев — истинно народный. И плох тот горец, который не умеет отплясывать его. Интересно, что лезгинку танцуют везде. Для аккомпанемента не нужно много инструментов. Порой обходятся простыми хлопками рук, задавая ритм, лишь бы настроение било через край...

Однажды, по дороге из Ахты в Дербент, радиоволна окатила нас неуёмным ритмом лезгинки. Абдула резко притормозил на краю ночной обочины и под светом фар вместе с Мугутдином, Рамизом, Магарамом пустился в припляс.

Глядя на них, интерес, восторг, зависть!.. переполнили меня...

«Они так... самые интересные коленца... без меня!.. сбацают!» — кровь в моих жилах закипела, и с ликующим криком:

— Хочу то-ооже! — прищёлкывая пальцами, я закрутился в диком заразительном танце. — Ас-са! Ас-са!!!

Джигиты, если увидите нас танцующими лезгинку на дороге, не проезжайте мимо. Присоединяйтесь!

P. S.

Рамиз сбросил СМС-ку:

«Дагестанские блохи, услышав лезгинку, затоптали кошку насмерть».

*

Когда кабан выходит на сопку

*Пьяный вином — протрезвится,
пьяный казной — никогда.*

Аварская пословица

Восток — это аксакалы, старейшины.

Мне довелось побывать в гостях у Ферзулы Расулова — председателя совета старейшин Дербентского района. Ферзула с порога пригласил к столу:

— Даже трапеза — искусство. Вот понаблюдай, как хорошо я кушаю... Это потому, что я хороший человек. Учись!..

Сегодня многие вспоминают советский строй, как «временный комшмар», «вынужденный ужас», «тюрьму народов»... Напрасно. Раньше, пока Сталин сидел в кабинете, ни один первый секретарь обкома домой не уходил: «хозяин на работе!» Когда земля без хозяина, кабан выходит на сопку. Сейчас на видное место вышли бандиты. Беда! Народ, который не может отличить добро от зла, пропащий. Раньше в каждом селе, в каждом коллективе были звёздочки, уважаемые люди! — раздосадованно бросил Ферзула. — Их уважали. Теперь нет. Фарфоровая посуда осталась в тени, вперёд выставили глиняные чашки. Мы, старейшины, может, и помогли бы, но...

Есть такая восточная притча: «Верблюд умирает. Его хозяин спрашивает: «Обидел ли я тебя когда-нибудь?» — «Обидел вчера. Когда я поднимался с грузом в гору, ты привязал мою узду к хвосту ишака». Нужно поднять с земли брошенные старинные традиции, почистить и придерживаться их.

Ферзула Дадашбаевич с трудом сдерживал негодование.

— Я Вам скажу, как нам дадут Президента республики: возьмут из одной кучи навоза кусок, поделят на две части и — выбирайте. Когда здание дало трещину, его устойчивость — вопрос только времени: пока климатические условия благоприятные, дом будет стоять. При всём том даже ребенок знает, что после лета приходит осень, потом зима. Если мы не уничтожим взятки, о серьёзной политике можно не мечтать. Вспомните Карла Маркса: «Капиталист продаст мать родную за 100% прибыли, за 300% узаконит это дело». Не нужно бороться со всем воровством. Нужно бороться с крупным, когда тянут машинами, составами, приторговывают из-под полы отраслями, страной... Я очень хочу, чтобы наша страна выпрямилась.

По законам гор я продолжал молчать и слушать уважаемого.

— Пачаму члены партии Единой России не идут в народ? Они боятся народа?!

— Разве боятся? Например, я из «Единой России», член регионального политсовета...

— ?!!!!!!!!..

Боюсь, дальше вам неинтересно.

*

Фигурант

— Гамзат, по части вставания ти кто — жаваранак ыли сава?
— Вай, зачэм такые вэци гаварищ?
По этой части я — арал.

NN

Он медленно приближался, хмуро, по-милицейски, уставившись на меня. Желая с ходу расположить собеседника, я промурлыкал медовым фимиамом:
— Сала-ааам алейкум!
— От такого слышу.
— ?..

Мы зашли в придорожное кафе, выбрали столик. Магомед тщательно, с особым шиком и показным цинизмом затушил сигарету и, не поднимая глаз, спросил:

— Значит, я тоже буду «фигурантом» вашего дела?
— Книги.

— Я и говорю... Ну, тогда записывай: в Дагестане авторитет старших непререкаем.

В колхозе после войны у нас председателем был отставной начальник НКВД Ахмед. Он ослеп, плохо себя чувствовал, но должность не покидал. На одном из собраний встаёт колхозник, заводит речь: «Время сейчас тяжёлое, земли колхоза разбросаны, отгонные пастбища далеко, и нам нужен другой председатель, который лучше видит». Ахмед, не поднимаясь с места, проскрипел: «Даже если у тебя будет такое острое зрение, что сможешь разглядеть, сколько кукурузы в Америке сыплют хозяйки своим курицам, всё одно председателем буду я».

— Что желаете, — поинтересовалась у нас миловидная горянка, и тоже, как я, достала блокнот, приготовилась записывать.

— Давай, как вчера: яблоко, ящик водки и десять женщин... Асият, ты же лучше меня знаешь, чем угостить гостя, — упрекнул официантку Магомед.

Та понимающе кивнула и удалилась.

— В Дагестане мужчина всегда прав, старший прав вдвойне, и никакие шуточки на эту тему не допускаются... Зато «по горизонтали» поощряются любые приколы.

Между Кизилюртом и посёлком Сулак, прямо на дороге, сотрудники соседнего райотдела обнаружили труп мужчины. А граница между горотделом и райотделом проходила по осевой линии дороги. Выезжаю туда. Вижу свежие следы волочения трупа на нашу сторону, кое-где в спешке затёртые. Ясно: коллегам из райотдела не хочется вешать мертвяка на свою отчётность. Кому охота? Проявили смекалку, подкинули нам. Все анекдоты у нас из жизни. А бывает, что вроде находчивость проявил, не растерялся в сложной ситуации, всё равно от начальства попадает по фуражке. Одно время у нас в МВД был министр по фамилии Абдуразаков. А в горотделе инспектором ГАИ его однофамилец — сержант Абдуразаков. За Кизилюртом железнодорожный переезд, у него там сломалась машина, не может разобраться. Четыре утра. Что делать?.. Мобильников-то не было. На переезде — дежурный путеец, он к нему поднимается: «Позвони срочно в милицию, скажи, тут стоит Абдуразаков. У него машина сломалась».

Дежурный решил, что это министр Абдуразаков. Будит срочно начальника, тот поднимает по тревоге ГАИ, всех... Сразу один побежал забивать барашка, другой готовить хинкал, третий начал вспоминать тосты... Начальник лично прилетает к переезду: сержант Абдуразаков лежит в машине в дрободан пьяный... не узнаёт никого. Полковник неделю рвал и метал:

— Из-за этого ишака подняли ночью весь отдел.

Дай, Аллах, здоровья операторам сотовой и мобильной связи.

Звякнули наши бокалы.

— Эх, жаль, что я сам не писатель!.. Когда работал в следствии, можно было не один бестселлер наваять. В уголовном розыске частенько приходилось делать рейды по значным местам, общежитиям, притонам. Мы старались, как учили старшие товарищи, «опираться в своей работе на помощь общественности». И там мои сотрудники нашли одну интересную даму, допрашивали её и, судя по всему, тайком друг от друга, установили с ней доверительный контакт. Четверо заболело гонореей. Стыд и позор! Офицеры милиции. Мечутся!.. Каждый наивно полагает, что заболел только он. Втихаря приходят ко мне и шепотком:

— У тебя в боль-ни-це есть кто-оо?

— Есть. Вся больница моя.

— Тише ты! На-до посмотреть... шш-шу... мне.

— Пойдём, посмотрим.

Веду их к венерологу, по графику, в разные дни. Мазки на пробу. Иду сам за ответами, оглашают нам «приговор»: диагноз единый — «гонококки».

— Пусть приходят, схему назначим, проколем укольчики...

— Это что, капитан, старший лейтенант будут ходить сюда, на виду у всего города, делать уколы? Чтобы медсестра потом на каждом углу в картинках рассказывала?.. Чтоб на всю округу опозорить ребят? Так нельзя. Давай мне, сам буду колоть. Принцип знаю — жена медик.

На бумажке написал фамилии своих орлов: Магомедову — это, Гитинову — это, дозу, количество уколов, в разные пакетики разложил, дабы не перепутать, и начал. Шприц один на всех — зараза к заразе не пристаёт. Поставил за занавеской электроплитку, на гвоздик — свежее вафельное полотенце. По очереди приходят, дверь закрываю на ключ, каждому вручаю пакетик... Кабинет начальника УГРО: пар идёт, разобранный шприц в кастрюльке побрякивает — красота! А заодно приклеил на стенку — агитационные плакаты. (Некогда мне политинформации читать!) Стоят, уткнувшись лицом в лозунги, постанывают... (Стена плача.) Получают порцию — следующий. Весь курс проколол. Помогло.

Однако и в милиции тоже утекает информация. Слышу в коридоре, у двери моего кабинета ржут мужики. Пока думал идти-неидти, пока выходил — нет никого. Хотел дверь захлопнуть, смотрю на ней табличка: «Амбулатория Кизилюртовского ГОВД»...

В кафе мы посидели славно. Блокнот мой распухал на глазах...

— Магомед, а назавтра какая программа?

— Утром напьюсь, видно будет.

В лёгком хламе он позвонил знакомой:

— Танюша, можно, к вам в гости-иии?..

— Приезжай, Магомед.

— А ничего, что вы все пьяные, а я трезвый?

В Дагестане любимая поговорка: «Чему научили русские дагестанцев? Магомеда — водку пить, Патимат — гулять». Я от души посмеялся, написал и этот комичный миф. А позже в Махачкале доктор медицинских наук, профессор Ибрагим Ахмедханович Шамов мне всё объяснил популярно, с исторической и медицинской точки зрения:

— По документальным свидетельствам в Кюринском округе Дагестана к 1890 году 24% от всех обратившихся за медицинской помощью составляли больные сифилисом, а что касается выпивки... отец легендарного имама Денгау Магомед так любил прикладываться к спиртному, что Шамиль пригрозил покончить жизнь самоубийством, если не умерит свой пыл. [1] Так что, очень-то не зазнавайтесь: откуда берутся дети и как открывать бутылку, горцы узнали не от русских.

Примечания:

[1] Х. Г. Магомедсалихов, «Культура и традиции народов Дагестана»;

Беседка Шамиля

*Орёл, перед тем, как проглотить кость,
прикидывает, сможет она выйти или нет.*

Гусейн Гусейнов

Гуниб.

«Живая краса Дагестана», — окрестил Гуниб Расул Гамзатов.

25 августа 1859 года здесь разыгрался последний акт пятидесятилетней драмы. «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург» — донесение лапидарного стиля было послано главнокомандующим князем Барятинским императору Александру II. Это означало, что сложил оружие человек, который четверть века возглавлял борьбу народов Дагестана и Чечни против царской России.

Гуниб-гора.

Она воспета в прозе и поэзии своего народа, через предполагаемую скорбь Шамиля:

Небесный знак во сне глубоком
Послала нынче мне судьба —
Раздался вещий глас пророка:
«Состарилась твоя борьба...

Спаси израненных и слабых,
И тех, кто держится едва.
Пускай Гуниб — твоя Кааба,
Аллаха воля такова».

Не мне Всевышнему перечить.
Гроза врагов, я — раб его...
Хоть бурка лет сдавила плечи,
Мне всё равно под ней легко.

Пусть ритм торжественно-тревожный
Бубнит походный барабан,
Кинжал войны я прячу в ножны —
Прощай, мой бедный Дагестан. [1]

Имам Шамиль — один из самых ярких, самых дальновидных горцев Кавказа, ставший символом мужества, мудрости, гордости. И чем жарче потомки хвалят Шамиля, тем отчётливей предстаёт перед нами его могущественный Победитель. Клинком можно разрубить сталь, но им нельзя разрубить воздух. Беседку в Гунибе, построенную на месте пленения Шамиля русскими войсками, в последние годы неоднократно взрывали, однако люди не властны над прошлым. В Кавказской войне легендарный имам не мог потерпеть поражение перед людьми, но пред волей Всевышнего оказался бессилён даже он. И бездушное строение — лишь напоминание о выборе, который сделали небеса. Сделали навсегда.

Стараясь любой ценой выставить Шамиля непримиримым борцом с Россией, потомки-поэты сильно сгущают чёрные краски, излишне драматизируют ситуацию в угоду литературной коллизии. Описывая воображаемые чувства Великого имама, они забывают важное обстоятельство: Шамиль не покончил с собой, не был ранен в бою, не посвятил остаток жизни джихаду. Духовный правитель Кавказа осознанно, добровольно! сдался на милость Победителя. Более того, он завещал потомкам: «Быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему отечеству». В России по православной традиции не мстили ни ему, ни его

близким... (В этом, наверно, и есть наша сила.) Он в довольстве жил вместе с семьёй до глубокой старости в живописном уголке средней полосы (не в Сибири в кандалах!), читал книжки (у него была богатейшая библиотека!) и миловался с любимой женой-христианкой.

Естественная человеческая жизнь слишком коротка... А если бы Великий имам дожил до наших дней, я думаю, он ходил бы сейчас вместе со мной из школы в школу на пионерские сборы (по линии общества «Знание»), встречался с ребятами, рассказывал им о красотах Дагестана, о необходимости борьбы за мир во всём мире.

Потому как нет рая под тенью сабель!

Если б только он был жив...

На почётный пост руководителя дагестанской диаспоры в Москве даже не раздумывали бы, кого ставить...

Примечания:

[1] Расул Гамзатов «Сказание о двуглавом орле»;

*

Осторожно: дикий камень!

— Бамбарбия, кегуду.
— Что он сказал?
— Он говорит, если Вы откажетесь, они Вас зарежут.
— !
— Щютка.

Фильм «Кавказская пленница»

Не отвлекаясь от управления машиной, Халид рассказывал:
— ...Природа у нас первозданная, сам видишь: первобытные альпийские луга, реликтовые леса, дикое море, дикие пляжи, водопады, ущелья, горы... Природа дикая!
У мекегинского карьера висел самодельный аншлаг:

Дикий камень

Халид увидел объявление и, словно наткнувшись на невидимую преграду, резко затормозил, сложил руки в священном поклоне:

— Александр, умоляю, только не пиши, что «в Дагестане и люди дикие, и все до одного камни дикие». В сетях Интернета лишь такую информацию и найдёшь. Раздувают миф: кавказец — зверь. Да нет тут зверей. Никого не кусают. Сам видишь!.. А идиоты, бандиты есть везде.

— «Ответит он: — Не верь молве./Их там не больше, чем в Москве...» [1]

— Вот, вот... Мы бандитов сами ненавидим. И с оружием в руках боремся против них.

— Халид, о чём разговор...

— Ты не подумай, мы тоже любим над собой иронизировать... Анекдоты про себя сочиняем.

Приходит кавказец к врачу, выкладывает на стол своё хозяйство:

— Пасматры. А!

Врач:

— Ну, что могу сказать? Внешне — нормальный.

Мужик:

— Какой «нармальный»? Зачем, обижаешь, слушаешь?! Палобуйся, какой красавец!

Или такой:

Гость из России заходит в дагестанский ресторан, садится за столик.

Подбегает официант:

— Чёго желаете?

— Мне чего-нибудь остренького, национального.

— Кынжал ...опа хочэи?

И ещё:

Заспорили горцы, кто из народов Дагестана самый смелый.

Даргинцы:

— Мы! Даргинец один с кинжалом выйдет против толпы и победит!

Аварцы:

— Нет, мы! Нам кинжала не нужно: железо зубами перекусываем.

Лезгины:

— Самые смелые — мы! На канате над пропастью спляшем лезгинку, а потом голыми руками порвём любого.

Кумык сокрушённо покачал головой:

— Нет, пожалуй, самые смелые русские.

— Вай! Почему?!!

— Потому, что среди таких зверей живут.

Мы летели по горному серпантину в небо.

Я поглядывал по сторонам, изумляясь волшебным пейзажам, вспоминая радушные встречи с кунаками. Перебирал в уме наши традиции, привычки, отличные от дагестанских, и зачастую становилось неловко... Даже мысленно. Здесь совсем не сквернословят, мат-перемат не услышишь (я даже соскучился!), уважают старших... Да взять хотя бы «живые дорожные знаки»: мужиков, справляющих малую нужду вдоль трасс, — такого в Дагестане нет. Как устойчивы кривые психологические штампы! Оказывается, не нужно даже врать. Достаточно, рассказывая по ТВ об этом уникальном крае, замалчивать положительное, хорошее, доброе... И — картинка готова. Прямо как в стихике у Корнея Чуковского:

Закаляка

Дали Мурочке тетрадь,
Стала Мура рисовать.
«Это — ёлочка мохнатая.
Это — козочка рогатая.
Это — дядя с бородой.
Это — дом с трубой».
«Ну, а это что такое,
Непонятное, чудное,
С десятью ногами,
С десятью рогами?»
«Это Бяка-Закаляка Кусачая,
Я сама из головы её выдумала».

«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»

«Я её боюсь!»

«Боюсь!»

Понятное дело, страшно, коль рисовать одной чёрной краской.

А кроме того, существует ещё такое понятие «пропаганда»: скажи человеку сто раз «свинья», он захрюкает. И кто от этого выиграет?..

Был такой Джон Хеджкоу, профессор Королевского колледжа искусств, поэт в сфере фото. Имя его знакомо каждому профессиональному фотографу: Джон — автор знаменитой книги «Искусство цветной фотографии». Большинство положений, наблюдений, выводов скучны для массовой публики. Но есть один закон, открытый Джоном, он касается каждого. Постулат гласит: цвет любого предмета меняется от угла зрения, и, следовательно, от освещения, при котором мы его рассматриваем. Памятуя об этом, я описываю Дагестан, наблюдая за жизнью горцев при реальном свете: розовых и чёрных очков у меня на глазах нет. Я не использую кривое зеркало СМИ. (Верблюд, рассказывая о скакуне, непременно изобразит его горбатым.) Это дружеский взор не со стороны из-за угла — изнутри. Неверно писать о Дагестане, сидя в уютном и безопасном московском кабинете.

Понятно, когда в 90-х на Кавказе шла полным ходом война, когда нельзя было даже предположить, чем всё закончится, старались не хвалить «потенциального противника». Любой командир старается не допускать, чтоб солдаты выходили из окопов «брататься».

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает! [3]

Отдавая должное пророческому дару Редьярда Киплинга, я бесконечно рад: это трагичное, страшное время позади. Теперь мы стоим не «лицом к лицу», вместе смотрим в будущее.

Рад, что наш общий дом — Российская Федерация.

Обязательно расскажу на страницах своей книги всем, кому не улыбнулось счастье побывать в Стране Гор, что в Дагестане дикая первобытная природа и цивилизованные гостеприимные люди. А не наоборот...

Примечания:

[1] В. С. Высоцкий, «Мой друг уехал в Магадан».

[2] Корней Чуковский. Стихи и сказки. «От двух до пяти».

[3] Редьярд Киплинг.

*

Узелки дагестанского ковра

Хабар Мугутдина

*Если Дагестан разгладить утюгом —
получится пол-России.*

Аварская пословица

На богатом столе хинкал, фрукты, розовое сухое вино... и прочия, прочия, прочия...

Хозяин налил по бокалу, предложил тост за «дорогого гостя». Я для виду поломался, смущение изобразить не удалось, потому с большим удовольствием выпил и закусил (кстати, советую попробовать всем именно дербентское розовое сухое вино).

— Раньше холодильников не было, мясо, молоко, сыр хранили в колодцах глубиной до сорока метров. За питьевой водой женщины с кувшинами ходили за километр на ключ. Техническую воду брали в речке: мутную, грязную... В ней стирали, затем в огромной корзине тащили бельё на голове. В некоторых семьях горянка должна была обстирать, накормить, обслужить десять-двенадцать человек. Сейчас кран открыл — вода бежит, туалет, ванна; на кухню зашёл, тут тебе и плита, и свет, и холодильник тот же. А детей двое-трое. Раньше начинаешь строительство, не успеешь ударить в землю лопатой, соседи услышат — бегут на подмогу: «Что-то Магомед строит, пойдём поможем!» Всем миром. Одни копают траншею под фундамент, другие носят камни... Дальше уже строят мастера. Теперь такого близко нет. Раньше пацаном один раз без дела прошёл по улице, два прошёл, затрещину имел право вклеить любой посторонний: «Нечего слоняться!» Воспитывали детей сообща. Сейчас сыну скажешь: «Полей пару грядок!» — «Ага, ага...» Сам — боком, боком... Раньше ребёнок провинится в школе — накажут, дома — отец добавит. Сейчас попробуй отругай ученика: родители сразу напишут на учителя заявку, посадят в тюрьму. Каждый отец чувствует, когда сын болтается без дела, однако в цивилизованном обществе у него нет властных рычагов. А сын сперва болтается, потом начинает покуривать, выпивать, покальваться, подворовывать, постреливать... У нас директор школы на перемене сделал замечание ученику. Тот в ответ:

— Петух!

Директор погнался за ним, на третьем этаже догнал:

— Что ты ска-заал?

— Я сказал «петух», но не зоновский... домашний.

Раньше чувство локтя было, отношения теплее... Друг к другу ходили в гости, оставались на день, на два, вместе работали, сообща кулинарией занимались. Сейчас время летит на бешеной скорости, что-либо планировать невозможно. У всех транспорт: приедут на час-два и назад. Всё бегом, на ходу. Темп жизни совсем другой. Люди стали какие-то... Моя хата с краю! Все закрылись, друг другу не доверяют. Говорят, равенства не достигнуть, поскольку каждый стремится стать равным с тем, кто выше.

— В итоге все тянутся к Богу.

— ...Люди на Кавказе знают себе цену. Мы можем грабить, убивать, резать, но никогда не пойдём просить милостыню с протянутой рукой, попрошайничать по вокзалам. Нам гордость не позволит. Это считается позором, как и пьянство. Студентом я два года работал в стройотряде. Ну, как это можно? Деревянная деревня в Сибири, Тюменская область, лето. Не поверишь... Дом по крышу зарос травой, крапивой, тропиночка к сеним... Прямо пройти невозможно: бочком, бочком пробирался. Но он не возьмёт серп, косу... Бездельник! бухает круглые сутки, шляется по деревне с синяком-фингалом. Такого у нас не встретишь: упиться-забыться, носом под стол... Такого нет. Это тоже национальная традиция. Узелки нашего дагестанского ковра. Ответственность, страх перед публичным позором — сильный сдерживающий фактор. Родственники не смолчат,

принудят остановиться. Мы стараемся быть красивыми во всём: в отношениях к старшим, к женщине... Абдула установил дома «тревожную» кнопку: нажимает, на кухне — сигнал. Жена, домочадцы, кто дежурит, несутся к столу: «Что прикажете, мой господин?»

Я выбросил сигнал в окно. Он оценил:

— Как ты красиво поступил!

— А потом, небось, жену отправил на улицу кнопку искать.

— Не, не...

— Про кнопку запишу, идея хорошая.

— Алек-сааандр!..

— Это так, о своём... В прошлой жизни, теперь точно знаю, — я был дагестанцем.

— ...Хотя, бывает, и мы любим пошалить. В студенчестве пришли к другу в Махачкале в общежитие. Его нет. Наудачу вставил ключ от своей комнаты, замок открылся. Заходим. Ну, хочется нагадить как-то, мы ведь живые люди: всё перевернули вверх дном, ничего не взяли. Дождались на улице его, заходит впереди нас: «Обокрали! Обокрали!!!» Какой обокрали?.. Кому нужно?! Не скажу, что у нас совсем не воруют... Просто это «не принято». И вот тебе притча. Вор схватил папаху с головы аксакала и убежал. Старику не догнать, он побрёл на кладбище и там стал ждать вора: «Это место он не минует». Шалости в детстве, в юности допустимы. И педагог не должен забывать детство своё, тогда легче понять учеников, и школьникам — учителя. Это как тест на профпригодность. На сельском празднике парень стрельнул из автомата, выпускник нашей школы. Наутро милиция к нему: «Отдай ствол!» — «Буду разговаривать только со своим учителем». Я работал в ту пору директором школы, поехал к нему. Он послушался моих слов, отдал автомат.

— Записано.

— Я рад, что ты посетил мой дом. И это тоже наша святая традиция... У нас верят: гость — от Бога. Он не объедает тебя, своё несёт, свой баракат. То, что он кушает, Аллах тебе специально дал для встречи гостя. Во время душевной беседы двух близких людей за ночь можно незаметно целого быка съесть. Притчу записывай!

Сидят кунаки в гостях у своего друга в Дагестане. Кушают, отдыхают, поднимают бокалы, говорят красивые слова. В этот момент прибегают соседский мальчик:

— Напали на дом твоего отца!

Хозяин сначала хотел подняться, но потом передумал, у него в гостях за столом кунаки.

Второй раз прибегают соседский мальчик:

— Украла твою невесту.

Хозяин опять порывался встать из-за стола и снова передумал. Адамы нарушать нельзя.

Третий раз прибегают мальчик:

— Украла твоего вороного коня!

Настроения пировать у хозяина уже не было, хотя виду не подал, поддерживал беседу, смеялся, оказывал радушие. Наконец друзья пожелали прилечь отдохнуть. Хозяин отправился готовить им постель и решил, едва только они лягут отдыхать, он займётся своими проблемами: сначала — родительский дом, потом — невеста, затем — конь. Но едва он успел приготовить гостям ночлег, как зашёл кунак:

— С обидчиками твоего отца я разобрался и наказал их по закону гор.

Только сообщил, заходит второй кунак с украденной невестой. Не успел он обнять невесту, во дворе послышался конский топот. Все глянули в окно: третий кунак держал под уздцы вороного коня. Тогда хозяин дома поднял полный бокал бузы, и произнёс:

— Слава Аллаху, есть законы гор и у меня верные кунаки, которые без слов понимают, что у меня на душе и помогают в трудную минуту.

И мне не дай, Аллах, столько денег, столько власти, чтоб я забыл своих друзей, своих родственников. Раньше кунаком становился каждый, кто приглашал путника к себе в дом, а люди разные... Жил в стародавние времена в горном селе Дагестана Молла Насреддин, бедного достатка, но хохмач неунывающий. Особым гостеприимством на селе не славился, в радушии замечен не был. И вот однажды пришёл в село путник. Все сельчане наперебой приглашали странника к себе. Тот отказался наотрез. Молла смекнул: «Удачный случай продемонстрировать

своё кавказское гостеприимство на людях! Раз он ни к кому не идёт, значит, не пойдёт и ко мне». И давай звать пришельца к себе в гости.

— Пойдём ко мне! Пойдём ко мне! Пойдём ко мне!

Он перестарался, приглашая. Тот устал от навязчивого Моллы и согласился:

— Ну, ладно, пойдём!

Деваться некуда, сельчане смотрят, пришлось вести незнакомца к себе домой. Молла в мыслях ругает себя самыми грязными словами: «Шайтан дёрнул меня за язык! Надо было молчать. Сунулся со своей добротой, щедростью, теперь придётся кормить, поить».

Подходят к дому. Молла привязывает своего ишака, путник спрашивает:

— А мне куда привязать коня?

Молла сорвался:

— К языку моему привяжи!

Да, бывает и так, но редко. Месяц назад я ездил в Левашинский район к однокашнику. Давно планировали встретиться, созванивались... Запланировали дату. Приехал на подъёме, с шутками прибаутками... Он принял, накормил, а через несколько часов во дворе я случайно от соседей узнал... Гляжу, все тихие, не по-праздничному кучкуются, лица траурные... Сын у него умер. Пока мы кушали, его тело, оказывается, лежало в соседней комнате. Гость важнее!!!

(Сознаюсь, мне стало внезапно холодно.)

— Притчу записывай! Жил в горах аксакал и было у него три женатых сына. Решил он пойти посмотреть, как им живётся. Высоко в горах морозы, снег, слякоть, ветер студёный. Зашёл в гости к одному: тот сидит вдвоём с женой, у них холодно, неуютно. Кое-как живут. Отправился ко второму — там ещё хуже. Пошёл к младшему сыну — там уютно, тепло. «В чём секрет?» — спрашивает он. — «Отец, в моём доме постоянно друзья». Выпьем за это. Да ты не держи подолгу бокал, пей. За задержку тары Кутузову глаз выкололи...

— Серьёзно!? Запишу. Наши историки об этом умалчивают, а люди должны знать правду.

— Вот тебе ещё притча: «Бравый джигит за столом разгордился, раздухарился: «Хоть Бог позволит, хоть нет, съем этот хинкал». Не успел кусок до рта донести, залетают в саклю нукеры, хватают его, сажают в тюрьму. Не удалось джигиту попробовать хинкал... Через несколько лет освободили, он стучится в дверь родного дома: «Жена, если Бог позволит, твой муж вернулся».

— Жванецкий считает, что воробей — это орёл, выросший в неволе.

— Может, и так... Дагестанцы сейчас повернулись лицом к традиционной вере — исламу.

— Вижу. Только скажи мне, почему сто лет назад на православной Руси и в исламском Дагестане Бог позволил крещёным и правоверным чадам разрушить церкви и мечети, расстрелять священнослужителей, алимов, духовных отцов? Не пришлым завоевателям — своим!

— ?..

Ответ на этот, один из самых важных для меня вопросов, я нашёл... не поверите: в Библии, в Ветхом Завете, лишь на четвёртый раз внимательного, вдумчивого чтения. Аналогично Господь наказал египтян: он умышленно многократно подстраивал, чтобы раз за разом, несмотря на бедствия, те отказывались поверить в НЕГО. Отказывались верить, и за это щедро огребали новые и новые наказания, беды... Ещё и ещё... И снова... И опять... Из года в год, из десятилетия в десятилетие. Пока, наконец, последний самый тупой-слабоверующий не поверил искренне в существование ЕДИНОГО. Один Бог знает, сколько ещё бед обрушится на человеческий род, пока на планете Земля это не поймут все и каждый!

И вот так, узелок за узелком, я ткал свой дагестанский ковёр. Ткал, как умел.

*

Ивановны

*Русская женщина в Хучни:
Нюра, Нура, Нурджаган.*

Эффенди Капиев «Поэт»

Меджид спрятал обрез под полой гужгата, [1] украдкой оглянулся и проскочил безлюдным переулком. По обломкам саманных кирпичей, упираясь ногой в выбоины стены, цепкой кошкой забрался на крышу сеного сарая, лёг на спину, передёрнул затвор, загнав патрон в патронник, поставил карабин на предохранитель. Осторожно приподнял голову... С крыши хорошо простреливался весь переулок и подход к дому Ильяса: горянка, согнувшись в три погибели, тащила копёшку сена; два юнца в мохнатых папах промчались с гиканьем. Солнце устало клонилось к земле и — Меджид мог поручиться — опускалось за дальнюю саклю на краю села, прямо к нему во двор. Сладко пахло зрелыми яблоками. Воздух был свежим, чистым, каким бывает только в горах в начале осени после череды дождей. Он напряжённо вслушивался... Из дома Ильяса доносилась приглушённая музыка, потом стихла. Меджид нежно, как холку верного коня, огладил полированный затвор, ребристую рукоять приклада, словно успокаивая их, сам внутренне группируясь, концентрируясь. Скрипнула дверь... вышли два парня, за ними девушки и неспешно разными улочками направились в сторону годекана. «Теперь дождусь...» — Меджид успокоенно лёг на спину, не выпуская карабина из рук. Прошло не меньше часа, ещё столько же — Ильяс не возвращался. Стемнело. Меджид окоченел и, чтоб немного согреться, по очереди напрягал, расслаблял мышцы рук, ног. Он ждал. На небо бесшумно выкатилась половинка ночного светила, разрубленного саблей, и осветила холодным голубым светом крыши домов, верхушки деревьев, отразившись, как в зеркальце, в окошке старой лачуги. Длинные ломаные тени от садовых деревьев стрелками лунных часов отмеряли томительное время.

Вдалеке забрехала собака...

Лай недружно подхватила пара цепных псов... уже ближе.

Меджид повернулся набок, притираясь небритой щекой к карабину. В ярком свете луны отчётливо выделялся чёрный силуэт человека. «Ильяс», — облегчённо выдохнул он. Спокойно выцелил, вёл его на мушке, пока тот не потянул на себя входную дверь, и плавно нажал на курок.

Август на Кавказе дышал нестерпимой жарой, будто в небе палило семь солнц.

Раскалённый, битком набитый тряский автобус закручивал на дороге пыль вьюном. Пока добирались от столицы до Унцукульского района, несколько раз останавливались. У родника встали надолго: водитель набирал воду в канистру, в армейскую флягу, потом не спеша потягивал из неё; две юные девушки — по виду не местные — искристую студёную воду тянули жадно, погрузившись лицом в струю, умывались, плескались, брызгались, смеялись и опять пили, куда не напились вволю... Горцы степенно дожидались, давая гостям утолить жажду, затем сами по очереди принимали к живительной влаге, истекающей на поверхность из неведанной глубины гор. Принимали с почтением, с молитвами... Пассажиры разбрелись по обочине. Горянки были одеты, точно из музея, во всепогодные длинные платья от запястья до лодыжек, национальные головные уборы «чохто» или платки до бровей. Трое мужчин — в запылённых габардиновых костюмах, блестящих хромовых сапогах и все, как один, в смушковых папах. Местные хмуро поглядывали на девчат-хохотушек с непокрытыми головами, изредка буркая что-то на своём. Света — низенькая пышечка, Аня — хрупкая тростинка на ветру. Среди однообразных сумрачных горцев они смотрелись ярким весёлым миражом. Поминутно одёргивая короткие платьица с оборками, девушки присели на прохладные камни в тени у дороги. Стараясь не замечать нацеленных на них откровенно-колючих, изучающих взглядов, всматривались вдаль:

— Неужели село там... за облаками?

— Такое чувство, будто очутилась на другой планете. Как они по этим горам лазают в вечерних платьях? Как живут тут, на этих камнях? Везде жарница. Одно успокаивает: мы сюда не навек, отработаем три года — и домой, — Аня крепче прижала к груди томик Лермонтова.

— Но какая красота вокруг! Дух захватывает...

Они смолкли, покорённые величественной симфонией гор, примеряя свою судьбу к этому незнакомому и потому чужому для них надоблачному, надзвёздному, орлиному краю.

Шофёр призывно сигналил...

Дорога, выписывая арабский алфавит, стала уходить в горы, выше и выше взвываясь к нещадно палящему белому солнцу. Каждый раз перед очередным подъёмом, когда водитель переключал рычаг скоростей, в механизме начинало болезненно «кры-крыкать», словно грецкий орех между шестерён. Автобус, как слон-туберкулёзник, принимался кашлять через все отверстия, дрожать корпусом. Временами Ане казалось, что вот... сейчас! — не возьмёт высоту, не разбирая пути, попятится назад и тогда... с краю — в бездонную пропасть. От страха она зажмурилась, рту пересыхало, кровь, отхлынув, уходила из головы.

— Анька, ты белая, как полотно! На воды!

Липкими от пота руками она приняла стылую бутылку и, стараясь не глядеть на километры обрывов, сделала несколько мелких глотков: «Когда всё это кончится?»

В районный центр — селение Унцукуль — добрались под вечер. Из автобуса девушки выбирались чуть живы, затёкшими руками вытаскивая чемоданы. Их с нетерпением поджидали: шумная стайка чернявых босоногих мальчишек, припрыгивая, окружила, и самый бойкий, сверкнув карими глазёнками, спросил:

— Учительницы? Вай!.. Мы поможем. Я — Гасан.

Мальчишки весело подхватили и, по очереди меняясь, потащили пожитки в серый узкий проулок, мимо лачуг из дикого камня, под изучающе-пристальными взглядами прохожих, прямо к дому директора школы. Краткое знакомство... С порога — глиняный кувшин холодной ключевой воды... Девчатам показали, где можно умыться, накормили досыта хинкалом из молодой баранины с домашней сметаной и отвели комнату с прохладной мягкой постелью. Опыняющий вкус горной воды вплетался в сытую дрему, сглаживая все страхи, успокаивая тревожные ожидания, умиротворяя молодое естество.

«Какой он будет... первый рабочий день?» — эта последняя мысль почему-то совсем не тревогой — сладкой истомой погрузила Аню в глубокий сон.

Проснулись, когда первый луч солнца заглянул в тусклое окно. Помылись, «причепурились». На улице их поджидал всё тот же Гасан:

— Йорчъами! — радостно выпалил он. — По-аварски это — «зйд-рассъте! добры утра!» Так у нас для женщин.

С нескрываемой гордостью Гасан повёл учительниц к школе.

Хижины селения осиными гнёздами густо облепили гору, дорога между ними — то вверх, то вниз, ни одного шага не сделаешь по прямой. Того и гляди сломаешь каблук! А по самой крутизне травянистого косогора, вслед за большерогим козлом, текла с разноголосым бляньем отара овец. Как они не падали?.. До начала учебного года оставалось четыре дня, стояла краткая тихая пора безученичества. В школе приторно пахло свежей краской, не гулял по коридорам счастливый гул, не заливался колокольчиком детский смех. В учительской молодых специалистов радушно встретила русская женщина, укутанная с головы до ног:

— Заждались мы вас, здравствуйте! Давайте знакомиться. Я заведующая учебной частью Нурджаган Ивановна.

— Света, — пышечка задорно потрянула мальчишеской стрижкой.

— Аня.

— Ну и славно, — завуч по-доброму, как-то даже по-матерински улыбнулась, поймав на себе вопросительный взгляд девушки. — А лёгкий прозрачный платок на моей голове называется «гурмендо». Таковы мусульманские традиции...

«И она туда же, — с неприязнью подумала Аня, несогласно мотнув рыжим хвостиком. — Зачем унижаться перед бусурманами?! Она же русская! Неужели забыла?»

В кабинет степенно прошагал пожилой усатый горец в чёрной суконной кепке.

— Знакомьтесь, Махмуд Абасович — преподаватель математики, ветеран.

Юные учительки, как на школьном выпускном, встали в линейчку. Старик окинул взглядом неприлично-открытые девичьи коленки, лукаво ухмыльнулся в усы, затем долго расспрашивал, из каких краёв, кто мать-отец, нравится ли в Дагестане? Света охотно выбалтывала разные подробности, Аня отвечала сдержанно. Дверь с лёгким скрипом то открывалась, то закрывалась, впуская эхо гулкового коридора. Учительская оживала. Девчата понемногу осваивались с незнакомой обстановкой, когда в кабинет зашёл стройный молодой человек в безукоризненно-белой сорочке и отутюженных брюках. Лучистый открытый взгляд его вежливо скользнул по лицам коллег... остановился на Ане. Приятная горячая волна окатила её.

— Вот и наш Ильяс! Окончил Дагестанский университет, филолог. Прошу любить и жаловать.

— Лучше... любить, — смущаясь, произнёс он.

Для девчат это был день встреч, знакомств, новых впечатлений.

Аня чувствовала, что они переступили порог какого-то неведомого, чужого, зеркально другого мира, лишь отдалённо напоминающего привычный с детства.

— И завуч тоже хороша... гурмендо напялила, в монашки записалась. Мракобесие какое-то. Ведь образованная, советская. Как ей не стыдно?..

— А встретила по-доброму, — не согласилась пышечка.

Первого сентября заведующая учебной частью пришла с Аней на урок и официально представила её детям:

— Это ваша новая учительница русского языка и литературы Анна Ивановна.

Гасан с задней парты не утерпел:

— Мы знаем! Зыд-расьте!

— Здрав-ствуй-те! — чётко поправила Аня.

Все засмеялись, услышав слово на чудном непонятном говоре, смысл которого понимали не все. Ане достались три класса: мальчишки, девчонки — как везде, неугомонные, общительные, любознательные. С чего начинала? Читала на уроках литературы повести Пушкина, стихи. Ребята, в свою очередь, знакомили её с аварским. Ахмед на одном из уроков, дабы продемонстрировать певучесть, красоту родного языка, выразительно прочёл скороговорку:

Микъзаралда микънусиялда ункъоялда микъго
Къверкъ къода гъоркъ къвакъвадулеу руклана.

Чужая речь остро ранила слух. Там, где согласная буква вцепилась в твёрдый знак или арматуру, звук со всего маху налетал на преграду, раздавался треск, как в ломаной коробке передач: «к-кrrrr, к-кrrrr». Точно рыба кость в горле никак не отхаркивалась... Ахмед успокоил, что своим гортанным клёкотом, орлиному сродни, он не хотел напугать и ни о чём таком страшном не вешал. Всего-то навсего:

Восемь тысяч восемьсот восемьдесят восемь
Лягушек квакали под мостом.

Да. Из уст матери для любого дитя нет слаще, ласковее, желанней этих трелей. А сама аварская речь, оказывается, и есть тот дивный певучий язык великого Расула — волшебный родник его поэзии.

Появление в школе, в глухом горном селении юных девушек, одетых шокирующе модно, стало событием. Одна стройная, воздушная, интересная... светло-рыжие волосы собраны на затылке в соблазнительный хвостик, другая — полненькая блондинка, стриженная под

мальчишку. Что-то новое, восхитительно-соблазнительное исходило от каждого их слова, жеста. Они для горцев — инопланетяне. На перемене мальчишки то и дело заглядывали в учительскую, желая полюбоваться на нездешнюю красу. Восхищались, однако, не все... Махмуд Абасович пристально наблюдал за молодыми коллегами день, два, покашливал в сухой кулачок и в конце концов не стерпел:

— Девочки! Вы думаете, обрезали себе наряды и стали интересны? Абсолютно вы нам, мужчинам, неинтересны в таком виде.

— Почему? — оторопела Аня.

— Когда женщина в длинном платье, когда у неё при ходьбе лишь лодыжки мелькают, женщина — загадка. Не терпится узнать: что же там, выше?

Однако проблемы насущные длиной платья не ограничились...

Другая сложность — где помыться по-людски? Бани-то нет! В первое же воскресенье девчата пошли на речку, подальше за село. За ними, крадучись, ватага мальчишек: подглядеть — куда? что? как? Для них кино: девушки разденутся до купальника! Оказывается, в Дагестане позволено купаться только мужчинам. Здесь буквально на всё имелись свои вековые национальные традиции, свои адаты, ограничения. Девушки осторожно помыли лицо, руки, ноги, вернулись. Ещё раз два пытались незаметно улизнуть из аула — бесполезно. «Каникулы Бонифация»! Детвора бдительно караулила каждый их шаг.

— Придётся таскать воду с родника, — Аня раздражённо вышла в коридор и вернулась с медным кувшином в руках. — Теперь я точно знаю: Бог — мужского пола! Только мужик мог выдумать такие правила. Пошли! Некрасиво на уроках смердеть и чесаться.

Изящно, с видимой лёгкостью, нести мучал [2] на плече, как это делают местные женщины, не получалось. Таранили вдвоём, уцепившись одна за ручку, другая — за носик. Горянки ухохатывались до слёз... Воду грели в кастрюле, занимали у хозяйки тазик: экономно наливали — смывали, наливали — смывали. «Как можно к этому привыкнуть?» — с тоской думала Аня.

— Не нравится мне здесь, чужое всё. Вот послушай Лермонтова, — Аня раскрыла томик на закладке и с выражением прочитала:

И дики тех ущелий племена,
Им Бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
Темны преданья их...

— И сам признавался: «Люблю я Кавказ».

— Не хочу оставаться...

— Это просто баловь и блажь. Аня, ты же сама говорила: мы советские. Как в песне:

Наш адрес — не дом и не улица,
Наш адрес — Советский Союз.

Бесстрастный отрывной календарь тем временем сбрасывал, словно осенний тополь, свои листки. У Ани со всеми коллегами вроде бы складывались ровные отношения, за исключением Ильяса... При его появлении она как-то вся напрягалась, на редкие вопросы отвечала колко, едко. Ильяс в ответ терялся, замолкал.

— Анька, он к тебе равнодушен, — нащёптывала перед сном пышечка.

— Пускай!

— А, по-моему, хороший парень.

День уходил за днём, одни уроки заканчивались, другие начинались.

Вот уже сентябрь отпылал золотой листвой, октябрь встретил знобкими дождями... Вспыхнула белым цветом назло осени ароматная мушмула, обтрясли с веток урожай хурмы. Семнадцатого ноября у Ильяса день рождения. Утром в учительской, как и положено, коллеги его хором поздравили. Дождавшись, когда учителя разойдутся по классам, он подошёл к девочкам — у них было «окно» — и, с трудом подбирая слова, рассеянно произнёс:

— Света, Аня, приходите вечером... ко мне в гости... домой. Я буду ждать, — и вышел.

— Ань, ты как?

— Говорят, он давно помолвлен.

— Мы ж не под венец!

Дом Ильяса, сложенный из колотого камня, располагался рядом с мечетью. Мама с сёстрами накрыли на стол и удалились. Ильяс с приятелем затворили плотнее дверь, включили негромко магнитофон и пригласили девушек танцевать. В Дагестане медленные танцы запрещены и потому — не-ле-галь-но! — под музыку из передачи «В мире животных», песни Ободзинского, Эдиты Пьехи, пары, едва обнявшись, плавно заскользили по кругу. Разыгрался аппетит — присели за стол. По центру стола дышал горячим ароматом знаменитый хинкал — отварные крупные куски баранины с варёными ломтиками теста, чесночным соусом и бульоном; чуду — по-нашему блины с начинкой из творога, крапивы, черемши (правда чудные!); а ещё овечья брынза, домашняя сушёная колбаса, и мёд, и халва... Ильяс выставил бутылку сухого вина. Приятель сразу оживился, бесенята в его глазках заигра-аали:

— Девушки, помните у Александра Сергеича:

Лучше отдавайтесь этим усачам,
Чем слонтяям-ленинградцам
Или москвичам.

Аня от возмущения вспыхнула ресницами...

— Это он так неуклюже шутит, — смутился Ильяс.

— Проводите нас!

Яств так и не вкусили...

Светлана с приятелем отправились домой напрямки, а Ильяс накинул на плечи Ане пиджак и повёл окольным путём нескончаемыми тропками, сам всё рассказывал про детство, учёбу в школе, ДГУ, про родное село... Ночь выдалась лунная, тихая-тихая. Расставались за полночь. Аня шагнула к дому, закрыла за собой дверь, переступила порог в кунацкую, разделась. С улицы донёсся сухой щелчок, словно калиткой хлопнули. Мимолётная тревога быстро рассеялась, Аня легла и забылась сном.

Утром Ильяс в школу не пришёл. Не появился он и на следующий день. В коллективе все молчали, как-то особенно поглядывая на Аню. «Не успел познакомиться и уже видеть не хочет!» — с неприязнью думала она. Вечером не находила себе места, машинально проверяла тетрадки, бесцельно перекалывала книги... Безмятежный вид Светланы начинал раздражать. Ночью не сомкнула глаз. Пышечка сладко сопела, сонно разметавшись по кровати, давно угомонились все в доме, стихли звуки улицы, а она беспокойно ворочалась: «Не привыкну я здесь... Может, домой податься? Завтра же откровенно поговорю обо всём с этой Ивановной».

Завуч была в кабинете одна.

На Аню посмотрела внимательно, отложила в сторону ученическую тетрадь с красными пометками.

— Нурджаган... Ивановна, мне необходимо с вами объясниться... Я, наверно, не смогу работать в вашей школе.

— Понимаю. Мне бы сразу с вами побеседовать, но всё как-то недосуг.

Она задумчиво встала, подошла к окну, открыла створку... С улицы долетал требовательный крик ишака да лениво брехали собаки.

— В юности я сама, как ты, не могла вообразить, что судьба забросит меня за тридевять земель сюда, в Дагестан. Видно, правду говорят: человек предполагает — Господь располагает... Я расскажу тебе свою судьбу, а там решай...

Хабар русской учительницы

Родилась я в Курской области, рано осталась круглой сиротой.

День тот перед глазами стоит...

Случилась страшная гроза — Илья Пророк на колеснице мчался по небу, не разбирая пути, грохотал! Молнии метал! Мама с братом Федей — на три годочка меня постарше — выскочили загнать гусят с речки. Слышу вопль с улицы, соседка опрометью летит:

— Настя-аа!.. Мамку твою... гроза убила!

Федю отбросило на несколько метров, он выжил. В себя пришёл, сразу — к мамочке. Подбежал, жива ещё, волосы у неё растрепались, липли к рукам. Он в рёв! Соседка — на подмогу. Маму забросали землёй, думали, электричество в землю уйдёт, успеют спасти. Не спасли... Отец без хозяйки помыкался, помыкался, женился на молодой. В доме появилась мачеха. Год вместе успели прожить, война началась. Мне в аккурат минуло девять лет. Отца забрали на фронт, и — ни письма, ни весточки, ничего. Так и сгинул! Помню первую бомбёжку. Ужас один!.. Мы ж не знали, что такое война. Глядим: самолёты с чёрными крестами летят. Никогда не видели, чтобы сразу несколько самолётов летело. Кто просто выбежал на улицу, кто забрался на крышу сарая, чтоб ближе разглядеть... Интересно ведь! И тут гул такой тяжёлый: из самолётов что-то посыпалось. Федька смеётся:

— Картошка!

Нет, это была не картошка. Вой. Свист. Как рванёт за домом... Бомбы! И пошло всё плавиться, гореть. Крик, шум, пожар, разруха, стоны, кровь, плач, раненые, убитые... Горят земля и небо. И бомбят самолёты. И пушки. То ли наши, то ли немцы. Мы — врассыпную. Люди скотину гонят, сами бегут в конец деревни, дети за ними. А куда податься нам с братом? Присели на корточки в тени за сараем, вроде нас не видно. Федя меня за руку держит, крепко-крепко. Вдруг, как подпрыгнет:

— Айда в погреб!

Там и спрятались. Собачонка наша первой туда — шмыг! Следом мы. Над нами родные стены, образа. В подполе дрожим и плачем, не знаем, что делается на земле. Гарью едко тянет... Федя вылез тишком, тут же мчит назад:

— Иконниковых крыша пылает!

Хаты соломой покрыты, пули трассирующие как пустят — займутся огнём.

Тогда мы узнали, что такое война.

На себе узнали.

К утру позатихло.

Сначала появились одиночные немцы: искали партизан, коммунистов, уж после, как проверили, полным-полно наехало. Брата, хотя и малолетку, угнали в Германию. Я осталась с мачехой на чёрные годы бесконечной войны одна. Мачеха была взята из соседней деревни, она частенько бросала меня, уходила к своим. Я оставалась в холодной, пустой хате одна-одинёшенька. И днём, и ночью.

Страх божий!

Не было у меня юности.

Сразу после детства, кажется, и постарела.

Немцы хозяйничали как у себя дома. Сначала переловили всю птицу: гусей, уток, кур. Когда птицы не стало, добрались до скотины: коров, поросят. Похлёбку варили прямо во дворе. Если дров нет, берут стол, тащат лавки, рубят и — в костёр. Мы старались не попадаться им на глаза. Летом прятались по щелям, зимой — в уголке на печке. Не смели ни спорить, ни возражать, ни спрашивать... Соседка кинулась на немца, у неё пятеро малых детей, тот корову уводил со двора: «Не отдам!» Достал пистолет и — в голову. После войны брат вернулся. Фёдор никогда не рассказывал про ту жизнь. Ни словечком не обмолвился. Где работал? На заводе ли, у бюргера какого — не смели спросить. Боялись даже разговор заводить на эту тему. После плена выбор у него оставался небогатый — разнорабочим в колхоз.

А я с детства мечтала стать учительницей, любила читать и после школы поступила в педучилище. В сорок восьмом окончила. К нам за месяц до выпуска приехал представитель из Минпроса Дагестана. Бравый такой: орлиный нос, чёрные брови, сросшиеся на переносице, по-русски смешно говорил: «Ми вас хатым...» Повесил на школьную доску карту СССР, показал, где находится Дагестан. Начал расхваливать Страну гор, языков, национальностей... Для меня этот край тогда — белое пятно. Сдаём Госэкзамены, и наш выпуск целиком — в одну кавказскую республику. Желания никто не спрашивал: «Государство учило вас, теперь вы поезжайте учить дагестанцев». В те годы строгость держали. Девчонка из группы отказалась ехать — её судили.

Дагестану требовались специалисты не только по русскому. Не хватало врачей, финансовых работников, по сельскому хозяйству. Своих дочерей горцы учиться не отпускали, сыновья с фронта многие не вернулись... Что там осталось? Молодых специалистов организованно направляли в столицу Махачкалу. Мы группой добрались туда, ходим по улицам, глазеем... Встретилась русская женщина, мы с радостным визгом, расспросами — к ней. Та вся в лице изменилась: «Милые, куда вы попали, куда едете? В горы!.. Там убьют, украдут, изнасилуют». Нагнала таких страхов! Мы в ужасе... А куда деваться? Стали распределять по районам. Для нас они все одинаковые, нет разницы, в какой. Вот по одной ехать — боязно. И четверо из нашего выпуска записались сюда, в Унцукульский район. Заведующий РОНО троих девчонок направил в детдом, а меня — в семилетнюю школу в аул Ашильта преподавателем русского и литературы. Девчат до места повезли на арбе, запряжённой двумя быками, а мне завроно говорит:

— Сегодня тут представитель из Ашильтинской школы — Мирзабеков, завхоз, — можете до аула вместе с ним.

А «вместе», это значит топтать своими ножками. Из Унцукуля до Ашильта восемнадцать километров, да с поклажей — одеяло солдатское перетянуто бельевыми верёвками и сделана деревянная ручка. В бауле самое ценное: любимые книжки, постель, платье, туфли... Хотелось выглядеть современно, мы ведь совсем молодые были. В одной руке узел понесу-понесу, устану, руку сменю. Мирзабеков рядом идёт, простой, — балагурит, развлекает. По дороге встретилась ледяная речка, разулись и — вброд... К вечеру добрались до аула, меня из стороны в сторону шатало. Женщины у родника увидели, примолкли и осуждающе глядели вслед... Завхоз отвёл на квартиру: хозяйка, старушка Сакинат, по-русски ни полслова; у неё уже квартировала Валя, москвичка — русская учительница, на год постарше меня, преподавала в начальных классах — она и помогла обустроиться. Я от усталости языком ворочать не могла, кусок в горло не лез. Едва разделась, провалилась в сон. А утром достала из заветного узелка наряд и, благословясь, шагнула за порог сакли.

Аул Ашильта висит над знаменитой горой Ахульго, внизу беснуется зажатая скалами Андийское Койсу, [3] на ржавых склонах каменные террасы с крошечными наделами земли, кругом высоченные серые стены (как в тюрьме), дома с глинобитными крышами, узкие тропы, крутые обрывы, водопады. Дикая красота эта вызывала восторг и беспокойство. Мне отчего-то так жалко себя стало... чуть не расплакалась. Прихожу в школу, а дурная новость добралась вперёд меня: «Вчера в аул заявила пьяная русская учительница». Мало того, оказывается, явилась незваная. Жена директора, без педагогического образования, вела и математику, и русский с литературой, а тут с бухты-барахты у неё часы отбирают. Директор заартачился, но остальные

учителя — в коллективе работали в основном мужчины — за меня вступились. И он не посмел завернуть, тем более с бумагой из РОНО.

И стала я преподавать дивный русский язык.

Объясняться с учениками приходилось на пальцах, мимикой... Таскала в класс соль, хлеб, какую тему изучаем — то и несла. Дети любят наглядность. Рассказывала, как что называется по-русски. Инспектор РОНО посоветовал:

— Настя, если гора не идёт к Магомеду, Магомед идёт к горе. Попробуй сама учить аварский. Аксакалы говорят: «Сколько языков знаешь, столько раз ты человек».

Так и учились вместе: я — их, они — меня. Завхоз Мирзабеков, бывало, подойдёт, что-нибудь спросит, выслушает ответ и уйдёт озадаченный. Весной, к концу учебного года он откровенно признался: «Раньше я считал, что “настя” — хорошая погода, “ненастя” — плохой». Мы от души смеялись, и после частенько вспоминали это. Аварский я усваивала из разговоров. Сначала запомнились отдельные слова, потом стала понимать, когда меня ругали. Уже немало! Но у них есть свои ударения, свои произношения, которые труднодоступны.

В зимнее время занимались при керосиновых лампах, подвешенных к потолку. Сначала настоящих чернил не было — сажу, накопившуюся под лампой, разбавляли тёплой водой, тем и писали. Зимой в классах было холодно, железные печки, которые топились кизяком, [4] спасали отчасти. Ребята занимались в овечьих шубах. Но, когда ученики прогуливали уроки, не холод служил причиной. Многие родители не пускали детей учиться, особенно девочек. Дочь в семье горца с малолетства до замужества выполняла по дому всю работу: кормила-доила коров, убирала навоз, носила воду... Мальчишки сутки напролёт пасли овец. Ребята признавались: школу любят за то, что здесь можно отдохнуть. Если ученик прогуливал уроки, администрация школы докладывала в сельсовет, там принимали меры. Чаще всего в наказание изымали необходимую домашнюю утварь. Директор школы организовывал подворные обходы, проводил разъяснительные беседы с родителями.

— Какая нашим детям польза от уроков? — возмущалась хозяйка Сакинат. — Выучат три сурь курана и — лъик! [5]. Ты князь и я князь, а кто лошадям сено даст?

У неё правда своя, однако была и другая правда... В седьмом классе у меня учился Ахмед, сын Муталиба, трудный мальчишка. Вызываю его к доске:

— Я не учил.

— Два.

Через урок сызнава поднимаю, надо же исправлять двойку.

— Не учил...

— Как же так, Ахмед? Остаешься после уроков.

Все идут по домам, мы сидим, разбираемся. Никак не давался ему чужой язык, но он корпел над учебником, старался овладеть знаниями, и удалось: исправил двойку, стал получать пятёрки. Ахмед окончил школу, выучился, стал профессором, знаменитым на всю страну. Он до сих пор с благодарностью называет меня второй матерью... У него — другая правда. Налитый созревший колос всегда смиренно клонится, лишь пустой держится горделиво и заносчиво.

Вот только с дисциплиной у Ахмеда не всегда было гладко, как, впрочем, у любого нормального мальчишки. Однажды смотрю, шпионит за учительским туалетом.

— Ахмед, ты чего? — удрал проказник...

Через минуту слышу из уборной львиный рык: выходит наш педагог истории — высокий, сухой, степенный старик... строгий такой, немногословный. Выходит: в правой руке кумган, [6] левая — в чернилах... Наверное, не только рука... Он брёл в учительскую, неестественно широко расставляя ноги, и матом крыл смущённых, ничего не понимающих детей на языке Пушкина и Лермонтова...

Я мигом в класс:

— Ахмед, рассказывай, что натворил?!

Тогда вот только-только появились сухие чернила. Из Азербайджана начали привозить тёмные шарики «Термиз», мы растворяли их в воде и заливали каждому в чернильницу.

Мусульмане в туалете бумагой не пользуются, подмываются водой из кувшина. Ахмед не пожалел двадцати копеек, купил один шарик сухих чернил, кинул в учительский кумган и выжидал: что будет? Интересно же!

— Настя Ивановна, не выдавай. Убьют меня!

Я никому не сказала. Да и сам историк помалкивал. В райкоме партии как считали: раз омовение совершают, значит, молятся, а раз мооо-лятся... О! За соблюдение религиозных обрядов из школы могли запросто турнуть.

Брат, когда в Дагестан провожал, наказывал мне строго-настрого:

— Ты смотри там, нашу фамилию не позорь, блюди себя!

И я, как могла, старалась ни с кем не встречаться, ни с кем не знакомиться. Но после окончания университета в село на работу вернулся прекрасный юноша Джалил. Наверно, полюбились... Два года мы встречались. Хвостиком за мной ходил, ходил, а в один прекрасный день отрядил сватов: дядю своего, Мирзабекова, нашего школьного завхоза, с женой Рахинат. Хозяйка помогла накрыть на стол, начали договариваться о свадьбе. Они предлагают:

— Давай, на март.

Я стою на своём:

— На июнь!

Если честно, свадьбы я боялась. Сама думаю, учебный год доведу, положенный трёхлетний срок доработаю, отказывать не стану и соглашаться не буду — тихонько сяду на попутку и уеду. Боялась я его. Он человек хороший, но не своя нация, не свои люди... Этого боялась. Хотя ехать-то мне толком было некуда, да и не к кому...

Я в слёзы. Мирзабеков на Джалила сердито закричал:

— Ты нас пачему привёл? Сам не договорился... Пайдём засватаем другую...

И мне сурово:

— Настя, гавари «да» или сэйчас уйдём...

— Идите, куда хотите.

Подались... Там у них тоже не выгорело: отец за дочку большой калым запросил. Они разругались в пух и прах. Джалил вернулся:

— Настя... Неужели опозоришь меня?

Джалил тоже был сирота: у него мать, отец погибли в аварии. Он остался из мужчин старшим в семье. Его сестра Эспет поклялась мне: «Пока я жива, тебя никто не обидит, только соглашайся. Если уедешь, он бросит всё — помчится за тобой. Дом, семья, дети маленькие пропадут». Я согласилась и ни минуточки не пожалела. Таких заботливых мужей, как мой Джалил, ещё поискать.

Денег особых не было, но «бахIаралзул партал» [7] справили мне, как полагается.

— Это «обмундирование невесты», — пояснил Джалил. — От нижнего белья и особого свадебного платья «хъабало» [8] до белой шали из крепдешина.

Свадьбу играли в Ашильта. Гости съехались из всех окрестных сёл. Вино из кумторкалинского винограда текло рекой, тост «Сахли!» [9], зурна и бубен не смолкали три дня, а танцующие, как вначале три круга образовали, так потом просто по составу менялись. Раздавались, конечно, исподтишка ахи-охи: «Как это так: русс-каая?!» После свадьбы Эспет накрыла стол, собрала всю родню, обняла меня за плечи и во всеуслышание заявила и по-аварски, и по-русски:

— Настя — жена моего брата. Кто хочет любить, уважать меня — должен уважать её.

И с тех пор перестала я быть сиротой.

Говорю — у самой комок в горле...

Слово своё Эспет сдержала, и никто никогда меня, вот столечко, не обидел.

Здесь такой закон: в течение месяца после свадьбы приглашают молодых по очереди к себе домой, делают угощение, подарочки. Я счастлива, что попала в их тухум. Они меня берегли, уважали, жалели. Я его младших сестёр, брата выучила... Они все меня звали не иначе, как

«Настя-Эбел!» [10]. Это большое уважение. Все забыли моё отчество — Ивановна. Везде я для них — Настя-Эбел. Никто за всё время не бросил в лицо: «Уезжай! Зачем приехала?» А через год меня перевели на работу сюда, в среднюю школу села Унцукуль. Брат в Дагестан приезжал пять раз. Когда навестил впервые, ещё молодой неженатый был. Муж его вниманием окружил, водил по гостям, резали барашка, ездили на природу, в рощу. Ну, конечно, Фёдор мне один на один:

— Как ты живёшь в этом каменном мешке? От своих отбилась, к чужим не пристала. Сделают наложницей!

— Здесь я своя.

— Брось! Что я, не вижу... С нами за стол не присела, не выпила, не спела.

Да разве это главное — «выпила»? Тут взаимопомощь, какая-то особая доброта. Что случись, люди бегом бегут. Нет нужды зазывать. Идешь по улице, тебе прохожий:

— Иш кин бугеб? [11]

— Баркалла, лъикI буго! [12]

Как могу, так и отвечаю. Аварский не стал родным, хотя по-русски уже говорю с акцентом. Я хоть крещёная в детстве, но всё сладили по шариату и местным адатам: сватовство, магар, [13] свадьбу. Нарекли меня мусульманским именем Нурджаган — по-тюркски «свет вселенной». С тех пор соблюдаю здешние порядки. Как иначе? В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Тоже задираю вверх руки, хотя не знаю ничего, кроме слова «бисмилля». И к платку до того привыкла, с непокрытой головой — будто лысая. В православной церкви в Махачкале два или три раза была, а так посещаю мечеть. Мой Бог всегда со мной в душе! У нас в Новом Завете какое главное слово? Любовь!.. Нельзя нам душой черстветь и ожесточаться в ответ на зло, иначе между нами разницы не заметят. Мы ведь люди-то православные...

Любовь сильнее, чем ненависть!

Это я теперь точно знаю.

Аня слушала Ивановну и невольно примеряла её судьбу на себя.

— Может, ещё хочешь о чём-нибудь спросить, — завуч проникновенно смотрела на Аню.

— Спросить?..

— ...Об Ильясе.

— Нет, не хочу.

— В Ильяса стреляли... когда он тебя проводил. Говорят, Меджид, старший брат наречённой.

— Что-оо?!.

— Да, такое здесь бывает. Ильяс засватан к троюродной сестре, моей ученице. В прошлом году школу окончила: две чёрные косы-смоль до пояса... покорная. Его родители и калым давно уплатили.

— Где Ильяс?

— Дома уже, обошлось. Я думаю, Ильяс и есть твоя любовь. Решай сама...

Дни и часы теперь едва тянулись... время почти остановилось. Проведать Ильяса Аня не смела, но думала лишь о нём. Каждый миг, каждую секунду в учительской, в классе, дома, ждала, что вот сейчас откроется дверь, и... она увидит его. Хотела этого, страшилась... И жаждала! Ей чудился тихий голос с хрипотцой. Аня ловила себя на мысли, что разговаривает с ним... и боялась во сне назвать его имя.

Наступил однообразный серый декабрь. Низкие ватные тучи укрывали вершины гор, прижимали к талой земле печной сизый дым с запахом кизяка, вынуждая его стелиться по аулу пряным ковром. Крупными ошмётками валил липкий снег. Она тянулась из школы, задумчиво бороздя пальчиком по мёрзлой саманной стене, стряхивая тяжёлым портфелем снег с уснувших веток кизила, переворачивая носком сапожка снежные комья. Мокрые хлопья снега иступлённо целовали её лицо, руки и таяли. Зелёная вязаная шапочка и ворсистое суконное пальто были усыпаны алмазными каплями...

Он стоял на дороге и ждал, когда она заметит его.

Аня подняла глаза и... от неожиданности сладко замерло сердце:

— Ильяс?!

— Ты вся в снегу...

— Ильяс...

— Я ждал тебя.

Они смотрели друг на друга и... мир вокруг исчез.

— Аня...

— Ильяс...

Холодный снег заметал их одинокие следы...

Летом Аня уехала в отпуск на Кубань.

Маме рассказала, что полюбила аварца, выходит замуж. Мама поплакала и благословила. Ковёр дала, деньгами помогла: «Тебе видней. Если человек хороший, что ж...» Они месяц забрасывали друг дружку страстными весточками, а потом Ильяс приехал к ней. Расписали их в сельсовете станицы Староминской. Устроили небольшую свадьбу. В Дагестан они вернулись мужем и женой, но свекровь по традиции встретила мёдом и заявила:

— Ильяс, ступай в дальнюю комнату, она — с нами, пока махары не будет.

Мула торжественно произносил суры, а молодые за ним повторяли... Свекровь ещё долго причитала: «Вай, богатый калым пропал: платки цветастые, отрезы на платье, золото». Потом смирилась... Свекруху Аня сразу назвала мамой. Пришлось аварской родне принять и это.

Отпуск закончился, начинался новый учебный год. Утром первого сентября Аня спрятала рыжий хвостик под гурмендо, Ильяс взял её за руку (хотя здесь это тоже не принято) и они направились к школе:

— Ты, главное, не волнуйся и ни на что плохое внимания не обращай, — Ильяс успокаивал Аню, а сам переживал, чувствовалось по всему.

Неожиданно из ворот вышла страшная чёрная женщина с клюкой.

Он сжал её руку:

— Это мать моей невесты. Терпи!

Когда приблизились, старуха сорвала с головы чёрный платок, дико завывала, стала рвать на себе седые волосы, злобно проклинать весь свет, плевать на дорогу перед ними, грозить иссохшими кулаками коварному небу. Ильяс, бледный, по-своему что-то резко бросил ей, она осеклась... лицо посерело, разом вся обмякла и побрела прочь.

А он крепче сжал руку молодой жены, и они пошли вперёд, не оглядываясь.

Так они и шагают по жизни до сих пор рука об руку.

У них родилось семеро детей: три девочки и четыре мальчика. Они счастливы, потому что любят друг друга.

За годы Советской власти в Дагестан по распределению Министерства просвещения РСФСР были направлены на работу тысячи молодых специалистов. Нет такого аула, где бы не обучала грамоте русская женщина. В 2006 году, по решению администрации города Махачкалы, в столице Дагестана установили памятник русским специалистам от благодарных горцев. Монумент увековечил образ русской учительницы, которая в далёкие послевоенные годы несла дагестанцам свет и любовь братских народов России.

Примечания:

[1] Гужгат — разновидность мужской одежды аварцев из темных плотных тканей и домотканого сукна, на подкладке;

- [2] Мучал — большой водоносный металлический кувшин;
[3] Андийское Койсу — река;
[4] Кизяк (от тюрк. Tāzāk) — спрессованный кирпичиками и подсушенный навоз, идущий на отопление;
[5] ЛъикI! (авар.) — нареч. Хорошо!
[6] Кумган (тюркск.) — узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а так же подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра).
[7] БахIаральул партал (авар.) — свадебный наряд невесты: от нижнего белья и свадебного платья до белой шали из крепдешина;
[8] Хъабало» (авар.) — свадебное платье;
[9] Сахли! — тост на аварском языке с пожеланиями здоровья и всего хорошего;
[10] Настя-Эбел! (авар.) — Мать Настя!
[11] Иш кин бугеб? (авар.) — Как дела?
[12] Баркалла, лъикI буго! (авар.) — Спасибо, хорошо!
[13] Магар (арабск.) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы;

*

Расстрелянные встречи

*В дерево, которое не даёт плодов,
никто не бросает камней.*

Азербайджанская пословица

С ними у меня были назначены встречи...

- Начальник управления по информационной политике администрации президента РД, Курбанов Гарун Магомедович. Авторитетный порядочный человек. Его убили ваххабиты.
- Ахмед Абдуллаев, подполковник, начальник отделения ФСБ РФ по Цумадинскому району РД. Террористы подорвали его в служебной «Ниве» по дороге на работу. Остались жена, трое ребятишек...

Время такое... военное.

Предлагаю помянуть их, выпив стоя и молча.

*

Руслан Керимханов

*Над головой мужчины всегда должен
быть дым — либо табачный, либо
пороховой, иначе какой же это мужчина!*

Ахмедхан Абу-Бакар

— Традиции?.. Ну, вот сейчас скажу, может, Вам покажется мелочью: когда въезжаю в село, хоть чужое, хоть своё, магнитола выключая, чтобы даже случайно не попасть в неловкую ситуацию. Вдруг там кто-нибудь умер, хоронят кого... Чтобы не обидеть. Некрасиво радоваться, когда у людей горе.

— Это не мелочь.

— Машины стало модно тонировать, и люди не видят лица друг друга, не могут поприветствовать, кивнуть головой. Машина едет, но что я должен с машиной саламкаться? Может там какой негодяй. Начинают сигналить: это уже издевательство. А ведь у нас принято здороваться друг с другом, и человек, который сидит, должен хотя бы привстать. Даже ворона привстает, когда другая подлетает! Это древний-предревный обычай... Из молодёжи его сейчас почти никто не соблюдает. Школьник младших классов может запросто подойти, первым протянуть руку: «Салам аллеюкум!» Раньше такого близко не было. Дети должны знать своё место, взрослые своё. Всё связано. Забудешь традиции — забудешь предков. Забудешь предков — забудешь своё имя.

Ругать напрямую в Дагестане не принято, неприлично. Но как-то пожелать проклятия ближнему хочется, люди всё-таки... Используют иносказательные формы. Раньше в саклях печку топили кто кизяком, кто дровами, кто углем, и обязательно из дымохода валил дым. Если дым не шёл, все знали, в этой сакле нет очага, нет тепла, нет семьи. И поэтому, ругаясь, желали недругу: «Чтоб у тебя дым не шёл из трубы!» По-лезгински звучит красиво: «Гурмадим ыбр атуй!» «Гурма» — дымоход, «гум» — дым, «атуй» — срезать, отключить. (Чтобы у тебя дым над саклей исчез!) По сути, это мелодичное пожелание означало: «Чтоб твой род исчез! Чтоб твоя семья вымерла!» Сейчас над саклями дым не поднимается, в дома пришёл газ. Вот и думай, как хочешь... Мы все изменились. Спроси у молодых, что такое «маша»? Не скажут. А раньше в каждом доме были. Это такие металлические щипцы, ими доставали из печки угли, головни. Раньше девушки ходили с косами. Если горянка нарушала адаты, вела себя не должным образом, ей косу отрезали. Позор, стыд на всю округу. К чему мы сейчас пришли: девушки с косой редко ходят... Конечно, это не означает, что все стали распутными, но и ни о чём хорошем это тоже не говорит. Девушки ходят без кос, может, потому, что все мы согрешили в чём-то серьёзном. Забыли дедовские обычаи, традиции, заветы... Потому, что отступили, переступили через что-то важное... Отказались от него.

У нас коровы на дорогах, хотя их не считают, как в Индии, священными животными: государство развалилось, вот скот и оказался на улице... Ну, мусор выбрасывают везде, это общефедеральная черта. Страна летающих пакетов! А ведь ещё выдающийся врач, профессор медицины Николай Семашко, уверял: «Без санитарной культуры нет культуры вообще».

Напоследок покажу тебе святое место — пир. Здесь похоронен святой человек. Здесь нельзя не только мусорить, плохо думать. Всё должно быть светло. Загадай сейчас какую-нибудь чистую, словно роса, мечту, она обязательно сбудется.

Моя мечта — написать о Дагестане достойную книгу.
Пусть будет так!

*

Пехлеван-канатоходец

أَرْفَعُ مِنَ السَّمَاءِ
Выше неба.

А ещё я полюбовался искусством канатоходцев Ямудина Эхмедханова...

Ни где-то там, под куполом цирка, а живьём, на природе. На опушке реликтового самурского леса.

— Я с детства любил это искусство. Мне лет девять было, когда во сне увидел: с одного большого дерева на другое протянута нитка, и я по ней иду. Такой сон. Проснулся весь возбуждённый, не могу заснуть, хотелось тут же в темноте начать по канату ходить. Еле дождался рассвета. Тянуло сердце, без этого невозможно. Утром давай искать шест, верёвку натягивать. Сначала на верёвке и занимался, она часто рвалась, падал, получал травмы. У нашего тракториста Серажутдина нашёл стальной трос, он и закрепить помог. Стойки делали на высоте двух метров над землёй, шест из длинной чинары. Пока не научился, падал много, ревел. Отец не хотел, чтобы я играл на канате, думал, разобьюсь. Я — единственный сын. Взял мой канат, оторвал, спрятал. Мне приходилось тайком, в лесу... Мама ничего не сказала: здесь в Дагестане мамы ничего сыновьям поперёк не говорят. «Что хочешь, сынок, делай! Сохрани себя и старайся быть хорошим канатоходцем. Если плохим — лучше не надо».

— Значит, всё-таки говорила...

— Как свободное время — я сразу на канат. На ногах кеды, мать сшила ватные штаны, чтобы не так больно падать. Сначала тренировался во дворе год, два, три. Затем решил на празднике показать перед всем селом. На площади перед клубом натянули канат, заиграл бубен, зурна, народу собралось... Вот это был успех, так успех... До этого в нашем селе пехлеванов не было, друзья тоже пробовали — ушли. Дагестан объединяют хинкал, зурна и канатоходцы. Канатоходцы — традиционное древнее искусство Дагестана, им от джамаата отдельное уважение бывает. Пред высотой у нас нет страха. Если страх заползёт в душу, на канате невозможно работать. Мы, даже если падаем, нам не больно, честное слово. Как железный становишься. Мне шестьдесят лет, обучаю молодых: так хорошо, так делай, так красиво. Кто не умеет, поставит ногу на канат — трясётся канат. Кто знает, поставит — не шелохнётся. Если Бог даст, только тогда можно стать канатоходцем. Научиться этому нельзя.

А потом Ренат показал мне, как танцевать лезгинку на канате.

Не знаю, почему-то меня не манило даже пробовать... Да и троса такого, чтоб выдержал мой тяжело-вес, пока не изобрели.

А всё же прародительницей канатоходства в Дагестане считается женщина, которая таким способом приспособилась к ведению хозяйства в труднодоступных горных условиях. [1] Допускаю, что и сегодня где-нибудь в глухих отдалённых аулах горянки переносят через пропасти вязанки сена, кувшины с водой, детей, мужа, балансируя на канате. Просто никому в голову не придёт их назвать «пехлеванами», аплодировать им. Ведь всё это обычные женские заботы, заурядная хозяйственная деятельность...

Примечания:

[1] Х. Г. Магомедсалихов, «Культура и традиции народов Дагестана»;

*

Дорожные адаты

— *Паньмаэши, да: машину купиль, права купиль. А вот как купить, чтобы ездит на ней умэт???*

NN

О дорожных адатах Дагестана мне скупо поведал Ибрагим, водитель попутного грузовика.

В кабине я обратил внимание на потёртую, местами поцарапанную бейсбольную биту:

— У вас все с такими ездят?

— Да. Это нужней аптечки. — Ибрагим бережно переложил биту с сиденья на пол. — Своя у меня «Приора», без «волшебной палочки» в неё не сяду. Вы, наверно, слышали, у нас много разных народов, язык у каждого свой... Не все понимают лезгинский.

— Так это и есть хвалёный «эсперанто»?

— ...Универсальный переводчик, язык межнационального общения. ГАИ не вызывают, сами разбираются. В Каспийске железнодорожный переезд, перед ним «стоп-знак»: «Проезд без остановки запрещён». Из России приехал ко мне приятель на машине, законопослушный весь, перед знаком тормозит. Чайник! По правилам хотел проехать, забыл, где находится... Смотрю: за нами джигиты летят, вот-вот припечатают. Кричу: «Газу!» Поздно: тук сзади. И орут: «Ле! Чё встали?» А у приятеля машина не оборудована: с собой ни пистолета, ни бит. «Пусть едут». Джип сдал назад, объехал нас и пролетел перед поездом, метрах в трёх. Машинист загудел: «Ва-ааа!». Там шлагбаум дня три держится, затем пацаны отпиливают. На дорогах, когда видят российские номера, джигиты прижимают его: вот так, вот так. Начинают, короче, веселиться. Знают, что никто из России, наших дорожных адатов не знает. Они там себе законы придумали и нас тоже хотят приручить!.. Не курицам устанавливать правила движения для орлов! Ну, переехал я сплошную линию, поломал её что ли?

Ибрагим аж заёрзал от удовольствия сказанного.

— В Дагестане смотрят не на правила — на шею. Если у тебя тачка навороченная, значит шея толстая: можешь за себя постоять, с тобой лучше не связываться. Если у тебя велик, значит шея цыплячья: «Ату его!!!» У нас, если пахан начальник, сын может ехать, как заблагорассудится.

— Хотя бы начальник почты?

— Да. На газ давить уже можно без оглядки.

— Какой русский не любит быстрой езды!

— Вчера в селе похороны были, народу собралось... И земляк приехал из Эстонии, рассказывает: «Министр юстиции Эстонии превысил скорость на 20 км, был остановлен инспектором, получил штраф. Наутро подал Премьер-министру прошение об отставке, типа: “Не имею права исполнять обязанности Министра юстиции, раз сам нарушил закон!”»

— Дети.

— ...Похороны, горе кругом, мула причитают, родным-близким соболезнование, он такое рассказывает... Мужикам нести покойника на кладбище, а их смех разбирает... краснеют, синеют от натуги. Шайтан!

В Избере сын «бобра» сидел за рулём. Ему бригада на перекрёстке: «Братан, куда прёшь? Дай проехать по главной». У них пять человек в машине, мастера спорта, отметили его. Он достаёт пистолет, уложил всех. Короче, самый культурный водитель — это я, — с гордостью сообщил мой возница.

За всю дорогу Ибрагим ни разу не включил сигнал поворота. А водила на «Семёре» нас обогнал и ни с того ни с сего включил поворотник:

— Он чё, больной? — поинтересовался я.

— Нет, здороваются — ослабился Ибрагим. У нас покупают новую «Приору», сразу амортизаторные пружины режут пополам. Хвастаются: «Трассу держит лучше». Мода такая. Чем выше в горы, тем ниже «Приоры»! Меняют колёса на бОльшие, чтобы подкрылки задевали. Делают подачу топлива обильнее, чтоб красавица летела. Моя машина девушкам не нравится, в ней всё заводское. Стёкла не затонированы: ни боковые, ни лобовое. Нет загадки, видно, куда едешь. У нас обычно чёрные делают, чтоб днём — ночь. Вслепую рулят, по памяти.

— Воображение развивают?

— Кошмар! — Ибрагим, изумлённо мотнул головой. — Сегодня утром тормозят на посту, права подаю: «Ле!!! Зачем мне твои документы? Делай, как надо!» — «Что делать?» — «Делай почин! Твоя машина — первая. Если ты не дашь, потом весь день так и пойдёт наперекосяк». Да, ладно бы брали, лишь бы на дорогах порядок. Я сам водила со стажем, но в Махачкале машину ставлю на стоянку, по городу передвигаюсь на такси, на маршрутках. Если стукнулись, никто не вызывает никакую страховую компанию, ни ГАИ (таких сразу «валят»). Каждый начинает звонить в своё село: приезжают две бригады с одной и другой стороны. Если ГАИ случайно увидит ДТП, сначала тихонько подъедет, узнаёт, кто такие. Есть ли смысл составлять протокол, а то ещё самим придётся платить... Обрати внимание — у нас частенько на машинах надписи: «Не хочу в Махачкалу!» Якубович объявил в «Поле чудес»: «Кто в Махачкале ездил за рулём?» — «Я!» — «Приз в студию!»

Ибрагим выпустил руль и с хохотом схватился за живот...

Я молчал, переваривал: ведь по России — везде плюс-минус примерно так...

Страна-то одна! Хотя дорожное движение в Дагестане, возможно, заслуживает отдельной рюлады, особой книги. (По статистике, каждая третья! свадьба в Дагестане заканчивается ДТП [1].)

В Кайтагском районе поинтересовался:

— Казимбек, почему у вас вместо ворот для автомобилей — двойные калитки.

— Чтобы не могли проехать грузовики. Один умный человек догадался, что мои земляки ни слова не понимают ни по-даргински, ни по-аварски, ни по-арабски. Язык дорожных знаков не понимают тоже. Не будет толку, если повесить, к примеру, знак «Проезд для грузовых автомобилей запрещён!» Он дагестанца лишь подстегнёт прошмыгнуть тут именно на «КАМАЗе». Каждый джигит посчитает, что государство таким образом берёт его на «слабо».

А Начальник РОВД г. Кизилюрта высказался ещё ярче:

— Если на красный свет остановишься, уступишь дорогу «Запорожцу», тебя «западло» посчитают. Любой ребёнок скажет, что ты «чмошник» и «лох». Хоть стой после этого, хоть падай, хоть гаишников наказывай. У нас такой менталитет: поставить сирену «Бэ!» на «Приору», воткнуть колонки, как этот стол, включить музыку погромче, открыть окна и заехать на рынок... Вот наше счастье.

Байка от Саида.

Дагестанца спрашивают:

— Что б ты сделал, если бы у тебя была машина времени?

— Затонировал бы!

Примечания:

[1] <http://www.rgvktv.ru/news/10806>;

*

Творческий псевдоним «Тажидин Юхвари»

*Добрую душу хоть к ране
прикладывай.*

Аварская поговорка

— У нас Магомедов слишком много. В зале клички «Магомед!» — половина обернётся.

А я родился в селении Юхвари Сулейман-Стальского района, место рождения прилипло, словно второе имя. Так и зовут: Тажидин Юхвари. В детстве учился в интернате Каспийска. Все воспитанники обязаны были посещать какие-то кружки, я выбрал фото. Участвовал в городском конкурсе, занял первое место, подарили фотоаппарат «Зоркий» и целый ящик химикатов — это стало хорошим стимулом. Фотоаппарат до сих пор храню как память. Выходит, фотографией занимаюсь пятьдесят лет. Если в году случается три-четыре удачных снимка, считаю год удачным. Фото — остановленное мгновение. А если сумеешь вдохнуть в него жизнь — да здравствует высокое искусство. Я всем советую: фотографируйтесь хотя бы раз в году и берегите пожелтевшие снимки в семейных альбомах. Это наша история.

Успешный снимок — его не ждёшь, он как манна небесная падает. Ты заметил, щёлкнул, как подарок. Просто оказался в нужное время в нужном месте. Специально ходить, искать бесполезно. Я за снимками не гоняюсь. Вообще, не каждому это дано... Должно быть чутьё, внутреннее зрение. Нужно уметь замечать вокруг себя красоту. А просто статистом... щёлкать от пояса может всякий.

Мы беседовали и перебирали его архив фотографий.

— В Каспийске во время праздничного парада, посвященного Дню Победы, совершили теракт. В результате взрыва погибли 43 человека, более 100 ранены. Я прибыл на третий день. Там, где кровь пролита, — красные гвоздики, венки. Невинные люди. Те, которые организовали, чего добились? Этому нет оправданий. Это дикость... Трагедия всего Дагестана, всей России. Фазу Алиева [1] тогда правильно сказала: «Милые, родные русские матери, молодые вдовы! Простите нас! Вы послали своих сыновей защитить нас, а вынуждены провожать их в гробах. Но знайте, что дагестанцы вас любят».

Был в больнице. Ребёнок раненый. Глаза его... спрашивают: «За что?» У него ниже колен ноги перебиты осколками.

А это могила начальника погранзаставы Радима Халикова, его жена с сыном. Фактически малыш не видел отца, родился после его гибели, но внутренне он чувствует отца, тянется к нему... Жена в чёрном, памятник чёрный, а малыш в белом. Он — надежда. Радима я знал лично, хорошо знал... — Голос Юхвари задрожал. — Человек, творение Божие, должен нести людям добро. Это моё кредо, этим живу. Сейчас, к сожалению, наступили времена, когда мораль ушла в неизвестность, в тень; честность и порядочность остановились на перекрёстке, ожидая зелёный свет; дружба и братство буксуют, пропуская вперёд бартер, доллар, евро... Притча есть:

Слуга заработал у бая рубль и радуется:

— Теперь мы с тобой равны!

— Как так? — бай от удивления выпучил глаза.

— На этот рубль я куплю точно такой же саван, как у тебя. А больше мы в тот мир ничего не можем забрать.

Долгое время я был аккредитован в Народном собрании Дагестана. Когда длиннофокусный объектив наводишь на человека, ты словно просвечиваешь его. Очень легко определить: хороший человек или плохой. Как будто насквозь его видишь. Аура чувствуется, что-то внутреннее — не могу объяснить. Кто занимается фотографией, у них ощущения совсем другие. Это особые люди,

очень ранимые, чувствительные. Обмануть их можно один раз. Если человек меня подвёл, я вырываю его из сердца.

А вот ещё снимок...

Жизнь — могучее дерево, смерть — могильный камень. Вечное противоборство. И неизвестно, чья возьмёт. Жизнь и смерть — вечная тема. Однажды в Каспийском море я чуть не утонул. Успел крикнуть:

— Спасите!

Метров сорок от берега. Помню: ухожу, не за что цепляться. Глотаю солёную воду, опускаюсь. В сознании, но чувствую безвыходность... И внезапно мощные руки выталкивают меня наверх. Кадыр Кадыров спас. Он здоровый был, учился на три класса старше. Стал мне потом старшим братом. Тогда моя смерть была вынуждена отодвинуться... Мне вообще по жизни везло. Я только сейчас, в старости, понял почему...

Есть такая легенда:

Умер старик. Но перед тем, как попасть в рай, увидел он всю свою жизнь в виде песчаного берега моря, а на берегу следы ног: будто бы два человека шли рядом. И спросил он у Бога: «Чьи следы рядом с моими?» Бог ответил: «Это я иду рядом с тобой». Тогда старик присмотрелся получше и заметил, что в счастливые моменты жизни он шёл рядом с Богом, а в трагичные дни оставался один. Укорил старик Создателя: «Почему же ты покидал меня в самые трудные моменты жизни?» И ответил ему Бог: «Ты всё неправильно понял, старик. В минуты счастья я шёл рядом, а в тяжёлые времена, нёс тебя на руках».

И меня, в самые тяжкие дни, Всевышний нёс на руках...

Чем бы я другим ни занимался, всё бросал.

В итоге стал простым фотокорреспондентом в газете. Это моё! Облазил весь Дагестан. Будь моложе, я бы непременно поехал с тобой по всем районам, столько ещё планов... — произнёс Тажидин с грустью. — Кто всего достиг — уже не человек!

Примечания:

[1] Фазу Гамзатовна Алиева — аварская поэтесса, народная поэтесса Дагестана.

*

Глава Республики Дагестан

أَجْفَى مِنَ الدَّهْرِ

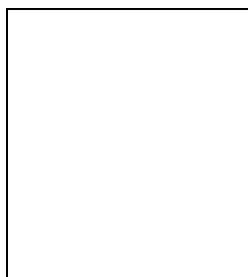
Суровее, чем время.

Нынешний Глава Республики Дагестан Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов — да прославится его имя в веках! — высказал интересную мысль: «Если хотите иметь хорошего врага — лучшего врага, чем кавказец, вы не найдёте. Если хотите иметь хорошего друга — лучшего друга, чем кавказец, вы тоже не найдёте. Поэтому давайте искать в своём Отечестве друзей, а не врагов». [1] На этой странице я хочу разместить материал о руководителе республики. Мы, простые смертные, встречаемся каждый день, Президенты принимают нас по строгой записи, по делам исключительной важности. Лишь Бог с нами не встречается никогда. Мне не раз давали понять, что написание книги о Дагестане — дело важности исключительной.

И...

22 июля 2014 года, по приглашению Управления по внутренней политике — пусть на небе все метеориты будут подобны ему — я прибыл в Дагестан... Но прошло шесть дней. Посетил Дербент, Левашинский район... а согласовать встречу с Главой РД так и не удалось.

Рамочка для портрета остаётся пустой...

Я вспомнил встречу с Саидом-Афанди:

— Ваша книга о Дагестане будет лучшая в мире, — заверил меня тогда Смотрящий на Востоке. Звёзды рухнут на Землю, если не так.

Значит, всё в итоге должно устроиться...

Примечания:

[1] Рамазан Абдулатипов, интервью центральным каналам ТВ 30 января 2013.

*

Рекрутские адаты

Армейский анекдот от Хамида:

Аварца призвали в армию. Лей-ней и отправили. Через полгода матери приходит конверт с фоткой. Мама открывает, смотрит: на фотографии танк. Она с испугом, вся в непонятках, а на обороте надпись: «Эбель, я в танке!»

Дагестан — уникальный край. Всё здесь зеркально иначе. Например, в этой северокавказской республике молодые люди с особым желанием идут служить в вооружённые силы. «Особое желание» привело к тому, что в Хивском районе, по словам Главы МО Камиля Мустафаева, на одно призывное место претендуют десять желающих. Десять парней, жаждущих исполнить свой конституционный долг. Но на срочную службу удаётся прошмыгнуть лишь одному из десяти... «Счастливики!», «Баловни судьбы!» — завидуют им сверстники и... нажимают на свои тухумы с просьбой «подключиться к решению вопроса». В ход, как при любом дефиците, будь то услуги, товары, — идут взятки. Сын моего кунака, Хамид, разоткровенничался:

— Год ждал призыва. Не дождался. Подсказали: нужно сняться по месту жительства с прописки, с воинского учёта, прописаться у родственников в России и призываться уже оттуда. Вот на днях уезжаю к тётке в Тверь, другого варианта нет. Иначе ни на госслужбу, ни в милицию не поступить. Сейчас призыв в Дагестане практически приостановлен. Объясняют тем, что с горячими кавказскими джигитами в армии одна уголовщина.

Лично я бы так категорично заявлять не стал, хотя особенности у призывников из кавказского региона, безусловно, есть. В бытность работы на оборонном заводе я занимался ремонтом противоминных тральщиков. Весь период ремонта корабля часть команды живёт на борту, и постоянно, то на одном, то на другом военном корабле вспыхивал бунт. Офицеры ситуацией не управляли и матросов откровенно боялись. Директор докладывал мне: «Там, как в 17-м, главный не командир — революционный комитет». Мне стало интересно, чисто с писательской точки зрения. Я пригласил в свой кабинет «вождя» революционных матросов — Магомед из Дагестана. (Кто бы сомневался!..) За чашкой чая мы расхабарились:

— Ле! От тяжёлой работы не отказываюсь, а таскать воду, драить палубу, гальюн не стану.

И его можно понять: в родном ауле всё это — «женская работа». Причём, на службу в армию, на флот ни сестёр, ни жён, ни матерей, ни бабушку, в качестве прислуги, с собой брать не разрешают. В вооружённых силах все работы должны выполнять сами военнослужащие, призванные с Кавказа в том числе; либо заставлять русских, а это всегда уголовщина. К тому же, любая женщина при появлении горца обязана встать, подобострастно поприветствовать, но в армии женщины частенько по званию выше солдат срочной службы, и вековые, священные адаты Дагестана соблюдать не желают. «Разве можно воинские Уставы вооружённых сил писать без учёта дагестанских адатов?!» — возмущался Магомед.

Но ведь должен быть выход... В той же Российской империи добровольцы из числа горцев служили царю-батюшке в отдельных национальных подразделениях под командой русских офицеров. И, считают, прекрасно служили. Восток — дело тонкое! Не скрою, «призывные адаты» Дагестана обескуражили меня... Мы свыклись с тем, что чиновники берут мзду по всей необъятной стране, но «дача взятки должностному лицу за право исполнить свой конституционный долг» — изобретение здешнее. Это ещё один парадокс Дагестана. Ещё один узелок. Такая вот «загогулина», как говорил первый Президент России,

*

Рафик-Смерть

Хабар владельца футбольного клуба «Леки»

أَلْحِقِ الْجِسَّ بِالْإِسِّ
Ставь зло на место.

Рафик брёл по узкой каменной тропе, висящей над бездной.

Едва передвигал онемевшими ступнями... Приходилось часто останавливаться — спутник впереди то и дело терял равновесие, отчаянно балансируя руками, извиваясь... на краю Тьмы и Света. Он отводил взгляд от его белого савана, тогой обвитого вокруг немоющего тела, растерянно глядел по сторонам... Каменистый гребень отклонился от прямой и, сколько хватало глаз, впереди себя Он видел длинную нескончаемую череду усталых людей в белом — затылок в затылок друг другу. Украдкой обернулся — и сзади непрерывная цепь: одни брели на заклятие, смиренно склонив голову, другие в страхе озирались. Среди белых одежд разноцветными вкраплениями тянулись люди в повседневной, мирской одежде, тоже застигнутые смертью врасплох... насильственно. Он ступал босыми ногами по острым камням и не чувствовал боли... Слева багровел ненасытным зевом пылающий кратер. «Преисподняя...» — сразу догадался он, и ледяной страх побежал по спине, пересохло во рту. Далеко внизу, у самой геенны огненной, толпилось обречённым гуртом несметное множество людей, точно песок в песочных часах. Временами сполох пламени из жерла слизывал часть уготовленных и, рассыпав искры над пеклом, сыто стихал...

Послесмерть. Час расплаты.

Буквально пару лет назад знакомство с владельцем футбольного клуба (любим! хоть того больше золотым!) меня заинтересовать не могло. К тому же имя такое необычное — Рафик-Смерть — с кавказским колоритом. Ладно, хоть провожатого звать Замир. За-мир! В сумме должно сложиться нормально.

О встрече Замир условился заранее. Мы тряслись туда на стареньком «Опеле» краем реликтового лианового леса, вдоль своенравно-кипящей пограничной реки Самур, через селение Яраг-Казмаляр. Замир успевал лихо рулить и как заправский комментатор вести репортаж:

— Гляди! — он восхищенно тыкал указательным пальцем по очереди в лобовое стекло, затем в боковое, заднее.

Я послушно вертел головой. Проезжаем громадную новую мечеть, рядом восьмилетняя школа в здании бывшего скотника, ещё одна мечеть... третья, четвёртая, да сколько их тут? Посреди пыльной дороги одинокий ослик — дагестанская «Ока» — ну, тако-оой грустный!.. В Магарамкенте перед базарной площадью Замир резко притормозил. В полуденном мареве сказочным видением переходила дорогу томная красавица. Вслед ей гид мечтательно процокал бейт [1] восточного классика:

Дэвушка идёт, бёдрами качает,
Сумачку нэсёт — маладэц какая!

Чёрные с проседью роскошные усы его ожили...

Я тоже заценил девушку (ничего!), однако никакие строчки на память не пришли, думал о предстоящей встрече с Президентом клуба «Леки».

Игра «футбол»... Не знаю, не знаю... Сам в детстве мячик любил попинать, но следить, как мельтешат на голубом экране малюсенькие фигурки, «болеть» за них?! Увольте. А тут, два года назад, очутился зимой в Испании, Барселоне... Стоим группой у трапа теплохода, обсуждаем варианты заморских утех:

— Подожди, «Барселона»... знакомое что-то... — стал вслух размышлять я.

Парни из соседней каюты ошалело запереглядывались.

— Крутится в голове, ну... О! Баски «ЭТА» [2].

— Ты что... футбол не смотришь? Клуб «Барселона» — один из лучших в ми-иире — «Барса»! Чемпионат Испании!.. Сегодня вечером матч: «Барселона» — «Эспаньол».

— А-а-аа... Так, может, сходим?

— Мы точно идём. Вы — как хотите.

Говорю своей:

— Идём за компанию?

Отыскали по карте стадион, сориентировались. Я грешным делом думал, на трибуне одни будем торчать, как волоски на лысине... Куда там! На подходе за два-три квартала — толпы народа, конная полиция. Открытый стадиониче на сто тысяч зрителей наполняется, наполняется... Неудержимо, как наводнение! Ещё и билетов нормальных нет: «распроданы». Места достались на самом верху за клеточным ограждением: сетка-рабица натянута, будто в зверинце; сидения — стылая бетонная скамья. Хотя вдаль на двух трибунах зияли свободные медежи-пустоты:

— А почему туда не пустили?

— Это для болельщиков «Эспаньол». Засса... испугались приехать, — скорчил злорадную гримасу фан.

За кого «болеть», вопроса не возникало: разумеется, за «Барсу», за своих, мы же в Барселоне. В начале первого тайма наши распечатали ворота супротивников. Гости почти сразу отыграли — 1:1. И два периода счёт ни туда ни сюда... Команды бьются насмерть и, как опасный момент, стадион стотысячным зевом... единым порывом вдыхает: «О-ох!» Парни нервозно грызут ногти:

— Мама мия, Санта Мария!

И вот за двадцать секунд до конца матча форвард «барсов» забивает красивейший гол.

Счёт — 2:1. Наши! Победили! Весь мир возрадовался. Ликуют трибуны! Дух праздника! Болельщики дико прыгают, скандируют не по-нашему. Я орал громче всех:

— Ура-ааа!!! — обнимал жену, растроганных парней, тряс клетку... охрип.

Видавшие виды фанаты заученно отдирали мои пальцы от решётки, умоляли-заклинали — «главное, не волнуйся»:

— ...Ты думаешь все футбольные матчи такие? Как же! Жди. У нас на стадионе от скуки можно и закемарить, и выспаться...

Не помню, как покидали трибуны... Улицы запружены возбуждённо-радостными людьми, в одночасье ставшими родными. Столкнулся нос к носу с полицейской лошадкой, в избытке чувств расцеловал её в тёплые бархатные губы... Неизбалованная лаской испанская кобыла заржала от счастья. Вот тебе и футбол... Групповой перепёх с мячиком на деле обернулся зрелищем грандиозным, ярким, каких в жизни видывал мало. Оказывается, тут понимать нечего. Не обязательно даже любить — достаточно просто попасть на такой чемпионат. Наяву, живьём увидеть настоящую игру.

«Опель» вынырнул из тесной улочки. Перед нами, словно по воле джина, нарисовался евростадион под открытым небом: реют флаги Дагестана, футбольного клуба «Леки», государственный флаг России. Вот тебе и аул!

Замир заглушил двигатель:

— Приехали.

У ворот — улыбочивый крепкий горец, лет сорока, с мобильником, в китайских шлёпанцах. Южное кипящее солнце разморило, он с ленцой вышел встречать нас:

— Салам алейкум!

— И Вам — салам!

«Не похож он на “смерть”!» — невольно подумалось мне. Нарочитая вялость не могла скрыть и лишь подчёркивала собранность, внутреннюю энергию. От него за версту веет удачью, напором, жизнью!

— С дороги пивка холодного? — радушно предложил хозяин.

— Не откажусь.

В прохладном ангаре, рядом с трибунами, размещалось кафе, где на всю стену — огромный монитор: транслировали, разумеется, футбол.

— Может, выключим телевизор? — несмело предложил я.

— ..? Выключить не надо, потише сделаем. Через десять минут чемпионат мира в Африке. Сюда пацаны приходят, на широком экране смотрят, балдеют. Аргентина с Южной Кореей играют. А руководство Северной Кореи своим невыездным слепоглухонемым гражданам уже объявило: их команда заняла в чемпионате первое место. Похоже, с голодухи совсем очучхели.

«Жутко представить: буквально недавно мы сами были такими!» — содрогнулся я.

Принесли разливное пиво «Ячменный колос» — живое. В сорокоградусную жару холодное пивко с кутумом в мёрзлой кружке [3] — благодать.

Рафик сделал несколько неторопливых глотков:

— С чего начинать?

— С самого начала...

— И рад бы всё начать с начала, да где оно? — он ухмыльнулся какой-то своей потаённой мысли. — Ну, ладно. От русских не раз слышал: «Мужчина — что ешь?» Местные таких вопросов не задают. Помнишь старый анекдот? Отец с сыном в зоопарке проходят мимо клетки с обезьяной. Сын дёргает за рукав: «Папа, эта обезьяна мужчина или женщина?» — «Это самец». У следующей клетки сын опять: «Пап, а это мужчина?» — «Запомни, мальчик, мужчина тот, у кого деньги! А это — самец!» И ещё на Кавказе настоящий мужчина тот, кто... жёстче.

— Рафик, будь мужчиной! — призывал меня с детства буба [4], упрекая в малейшем проявлении доброты. — Зачем тебе футбол? Э-ээ!

Он подтаскивал меня к единоборствам, зрелищам острым... прививал культ силы. Мужчина, в понятии горцев, — воин, всегда готовый к смертному бою. Мужчинам-кавказцам не достойно таранить на себе, вместо женщин и ослов, копны сена за полтора десятка километров с дальних горных сенокосов, воду из родника. Допускается женщину сопровождать. По традиции, джигит идёт впереди, руки свободные, чтобы, в случае опасности первым выхватить кинжал. Горцу непристало и дома хвататься за работу: важнее отдохнуть, посидеть в тенёчке на годекане, наблюдая, как дочери, сёстры, жёны, бабушки проплывают мимо с изящными ичичалинскими [5] кувшинами на плече, негодными для переноски, но благостными для созерцания.

— Вдруг завтра война, а ты уставши! — грозно одёргивали аксакалы малодушных юношей, пытавшихся помочь матерям.

Однако войны всё не было и не было...

Жуткая мысль, что вдруг не доведётся озарить себя славой в ратных делах и жизнь пройдёт тихо, тускло... мирно, не давала покоя войнолюбивым джигитам. В томительном ожидании кровавой сечи утекало драгоценное время... А чтоб как-то скоротать скучные будни, мои земляки резались между собой за воду, за землю и воспитывали будущих воинов в духе бесстрашия, суровой выносливости, отваги. Буба, например, чтобы выковать твёрдость духа, отправлял меня ночью в дальний конец кладбища ставить папаху на могилу прадеда Сулеймана, племянник должен был принести её назад. Трусость, слабость, нежность осуждаются джамаатом [6] и строго наказываются. Благодаря законам гор — кинжалы не заржавеют в ножнах. В конце девятнадцатого века в селе Тпиг случай был: девушка шла к роднику с медным кувшином на плече, навстречу — всадник. Когда проезжал мимо, лошадь случайно коснулась головного

покрывала горянки. По закону гор джигит этим обесчестил девушку и весь её род. Отец стал свидетелем позора дочери — из окна сакли всё видел. Наказание одно — смерть. Он выскочил с саблей и отрубил голову беспечному верховому. Весть о трагедии пулей долетела до родственников погибшего. Они тоже вытащили клинки из ножен, поднялся весь род. Сабельно-кинжальная резня растянулась на столетия, и уже в нашем веке, не так давно, юноша полюбил девушку из тухума [7] кровников [8]. Благо, отец поведал сыну богатую историю рода, свадьба не состоялась. Об этом писали [9]. Сейчас в Дагестане мало укромных уголков, где сохранились эти дедушкины обычаи и бабушкины обряды. А в старину адаты были прикольные.

Вам и не снилось...

Меня, вопреки всем адатам, с малого детства тянуло к футболу, хотя игра командная, мирная... Посреди Магарамкента — пустырь: коровы, барашки паслись. Власти решили сделать футбольное поле. Втайне я мечтал об этом больше других. Огородили участок железным забором, два дня трактор рокотал. «Неужели правда, настоящий стадион будет?» На третий день остыли, забросили. И тишина... Года ходят, ходят... Никаких движений. Пустырь стал колючками зарастать, народ напрямки через поле бродит, барашки вернулись... В итоге чуть картошку не посадили. Я уже вырос, занимался поставкой российских грузовых автомобилей в Баку. Появились деньги свободные. Думаю: «Свою мечту, наверно, придётся своими руками... Никто ведь не сделает». Давай прикидывать: как землю оформить, сколько нужно на всё?

Потом — бам! Очухался: «Выходит я, на свои бабки буду строить общий стадион?.. Я чё, совсем?! Что люди скажут? Лично мне земли нужно немного. По-любому два метра дадут в конце». И успокоился. Что было, так тихо-тихо расходовал. Однажды дома растянулся на полу — футбол смотрю... Вдруг — ба-баммм!!! В прихожей грохот: залетают амбалы в масках, с автоматами, в полной боевой. Думал, ОМОНЫ, маски-шоу. Вломились, встать не успел. Как начали рихтовать. Удары спортивные, грамотные... Профессионально: туда-сюда. И потом битуха такая... по затылку. Как свет вырубил.

Пока я на больничной койке в несознанке валялся, друзья этих шакалов переловили... По своим связям. Слухи были: они до этого кодлу собирали, в разговоре назвали моё имя. На их волну подсели, выследили. Кого надо — посадили, кого надо — убрали. Оказывается, «наколку» дал мой сосед-ваххабист: «Деньги есть, туда-сюда». Другие — залётные с гор. Даже из банды Хаттаба один «дух». Дерзкие пацаны, но всех пятерых отыскали: и в Баку, и в горах. Одновременно брали. Иначе нельзя: стоит одному убежать, потом — всё, потом надолго. Я до этого думал: сосед молится, ну, и пусть себе молится. Чётки перебирает, Коран читает, глаза закатывает, в Аллаха верит — ведь здорово, правда? Вот как оказалось... Если б настоящие мужики были, пришли бы открыто, сели за стол: «Так, так и так?» А стрелять из-за угла... Детей, женщин. Это не горцы. Проститутки конченные — не мужчины. Ничего святого. Любого могут убить. Я смерти не боюсь. Коли суждено умереть, значит, так тому и быть.

В себя пришёл: весь в трубочках каких-то, в пластыре, бинтах, ломота по телу, голова кружится, гудит. Медсестра улыбается: «Жить будешь». Подлюги бросили меня, думали, мёртвый, но я выжил. Хорошо, сознание тогда потерял. Могли кончить. Редко кто от разбоя остаётся живым. Всё на изменах держится: «А вдруг узнает? Лучше уберём!» Считаю — повезло: заживо умер и повторно родился.

Пацаны толпой пришли навестить, фруктов натащили, мяса сушёного, красного вина... Гогочут, орут, руками размахивают... Для прикола кличку дали «Рафик-смерть». Ржут надо мной:

— Бог его на том свете спрашивает: «Ты стадион сделал?» — «Нет» — «Ну, тогда ты здесь на х... не нужен!»

Ушли.

Я остался один.

Один на один с собой. Было время подумать, в душе покопаться. В голове сильно мысли меняются после такого. Человек сильно другим становится.

Ради чего жить стоит? Ради денег?! Ха-а...

Нужно исполнить дело своей жизни.

И никто меня этому не учил, не подсказал. Сам до всего дошёл.

Понятно, скажут «ненормальный»... Пускай! Теперь я был уверен: на ненормальных людях мир держится!

Подкатываю к Главе администрации:

— Отдайте место мне, пустырь. Ничего там посадить не хочу, дом строить не буду. Хочу для людей сделать спортивный комплекс. Чтоб дети играли, народ футбол смотрел. Сколько можно другим завидовать? Если сами свой край не поднимем, со стороны никто не придёт, не сделает.

Он понял:

— Давай, сынок, забирай.

Оформил я аренду на сорок девять лет. Ближний конец поля в низине был, два-три метра, тот наверху. Крепер нашёл, год выравнивал, нивелиром проверял, двести-триста машин грунта привёз. Где ямка, где чё... Думал так: чтобы твёрдое не было — слой чёрного песку: влагу держит и мягкий. Если упал, чтоб не больно. Посадил траву. Сначала большой возможности не было кому-то деньги давать, сам работал. Сам поливал, сам косил, ухаживал. Тихо, тихо... А потом деньжата посыпались, будто с неба. Хаа-а... Я — дальше. Люди под солнцем, под дождём сидят — навес соорудил. Раздевалки появились, душевые, гостиничные номера. Деревья фруктовые насадил. Смотри, какая красота! Черешню попробуй, ягоды спелые, сладкие. Траву газонокосилкой косим: шёлковая бывает, ровная, как бильярдный стол... В углу голубятня. Открываем турниры торжественно. Когда белые голуби взлетают в небо, над трибунами кружат, дух захватывает, как здорово! Такой красавчик-стадион вырос. Так тихо-тихо его построил.

Потом собирал команду. Тренера подтянул: знакомый пацан, футболист Кемран Нурахмедов. Большой спорт оставил, дома сидел, но человек футболом болеет...

Упирался поначалу:

— Тренером никогда не был.

— Ничего.

Пацанов набрали, команду назвали «Леки».

Раньше всех жителей нагорного Дагестана так звали. Джигиты были лихие. Грузины маленьких детей ими пугали: «Спи сынок, а то леки придут! Украдут тебя». Историческое название. Иначе ещё говорят — «лезгины». Произносишь — и слышится лязганье наточенных кинжалов... В первый же год чемпионат Дагестана выиграли. Чем-пи-оонами стали! Люди отказывались верить. Лезгины ни разу так в футбол не играли. Потом перешли в третью лигу в ЮФО — Южный федеральный округ: Астрахань, Краснодар... и Магарамкент. Наше село на карте-то не найдёшь! Все команды приезжали сюда. Даже из Сочи. Те, правда, сперва побаивались... А как приехали, обзавидовались: «Стадион-сказка! Нам бы такой... потренироваться, поиграть». Встречали их, как принято на Кавказе, хлебосольно.

Короче, я доказал: желание будет — человеку всё по силам. Понимаешь?!

Раз негров из Ганы... позвал на Международный турнир. Не поверишь, приехали, — Рафик задорно рассмеялся. — Письмо через Махачкалу туда-сюда. Сам не ожидал, что придут. Смотрю... ба! Короче, тут играем... Они к началу не успели, на финал попали. Как раз перерыв был и, б... — живые негры на поле заруливают! Все: «Смотри!..» Забыли про футбол, весь стадион на них уставился, аплодировать начали, гуртом повалили навстречу. Для народа — зрелище! Детская спортивная школа здесь тренируется. Я их пускаю, ничего не беру, наоборот, сам помогаю. Только одному тяжело всё тянуть... Двадцать человек одеть, обусть, накормить, купить мячи, организовать поездку. Шесть-семь миллионов. Думал, кто поддержит... Никто копейки не дал. Хотят футбол смотреть, зрелище видеть и не платить. «Плохо играют», «хорошо играют» — такие слова ещё говорят. У нас в Магарамкенте богатых людей хватает. Предлагаю: ну пусть один дорогу возьмёт на себя, другой — парк, третий — больницу, четвёртый — воду. Всем джамаатом! Нет. Придут домой, закроются на все запоры, деньги с утра до вечера считают. Тихушники. Как я раньше. Собрать все бабки, что ушли сюда на строительство, я бы, наверное, в Майями мог дворец прикупить, на машине хорошей кататься. Но у меня планы другие...

— А что ещё? Вроде всё блесит, — искренне изумился я.

— Мечтаю выстроить рядом бассейн, благоустроить вокруг... Прикинь, районный центр, а воды в домах нет. Стадион — мой аккордный наряд. Живу заново, вторая попытка дана. Считаю: нельзя заднего ходу давать, раз не умер. Пойду вперёд, жизнь покажет. Хочется след оставить после себя. Имя. Чтобы дети говорили: «Наш буба строил!» Гордились чтоб. У меня два пацана растут и дочка-лапочка. Говорят: «Бог помог». Причём здесь?.. Что, землю лопатой за меня Бог кидал? А?! Всё я — лично своими руками. И ещё, если бы в своё время Глава администрации не отдал пустырь, ничего бы не было вообще. Глава, Абрек наш, — лезгин. Его убили... От души хороший человек был. За десять лет здесь третьего Главу администрации подряд валят, хоть в книгу Гиннеса включай.

Друг за другом в прохладное кафе заваливались с уличной жары спортивные парни, здоровались с нами, подсаживались к монитору, следили за матчем. Когда у ворот создавался опасный момент, Рафик прерывал рассказ, оживлялся, блестящим взором следил за игрой:

— У-ааа! Гол!!! Южная Корея — Аргентине. Марадонна! Вон, смотри: этот именитый Марадонна — тренер у них. Гляди, какой стал... колобок.

— Рафик, брат, ничего в этом не смыслу. Лучше пойду, снимаю твой рукотворный оазис — и в путь...

Мы попрощались.

Я увлечённо фотографировал нереально-красивый, как с глянцевого рекламной обложки, стадион, уютные вместительные трибуны, Замира в компании счастливых мальчишек, азартно гоняющих мяч на ярко-зелёном ухоженном поле...

Если б каждый человек, вот так на куске земли своей сделал всё, что ему по плечу, прекрасна была бы земля наша! Прямо как мечтал былинный Васька Буслаев [10]:

Эхма, кабы силы да поболее мне!
Жарко бы дохнул я — снега бы растопил,
Круг земли пошёл бы да всю распахал,
Век бы ходил — города городил,
Церкви бы строил да сады всё садил!
Землю разукрасил бы — как девушку,
Обнял бы её — как невесту свою,
Поднял бы я землю ко своим грудям,
Поднял бы, понёс её ко Господу:
— Глянь-ко ты, Господи, земля-то какова, —
Сколько она Васькой изукрашена!
Ты вот её камнем пустил в небеса,
Я ж её сделал изумрудом дорогим!
Глянь-ко ты, Господи, порадуйся,
Как она зелено на солнышке горит!

...Он брёл, едва переставляя немые ступни, по узкому каменному гребню, висящему над бездной. «Куда меня: в джаханнам [11] или джанет?» [12] — острая, единственная мысль эта воспалённо стучала в мозгу. Часто приходилось останавливаться.

Спутник впереди терял временами равновесие, отчаянно балансируя на краю Тьмы и Света. Тогда Рафик отводил взгляд от его белого савана, свисающего тогой с плеч, потерянно оглядывался по сторонам... Слева широко зиял огромный кратер, по склону серпантинном спускалась дорога. Бесконечный поток «рисовых зёрен» медленно стекал по ней к пыхающему жерлу — в столах, мольбах, в удушливом запахе палёного мяса. Время от времени огненный смерч с гулом вырывался из ненасытного чрева, слизывал часть грешников и, рассыпав веером искры, сыто стихал. Лишь сполохи багряного зарева продолжали тревожно реять над Вселенской преисподней, да густая жирная копоть тяжело оседала чёрным пеплом на дно...

А по другую сторону от каменного гребня...

Пропасть далеко внизу заканчивалась плавным подъёмом на высокую-превысокую гору, поросшую нежной сочной зеленью. Снежная макушка величавой горы терялась в белых кучевых облаках, золотое солнце плыло вокруг вершины, озаряя лесистые склоны и каскады жемчужных водопадов. Отвесные бурлящие реки впадали в тихие бирюзовые озёра. Временами ветер свежел и радужная водяная пыль долетала до Рафика, приятно щекоча лицо. На цветочных лугах паслись вальяжно-грациозные лани, наслаждаясь чистыми трелями волшебного-красивых птиц.

И ни души...

Наконец тропа уткнулась в каменное плато.

Люди неотвратимо приближались к судной черте, за ней двое ворот: чёрные строгие вельи в ад, сверкающие небесным светом — в рай. Суровый ангел смерти каждого знал в лицо и направлял одним взглядом. Рафик заметил, как, хромая, проковылял его сосед-ваххабит, весь окровавленный, с ним двое. Азраил [13], гремя ключами, прогнал их в адовы ворота, а затем остановил пронизывающий взор на нём...

Какая-то сила вытолкнула Рафика из колонны.

Голос откуда-то сверху сурово прогреготал:

— Не звал его, пусть исполнит дело своей жизни... Я помогу ему. Азраил, удали из памяти то, что он видел здесь, и верни на Землю.

Азраил протянул руку к его лицу...

Примечания:

[1] Бейт — двустишие, форма лирической восточной поэзии;

[2] Баски (баск. Euskaldunak) — народ, населяющий т. н. баскские земли в северной Испании и юго-западной Франции. Дискуссионными остаются вопросы о родстве басков с кавказскими народами. В конце эпохи диктатуры Франсиско Франко образовалась подпольная баскская организация Эускади Та Аскатасуна (Баскония и свобода), известная под аббревиатурой ЭТА. Её целью было освобождение от диктатуры и основание независимого баскского государства. Для этого она использовала тактику террористических актов, которые она проводила по всей Испании. В качестве одного из методов финансирования ЭТА шантажировала предпринимателей и принуждала к уплате так называемого «революционного налога», занималась также ограблениями банков и похищениями людей для получения выкупа. ЭТА продолжает деятельность до настоящего времени.

[3] Кутум (*Rutilus frisii kutum*) — рыба семейства карповых; подвид вырезуба. Длина тела до 60 см, весит около 2 кг. Обитает в Каспийском море.

[4] Буба (лезг.) — отец

[5] Село Ичичали, Гумбетовский район. Не только в Дагестане, но и на базарах Кабардино-Балкарии, Грузии, Казахстана творения рук ичичалинских мастеров воспринимаются в ряду надежных изделий, пользуются спросом, и в деле изготовления медных кувшинов у жителей этого аула нет конкурентов.

[6] Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман, с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;

[7] Тухум — родственная группа у народов Кавказа;

[8] Кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей;

[9] «Агулы в XIX — нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование», Булатова А.Г. ИД «Эпоха», Махачкала, 2008;

[10] Пьеса «Васька Буслаев» А.М.Горький;

[11] Джаннам — ад.

[12] Джанет — рай;

[13] Азраил — ангел смерти в исламе.

*

Служение свету

Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель.

Аварская поговорка

Уникальнейшее образование Нагорного Дагестана — Лакия. Сотворённая по высшему повелению она представляет собой своеобразный чан, края которого — сплошные горные вершины вместе с главным Кавказским хребтом, а Цудахарское ущелье символические ворота в эту землю. Там и расположено красивейшее село Куркли.

Директор сельской школы Даниял Магдиев спросил меня:

- Вы когда-нибудь слушали Пушкина на лакском?
- К стыду своему, нет, но интересно!
- «Буря мглою...»

Ссавруннаих цъан дакълай буран бищлай бур,
Марххалттанул занчру гъанагъи буллай.
Жагъ жанавар кунма га ав-ав тый бур,
Жагъ чъиви оърчь кунма га вев-шев тый бур.

Даниял откинувшись на спинку стула, сиял от восторга:

— Везде есть писатели, поэты, в каждом ауле свои звёздочки, но Пушкин — не русский писатель, мировой. Человек планеты! Пушкин — начало всех начал. Великий художник слова! Его гений принадлежит всем-всем! И дагестанцы любят Александра Сергеевича, считают своим поэтом. Невозможно воспитать человека, не познаковав его с творчеством Пушкина на родном языке. А ведь главная задача учителя — воспитать! «Будь человеком!» — такое краткое, весьма жёсткое требование выдвигают горцы перед ребёнком, едва только он начинает понимать. Под словом «человек» аксакалы подразумевают носителя определённого кодекса морали, этики поведения в обществе и быту. Это первосуть представлений о чести, об обязанностях перед отцом и матерью, своим родом, аулом. Самым ёмким оценочным словом в горах является «человек». Горец клянётся: «Человеком родился — человеком умру!» Правило горцев: продай поле, дом, утрать всё имущество, но не продавай, не теряй в себе человека. Отсюда проклятие: «Пусть не будет в вашем роду ни человека, ни коня». Когда начинают рассказывать о каком-нибудь промахе, недостатке, горцы прерывают: «Не тратьте на него слов. Он же не-человек». Либо наоборот: «Он человек, этот грех ему можно простить». Об ауле, в котором нет порядка, об ауле тесном, неряшливом, склочном, непутёвом говорят: «Человека там нет». Об ауле, в котором порядок и мир, говорят: «Там есть человек». Человек — первая необходимость, драгоценность, великое чудо. Максим Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» При этом, заметьте, он не уточнял национальность. Сказанное относится ко всем народам: аварцам, чеченцам, белорусам, грузинам, таджикам...

Служение свету, служение образованию и есть главное дело наставника. Когда-то в юности я сделал свой судьбоносный выбор благодаря русским учителям. В нашем районе их было сорок. В День учителя мы обязательно вспоминаем первых русских педагогов. Российская империя посылала сюда лучших генералов, но они смогли завоевать лишь горы, но не наш маленький гордый народ. А когда к нам пришли молодые девушки, вооружённые книгами, мы покорно сдались им сами! И ничуть не жалеем!

*

Дорога из Чароды

*Лаг ахъиби хъатхлалла ихъу.
Кто одолел подъём, тот одолеет и спуск.*

Даргинская пословица

Из Чародинского района в Гергебель я добирался по горному серпантину вместе с Гасаном Жахбаровым на служебной «Волге». Гасан самый главный в Чароде, он Глава района, и автомат Калашникова, мирно уткнувшийся стволом в пассажирский резиновый коврик — весомое тому подтверждение. Дорожная лента озорно петляла... Машина то взмывала ввысь, то вдруг ныряла в крутом вираже... В одном месте мы чуть не угодили под камнепад. (Как проскочил водитель впереди идущей «Нивы» — непонятно...) Мастерства здешним водителям не занимать. И, скорее повинувшись шоферской привычке, нежели выражая недоверие к способностям водителя, на крутом вираже я надавил на воображаемую педаль тормоза. Гасан заметил моё движение:

— Вы тоже водите?

— Да... Не могу спокойно с незнакомцем ехать... Так и тянет самому порулить: где тормознуть, где газку поддать.

Перед закрытым поворотом на краю пропасти водитель остановился, посигналил, словно постучал в дверь, перед тем, как войти.

— Слепой участок! — пояснил Гасан, — если навстречу вылетит горячий джигит, машины «саламкнутся». Сто лет назад здесь вообще не было дорог. К нам в Чароду можно было добраться только по узким тропам. Когда два путника встречались на горной стежке, проложенной через Кулабский перевал, то одному из них приходилось сталкивать своего осла в пропасть. Позже построили балконную дорогу, она местами сохранилась. Будем проезжать — покажу.

Машина остановилась над бездной. Внизу гудела порожистая бурная бурая река, на другом берегу, прямо по обрывистой скалистой стенке, на страшной высоте проложена узкая дорога без всяких ограждений. По ней идти-то жутко, не проси ехать...

— Наша балконная дорога. Когда строили, горцев спускали с вершины на канатах с кайлом, с киркой в руках, и они, зависнув над пропастью, вручную долбили скалу. Так у нас впервые появилась устойчивая связь с внешним миром. До этого мало кто выбирался в соседние сёла, не говоря уже о других районах, и к нам гости редко навевывались. Может, поэтому, чародинцев считают немного замкнутыми, их обычаи, язык отличаются от аварских. Раньше и машин-то особо не было. Моя бабушка, когда впервые увидела рядом с саклей грузовик, принесла охапку сена, положила на капот: чтоб ночью шайтан-конь мог подкрепиться. Всё это осталось в прошлом. Теперь диковинка — лошадь.

Я приблизился к краю жуткого обрыва, столкнул ногой небольшой камень. Он улетел, огрызаясь недобрым грохотом и бесконечным эхом. Все байки подсказывает сама жизнь.

«Горец сорвался в пропасть, кунак кричит ему вслед:

— Магомед, ты живой?!

— Живой!

— Голова целый?

— Цельй!

— Рука целый?

— Цельй!

— Нога целый?

— Цельй!

— Так вылезай!

— Я ещѐ падаю-ууу!!!

*

Россия и Дагестан?

Врач гордеца — Аллах.

Арабская пословица

Сократ велел в споре выслушать обе стороны.

Логично!

Но где повстречать идеолога экстремистского толка — «истинного воина ислама», как они сами себя называют? Моё желание подогревалось ещё тем, что некоторые жители Дагестана (хотя таких мало) лесных «братьев» воспринимают как заступничков, народных мстителей. Робин Гуды! «Ворошиловские стрелки»...

— Дубровский! — перевели мне однажды этот же образ на язык классической русской литературы.

Неожиданно повезло. Доводы другой, «лесной» стороны, мне удалось выслушать в Хасавюрте. Собеседника анонсировали как «соратника Радуева, Гелаева, Салманова»... Ехать никуда не пришлось. В мой гостиничный номер в назначенный час прибыл гость: доброжелательный благообразный мусульманин с окладистой седой бородой — Абдурахим.

— ...Я любому скажу прямо, хоть вам, хоть ФСБ, хоть кому... Меня арестовали ни за что! Отсидел восемь месяцев в тюрьме. Наши беды будут и будут, пока Дагестан в составе России.

— Мне говорили, здесь живут более тридцати национальностей: даргинцы, аварцы, лезгины, кумыки, лакцы, ногайцы... Они, действительно, все, хором, единодушно требуют самостийности?!

— ...Дагестан после отделения от России станет свободной, независимой страной.

— Такой, как Пакистан? Афганистан? Саудовская Аравия? Ирак?

— Нет. Там правит США!

— Ну, назовите страну-идеал, к чему нужно стремиться? Вы знаете хоть одну страну независимую?

— ? Нет...

Полтора часа продолжалась наша неторопливая интересная беседа-взаимоузнавание.

Мы попрощались. На память старец оставил мне книгу.

— Кто в реальности этот приятный дедушка? — поинтересовался я у Сайгидпашы Умаханова, Главы Хасавюрта.

— Палач.

Я остался в номере один, но присутствие благообразного старца чувствовалось почти зримо... Взгляд упал на книгу... Взял её в руки, стал аккуратно перелистывать.

Некоторые изречения были помечены:

- «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они — друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. («Грапеза», 56(51);
- «О те, которые уверовали! Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха...» («Покаяние», 29(29);
- «...И сражайтесь с ними, пока не будет искушения, и религия вся будет принадлежать Аллаху.» («Добыча», 40(39);
- «Не вы их убивали, но Аллах убивал их, и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил, чтобы испытать верующих хорошим испытанием от Него». («Добыча», 17(17);
- «О пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни; а если будет среди вас сотня, то они победят тысячу тех, которые не веруют, за то, что они народ непонимающий». («Добыча», 66(65).

Глянул на обложку. Перевод: «И. Ю. Крачковский».
Книга называлась «Коран».
Занятно...

И только Магомедкамиль, алим из селения Акуша, разъяснил мне эту странность:
— Нельзя вырывать фразы из контекста, аяты из конкретной суры.

Джихад объявляют, когда существует препятствие для веры: не дают молиться, уразу держать, насильно толкают в другую религию... Сегодня нужно объявлять джихад против своих слабостей, недостатков, против собственных греховных деяний. А оттого, что убил иноверцев, женщин, детей... Зулму — если я иду к слабому человеку и отбираю, обижаю его. Обычный рэкет. Если у тебя есть сила — убери с дороги камень, добивайся спортивных достижений, помоги соседу. А не создавай проблем семье, которая тебе ничего плохого не сделала.

*

8 марта в Дагестане

*Шейх шепчет одной из своих
многочисленных жён: «Твои глаза горят,
как полночные звёзды, твои губы —
драгоценные рубины... Передай дальше!»*

NN

Столкнувшись с такой темой, как «Международный женский День 8 марта» понимаю, сколь скудны мои творческие средства, как недостаёт мастерства, запаса слов, чтобы с огоньком, приплясом, нарисовать радужную, лучистую картинку праздника... А хулить Дагестан не хочется.

Дорогой читатель, извини душевно!

Заполни этот пробел в моём повествовании своим воображением...

P. S.

Бабаюртовский район.

Мы из гостей — в гости...

Добрались до строящегося дома Солтана далеко за полночь.

Забора пока нет, а ворота уже стоят: ажурные, высокие, восточные — на ночь закрыты, как положено. Хозяин жмёт-жмёт-давит на звонок...

Грохочет в ворота кулаком.

— Солтан, может, не стоит жену будить? Обойдём ворота...

— Зачем я тогда вообще их ставил?! Ворота, которые не открывает меч, открывает золото.

Ворота, которые не открывает золото, открывает женщина.

Я не нашёлся ему возразить.

*

День Победы

*Великая Отечественная война.
Дагестанец посылает с фронта
радостную весточку домой: «С
первого дня отступаем. Аллах даст,
если дела так дальше пойдут, к весне
дома будем!»*

NN

Сабир из Дербента вспоминал:

— У нас по соседству жил аксакал, любил рассказывать про войну: «Бой идёт, я из пулемёта строчу, вдруг сзади кто-то по плечу. Оборачиваюсь — вождь! «Подожди, товарищ Сталин!» А сам на фронте-то не был.

Наверно, так и есть... всякие попадались вояки, однако правда состоит в том, что дагестанцы проявили на полях сражений в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками чудеса героизма! Горцы плечом к плечу с другими народами СССР стояли на защите Родины. Лучшее доказательство тому — количество Героев Советского Союза, уроженцев Дагестана.

Вот их яркие, золотые имена:

Абакаров, Кади Абакарович
Абдулаев, Абдурахман Ягъяевич
Абдулманапов, Магомед-Загид
Абдулмеджидов, Ахмед Дибирович
Абдурахманов, Зульпукар Зульпукарович
Абрамов, Шетиель Семёнович
Акаев, Юсуп Абдулабекович
Алиев, Араз Казимагомедович
Алиев, Газрет Агаевич
Алиев, Саид Давыдович
Алиев, Шамсулла Ферезуллаевич
Алисултанов, Султан Кадырбекович
Амет-Хан, Султан
Байбулатов, Ирбайхан Адълханович
Бовт, Василий Афанасьевич
Бондаренко, Владимир Илларионович
Велиев, Мирза Довлетович
Волкодав, Иван Егорович
Гаджиев, Магомед Имадутдинович
Гальченко, Леонид Акимович
Гамзатов, Магомед Юсупович
Горбачев, Иван Петрович
Гражданкин, Виктор Иванович
Громаковский, Владимир Александрович
Джумагулов, Эльмурза Биймурзаевич
Дмитриев, Павел Павлович
Жердев, Николай Прокофьевич
Земцов, Николай Андреевич
Исрафилов, Абас Исламович
Калуцкий, Николай Александрович
Кузнецов, Дмитрий Игнатьевич
Манаров, Муса Хираманович
Нурадилов, Ханпаша Нурадилович
Овчаров, Александр Михайлович
Подорожный, Николай Алексеевич
Пряничников, Николай Иванович

Салихов, Эсед Бабастанович
Селивантьев, Фёдор Григорьевич
Ситковский, Александр Николаевич
Сулейманов, Ризван Баширович
Сулейманов, Яков Магомедалиевич
Сумин, Андрей Васильевич
Султанов, Иса Клычевич
Сухов, Константин Васильевич
Эмиров, Валентин Аллахиярович

Сорок пять Героев Советского Союза — дагестанцев!
Сорок пять!!!
Что к этому добавить?..

Магомед Гаджиев в годы войны был командиром подводной лодки. В истории подводного флота он первый в надводном положении атаковал вражеский корабль! И потопил его, показав фашистам свой горский характер. В 42-м году Магомеду Гаджиеву, дагестанцу, аварцу, Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоили звание Героя Советского Союза. Одной из военно-морских баз на севере присвоили его имя. В годы перестройки, когда все святые подвергались переоценке, осмеянию, закрытый город Гаджиево пытались переименовать. Моряки Северного флота, общественность не дали этого сделать, русские моряки выступали на заседании Государственной Думы в защиту ветерана, героя. Мне случилось побывать в Гаджиево и беседовать с офицерами.

Слава такому воину!
Слава такому народу!
Слава таким офицерам!

Нет противоречия между русскими, аварцами, карелами... Есть дистанция между невеждами, не признающими, не уважающими историю своего народа.

Позор на их головы!

А праздник Девятое мая — будет святым для всех нас, для детей наших, для детей детей наших... на все времена. И всегда, завидев в небе клин журавлей, мы будем вспоминать павших солдат...

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей [1].

Примечания:

[1] Расул Гамзатов «Журавли».

*

Чтоб нескучно

Хабар от Хадижат

*Благородный останется благородным,
даже если его пригнула беда.*

Арабская поговорка

Хадижат убрала прядь волос, дерзнувшую выбиться из-под платка:

— В ваших репортажах показывают: ребёнок орёт целыми сутками, молодая мамаша, близкая к помешательству, душит его подушкой. Мороз по коже... В Дагестане такого быть не может. Первые сорок дней всегда опытный взрослый человек рядом: мама, старшие сёстры, тёти, бабушка... Это — закон! Закон гор, если хотите. Всегда кто-то предложит молодой маме: «Ты должна поспать». У нас юные мамочки не сталкиваются с проблемами, кому оставить ребёнка, чтоб сходить в магазин, кто заберёт сынишку-дочь из садика, кто научит пеленать, правильно ухаживать. У них хватает других проблем, но этих нет. Таскать воду ей нельзя, тяжести поднимать нельзя. В русских анекдотах частенько высмеивают тещу. Возможно, потому, что молодая семья идёт жить к родителям жены, тогда, конечно, теща — генерал. У нас жена идёт в дом мужа. У нас складывают байки про свекровь. Как бывает? Свекровь всегда считает, что сын её недокормленный, что зря лишний раз ведро поднял — помог жене. Новая хозяйка в доме чего-то по молодости не знает, а у свекрови терпения не достаёт: «Почему неправильно делает?» Конечно, кому невтерпёж, яйцо из курицы можно пальцем выковырять или прямо оттуда сосать. От русских постоянно слышу одну и ту же проблему: мусор кто будет выносить, носки стирать. Этой проблемы у нас тоже нет. Мусор, когда слишком тяжёлые вещи, мужчина выносит, остальное всё женщина. И носки, бесспорно, стирает она. Еду готовить — женское дело. Если на пикнике он решил шашлык пожарить, пожалуйста. Дома его к кастрюлям не подпускают. Не дай Бог, гости придут, увидят, что муж стоит у плиты — мне позор на всю жизнь. И моя дочка клеймо получит. Скажут: «Её мамаша мужа заставляла готовить, дочка, небось, такая же будет, нельзя её сватать. Не возьмём в жёны!» У нас не женятся по любви. Разве прокормит любовь, если жена не умеет готовить? Если не может стирать, воспитывать детей? У нас считается: красивая жена пусть будет у соседа. Если человек чисто физически не противен, с ним можно создать счастливую семью, главное, чтоб надёжным был. Необязательно в шуры-муры играть. Когда семья живёт у всех на виду, проколов быть не может. Почему старейшины постоянно предостерегают, на мозги капают: «Не берите жён другой веры, другой национальности. Мы их не знаем с рождения». Это не национализм — глубокая житейская мудрость. Когда мой жених приходил, меня вообще в селении не было. Приезжаю, сообщают:

— Тебя засватали!

Я в ужасе!

Мне страшно спросить, за кого, потому что, если человек неприятен, придётся уйти в себя на всю оставшуюся жизнь и терпеть, каждый час терпеть. В основном, у нас семьи так и живут. И разводов почти нет. [1]

— Примерно то, о чём говорите, на Руси выражалось пословицей: «Хоть за курицу, но на свою улицу!»

— И ещё одна важная особенность: невеста на Кавказе невинна, чиста! В прямом смысле слова. Сейчас девушек намного больше, чем парней, и всё настойчивей поднимается вопрос, чтобы разрешить мусульманам многожёнство.

— Как ты относишься к этому?

— Я бы не смогла... В исламских государствах, где девушки с пелёнок знают, что именно так, ещё может быть. Кто хочет делить своё собственное с кем-то? Не хотела бы. Хотя лично я не

испытала, что такое любовь. Любить для горянки — запрет. Привыкание, привязанность к человеку заменяет всё. Вы никогда не увидите, чтобы целовались на улице или перед уходом на работу. Не бывает, нету. У нас эмоции, чувства в отношениях между мужчиной и женщиной сведены к минимуму. Их с успехом заменяет разум, долг, адаты.

У нас сильно при выборе смотрят на тухум — род. Происхождение играет решающую роль. Как раньше — голубая кровь, элита, ей смешиваться не дают. Материальный достаток на втором месте. Предки из благородного рода занимали в общественном положении ключевую роль, их мнение было определяющим. На годекан, в «актив села», дети чабанов никогда не допускались. Эти сословные границы практически непреодолимы, в каждом селе есть свои трущобы-гетто, свои элитные районы, хотя в материальном положении, может, у них различия и невелики. Знатный род и низшее сословие зачастую живут, не сильно отличаясь внешне: те и другие могут топить печи кизяком, у тех и у других кухонная утварь глиняная, но происхождение выдаёт с головой... В селе жители хорошо знают семьи, которые идут от ханского рода, от великих алимов, шейхов. И этот свет, небесный отблеск глубины веков не заглушить ничем. Сейчас современность вносит причудливые коррективы: тухум секретаря обкома КПСС приравнивается к роду хана. Почему бы нет? Когда это условие обеспечить невозможно, девушка становится женой троюродного, двоюродного брата. А иначе... Если девушка из благородного тухума оступилась: сама подошла к парню — обязательно убьют свои. В высоком роду это святая обязанность её брата, отца. А низкий тухум проступка не заметит, не осудит, не накажет. Я всегда знала, что не имею права выйти замуж в другое село: брат, отец, дядя, папина, мамина родня — непременно осудят. Меня отпустили учиться в Прибалтику только потому, что жила под надзором маминой сестры (хотя я и так не посмела бы совершить предосудительное). Её муж оберегал меня: каждый день провожал, встречал на остановке, приводил домой, и больше я не выходила на улицу до следующего дня. Это нормальное поведение девушки из благородного дагестанского рода, из уважаемой семьи. Там я училась три года, потом перевелась в Дагестан.

— Некоторые дагестанские женщины мне признавались, что не испытывают никакого удовольствия от интимной близости. Просто понятия не имеют, как по-другому можно завести детей, поэтому стоически терпят, исполняя адаты. Есть байка, о чём думает в постели немка, француженка и русская: первая мучается «заплатит-незаплатит»; вторая «удовлетворит-неудовлетворит»; русская «потолок белить-небелить». Дагестан входит в состав России.

— Мне бы не хотелось такое обсуждать, — смутилась Хадижат. — Почему наши мужчины, когда едут на курорт, набрасываются на всех русских женщин? Почему? Потому, что они оголены. В каждой горской женщине есть загадка, она скрыта от посторонних глаз. И мужчина не знает, что под одеждой, ему всегда интересно. Плюс к горячему темпераменту, азарт страсти подогревает запрет. Наши мужчины очень любвеобильные, но умные женщины не показывают вида: перебесятся. Дура будет та женщина, которая разошлась из-за любовницы. Её никто здесь не поймёт. Все терпят, и ты терпи. У нашей женщины с молоком матери заложено: надо терпеть — семья основное. Если узнаю, что у мужа любовница, я тихо в тряпочку промолчу. У меня взрослые дети, начну выступать, тень на них падёт, на дочь. Скажут: «Мамаша не могла обуздать свой характер, утаить конфликт, спрятать, значит, дочка такая же!» Здесь очень всё взаимосвязано. Здесь каждый шаг нужно просчитывать. Допустим, из-за семейных неурядиц женщины не режут себе вен — глупо! Да им и не дадут этого сделать. Любой скандал — сразу бегут к одной стороне конфликта и к другой. На эмоциях решать не дают. Старейшины прибегают, умные люди окружают. В Дагестане сплочённость людская сохранилась до сих пор. Если оставить людей самостоятельно решать свои проблемы, такого натворят... Всем жарко станет! Дагестанцы горячие, импульсивные, взрывные по природе. Русские для того, чтобы разогреть кровь, побуйнить, пьют водку. Нашим греть ничего не нужно, они и так всегда в состоянии аффекта. У нас водку пьют только для запаха, дури своей хватает.

— У людей разный темперамент, доказано: он наследуется. Бывают материалы «не горючие», «горючие» и «самовоспламеняющиеся».

— Мы «самовоспламеняющиеся»...

Воспитывают детей у нас сообща. Если ребёнок идёт по улице и видит, что его знакомые трудятся, он обязательно подключится к общей работе. Это воспитание коллективным трудом.

Если младший при появлении взрослых не встанет, все знают, будет стыдно его отцу: «Сегодня твой сын не встал!» Нормальный отец за это сына выпорет. В России бить ребёнка нельзя, дитя может обидеться. Ювенальная юстиция!.. Фф! Но вековой опыт воспитания показывает: без этого не обойтись. У нас если ребёнок считает, что его родители неправы, он за такие мысли получит подзатыльник от дяди, от старшего брата... Авторитет взрослых расшатывать нельзя. Хотя, как раньше, дети не повинуются. Раньше учитель был на недосыгаемо высокой ступени, а теперь ученик может заявить: «Не имеете права бить!» А стОит. За дело — стОит. Мой дедушка считал: «Воспитание — ключ в рай!». У ребёнка на поводу идти нельзя, можно зайти слишком далеко. Один раз я отшлёпала хорошенько сына-шестиклассника, он выбежал, горланит со двора:

- Домой больше не приду!
- Иди куда хочешь. Сдохнешь один. Иди!
- Постоял, постоял возле ворот, вернулся.
- Чего ж ты не пошёл?
- Папу боюсь.

Наши сельские люди хорошо знают: один на свете не проживёшь и поэтому не идут на такие поступки. Село тем и отличается от города: здесь одна национальность, одни требования, одни обычаи, здесь легче управлять людьми. В городах возможна вольность, там нет контроля. В Махачкале училась, вижу: бабушка несёт две тяжёлые сумки. Привыкла: у нас в селе старая женщина не носит тяжести. Не принято! Я подошла:

- Давайте Вам помогу.

Она сначала не хотела отпускать сумку, видимо, боялась... Страх, что украдут, недоверие. Конечно, когда человека не знаешь, доверять сложно. Помню, мой дядя тогда предостерег:

- Ты знаешь, тебя могут неправильно понять. Осторожно с этим.

Сейчас в городской жизни каждый боится другого: ну как за улыбкой скрыт злой умысел, подвох. Хотят кинуть, обокрасть. Чтобы человеку верить, его нужно знать на несколько поколений вглубь. Вот это, наверно, и есть наша сила. А в городе человек становится безликим, опасным. У нас любят вспоминать один случай: имам в мечети «пустил воздух». Он покинул селение, не смог там жить, смотреть людям в глаза. Через тридцать лет вернулся в надежде, что всё забыто. На окраине села у пробегающего ребёнка спрашивает:

- Сколько тебе лет?

— Точно не знаю, сколько, но говорят, я родился спустя двадцать пять лет, после того как имам «пустил воздух».

- Имам понял, что ничто не забыто.

У нас считают, семь поколений будут помнить о хорошем или низком поступке человека, указывать пальцем на его наследников. Поэтому стараются поступать обдуманно, взвесив предварительно все за и против. На свадьбе, на похоронах, в быту, в гостях представители голубой крови ведут себя выше, достойней. Они образец поведения горцев. Они безукоризненно соблюдают адаты до сих пор.

В России ещё очень много пьют. Наверно, это трагедия русских. В Тверской области жила месяц, мне было за людей просто обидно. Там столько плодородных тучных земель, столько скотины можно держать, столько возможностей вести хозяйство, зарабатывать деньги. А люди в деревнях голодают и пьют. Я ходила в лес, и до слёз жалко: огромные крепкие деревья свалены, гниют там. Вы видели, какой у нас бедный, высохший травостой? Когда рассказывала в Твери, что моя корова даёт три литра молока, и я радуюсь, они не верили. Там с одной коровы надаивают до тридцати литров в день. Мой родственник надсмехается:

- Ради чего корову держишь?
- Магомед, забыл, что ты сам родом из Дагестана, как у нас держат скотину?

Там трава сочная, по пояс — бурёнка ест и отдыхает. А наши коровы, будто тверские телята, лазают по голым скалам в поисках съедобного клочка. У нас ведь все помыслы о земле... Горцам объявили: «Сколько отмерите, столько земли и выделим». Один пробежал немного, остановился, там ему и отрезали. Другой скакал, пока лошадь не стомилась, потом ещё бежал, сколько хватило сил, там поставили границы его участку. Третий скакал, пока не загнал жеребца, затем бросился бежать, чувствует: силы уходят, запнулся, упал. Папаху с головы сорвал и кинул

вперёд: «Там отрезайте!» Но это — мечта, сладкий сон... сказка! В реальности иначе: «Горец пошёл на своё поле. По дороге устал, решил прилечь. Снял бурку, расстелил на землю, лёг. Отдохнул, поднялся. Осматривается кругом: «Где же моя земля. Вроде уж должен прийти». Поднимает бурку, а его поле оказывается под ней». Такие участки у дагестанцев. Дороже земли у нас нет ничего. Цена её в старину определялась так:

— Землю продаёшь?

— Да.

— Сколько стоит.

— Загоняй сюда овец... Плотнее давай. Вот та земля, которую закрыла отара, — твоя.

Дагестанцы бесконечно любят и ценят свою землю.

А то, что горцы вспыльчивы, так не могут все быть одинаковыми.

Скучно будет.

P. S.

Всё могут короли, всё могут короли,
И судьбы всей Земли вершат они порой.
Но что ни говори, жениться по любви
Не может ни один, ни один король,
Не может ни один, ни один король. [2]

Неправда, будто бы в Дагестане никто не женился по любви!

Солнцеликий имам Шамиль — избранный духовный правитель — не стал в угоду своему тухуму жениться на сестре, на тётке, на бабушке... Лишь бы сэкономить калым.

Нет.

Шамиль пренебрёг древними адатами, указаниями шариата, законами гор и женился по любви! Женился на обворожительной красавице. Женился на девушке другой веры! Женился на христианке, прожив с ней в согласии и счастье до конца своих дней.

Примечания:

[1] По данным Росстата в 2009 году в России в среднем на 100 браков приходилось 58 разводов (в Дагестане на 100 браков 18 разводов).

[2] «Всё могут короли» песня 1976 года из репертуара Аллы Пугачёвой.

*

Праздник первой борозды

Отпусти рыбу назад в море, она не оценит. Бог оценит.

Арабская пословица

Дагестанцы знают толк в труде и уважают труд.

В пословицах, поговорках отразился житейский опыт народа: «Сделанное при пахоте — найдёшь при молотье», «У кого летом не кипел мозг, у того зимой не кипит котёл», «Землю уважай, да будет урожай». Есть и праздники, прославляющие труд на земле. «Праздник первой борозды» является символом победы жизни, тепла, света над злыми чарами зимы. Для бежтинцев он — ботоз, для азербайджанцев, рутульцев, агульцев — наврус, для аварцев — оц-бай (запряжка быка), для нагайцев — сабантуй, для даргинцев — кIубахруми... Къурдаккаву — у лакцев и къуьгъвер сувар — у лезгин. Каково?! К концу праздника весь именной ряд не в состоянии вспомнить уже никто. Да это и неважно, ведь суть одна: нужно уметь радоваться солнцу, весне, радоваться жизни, ценить каждый её миг. В старину в Ретлобе весной сперва проводили сохой борозду и сажали на землю пленника, спустив портки. Если он скажет, что почва тёплая, все сельчане выходили на пахоту. [1] Земля поспела.

Шамсудин рассказал мне, как ботоз проходил в Бежтинском районе в этом году:

— Уже за год выбирается гибиль — тухум (род), который берёт организацию праздника на себя. Во всех семьях, начиная с зимы, готовят для стола лучшие куски сушёного мяса, домашнюю колбасу, всяческие сладости, накануне праздника режут барана или хотя бы птицу. С вечера устраивают семейное угощение с приглашением родственников, соседей. Гибиль-организатор готовит на убой быка.

А начинается праздник первой борозды так...

Первую борозду проводит зажиточный пахарь с баракатом в руках, который слывет человеком порядочным, благородным, везучим. Он должен быть крепким, иметь много детей и жить в ладу с женой. Бывало, из года в год, первую борозду проводит один и тот же человек: ему доверяют односельчане, он пользуется у них уважением, почётом, общепризнанным авторитетом. Избранный горец особо ухаживает за быками: чистит их, кормит сытно, смазывает жиром рога, готовит соху, плуг. Не каждый крестьянин соглашается прокладывать первую борозду — некоторые побаиваются обвинений со стороны односельчан в случае недорода поля, неурожайного года. В пути на пашню остерегаются человека с плохой репутацией либо рыжего. Считается хорошей приметой, если встретится односельчанин с полным кувшином воды. Зная это, женщины выходят из дому навстречу с полными кувшинами. Крестьянин одевает шубу мехом наружу: сколь густа шерсть на шубе, так же много поднимется колосьев на поле.

Мулла читает молитву:

Пусть будет плуг счастливым,
Пусть год будет урожайным,
Пусть лето будет полным,
С неба дождь да будет проливным,
Из земли урожай обильным,
Дождь и солнце живут в согласии,
Так сделай землю плодородной, Аллах!

Когда пахарь начинает борозду, его обрызгивают водой и хором произносят: «Да будет богатым урожай, да пойдут дожди так!» Жертвенное запахивание каши, хлеба, яиц обещает щедрый урожай зерна. Вслед за ритуальной бороздой идёт сеятель. И его обрызгивают водой, приговаривая: «Да будет хорошая погода, да будут тёплые дожди, мягкое солнце, да будет обильным урожай!» В некоторых сёлах перед ритуальной вспашкой пахарь после молитвы пьёт из рога брагу...

— Это уже интересней!

— ...Затем выливает её в ведро, поит запряжённых быков со словами:

Да будет большой урожай у всех,
Да будут быки и вся скотина здоровыми!

Праздник сопровождается танцами, исполняется песня сева:

Ранней весной зерно
Меряли мы гирдами,
Пусть возвратится оно
Осень к нам возами.
Сколько борозд на поле
Столько же возов пшеницы
Пусть в наших полях уродится!

Дальше — бой быков.

Загодя, когда водят на водопой, за ними наблюдают: как бьются между собой, кто верх берёт. Быки сами подбирают себе соперника. А люди смотрят, подмечают. Сперва проводят бои в «убани», — на бежтинском языке «отдельный квартал села». Бывает, десять, бывает, двадцать быков в убани. Определяют среди них чемпиона, после этого — бои между разными убани. Финальный поединок на празднике Первой борозды. За верёвку, привязанную к рогам, приводят пять-шесть бугаёв и устраивают бои попарно, пока не останутся два — самых могучих. Их специально выкармливают для боя: усиленно дают зерновые. Чистят. Моют. Им лет по пять-шесть... Пять лет — матёрый зверь. Весь джамаат села высыпает на поле и с гиканьем, окриками заводит себя и быков-гладиаторов. Быки чувствуют, для чего привели: их загоняют в круг, люди стоят цепью, чтоб звери не убежали, все подбадривают, подталкивают, гикают. Быки чувствуют: придётся драться, так не отпустят...

Бой быков — зрелище грозное...

Прежде чем сцепиться, быки, наклонив голову, сопят, раздувают ноздри, демонстрируют ярость, роют копытами землю, долго свирепо рассматривают соперника, изучают, морально давят на него. Затем медленно сходятся, упираются рогами, широкими лобешниками и — туда-назад, туда-назад. Никаких ударов, болевых приёмов, ничего нет. Новичкам сперва может показаться: очень гуманный бой у них. Они долго так стоят, толкаются, разошлись вроде, опять сходятся. Обнюхались, снова сцепились. В этом году Мозора, с белой отметиной на лбу, с разбегу как прыгнет на Оцеру... тот чуть боком повернулся — Мозора сразу его рогами под живот как подденет, как подбросит! У того копыта в небо — метров сорок летел, потом кувырнулся по мёрзлому склону до самой реки. Сам подняться на ноги уже не смог. Ребята быстро вниз с кинжалами, прирезали.

Бывает, быки дерутся часами. Побеждает тот, кто умеет ловко орудовать рогами, кровь пустить. Эта всегда победа явная. Тот бык, который проиграл, с рёвом убегает с поля. Люди — врассыпную из-под копыт. Победитель какое-то время соперника преследует, но недолго... Потом останавливается, гордо задирает голову, молча презрительно смотрит на всех. Чистая победа!

Хозяина быка-победителя качают на руках, награждают денежным призом. Ему особый почёт, как будто он отец быка. Такой почёт до следующего года, пока другой зверь не выйдет победителем. Бой быков — лишь один из элементов программы, ещё собачьи бои, скачки, национальная борьба, наподобие греко-римской, кидание камня... Берут гладкий булыжник в форме лаваша и метают в длину, кто дальше. Совсем мелкие пацаны проводят свои конкурсы: сжимают голой рукой трут, скрученный из сухой травы, поджигают и с горящим факелом бегут, кто дольше вытерпит...

Противоборство.

Не человек его выдумал, он лишь подсмотрел у природы, у Бога.

Даже материки трутся друг о друга. Бодаются миллионы лет...

Жмут, напирают, давят друг друга монолитными лбами побережий: «Кто — кого?!»

Слабые — крошатся. Осыпаются мягкими породами. Уступают. Отступают.

Сильные на время занимают места слабых и... всё по-новой.

P. S.

Однако цивилизация потихоньку дотягивается и до горных районов.

И не всегда она приходит с добром.

Хамид из Хивского района посетовал:

— Раньше на праздник “Первой борозды” съезжалось молодёжи-ии... дружно было, всю ночь веселились, на каждой улице жгли костёр. Сейчас редко где горит. А то ещё кто-нибудь обломает всем настрой: «Пойду домой, в “аське” посижу».

Примечания:

[1] А. К. Абдулаев, И. К. Абдулаев «Дидойский (цезский) фольклор».

*

Настоятель храма

— *Правда выше любого закона. А справедливость выше правды, но выше справедливости милосердие.*
— *Высоко задрал!*
— *И ещё выше есть...*
— *Что же может быть выше милосердия?*
— *Любовь.*

Фильм «Апостол»

Город Кизляр, Кизлярский, Тарумовский районы — места компактного проживания русскоязычного населения в Дагестане. Между тем русские уезжают: по информации администрации Кизляра, за последние десять лет доля русского населения в городе сократилась с 70% до 40%. Настоятель Свято-Георгиевского храма Кизляра игумен Юрий (Пальчиков), встретился со мной:

— Говорить о том, как нам здесь живётся... Могу сказать так: всё, что происходит с нами, вокруг нас, не бывает случайным. Господь благословил меня здесь жить, здесь трудиться. Слава Богу! Имя Бога можно славить везде и всюду. Почему? Потому, что православные храмы открыты даже в Иране, и, если правильно понял, строится в Арабских Эмиратах. Это тоже о чём-то свидетельствует. В советские годы в Дагестане действовало пять православных церквей, сегодня — пятнадцать. Все пятнадцать русских православных церквей и монастырь входят в Бакинскую и Прикаспийскую Епархию Русской Православной Церкви Московского патриархата. Поэтому как нам? Мы есть, мы трудимся, мы служим, мы молимся, мы кормим тех людей, что здесь живут... А говорить о том, легко или нет, кому сейчас легко?! Где сейчас легко? Из глубинки России, из центра, из той же Москвы, Рязанской области довольно-таки часто доносится: «убили священника», «ограбили храм». У нас таких происшествий не было. И верю, не будет! Я думаю, люди, которые придерживаются традиционного ислама, прикладывают максимум усилий, чтобы баланс поддержать. Когда идёт общение на бытовом уровне, мы же не задаём вопрос «А кто ты по национальности?», «Во что ты веришь?», «Как молишься?» Мы общаемся. И успешно общение складывается с кем? С людьми порядочными, доброжелательными. Хам не нужен никому. Кем бы он ни был, каким бы он ни был. У нас на местном телеканале каждую пятницу выходит православная передача «Духовное наследие». Передачу показывают синхронно с трансляцией из мечети города Кизляра. Наши проповеди об одном: Бог есть любовь; Бог ждёт от нас послушания, смирения, кротости, терпения. У каждого народа много добрых хороших традиций, беда в том, что мы утратили много традиций русского народа. В моём детстве на стене у бабушки висели портреты, и я знал, кто это. Теперь молодёжь едва ли знает, кем был его прадедушка по отцовской, по материнской линии, где и когда родился, чем занимался. Это печально. Народ, который не читит свою историю — пропащий. Забыли, что мы православные. Стали увлекаться иными религиями. Вот если наш народ сможет вернуться к своим истокам...

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа? [1]

Нам, русским людям, создавать бы семьи, побольше рожать детей, передавать им православные ценности, не вывозить детей учиться за пределы России, благоустраивать жизнь здесь. Я родился в Махачкале, вспоминаю своё детство, юность: к нам очень много приезжало родственников, знакомых из Белоруссии, из Ставрополя, из Ленинграда, они всегда восхищались

тем, насколько здесь добрый, гостеприимный, хлебосольный народ, всегда поражались, что в общественном транспорте мужчина или юноша, совсем мальчик обязательно уступит место женщине, не говоря о пожилых людях. Чтобы в присутствии взрослого человека прозвучала бранная речь? Никогда. Люди из России садятся в автобус, платят за себя. В Дагестане по-другому: мы встретились с вами — я хочу, и я заплачу. Здесь не ходит в обороте мелочь, а в России каждую копейку сдачи пересчитают. Когда гости приезжают, начинаю возить их по благочинью, по Кизлярскому округу: там что-то строится, здесь к детишкам пришли, в дом престарелых заехали... Самое сложное вытащить их сюда, но коли удаётся, на прощанье, все твердят одно и то же: «А мы слышали другую историю, открыли для себя совсем другой Дагестан». Благодарю Бога, что я монашествующий священник, смело, не переживая, не думая ни о чём, могу носить духовные одежды — не переодеваться в гражданскую, светскую. Чувствую удовлетворение: я тот, кто я есть. Это немаловажно в жизни человека. В молодости, как и всем, мне хотелось перебраться поближе к центру... Сейчас нет. Я патриот Дагестана, люблю этот народ. И бывает больно, обидно, когда ты, будучи православным священником, начинаешь испытывать неприязнь, ущемления со стороны вроде бы православных людей. Помимо службы в соборном храме, окормляю кизлярских казаков — я у них окружной священник. Недавно был в Волгодонске, Ростовской области в командировке. Возвращался на служебной машине. Естественно, на номере регион какой? Ноль-пятый. Попался участок хорошей дороги, и мой водитель превысил скорость: вместо девяноста ехал сто десять. Нас останавливает гаишник... Понимаю, нарушать правила дорожного движения не допускается никому... В рясе тоже... Но существуют разные методы воздействия на нарушителей, да и сами нарушения разные: можно выписать штраф, можно сделать предупреждение... Так нет, встал вопрос об изъятии прав.

Я не смолчал, сказал милиционеру такие слова:

— Никогда не думал, что меня, православного священника, лишат возможности передвигаться на машине, произведут изъятие водительских прав у водителя на территории Всевеликого Войска Донского.

На что гаишник отвечает:

— Из-за таких, как вы, и нам здесь живётся беспокойно.

У самого ворот распахнут, на шее золотая цепь. Мой крест настоятеля, пожалуй, размерами скромней.

— «Из-за таких» — это каких?

— С «ноль-пятым»!

В России для многих мы чужие, хотя и русские. Таков имидж дагестанца...

Образ врага нужно менять.

Согласен с игуменом, образ врага надо менять...

Пора прекратить вживание в сознание губительной идеи о размежевании славянских и кавказских народов. Государственный деятель России Пётр Столыпин предупреждал: «Отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращённую на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

За последние два десятилетия ни один человек в беседе при мне ни разу! даже случайно не произнёс «Россия», подразумевая, в том числе, Дагестан. Ни здесь, ни там... Это неправильно. Мы — не иностранцы! Мы — единое целое. Вчитайтесь... Перечитайте мои путевые заметки. Вдумайтесь! И вы непременно согласитесь со мной. Пора открывать двустороннее движение: узнавать, уважать, открывать друг друга.

Примечания:

[1] Владимир Соловьёв «Ex oriente lux» Свет с Востока (лат.).

Бег

Жаркий хабар Светланы Русь

*Мы промолчали, когда он вошёл,
так он и осла ввёл.*

Арабская поговорка

Чечня, город Аргун.

Собирались мы скрытно, ночью. Из вещей — один узелок. В нём деньги, документы, фотографии... черепашка. Не могла оставить Марусю: завязала её в платок, она голову убрала в панцирь — свой домик — шипит... Нам дом в Чечне перестал быть крепостью, защитой... Зажав рот, разрыдалась... Мама обняла, прижала:

— Нельзя, Света.

Плач мой продолжался, не могла никак успокоиться, но звук отключила... Отец крадучись ходил по квартире, при свете фонарика последний раз проверял то ящики комода, то прятку, устроенную в подоконнике. (Это была моя идея её оборудовать, выручала не раз).

— Присядем на дорогу! — отец устало сел за круглый семейный стол, опустил голову.

За окном длинная автоматная очередь разрешила тишину. Отец встал, мы — следом, сыну я повязала платок (он у меня беленький), крадучись вышли. Квартира, гараж, все вещи остались. С одним узелком... На «Москвиче» до Гудермеса. Сынишку (отец настоял) прятали на полу. До Гудермеса добрались спокойно, на окраине «Москвич» бросили, пересели на другую машину, чужую, к знакомому отца. Границу пересекли под утро, всё обошлось спокойно. Сын на полу лежал тихонько, не плакал, ничего не просил. И в — Хасавюрт, оттуда в Тарумовку.

Через два месяца началась вторая чеченская война...

Между первой и второй войной я жила в Ленинграде. После окончания университета осталась там по распределению, к родителям приезжала в гости. Они рассказывали: «У нас по телевизору выступает Дудаев, говорит, что скоро на нас нападут российские войска, скоро будет война». Русскоязычное население смеялось: лучше бы на нас Франция напала, им бы сдаться и разом очутиться в Европе — всё принимали в шутку. Но потом чаще, чаще, чаще стали транслировать по местному телевидению выступления-страшилки Дудаева: «Россия ущемляет наши права, не даёт развиваться республике...», распространялись листовки: «Не покупайте дома у русских! Они скоро уедут, дома достанутся нам бесплатно». Первыми стали выезжать армяне и евреи. Потом потянулась из республики интеллигенция, чеченская тоже уезжала. А навстречу другая волна: с гор спускались люди, покупали дома у русских за бесценок. Отец уже давно убеждал мать:

— Давай уедем!

— Не-ее, это просто так.

— Не просто!..

— В России нет ничего, помидоры нужно в валенках выращивать. Это политики войну затеяли, здесь люди хорошие.

Прессинг потихоньку нарастал: «Вы русские, такие-сякие!» Сталина, советскую власть вспоминали проклятьями... Русским девочкам по улицам ходить стало опасно. Сигналили, приставали, силком затаскивали в машину, увозили в Джалку — зону отдыха на берегу одноимённой речки, правого притока реки Аргун. Всем стало опасно. Когда в Аргуне началась война, родители испытали на себе и артобстрел, и бомбёжки. Мама вспоминала: «До такой

степени надоели эти бомбёжки, просто сидела и шила: будь, что будет, не спускалась в подвал. Надоела постоянная беготня!» В школе русский не преподавали, занятия шли на чеченском, но мать свято верила: «Утрясётся, утрясётся». В 92-м действительно ввели русские войска. Они шли через Шалинский район, через наш город Аргун... Прошло ещё лет шесть. Я вышла замуж, родила двух сыновей, и тут мама звонит: «Приезжай в гости, у нас спокойно». Я с детишками туда. У нас никогда не закрывались двери: пятиэтажка, верхний этаж, под крышей жарко, и всегда сквозняк напрямую. Однажды сын вышел гулять, забегает соседка:

— Света, вашего сына камнями забивают.

Я на двор, смотрю точно: ватага местных мальчишек — на него одного.

Но это происшествие не восприняла всерьёз...

Летом семьёй поехали гостить к тётке в Тарумовку, и старшего сына оставила у неё, а с младшим, с родителями вернулись в Аргун. Отец погнал машину в гараж, мы стали подниматься к себе. Отца спустя час привели под дулом автомата четыре вооружённых чеченца. Оказывается, в гараже ждала засада, отца арестовали, предъявили удостоверения... Как наш КГБ в Союзе, только в Ичкерии. Стали квартиру обыскивать. К тому времени заводы не работали, отец с матерью, чтоб выжить, занимались пошивом трикотажных женских халатов: лекала имелись, мать у меня швея; они постоянно ездили по соседним регионам — в Дагестан, Азербайджан — торговать. Машина у нас, старенький «Москвич», куплен ещё в советские времена у сотрудника КГБ. (Всё это они пробили, знали.) И спецслужба Дудаева всё связала: ненавистное им КГБ, «Москвич», поездки... И отцу — обвинение: «Ты работаешь на российскую разведку, ездишь по нашим стратегическим объектам, собираешь данные». «Разведчик!» смешно сказать, отец — простой работяга всю жизнь.

— Собирайся с нами в Грозный!

Соседи увидели, что его арестовали, подняли шум. Мать отца не отдала:

— Поеду с ним.

Я осталась с маленьким сыном на руках, без родителей. Вот тебе и «тихо-спокойно».

Мне соседка вдруг:

— Света, выйди на улицу.

Я спустилась — полный двор народу. Люди из нашего, из соседних домов. Многих не знала, заселились недавно, но старые соседи тоже были. Они-то хорошо знали меня и родителей, что никогда никому плохого не делали.

— Света, прости, что так получилось! Мы его найдём.

Пригласили мэра города. Он сразу приехал, разузнал, как? что? Потом с кем-то созванивался. В итоге выяснил: отец находится в организации какой-то... независимости. В спецслужбах, их допрашивают, сейчас отпустят. Соседи решили не расходиться. Пока родители не вернулись, сидели на лавочках во дворе, ждали. Ближе к вечеру приехали отец с матерью.

Соседи обступили их:

— Извините... Никто не хочет вас выгонять. Недоразумение вышло.

Домой зашли, отец впервые закрыл дверь на ключ, и слово за словом восстановил весь допрос: Сказали: «Или даёшь шесть тысяч долларов, или мы на тебя заводим дело об измене Республике Ичкерия». Говорю: «У меня денег нету». — «Тогда мы временно тебя отпускаем, а завтра приезжай сюда заново, к двенадцати... и привези дочку».

— Зачем? — встрепенулась я.

— ...«Зачем?» — спрашиваю. — «Мы знаем у неё муж военный лётчик, хотим пообщаться, надо кое-какие данные разузнать».

— Я никуда не поеду.

— ...Нужно всем сегодня же ночью бежать.

И мы — в Дагестан, в Тарумовку. Бросили всё, прям пожар. Это был не выезд — бегство. Отец с матерью стали присматривать для покупки дом. Я не соглашалась:

— Давайте уедем дальше, в Россию. Мы не местные, настанет время, сызнова придётся с одним узелком убегать от смерти.

Мама мне:

— В Дагестане нефти нет, республика дотационная, никому не нужна!..

А нынче, похоже, и здесь события раскручиваются по тому же сценарию, тишком-ползком — листовки стали появляться, обходят вечерами дома: «Не собираетесь ли продавать?» Цены на недвижимость, думаю, здесь тоже скоро упадут. Всё начинается точь-в-точь, как тогда в Чечне, перед второй войной. Поднимают вопрос, чтобы в школах носили косынки, отвели время для намаза, хотя это светское учебное заведение.

Отец у меня теперь учёный:

— Когда начнут уезжать армяне, евреи и нам нужно следом.

Русские, кто может, потихоньку уже сматываются, отток пошёл. У меня сын в девятом классе. Из двадцати восьми человек только трое русских осталось, а ведь Тарумовский район когда-то весь считался русским. Ситуация постепенно нагнетается: сигнальщики стали, цеплять... Проезжают мимо — выкрикнут что-то обидное. Непокойно стало ходить в вечернее время. Вчера от матери иду в сарафане, плечи открытые... раньше сроду никто не трогал, дела до этого не было... А тут... Появилось много переселенцев с гор, вроде как «спустились за солью», сначала молчком присматривались, а сейчас, по мере увеличения их доли, начинают диктовать своё. И в форме категоричной, ультимативной. Они не приемлют наш быт, веками устроенный. У них свой уклад, традиции, религия. А нам приходится молчать. Если хочешь говорить правду, вставь ногу в стремя. (Руйхор элла рокIкьо рохънIй, пухIю гулу бичир бохънIй. — аварская посл.)

Войны нет. Пока нет. Идёт тихая паучья возня.

Господи, неужели и отсюда придётся бежать?

P. S.

Русские, действительно продолжают уезжать из Дагестана, в горных районах русских почти не осталось. В этом отношении я даже представлял собой некую диковинку, невидаль. В Казбековском районе горянка, преодолев заметное смущение, обратилась ко мне с необычной просьбой:

— Вы, правда, из России?

— Да.

— Можно Вас потрогать.

Один и тот же пограничный наряд в горах дважды перепроверял мои документы:

— Товарищ старший лейтенант, что-то не так?

— Если б сейчас видели себя со стороны, Вы ж как Дед Мороз летом.

*

Чёрная королева

Хабар о прекрасной шахматистке

*Два горца режутся в шахматы.
Один ходит королевой:
— Мат.
Другой берёт короля и с треском
грохает на доску:
— Атэц!*

NN

- Познакомить тебя с шахматной королевой? — спросил Мухтар Гереев.
— Как это?
— Ну, девушка у нас есть, Бика, международный шахматный призёр и всё такое...
— Она участвует в заочных турнирах, не видя партнера?.. По переписке?
— Нет. Обычно.
— Хочешь сказать, сидит за шахматной доской под светом юпитеров, в присутствии прессы, судей, зрителей?.. с открытым лицом?! Передвигает фигуры своими руками?
— Да.
— А что, Казбековский район вышел из состава Дагестана?
— С чего ты взял?..
— Не знаю, как-то неожиданно...
— Понял тебя! Сейчас поедем, сам убедишься.
— Будем с ней общаться через ширму?
Мухтар согнулся в хохоте, а мне было не до смеха.
Я ехал на встречу с юной шахматисткой, не в силах представить себе нашу беседу. Всё-таки Восток — и вдруг такая вольность: девушка покусилась на мужскую привилегию. Скорее всего, лица не покажут, от силы — младенческое фото, а переговоры от её имени будет вести мулла...

Мне по личному опыту знакомо поистине магическое очарование этой царской игры, однако до сих пор не случалось встречаться с шахматистами выдающимися — гениями особого рода, коим полёт фантазии, стремительная мысль логики, интуиция, вдохновение и упорство, изящество и точность свойственны не менее, чем математикам, поэтам и композиторам. Шахматам присуща внутренняя красота, тонкий, странный на первый взгляд манёвр, дарующий «сверхъестественное» спасение во внешне безнадёжной ситуации. Сладость шахматной победы и отчаянная горечь поражения были известны посвящённым задолго до того, как профессионалы научились разрабатывать эффектные комбинации, глубоко-стратегические дебютные схемы или умышленно жертвовать фигуры, разыгрывая гамбит. [1] Одолеть соперника в интеллектуальном единоборстве, в режиме жёсткого цейтнота, [2] силой разума — заветная цель мастера. Утверждают, что во время шахматного соревнования «гроссмейстер — тигр на охоте и монах одновременно». [3] Здесь слабые духом побед не имут!

У благодарной публики блестящий ход неизменно вызывает эмоции, подобные отклику чуткого сердца на выдающееся произведение искусства. Не существует игры более величественной, загадочной, обманчиво-статичной. Она всегда под рукой для желающих просто развеять скуку, будто послушная, верная, нетребовательная наложница. Но рабыня превращается в

сказочную принцессу для тех, кто к аристократической утехе относится, как к священнодействию... Кто способен проникнуть в мысли и чувства деревянных или костяных безликих фигурок. Кто научается видеть скрытые обычному глазу кровавые драмы сильных мира сего — вершителей наших судеб. Предугадывать коварные интриги чужеземного королевского двора, распутывать нити заговора своих придворных. Кто может шагнуть в неведомое тихое зазеркалье и... до предела!!! Сжав время! покорить бесконечность космоса... Тому открывается целый волшебный мир!

Неизвестно имя божества, подарившего Земле эту единственную в своём роде, гениальную головоломку. По воле какого рока люди, причастные к этому эзотерическому таинству, манипулируют участью тридцати двух бессловесных символов? Слово «шахматы» произошло от персидского «шах мат», что значит «властитель умер»... Властитель умер — шахматы бессмертны! Нет игры более древней. Существует гипотеза, что шахматы возникли пятнадцать веков назад в Северной Индии. Но чем больше обыватели стараются понять касту людей, именующих себя шахматистами, тем непостижимей кажется эта особенность человеческого мозга всецело сосредотачиваться на пространстве доски, сжатой до размера вселенской чёрной дыры, разлинованной на шестьдесят четыре чёрно-белых квадрата. Как бы там ни было, идея создания этой завораживающей игры могла прийти в голову лишь горцу, владеющему стеснёнными земельными наделами (навроде террасных участков, которые я видел в Дагестане), когда случайно буркой можно накрыть и свой клочок, и соседский. Изобретатель шахмат — человек, никогда даже одним глазком не видавший просторов России-матушки, понятия о такой роскоши не имеющий! О России с её бескрайними полями, степями, перелесками и пашнями, где, сколь ни трясись в дорожной карете — самой быстрой для своего времени, — за окнами одно и то же... Всё поля, степь да перелески до самого горизонта. Поэтому я недоверчиво отношусь к заявлению учёных: «Шахматы придумали русские, поскольку мат не только венчает — сопровождает игру».

Шахматы, шахматы...

Все великие народы приняли посильное участие в вашей судьбе: [4] арабы, следуя заветам шариата, отрубали головы верным и неверным за попытку «очеловечить» ваш лик — и в результате фигуры приобрели отвлеченную, символическую форму; католические и православные священники запрещали вас под угрозой отлучения от церкви, называя шахматы «измышлением дьявола», занятием непристойным, сродни пьянству; лишь евреи, как всегда, пошли другим путём: Моше Сфарди [5] включил шахматное искусство в семь наук, рекомендуемых рыцарству.

Бике семнадцать лет, но она уже чемпион!

Чемпион среди девушек, женщин и юношей Дагестана, обладатель кубка республики среди мужчин, член сборной России! Дом у Булатхановых просторный. И хлебосольный, как все дома Дагестана, где меня принимали. Нас встречал хозяин, отец Бики, — Абакар.

— Салям алейкум! — находчиво (так мне показалось) произнёс я, одним махом истратив весь свой запас общедагестанских слов.

— Ваалейкум ассалам! Мы ждём, — Абакар проводил нас в гостиную.

Я огляделся: в комнате, устланной коврами, почётное место занимал сервант с призовыми кубками, медалями, дипломами, грамотами; на журнальном столике застыли в недоигранной партии шахматные воины, рядом книжки по теории. От крупных белых и чёрных деревянных фигур, покрытых лаком, исходило тепло. Я бережно взял в руки чёрную королеву... Казалось, она многое могла поведать. Послышались отдалённые шаги. «Она?! Живьём! Очевидно, мои сведения о Кавказе сильно искажены», — мелькнуло в голове. Стройная восточная дева с умным пронзительным взором больших карих глаз зашла в гостиную. Нас познакомили. За обедом разговор шёл, безусловно, о шахматах.

— Бика, испокон веков на Востоке принято считать, что женщина не способна высоко мыслить. Переноска грузов и продолжение рода — вот её участь. Но шахматисткой!?. Помогите развеять этот миф.

Отец сверлил её глазами, Бика сидела прямо, напряжённо смотрела в стол. Пауза затягивалась, наконец, взгляд отца одобрительно смягчился, и она заговорила:

— В садике я научилась играть в шашки, а в шесть лет меня посадили за шахматную доску. Показали в последний момент, как перетащить королевскую пешку с e2 на e4...

Отец нетерпеливо провёл рукой по ёжику волос:

— Я работал завучем. На районную спартакиаду выставляли команду от школы, а шахматистки у нас не было. Думаю: пусть наша девочка формально примет участие, чтобы команда не получила штрафные очки. (К тому же в возрасте пяти лет дочь одержала верх по шашкам в районе среди женщин всех возрастов.) Бика заняла место участника, я не успел отойти, слышу — зовёт: «А чего она играть не хочет? “Мат” какой-то говорит». Оказывается, ей в три хода поставили «детский мат»: e4 e5, Фh5 h6, Сс4 c5, Фf7! Дочка тогда не знала, что такое «проигрыш». Вечером достаёт из шкафа старые семейные шахматы: «Папа, покажи, как задний ряд ходит». С этого всё началось. Я расставил фигуры: «Ну, смотри: сражаются два войска “белое” и “чёрное”...» — Абакар встал, подошёл к журнальному столику и перенёс на обеденный шахматную доску.

— Вы позицию не нарушите? — поинтересовался я.

— Ходы записаны. И так, в каждом войске по восемь пешек, две ладьи по краям — вот эти, как сторожевые каменные башни в горных аулах, два слона, два коня и ферзь. Во главе рати — король. Дочь разглядывает доску: «Где же королева?»

Бика смущённо улыбнулась.

— А королевы, — говорю ей, — не бывает. Рядом с королём всегда «ферзь» — самый влиятельный первый министр. Визирь! Война — не женское дело. Дочка у меня с характером: «Вот и неправда! Мама рассказывала про девушку, которая надела боевой шлем, кольчугу, обнажила острую саблю и встала во главе джигитов, когда полчища Тимура напали на Дагестан». И правда, была в Дагестане такая народная героиня. Звали её Парту Патима! [6] Мы даже стихи о ней в школе учили наизусть.

Абакар на секунду оставил нас и вернулся с томиком в руках:

Герои на битву собирались в Кумухе.
Глядели им вслед старики и старухи.
Невесты и жены подарки несли
Защитникам смелым отцовской земли.

В доспехах военных, в кольчуге и шлеме
Парту Патима появилась пред всеми.
Она прилетела быстрее огня,
Плясать под собой заставляя коня.

«Привет вам, джигиты, идущие биться,
Чтоб землю отцов защищать от врагов!» —
«Привет и тебе, наша смелая львица,
Геройством ты всех превзошла смельчаков!»

За соколом реет орлиная стая,
За девушкой-воином скачет отряд.
Скакун под ней пляшет, гордится, считая,
Что вслед ему с завистью кони глядят.

— Пришлось даже книгу раздобыть! — он усмехнулся. — Действительно, это ведь наша история. Только в шахматах всё же королев не бывает... Но Бика, упрямец такая: «Всё равно буду называть королевой!»

— И что же дальше, Бика?

— Сначала папа учил, затем дядя — у него первый разряд. Потом записали в шахматную школу... Девчонки из сборной жалуются: по шесть-семь часов тренируются ежедневно. А я не

могу подолгу. Обычно час в день. Иногда со старшим братом сыграю, других охотников дома нет. Брат всегда проигрывает.

— Но ведь ему неинтересно так.

— Каждый раз думает: «Сегодня точно повезёт!»

— А первые шаги? — пытался я развить успех беседы.

Отец всем телом подался вперёд:

— Да она, наверно, и не помнит. Я старался объяснить дочери доступно, как эти кукольные солдаты сражаются. Тут для них открыты перевалы, проложены дороги, тропы, как у нас в горах. Только называются иначе: прямые ряды, в которых чередуются разные клетки, то тёмная, то светлая, — линии, а цепочки одного цвета, уголок к уголку — диагонали. Безымянные пешки первыми поднимаются в атаку, в самых горячих точках битвы рубят врагов направо-налево. Им дан приказ: «Вперёд, ни шагу назад!» Почти все они гибнут во славу короля и навеки исчезают с «лица доски». Лишь самой бесстрашной и везучей пешке иной раз удаётся преодолеть всё поле и ворваться во вражеский редут. За такой подвиг ей присваивают звание «ферзя». Шахматы на доске живут и воюют по-настоящему, но ни одна фигура не в силах шага ступить, пока закрыт проход. Ни одна, кроме коня. Если оседлал его настоящий джигит, конь птицей перелетает военный строй. Ходит вот так: на одно поле прямо и наискосок, в любую сторону...

— И что дальше, Бика?

— ...Шахматная группа открылась, — не унимался счастливый отец. — Из-за дочери, чтобы выезжать с ней на соревнования, пришлось место работы поменять, перешёл в спортшколу.

— Бика, расскажи о первых крупных соревнованиях.

Девушка, сжав губы, посмотрела на отца, тот обречённо вздохнул.

— Поехали с папой в Махачкалу на первенство Дагестана. Возрастная группа «до 12 лет». Мне было одиннадцать. Играла за район, получила первое место. Оттуда направили в Южный Федеральный округ. Шахматы — игра сложная. На каждый ход найдётся пять-шесть вариантов ответа, на любой вариант — свои пять-шесть. Правила жёсткие: «тронул — ходи», «руку отнял — ход сделан». Нужно в уме вперёд на несколько шагов тщательно продумывать, взвешивать.

— Тебе помогает это в жизни?

— Её жизненные ходы определены волей родителей, — с гордостью ответил глава семьи.

— Так?

Бика кивнула, и опять в гостиной надолго повисла тягостная пауза.

— Ну, пускай тогда папа скажет, что чувствует дочь. Ему виднее: о чём волнуется? Переживает ли?

Абакар радостно оживился:

— Ещё как переживает! До истерик доходит.

— Посуда летит?

— Не, не... Замыкается в себе. Начинает плакать. Особенно когда ситуация в миттельшпиле [7] выигрышная, но то ли времени не хватило, то ли опасный ход пропустила... Тогда и я психую. Когда Бика выступает за команду, ответственность увеличивается, и она больше очков набирает, чем на личных турнирах. Партия иногда длится по пять часов. И там, кроме всего прочего, нужно крепкое здоровье. Высокий спортивный уровень с возрастом стало поддерживать тяжело. Сейчас она выигрывает, но с трудом: нет должной подготовки физической, не хватает теоретической — на сборах не бываем. Шахматы в Дагестане на остаточном принципе: Москва требует олимпийских чемпионов, и все деньги уходят на борьбу, на бокс. На шахматы — что останется. После того как она вышла на Европу, с деньгами стало полегче: её финансирует Москва, я себе сам ищу. В прошлом году в Избербаше выиграла мужской кубок Дагестана, участвовало около ста мужчин.

— И что кричали джигиты, когда она снимала с них скальпы?

— По-разному. Не всем мужчинам легко пережить такое. Есть те, кто скандалят: «Почему пустили женщину в мужской турнир!!!» Хотя правила ФИДЕ это допускают. Наоборот — нет.

— Выходит, Бика перевернула вековые представления аксакалов о горянке?

— Пророк Мухаммед, мир ему и благословение, в своих суннах, [8] хадисах [9] наказывал «не давать власть женщинам, поскольку они живут чувствами, а не разумом».

— А, может, он заявил так, потому что не играл в шахматы с Бикой? Разве не сам Аллах, отдавая девушке пальму первенства на мужском турнире Дагестана, посылает мусульманам знак?

— ?.. Московский международный турнир выигрывает три года подряд.

На полке мерцали позолотой кубки с надписью: «Московский шахматный фестиваль MOSKOW OPEN 1 место», пожалованные Бике богиней-покровительницей, музой шахмат Каиссой.

— Ей было лет девять, когда мы поехали на чемпионат России в Ессентуки. За два часа до матча вывесили результаты жеребьёвки: кто с кем играет. Мы стоим с дочерью у списка, подходит девочка, маленькая такая, с тренером. Тот её спрашивает: «Посмотри, с кем играешь? Я очки не взял» — «Бу-лэт-ха-нова Бика. А... баран из Дагестана. Устрою ей блицкриг», [10] — и ускакала на одной ноге, довольная такая...

«Ты когда превратилась в ферзя, о пешка?» [مَتَى فَرَزْنَتْ يَا بَيْدَقُ؟] (араб.)]

Бика начала закипать, я осаживаю:

— Через два часа первый тур. Возьми себя в руки, там докажи, что она неправа.

Игра закончилась. Та девочка понуро выходит из зала, плачет. Следом Бика... По её лицу никогда не понять: победа или поражение. Гляжу, Бика догоняет соперницу, шипит ей в лицо: «Дагестанская овца умнее, чем костромская свинья». Потом они подружились, часто вспоминают этот случай, смеются. И девочка стала взрослей, изменила мнение о Стране гор.

В прошлом году в Сербии, в Суботице, разыгрывался кубок Европы по быстрым шахматам и блицу. Участвовало сто двадцать три страны. Одновременно состязались полторы сотни спортсменов одного возраста. Восемьдесят столов! Обстановка, прямо скажем, боевая. Болельщиков, тренеров в зал не пускали, но в холле через монитор можно было посмотреть любую партию. Тут же именитый мастер каждый поединок комментирует, разбирает по косточкам. Одна красивая итальянка просит:

— Show me a table eleventh, please! [Покажите, пожалуйста, одиннадцатый стол! (англ.)]

Я замер: за этим столом — моя дочь. Играет, оказывается, с воспитанницей этой дамы. Выводят картинку на монитор. Сидит наша девочка. На табличке надпись: «BeKa, RUS». (За границей для них — мы все русские.) Судья комментирует:

— У русских проигрышная позиция. Игру продолжать бессмысленно.

Эндшпиль. [11] Партия. Бика выиграла.

Второй день. Точно такая же ситуация. Опять на мониторе — «BeKa, RUS». Гроссмейстер:

— Такое впечатление, что русская до этого в шахматы не играла. Теорию абсолютно не знает. Проигрывает.

Партия. Бика выиграла.

Третий день. Комментатор там один. Его просят: «Такой-то стол включите». Опять — «BeKa, RUS». Он сделал паузу и уже неуверенно:

— Русская играть не умеет, но... всё равно выигрывает.

В шахматном мире все друг друга знают. Редко бывают сюрпризы.

Мне долго никто не верил, что у неё нет собственного тренера. Сюда в село специально приехал международный гроссмейстер, Виктор Варавин. Его направила шахматная федерация, чтобы хоть чуть-чуть позанимался с Бикой теорией. Жил у нас несколько дней, поставил ей дебют [12] чёрными. Обычно чёрными не идёт речь, чтобы выиграть, главная задача — сделать ничью или если сыграл пять партий, хотя бы 2,5 — 3 очка набрать. Виктор уехал, а она с помощью домашней заготовки стала подряд все партии выигрывать. С тех пор её любимая фигура — чёрная королева. Она приносила ей победу, как легендарная горянка ополчению Дагестана:

Две рати столкнулись, порядки построив,
Как будто упала на гору скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла.

Вкруг шлема обвив свои косы густые,
По локоть свои засучив рукава,
Туда, где противники самые злые,
Летит она с гордым бесстрашием льва.

Направо взмахнет — и врага обезглавит,
Налево взмахнет — и коня рассечет,
«Ура!» закричит — и джигитов направит,
«Ура!» закричит — и помчится вперед.

А время проходит, а время уходит,
Монгольское полчище хлынуло вспять.
Своих седоков скакуны не находят,
Спасается бегством Тимурова рать.

— Но так бывает только в эпосе. А в жизни и шахматах главный — король.

«С той лишь существенной разницей, что в жизни одного мата недостаточно для отставки непопулярного короля», — подумалось мне.

— Бика, можно я тебя сфотографирую рядом с наградами?

Девушка замерла.

— Встань там, — повелел отец.

Бика послушно встала.

Я щёлкал фотоаппаратом, а сам размышлял вслух:

— Интересно, как бы сложилась судьба горянки, шахматистки от Бога, если бы она родилась в Дагестане лет сто назад. Если б осмелилась посягнуть на забаву шейхов, нуцалов [13], сардаров [14], уцмиев [15]... мужиков, одним словом?

— Да уж... — растерянно произнёс Абакар. — За эти десять лет мы с дочерью объездили всю Россию, Европу. Её сверстницы в селении не имеют такой возможности и, наверное, никогда ничего подобного не увидят. Много зависит от взаимного доверия. У меня доверие к дочери есть.

— А ежели доверие есть, могу ли я с ней поговорить наедине?

— ? ?.. ?!. Да... м-мможете, разумеется, — Абакар как-то весь осунулся, постарел разом лет на пять и, не оглядываясь, медленно вышел.

— Папа прав. Если б не он, ничего бы я не достигла. Другие члены сборной России, девочки, которые из Москвы, конечно, живут не так. Меня контролирует брат: делает распечатки телефонных разговоров, проверяет, кому звонила, сколько минут болтала. А им родители позволяют всё: в Интернете лазить по любым сайтам, открыто курить, свободно выпивать, самим выбирать парней. Ну и что?.. Разве этим они лучше, счастливее? Скоро будет чемпионат мира в Греции. Я член сборной России. Мне оплатят поездку из Москвы. Если папа найдёт для себя деньги спонсоров, чтобы тоже поехать, я буду участвовать. А так — нет. Дома останусь. Одну не отпустят. И заменить меня некому — из Дагестана никто не включён.

Всё же... настоящая королева есть и в жизни, и в шахматах. Бывает, когда всё зависит именно от неё, — улыбнулась Бика. — А король без королевы — полукороль!..

Утро туманное, мгlistое пронзил первый златой луч солнца...

Заиграл, заблестал на жемчужных горных вершинах, на заточенных пиках копий, на чешуйчатых кольчугах и ратных шлемах. Две армии плотными рядами выстроились на краю альпийской долины друг против друга: конница, боевые слоны, пешие войска, лучники сторожевых каменных башен и даже короли противоборствующих государств — чёрный и белый — Их Величества собственными персонами. Нетерпеливое ржание, храп боевых коней, лязг стальных доспехов, короткие приказы юзбаши [16] медленно, но верно закручивали тугую пружину предстоящей баталии...

Белые должны нападать первыми. Над вражьими полками парили, словно птичьи боги, горные орлы. Гортанный клёкот их разгонял в испуге вороньё.

Рядом с чёрным королём — его королева в кольчуге. Тугие косы, цвета ночи, едва вмещались под боевым шлемом. На поясе Её Величества позванивал кинжал, маленькая изящная рука блуждала по червлёной оправе. Жгучие глаза молодой серны торжествующе блистали, вглядываясь в сторону неприятеля, гибкий стан её завораживал взоры аскеров... [17] Казалось, вся она слита из тьмы и луны, из рая и земли. Нукер [18] держал горячего гнедого коня амазонки под уздцы, поправляя чёрную бурку, притороченную к вышитому седлу. Конь нетерпеливо пританцовывал на месте, зло раздувал ноздри и косил кровавым глазом на королеву: «Пора!»

Едва дрогнули ряды врагов, сделали первый шаг к битве, королева, коснувшись серебряного стремени, вскочила на верного коня, подняла его на дыбы, обнажила саблю и властно скомандовала:

— В бой!

И, прикипев к сёдлам, хлынуло её войско неукротимой лавиной.

Лишь огненные брызги из-под копыт да сполохи сабель в пыли...

С Бикой я полностью согласен: есть в жизни королевы.

Без них какой смысл?

Говорят, Восток и Запад никогда не сойдутся. Но ведь Россия — это и есть Восток и Запад. Когда Бика выступала в Казбековском районе, она защищала престиж родной школы. Когда участвовала в турнирах в Махачкале — представляла на уровне республики свой район. В Южном Федеральном округе и Москве играла за Дагестан. А на чемпионате Европы она уже отстаивала честь всей нашей великой страны.

Отстаивала честь России!

И гимн Российской Федерации звучал как неоспоримое признание миром её королевских заслуг.

Примечания:

[1] Гамбит (из ит. Выражения *dare il gambetto* — подставить ножку) — начало шахматной партии, в котором жертвуют фигурой или пешкой ради получения скорейшей возможности перейти в атаку;

[2] Цейтнот (от нем. *Zeit* — время и (нем. *Not*) — нужда;

[3] «Гроссмейстер — тигр на охоте и монах одновременно» — фраза чемпиона мира по шахматам с 1927 по 1946 годы Александра Александровича Алехина;

[4] Католическая церковь время от времени запрещала шахматы (например, Парижский собор 1200 г.; Людовик IX Святой подтвердил этот запрет). В 1061 году кардинал Дамиани издал указ о запрете игры в шахматы среди духовенства. В своём письме к папе Александру II он назвал шахматы «измышлением дьявола», «игрой непристойной, неприемлемой».

На Руси православная церковь также запретила игру в шахматы под угрозой отлучения от церкви, что было официально закреплено в кормчей книге 1262 года. В Новгородской кормчей книге 1280 года говорится: «Шахматы имети да ся останеши». Софийский сборник XIV века стоит на том же: «Аще поп играет шахы да извержется сана своего». В Домострое, который датируется XV—XVI веками, тоже имеется порицание шахмат: «Возрадутся беси и вся угодная творится им да также бесчинствуют и зернью и шахматы, и всякими играми бесовскими тешатся». В 1551 году запрет был подтверждён Стоглавым собором: «Святаго вселенского шестого собора правило 50 и 51 запрещает всякое игране. Пятьдесятное убо правило собора сего възбраняет играти всем и причетником, и мирским человеком зернью и шахматы, и тавляями, и влириями, рекше костьми, и прочими таковыми играми. 51 правило всякое игране възбраняет и отметае и причетникам, и простым людем. Также и упивание в пьянство»;

[5] Моше Сфарди (после крещения — Пётр Альфонси, 1062—1106) в своей книге «*Disciplina clericalis*» включил шахматное искусство в семь рекомендуемых рыцарству наук;

[6] «Парту Патима» — народный эпос Дагестана, перевод с лакского С. Липкина;

[7] Миттельшпиль — середина игры;

[8] Сунна (араб.) в переводе с арабского означает путь, дорога. В исламе под Сунной понимают действия пророка Мухаммада;

[9] Хадис (араб.) — высказывания пророка Мухаммада;

[10] Блиц криг (нем. *Blitz* — молниеносно, *krieg* — война) — молниеносное сражение;

[11] Эндшпиль — заключительная стадия игры;

[12] Дебют — начальная стадия партии, продолжающаяся первые 10-15 ходов;

- [13] Нуцал — титул аварских ханов;
- [14] Сардар — наместник, главнокомандующий;
- [15] Уцмий — титул даргинского феодального правителя;
- [16] Юзбаши (турецк.) — офицер, сотник;
- [17] Аскеры (турецк.) — солдаты, воины;
- [18] Нукер — оруженосец, телохранитель при дворе горского феодала.

«Гумбетовский шах». Начальник культуры Гумбетовского района Магомед Мирзаевич Умардибиров поведал мне об этой местной традиции, неразрывно связанной с шахматами: «Бывает, перебрали! Давай за тебя, за брата (а их десяток), за меня, если уважаешь! Бывает же так. “Гумбетовский шах” — кто не хочет больше пить, переворачивает рюмку и надевает на горлышко графина».

*

Кавказские пленницы

*Спрячь за высоким забором девочку,
выкраду вместе с забором.*

Песня из фильма «Неуловимые мстители»

Магомед Кебедов — член совета старейшин села Кахабросо — явился по первому зову:

— Решил, что приглашают на примирение. Думал, снова девушку украли, — Магомед присел к столу. — Когда в горской семье рождается дочка, все рады. Мы их одеваем, кормим, балуем, растим, даём образование... любим. И внезапно, вах! — нету. Куда пропала? Не знаем!.. Жива-нежива? Аллах знает. Проходит неделя, две, иногда месяц, обращаются ко мне, как члену совета старейшин посредники: «Ваша девочка полюбилась нашему джигиту. Он похитил её». Кому понравится? Будь хоть даргинец, хоть русский, хоть кумык, хоть еврей, хоть аварец... Кто бы ни был? Это же нехорошо.

— А я-то думал, про кавказскую пленницу лишь в кинокомедии...

— Если бы... Веками эти традиции складывались. Украдут и потом думают: что дальше делать? Уважаемых стариков приглашают, аксакалов, авторитетных горцев и начинают:

— О! давайте помиримся.

Одни родители соглашаются, другие нет:

— Дайте возможность сперва увидеть дочку.

Одно дело, когда похищение произошло с согласия, тогда это спектакль-маскарад. А если без согласия, насильно? Отец ведь не знает, никто не знает. Когда примирение не удаётся, молодые вообще исчезают из села. Оба. На юг, на восток. Навсегда! У одних семнадцать лет прошло, уже свои дети взрослые, дочка замуж вышла, а родители так и не простили непокорную дочь: «Без согласия братьев, без нашего благословения ушла с ним. Нет у нас дочери, мертва для нас. Она обесчестила наш род». А другие смирились: «На всё воля Аллаха, что делать?» Заключили мир и живут счастливо. Раньше воровали на конях, сейчас на машине, сейчас легче. Дверку открыл, запихал, как овцу. Бывает, уже сосватаны, но мать-отец откладывают свадьбу, затягивают, приданое копят, мебель покупают, дом строят. Это не нравится молодым. Пять, шесть, семь лет... Разве будут ждать? Тогда они вместе полюбовно договариваются и представляют дело так, будто её украли. Начинается шум, гам: «Похитили!» — «А вы что хотите? Ведь живые люди». Мулла делает магари (арабс. — венчание), тогда хорошо получается у них дело, мирно. И пусть девочка живёт как жена, как другие живут. Но близость без магари — считается «зина» — прелюбодеяние, изнасилование. Очень сурово карается, смертью... Если жених и невеста согласились на зину, то накажут обоих: хят — палками — самое мягкое из предусмотренных наказаний по закону шариата... Догола его раздевают, кладут на спину и — большой палкой, сто раз, никакого смягчения не дают. Если девушка забеременела без магари в семье настоящих горцев отец или брат по адатам должны убить её. Такой позор можно смыть с тухума только кровью. У нас в угол не ставят! После убийства никто уже не упрекнёт отца, что его семью обесчестили. Честные, настоящие мужчины специально во время похищения берут с невестой в заложники ещё другую женщину, свидетелем.

После беседы со старейшиной я непременно решил найти джигита, лично укравшего свою невесту. Долго искать не пришлось — начальник Управления культуры Акушинского района Мурад Магомедгаджиев:

— Сыновей у нас стараются вырастить настоящими мужчинами. Наш класс был хулиганистый чуть-чуть. Учителя с нами не связывались, ребята вообще слова поперёк не говорили, набегали делали на школы. Вечера если, банкеты, мы туда припрёмся, приглашают — не приглашают. С женой мы ещё в школе познакомились, затем работали вместе в Управлении соцзащиты, учились заочно, нам по двадцать лет было. Когда речь зашла жениться, мои родители

упёрлись. У нас в первую очередь смотрят на тухум, как раньше дворяне. У лакцев было Казикумукское ханство, у аварцев — Хунзахское и своё у кумыков, остальные — принеси-подай. И здесь все знают, кто из какого рода, из какой семьи. Узден — это как бы дворянин, аристократ, истинный горец, он никогда ни на кого не работал, не батрачил, у него в достатке было живности и земли. Даже Советская власть не смогла этому воспрепятствовать. «Она не из нашего круга, нам по крови не подходит», — такие слова мне родители тоже бросили. У нас обычно женятся на сёстрах двоюродных, троюродных... Надоело. Взял и украл её...

— Расскажи подробнее, Мурад. Мы с тобой колесим по Акушинскому району, собираем какие-то истории, а ты сам — человек-событие, сам история. С её согласия или нет?

— Согласие у девушек обычно, когда крадут, не спрашивают. Согласна она, не согласна... Ну, отношения чуть-чуть такие были. Она тогда в отпуске, на работу не ходила, дома сидела. Я ей позвонил, сказал, нужно для отчёта на работе поднять информацию. Она только нос на улицу высунула, мы подлетаем с друзьями на машине:

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Что там нужно?..

Толкнул её в машину, и ходу.

У меня заранее всё было готово: ключи от свободной квартиры в Махачкале одолжил у знакомого, продуктов запас на две недели, чтоб по магазинам не шастать. Друзья нас отвезли, высадили, сами поехали регулировать отношения с родителями.

— Она сопротивлялась?

— Раз удалось вывезти девушку из селения — всё! Дальше сопротивление бывает чисто формальным. Удивилась: «Зачем так? Неужели нельзя нормально?» У всех девушек бывает... такие разговоры тоже. Некоторые плачут, визжат. Зная меня она, по крайней мере, не плакала. Паника бывает, когда незнакомый или не нравится.

— Нравится, не нравится, спи моя красавица?

— Я штук десять украл... вернее помогал, соучаствовал. У нас из пятнадцати одноклассников лишь три человека свадьбу играли светскую, остальные крали. И везде я — кунаком. Обычно сначала идут официально сватать, и только если отказ... Тогда все настороже, знают, что невесту могут похитить, пытаются как-то спрятать, человека приставляют. Однажды мы месяц готовились, каждый день караулили на разных машинах, поджидали, пока уйдут родители — им не нравилось, что молодой человек пьёт, хулиганистый сильно. Мы долго следили. Когда точно убедились, что она дома одна, через стенку перепрыгнули, ворота открыли, машину загнали во двор. Начали по очереди комнаты обыскивать, проверять двери. Услышали щелчок, когда она закрылась изнутри, узнали где — дверь одним ударом выбили. Жених взвалил её на плечо, мы главное следили... страховали, чтоб не ударились головой никуда. Вот она-то орала... На весь аул: «Мама!!! Помогите!» Соседи выскочили. Харай-курай! Но пока сообразили, что к чему — мы в машину и газу. А сейчас прекрасно живут, трое детей.

— Стерпится — слюбится?

— Да. И ещё важно, чтобы в момент похищения, непосредственный контакт с ней имел только жених. Если жених не справляется с девушкой, спрашивается, зачем туда идти, значит, недостойн. Орёл унесёт, а ворона ест? Другой раз парень девушку умыкнул, родители её никак не успокоятся — затребовали калым: триста тысяч. Он говорит: «Лады!» — и заплатил.

Прошло десять лет, он так родителям не показал ни её, ни внуков. «Я у вас её купил? Купил». И ей тоже стало обидным, что родители её продали как вещь, получается. Сама тоже к ним не идёт. За нами целые погони устраивали. У некоторых родственников есть личные связи с шестым отделом (борьба с терроризмом, похищением людей), с ФСБ. Бывало, отбивали девушку с боем. Чтобы таких вещей не происходило, от погони неделями бегали. По разным селениям, по разным районам. ФСБ по звонку вычисляет, где она, мы ныряем в другую норку. Номера машин узнают, мы номера меняем, машины меняем. Главное неделю продержаться, не попасть в руки, потом родители соглашаются. Неделю девушка находится с парнем, даже если вернётся, кому она нужна? Молва по селу будет идти плохая: «Её украли, она нечистая». С такой репутацией всё равно замуж не возьмут. Что собака откусила — ей принадлежит.

Риск, конечно, существует. Ты похищаешь взрослого человека. У неё отец, братья, дяди, тухум. Готов должен быть ко всему! От того, какое у джигита сердце, какой ум, насколько горячая кровь, зависит успех дела. Не от кунаков. Смалодушничаешь — подведёшь всех: друзей, родню. Хоть град, хоть потоп, хоть милиция, хоть пуля, хоть целая армия придёт, нужно взять в руки оружие и стоять до конца. И ему, и друзьям, раз уже пошли с ним. Пусть введут смертную казнь... Заднюю скорость на ходу включать нельзя! Некоторые маменькины сынки: «Там кто-то украл, и я украду... Я тоже мужчина».

— Говорят, нет такого осла, который, созерцая отражение в реке, не обнаружил у себя черты скакуна.

— Точно! А как чуть что — я не я, ишак не моя... «У кляч с аргамаками — разная статья». [1] Когда с той стороны с оружием приезжают люди, он мямлит: «Не думал, что так серьёзно будет...» Как ещё, если не серьёзно?! Их девочку украли, люди идут на всё. Эмоции перехлёстывают разум. Они сначала сделают, потом будут думать. Городских, парниковых пацанов хватает. Уж коли взял своё, действуй до конца...

К русским девушкам выше сказанное не относится. У русских вольные порядки: «Захочу — выйду замуж, не захочу — не выйду. Захочу — за этого, захочу — за другого». Например, тебе понравилась русская девушка — ты её крадёшь, по их меркам это считается воровством человека, больше никак. Русская девушка никогда не скажет: «Раз украли, теперь замуж не возьмут!» Они на это и не смотрят. Особенно в городах. Она может свободно через месяц уйти, написать заявление: «Меня украли, насильно держали там-то и там-то». И человека будут преследовать по светским законам. А у нас горянка подумает: «Нужно выходить замуж, меня все знают, село маленькое». С одной стороны, конечно, нехорошо, если девушка любит другого, вроде бы жизнь ей портят. Но на деле, всегда потом живут душа в душу. Из троих одноклассников, кто женился традиционно, один уже развёлся. А там, где украли, друг другом довольные. Так поступали ещё наши прадеды — настоящие джигиты, с этим ничего не поделаешь.

— Мурад, как ты будешь реагировать, если украдут твою дочь?

— ?.. — Мурад запнулся. — Честно говоря, трудный вопрос. Очень трудный... — Любой отец это воспринимает в штыки. Как события пойдут... Если он сможет неделю не попадаться мне на глаза... Страсти поутихнут. Придут взрослые, мудрые люди — имамы, алимы, скажут: «Не с тебя начиналось, не на тебе и кончится. Значит, судьба такая».

Мне вспомнилась старая быль:

Дагестанец решил гостя-москвича покатать по Махачкале.

— На светофоре — красный, а ты на газ давишь?! — удивляется русский.

— Я — джигит!

— Теперь на светофоре зеленый, а ты тормозишь. Почему?

— Сейчас из-за угла вылетит другой джигит!

В Дагестане не меньше порядка... Там просто порядок другой, свой, особый... Иные, самобытные, из века в век трепетно хранимые традиции отцов, дедов. И, если мы не станем, как лиса и журавль из басни Крылова, навязывать другим свои вкусы, дружба между нашими народами будет радостной, вечной.

В голове крутится реплика разобиженного товарища Саахова [2]:

— Ничего не сделал... только вошёл!..

До меня вдруг дошло, почему мы гогочем, в этом месте, как угорелые.

Себя узнаём!.. В быту, в большой политике...

Примечания:

[1] Поэт Ирчи Казак

[2] Фильм «Кавказская пленница».

Воля народа

Хабар Магди Омарова,
Председателя общественного совета с. Новочуртах, Новолакский район

يُفْلَحُ بِالْحَدِيدِ إِرٌّ
Железо рубится железом!

— Хочу рассказать, как мы встретили первый день войны. Девяносто девятый год — момент истины для Дагестана, для России. Оружие у нас было: я всегда с пистолетом, у сына пулемёт, автоматы, всё, как в нормальной правоверной семье мусульман. Да ещё руководство республики обратилось к дагестанскому народу с призывом: «Продайте корову, купите автомат!» Для поднятия боевого духа в газете опубликовали горскую легенду Лермонтова «Беглец».

Помните?

...Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моления
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнёс,
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.

Семь часов утра, жена спит, прибегает запыхавшийся сосед:

— Боевики! Свою семью на «Газели» отправляю, может, и твои поедут?

— Конечно, поедут. Щас, подожди.

К жене:

— Вставай, война началась. Срочно собирай девочку, сама... Уезжайте!

— Какая война? — думала, шучу. — А сыновья?

Не хочет садиться в машину, плачет:

— Пусть сыновья поедут с нами в Махачкалу.

— Как... Как могу, слушай? Если они, мужчины, уедут, как на нас люди будут смотреть?

— Ты хоть одного пошли...

— Сама им скажи, да...

Конечно, разве сыновья поедут? Нет, конечно. «Нельзя, сражаясь лёжа, побеждать!» [1]

Она села на сумку:

— Ну, тогда и я не поеду. Должен вам кто-то хинкал варить.

Когда чёрное крыло войны в 1999 году коснулось нас, Степашин в Москве доложил: «Мы потеряли Кавказ». Москва три дня молчала, сообщала только, что в Дагестане конфликт, хотя здесь уже три дня полным ходом шла война. Народ сам поднялся, чего ждать: промедлением, уступками врага не сделаешь другом, а только увеличишь его притязания. Позже подошли русские войска: прямо в селе разместился штаб генерала Казанцева. Я — в его сопровождении. Мы выехали на окраину села, в бинокли наблюдаем: бородатые окопы роют. Полковник расстелил на капоте карту, показывает карандашом обстановку командующему. Боевики, видимо, засекли нас, начали миномётный обстрел. Две мины, одна за другой, разорвались рядом — осколки застрекотали по машине, у полковника рука с карандашом задрожала. Казанцев как гаркнет:

— Товарищ полковник, что у Вас с руками?.. — и матом!!!

В декабре тогда сильные холода были, мороз под тридцать градусов. К нам прибыли солдаты буйнакской бригады, около тысячи человек на БМД, БТРах... Бойцы костров не разжигали, в технике спали. Утром мы проснулись, увидели их: босоногие, в рваных сапогах, в обмотках... Штатного обмундирования почти не было: у кого какая цветастая куртка, фуфайка, техника старая. Что могли сделать полураздетые, необученные, голодные солдаты? Помогали им, чем могли. Одна женщина принесла в палатку три пары носков, а там четыре солдата. Четвёртый просит:

— А мне, тётушка?

Она сняла с себя носки:

— На, сынок!

Кто хлебом помогал, кто варёную картошку тащил, кто мясо сушёное. У них — свои сухпайки, но ведь зимой на снегу нужно горячее. Однажды вечером сидим дома, кто-то скребётся в дверь. К каждому стуку уже настороженно... Заходят двое — русские солдатики. Надо было видеть... Лица вымазаны в мазуте, одежда в мазуте, рваная — голое тело видно. А на улице мороз. Как будто не воины Армии Российской — бомжи. Через плечи висят кирзовые сапоги, не новые, но крепкие ещё:

— Купите, хозяин...

— Проходите.

Они давай в коридоре снимать обувь: босые ноги... Зимой! Без портянок, без ничего. Жена быстро-быстро их на кухню, плов наварен, целый казанок.

— Садись, покушайте.

— Нет. Нам надо идти. Мы сапоги продаём.

А сапоги у самих рваные, каши просят.

— Зачем продаёте?

— Деньги нужны.

— Сколько надо?

— Сто рублей.

Мы усадили их, накормили, налили коньяка...

Тот, кто постарше, назвался:

— Меня Алексеем зовут, из Костромы.

Когда уходили, мы им назад сапоги всучили, продуктов надавали: печенья, конфет, солёных огурцов, каждому по шерстяному свитеру, по паре толстых носков. К свадьбе сына закупили продуктов, вещей — раздавать садака: пачки сахара, носки, носовые платки. Думаю, зачем ждать свадьбу — отдали всё русским солдатам. Аллах ведь для этого и создал человека, чтобы творить добро. Какой бы религии, какой бы национальности ни были. Раньше в коммунистической газете «Правда» печатали, из номера в номер, призыв: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» В исламской газете «Истина» лозунг «Ассалам алейкум». А я думаю, у каждого на видном месте должен висеть другой девиз «Спешите людям делать добро». Дагестанские мудрецы днём рождения человека считают день, когда он совершил первое в жизни доброе дело.

Не люблю!.. не люблю войну вспоминать... Кровь, гарь, взрывы, стоны, раненые, погибшие... В тех боях погибло тридцать шесть жителей Новолакского района. Младший мой сын награждён медалью: «За отвагу», старший — «За боевые заслуги». Да, войну вспоминать не люблю, но про подвиг Хаджимурада Нурахмаева из селения Ансалта рассказать должен... В

семье, кроме него, пять сестёр, он единственный сын. Боевики, когда начали рыть окопы, заявили: местным лучше убраться из села. Хаджимурад помог родителям погрузить вещи, но покидать отчий дом отказался. Имам Шамиль учил: «Кто думает о последствиях, храбрым не станет». Очевидцы потом рассказали отцу: Хаджимурад общался с боевиками, балагурил с ними, свёл знакомство с самим Басаевым и, улучив момент, поинтересовался:

— Зачем сюда пришли?

— Будем устраивать шариат, вырезать русских...

— Вы же видите, здесь их нет. Я что, русский? Чего ждёте, убейте меня... Иначе я должен отомстить за разрушенный отцовский дом.

В ответ — всеобщий хохот, никто всерьёз не принял этого шупленького, худощавого парня. А Хаджимурад дождался своего часа. Во время очередного налёта авиации боевики бросились в укрытие, один из них, сражённый осколком, уткнулся в кизяки, выронив автомат. Хаджимурад овладел оружием и пустил по бегущим ваххабитам очередь.

Боевик выскочил из окопа, пошёл на Хаджимурада:

— Дай сюда!

— Смердящий шакал, возьми, если можешь, — Хаджимурад сразил и его.

На него кинулись, он дал очередь, ещё трое замертво упали на землю. Опомнившиеся бандиты в упор расстреляли парня... Случилось это 11 августа 1999 года. Весть о подвиге Хаджимурада Ансалтинского облетела всю страну. Ему посмертно присвоили звание «Герой Российской Федерации». Хаджимурад защищал свой дом, который сильно любил, ведь в нём родился, вырос. А защитил от врага весь Дагестан, всю Россию — свою Родину. Вечная ему память.

— Вечная память!

Всякое повидал Дагестан...

Летопись его народов слагалась не в тишине аульских саклей под мелодичные звуки зурны. Она выбита на камне подковами боевых коней, остриями сабель и кинжалов, прицельным огнём винтовок и пушек. Не раз чужеземцы пытались лишить Дагестан свободы, тогда разноплеменная, многоязыкая, маленькая страна собиралась в кулак для отпора. Чингисхан со своими полчищами как пришёл, так и ушёл. Надир-шах с многотысячным войском в панике бежал из Дагестана, разбитый наголову, забыв свою саблю с лезвием «языка гадюки». Балкандаллаз фена — ламраллаз хтана (лезг. — на коне приехал — на осле вернулся.) И лишь Россия ужилась с вольнолюбивыми народами Дагестана навсегда.

Владимир Путин высоко оценил мужество, стойкость дагестанцев: «Вы проявили настоящий кавказский характер, мужество, самообладание, волю и показали настоящую силу. Россия никогда не забудет, что вы сделали сегодня. Вы должны знать, что Дагестан был, есть и будет составной частью Российской Федерации. А это значит, что Россия всегда придёт к вам на помощь».

И теперь Россия — это все мы вместе.

Примечания:

[1] Поэт Ирчи Казак

*

Рейд

*Если разбить голову,
хвост сам успокоится.*

Даргинская пословица

Вчера две сестры из селения Новолакское ходили по ежевику, наткнулись в лесу на вещмешки, побросали корзинки, убежали.

По оперативной информации боевики регулярно появляются у родника за водой. Решено было двумя группами провести оперативно-поисковые мероприятия. Наутро два взвода сотрудников милиции отправились в рейд по маршруту: край села — лесной массив — горный перевал — с тем, чтобы описав широкую дугу километров в десять-пятнадцать, выйти к районному центру с другой стороны. Начальник милиции полковник Абдул Равданов согласился взять меня с собой. У каждого бойца на себе «жук» — упрощённый вариант разгрузки, афганский вариант, куда входят боекомплект, гранаты, медицинский пакет первой помощи. На всех один ручной пулемёт Калашникова «ПК» — или «красавчик», как ласково назвал его на военном сленге командир взвода спецогневой группы Дауд. У меня с собой лишь фотоаппарат-мыльница да в рюкзаке фляга. Мне бы хоть налегке не отстать от бойцов. Тяжело бегать в горах с моим «бурдюком». Привык, знаете ли, «кабынэт, кабынэт».

Сизое прохладное утро, первые лучи коснулись верхушек деревьев на голубых горных склонах. На улицах безлюдно, село только просыпалось. По кирпичному забору, расхаживал на страже людского покоя «золотой петушок»:

Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смиренно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется.

Больше часа дорога шла в гору. Взвод перебежками, быстрым шагом... опять бегом! Фу!.. Я для себя твёрдо решил: «Если эта физкультминутка продолжится ещё полчаса, придётся умолять, пусть меня бросят тут, одного...» Нет... Смотрю: у родника — короткий привал.

«Тум! Тум! Тум!» — громко стучало моё сердце, как у медведя Балугу.

— Подъём закончился, — успокоил начальник милиции. — Дальше будет полегче.

— Ну, слава Богу!

Вчера, чтобы поглубже ознакомиться с ситуацией, просмотрел документ «Анализ состояния преступности и результатов оперативно-служебной деятельности ОВД по Новолакскому району за июнь 2010 г.» (с начала года):

«Особенностями приграничной полосы являются наличие большого количества лесных массивов, зарослей кустарников, как в окрестностях приграничных сёл, так и по периметру границы. В последнее время на территории Республики Дагестан резко активизировалась противоправная деятельность членов незаконных вооружённых формирований, участвовали с их сторон посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и мирных граждан. В целях недопущения проникновения бандгрупп на территорию РД через Новолакский район, в населённых пунктах района и на

административной границе с ЧР с участием сил Огневой группы «Восточная граница», и личным составом по «Хасавюртовской зоне» проводятся оперативно-профилактические, заградительно-специальные мероприятия, направленные на выявление и задержание организаторов и исполнителей целенаправленных преступных акций против сотрудников правоохранительных органов. В лесных массивах на административной границе выставляются дополнительные скрытые наряды (засады, секреты, совместные заслоны), заградительные посты и оперативно-поисковые группы.

Одним из основных факторов, влияющих на обстановку, является активизация приверженцев религиозного течения «ваххабизм», в которое вовлекается в основном политически и религиозно неграмотная молодёжь».

И т. д. и т. п.

Во времена Советской власти в РОВД Новолакского района числилось семнадцать сотрудников, отдел возглавлял майор, и был полный порядок. Сейчас списочный состав насчитывает 360 сотрудников РОВД. (В двадцать раз больше!) Криминальные происшествия идут друг за другом, конца не видать. Только с начала этого года, за семь месяцев, в районе убили четырёх старших офицеров: начальника криминальной милиции, начальника следственного отдела, начальника ГИБДД, старшего опера. И в лесу никакие не мусульмане — обычные бандиты... Шейх Джамалуддин Газ-Кумухский, учитель трёх имамов, включая Шамиля, был убеждён: «Недобрый человек не может быть правоверным».

— На днях сына обстреляли из засады, — понизив голос, произнёс начальник УГРО. — Поджидали, чудом остался в живых. Мой родной Дагестан кровоточит сегодня. Постоянно жена пилит: «Убери сына из милиции! Убери сына из милиции!» Лермонтов в своё время сказал: «Для Кавказа война — тоже мир». Так и есть. Участковые меняются, не успеют толком свой участок на раз обойти, несколько месяцев послужат — на повышение. А если бы он контракт лет на десять подписал, да интерес ему создать, вот тогда... Преступники, которые родом отсюда, никуда не денутся, тут будут. Участковый свой участок к концу третьего года знал бы весь... до очка включительно, — для наглядности майор показал мне на пальцах.

До сих пор я наивно думал, что американцы используют этот жест, чтобы продемонстрировать, мол, у них всё «ОК!» (Отлично! Англ.) Оказывается, в обратном смысле: «...опа! полная ...опа!!!»

Рейд прошёл без применения оружия.

У двух парней в лесу проверили документы и тем довольствовались. Что им предъявишь? Маёвку в лесу? Бродят по лесу с религиозной литературой — обычные грибники. По рации вызвали бортовой «Урал», начальник милиции настоял, чтоб я занял его место в бронированной кабине, сам сел к бойцам в кузов. Пулемётчик на крыше дослал патрон в патронник, поставил «красавчика» на предохранитель, и машина с мощным гулом двинулась по трассе в Новолак.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем? [1]

Фатализм какой-то...

مَنْ يُرَدُّ السَّيْلَ عَلَىٰ أُنْرَاجِهِ؟

Кто сможет повернуть течение семя вспять?

Или незаслуженно носим мы звание Homo sapiens — человек разумный?

Давным-давно на Востоке жил мудрец, окружённый учениками. Самый способный из них однажды решил: «Я задам вопрос, на который Учитель не сможет ответить правильно?» Он поймал нежную бабочку, спрятал её между ладонями и, вернувшись к Учителю, спросил:

— Скажите, какая бабочка у меня в руках: живая или мёртвая?

Мудрец ответил:

— Всё в твоих руках.

Примечания:

[1] Михаил Лермонтов «Валерик».

*

Нет у революции конца!

*Ты первым пришёл
И людьми нас назвал.*

*Поэт Абуталиб Гафуров,
«Песня о Ленине»*

Так исторически сложилось, революционеров уважают в Дагестане.

А уж Владимира Ильича, основателя первого в мире пролетарского государства, помнят и чтят в Стране Гор наравне с исламскими пророками. Из уст в уста передают аксакалы, как ходоки были у Ленина, с челобитной: вождь подписал решение о выделении материальной помощи и, по просьбе горцев, подарил свой портрет с надписью: «Красному Дагестану». Не найти здесь аула, где не давил бы на джамаат своим гранитным авторитетом памятник разжигателю мирового пожара, где не носила бы площадь либо улица его бессмертного имени: «Ленинкент» (кент англ. друг) — село в Карабудахкентском районе Дагестана. А в Махачкале Ленин с пьедестала всем приедем, с первых шагов, указывает на обратный путь... То же мне, «друг»! А помнится, дедушка Ленин выступал против мягкотелости, «поощряя энергию и массовидность террора» [1]. Где-то я уже это слышал... От старика-ваххабита в Хасавюрте.

Однако пиететом по отношению к основоположникам марксизма-ленинизма дело не ограничивается. Отдают горцы дань уважения и своим землякам, посвятившим жизнь свержению традиционного кавказского миропорядка, заменившим зелёное знамя ислама на алый стяг с серпом и молотом.

Посетить Карабудахкентский район и не побывать в музее революционера Улубия Буйнакского невозможно.

Директор музея Зайнудин Магомедов, подводя меня к скульптуре в бронзе, с гордостью поведал:

— Наш земляк — организатор, создатель и первый руководитель подпольного обкома компартии Дагестана. Улубий из дворянской семьи, родственники отказались от него. Его подпольная ячейка интернациональная: сам Улубий кумык, а ещё входили аварец, лезгин, русский, лакец и даргинец. Горское правительство совместно с деникинцами решением шариатского суда постановило: расстрелять пятерых товарищей за то, что сеяли смуту, а его отпустить. Камеру оставили открытой, не ушёл, не стал спасаться в одиночку. Найди мне сейчас такого! Не найти. Ему было двадцать девять лет. Не видел он радости, всего себя отдал борьбе за счастье трудового народа. На суде Улубий выкрикнул: «Я вырос в ущельях Дагестана, хорошо изучил тяжесть положения горского крестьянина. Вы убьёте меня, ещё тысячу таких, как я, но идею, которая живёт в нашем народе, вам не расстрелять».

— А сегодня идёт расслоение между богатыми и бедными? — заслушавшись, спросил я. — Может так получится, что современникам вновь придётся уходить в подполье и всю борьбу за справедливость начинать заново? «Искра», бомбометатели, «конспиАция», маёвки...

Зайнудин долго соображал, как политкорректно ответить, несколько раз менялся в лице, передёргивал плечами и, наконец, выдал:

— Богатые люди — рабы рубля. В 17-м году буржуи тоже считали, их не коснётся... Ошиблись. И сейчас верхи сами поймут, либо опять низам придётся объяснять, «что такое хорошо, что такое плохо». В Кизилюрте возвышается над городом дворец: его построили три брата, занимались нефтедобычей. Двух братьев убили, третий боится в нём жить — скрывается за границей. Дворец как символ.

А что ещё мог ответить мне Зайнудин?

Зря я прицепился к мужику, сам знаю кучерявую историю своей бедоносной страны, сам свято верил в лозунги «Бей богатых! Грабь награбленное! Мир хижинам! Война дворцам!» Сам вижу итог, вижу последствия...

Уважение к старшим — залог успешного будущего.

Каждый человек, по убеждению аксакалов, должен назубок знать семь поколений своих предков. Родословная Дагестанских народов испокон веков старательно велась в родовых книгах, хранившихся в мечетях. В них на арабском указывалось: кто, когда родился, кто хозяин дома, сколько штук у него женщин (имена женщин не писали), сколько в ауле баранов, ослов, быков. В мечети многие учёные-алимы отдавали свои библиоколлекции в собственность — вакфа. В 37-м энкэвэдэшники-арабисты почти все книги уничтожили. Малую толику удалось спасти. Рассказывают, целую неделю горели древние манускрипты. Советская власть пыталась таким образом вычеркнуть святое, стереть, обнулить память людей, перезагрузить мозг и туго набить его красными лозунгами. Лишь на седых дагестанских камнях сохранились следы Кавказской Албании, римские надписи, иудейские заветы на иврите и арамейском языке.

Но это — лирика...

Одно меня занимает крайне, мучает, не даёт покоя: вся Российская империя была страной глубоко религиозной; в центральной части, на севере и много ещё где, — православие; здесь, в Дагестане — ислам. Вопрос, который терзает и до сих пор рвёт мою душу на части, я бы сформулировал так: «Почему вера православная и мусульманская оказались не в силах остановить кровавую вакханалию БРАТОУБИЙСТВЕННОЙ войны, а сама страна в итоге... накрылась?» Значит ли это, что и сейчас религиозные институты, будучи восстановленными в полном объёме, никакой гарантии не дают от суицида страны, от вандализма?! У кого бы спросить? Люди охотно спорят из-за религии, сражаются, погибают за неё, — но только не живут по ней.

А ещё, выясняется, настоящее не бывает без прошлого.

Глава администрации с. Улубиаул, желая упорядочить размер калыма, вверенной ему джамаатом властью издал декрет: «Сумма выплаты в пользу семьи девушки, не должна превышать 100 000 рублей; подарки к 8 марта и другие упраздняются». Цель благая — равенство жителей села. Опять «равенство», снова «братство», снова по указке...

Революционные традиции, точно сорняки сквозь асфальт, пробиваются по мере сил. Пока в Карабудахкентском районе они сохраняются. Улубий погиб, но дело его живёт. Экскурсия в музей подошла к концу, дальше по программе посещение мятежного, вечно революционного села Губден. Как в песне поётся: «Есть у революции начало, нет у революции конца!»

К великому сожалению...

Рассеялся в горах туман,
Путь ясен впереди.
Своих баранов, о чабан,
Ты в коммунизм веди. [2]

Примечания:

[1] Председатель Совета народных комиссаров РСФСР Владимир Ленин в своём письме Г. Зиновьеву 26 июня 1918 года;

[2] Расул Гамзатов, «Мой Дагестан».

*

Кубачи

*Подними любой придорожный
камень и под ним найдёшь кубачинца с
верстаком.*

Даргинская пословица

В знаменитом ауле Кубачи, где трудятся всемирно известные мастера-златокузнецы, Ибрагим, заведующий музеем, любезно согласился показать нам уникальные экспонаты:

— Это сабля 17-го века. Она принадлежала иранскому завоевателю Надир-шаху. Клинок по форме — змеиное раздвоенное жало, при ударе вырезает мясо куском, рана не заживает. Уникальная сабля! Когда Надир-шах скакал на коне, сабля наголо, между лезвиями ветер гудел-свистел, как будто всемогущий шайтан летит, не человек. Золочёный эфес, лезвие можно согнуть вокруг пояса воина. Даже внутри, смотрите, какая тонкая работа... Рисунки, червлёные золотом, по всему лезвию змея тиснением. Дагестанские пацаны отобрали у него эту саблю...

Я с умным видом взял клинок в руки, изумлённо поцокал языком.

— Вот здесь изображены шатёр и лев с саблём — личный знак Надир-шаха, надписи на фарси. Учёные историки приезжали из Москвы, пытались расшифровать, но не смогли. Жалко. Наверняка, написано что-то значимое.

— «Здесь был Вася!» — предположил я.

— Возможно... Надир-шах во время нашествия побоялся заходить в село Кубачи, отправил вперёд дозорных. А кубачинцы — искусные мастера-оружейники, изготовили огромную деревянную пушку. Когда к селу приблизились разведчики, они выкатили её на крышу дома, забили порохом, подожгли фитиль... Пушку разорвало вместе с саклей, взрывной волной повалило вражеских лазутчиков. Те в ужасе, побросав оружие, бежали: «Если здесь всё разнесло, представляем, что стало с войском правителя». Следом в панике удирал Надир-шах, бешеный пёс.

— При случае обязательно поделюсь этим военным секретом с министром обороны России.

— Про Кубачи рассказывают ещё одну легенду. В Персии в старину прослышали, что есть искусные кубачинские мастера, и прислали сюда тонкую, толщиной с волос, золотую проволоку:

— Покажите, что сможете сделать из неё.

Кубачинцы просверлили золотой волосок насквозь и отправили назад, со словами:

— Мы из таких заготовок трубы делаем.

Ибрагим перешёл к следующему стенду:

— А это шашка. Настоящая кубачинская шашка. У неё лезвие прямее, чем у сабли. Сталь из соседнего селения Амузги, амузгинские клинки не уступали дамасским. На рукоятке надрез такой, многие спрашивают, для чего? В музей приезжал начальник электросетей нашего района, высказал смелое предположение: «Пиво открывать!» Но историки из Москвы не приняли нашу версию: «Раньше кремниевые ружья заряжали через ствол: из пороховницы насыпали порох. Так вот, чтоб открыть пороховницу, использовали разрез на рукояти шашки».

Больше часа мы переходили от шашки к сабле, от сабли к кинжалу, от кинжала к пистолету, от пистолета к винтовке, от винтовки к пушке...

В заключение Ибрагим сообщил:

— Как Вы знаете, дагестанцы — миролюбивый народ, потому мастера-кубачинцы изготавливали не только военную продукцию: вот медные кувшины для переноски воды — мучалы.

— «Мучал» — это по-даргински?

— По-кубачински, у нас язык кубачинский. Раньше в паспорте так и писали «кубачинец». Я числюсь даргинцем, но язык их не понимаю.

— Я тоже. Оказывается, не один такой.

— Мучалы разные: на десять литров, на два. Леди гор изящней ступают по козьей тропе с большим кувшином за спиной, когда в качестве противовеса впереди этот маленький. И заодно, вторая рука не пустует, чтоб лишний раз за водой не ходить. Всё — для удобства женщин...

А этот кувшин называется «стоячий». С эротическим носиком. Специально такой носик делали, чтобы струя под давлением была сильнее, и жена, когда поливала воду на руки мужу — могла стоять подальше, чтоб даже случайно не коснуться тела. Если женщина коснётся мужчины, осквернит тем самым и его.

— Как это?! — оторопел я. — Почему жене нельзя касаться собственного мужа? Как же у кубачинцев появляются дети?

— О-оо! Это таинство... — Ибрагим сладострастно зажмурился.

*

Знахари

*Когда в ауле все здоровы,
знахарь болеет.*

Арабская поговорка

Нетрадиционная медицина — это как раз то, к чему все присматриваются на Востоке.

Профессор медицины, бывший главврач ЦРБ Гуниба Абдурахман меня заинтриговал:

— Двадцать лет назад была у меня необычная пациентка Мариам из села Кородах, у неё злокачественная опухоль правой руки. Я изучил результаты гистологических анализов, их для достоверности делали дважды — сначала в Махачкале, потом отправляли в Ростов-на-Дону. Уже на первом этапе требовалась, по всем показаниям, немедленная ампутация руки вместе с лопаткой. А та упрямо твердит своё:

— Куда я без руки? Муж слепой, дочь — инвалид.

— Но, ведь всё может кончиться совсем плохо...

— Сколько проживу, столько проживу, — и написала расписку.

Через год — к тому времени я уж подзабыл про пациентку — встречаю её на улице в Гунибе: марширует, такая бодрая, в такт шагам размахивает руками, и... больная рука на месте. Вылечилась народными средствами. Как и что — не интересовался.

Почему профессору медицины такие загадки безынтересны, один Бог ведает. Я-то встрепенулся сразу, как легавая, едва поведя носом «сделал стойку». Решил разыскать эту Мариам, во что бы то ни стало. Я её искал и... нашёл. Мариам с вилами в поте лица трудилась по хозяйству. Июль — страда деревенская. Узнав, зачем пожаловал, отложила работу, проводила в дом. Рядом копошились внучата, Мариам поглаживала их, изредка нюхала табак и вспоминала подробности своего чудесного исцеления.

— Обратилась к Муртузали — наш целитель известный. У его предков лечился весь Дагестан.

Я настроился на долгую беседу с Мариам, угнезвился поудобней на диване и скорее машинально, чем из интереса, уточнил:

— Где этот Муртузали живёт?

— По соседству, — невозмутимо ответила Мариам.

— ...Как? — не может так подфартить. — Уехал куда-нибудь? — всё ещё не веря удаче, предположил я.

— Дома. Сейчас ему дочка позвонит.

И через полчаса я уже сидел в гостях у Муртузали, внимал ему, открыв рот, не забывая записывать.

— Мой прапрадед Кебедгаджиев Кебедгаджи был лечащим врачом имама Шамиля.

— !

— Мой отец в 1914 году закончил в Буйнакске медицинскую гимназию, но после революции работать врачом ему не разрешили, пациенты к нему на лечение приезжали тайком. Мой сын после окончания мединститута работает врачом в Махачкале. Получается целая династия!

Как тут не открыть рот в изумлении: предо мной потомок личного лекаря Шамиля!..

— Каждый день человек десять-пятнадцать приезжает. Лечу опухоли, любые, эпилепсию, экзему. Не просто лечу, вылечиваю. Не всем, конечно, помогает одинаково. Бывает, обращаются слишком поздно. На всё воля Аллаха! Медицина официальная у нас на человека смотрит поверхностно, без души. Да и мало знают дипломированные эскулапы. Хотя, зачастую, цвету белого халата люди доверяют, а династию знахарей считают шарлатанами.

Мне вспомнилась чья-то восторженная реплика: «У нас в психиатрии, кто первый надел халат — тот и врач!»

— Был случай, — продолжал Муртузали. — Русский офицер, родственник командующего генерала Воронцова, получил сильное ранение в ногу. Врач Пирогов заключил: «Придётся ампутировать, других вариантов не существует». Офицер отказался. Аварец, который служил в царской армии, посоветовал обратиться к моему прапрадеду, тот вылечил. Пирогов встречался с прапрадедом и подарил ему, в знак уважения, медицинские инструменты. Сейчас они хранятся в музее Гуниба, — Муртузали с небес гордо поглядывал на меня...

А ещё меня поразил рассказ офицера ФСБ:

— На скорости 180 километров улетел в кювет: компрессионный перелом трёх позвонков. Помогли выбраться из машины, повесили на турник за кисти, чтобы нагрузки не было на ноги, и тело выровнять. Провисел около часа, затем в больницу, сделали снимок, сразу к лекарю-костоправу. Он поначалу дал отлежаться, укрыл курткой, я дрожал от холода, дал деревяшку в рот:

— Если больно, кричи!

Диски вылетели вовнутрь, и он полчаса вправлял, затем обвязал меня плотно мокрой простыней.

— Смотри не шевелись.

Часа два я отлежался и сам ушёл от него. Ноги уже не болели, слушались, осталась только боль в спине. Сделал второй снимок, врачу подаю оба.

— Где больной?

— Вот он я.

Врач не поверил. Случилось это в селе Муцалаух, Хасавюртовского района. Тот Гаджикостоправ умер, а его сын лечит.

И в каждом районе у своих провожатых я интересовался талантливыми знахарями. Со многими удалось встретиться, обстоятельно побеседовать. Так, в Ногайском районе я записал старинный рецепт лечения малярии: «Родственникам нужно неожиданно сбросить больного в водоём». Испытав сильнейший шок, искупавшись, пациенту не оставалось ничего иного, как выздороветь. [1] Народная молва утверждает, что страждущие в Дагестан прибывают на костылях, а уходят своими ногами. (Интересно, бывает наоборот?)

— Как можно не верить в знахарей! — возмутился Солтан из Бабаюрта. — Я буквально сегодня утром вылечил человека.

— Что с ним? — приготовился стенографировать я.

— Он умирал! Правда.

— ..?

— Принёс ему бутылку холодного пива. Считается, это «знахарство» или нет?

— Думаю, считается...

Русский мыслитель девятнадцатого века Пётр Чаадаев призывал современников и потомков: «Изучайте Восток, этот великий музей традиций человечества». И наметившаяся в последнее время тенденция внимательного отношения к восточной культуре, к медицине не случайна. Ведь Восток — это колыбель мировой цивилизации, в недрах которой зарождались не только нравственно-эстетические каноны общества. И сейчас, после поездки, я с гордостью называю себя «лицом кавказской национальности».

Примечания:

[1] М. Б. Гимбатова, «Народная медицина ногайцев»;

Заимка

أَبْقَى ظَهْرًا وَلَا قَطَعَ أَرْضًا لَا الْمُنْبَتُّ إِنَّ

Отставший и цели не достигнет, и живого места не оставит под седлом.

Арабская пословица

Рутульский район, горы, село Микить, свадьба, банный котёл на костре, бравый горец перемешивает совхозными вилами булькающие куски баранины, дурмящий аппетитный аромат мясного бульона, тосты... Всё это, конечно, да! Интересно... Но увиденное начинало повторяться. Это мероприятия массовые, «общий план». А мне хотелось «наехать планом крупным» на конкретных горцев, неспешно потереть с ними, расспросить о том, о сём, заглянуть в глаза, насладиться разговором... Господь услышал мои чаяния и послал в высокогорную заимку гостей из Махачкалы.

А вот начиная с этого момента, внимание!

Убеждён, такое бывает лишь в Дагестане: Насир и Байрамбек, сопровождавшие меня, сочли возможным добраться до укромной сакли, заявиться туда незваными и хозяева заимки не послали меня на хрен!!! (Баркалла им, до неба!)

По канатному мосту мы перебрались на правый берег горной реки и пошли вверх по течению, где долинами, где взгорьями. Оказалось, легче всего подняться в гору, сцепив руки за спиной, на поясице. (Я вспомнил добрым словом своего деда Лёшу, это он научил.) И вот когда до цели оставалось меньше километра (вон она, серая саманная сакля на южном склоне, залитым солнцем), тропка неожиданно вынырнула на крутой обрыв: вверху, почти отвесно, высоченная скала; далеко внизу грозный рокот полноводной бешеной реки; склон в постоянном движении, гравий, крупные камни, сдвинутые ветром, сползают медленной упрямой лавиной в буйный грохочущий поток цвета какао... Да и тропка... Громко сказано. Кто по ней может пройти? Ну, если только горные козы, у которых с рождения не четыре, а лишь два левых или два правых копыта. В таком случае, по одной ниточке, след в след, шаг за шагом — поверю. Насир, не останавливаясь, не сбавляя темпа, склонился на бок, повторяя рельеф склона и, едва касаясь одной рукой сыпучего гравия, другой балансируя в воздухе, стал пробираться над обрывом.

Байрамбек осторожно приблизился к краю пропасти, опасливо глянул вниз, тут же отпрянул, скомкался:

— Я что, совсем ненормальный? — Красный, испуганный он присел на корточки. — Здесь вас подожду. Буду я ещё из-за шашлыка шею ломать...

Насир, преодолев опасный участок горной тропы, улыбался и призывно махал нам рукой:

— Байрамбек, ты-то чего боишься? Не позорь нас перед гостем. Ты же горец!

— Нет. Нет и нет, — угрюмо твердил себе под нос бледный Байрамбек.

А что делать мне? Ведь добираться до заимки моя прихоть. «Была — ни была!»

Точно повторяя телодвижения Насира, я изогнулся боком, и, почти касаясь левым плечом склона, стараясь не глядеть в пропасть, стал продвигаться по тропке...

— Так! Молодец, молодец... — подбадривал Насир, глядя мне в глаза, кистями рук ритмично подгребая на себя воздух. — Помаленьку, давай на меня...

Холодный пот струился у меня меж лопаток. Ещё двадцать метров, пятнадцать... Из-под ноги шурша струился гравий, устремляясь к реке, увлекая по пути со стуком, грохотом камни.

— Не останавливайся!

...Пять метров осталось. Последний шаг...

Всё! Ух-х!!!

Я — на ровном каменном балконе.

Перед глазами восторженный простор... Дыхание перехватывает от этой Божьей красоты!

Вокруг — величественные горы. Горы, лучше которых, могут быть только горцы. Полной грудью вдыхаю чистейший воздух, наполненный ароматами альпийских трав, не могу насытиться, наглядеться и понимаю, что стоило преодолеть долгий путь, собственный страх и добраться сюда ради этого глотка восторга.

— Ты не чабан! — гневно кричал Насир, наблюдая, как скрываясь и выныривая, удалялась спина Байрамбека. — Ты сын чабана!!! Александр, про него тоже напиши: давать одну слащавую информацию — значит, исказить реальную картинку. Пером Дагестан не очернить, из песни слова не выкинешь. В отаре обязательно должна быть хоть одна чёрная овца, тогда легче сохранить весь гурт.

Солнце тем временем жарило под сорок, на «четвёрку» включилось.

«Скорей бы в тень! — мучительно думал я. — И воды глотнуть!.. Ледяной воды...»

Рядом с саклей костёр, на огне большущий таган, вокруг хозяйничают раздетые по пояс мужики: кто колдует над варевом, кто подкладывает дрова в костёр, кто, завидев чужака, передёргивает затвор «Калашникова», отсылая патрон в патронник...

Узнали Насира, мирно отложили автомат в сторону.

— Не стреляйте в музыканта! Он играет, как умеет.

— Салам алейкум! Хочу познакомить вас с писателем из России: Александр — собирает легенды, тосты...

— Тосты? Это вы удачно зашли, проходите в дом, в тень, присаживайтесь к столу...

В махонькой сакле меня охолонула стынъ. На улице — ад, пекло, а тут...

— Откуда здесь холод такой? Дверь открыта настежь, а внутри, словно холодильник.

Насир довольно улыбнулся:

— Саман. Уникальный материал для постройки жилья. Зимой держит тепло, летом — холод. В бетоне, в любом бетоне, имеется хоть небольшой, но фон радиации. В земле его нет. Земля — источник долголетия. Когда человек обрабатывает землю, негатив уходит из организма, положительная аура нарастает.

Не давая угаснуть, мысль подхватил крепкий горец с густой флорой на торсе:

— Про благотворное действие земли... Безнадёжному больному врач советует: «Займитесь огородом» — «Заче-еем?» — «Чтоб к земле привыкнуть».

— Сейчас каждый из нас по очереди расскажет что-нибудь о нашем любимом Дагестане: кто притчу, кто анекдот, кто предложит тост... А ты записывай, дело важное! Для начала, чтобы наглядно показать тебе интернациональный Дагестан, я обозначу национальную принадлежность каждого: вот, рядом с тобой Тимур, это рутулец, дальше два брата цахурцы, я кумык, Али Ахмедович — даргинец. После развала СССР территории, где проживали лишь две титульные национальности, сотрясали нескончаемые конфликты. Совсем другое дело Дагестан: более тридцати языков, тридцать семь национальностей. Две армии друг с другом могут воевать, а тридцать семь армий? То-то и оно... Хрен разберёшься, кого мочить. Поэтому первый тост — за мир в Дагестане. Александр, давай чокнемся... Кстати, знаешь, откуда пошла традиция «чокаться»? Из гостеприимного Востока. Когда бокалы, заполненные до краёв, ударяли друг о друга, хмельной напиток плескался из бокала в бокал, и если вино отравленное, то смерть угрожала не только гостю, но и хозяину дома.

— Профилактика отравления?

— Да. Пусть Ваш приезд принёс барракт всем!

— Ну, теперь по старшинству, наверно, я, — взял слово седовласый горец. — Однако у нас не лекция — застольная беседа. Поэтому разговор мы будем вести под шашлык. И первая порция — гостю, гостю... с диким укропчиком.

— «Дикий укроп» — это что, злят домашний?

— Нет, просто в горах растёт. Я в Москве в аспирантуру поступал, захотелось мяса. Повариха в столовой отвечает: «Мяса нет, одна баранина!» Александр, прошу тебя, не повторяй её слова. Лучше мяса, чем молодой барашек, не бывает. Особенно, когда запиваешь наваристым

бульоном. Врача Пирогова во время Кавказской войны угостили хинкалом: тесто варёное, мясо. Он не стал отказываться, отведал угощения и всё-таки не утерпел: «Такая тяжёлая еда. Вы сами себя калечите! Это же яд». И тут хозяйка приносит горячий бульон. Он отпил: «...У вас оказывается и противоядие наготове». Гасан у нас, вместе работаем, — большой любитель хинкала. Живёт сейчас один, жена с детьми на лето переезжают в Махачкалу. Он в шесть часов встаёт, замешивает тесто, нарезает варёное мясо... За пять минут может себе хинкал приготовить. На завтрак уплетает хинкал, на обед — хинкал, на ужин — хинкал, в гостях — только хинкал.

У него свой круг друзей, один мне рассказывает:

— Я Гасану, вот так сделал! — показывает руку, согнутую в локте, увенчанную кулаком.

— Подколол?

— Да!

— Как?

— Пригласил в гости, сказал: «хинкал».

Он приходит такой счастливый, в предвкушении... А я ему борщ подсунул.

Вид смачных румяных кусков на шампуре отключил меня от беседы...

Пищевые рецепторы-анализаторы блокировали на миг все другие органы чувств. Зажмурившись, урча, я с несказанным блаженством доедал второй кусок, когда вновь обрёл слух...

— ...Абдулкадыр у нас... Вон, полюбуйся на Гаджи: если ты думаешь, он волосатый, так он лысый рядом с ним.

Гаджи грустно кивнул.

— Приехали к Абдулкадыру из Москвы профессора-академики: «Поведи нас на охоту на крупного зверя». А он страстный охотник: знает повадки, места, пустым из леса не возвращается. Согласился, но предупредил московских гостей: «Там в одном месте по отвесной скале нужно подняться. Я иду первый, вы следом. Наверху встречаемся». Вышли по холодку, но пока Абдулкадыр на верхотуру забирался, вспотел, снял с себя всё и сел отдохнуть лицом к солнышку, к тропе спиной. Ждёт москвичей час, ждёт два. Нет. Начинает проклинать: «Мне, вообще, это на хрен не нужно. Все дела бросил, припёрся на гору, их нет!» Психанул, стал спускаться, те сидят у подножия мрачные. «Вы чего здесь?» Выяснилось: московский профессор поднимался, как сказали, по отвесной тропе и вдруг впереди... сидит! большое, косматое, шевелится. Решил: снежный человек. Тихо-тихо назад... «Вай, бараны, это же был я! Орёл горный, грубошёрстный!!!» Всё закончилось тогда мирно, никто из животных не пострадал.

Давайте, чтоб и впредь!

— Махмуд, теперь ты!

— После брата не знаю, как говорить. После него говорить нелепо. Вдруг скажу лучше... Мало кто имеет такого брата.

— Мы все его имеем.

— ...Ницше считал, миром правят секс, страх и голод. Не согласен.

— Ты не принимай его слова близко к сердцу, Махмуд. Ницше не из нашего села, он аварец.

— ...Так вот, я считаю, мир держится на человеческих отношениях. Не быть равнодушным к близкому, поддержать младшего, уважить старшего. Это важно. Это в Дагестане на первом месте. У меня сосед Камил — старику восемьдесят четыре года, у него руки сильно трясутся. Здоровье ни к чёрту. Жалуется моему отцу: «Тагир, слушай, руки трясутся, не знаю, что делать? Пока один раз писаю, два раза успеваю кончить». Его зять каким-то образом узнал, что кокаин на время эту трясучку снимает. Взял и посадил тестя на наркотик. У старика не только руки успокоились, он ещё временами кайф ловит. Аллязат! [1] В итоге, этот зять из пяти стал самым любимым. Я-то, не разобравшись, влез:

— Ты чё из деда наркомана делаешь?

А он мне популярно:

— Сам подумай: ему так и так жить мало осталось. Он что пойдёт в поисках дозы воровать, убивать? Жизнь была тяжёлая, пусть хоть остаток дней покайфует.

Зять ещё про него рассказывает:

— Руки трясутся, почти не видит, еле ходит, а джигит ещё хоть куда. Три раза женат. Моя тёща, — его третья жена, на двадцать четыре года младше. Мой сын, школьник, решил над ним подшутить. Надел платье, повязал платок. Усов ещё нет. Подсел к деду, начал с ним хохмить: «Мне тридцать лет, развелась я, пришла к тебе. Ты мне давно нравишься». Мы с женой наблюдаем из дальней комнаты, что будет. Дед на кресле выпрямился, приосанился, положил руку на колено внуку. Восемьдесят четыре года! Начинает гладить... Смех на меня как накатит, молча давлюсь. У жены от натуги слёзы катятся, сучит ногами, шуршит. Зрение у деда плохое, а слух хороший. Насторожился. Мы затаились. Опять тишина, подуспокоился. Рука на грудь к внуку пошла.

— Руку убери, говорю. Я порядочная. Без свадьбы нельзя.

Дед помаленьку распаляется. Зовёт тещу, приказывает:

— Халимат, ей со мной постели, сама ложись в другую комнату.

Во какой дух!

Этой осенью старику сделалось совсем плохо. Умирает. Родня собралась, скорбят. Он приподнимает голову над подушкой, командует:

— Уходите, Халимат пусть останется...

Тёща заупрявилась, старик так и умер. Все единодушно считают: от обиды.

— Али, давай! С тебя — быть.

— Я расскажу про Великого Расула. Мы жили в Махачкале в угловом доме на улице Советской — Чернышевской. Через забор перемахнёшь и сразу оказываешься в саду Расула Гамзатова. А жена Расула — Патимат, тётя Патя мы звали, женщина суровая, властная. У неё всегда были заготовлены коротенькие чурки. Держала она их под каждым деревом, чтобы в любой момент под рукой оказались, нас сбивать. В кого-то попадёт, в кого-то промажет: мы для неё были своеобразными кеглями боулинга. Начинала за нами гоняться, мы кричим, уворачиваемся — ей весело и нам весело. А Расул в разгар беготни выходил на крыльцо и добродушно нараспев останавливал жену:

— Я-аа, Патымат, оставь, да слушай! Это ж дэ-ээти.

Такой добряк был. Помню, к нам гости приехали, отец у него. Мать мне поручает:

— Иди, позови, «гости» скажи.

Знает, если не позвать, может до утра просидеть. Я — туда:

— Тётя Патимат, папу можно позвать?

— Ну, зайди сам, их не так легко поднять.

Захожу в комнату, со всеми поздоровался, на ухо отцу: «Пап, гости пришли».

Он мне:

— Хорошо, здесь подожди, — видимо, чтобы не забыть, что нужно-таки идти.

Я стою у двери, жду. Все какие-то тосты говорят, а я гляжу только на Расула. Он встаёт, протягивает бокал собеседнику:

— Налей мне сюда.

Налили ему коньяк, он коньяк любил, а один из гостей, его лечащий врач останавливает:

— Расул Гамзатович, Вам же нельзя. У Вас давление.

— Лучше давление, чем томление.

У Расула каждое слово на месте, каждая фраза — афоризм. Вот его можно подряд записывать, какой-то самородок был. Помню ещё, я студент, завтракаю на кухне. Смотрю: мимо тринадцатой школы идёт Расул. Не знаю, откуда возвращался. Улыбка на всё лицо, розовый такой румянец. И когда он шёл... Там достаточно оживлённая улица (Советская — одна из главных Махачкалы), все машины останавливались, его же все знали. А он как шёл, так и шёл, ни налево, ни направо. У меня сердце ёкнуло: «Не дай Бог, сейчас какой-нибудь мудака попадётся, собьёт». Он как шёл, так идёт, ему по-барабану, какой свет горит, идёт своей дорогой, точно святой. Никто не сигналил, никто не спешит, никто не бузит. Вот Расул прошёл, и тогда все спокойно поехали.

До последних дней хохмил. Рассказывают, в кафе гостиницы «Россия» все заказывают:

— Одно кофе.

Приходит Расул и буфетчице:

— Дайте мне, пожалуйста, один кофе...

Та, радостная:

— Наконец-то появился грамотный человек, правильно сказал...

— ...и один булька.

Мы, когда отправлялись в Москву по делам, решить серьёзный вопрос, представлялись:

— Племянник Расула Гамзатова.

Никто не знал, что такое Дагестан, где это? А Расула знал весь Советский Союз. Частенько и мне, и другим его землякам приходилось выступать в роли детей лейтенанта Шмидта. Расула Гамзатова не стало — потеря для нас невозполнимая.

Но жизнь не останавливается, бросает новые вызовы. Не скажешь: «Остановите планету, я сойду!» Нужно идти дальше, вперёд. Напишите о Дагестане, какой есть: не приукрашивайте и не принижайте. Женщину красят не напмаженные губы — внутренний свет души. Замолвите за нас чистое слово. А теперь, Александр, отведай изысканный деликатес — баранью голову, любимое лакомство Расула. Тебе уступаем исключительно, как гостю и писателю.

Он поставил предо мной чеканное блюдо с парящей башкой. Выпученный бараний глаз смотрел на нас с нескрываемым интересом.

P. S.

Я боготворю Великого Расула, этого мастера ладного крылатого слова.

Мне не удалось по жизни встретиться с Великим Расулом, потому я слушал и помалкивал.

Хотя буквально распирало от чувств к великому аварцу, поэту России. Помню, в восьмидесятые годы достал на ночь книгу Расула Гамзатова «Мой Дагестан». Думаю: как осилить, не заснуть? Утром книгу нужно отдать. Взял шёлковую нитку, один конец привязал к книге, другой сверху к дощечке, на дощечку стакан воды: как засну, книга выпадет из рук, стакан с водой упадёт на голову и разбудит. В Хунзахском районе я первым делом посетил отчий дом Расула Гамзатовича и не упустил случая посидеть в его личном кресле у рабочего стола: если не получается через усердие, может вот так... через... кресло, хоть малая толика таланта передастся мне. (Хочется ведь!) А в Махачкале мне удалось познакомиться с Салихат Расуловной — дочерью поэта. Она пригласила в гости и мы много о чём переговорили.

Примечания:

[1] Аллязат (арабск.) — самый кайф.

*

Магомед-легенда

*Если можешь быть орлом, не стремись
стать первым среди галок.*

Пифагор

С начальником РОВД Кизилюрта Магомедом Алиевичем Магомедовым мне хотелось познакомиться уже несколько районов назад:

— Коллеги называют Вас «легендой».

— У нас в Дагестане, что ни горец — легенда. Просто я два года — 2008-й, 2009-й — был командиром республиканского СОБРа — самая мужская должность МВД.

— Девять часов вечера, а Вы на службе...

— Раз обстановка такая, рабочий день начальника милиции начинается с семи утра. В семь приходишь, докладываешь министру, что раскрыто, что нет, что планируешь сделать за день... Ну, и домой в девять-десять. Иначе, как ситуацию контролировать? Там подрыв, здесь обстрел: Хасавюрт, Хасавюртовский район, Кизилюрт, Новолакский район, Казбековский, Карабудахкентский — передовая. В этом месяце нашли три взрывных устройства перед магазинами. Предварительно владельцы магазинов получили предупреждение: не продавать спиртные напитки. Но почему-то не привели в действие... Тоже интересно. В Кизилюрте создали объединённый РОВД — «город и район», но все остальные структуры остались самостоятельными: налоговые инспекции разные, всё разное... Главы районов — у каждого своя политика, а должна быть одна. В Дагестане детдомовских нету: за каждым кто-то стоит.

— Магомед, почему люди зачастую радуются: «Вчера опять мента убили!»

— Теперь самое опасное в Дагестане — сесть в милицейский УАЗик и прокатиться по Махачкале. Страшнее этого ничего нету. Да ещё вдобавок форму натянуть. Проверяющие из Москвы задают вопросы: «Почему не видать патрульно-постовых служб? пеших? конных нарядов?» Прежде, чем задавать такие вопросы, прокатились бы сами в милицейском «бобике» от края до края по Махачкале. Почему?.. Хы. Потому, что милиция сейчас по родному населённому пункту передвигается короткими перебежками. Убивают за то, что носишь форму. Что сделал кому-то хорошо, кому-то плохо — мало волнует. Никто подсчитывать не собирается. Милиция — буфер, сдерживающий фактор между уличным беспределом и властью. Не будет милиции, они пойдут наверх. Меня спрашивают: «Почему человек из вашего города в лес ушёл?» Что могу? Какие у меня права? Разве могу ему работу дать? Машину? Денег? Вот когда он ушёл в лес и взял в руки автомат, я знаю, его нужно ликвидировать, а до того... С ним кто должен работать — родители, садик, школа, администрация, исламское сообщество, джамаат. Однако, все по сторонам, остаётся одна милиция. Так же не бывает. Милиция не для этого создана.

Пока на уровне Президента России не поставят вопрос, как в Чечне или в Ингушетии, — не будет порядка. Как в шахматах: или туда иди или тебе поставят мат. Там обязали глав администраций городов-районов лично отвечать за ситуацию. А то половина глав работают на лес, их поручения выполняют, ведь не секрет. На это закрывают глаза: «Лишь бы меня не коснулось», — каждый думает. Хотя полностью, как в Чечне, в Дагестане не сделать. Там один хозяин — как сказал, так и будет. Там одна нация, а здесь более тридцати. И никогда одна народность не ходила в подчинении у другой. Каждый тухум считается самостоятельным, самодостаточным. В Чечне Президент может вызвать любого главу района и заявить: «Ты не справляешься. Пшёл вон!» Здесь, в Дагестане, так сделать не может. А 131-й закон ещё долго будет икаться.

Сегодня в Махачкале было заседание, проводил зам Ген прокурора России. Повестка совещания: «Как стабилизировать обстановку?» В течение трёх часов перечисляли, сколько бандитов уничтожено и до чего восхитительно красиво налажено взаимодействие между разными службами. Но почему всё-таки люди уходят в лес нарастающими темпами, и как сделать, чтоб не уходили... Я попытался вернуть собравших к обсуждению намеченного вопроса, кричу с места:

«А как всё-таки стабилизировать обстановку?» Не услышали. В этом победном гуле не услышали меня. В эйфории отошли от главной темы и забыли, зачем собственно собрались. Как будто не собственный народ уничтожаем... словно над другим государством победу одерживаем — немцев под Сталинградом громим. Нет нормальной идеологии, патриотического воспитания нету, контрагитации нету. Поэтому бандиты и выигрывают по всем фронтам: и в плане агитации, и в плане вербовки, и в глазах народа становятся героями. Кроме прокуратуры, ФСБ, милиции — всем до лампочки, никто палец о палец не ударит.

Да и сотрудники милиции разные...

Талдычу:

— Э! Надевай бронезилет, каску. Тебя же могут убить!

Стоит в рубашке, лыбится, думает, его не коснётся, рядом товарища замочить могут, его — нет. А когда ранят-убивают, возмущается: «Куда начальник милиции смотрел?» На совещании привели пример. В Америке существует порядок для военнослужащих в горячих точках: Ирак, Афганистан, Любых... Если боец получает ранение при снятой каске, бронезилете, то денежную компенсацию не выплачивают, на боевой операции обязан быть в полной экипировке! А у нас хоть в трусах стой: «Жарко...», — ноют. В Афганистане разве не жарко? Жарко. Не снимают же они. Трудно объяснить нашему милиционеру, в ответ отговорки: «Только снял, вон сейчас только снял...» Детский лепет! А что происходит, когда убивают сотрудника милиции? У каждого милиционера близкие: отец, мать, жена, сестра, брат... Они все наутро выстраиваются перед РОВД, начинают требовать: «Квартиру давай! орден давай! деньги давай!» Едет милиционер на машине, взорвали машину: «Орден дай!» За что?! Ордена дают за выдающиеся заслуги, за героизм, за подвиг. Он что этот взрыв предотвратил? А отец строчит по всем инстанциям, вплоть до Президента России. Администрация Президента и МВД России поддерживают старика. Добрые... Я своему начальнику штаба приказал:

— У нас 17 погибших товарищей и 25 раненых: кто царапину получил, наступал ли, в панике бежал, в грудь ли в задницу ранили — неважно: на всех подготовь наградные листы и отправь. Всех представить к ордену Мужества! Оптом отправьте.

Не народ на милицию должен работать, милиция — на народ. Но на каждом шагу сотрудники личным примером пятнают образ. Вчера иду через площадь: два милиционера стоят с автоматами перед бабушкой, та сидит, семечки продаёт. Ногами — кошёлку:

— Убери отсюда. Нельзя, сказали!

— Кто сказал?

— Начальник.

Подключаюсь к беседе с населением и сержанту:

— Сюда иди. Разве тебе такое сказал: ногами женщину отсюда прогонять? Мать, я начальник милиции. Я никогда ему такого не приказывал. Это наглец, негодяй. Иди вон туда, где люди дерутся, стреляют. Оставь её, не трогай.

О каком авторитете после этого можно мечтать? Эта старушка будет молиться:

— Хоть бы вас разорвало!

А страстные молитвы исполняются...

Он не помогает бабушке перейти дорогу — ногой пинает, а «лесной» вроде как защищает. Потому одни их называют «Робингудами», другие героями-подпольщиками. Я часто бываю на встречах в школах. Дети задают непростые вопросы: «Почему вас убивают? Почему бандиты свободно перемещаются по Дагестану с оружием?» Как им ответить? Неправду скажешь — смеяться будут. Приходится отвечать честно:

— У нас в МВД Дагестана 17 000 сотрудников. Из них не все честные. Одни приходят работать, другие наживаться, дома строить. У нас какой народ, такая и милиция. Милиция ведь народная? Так же? В КВН задают вопрос:

— Где самые богатые гаишники?

— В Гумбете.

— Почему?

— Там взятки не берут [1].

Я там работал: действительно, взятки не берут. И до меня не брали, и сейчас. Воспитание соответствующее должно быть у человека. Мне подчинённые в Кизилюрте не верят, что у меня был такой отдел. Здесь так и не смог добиться, чтоб сотрудники не брали «на лапу», а гражданские сообщали. Не сумел. Восемь раз выступал по телевизору, давал номер телефона: «Если у вас будут вымогать деньги...» Ни один не позвонил. Звонят в пьяном состоянии, когда за рулём поймали, чтобы отпустили. Я им — открытым текстом:

— На месте с сотрудником ДПС решайте вопрос. Сколько стоит, решайте...

— Он не подписывает.

— Правильно. Я запретил.

Своим гаишникам, когда не смог отучить от взяток, я дал два совета:

— Первое: никогда не прощайте пьяницам. Пьяный за рулём — потенциальный убийца.

Второй совет: никогда не вымогайте. Дали вам 100 рублей, скажи спасибо, поставь в карман и дальше работай. 150 не требуй! И тот жаловаться не будет, и у тебя служба пойдёт. Хоть так держитесь. На первом этапе хотя бы так научить. Первая ступенька. Подготовительный класс! По-другому не получается, народ такой.

Случай был: участковый, двадцать лет стаж, машину задержал:

— 1000 рублей давай!

— Только 500 с собой.

— Нет, давай тысячу.

— Хорошо, завтра принесу.

Водитель идёт в УСБ, с опером приходят, 1000 рублей отдаёт, участкового там же с поличным задерживают: не посадили, но из Органов попёрли. Этот пример тоже привожу:

— Решили вымогать, берите тогда 200 тысяч, разрешаю. Поймают: сто туда отдадите, сто судье, хоть на воле останетесь. Приходится учить молодёжь!

Откуда в милиции взятки? Учили платить и брать, начиная со школы милиции в Ленинкенте [2], затачивали под коррупцию с первых шагов. Я это заведение называл «школой террористов». Два года там баклуши бьют, в отдел приходят, получают боевой пистолет с патронами, служебную машину, мандат и вперёд... на заработки. Через Гумбет, где работал, дорога в пять районов: я еду вниз, в Хасавюрт, впереди маршрутное такси. По рации слышу, дежурный на пост сообщает: «Останови маршрутку, скажи водителю, чтобы ведро с черешней передал матери, на остановке к нему подойдут, заберут». Гаишник останавливает жезлом, водитель на ходу по пояс вылезает в окно, орёт:

— Чё, меня не узнаёшь? Каждый день здесь езжу.

Не остановился. Я его обогнал, жду на следующем посту, а это уже другой район. Подъезжает. Гаишник не останавливает, он сам подходит к нему, суёт деньги.

Я водителю говорю:

— Сюда иди!

Подходит.

— Ты почему тормознул? Тебя же не останавливали.

— Здесь один раз не заплатишь, больше не проедешь.

— Значит, ты боишься их?

— Боюсь.

— Правильно боишься. А мои, гумбетовские, тебя по-человечески попросили передать ведро с черешней матери-старухе, не захотел...

Получается, если не брать, в страхе не держать, уважения тоже не бывает. Есть такой контингент: «Не угрожает, власть не проявляет, значит, слабак!» Когда КАМАЗами возят абрикосы продавать, они ящики ставят в самый последний ряд, на ящике пишут: пост ГАИ... Моего поста там нет, Гумбетовского. Начиная с Казбека, и дальше, ящики ставят, потому что не пропустят. По-любому не пропустят. Население испытывает потребность не в уважении, в страхе животном. Другой случай — останавливают водителя с нарушением на Гумбетовском посту, составляют на него протокол, тот кидает деньги, гаишник их назад:

— Мне твои деньги не нужны.

Водила руки к небу простирает:

— Вай-аллах! Что за люди? Хоть взяли бы деньги и нормально пропустили.

Водителям проще регулярно платить, но зато, даже если нарушат, проезжать свободно. Населению, на проверку, некоррупцированная милиция не нужна, населению невыгодно жить по закону. Поэтому никто из граждан и не позвонил мне, не дал информацию о случаях вымогательства. Будут издалека завидовать порядку в Азербайджане, в Арабских Эмиратах, лично нарушая закон на каждом шагу, будут с восхищением рассказывать, какая в Чечне на улицах чистота, и сами мусор выбрасывать с балкона...

— Как Карлсон!

— ...В Чечне кто? Сами жители порядок и навели. На субботниках, своими силами. Здесь попробуй выгнать. Начнут возмущаться: «Только нам что ли надо? Пусть убирает, кто первый бросил». И будут из двух с половиной миллионов искать «первого», вместо того чтобы убрать мусор у себя под носом. В отделе люди курящие, выхожу во двор: там бычки, здесь бычки:

— Мужики, некрасиво. Ведь урна есть.

— Гражданские накидали.

— Этим негодяям тоже скажите: для курения у нас отведено специальное место.

— Всё, хорошо, поняли.

Прошла неделя, две. Количество окурков выросло. Уборщица не успевает — как гильзы на полигоне... Начальнику штаба даю указание:

— Сделай мне список курящих по каждому подразделению.

Приносит человек шестьдесят. Дал указание:

— За несоблюдение внутреннего распорядка весь состав по списку лишит квартальной премии.

Объявил приказ и пояснил:

— Кто теперь закурит, тоже не мужчина.

Прошло три-четыре месяца, снова кое-где бычки стали появляться. Подзабыли. Придётся по итогам третьего квартала опять напомнить, может, ещё на полгода хватит. Если сотрудники милиции, офицеры не понимают, простому народу о чём сказать? Но на одной жёсткости далеко не уедешь, нужна сознательность, нужна вера... Мне вера помогает. Как без веры? Не зря учат: «Если ты состояние потерял, ничего не потерял; если честь потерял, своими делами можешь восстановить её; если веру потерял — всё потерял». Сейчас уразу соблюдаю. Человек после сорока начинает поглядывать на небо... Каждую пятницу я выборочно еду в населённый пункт района, вместе с джамаатом делаю намаз, после пятничной молитвы — сход. Собираю всех, даю им расклад по населённому пункту: правонарушения какие зафиксированы, о ваххабизме веду разговор, прошу задавать мне проблемные вопросы, касающиеся милиции... У них проблема одна:

— Магомед, почему как ты, другие начальники отделов, служб, к нам на встречу не ходят?

И вот так каждую пятницу делаю круг по району. Знаешь, сколько узнаю? Из кабинета столько не разглядишь, сидя в кресле. Подчинённые мне докладывают избирательно то, что считают нужным. «Ненужного» не доложат. А теперь, услышав, что собираюсь в населённый пункт, заранее там стоят, участковый за месяц готовится: подворный обход, все дела, чтобы не получилось, что он знает меньше, чем я. Практикую заходить выборочно в дома, спрашивать:

— У вас участковый кто?

Есть, которые знают. Есть, кто понятия не имеет, «что такое участковый». Нашёл сёла, где, последний раз начальник милиции заезжал двадцать лет назад. Хочется что-то поменять, поднять авторитет милиции в глазах народа. Если министр будет выезжать в районы, встречаться с людьми — тоже плюс. Народ жаждет видеть чиновников, хочет глянуть им в глаза, вопрос задать. А знаешь, почему хакимы не едут? У них лица нет! Рыльце в пушку: «страшно далеки они от народа». Нахапали, кто что мог, и стыдно на глаза показаться. «Сержант милиции виноват!» Простой милиционер что знает? Ему сказали «стой!» — он стоит. Сказали «сесть» — сядет. Вся бала (аварск. — беда) — сверху идёт. Э-хе-хе...

Магомед тяжело вздохнул.

— А я в глаза могу прямо любому смотреть. Меня никто в двурушничестве не упрекнёт: ни у кого ничего не брал, не беру и не буду брать. Совесть не позволяет, намус. Дослужился до

полковника, и ни один рубль к рукам не прилип: у меня машины нет, дома нет, дачи нет, но, зато перед Всевышним чист, совесть чиста. Зато могу выйти перед народом и сказать в глаза правду.

И убеждён: это правильно.

Примечания:

[1] Гумбет — уникальное место не только в Дагестане, возможно, в России. Там действительно сотрудники ГАИ взятки не берут. Всеми причиной глубокая набожность населения, искренняя вера, что такие действия — грех. Недопустимый грех. Четыре муфтия Дагестана вышли из Гумбета.

[2] «Права человека в Российской Федерации» — Сборник докладов о событиях 2007 года, «Московская хельсинская группа»: «Продается всё: офицерские должности, звания. Без денег не решить ни один вопрос. Заплатив семь-восемь тысяч долларов, можно устроиться в школу милиции в Ленинкенте. Именно поэтому в ряды милиции попадают люди, склонные к преступлениям. Например, в ОМОН-1 выявлено восемь сторонников ваххабитов».

*

Новые ориентиры

*Новый йогурт «Дагестанский» —
теперь с кусочками хинкала...*

NV

Река течёт себе и течёт в одном направлении. Она не может пойти вспять.

Только люди кардинально меняют свой уклад, свою жизнь.

И в Дагестане это заметней, чем где-нибудь...

Дагестан — машина времени, где можно посмотреть на достижения цивилизации в Махачкале, и, спустя несколько часов, попасть в самую глубину веков, в глинобитно-общинный строй. В Дагестане ничто никогда не происходило по команде, одновременно, бесповоротно. Горные аулы, сёла только на карте производят впечатление сообщающихся сосудов, первичных административных единиц. Это крепости. Пожелезней Великой Китайской стены! Непрístupные бастионы, готовые на вековую осаду и автономное существование, бастионы со своим языком, культурой, традициями, укладом, адатами, стилем одежды, пищей... У нас лишь староверы Лыковы рискнули бросить вызов цивилизации, любой ценой сохранить истоки... В Дагестане — в каждом ауле есть свои Лыковы! В Губдене женщины, молодые девушки, как ходили в широких платьях триста лет назад, в них и ходят. И в платках больших... Косынка их не берёт, мода не берёт. Для писателя, исследователя Дагестан — Клондайк. Действующее пособие по истории... в натуральную величину. Говорю, и как будто снова там...

Итак, новые ориентиры Дагестана, какие они?

Гаджибуба Рустамов — один из самых уникальных людей в Магарамкентском районе. Он строит для односельчан мечеть. Да ещё какую! Одновременно в ней смогут совершать намаз тысяча человек.

— В прежние времена на Коране каждый сын записывал имя отца, деда. Вот так память о них и сохранялась в наших семьях. Я знаю семь своих отцов: пра-пра-пра... Шестеро из них покоятся на нашем кладбище. Если считать продолжительность жизни по пятьдесят лет, то всё равно получается триста лет. Триста лет вглубь веков... В годы Советской власти история каждого рода была под запретом. В девяностые годы Президент России Борис Ельцин позволил россиянам исповедовать родную религию. Мой пра-пра-прадед Магомед-Эфенди Ярагский — Великий человек! Захотелось поставить мечеть в память о нём.

Мы обошли всю стройку: помещения для мужчин, для женщин, для будущей библиотеки.

— Надеюсь, эта мечеть в Юждаге послужит тем маленьким фундаментом, где найдётся место для богатых и бедных, для скупых и щедрых. Думаю, здесь найдут приют умные, порядочные, честные люди, которые станут служить своему народу. Хочу, чтобы у них было больше богатства в душе, чем в кармане. И ещё молю, пусть кто-нибудь рядом, наконец, построит новую школу, — грустно сказал Гаджибуба. — Пойдём, покажу, какая сейчас.

Да, раньше храм знаний строили в первую очередь.

Дагестан — край контрастов. И новых ориентиров.

Жизнь требует перемен.

Живут дагестанцы не в безвоздушном пространстве. В частности, идёт, как и повсюду в стране, переименование улиц. Коммунистическая вера уступила место исламской религии, которая на всех парах возвращает былое влияние, силу: свято место пусто не бывает. В селе Губден, например, на десять тысяч жителей 42 мечети!

Гаджигиши из Кизилюрта вспоминает:

— Летом, на школьных каникулах, гостил у деда в Новочеркее, и он сделал мне обрезание. А кто-то — сигнальчик в райком! К нам на дом заявляется главврач ЦРБ, мне трусы спустил, лично убедился, подтвердил информацию. Отец тогда, в пятидесятые годы работал вторым секретарём райкома партии. За исполнение религиозного обряда его уволили с работы и занесли выговор в учётную карточку. Сегодня за такое не наказывают — поощряют.

Но есть и другие новшества... Магди Омарову из села Новочуртах не все они по душе:

— Раньше свадьбы играли в сёлах, во дворе. Красиво играли: аксакалы участвовали, дети, женщины. Всё село веселилось. Гуляли несколько дней, у всех праздничное настроение. Сейчас отмечают в Махачкале, в банкетных залах: по списку собирают деньги с присутствующих, пару часов кормят и — по домам. Мой сын, баран, тоже упёрся: «Хочу играть свадьбу в банкетном зале, в Махачкале, как все!». А там плата 180 тысяч рублей за вечер. Стали заказывать: ни одного дня нет свободного... Ха-ха-ха! Слава Аллаху! «Видишь!» — говорю. Что ты думаешь, он нашёл другой банкетный зал. Молодёжь отвернулась от гор. В город едут радоваться, — Магди сделал длинную паузу, и его густые брови, словно заросли тёмного колючего кустарника, с гневом поднялись и разом поникли. — В Дагестане принято покойников привозить на родное кладбище, где бы ни умерли. Теперь в родной аул приезжают лишь хоронить. Больше не слышен бой барабанов... зурны не слышно. Бубен молчит. Не катится по дворам смех, потерялась в закоулках песня. Только плач, причитания и траур на много дней. Плач и причитания. Умирают горы. А в селении обязательно должна звучать музыка, у людей должно быть настроение. Плач доносится, песня — нет. Плохо! Значит, неправильно живём. С каждым днём увеличивается разрыв, и, похоже, старым традициям уже не догнать молодую жизнь.

Раньше приезжал в село аварский театр, шапке некуда упасть. Тут сперва ещё набралось полклуба, потом и они стали утекать. Билеты давно никто не покупает, от делать нечего заходят. Все смотрят секс-каналы, боевики, ужастики... А для иных на первое место вышли деньги: если мать, отец денег не дадут — детям не нужны. Родители уже не воспитывают детей — финансируют. С каждым часом таких семей в Дагестане становится больше. Через пару поколений всё изменится до неузнаваемости. Идёт резкое расслоение в джамаате: ворота богача по стоимости дороже всех домов села. На всё воля Аллаха!

P. S.

Передо мной на письменном столе нэцкэ: счастливый купец тащит на горбу тяжёлый мешок добра. Но радость его преждевременная, от незнания: мешок тот прогрызли огромные, жирные, наглые крысы, они уничтожили уже часть припасов, открыто лазят по мешковине снаружи, выглядывают через прорехи — поклада тяжела от них.

Не хочу, чтоб мои дети ходили на этого купца...

Нынче повсеместно прививают молодёжи западные ценности: «Молодое поколение выбирает пепси». (Свои идеалы к началу девяностых мы утратили.) Идёт смена формаций, декораций, идеологии — смутное время. В садоводстве существует «прививка» — приращивание части одного растения (глазка, черенка) на другое. Растение, на котором производится прививка, называется подвоем, та часть, которая прививается, — привоем. Так вот, даже у растений не каждый черенок прививается к подвою. А здесь живые люди... Безопасность в сфере культуры. Убеждён, она существует. И сейчас идёт ожесточённое противостояние с культурой западной, с чуждыми нам идеалами. Да, река не может повернуть вспять, но взрываясь по весне, она выходит из берегов и крушит всё на пути, прокладывая себе новое русло.

И тогда мост больше не соединяет два берега.

Беда, коли мудрый годекан уступит место ток-шоу, алимы и аксакалы — покемонам и ксениям, если бездуховная западная культура, построенная на фундаменте денежных знаков, вытеснит искренность, теплоту, столь характерную для горцев. Каждый народ с большой неохотой, с горечью расстаётся со своими традициями. Держится за них до последнего, отстаивает, защищает. Когда целому народу не удаётся, отдельный род, семья покидают цивилизацию и, укрывшись, изолировав себя от общества, пытаются сохранить хотя бы что-то.

Староверы Лыковы ушли в глухую тайгу, но цивилизация достала их и там. Не получилось жить в изоляции... Да и мало кому удалось.

Лишь в труднодоступных горных районах Дагестана традиции отцов пока ещё живы.
Я свидетель тому.

Дописываю строки под композицию Billy Joel...
«A Matter Of Trust» — врубил на полную...
У-ау!

Some love is just a lie of the heart
The cold remains of what began with a passionate start
And they may not want it to end
But it will it's just a question of when

I've lived long enough to have learned
The closer you get to the fire the more you get burned
But that won't happen to us
Because it's always been a matter of trust

У-аа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Вибрируют стол, стены...
На классной аппаратуре. Советую...

Так! Стоп\
Словно тяжёлая сушина свалилась на голову...
— Это же американцы!.. Я ж сам только что... про загнивающий Запад... Как же?
«Подумаю об этом завтра...» — решила Скарлетт.

А я могу ответить прямо сейчас: музыка Билли Джойла, романы Марка Твена, Эрнеста Хемингуэя, Джека Лондона, Маргарет Митчелл — чистые родники мировой величины. Культурный уровень любого человека не снизится — вырастет, соприкоснувшись с ними. «Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим» — убеждал великий гуманист Дмитрий Лихачёв.

Я бы сюда ещё добавил «нет необходимости ненавидеть другую культуру».
Однако, при этом, свою культуру надо обогащать.
Свою культуру нужно трепетно беречь!

Она — стержень...
Родовой столб нашего духа!

*

Заговор

Хабар Керимхана

Камень с горы катится вниз.

Дагестанская пословица

К сумраку глаза постепенно привыкали...

Зухре-эме сидела на зелёной атласной подушке и скрипучим голосом читала Коран. Я стоял перед ней на коленях... едва держался... Голова раскалывалась от боли. Ни встать, ни пошевелиться... Хотелось безвольно повалиться на глинобитный пол, ничего не видеть, не слышать, но я терпел... Терпел и сквозь боль слушал. Я ни слова не понимал по-арабски, догадывался — она читает суру Аят уль-Курси.

Самую сильную суру Корана:

Бисмилляхи-р-рахмани р-рахим.
Аллаху ля иляха илля хваль-хайуль-кайуум.
Ляа та хузуху синатун валяа наум
Ляху маа фиссамаауяати ва маа филь ардз...

Непроизвольно у меня началась судорожная зевота, потекли слёзы... Я чувствовал: из головы уходит мёртвый холод... Приходит тепло... тепло... тепло... По углам в полумраке качались тени. Сознание заволакивал сладкий добрый туман...

Наш родовой аул — высокогорный Кара-кюре.

Дах [1] почти никогда не рассказывал о себе, но я и так знал: на первом месте у него — родители, на втором — братья-сёстры, на третьем — почтенный род, аул. Хорошим собеседником отца трудно назвать. До хабаров — не охоч. Будто горная река в долине — полноводная, уверенная, молчаливая. Для себя отец места даже в мыслях не оставлял. Так испокон веков поступали все достойные горцы.

Отец родился в тридцатом, поэтому ни на какую войну по возрасту не попал. Служил в армии три года восемь месяцев уже в мирное время. Ближайший к нашему Кара-кюре призывной пункт располагался в Кусаре, на территории Азербайджана. Добирались туда пешком, горными тропами. На станции новобранцев грузили в товарняк, как всех служивых тогда, и — вперёд.

Командир сразу приметил его на перроне: джигит здоровый — трапеция два метра.

— Будешь в вагоне старшим. Фамилию запиши!

Отец стушевался: он даже расписаться толком не умел. На счастье, в вагоне оказался односельчанин, тоже лезгин, он и черкнул за отца. Служить они с земляком попали в одну часть. Повезло. Куда без толмача? Отец ещё до призыва положил глаз на мою мать, она не возражала, писала ему в адрес воинской части аккуратные письма на русском. А он и прочитать не мог. «Земляк, выручай!» Тот читал отцу вслух, затем под диктовку, непонятными, неарабскими знаками чужого алфавита, выводил ответ. Приходилось часто делать перекуры, вертаться взад, перечитывать, что-то вычёркивать... Ежели помарок набиралось много, вырывали чистый лист из тетрадки. Несколько писем дома сохранились... Отец вспоминал:

— Каждый слов с трудом нашёл.

Беря во внимание исключительную замкнутость отца, я могу-уу себе представить то отчаянное волнение, которое испытывал он, обращаясь через переводчика к далёкой юной горянке восторженными эпитетами: «манящий луч солнца», «моя восточная звезда», «трепетная лань». Земляку, видно, роль писаря быстро наскучила, решил подхохмить. Внимательно слушая отца, он кивал, а текст сочинял свой, что в голову взбредёт... И когда в далёком ауле моя мать, истомившись ожиданием, распечатала конверт с воинским штемпелем, к великому ужасу своему, негодованию яростному, узнала, что любимому она «является исключительно в страшных снах в образе упрямой козы»... Дальше-хуже: «...ты для меня не годишься, твой род ниже моего, я нашёл девушку красивей!» Письма от наречённой в адрес полевой почты приходят перестали. Только спустя год отец, получив весточку из дома, совершенно случайно от другого бойца узнал о злой шутке. Он земляка — на дыбу... Тот сознался во всём, заодно взяв на себя и все остальные грехи мира... Когда человеку близкому наносили обиду, гнев отца краёв не замечал.

После досадной истории с любовной перепиской он ночами стал зубрить русскую азбуку. Стремление поддерживать связь с родом было таким могучим, что безграмотность не могла стать преградой неодолимой. Дотянуться до матери, до сестёр, до любимой девушки, до младшего брата! хоть словом...

Алимагомед — единственный из шести братьев отца, оставшийся в живых.

Трое старших не вернулись с фронта, погибли. Двое умерли во время войны от голода, болезней. Алимагомед для отца был ближе, дороже, чем сёстры и, наверное, даже мать. «Брат — это второе крыло», — говорят на Востоке. Мужское, до боли своё, кровное... Казалось, он заменит... восполнит потерю всех братьев собой. Алимагомед в классе прилежно учился, заслужил серебряную медаль. Математика, физика вообще — на «отлично». Семья гордилась им! А он в ответ, пока отец топтал кирзачи в армии, не получив дозволения у старшего в роду мужчины, самовольно укатил в Свердловск поступать в горный институт на инженера. Ну, ладно, допустим, уехал... Уехал и уехал. Невесту присмотре-е-ел! (Сам с троюродной сестрой помолвлен с детства.) Отец, разумеется, отругал его по межгороду на лезгинском, как следует — имел право. И с тех пор пропал наш Али-ими [2]. Похоже, оженили его там... На ру-у-усской!!! За столько лет ни разу он не навестил родной аул, не проведаль мать, сестёр, могилы предков, зияраты [3] шейхов. Ни единой весточки брату не прислал! Сколько было тоски, горечи в словах отца, который во время войны, когда холодно, голодно, Алимагомеда еле выходил:

— На головэ его бэлый чэрви кишэл... живой чэрви! Нажом в ранэ кавырал, чыстыл.

Дико было сознавать, что родному дяде безразлична священная для горца связь с тухумом. Мы долго не имели о нём никакой информации. До-оолго...

Когда я был совсем мальцом, конечно, не особо придавал этому значения, но с годами думал о дяде чаще и чаще: «У меня есть родной “ими”. Может, живут где-то на планете сродные братья, сёстры...» По наивности думалось, что все в подлунном мире свято, трепетно относятся к своему роду, лишь мой дядя — другой. Непонятный, нелюдимый... Однажды я наткнулся в книге на историю про чужие адаты, которые царили за морями, за долами — в средневековой Европе, и точку зрения пришлось изменить...

Жил-был Хлодвиг Меровинг — король рипуарских франков.

И в один скоромный день этот Хлодвиг ни с того ни с сего объявил войну своему родичу Рагнахару, подкупил его приближённых. Массивные золотые браслеты — цена измены. Предатели, как было условлено, выдали супостату вождя связанным.

— Ты унизил наш королевский род, позволив себя связать! — притворно возмутился коварный Хлодвиг и ударом меча отрубил Рагнахару голову.

Хлодвиг и дальше не церемонился, истребив всех родственников, стоявших во главе соседних племён. Их владения перешли к Хлодвигу, богатства стекались в одну казну. Земли убитых он раздавал сподвижникам. За это они становились преданными слугами. С помощью знатных людей и могущественной дружины Хлодвиг отнимал у простых франков их древние свободы, а у народного собрания — права. Все трепетали перед именем Хлодвига, единоличного властителя франков. Власть его простиралась почти на всю Галлию.

Когда с родственниками было покончено, деспот принародно разрыдался:

— Горе мне, я остался совсем один в чужом враждебном мире. Если б только мог исправить нелепую ошибку... Покажись, мой милый сородич, — брошусь в твои объятия... Отдам полцарства...

Народ на площади был растроган до слёз...

Вассалы жалели раскаявшегося правителя. Люди тихонько перешёптывались в надежде что добро, как в сказке, победит зло... И свершилось чудо! В тишине прозвучал одинокий ломкий голос:

— Господин, дозвольте, — из свиты вышел прекрасный юноша, — я Ваш племянник!

Радостный Хлодвиг жарко обнял его... и подло вонзил кинжал в самое сердце.

Вот теперь точно — весь многочисленный древний род был уничтожен. Оказывается, лицемер и не думал горевать... Хлодвиг просто желал выяснить: не откликнется ли на его причитания живая душа. Не дай бог, проморгали кого-нибудь в спешке...

У нас в горах адаты другие: «Дерево держат корни, человека держит родня».

— Алимагамэд нада найти! — повелел дах.

Слово отца — закон.

В ауле поговаривали: наша тётка Зухра — сестра отца, настоящая колдунья. К старости она полностью ослепла, но при этом считалось: «Зухре-эме [4] не видит земной мир, зато потусторонний — насквозь!» Она умела предсказывать, заглядывая в будущее, могла исцелять. Я не очень-то верил в эти байки... ёрничал, пока самому не потребовалась помощь. Болезнь подкралась тихо, как змея... Никаких травм на тренировках, особых, не получал, ничем серьёзным в детстве не болел. Но внезапно в десятом классе, ближе к весне, почувствовал недомогание: часто стала болеть голова, словно кто сжимал её металлическим обручем; появилась вялость в ногах, во всём теле... Меня уже не манило выходить во двор, забираться как раньше на самую вершину одинокого старого тополя на краю села, лазить до изнеможения по отрогам гор, купаться в лавинном водопаде. Состояние было такое, точно меня хорошенько отдубасили... Мать пыталась: что с тобой, что случилось, где болит? Отец озабоченно хмурился.

Вот тогда и потащили меня к тётке...

Серая покосившаяся хижина её прилепилась на самом краю пропасти, в дальнем конце аула... Эту неприметную глинобитную саклю я знал с детства. Как не знать!? У входа, над головой висел пучок сушёных колючек от сглаза. В сарае, в жилой комнате, пахло всем сразу: и терпким ковылём, и ароматной мятой, и прополисом. В маленьком медном горшочке на алых углях вечно клокотало какое-то зелье. Каждый раз, когда я прикасался к металлической ручке двери, меня шибало током, хотя электричества в сакле не было.

Оп!-пп!!! Вот и сейчас...

Зухре-эме завела меня в заднюю полутёмную каморку, тяжело опустилась на зелёную расшитую подушку, велела прикрыть за собой дверь и встать на колени. В детстве так хотелось побывать в этой таинственной комнате, но входить сюда строго запрещалось. На стене, за спиной у тётки, висел старинный ковёр ручной работы, на низеньком столике огромная морская раковина, Коран в древнем кожаном переплёте, гладкий булыжник, гранёная бутылка с жидкостью, спички... На тётке было тёмно-синее платье до пят, на голове толстый шерстяной платок. Она долго шептала неразборчивое, затем, пошарив в воздухе, коснулась сухонькой рукой моего лба и, делая паузы, негромко заговорила:

— Ты должен... умирать давно. У тебя девять сглаз... Тебе девушки... сделали порчу. Они влюблялись, каждая ворожила, чтоб ты к ней был привязан. Но это противоположное, потому живой.

Мерно покачиваясь взад-вперёд, она стала по-арабски читать Коран. После каждой строчки тётка Зухра зажигала спичку и, не дав ей сгореть полностью, кидала огарок в банку с водой.

...Ман заллазии яшфау индаху илля-а би-изних
Йа ляму маа байна айдийхим вамаа хальфахум

Время от времени она плевала то на пол, то мне... в лицо!..
И на лезгинском приговаривала:
— Пусть тяжесть уйдёт в землю! Чтобы всё отрицательное сгорело, вернулось полезное.
Пусть придёт в твою душу лёгкость!

Валяйхуйтууна бишай им мин ильмихии илля би маа шааааа.
Васи я курсийуху-с-самааваати валь ард
Валяя удухуу хифзухумя ва хваль алийульазийм.

У меня началась зевота, потекли слёзы... Я чувствовал: из головы выползает чёрный холод, приходит ласковое тепло. Сознание заволакивал сладкий лиловый туман... Я не понимал: сколько времени прошло, много ли, мало?.. Как долго здесь?.. Стылая тягота растворялась у меня в висках, на затылке, освобождая...

Становилось легче...

Тётка закончила читать. Протянула мне банку с водой, в которой плавали огарки спичек:

— Пей!

Вода на вкус обычная — ни горькая, ни сладкая. Остатком она обрызгала мне лицо, голову, одежду.

— Иди, позови мать.

Нетвёрдо ступая, я вышел из колдовской каморки. Мать сидела в комнате на краешке стула, и завидев меня тревожно поднялась навстречу:

— Ну, что, сынок?

— Не волнуйся, мам. Всё хорошо. Тебя тётя зовёт.

Мать ушла, оставив дверь приоткрытой. И получилось... я слышал всё:

— Керимхан сумеет теперь сам лечить сглаз. Почувствовала сильное тепло... В его руках много лекарства. И ещё видела: Алимагомеду навели порчу, потому забыл дорогу в родной аул. Видела: Керимхан поедет к нему, вылечит. Я научу... Сделай, как сказала.

Вот как...

Оказывается, Али-ими не по своей воле утратил память — ему... сделали порчу. Не такую, чтобы сгинул... Но чтоб навечно присох к чужбине, начисто стёр из памяти родительский дом. Выходит, такие заговоры бывают сильные. У каждого — незримая оболочка вокруг. Человек может заболеть, если кто-нибудь проникнет сквозь неё.

Я узнаю, как очистить. Тётя меня научит... Ключ сильнее замка!

К началу девяностых я уже приторговывал фруктами, деньги чуть тоже имел, экономическое положение появилось, достаток. И тут отец опять за своё:

— Алимагамэд нада найти!

Я пообещал:

— Найду.

Подключил тогдашний КГБ, дядьку объявили во всесоюзный розыск. Через полгода приходит бумага официальная: «проживает в Краснокаменске Читинской области, доктор технических наук». А следом — письмо от дяди: «Я что преступник, разыскиваете меня через милицию? Позорите».

Как там у Расула [5]:

Не знал я, не ведал, но понял с годами,
Уже с побелевшей совсем головой,
О чем от скалы оторвавшийся камень
Так стонет и плачет,
Как будто живой.

Теперь и я знаю, о чём стонет этот «камень»... Чтоб никто не трогал его, не вспоминал!

Город Краснокаменск был раньше закрытым, секретным. Но при Горбачёве пошли изменения: объявили, что у нас от американцев секретов быть не может, и всё открыли — город сделался обычным.

— Надо ехать! — не унимался отец.

— Слушаю и повинуюсь!

Ночью мне снится сон: улицу вижу, дом; путь нам преграждают плохие люди, отвожу их рукой, заходим в квартиру дяди. Наутро сообщая родителям:

— Сон был. Вроде без особых проблем доберёмся в Читу завтра-послезавтра.

Собираемся с отцом, спускаемся из аула на трассу. Отец в папачке, усы горячими щипцами закручены, бараньим жиром намазаны, такой бравый джигит. Шесть утра, в сентябре ранним утром свежо... И тут мимо на «Волге» — знакомый Ахтынский Первый секретарь. Подвозит нас до Махачкалы, в аэропорт. А дальше, словно подстроено, — бывает же — самолётом в Москву. Дальше в Читу на следующий день утром — билеты свободно купили и шастаем с отцом по залу туда-сюда: не знаем, что делать, куда себя деть до завтра. Народишу всякого полно, сесть негде. Советуюсь с ним:

— Что будем делать?

— Нэ знаю.

И тут подходит к нам мужичонка:

— Могу на ночь жильё устроить, рядом.

Цену заломил, но мы согласились. Хватаю баулы — два тяжелых чемодана, полные подарков: гранаты, яблоки нового урожая, национальные носки ручной вязки, домашнее вино — ташу, как ишак, следом за мужиком. Он к дачному посёлку свернул. Идём, идём... С километр, наверно: вдоль зарослей высокого чёрного кустарника; узкими, еле приметными мосточками, шлёпающими, хлюпающими по лужам; краем ухалызаной вязкой дороги... Отец-то в хромовых сапогах, а я в лакированных туфлях, в белых носочках. Устали. Холодно. Двенадцать ночи. Хоть бы успеть поспать! Чувствую: не туда ведёт нас... Переглядываемся с отцом. Мы для местных бичей нацмены, богатые хачики, басурмане... Кто его знает?

— Слушай, ты обещал рядом. Куда ведёшь?

— Недалеко осталось.

И тут я по-московски ему:

— Ё... — мать!.. Предупреждать надо, что так далеко.

— Подходим.

Ну, ладно. Вроде поворачивать поздно...

Километра два отмотали с этими чемоданами, не меньше. «Жильё» — неказистый дощатый домик. Заходим... Парень показал нам комнатуху. С дороги быстро сморило, я закемарил. Через сон слышу голоса... Туда-сюда... Что-то не то. Я парень городской, в Махачкале учился, понимаю... У отца нож в сапоге, с костяной ручкой из рога, хватистый такой. У меня ничего. Полчаса прошло — кипиш сильней... Уже не до сна. Отец сел на кровати:

— Нэхарошый мэста.

— Знаю.

Что делать? Уснуть боязно, враспloch застанут. Мы с отцом придвинули к двери стол на случай, если толкнут, хара-ура... шум-гам будет. Страховку сделал, теперь прилёт поверх одеяла:

— У Вас нож что-нибудь есть?

— Эсть.

— Отдайте мне.

Положил под руку.

На часах — четыре. Шум усиливался. Я один момент не стерпел, стол оттолкнул — дверь настежь!.. Сам особо не боюсь. Резкий свет — в глаза, на веранде за столом пять барыг в сизом папиросном дыму, водяру лакают. Увидели меня, замерли. Ханьги, сразу видно, нехорошие люди.

Я зло — хозяину:

— Вы, что, б..! Почему спать не даёте?

Наехал на них. Не дай бог встретиться с дружными волками. Но эти нет... «Ап-ап» — воздух глотают. Не ожидали! Подхожу вплотную. Уставились на меня.

— Вы спать дадите, нет? — сам закипаю, мышцы напряглись — я тогда в хорошей спортивной форме.

Хозяин, оправдываться:

— Извини, у меня гости.

Обратно иду к себе, придвигаю стол, ложусь, нащупываю нож. Вдруг тихохонько дверь толкнули — стол заёрзал! Резко вскакиваю:

— Чё случилось?

— Да не бойся! — хозяин голову в щель суёт, дружки сзади напирают.

Взглядом со мной пересёкся, зрачки расширились... Назад сдал.

За окном начинало сереть.

Кодла убралась. Мы буквально чуть дреманули:

— Ни копейки урису не заплачу. Не дали спать...

Отец хмуро:

— Заплати. Харам нам нэ нада.

— Нет!

Потащились назад в аэропорт. И — до Читы. А из Читы в Краснокаменск на кукурузнике. В город — на автобусе... У них местами уже снег. Городишко странный: улиц нет, одни номера. Нам нужен «Краснокаменск — 404».

Едем по центру, меня какое-то смутное чувство подталкивает... Прошу водителя:

— Остановите, пожалуйста.

Выходим. Прохожего спрашиваю:

— Где 404?

— Вон тот! — показывает на девятиэтажку.

Рядом почти. Заходим в подъезд, поднимаемся лифтом на третий этаж. Напротив дверь с табличкой: «Исмаилов». Я отцу объявляю:

— Здесь проживает Ваш младший братец.

Отец не видел его больше сорока лет, я — только на пожелтевшей крохотной фотографии. Теперь нажимаю звонок, открывает девушка. Я как увидел, похожа на мою сестру. Глаза родные, огненно-карие. Волосы только русые. Бывает же!

— Салам алейкум!

— Здравствуйте.

— Это квартира Исмаилов?

— Да, вы кто будете?

— Я Исмаилов Керимхан.

А её отца — Алимагомед Керимханович. Она сразу догадалась.

— Проходите... Проходите на кухню! Сейчас позвоню папе.

Времени часа три, рабочий день.

Мы с отцом теперь заходим. Чемоданы затаскиваю. У них четырёхкомнатная секция. Отец здоровый мужик: не привык кухни-мухли... Не развернуться! Руку поднял — задел люстру, плечом чуть холодильник не опрокинул...

Я смеюсь:

— Прошу прощения... Горные мужики привыкли к простору.

— Да, конечно, извините, извините. Лучше — в гостиную.

Стали знакомиться, что да как. Звать Оля, учится в Москве — институт кибернетики. Есть сестра — постарше, замужем за военным. Мать — Аня Владимировна.

Оля позвонила: с работы примчались мать, отец.

Дядя прямо с порога, напряжённый, — к отцу. Глядит чужими глазами. Минуты три... Долго мне показалось. Я тоже так стою. Теперь они сели, и снова давай молчать.

Я не утерпел:

— Дядя Алик, я Ваш племянник, Керимхан. Это — Ваш старший брат... Одного отца-матери. Мать бывает же?

Так продолжаем, сидим. Отец молчит, Алимагомед молчит. Принесли кушать. Я пытаюсь сгладить — ушлый же торгош, нет-нет. Дипломатично, туда-сюда:

— Мы Вас приехали, Вас нашли.

Водки бутылочку поставили. Они налили себе. Дёрнули, расслабились слегка. Я, естественно, при отце никогда за рюмку не брался. Пошла разборка. Жена, дочь не участвуют. Отец у меня плохо знает русский, неграмотно разговаривает. Пришлось мне:

— Что случилось, Али-ими? Почему не пишете, зачем не общаемся. Вы родной дядя. Ваши дочери — мои сёстры. Родители сколько писем писали — от Вас ни ответа, ни привета. В чём дело?

— Все послания храню, — открывает антресоли, наверху кучами лежат. — Но мой старший брат меня обидел.

Отец встрепенулся:

— Обидэл? — дах, когда плохое, всё понимал.

Я опять подключаюсь:

— Не имею права, конечно, соваться, вы оба старше меня... Это я подал в розыск. Извините. По просьбе отца, он хотел Вас найти. Сорок лет не виделись, Вы самый младший... Три брата погибли в войне, два в детстве.

Короче туды-сюды.

— Понимаешь, Керимхан, я после школы поехал в Свердловск, поступил... Встретил прекрасную девушку — дорогого мне человека... Полюбил. Сильно. Ты молодой, поймёшь... Звоню старшему брату поделиться радостью, а он одно твердит: «Харам!» Ещё я обижен... когда мать умерла, не сообщили.

Отец стал объяснять:

— Баде [б] старый плахой стал. Я чабановал, ти знаиш. Кагда прыэжал, мат умэр. Тэлэфон в ауле нэт: как сабщу. Куда?

Дядя горячо:

— Жена твоя грамотная! ...она что не могла сообщить?

Мать моя, правда, член партии, работала заведующей библиотекой. Но Отец не сдаётся:

— Пачаму дамой глаз нэ кажет. Думал, камэн с гары — гара рухнэт. Нэт! Разве сам нэ знал, мать старый, балной. Ждёт. Для матэри хоть йшницу на ладони изжар, — отец многозначительно поднял вверх рубцеватый палец, — в долгу будиш!

Дядя молчит, сказать нечего. Он-то не знает, что ему порчу навели... Голова, разум при этом отключаются. Ведь ежели по уму, да по нашим горским традициям, так именно младший сын должен остаться с родителями, обеспечить их старость. Поставили вторую бутылочку. Выпили по три рюмки. Я сам думаю: как мне незаметно начать колдовать?.. Всё не с руки.

Теперь третий день у них гостим. Слышу: гул за окном, машины туда-сюда. Дядя — профессор большой.

— Оля, что у вас такое?

— Сегодня у родителей серебряная свадьба. Сейчас все — в ЗАГс, потом банкет.

Отец дёргает:

— Что здэс?..

— День свадьбы... — как объяснить, что она «серебряная», я не знал, у нас не бывает.

Приезжаем в ЗАГс. Там ора-ура, шампанское, шум-гам. И тут деловая женщина, которая командует, протягивает отцу перьевую ручку.

— Подпишите, пожалуйста.

Отец недоумённо головой крутит, отмахивается, вижу — сбежать хочет. Я его за фалды пиджака:

— Отец, стойте. Так нельзя здесь. Надо Вам поставить подпись.

— Пачаму?!

— Вы тогда не одобрили, когда он женился на русской. Разженить нельзя. Во время Вашего прибытия они хотят законно оформить. Вы должны подтвердить, что не против его свадьбы, которая прошла двадцать пять лет назад. Чётки не спасут, жена рая не лишит.

Мой дах погрустнел. Видно, не рад, что влип.

— Вы старший в роду. Видите, сколько людей Вас ждут...

Отец с неприязнью берёт перо, под добродушно-весёлыми взглядами гостей наклоняется в три погибели над бланком и недовольно ставит корявую подпись. Меня тоже попросили подписать свидетельство. Я — с удовольствием: «Одобряем от имени Дагестана!»

Жена дядина мне понравилась. У неё не особо здоровье, иногда болеет, но она домашняя, за мужем смотрит, такая. А дочь... Мы с ней много беседовали. Она на меня смотрела во все глаза... Родная кровь, бывает же. Решил попробовать ворожить её, дядю не решился звать... Ему непременно надо что-то объяснить, мало-мало сказать неправду... А волнение могло меня выдать... Придётся, как есть. Зухре-эме учила: достаточно глядеть на фотографию, да ещё нужна шапка, которую он обычно носит.

Вечером, когда остались с сестрой вдвоём, я осторожно предложил:

— Оля, у нас в Дагестане существует обряд: когда не видятся долго родные — принято гадать. Ничего особенного... Хочешь, покажу?

— Интересно, — она поджала под себя ноги, поуютней устроилась на диване. — А что должна делать?

— Я буду читать... вроде стихов... Ты закрой глаза и слушай. Просто слушай меня...

— Хорошо.

Оля прикрыла веки, дивные ресницы её сомкнулись.

Я включил настольную лампу, погасил большой свет, открыл семейный альбом на странице с фотографией дяди, и сначала робко, затем всё увереннее стал наизусть читать суру Аят-уль-Курси:

Бисмилляхи-р-рахмани р-рахим.
Аллаху ля иляха илля хваль-хайуль-каййуум.
Ляа та хузуху синатун валяа наум
Ляху маа фиссамаауяати ва маа филь ардз.

Огонёк спички, с ширканьем вспыхнув, подбирался к моим пальцам и, не успевая обжечь, гас в стакане с водой.

Ман заллазии яшфау индаху илля-а би-изних
Йа ляму маа байна айдийхим вамаа хальфахум

Я по-прежнему не знал арабского, а смысл суры, по словам тёти, был такой: «Аллах — это тот, кроме которого, нет божества. Он живой, вечно существующий, не одолевают его ни дремота, ни сон. Ему принадлежит всё, что в небесах, и всё, что на земле, кто перед ним заступится без его разрешения? Он знает, что было перед ними, и знает, что будет после них, они овладевают из его знаний только тем, что Он пожелает. Трон его объёмлет небеса и землю, и не тяготит его охрана их, истинно. Он — высокий, великий».

Время от времени я украдкой плевал на пол и в шапку дяди, приговаривая на лезгинском:

— Пусть тяжесть уйдёт на землю! Чтобы всё отрицательное сгорело, пришло полезное. Пусть придёт в ваши души лёгкость!

Валяйухийтууна бишяй им мин ильмихии илляа би маа шааааа.
Васи я курсийуху-с-самааваати валь ард
Валяя удухуу хифзухумя ва хваль алийульазийм.

Из-под длинных Олиных ресниц катились крупные слёзы...

Вернулись в аул.

Дома нас ждала срочная телеграмма от дяди: «Дорогой брат спасибо ваш приезд живая вода горного родника». От него стали регулярно приходиться письма. Изредка Оля вкладывала в конверт маленькие записочки, адресованные лично мне. А летом, в отпуск, они приехали в Каракюре всей семьёй. Я возил восторженную Олю на море, таскал в горы, знакомил с кунаками. Моему лучшему другу Сабиру она понравилась настолько, что он... взял и посватался...
Поллюбить — времени не надо.

Э-ээх! Небо распахнулось во всю ширь, стало выше.

Солнце разулыбалось...

Заливаясь волшебными трелями, кружили в вихре счастья соловьи, жаворонки... Кеклики [7] выбегали к нам навстречу целыми выводками, с любопытством выглядывали из травы, дивились на молодых... Маки принарядились... С альпийских лугов хлынули ароматы чабреца, мяты.

Я видел как... у меня на глазах... камень закатывался обратно в гору.
Смотреть на это мне было гордо и радостно.

Примечания:

- [1] Дах (лезгин. Разг.) — отец;
- [2] Ими (лезгин.) — дядя по отцу;
- [3] Зиярат — у мусульман святое места;
- [4] Эме (лезгин.) — тётя по отцу;
- [5] Расул Гамзатов, «О Родине»;
- [6] Баде (лезгин. Разг.) — бабушка;
- [7] Кеклики — горные куропатки.

*

Вольная борьба

Воробей, воробей... вообще-то я орел, но ростом маленький.

Михаил Жванецкий

В фильме «Горцы от ума» есть такой сюжет:
Молодые джигиты вразвалочку заходят в больницу.
— Чем могу быть полезен? — интересуется врач.
— Ты чё, удобрение что ли, полезным быть?..
— Э, братуха, короче, мы мимо проходим, нам сказали, короче, что здесь схватки, короче, начинаются. Вес какой выступает?!
— Ребята, вам, наверно, в спортзал, а здесь родильное отделение.
— Э! Для нас везде спортзал!
И началась борьба...

Борьба вольная.

В этих двух словах выражена вся суть дагестанских народов: не смиренные, а именно вольные, в состоянии вечной борьбы: борьбы за выживание в трудных горных условиях, борьбы с захватчиками, борьбы друг с другом за землю, за воду, за компанию... «Страной непочатой силы» назвал Дагестан русский просветитель XIX века Евгений Марков.

Всем известно: мода всех континентов Земли зарождается в Париже, столица киноиндустрии — Лос-Анжелес, а центр вольной борьбы мира находится в Дагестане, точнее в Хасавюрте. Этот город давно обогнал все другие города планеты и по количеству чемпионов на душу населения, и по уровню подготовки, проведения международных состязаний. Один Международный турнир имени Шамиля Умаханова чего стоит! Мавлет Батыров, Бувайсар Сайтиев, Мурад Гайдаров, Рамазан Ирбайханов, Мурад Умаханов, Махач Муртазалиев — их имена навсегда зажглись на звездной карте спортивного мира. Город Хасавюрт — кузница спортивных кадров мирового уровня. Трёхкратный чемпион Олимпийских игр, семикратный чемпион мира и Европы Александр Медведь назвал Хасавюрт «Меккой вольной борьбы».

Фотографии хасавюртовцев, героев спорта, бравых, увешанных золотыми олимпийскими медалями горцев украшают стены нового спортивного комплекса. Когда под их пристальным взглядом (если не сказать укоризненным), я проходил из гостиницы в столовую и обратно, то невольно старался втянуть живот, приосаниться... Дисциплинирует, знаете ли.

Да, «вольная борьба» — один из символов Дагестана, символов ярких, запоминающихся, визитная карточка Страны гор. Визитная карточка каждого дагестанца от мала до велика. И путь к победе у каждого горца начинается с колыбели. У мальчиков с раннего детства горцы воспитывают бесстрашие и выносливость. В ауле Хучада Гаджи-ясулав отказался от сына, когда он уронил при людях слезу из-за кинжальной раны, полученной в драке. [1]

Горец сразу, с малолетства не воробей — орёл!
Просто маленький.

Примечания:

[1] Х. Г. Магомедсалихов, «Культура и традиции народов Дагестана»;

Наши нравы

— Ты зачем убил моих людей, Саид?
— Они первыми начали песком швыряться!

NN

Жизнь в Гергебильском районе протекает вяло.

Единственное оживление в монотонную пыльно-солнечную знойную пору вносит пора уборки абрикосов — конец июля. Это аврал! Взвинчен весь район. Все, как один, уходят в отпуск на две недели в сады. Чиновники снимают галстуки, белоснежные рубашки, облачаясь в рабочую одежду; дети забывают, что они дети; врачи устанавливают негласное соглашение с умирающими «потерпеть», те соглашаются и, кряхтя, перебираются с больничных коек на садовые стремянки; милиционеры и бандиты на две недели ставят автоматы в угол — великое перемирие.

— Себя не видим, никого вокруг не видим, — откровенно признаются местные жители.

Но вот закончилась уборочная пора, жизнь постепенно входит в старое русло, можно разговеться. Газеты и местное телевидение сообщили: «Троих человек убили и семерых ранили в ходе массовой драки между жителями двух сёл Гергебильского района».

Утром Гамзат поинтересовался у меня:

— Слышал про драку?

— Да, что-то вроде, — подтвердил я. — У нас в юности, как танцы, тоже улица на улицу, район на район стеной ходили...

— Дело не только в этом...

— В чём тогда? — поинтересовался я.

— Оружия на руках много, от войны, а психология человека меняется, когда у него в руках ствол. Чувствует себя всесильным что ли, краёв не замечает... Село Урма, там теснина есть — узкое место — двум машинам не разъехаться: кто-то обязательно должен пропустить. Знаков нет. Я уже заехал на участок, навстречу — машина. Водила прекрасно видит: проезд занят. Он мог бы просто притормозить, и мы разъехались, но смотрю, тоже въезжает в узкое горлышко. В «бутылку» лезет... Я остановился, он остановился. Стоим в двух метрах напротив друг друга: я с приятелем, а их четверо, но у меня пистолет Макарова под курткой за поясом. Знаю себя, если бы не ствол, нарваться не стал, а тут... С минуту подождал, выхожу из машины:

— Слушай, сдай назад, я проеду.

Он ругаться начал... В Дагестане ругаются обычно на русском. Национальности разные: даргинцы, аварцы, кумыки, в каждом ауле свой язык. А когда на русском кроешь — гарантия того, что ни одно слово не улетит впустую. «Чё ты сказал?» — вытаскиваю его за грудки из машины... С ходу человек тридцать набежало. Все норовят толкнуть-толкнуть... Одна мысль пульсирует: «Только бы никто не ударил!» Придётся стрелять. Причём в воздух бесполезно, меня обступили плотным кольцом, стоит руку поднять, скрутят, вырвут пистолет. Если ствол вытащу, придётся шмалять по ним. Зачем взял? Так отметили бы, конечно, знатно, может, немного и попинали, но всё бы мирно обошлось... А тут как выйдет, неизвестно? Выручило то, что мужик взрослый подбежал, знал меня — у нас огороды рядом. Он их успокоил. Психология человека сильно меняется, когда ствол под рукой.

— Согласен.

— А в школе за время учёбы дрался лишь один раз, во втором классе, когда переехали в другое село. Помню, прихожу в новую школу, никого не знаю. Кроме меня в классе трое пацанов, остальные девчонки. Я к пацанам на перемене подкатываю:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам.

— Давай, подерёмся.

Их не пришлось уговаривать, окружили меня и сообща отрихтовали, отволтузили. Потом прибежала учительница, наругала, отшлёпала их, а меня, главного зачинщика, пожалела. Больше я в школе не дрался, ходил на бокс, там хватало. А пацаны эти стали моими лучшими друзьями. Точно знаю: обмен оплеухами — самый лёгкий способ задружиться.

— Гамзат, ты часто ездил в среднюю полосу, скажи, чем дагестанцы отличаются от остальных россиян?

— Многим. По телевизору показали репортаж: девушка не справилась с управлением, сбила на машине двух женщин. Такое может быть и в Дагестане. На этом одинаковое заканчивается... Первым делом она не к потерпевшим подбежала, помочь, стала звонить влиятельному папаше по мобильнику, чтоб отмазал. Ладно, она. Прохожие перешагивали раненых женщин, шли дальше, по своим делам. Как ни в чём не бывало... Такого в Дагестане произойти не может, это точно.

Город Иваново, 94-й год: зашёл в столовую, купил салат, первое, второе. Всё не осилил, хотел отнести посуду. Ко мне подходит мужчина непрезентабельного вида — на лице следы запёкшейся крови, грязный, с запахом неприятным:

— Можно доем?

Мне стало жалко, дал ему денег:

— Купи себе, покушай нормально, как человек.

Вышел на улицу, закурил, он выходит:

— Что быстро покушал?

— Не ел.

— Почему?

— Не накормили.

— Ну-ка, пойдём...

Подхожу к кассирше, сидит розовощёкая квашня.

— Вот вы меня считаете «черножопым», а сами — нелюди. Видите, человек в каком состоянии? Он голоден. Я сам купил ему, отнёс, поставил на стол. Дождался, пока покушает, — Гамзат пристально смотрел на меня.

Скажу откровенно, мне стало стыдно. Ничего подобного здесь, за три месяца интенсивного знакомства с Дагестаном, я не видел. Понятие чести на бытовом, житейском уровне в горном краю неизмеримо выше. «Намус» оберегают в Дагестане смолоду, не считаясь с жизнью. Да, так.

— Ещё! — не унимался я.

— У нас по-разному строятся отношения в семье между мужчиной и женщиной. И хотя встречаются домашние «курицы», которые сами любого орла заклюют, всё же царит патриархат.

Я нашёлся:

Орлам случается и ниже кур спускаться.
Но курам никогда до облак не подняться [1].

— Типа того... У Фазу Алиевой прописан точный образ: женщину и мужчину можно сравнить с нулём и единицей: 0,1 или 10 — величина зависит от того, где встанет ноль.

— В России теперь, действительно, матриархат, хотя в старину на Руси было иначе.

Я думал, сейчас Гамзат начнёт перечислять непохожести одну за другой... Нет. Оказалось, коренных различий не так и много. Для себя я вспомнил несколько символов, фраз, характеризующих особенности загадочной русской души. Вот что получилось: «заначка», «село у нас большое: два вытрезвителя», «авось», «пусть лучше у меня корова сдохнет, чем у соседа две будет», «в драке не выручат, в войне победят»... В войне точно победим! Даже сомневаться не стоит... Такой мы народ, что «даже Гитлера до самоубийства довели».

Кому как, не знаю, мне горцы по духу ближе, чем, скажем уравновешенные, чопорные, внешне деликатные, маниакально-улыбчивые европейцы.

Причина очевидна: в нас много общего.

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Вчитайтесь в гениальные строки Алексея Толстого, передающего русский характер, русский дух. Европой там и не пахнет, а вот Дагестан выпирает. Просто здесь всё откровеннее, оголённей.

Ещё мы одинаково скромны...

Дворец Букингемский.
Стою под окном.
Там спит королева, не зная о том,
Какие в Аварии люди живут,
Какие в Аварии песни поют» [2].

А как иначе? Сам себя не похвалишь — никто не похвалит. И о своей скромности мы можем говорить часами, ни разу не повторившись.

Димир из села Ахты поведал красивую притчу:

— Два друга переходят маленький ручеёк. Он совсем мелкий, почти высох, еле течёт. Но горец закатывает штаны до колен.

— Зачем ты это делаешь? — удивляется второй. — Разве это речка, что ты боишься замочить брюки. Этот ручеёк перешагнёшь при ходьбе и не заметишь.

— Если мы сами не будем относиться к нашим истокам с почтением, если сами свой ручей не будем уважать, он не только не превратится в реку. Он засохнет. Никто кроме нас не возвысит его.

Ты прав, Димир!

Россия и Дагестан. Никогда! Вы слышите, никогда!..

Никогда и ни за что не променяем мы нашу удаль, щемящую душевность в любви и насилии на какой-то... банальный, безликий, скучный... европейский порядок. И это объединяет нас всех, живущих по эту сторону государственной границы Российской Федерации, посильней, чем пограничники.

Это так!

Примечания:

[1] Иван Крылов «Орёл и Куры»

[2] Расул Гамзатов.

Кровная месть

*Северный Кавказ. Пациент — стоматологу:
— У вас, доктор, у самого нет ни одного зуба.
— Ну, Вы же знаете наши законы —
кровь за кровь, зуб за зуб.*

NN

Сильно ошибаются те, кто вбил в голову, будто обычай «кровной мести» — открытие дагестанских орлов. Ещё один лживый миф. Более того, в старину и на Руси эта традиция тоже была в ходу.

Кровная месть или вендетта (от итал. *vendetta* — мщение) — обычай, уходящий в глубь веков: «Я буду мстить и, мстя моя страшна!» «Прежде чем начать мстить, выкопай две могилы», — наставляют аксакалы. О кровной мести первый раз я прочитал в романе «Граф Монтекристо». Как это происходило на диком Западе, можно узнать из «Приключений Гекльберри Финна»: герой романа признаётся, что никто, даже старики, «не знают, из-за чего в самый первый раз началась ссора». Причина никого уже не интересовала, главное процесс, процесс, который длится порой столетиями из рода в род.

Ибрагимов Ибрагим из селения Чирката говорил неспешно:

— Давно это было... На узкой горной тропинке встретились два кровника. Один из них был без кинжала. Желая выказать благородство, мужество перед соперником, владелец кинжала отдал оружие противнику: «Бей первым ты!» Кровник, не желая коварно воспользоваться случаем, наносит ему лёгкий удар по руке и возвращает кинжал. Первый джигит наносит удар ответный, тоже умышленно не смертельный, и возвращает кинжал врагу. Так они обменивались порезами до тех пор, пока оба не умерли на тропе от потери крови. Родовой столб — на нём метки делают, даты, отмечают рост детей. Когда канлы [1] не заставал соперника дома, он наносил удар кинжалом по срединному домовому столбу. И это оскорбление по тяжести приравнялось к убийству. А сейчас порядки современные, такого в помине нет. Если я, скажем, имею к соседу кровную месть, просто нанимаю людей, плачу им пятьдесят-сто тысяч и указываю клиента. Вот и вся кровная месть в нынешнем варианте. Вроде как внешне примирились, а сами... Раньше в тухуме знали, кто кровные враги, раньше кровную вражду объявляли открыто, теперь нет — цивилизация.

На кинжале Ибрагима я прочитал надпись: «Не служи горю, служи красоте».

— Послушай восточную притчу... Наш горный край будто соткан из легенд и преданий.

Как-то давно седой старик открыл своему внуку одну жизненную истину: «В каждом человеке идёт борьба, похожая на грызню двух волков. Один волк представляет зло: зависть, ревность, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк — добро: мир, любовь, надежду, истину, доброту и верность». Внук, тронутый до глубины души словами деда, задумался, потом спросил: «А какой волк в конце побеждает?» — Старик погладил внука по голове и ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь».

Алаверды я прочитал Ибрагиму на память стихотворение «Грех» Зинаиды Гиппиус:

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмщенье.

Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя — себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает —
Хоть мы простим, и Бог простит.

Советуют, если друг одноглазый, смотреть на него в профиль.

Не бывает света без тени, даже на солнце — пятна. Говорят, и в Дагестане не всё прекрасно. Не знаю... Не заметил. Я слишком пристрастен к Дагестану. Полюбил этот край, этих радушных, смелых, гордых людей. Край моих друзей.

— Нехристи! — презрительно бросят из толпы.

Действительно, на Северном Кавказе большей частью магометане, а в Европе христиане.

На Западе сформировалось гуманистическое общество, там давно никто не бегаёт по улицам с кинжалом. Там люди деликатные, образованные, воспитанные. Тот же Гитлер с безотходными комбинатами смерти под классическую музыку или американцы с ядерными бомбами по мирным городам. Одним словом — культура! Хотя по мне, лучше людоеды, чем такие гуманисты... А ещё у нас многие считают, нужно быть патриотом и поддерживать бандитов своих. Мол, кущёвская ОПГ и славянский хлопец Чикатило роднее нам, за них надо голосовать.

Нельзя сужать понятие патриотизма до аксиомы: «Своё дерьмо — не пахнет!» [2]

Из Дагестана только что прислали по электронке анекдот:

Абрек сидит во дворе, точит кинжал. Приходит сосед, интересуется:

— *Слушай, гдэ Мага?*

— *Умэр Мага...*

— *Вах! Когда умэр?!*

— *Завтра умэр...*

Примечания:

[1] Канлы — кровник;

[2] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

*

Душа души

أَوَّلُ الشَّجَرَةِ النَّوَاةُ

Начало дерева в семени.

Душа души народа...

Утверждают, познать её можно, ознакомившись с баснями, притчами, пословицами, былинами, колыбельными. Якобы именно они раскрывают душу народа нараспашку, к гадалке не ходи. Замечено, как бы ни прятался народ за современными транснациональными баннерами, как бы ни пытался ввести в заблуждение себя и других — фольклор выдаст с потрохами. Пра-пра-прадеды в изустной манере изначально передали модель образцового мужчины и женщины, в иноказательной форме в сказках заложили программу достойного поведения. Это ещё и... Если сейчас смогу выговорить... подождите... иден-ти-фи-ка-ци-он-ный код (Смог!..) Система опознавания «свой — чужой».

На Руси главный сказочный герой Иван-дурак — русичи обожают самоиронию, показное самоуничижение. Непременным реквизитом, точнее равновеликим персонажем, самых любимых наших сказок является русская печь, не слезая с которой можно совершать подвиги. Иван частенько прибегает к волшебным заговорам и свято верит в чудо. И даже сейчас, как бы далеко ни шагнул технический прогресс, любой россиянин знает крепко-накрепко: без веры в чудо у нас и дня не прожить.

У всех сказок чаще всего счастливый конец, но представление о счастье разнится...

Так в горских сказках добро грубо насилует зло.

Дагестанский героический эпос даёт много таких примеров. Например, поэма «Хочбар». Хочбар — защитник угнетённых. Он успешно грабил поместья аварского правителя Нуцала из Хунзаха, угонял без счёта ханских овец, коней и раздавал беднякам. Однажды хан коварно заманил Хочбара к себе в гости, нукеры напали на горца, связали и приготовили к казни на костре, но сначала правитель, глядя на дерзкого пленника, решил сполна насладиться его унижением и повелел:

— А ну-ка, заставим Хочбара сплясать,
Пускай он теперь позабавит народ.
А ну-ка, пускай перед смертью своей
Потешит собравшихся этот злодей.

И грянули разом с зурной барабан,
Захлопал в ладоши хунзахский народ,
Смеясь, любовался аварский нуцал,
Плясал у костра гидатлинский Хочбар.

Он трижды по кругу толпу обошёл,
Он к детям нуцала легко подошёл.
И в пляске с разбега обоих схватив,
Он бросился с ними в кипящий огонь.

«Ой боже, ой боже, могучий Хочбар! —
Тогда зарыдал, пошатнувшись, нуцал. —
Ой боже, ой боже, спасите детей!» —
Царапая бороду, звал он людей.
«Забуду я всё, гидатлинский Хочбар,
Хозяином станешь владений моих.
Отныне не будет насилий и бед,
Но только верни мне очей моих свет!

Дагестанские школьники прилежно изучают поэму на уроках литературы.
Как говорится, сказка ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок.

У русских традиции несколько иные.

Иные ориентиры.

Взять хотя бы памятник советскому воину-освободителю в Берлине. В центре фашистского логова, в Трептов-парке, стоит гранитный русский солдат. Он бережно держит на руках дочь заклятого врага — фашистской Германии. Событие, послужившее поводом для возведения монумента, произошло 30 апреля 1945 года во время штурма столицы нацистского рейха: под пулями и снарядами сержант Николай Масалов, рискуя жизнью, спас от смерти немецкую девочку.

Говорят, душа народа растворена в сказках.

Сказки учат мудрости, а мудрость — сумма пережитого опыта. Сказка — проводник культуры в самое сердце ребёнка. Мысль в сказке очень простая: хочешь себе счастья — учись уму-разуму, в сказках традиционно заключён воспитательный момент. Русская сказка «Сорока-белобока» — взрослый погибает по очереди ребёнку пальчики:

— Сорока-белобока! Где была?
— Далеко!
— Что делала?
— Кашу варила, деток кормила.
Этому дала (загибаем большой палец),
Этому дала (загибаем указательный палец),
Этому дала (загибаем средний палец),
Этому дала (загибаем безымянный палец),
А этому не дала (загибаем мизинец)
Ты дров не носил, ты печку не топил!

А вот сказка «Сорока» [1], но уже с кавказским колоритом:

«Один раз сорока давала птенцам следующее наставление:

— Когда человек нагнётся к земле, то значит, он хочет достать что-нибудь и ударить вас; вы должны тогда сейчас же убежать.

— А если убежать, как только покажется человек? — спросила одна из маленьких.

— Тогда ещё лучше, умница ты моя, — сказала мать и, желая приласкать дитя, клюнула его носиком так, что разбила череп и умертвила свою умницу».

Почти колыбельная.

Баю, баюшки, баю... Спи детка. Вечным сном спи.

На обложке такого сборника сказок желательно ставить предостерегающий знак «18+».

И всё же трудно сказать, чья правда сильнее.

У каждого — правда своя.

Беспорно одно: все родители одинаково сильно любят своих детей, желают им только добра и воспитывают, как умеют, заглядывая, для верности, в предания старины глубокой.

Примечания:

[1] «Казикумухские народные сказания», 1868 год.

Восточный базар

*— Доцент, а Доцент, а шаркаты себе
милицейские купил?*

— Так это восточный базар был, а не ГУМ.

Фильм «Джентльмены удачи»

Настоящий восточный базар: Аяла-базар.

Словно село выросло в течение нескольких часов в чистом поле, торговля идёт прямо с машин. Бойко идёт...

Привёз меня туда Мурад Магомедгаджиев:

— Каждое воскресенье на границу Акушинского и Левашинского районов съезжаются сотни, если не тысячи машин со всех районов Дагестана и даже из соседних регионов, из Чечни, например. На этом рынке есть всё, что можно себе представить, и даже то, чего представить нельзя... Здесь торгуют камень, скот, папахи, продукты. Старики утверждают, что здесь можно купить даже рог змеи — по-даргински «чича мукеки дабургор». Мои родители, сколько себя помнят, ездили на этот базар. И при Советском Союзе всем нужны были платки-млатки, ковры-мовры. У нас верят, для того чтобы сопутствовала удача в предстоящей торговле, нужно утром выйти, взяв с собой в котомку хлеб, сыр, воду, и перед выходом обязательно сытно позавтракать — не на пустой желудок идти торговать. В прошлом году я сам продал здесь быка весом около тонны. Мясники за ним приехали на дом, я всё гадал: как будут грузить? Один привязал верёвку за рога и шёл впереди, другой верёвку — к передней ноге и оттягивал назад. Они погрузили его в машину, точно послушного ягнёнка, такая туша, дно кузова копытом продавил. Когда забили, чистого веса оказалось 550 кг.

Я обратил внимание на гвалт: потный, покрасневшийся горец продавал быка-трёхлетку. Вокруг хозяина с покупателем образовалась толпа зевак, сочувствующих. Стоял шум, галдеж:

— Вон смотри, вачар — сам торг. Хозяин и покупатель берут друг друга за руки и, не отпуская, торгуются. К ним подходят люди, участвуют в маслиат — примирении, помогают сойтись в цене. У нас считается, чем больше ты торгуешься, тем лучше от торговли баракат. Со стороны кажется, словно они повздорили, сейчас подерутся, но это не так. Все стараются, чтоб на рынке царил мир. Старики рассказывают, ещё имам Шамиль повелел «людей ниже среднего роста на базар не пускать, очень скандальные».

Если судить по росту, миролюбивей людей, чем мы с Мурадом, на свете не найти.

И потому для нас путь на рынок открыт всегда.

*

Долгожители

إِنَّ الْعَصَا مِنَ الْعَصِيَّةِ

И посох был прутником!

Арабская пословица

Алиева Калу из села Ашали Ботлихского района — женщина трёх столетий.

Ей исполнилось 120 лет!!!

На Кавказе возраст — богатство!

Я беседовал со многими аксакалами, пытаюсь вызнать секрет феномена.

Джабраил из Ботлиха налил по стакану сухого вина и поведал мудрую притчу:

— Приезжает в Дагестан дотошный корреспондент, типа тебя, заходит к пожилому горцу. Старику лет девяносто, гнёт подковы. «Расскажите, как Вам удаётся так долго жить?» — «Ты гость, поэтому сначала за стол! Жена, принеси самый большой вкусный арбуз». Та спускается в подполье, достаёт арбуз. Старик отрицательно качает головой: «Нет, это незрелый». Она опять спускается по лестнице, вылезает с арбузом. Муж опять: «Я же тебя просил самый лучший, самый сладкий». Она, молча, опять исчезает в подвале и через некоторое время вытаскивает арбуз. Хозяин покрутил арбуз в руках, постучал: «Вот этот хороший!» — разрезает арбуз, угощает гостя. А тот за своё: «И всё-таки секрет долголетия». — «У нас в доме всего один арбуз, но моя жена не пикнула ни разу, не закатила скандал. Она бережёт мои нервы, я — её. Потому и живём долго».

— Понят-но. А с учётом, с цифрами у вас в Дагестане всё правильно?

— В смысле?

— Ну, путаницы не бывает? Помните, как в старом анекдоте!

Шестидесятые годы. Интервью с долгожителем:

— Как Вам удалось так хорошо сохраниться в ваши сто шестьдесят семь лет?

— Когда была Великая Октябрьская революция...

— Расскажите лучше о декабристах!

— Когда была Великая Октябрьская революция... — не унимался дед.

— Пожалуйста, расскажите лучше о Пушкине!

— Когда была Великая Октябрьская революция, творился такой бардак, что мне приписали лишних сто лет!

— С цифрами у нас порядок, — заверил Джабраил. — Высоко в горах мальчик спрашивает у дедушки: «Дедушка, сколько тебе исполнилось?» — «Сто пэсят восэм...» — «А пьёшь, куришь?!» — «Канэшно!!! Иначе никогда не сдохну».

Джабраил подлил вина:

— Но если кто сильно сомневается в возрасте, можно перепроверить достоверно.

— Как?! — усомнился я.

— По кольцам. Только для этого нужно сделать поперечный распил.

*

«Горцы от ума»

Хабар Эльдара Иразиева

— В прошлый раз, когда сидели, я только вышел, мне шею сломали в двух местах...

— Ва... Где?

— В Буйнакске и Кизилюрте.

«Горцы от ума»

Дагестан для меня — это созвездие талантливых людей. И одна из таких звёзд Эльдар Иразиев. Ему слово!

— Из команды «Махачкалинские бродяги» и выросли «Горцы от ума».

«Махачкалинские бродяги» на сегодня — самая титулованная команда КВН в России.

Я был совсем молодым, когда команда стала наращивать творческие мускулы, представлять грозную силу для кавээнковского движения. В бюджете Дагестана отдельной строкой планировались для коллектива расходы. Мы могли на месяц, оставив основную работу, полностью посвятить себя репетициям, могли жить на сцене, могли на игру привозить по 40-50 человек, а это уже шикарный масштабный танец, богатые голоса. Талантом дагестанская земля не обделена. Сценарий пишется коллективно: команда разбивается на группы, каждый приносит свой материал, зачитывает вслух; что кажется смешным — отмечается. Оценивает руководство команды: Шабан Муслимов, Андрей Галанов... Для оценки нужно тонкое чутьё, нужен вкус. Да, из команды «Махачкалинские бродяги» мы и выросли. Теперь все цитируют «Горцев от ума». Это часть нашей жизни. Фразы у всех на устах: от младенцев до аксакалов, мы в каждую семью попали, это воистину народное признание. Юмор спасает от хандры, служит лекарством... Посмотри наши ролики, лучше поймёшь Дагестан.

— Смотрел, не один раз и всем рекомендую.

— Мой кумир в области юмора — Хаджимурад Набиев, он же мой партнёр. Российский юмор слишком пошлый, чтобы с него брать пример, тот же «Камеди клуб»... Большие тексты в нашем жанре сегодня тоже редко встретишь. «Моноложники», «стендаперы»... Юмор становится более динамичным, искромётным. Всё стало динамичней, народ задвигался, по крайней мере, у нас в Дагестане. Сам я из Буйнакска... Махачкала более сложный город. Менее горский... Хахачкала! А вообще Дагестан — это джунгли. Дагестанцы от славянских народов отличаются разительно — культурой, верой. Это абсолютно разные люди. У нас меньше дисциплины, больше страсти. На Кавказе считается: лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов! С другими кавказскими народами мы почти схожи, языки только разные. Даже с грузинами, хотя они православной веры, темперамент общий, у них тоже хороших борцов много.

— Довлатов заметил, что «мёртвый кавказец темпераментнее эстонца». [1]

— ...Грузин, который ислам исповедует, горячее обычного, ислам неким катализатором служит. В нашей религии нет такого: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. В исламе мужчина должен защищать себя, свою семью. У нас религия нетерпимая, обязывает за себя постоять.

— А в нашей православной вере основной упор делается как раз на терпение, смирение, любовь. В Коране не нашёл ни одного слова, производного от «любовь».

— Во-во... Сегодня пытаются вести воспитательную работу, но сложно... Джунгли! Вы попробуйте приручить на свободе всех львов, волков, тигров. Нереальная задача! И то же самое в Дагестане. Тут с первого класса идёт борьба за выживание: если ты хлипкий мальчик, слабый по

характеру, по духу, будешь таскать чьи-то портфели. Ты должен камнем, бутылкой, начиная со школы... с роддома, уметь за себя ответить. Это джунгли самые настоящие, здесь надо с младых ногтей пестовать и защищать свой авторитет. Если ты в детстве ни с кем не подрался, — несерьёзно получается, несмываемое пятно на семье, значит, ты всё терпел, всё сносил. Ведь чтоб на тебя не наехали, такого не бывает. Как ни выкручивай, как ни пытайся соблюдать «правила движения». И человек, пройдя такую спец-подготовку, вдруг попадает в какую-нибудь тихую Ленинградскую область, — ему скучно. Ему в колыбели вместо соски патрон давали, его отец воевал, отец его отца воевал, отец его-его-его-его отца воевал тоже. На родине он дрался раз в день, кровь кипит, а тут спокойная размеренная жизнь русских: ходят на работу, его не трогают. Русский народ — люди поэтичные, романтичные: потрепаться по душам, пофилософствовать, а у джигита руки-то чешутся, закручен, как пружина, и вдруг... выживать не нужно. Тогда он начинает выживать... местных. И, отделившись от родительского прайда, на новом месте создаёт свой прайд! — Эльдар заразительно смеётся.

— А ещё, кажется, дагестанцы любят распространять о себе в соцсетях всякие ужастики, чего, может, и не было, словно бравируют.

— Есть и такое. Нельзя быть набожным и беспредельщиком в одном лице. Мне нравится одна притча. Устаз попросил мюридов нарезать курицу так, чтобы никто не видел, и принести её. Все справились с заданием, кроме одного ученика. «А ты почему не выполнил задание?» — спрашивает его учитель. — «Я не смог найти такого места, где бы меня никто не видел. Аллах видит нас всегда и везде». Не думай о том, как незначителен проступок, подумай о том, как велик Тот, кого ты ослушался. Моя цель — прожить так, чтоб не вызвать гнев Всевышнего. Я люблю отдыхать дома, в кругу семьи, с «Горцами от ума». Не люблю шляться по ресторанам. В злачном месте легко нарваться на приключения... Пьяный матерится за соседним столом, ты ему замечание: «Не ругайся матом!» Он — тебя, ты — его! Ты ему «1:0» делаешь, потом он тебе «2:1» И — пошло-поехало: история длиной в пять лет. Или недавно, ситуация на перекрёстке: «Музыку тише делай, да!» — «На, громче!» И сразу: минус один, минус два, минус три... В итоге несколько трупов. Ислам запрещает такое поведение, всегда запрещал... Но при коммунистах наша религия была учением слабым, поверхностным, теоретическим. Сегодня Ислам в Дагестане набирает силу. В том, что сейчас говорю, мало смешного. Каждое слово не может быть смешным.

Эльдар пытался по моей просьбе организовать встречу с лидером салафитов Дагестана. Созвонился, передал моё пожелание, но во встрече отказали...

P. S.

Одну из главных причин формирования негативного образа дагестанца на бытовом уровне раскрыл мне Гасан:

— В каждой отаре есть паршивая овца, но джамаат строго следит за чистотой рядов: и поныне насильников, кровников, отпетых хулиганов, аморальных типов подвергают остракизму (изгнанию). Абреки вынуждены покинуть родное село и навсегда уезжать в глубинку России, в Москву... на гастроли, за новыми приключениями. В родном ауле долго не «побыкуешь»! К сожалению, русские именно по изгоям судят о всех «лицах кавказской национальности».

Вот тебе раз!.. Для меня эта «закрытая» информация стала полным откровением.

Когда все кругом бесстрашны, становится страшновато. И русичей, по жизни, спасает лишь умение свой страх преодолевать. Не зря в числе дагестанцев Героев Советского союза — русских половина...

Примечания:

[1] Сергей Довлатов, «Ремесло».

*

Чужая земля

*С соседом дружи,
но плетня не снимай.*

Лезгинская пословица

Для многих дагестанцев до сих пор эта тема самая болезненная.
А язык, как известно, вертится вокруг больного зуба.

Случилось это в марте 1944 года: из 21 района Дагестана жителей сёл насильственно депортировали в Чечню. Великий кормчий на этот раз, действительно, хотел как лучше...

Серажудин Абдурахманов трагическую историю своего рода знает не понаслышке:

— Я родился в ссылке, но родители часто об этом рассказывали, потом работал в районном архиве, знакомился с документами. В нашем Цунтинском районе было 46 селений малых и больших, их все сожгли, чтобы отрезать людям путь к отступлению. Переселили 1514 хозяйств, около 8000 человек. Всем предоставили по одной грузовой машине, оставшееся имущество бросили, ликвидировали колхозы, исключили из районного реестра названия сел. В Чечне нас поселили в Эрсеной Веденского района, поселили без права возвращения на родину. На новых местах пришлось заново создавать быт, организовывать колхозы. До нас в селе жили акинцы — дагестанские чеченцы, их выселили в Казахстан. А в 1957-м году Хрущёв принял решение отпустить чеченцев из высылки. Мы за тринадцать лет только обжиться начали... В дом, где нас поселили, тоже вернулась из Казахстана чеченская семья. Старший — старик Муху, священник-мулла, как и мой отец. Между собой они не общались, не разговаривали, не здоровались, как ни пытался отец с ним заговорить. Они не зашли в дом, пока мы не выехали, жили на веранде, еду варили на примусе отдельно. Два месяца мы вместе жили так, молчком. Государство нам предложило на выбор: «Если хотите, живите вместе с чеченцами. Если не хотите, мы выделим вам район под новое жильё рядом с Махачкалой». Мы решили жить отдельно, плохой сосед — семь бед. Вместе всё равно жизни не будет. Не отыщешь, пожалуй, такой семьи, куда бы чеченцы ни приходили на дом и в ультимативной форме не спрашивали: «Сколько вы будете топтать нашу землю? Когда освободите наши дома?» Среди молодёжи из-за этого постоянные склоки, раздоры, спокойного дня не было. Хотя чеченцев понять тоже можно...

Мне исполнилось тринадцать, когда переселялись назад в Дагестан. Я хорошо всё помню. Назвали дату, на два месяца раньше прибыли автоматчики, чтобы исключить столкновения, бойню между народами. Нам опять выделили грузовик: туда кровати, бельё. Скот гнали своим ходом через Ботлих, Цумаду. Руководство страны в 44-м объясняло: «Выселяем для улучшения жизни народа, в Чечне более плодородная земля». А вышло-то как? Вернулись: дома сожжены, дорог нет, мостов нет, мельницы разрушены, горные террасы смыты селями... Разруха кругом.

И пришлось нашим родителям создавать колхоз... в третий раз!!!

Слов нет, трагичная история.

Но если часто вспоминать прошлое, можно потерять будущее.

Дженев Казиева указала на табличку:

— Единственная в Дагестане улица Сталина расположена у нас в центре Кумторкалинского района.

— Откуда знаете, что единственная?

— Я историк. Моя профессия — спрашивать, читать, изучать, искать, знать. Улицу хотели не один раз переименовать. Старожилы категорически против: «Наш Сталин! Отец всех народов! Ленин кавказской национальности!»

Эх! Если бы всё дело было в Сталине...

Есть восточная легенда о том, как в спящего человека вползли десять змей. Долгое время человек выполнял лишь их требования, все его поступки свершались не на основе внутренних побуждений, а под нажимом, и в итоге всё его существо оказалось в рабском повиновении. Но когда змеи уползли прочь, и он неожиданно вновь стал свободен, его радость была омрачена. Бедняга не знал, что теперь делать со своей свободой. Ведь за это время он постепенно лишился всех своих собственных желаний и страстей, а вместе с ними незаметно для него исчезла его человеческая сущность... После Сталина, после тотального принуждения нам всем предстоит вернуть себе свою сущность.

*

Энгимеши

Толгау [1]

*Песня созревает сама собой, как
зреет яблоко. Поэт лишь срывает
её с ветви.*

NN

В администрации Ногайского района сообщили, что моим провожатым будет Мурад Аvezов — прекрасный человек, известный в народе энгимеши (знаток легенд) и... поэт. Я несказанно обрадовался. Раз поэт, значит, родная душа:

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.
И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.
Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольётся.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.
Он скажет:
В пропасти времён
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племён,
Зато не ссорились поэты.
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак [2].

Мы познакомились. Внешне Мурад, как и другие его соплеменники-степняки, не имеет ничего общего с горцами. Черты лица напоминают скорее монголов, кочевников, потомков Тамерлана. Пустыня, зной, отсутствие гор, верблюжья колючка и ковыль, сухой ветер лишь усиливают это сходство.

— Побеседуем мы в пустыне, за ужином, у костра, — сообщил Мурад. — Нигде так красиво не получится живописать нашу культуру, как под открытым звёздным восточным небом. А заодно, угощу Вас «куърлеме» — это наше любимое национальное блюдо.

— Рецепт откроете?

— Я буду готовить и комментировать.

Мы уехали за посёлок. Огромный алый диск солнца на глазах закатывался за горизонт, отступила жара, пока мы собирали вокруг стоянки хворост, темень окончательно сгустилась. Тонкий запах полыни стелился над степью ногайской.

— Итак куьрлеме, — объявил Мурад. — Берут ягнёнка молочного возраста, секир башка ему, вынимают внутренности, кишки-мишки...

Он выкопал в песке яму, засыпал хворостом и развёл огонь.

— Теперь нужно, чтоб всё прогорело, остались одни угли.

Мы расстелили на земле кошму, принесли из машины вышитые подушки и уютно расположились рядом с огнём.

— «Магомед», восточный ветер с Каспия, гонит волнами барханы, засыпает пастбища, солончаки, — Мурад подоткнул подушку повыше. — Меняется с годами пустыня... умирает. Но всё равно — это наша родина, мы вросли в этот песок, пустили глубоко корни. В другом месте, на другой почве не выживем. А сейчас, кто сильней, тот и прав, водоворот страданий людских. Ногайцы — народ не такой вспыльчивый и, пусть простят меня братья-дагестанцы, не хамоватый, воровать, убивать людей не склонный. У ногайцев даже нет такой традиции «кровная месть». Сколько бы ты ни старался, из песка не вылепить скалу. У нас, как у русских, проблема демографии: в семьях по одному-два ребёнка. А, как справедливо заметили русские, свято место пусто не бывает. И не исключено, что со временем только вывеска останется: «Ногайский район». Русские, если их отсюда выживут, уедут в Рязань, в Сибирь, за Урал. А куда отсюда поеду я? Куда отсюда уехать ногайцам? Деревья умирают стоя.

— У нас старики учат: «В тридцать лет нужно задуматься о жизни. Сорок лет — пора, когда твоя сабля должна рубить падающую волосинку на сорок частей. В пятьдесят — ты лиса. В шестьдесят — у тебя седые виски, седая борода, и ты встаёшь на путь праведный. В семьдесят лет — ты старик. В восемьдесят лет — ты уже никому не нужен. В девяносто лет у тебя одна дорога — от порога до дома. В сто лет — прощайся с жизнью». Для меня самое время — встать на праведный путь.

Дрова тем временем прогорели, лишь угли мерцали тревожным алым огнём, раскалив песок, превратив яму в жаровню. Мурад завернул в шкуру мясо ягнёнка, обработанное специями и опустил в жар. Засыпал землёй.

— Вот теперь эта барашка будет томиться в собственном соку, без огня, в земле предков и по традиции предков.

Через два часа Мурад осторожно, слой за слоем, разгрёб горячий песок штыковой лопатой, достал чёрный, обугленный кожаный свёрток, переложил на широкое металлическое блюдо и развернул... Чудный мясной аромат восхитил... одурманил меня... Нежное мясо, покрытое румяной корочкой, продолжало тихонько скворчать...

Мы опять развели костёр и при свете языков пламени отламывали небольшие кусочки...

Костёр, ночное звёздное небо, легенды энгимеши, свежий воздух ночной пустыни, красное сухое вино и куьрлеме... Так здорово, что не может быть явью.

Сказка восточная!..

В потрескивание хвороста вплетался дивным узором хрипловатый голос Мурада:

— Мой дядя Гамзат Адживельдиев писал прекрасные стихи. Я пробовал переводить их на русский, но у меня ничего не получилось.

Был чабаном, в степи копал колодцы,
Выпрыгивал со дна, как стригунок...

Ну, извини... Не поддаётся строка поэтическому переводу на русский. Чтобы говорить о его поэзии, нужно знать ногайский язык. Например, у него есть стихотворение «Еллёр» — ветры. О любви. Но если ты далёк от ногайского языка, сделаю тебе даже смысловой перевод, ты сразу скажешь: «Банальщина». «Еллё-оор, эллё-оор...» Вот послушай сам звук, его вибрацию, колебания. Как переходят диссонансы в консонанс, — Мурад преобразился, и, глядя куда-то во внутреннюю бескрайность, стал читать:

Еллё-оор, эллё-оор...

Стихи на родном языке востока, для меня, как девушка в парандже: загадочные, изящные, недоступные, и очаровательные... насколько хватает воображения.

— Красиво. А перевод, хотя бы смысл.

— Ветры, ветры, я б ударил вас за то, что целуете девушку, которую я не могу поцеловать. И поэтому я в гневе на вас, ветры. Я вижу, ветры обезумели, распахнули кофточку, целуют твою грудь, и твои волосы чёрные летят по ветру. А что остаётся в этом мире мне? Я люблюсь тем, что ветры обнажили тебя. По-ногайски, конечно, звучит совсем иначе. Разве можно пересказать «любовь»? Только любовь делает шипы роз мягкими. Каждые полвека меняются обычаи народа. Меняется и молодое поколение. Им уже не нужен язык отцов, прадедов. Им нужно всё общее, усреднённое. Так случилось потому, что они черпают информацию из интернета, а в своё сердце не заглядывают. Мне нравится одна восточная притча:

Когда Бог создавал человека, он ему сказал:

— Я тебя сотворил, я за тебя отвечаю. Когда тебе потребуется моя помощь, будет плохо, приходи ко мне. Буду помогать тебе во всех твоих делах.

А человек — такое существо ненасытное, суетливое, по всяким мелочам стал обращаться к Богу, приставать попусту. И надоело это Создателю. Забрался он на вершину снежных гор, но и там достал его человек, опустился в глубины морей, и там отыскал, прятался в лесной чаще, уходил в пустыню — нигде не было покоя от надоедливости человека. Тогда Творец задумался: «Куда же спрятаться от него?» Давай-ка, я спрячусь в его сердце. Ибо в сердце своё человек редко заглядывает. Когда мы свершаем дела не от сердца, по расчёту, с нами нет Бога. Мы далеко не уйдём таким путём. Есть только одна вера — Совесть. Нужно поклоняться своей Совести, стараться всегда быть верным ей. Это и есть наш единый Бог. Те, кто совесть утратил, предал, переступил, — те неверные — кафиры. В какие бы одежды они ни рядились. И потому мы должны писать по совести, жить по совести. А если что-то мешает, надо исцелиться. Самоисцелиться. Почему ты, писатель, приехал сюда... Кто-то ведь поднял тебя: «Дорогой, поезжай, установи истину. Если не сможешь установить, хоть сделай шаг в её направлении». Может, для тебя это самоисцеление. И не надо оглядываться в пути, споткнуться можно. Когда мои коллеги критикуют того или иного бумагомараку, пачкают, я всегда встаю на защиту: может, действительно он для нашей промышленности ничего не сделал, не помог сельскому хозяйству, но вдруг в его творчестве имеется хотя бы крупица, которой он призывает к добру, к справедливости, милосердию, любви. От певчей птицы мяса мало. В кочевом обществе, как самые уважаемые, почитались йыравы — поэты, сказители, певцы. Ведь и Коран, Ветхий и Новый завет — прежде всего слово поэтическое. «Сначала было слово, и слово это — Бог».

Вот тебе ещё одна притча... Жил в ногайской степи старик со старухой и было у них три сына. Сыновья взрослые: у каждого своя семья, но жили все вместе, в одном доме. Жили дружно. Всё у них было хорошо до поры до времени. Но вдруг однажды, без всякого повода, разругались они между собой: все со всеми. Была поздняя осень, ночью выпал снег, рано утром старик вышел во двор, смотрит: кто-то встал раньше его — по свежему снегу от дома уходили следы. Пошёл старик по следу. Долго ли, коротко ли он шёл, видит, у дерева стоит красивая девушка.

Спрашивает старик:

— Ты ли, дочка, вышла из нашего дома?

— Да, это я покинула ваш дом.

— А кто ты?

— Я Счастье. Каждый день у вас ссоры, ругань, дразни. Мне стало тесно, душно в вашей хижине, неудобно, холодно. Не хотела никого видеть перед уходом, но раз так получилось, что мы опять встретились, то на память, в знак уважения, могу выполнить одно любое ваше желание. Я благодарна за приют, за радость в прошлом: бывали в вашем доме и счастливые годы. Почтенный

старец, скажи, что тебе нужно, о чём ты мечтаешь — всё исполню. Может, несметный табун коней, бесчисленную отару овец, золото или заморские наряды и красавицу жену?

— Мне нужно посоветоваться с сыновьями. Они — моё будущее.

Старик вернулся домой, собрал сыновей, пригласил жену и рассказал им о волшебной гостье, которая покинула их дом. Все стали наперебой кричать, требовать своё: жена — золота, старший сын — табун коней, средний сын — отару овец... (Чабаны счастье отарами мерят.) И только младший сын молчал. Старик обратился к нему:

— А ты что посоветуешь мне выбрать?

— Отец, табуны скакунов, отары овец, золото... несметное богатство... Конечно, хорошо, когда в доме достаток, но это не главное. Потому что, когда покидает Счастье, вместе с ним уходит и наша совесть — намуз. Все скажут: «Эти бесстыдные люди потеряли Совесть, раз променяли счастье на деньги. Аксакалы скажут: «Это проклятый род!» Нас проклянут на веки веков, как после этого мы станем жить? Иди отец к Счастью и попроси вернуться. Мы забудем о своих обидах, погасим распри, только бы к нам в хижину вернулось Счастье, а в наши души — намуз. Мы станем жить, как жили раньше, когда всем было хорошо. Ведь, правда, братья?

— Да! — горячо поддержали все.

Я верю, на всё воля божья, человек лишь исполнитель. У скакуна копыта не думают, и когда-нибудь они могут привезти обратно. Нужно только сильно этого хотеть.

Примечания:

[1] Толгау: жанр ногойской поэзии — философские размышления, раздумья

[2] Сергей Есенин «Поэтам Грузии»

*

Наше будущее

*Аялар гзаф авай квале шейтандиз чка амукьдач (лезг.)
В доме, где есть дети, шайтан не бывает.*

Лезгинская пословица

Вдоль ручья четверо подростков гнали упитанного бычка.

Гасан, прищёлкнул языком:

— На свадьбу тащат.

— Ты Шерлок Холмс? Откуда знаешь? Почему именно на свадьбу, не на день рождения?

Может они стырили этого бычка, зажуковали? Может, гуляют с ним?

— Мы знаем... Ах-ха...

— Гасан, объясни.

— Именно на свадьбу. В последние несколько часов похоронных вестей не было...

— Ну, мало ли.

— ...Июль-август у нас свадебный месяц. На день рождения быков не режут, маленькое мероприятие, а на свадьбу одного ещё мало будет. Эта семья, по всему видно, небогатая. Зажиточные режут двух-трёх, чтоб в достатке всем гостям. Могу и фамилию угадать. Одного пацана я узнал, вряд ли ошибусь: женится младший сын Омарова. Наверняка, его внуки. Слышал, завтра свадьба у них. У нас в селе через каждые двадцать минут — новости. Люди, пробегая от сакли к сакле по своим делам, сообщают «бегущей строкой»... Про другую пирушку никто не азанил. Вся информация у меня состыковалась, вывод только один — быка ведут на свадьбу.

— Надеюсь, не жениться?

— Нет, на убой. Завтра, во исполнение указа Президента России Медведева, будет свадьба.

— То есть никакая это не самодеятельность, исполнение Указа Президента?

— Конечно. В 90-е годы, во время войны произошёл резкий спад рождаемости, однако недавно в процесс деторождения вмешался лично Президент России, издал Указ о поддержке, и позорное отставание мы тут же наверстали. Спасибо ему! Пусть в этой молодой семье растёт своя футбольная команда. Я вообще считаю, надо обратиться в Госдуму с проектом закона: отключать в шесть вечера в сёлах свет, чтобы не было других развлечений, других соблазнов. Ни телевизора, ничего... Чтоб они занимались исключительно решением демографической проблемы... Как наши далёкие предки: они жили в деревне и усердно предавались единственному греху, который был доступен.

— Сакхи!

— А что касается «бегущей строки»... Потребность делиться новостями у нас сильней воли. Замужняя женщина в селении сокрушалась мне: «Если я что-то важное услышу и дальше не передам, всему аулу, у меня в груди... насквозь... дерево вырастет. И поэтому ни одному мужчине я не позволю к себе подойти, об этом тоже разболтаю. А так хочется».

— Сакхи, ещё раз!

— Ты заметил, в хмельном виде самые интересные мысли возникают, самые ценные. Давай за то, чтобы в школах учили не таблицу умножения — таблицу размножения! У нас в Дагестане принято рождение сына отмечать тремя выстрелами.

— А страна думает, здесь война идёт...

Наглядно я увидел вспышку демографических изменений в Чародинском районе, в маленьком горном селе Доронуб. По возрасту встречной группы детишек я мог бы определить дату опубликования знаменитого указа. Хорошо было видно, что горцы восприняли текст, как сигнал зелёной ракеты. Они принялись исполнять Указ Президента РФ там, где застала весть, одновременно, отложив все прочие дела... И, как результат, — рост рождаемости. В одном Чародинском районе открыли за год пять детских садов.

— У моих родителей семеро детей, — продолжал Гасан. — И у меня тоже семеро.

— Считается, если впереди тебя по снежной целине сделали два шага, ты, идущий следом, должен сделать на шаг больше...

— Сделаю! Хотя и сегодня в селе меня считают отцом-молодцом: есть и мальчики, и девочки. А туалет и умывальник один совмещённый. Для того, чтобы утром все, на равных, могли его посетить, приходится устанавливать график, как в поезде. Мужчины, включая меня, должны вставать в шесть. Дети признаются: ложатся и засыпают с мыслью об этом. Чтобы спокойно побриться и дать сыновьям чуть подольше дремануть, я поднимаюсь в половине шестого. Такие адаты в нашей семье, но мы с женой хорошо знаем: семьи должны быть многодетными. Не нужно бояться рожать детей, даже если ты сам не сможешь их прокормить, Бог даст детям хлеб. От ребёнка всегда идёт шапат — благополучие.

Ведь наши дети — будущее!

Будущее всей России.

P. S.

Всю дорогу я искал символ, помогающий понять, отчего будущее всей России такое...

В парке культуры и отдыха Санкт-Петербурга когда-то был установлен памятник «Молодой семье». Недавно его демонтировали. Азад Герейханов, глава администрации села Чинар Дербентского района, случайно узнал, что монумент собираются выбросить на свалку. Он решил непременно спасти памятник! За свой счёт вывез его из Санкт-Петербурга, отреставрировал и установил в родном селе. Теперь вокруг скульптурной композиции — зона отдыха взрослых и территория воспитания юных сельчан. Несмотря ни на какую распродажу ценностей, семейный очаг в Дагестане в почёте по сей день. И то, что «ненужный» памятник семье радушно принят в Дагестане, вознесён на постамент — глубоко символично.

*

Воспитание

Настали тяжёлые времена: прогневались боги, дети больше не слушаются родителей и всякий стремится написать книгу.

Послание древнего Вавилона

Заспорили как-то раз звери, какой птенец самый красивый:

— Павлин! Нет красивей.

— Орлёнок! Кто может быть величественней царя птиц?

— Совёнок милей. Он самый смыслёный.

Звери попросили ворону:

— Слтай в лес, принеси самого красивого птенца.

Она улетела, звери гадают:

— Кого сейчас принесёт?

Ворона приносит своего чёрного, маленького, общипанного воронёнка, еле стоящего на лапках.

— Вах!!! — удивились звери.

Но потом они поняли, для каждой мамы свой сын самый красивый.

Самый-самый!

Даже когда весь мир против, мама всегда за нас.

За это мам и любят.

Если ты изжаришь в своей ладони яичницу, то и тогда не сможешь оплатить даже одну бессонную ночь, проведённую матерью над твоей колыбелью.

А отец...

Отец должен воспитать из ребёнка Человека.

Тоже непросто.

Древние греки в Спарте сначала учили детей воровать себе пропитание — всё остальное потом. В старину в Дагестане поступали иначе... Горец отдавал сына в учение мулле и заключал договор: «Мои кости, твоё мясо» — соглашаясь, что наказание учителя может быть любым, лишь бы сын остался жив.

Воспитание в Дагестане, какое оно сейчас?

Мурад, поглаживая родовой столб в сакле, вспоминал:

— У моего дедушки в семье двенадцать детей. Тётя моя родилась, через два года родился дядя. Она считалась уже чуть-чуть большая. Ставили рядом две люльки: в одной она, в другой брат, она качала брата — паровозом. У нас воспитанием ребёнка обязаны заниматься все, это обязанность всего тухума. Потому, что если ребёнок вырастет плохой — пятно на весь род. В джамаате любой старший имеет право наказать младшего за нехороший поступок. И правильно. Раньше дети не смели пройти через годекан, нарушить покой стариков. Помню, однажды мне поручили что-то куда-то отнести. Я решил проскочить напрямую, выскакиваю, а там!.. сидят два старика. Мой дядя сразу меня поймал, посадил на колени и на сухую, не намочив, не помывив, обрил голову кинжалом. Шлёпнул напоследок по заднице, отпустил. Мне пяти лет не было... Помню хорошо. Отец физически меня никогда не наказывал. Самое страшное, когда он медленно подбирая слова, изрекал: «Мне стыдно за тебя перед людьми, Мурад». Отец постоянно на работе, моим воспитанием, наказанием занимался дядя Абдула. Мать тоже могла наказать, но сначала она должна была догнать меня, а это ей не под силу.

Пока я рос, дядя Абдула в воспитательных целях успел несколько раз меня отдубасить. Мне было лет одиннадцать, когда с друзьями угнал мотоцикл. Друзья сидели в люльке, непосредственно угоном занимался я. Как с помощью спичек включить зажигание, завести, знал, через три километра мотоцикл заглох... бензин кончился. Слышу гул... За нами несутся на милицейском уазике. Смотрю, дядя тоже. (Он всегда в такие моменты оказывался под рукой: работал тогда в милиции.) Мы мотоцикл бросили, побежали.

Слышу, сзади рык:

— Ты куда? Сюда иди.

Дядя... Я ещё постоял, подумал: пацаны сбежали, а мне всё одно возвращаться домой. Так и так вариантов нет. Дома может добавить мать, отец, лучше сейчас получить. Вернулся... Сдался на милость судьбе. Дядя хотел посадить в тюрьму, гаишник говорит не надо.

— Ну, тогда профилактику сделаем, — прорычал дядя.

Мотоцикл запомнился на всю жизнь. Дядя бил меня не в шутку, тут же, у всех на глазах. Потом узнали родители, и, самое обидное, отец утром подошёл к постели, откинул одеяло:

— Мурад, ты не залёживайся: там опять кто-то мотоцикл оставил.

Это услышать мне было горше дядиных тумачков.

В восемнадцать провожал одноклассников в армию, мы выпили, и так получилось, что я военного комиссара... спустил с лестницы. (Здоровья у меня хватало.) Но у дяди его оказалось ещё больше. Он мастер спорта международного класса по вольной борьбе. Военком отзвонился дяде, тот меня в военкомат затащил, и конкретно отрихтовал: кулаками, ногами. Только по лицу не бил. Когда метелил, у меня в мозгу стучала одна мысль: «Лишь бы не почувал запах спиртного...» Военком еле оттащил его. Я неделю старался не попадать дяде на глаза: воспитание могло повториться. (Для себя понял одно: военкома нужно оставить в покое.) Сейчас я сам отец и знаю твёрдо: именно я в ответе за воспитание сына, ни школа, ни соседи. «Не успел, был в командировке, доверял сыну!» — детский лепет! Надо вовремя воспитывать, а школе, тухуму, друзьям всегда за подмогу спасибо скажу.

У нас в Карелии старики наставляли: «Опасту лапси, куни хяй пойки лавчан» — Учи ребёнка, пока он умещается поперёк лавки. И действительно, потом уже поздно. В Дагестане отцы это понимают хорошо и свою ответственность несут достойно. Страна гор во всех отношениях — край уникальный, в вопросе воспитания — особенно. И мне остаётся лишь подтвердить слова Мурада: «Только в Дагестане мужики в сорок лет курят за гаражами, “чтоб пахан не спалил”; только в Дагестане ведущий концерта, прежде чем начать, спрашивает разрешения у старшего брата, сидящего в зале». И это правильно.

В Хунзахском районе я видел как орлы обучали орлят летать. Эта картинка у меня навечно останется перед глазами как высший, священный образ отношений родителей и детей.

P. S.

Ежегодно 8 сентября, в день смерти мамы и отца, я хожу на их могилу. В этом году не удалось... На русском кладбище в Кайтагском районе Дагестана положил на могилки русских учителей конфеты. Думаю, родители должны простить.

*

Община

Общий котёл и на льду закипит.

Дагестанская пословица

Мне важно написать про то самое-самое, что делает Дагестан — Дагестаном, что до сих пор не в силах искоренить ни правители, ни цивилизация, ни западная мода, про то общее, что есть между нами и, что резко отличает нас от зарубежных соседей, — про общинность.

За пределами Страны гор, в России, коллективизм в последние годы стал проявляться меньше, и это у многих вызывает щемящую боль в сердце, острую ностальгию по прошлому:

А вот помню в коммуналке мы,
Новый год всем обществом,
Закусь, водка — жалко ли,
По имени, по отчеству.

А нынче двери крепкие,
Всё глазки с цепочками,
Что там твоей крепости,
Связь тире да точками.

Спички вышли давеча,
Я вниз-вверх по лестнице —
Что в питомник лающий,
Думал, кто-то взбесится.

Я к ларьку: «Мамаша, мол,
Спичек дай без очереди».
А она: «Давай, пошел,
Тоже мне, сыночек!»

Так вот и наладились —
От горшка да к дизелю,
А всё веселье в радио
Да и по телевизору.

А знаете, как хочется,
Чтоб по-человечески:
По имени, по отчеству —
Ну, в общем, по-отечески [1].

Постепенно нарушается компактность проживания народов, появляется много приезжих, «залётных», бедовых людей... У моей родственницы зимой в Карелии, в лесном интернациональном посёлке Настеньярви загорелся дом. Соседи быстро сбежались со всей округи. (До этого места всё, как в Дагестане, а вот дальше иначе...) Люди не помогали вытаскивать вещи, стояли, глазели... и, пользуясь суматохой, кое-что даже смогли утянуть. Кому — пожар, кому — погреться...

Такое прежде на Руси и сейчас в Дагестане — представить было невозможно!

Я вспоминаю Карелию, в которой родился, Карелию моего детства и юности. От «минус бесконечности» до семидесятых годов двадцатого века самым надёжным средством охраны любого деревенского дома был посох, приставленный к входной двери снаружи. Он означал:

«хозяев нет». Замков в ту пору не ведали, и эта сухая палка служила понадежней любой охранной фирмы, любой современной сигнализации... Потом в республику на лесозаготовку по набору стали прибывать «лимитчики», оторвавшиеся от своих корней, и... жить в Карелии стало веселей. Бескорневая система делает человека холоднее, жёстче.

А в Дагестане и поныне коллективность, в пику индивидуализму, проявляется во всём.

Например, в труде.

Любое строительство на селе ведётся сообща. Соседи, друзья, родственники не остаются в стороне, проводят субботник. У аварцев, лезгинов, кумыков, даргинцев субботник называется по-разному: где «мил», где «гвай», «вука», «билхъа», «марша», где «эврез» — суть одна... Везде работа с весельем, с музыкой. Везде работа спорится, горит: одни заготавливают, волокут камни, другие замешивают цементный раствор, женщины готовят еду...

— Ты радостный, словно счастливое будущее строишь, — вспоминает Кубай Курбанов. — В одиночку можно лишь мечтать. Именно так возвели спортивный зал в селе Гоор. Зимой на сельском сходе приняли решение «строить»: чтобы молодёжь не уезжала, чтоб было, где проводить свадьбы, спортивные мероприятия. Деньги на материалы выделила администрация района. Земляков собирали из Махачкалы, из Каспийска, Буйнакска, обзванивали, чтоб непременно приехали, не подвели. Шестьдесят мужиков съехались. Весной заложили фундамент, залили сейсмопояс, ригеля установили, стены стали поднимать. Строительство ведётся под руководством специалиста, есть у нас такой мастер Нажмудин. Весь джамаат проводит гвай! Кто не может приехать — присылает деньги. Рядом садик, заодно, им воспитательный момент — пусть видят.

В Тляртинском районе я наблюдал гвай на сенокосе.

— Земли у нас общинные, — пояснила бригадир женской бригады Жамилят Ахмедова из селения Кутлаб. — Совместно заготавливаем сено, потом делимся. Если отдать частнику, он огородит и не пустит никого. Колхозы раньше выделяли неудобья, дальние участки. Теперь хорошо, сенокос под боком, теперь благодать.

Косят в Тлярате серпами, между кустарником, между камнями, а чтобы постоянно не работать внаклонку, в качестве разминки носят копёшки. Раньше женщины таскали сено в селение Гоор за двадцать километров. Брали с собой кукурузную муку, толокно, курдюк, чеснок — и на день в горы. Сейчас дивьё! Сейчас — прямо в свой аул, всего за два километра. Рукой подать! Выстраиваются по двадцать, по сорок женщин и — караваном... Из-под копны одни ноги торчат. Пограничники называют их ёжиками.

Жамилят Ахмедова, к слову сказать, бригадир «неосвобождённый», на общественных началах. Год рождения её 41-й. Не уточнял, но надеюсь, не позапрошлого века. Она тоже носит сено, и её копна не меньше других. (Я попробовал одну копёшку поднять, закинуть себе на спину... покорячился, покажилился, покряхтел, затею оставил).

Мужчины во время сенокоса тоже не сидели сложа руки.

Они тоже общиной, «мальчишником» — обмывали рождение сына. На одного знатного труженика в селе Кутлаб стало больше. Горцы пригласили разделить радость и меня. (За столом я оказался ловчей!)

Общинные традиции...

При оценке сотрудника на его профессионализм, квалификацию в Дагестане не глядят. Главное — «вес» в джамаате.

Глава администрации Тляртинского района мне по-свойски даже жаловался:

— Сто двадцать заявлений на работу лежит, но если кого-то задумаешь уволить, подключается целая система поддержки: тухумы, аксакалы, начальство из Махачкалы, односельчане... куначество, кумовство. Улей! Невозможно на свадьбу нос сунуть, на похороны прийти выразить соболезнование, дома... Невозможно дома спрятаться. Двенадцать прекрасных выпускниц медучилища, грамотные девчонки. Не пристроить их! Медсёстрами работают старухи

по семьдесят. Переливание крови сделать не умеют, укол — иглу не видят. На ощупь, на слух, на «ой!» пациента ориентируются, но их не уволить. В Дагестане каждый специалист должен тащить на себе двух баранов, двух «незнаек». И раз попал на тёплое место, обязан тащить за собой, трудоустраивать весь муравейник. Сообща легче место удержать, чтоб другие не посягнули. У нас, если ты Главный в Дагестане, все следующие руководители республики будут только из твоего села, если муфтий — все муфтии, начальник железной дороги — вся дорога вместе со шпалами-рельсами будет записана за твоей общиной, твоим джамаатом, если ректор мединститута — все врачи из твоего аула (девочка-мальчик рождаются, медицинский стаж уже начинает капать).

Коллективизм проявляется и в гостеприимстве.

Никогда хозяева не откажут гостю в угощении, никогда не станут ссылаться на бедность, всегда поделятся последним. Мне понравилась даргинская притча «мергла мерх»:

Зашёл сосед к соседу в гости, тот суп ест.

— Садись и ты.

Сел сосед, отведал. Вкусный суп, наваристый, густой. Так понравился ему, что не утерпел, похвастал своему соседу, который жил через дом. Сосед соседа тоже сходил, угостился и передал весть дальше. Молва о густом наваристом бульоне передавалась от соседа к соседу. Хозяйке отказать неловко, и она каждый раз подливала в кастрюлю кипяточку. Когда пришёл угощаться сосед, которой жил через десять домов, то, зачерпнув ложкой уже пустой кипяток с жиринками:

— Разве это суп?

— Это «мергла мерх» — разведённый водой. Ты ведь тоже сосед не мой, а сосед дальнего соседа.

Общинный характер отражается и на дружбе.

Рамиз выдал мне притчу:

— Только поженились молодые в горном ауле, как Магомеду пришлось отправляться в командировку. «Через три дня вернусь!» — заверил он молодую жену. Но прошло три дня, прошло три раза по три, Магомед не возвращается, прошло десять раз по три дня, а его всё нет и нет. Заволновалась молодая жена, послала в десять городов десяти верным кунакам весточки. От верных друзей из разных городов пришёл один ответ: «Не волнуйся, Магомед у меня!»

Для дагестанца не существует ничего выше дружбы! — Рамиз яростно ударил себя в грудь. — То, что ты отдал кунаку, ты приобрёл. То, что спрятал, ты потерял. Мы всегда должны дарить друг другу тепло, искренность, внимание, частичку своей души. Если будем прятать в чуланах души, что-то скрывать, потеряем больше. У нас каждый знает: друг — самое важное! И когда кто-нибудь из нас про друзей забывает, в душе становится нехорошо... Э-эээ! Меня сегодня Дауд упрекнул: «Сигналил тебе, а ты проехал навстречу, не видишь ничего!» Я-то его видел, просто у меня сейчас с деньгами хорошо. И теперь мне стыдно, понимаешь?! Хотя ты не священник, как на духу тебе говорю. Ещё про друзей у нас ходит такая легенда!

В ресторане Махачкалы отдыхали два кунака, пили, вкусно кушали, произносили тосты в честь друг друга. Настало время расплачиваться, пригласили официанта, один достаёт кошелёк:

— Я плачу!

Второй:

— Зачем обижаешь?! Я!

— Сказал, я. Ты мой кунак.

— Нет, я.

Вмешивается растроганный официант:

— А я денег не возьму!

Недавно с братом гуляли на свадьбе, потом ещё зашли к Мурату домой. Он хочет гостеприимство своё проявить, но финансы на нуле, а жена как раз получила декретные. Закрылся с ней в спальне, командует:

— Купюры дай, я водку принесу, ты хинкал приготовь. Потом нормально... Будут у меня деньги — верну.

А мы в соседней комнате, всё же слышно:

- Мурат, «декретные» на стенку отложила... Не дам!
— Если сейчас же не дашь, хрен ты у меня больше в декрет выйдешь!

P. S.

Никогда не откажемся мы от общинности, от «колхоза», в высоком смысле этого слова.
И никогда колхоз не выйдет из нас, потому что Россия и есть колхоз.
Никогда! ни за что! не променяем мы нашу искреннюю сердечность в любви и произволе
на какой-то... западный, бездушный, скучный... порядок.
И это объединяет всех нас.
Это так!

Примечания:

[1] Александр Розенбаум «Воспоминание о будущем».

*

Тамада

Хабарики легендарного Шамиля из Хунзаха

*Умеющий говорить — на арбе,
а хозяин арбы — пешком.*

Аварская пословица

Случилось это в те стародавние времена, когда сыны Израилевы вошли в Египет.

Вошли они, «расплодилось и размножилось, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та» [1]. Испугался растущей силы тамошний царь — фараон, задумал извести пришельцев непосильным гнѐтом и тяжкой работой. И Господь, слыша отчаянный вопль, видя страдания народа Израилева, решил избавить его от руки Египтян. Заниматься проблемой лично у Бога времени особо не было. Своим доверенным лицом Создатель избрал Моисея, чтобы тот от Его имени расправился с фараоном и его присными. Моисей сперва-то заартачился, стал объяснять, что даже иудеи не поверят, будто его прислал Бог отцов. А египтяне, вообще, пошлют подальше... Тогда Господь научил, как подтвердить чрезвычайные полномочия. Моисей должен явить миру чудеса: кинуть на землю жезл, и жезл превратится в змею — раз; сунуть руку за пазуху, вынуть её, поражѐнную проказой, опять спрятать и вновь вытащить уже исцелѐнной — два; зачерпнуть воды в реке, вылить на землю, она превратится в кровь — три.

Моисей переминается с ноги на ногу.

— Опять не слава Богу... Что такое?!

Моисей взмолился:

— О, Господи! человек я не речистый. Говорю тяжело, косноязычен.

Вседержитель опешил:

— Кто дал уста человеку? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? Не Я ли, Господь Бог? Итак, пойдя, и Я буду при устах твоих, и научу тебя, что говорить.

Моисей, дабы окончательно не разгневать Бога, прикусил язык...

Однако все попытки Творца выучить *protege* [2] изъясняться сносно ни к чему не привели — Моисей так и остался безликим [3]. Господь пригорюнился, закручинился было, руки у него опустились... Понял он: легче создать небо и землю, отделить свет от тьмы, населить воду, сушу тварями и человеками, чем научить косноязычного Моисея выступать публично и говорить связно, внятно. Всю ночь напролѐт Бог и Моисей провели в пустыне у подножья горы Хориву при свете горящего неопалимого терновника. Судили-рядили, прикидывали так и эдак: что делать? И когда раздосадованный Господь уже собирался плюнуть на эту затею, когда казалось, евреи навеки останутся в рабстве и ничто не избавит их...

— Эврика!

Нашли-таки выход: поручить роль глашатая брату Моисея — Аарону Левитянину, он гуманитарий по складу ума. Моисей станет влагать ему в уста текст, уготовленный Богом, а тот, наподобие диктора, красиво озвучит ультиматум народу. Где требуется, экспрессии добавит, где — голос погрозней!.. подходчивей. Ну, на то он и прирождѐнный трибун, чтобы молвить ярко, образно, убедительно.

У каждого этнографа, лингвиста — свои маленькие профессиональные секреты. Доподлинно известно, когда Далю нужны были новые прибаутки, пословицы, байки, он приезжал в деревню, разбивал на глазах у мужиков две-три бутылки водки, а потом лишь стоял и записывал. В Бабаюртовском районе принимающая сторона мне терпеливо объясняла: «Чтобы собеседник разговорился, его нужно напоить или бить по почкам. По почкам надёжнее!» Не знаю... Я, по старинке, искал информаторов добровольных. Искал горцев, которые изъясняются, подобно

Аарону Левитянину, и могут образно, с любовью рассказать о своём горном крае. Я догадывался: найти таких трудно. Но и вытягивать информацию из уст человека академически грамотного, пусть даже открытого, усердного, но не рассказчика по природе своей — дело гиблое. Коли сам Господь отступился... Что я? Букашка. По себе сужу: подмечаю ситуацию достаточно остро, логика какая-никакая есть, что-то написать могу, а складно изложить мысли вслух... тут беда. Продвигаюсь в беседе от слова к слову неуверенно, ошупью... Говорю, говорю... остановлюсь — мостик разрушен! «Значит» произнесу, могу двигаться дальше. Про такого человека сокрушённо говорят: «Как собака. Всё понимает, сказать не может!»

Гений Михаил Жванецкий — наш современник — так описал этот курьёз:

«Нет, — говорят, — Федя, ты, — говорят, — Федя, в состоянии пропагандистом не быть. Сила в словах у тебя есть, но ты их расставить не можешь. Ты говоришь долго, Федя, но непонятно о чём».

Мне требовались мастера разговорного жанра.

В горах Среднего Дагестана между Аварским и Андийским Койсу, в их нижнем течении, возвышается Хунзахское плато. Хунзах — один из древнейших политических центров, страна «золотого трона» — Серир, резиденция аварских ханов.

Там в администрации меня сразу провели к нужному человеку:

— Знакомьтесь: Шамиль Каримулаев — тамада всех времён и народов.

Подтянутый строгий мужчина хмуро смотрел на меня из-под густых бровей.

— ...А это товарищ из России, собирает легенды, тосты.

— Тосты?! — взгляд тамады потеплел.

Я обменял свой салам на его вассалам. Встретиться условились в выходной день у водопада. Хунзахский водопад — красивейшее место на краю села. Река с гулом падает на дно бездны широкой дугой, дробится в кристальные капли и прохладным облаком поднимается до края пропасти. Камни, как вода, кипят...

Жду.

В назначенное время — нет Шамиля.

Пятнадцать минут проходит, полчаса... Настроение моё понизилось. На радужный водопад уже глаза не глядят. Час проходит. Ясен перец: день выходной, у всех свои дела, но драгоценное время-то утекает... Звоню — не берёт трубку. Ну, знаете!.. Наконец, явился. Улыбается в богатые пышные усы...

Мы присели на траву, я сухо предложил:

— Рассказывайте.

— О чём?

— Как стали тамадой?

— Я не тамада...

— А кто же вы?!

— Мировой судья, до этого много лет работал начальником милиции.

— ...А чего же в администрации?

— Считаю, я неплохой рассказчик, знаю местный колорит.

— Ну!..

Не знаю, что со мной произошло тогда: то ли переждал я, перегорел, истомился, измаялся, то ли весь свой заряд энергии истратил на внутренний нецензурный монолог, не могу понять, но к началу разговора вместо того, чтобы добродушно улыбаться, расположить собеседника к себе, заинтересованно расспрашивать о том, о чём, подбадривать... я впал в мрачный столбняк. (Хорош интервьюер!)

Когда стал готовить этот материал, припомнил обстоятельства встречи...

Шамиль — единственный из собеседников во всём Дагестане, кто рассказывал, невзирая на ступор писателя, сам задавал себе каверзные вопросы и... несколько сбитый с толку остротой

затронутой темы, с готовностью отвечал. Спустя несколько месяцев я позвонил ему покаяться, напомнить про знакомство, свой пасмурный, некоммуникабельный вид.

Он рассмеялся в трубку:

— Задержанный перехватил инициативу у следователя!..

Сказано точно. Точнее не скажешь! Ни прибавить, ни отнять. Шамиль — рассказчик от Бога. И сейчас, пожалуй, я не стану умничать, добавлять от себя, а просто перескажу его хабарики (это такие маленькие хабары).

И хлынула речь Шамиля, словно хунзахский водопад:

— В нашем селении Обода имелось два телевизора: «Рекорд — 64» и «Рекорд — 67», показывали они редко. Всю культурную программу односельчане готовили сами. Весна распахнулась — пели песни. Зима грузно навалилась — у домашнего очага сказывали сказки, воскрешали преданья, забавные истории, случаи. Яркий букет красноречия, собранный из сочных фраз и разумности сердца, имеет на арабском языке особое название «аль-баян». Хорошие рассказчики на селе поныне пользуются великим авторитетом [4]. Мой отец был из таких. Вечером в сакле эмен [5] собирал детей вокруг себя, самого младшего усаживал на колени, остальные нежились на расстеленном по полу мягком душистом тулупе. Горит под потолком тусклая лампочка, в печке потрескивают дрова, в духовке картошка жарится, пошвыркивает, аромат исходит. И в чарующей тишине — неторопливый голос отца. Оживают былинны героинарты, одноглазые джины, коварные визири и прекрасные царевны. Нам — то смешно, то — до отчаянья смело, то — страшно. Сказка длилась полтора-два часа. Закончит, а потом просит меня:

— Шамиль, теперь ты повтори рассказ.

Я по памяти повторял. И так ловко научился пересказывать, сам поражался. В школе об этом тоже стало известно. Зимой в сильные морозы уроки физкультуры на улице не проводили, спортзалов тогда не знали. Учитель вызывал меня к доске и поручал занять класс:

— Каримулаев, расскажи нам сказку, чтоб не скучно было сидеть.

Я почёсываю озадаченно затылок, сочиняю на ходу:

— Жил в старые века бедный человек. У него была большая семья. Думал он, думал, как прокормить детей. Решил построить на центральной площади торговую лавку, рядом с годеканом. Всё вроде оборудовал, но товар закупить — денег нет. «А чем торговать?» И написал на дверях объявление: «Продаю слово». Визирь прознал, что в Дагестане, в Хунзахском районе в ауле Обода есть такой аксакал, слово продаёт.

Ребята засмеялись и, зарывшись поглубже в овчинные тулупы, приоткрыли рты.

— ...Так вот, докатилась молва до визиря, и отправился он туда с нукером. Верхом на конях ехали весь день, всю ночь. Вот и аул. Годекан. Заходят в лавку, смотрят, полки пустые, за прилавком — старик в ветхой шубе.

— Салам алейкум!

— Ваалекум салам!

— Дедушка, что продаёшь?

— Сынок, я продаю слово.

— Почём?

— Одно слово — десять золотых.

«Дорого, значит, действительно ценное».

— Согласен.

— Если согласен, давай монеты!

Визирь достал из вышитого бисером кошелька десять золотых, стопочкой сложил на прилавок:

— Давай своё слово, аксакал.

Старик сутуло прошарыхал в кладовку, вернулся с глиняным сосудом. Протягивает первому министру:

— На дне его и лежит моё волшебное слово. Когда горцы станут читать над кувшином басни, поэмы, легенды, напевать песни своего народа, он начнёт наполняться, новые слова будут налипать к моему золотому слову, и в один прекрасный день, поднявшись над горловиной, словно дрожжевое тесто, — превратятся в золото! А ты станешь самым богатым человеком. Отправляйся скорее с кувшином в путь! И да поможет тебе Аллах!

И пустился визирь по белу свету. Путешествовал, странствовал, покуда не заполнил сосуд до краёв и не разбогател, затем передал его сыну, тот своему сыну.

Шамиль хитро улыбнулся:

— Так кувшин дошёл до меня. Я черпаю оттуда истории, рассказываю людям... Забыл сказать самое главное: в кувшине много застольных здравниц, поздравлений, — он распечатал бутылочку кизлярского коньяка, налил по стопочке. — Ты ведь тосты собираешь?

— Ну.

— Умеющих говорить мало, но умеющих слушать ещё меньше! Вот тебе первый тост: прими от меня этот незримый волшебный сосуд с народным эпосом, обойди с ним каждый район Дагестана, пополни новыми хабарами, притчами, стихами — себе и людям на радость. А теперь давай перейдём к новейшей истории. Я расскажу о своих коллегах — сотрудниках милиции, замечательных людях, с которыми сводила судьба, о том, как мы старались службу разнообразить и превратить рядовые будни в праздники...

Есть у нас Махач — начальник Управления культуры Хунзахского района. Приглашает он меня, начальника РОВД, на свой двойной юбилей: 50 лет от рождения и 25 лет работы в культуре. Кручу я в руках цветастый пригласительный билет, и тут заглядывает помощник прокурора. Смотрю, в моём пригласительном указан «12-й» ряд, у прокуратуры — «2-й». Видно, Махач посчитал, они поважнее. Обидно, слышай! «Ну, — думаю, — я тебе организую подарок». Незаслуженно обидели — заслужи! Вызываю к себе начальника штаба РОВД:

— Быстренько состряпай бумагу, будто из министерства: «В связи с резким осложнением обстановки на границе Грузии и Российской Федерации, активизацией бандформирований всякие увеселительные мероприятия на территории обслуживания запретить».

Торжество у именинника должно начинаться в обед, а утречком я ему звоню:

— Друг, дело такое, серьёзный документ пришёл, зайди, надо посоветоваться.

Заходит отутуженный, нарядный. Показываю ему письмо с грифом «секретно», комментирую:

— Из МВД поступил категорический запрет на все увеселительные мероприятия... За исполнение отвечаю головой. Персональная ответственность прописана, сам видишь.

Махач побледнел, за голову схватился:

— Я отару баранов зарезал, гостей со всего Дагестана созвал!.. Что им скажу? Я ведь не скажу: «Разворачивайтесь, уезжайте!» — смотрит в отчаянии на меня.

— Махач, извини, не могу. Погоны дороже!

Он чуть на колени не бухнулся. Я его помучил, помучил и, в конце концов, — рубанул воздух рукой:

— Ай, будь что будет! — Доверительно положил руку ему на плечо. — Ради друга голову — на отсечение. Возьму всё на себя. Приглашения на двенадцатый ряд тоже не надо, в спину прокурора смотреть не буду...

— Какой двенадцатый?! На первый посажу. На сцену, дорогой!..

Он побрёл к двери, несмело вернулся... взор блестит, обнял порывисто:

— Клянусь, не сомневался в тебе.

Выбежал из кабинета ликующий. Слышу в приёмной:

— Девушки, это на садака [6], на конфеты вам, на чай, выпейте за своего командира! Настоящий джигит!

Прибываю в Дом культуры, вижу: все команды даны, гости меня ликующе встречают. Акценты сместили: «Не каждый на себя такую ответственность возьмёт!» Внимание тоже есть. Как бы уже получалось не он именинник, а я. Чувствую, ещё немного, и забудут, зачем собрались... Как можно скромнее подхожу к юбилею:

— Махач, мне во втором отделении дай сказать.

— Зачем так обижаешь, Шамиль. Твоё слово главное! в первом! Мероприятие у нас тогда удалось на славу.

— Шурик, давай за то, чтобы каждый наш подарок был от души!
— За это выпить не грех, — настроение моё потихоньку налаживалось.

— В школе меня любили все. Я рос добросовестным, прилежным пионером. «Пионер — всем ребятам пример!» А потом призвали в армию и то, что я не допроказничал в детстве, усиленно навёрстывал по жизни... Срочную службу проходил в Азербайджане, в Кировобаде, в ВДВ. Со мной в одном взводе служил парень из Оренбурга, Вася, — рождённый для подлянок, прирождённый массовик-затейник. В Кировобаде мы исхитрились доставать ворованный коньяк, по два рубля грелка, иногда позволяли себе расслабиться. И странно: о выпивке тотчас становилось известно замкомдиву по воспитательной работе. Весьма строгий мужик! За нарушение Устава драл ротного, ротный драл нас. А водителем на «Волге» у генерала — хлопёк из Украины. Мы вычислили: информацию наверх поставляет он!

Вася вкрадчиво у меня интересуется:

— Можно сделать так, чтобы в воскресенье хохол в парке не появлялся?
— Зачем?
— Хочу, чтоб сняли его с машины.
— Невозможно. Такое кто сделает?
— Я сделаю, после расскажу.

Воскресенье. Свободный день. Я — замкомандира взвода. Беру этого словоохотливого водителя, для отвода глаз ещё пару солдатиков, и организую всей группе увольнительную. В городе по парку погуляли, мороженое, чайхана... Такие довольные вернулись в часть. А через три дня «стукача» с «Волги» снимают. Мы на радостях покупаем коньяк, это дело надо обмыть.

Вечером сели в караульном, я Васе:

— Колись, не томи!
— Всё генитальное просто!..

Оказывается: крышка коробки передач на «Волге» крепится четырьмя болтами, их открутить, — десять минут. Вася напихал туда своего ослиного дерьма... Машина едет, коробка передач на ходу нагревается, запах шибает в нос. Водитель косится на шефа, шеф — на водителя... Сняли хлопца с машины. Всё потом жаловался: «От генерала воняет, не продохнуть».

Правильно говорят, кто в армии служил, тот в цирке не смеётся.

— Давай, за весёлых ребят!
— И находчивых.

Шамиль вытер белоснежным платком внушительную лысину и продолжал:

— Демобилизовался, приняли меня в конвойный взвод МВД Республики Дагестан, присвоили звание сержанта. Я бравый... Легко заводил шуры-муры с девушками, бегал на свидания, получал записочки. Мой напарник, Омар, такой же милиционер, как я, тоже после срочной, однажды не утерпел:

— Бабы к тебе липнут, уводишь их куда-то. Познакомь тоже с кем-нибудь.
— Ты видишь, какой я: чистый, аккуратный, подтянутый. А у тебя под мышками, на спине два-три круга от засохшего пота... Меняй каждый день рубашку, майку. Женщины любят, чтобы от мужиков пахло хорошо.
— Я потею.
— Да сбрей ты свою мотню на груди, воняет на весь кабинет...
— Бывает, что ли?
— Бывает.
— Вах!
— Хочешь, средство достану, само волосы удаляет.
— Бывает?

— Бывает, конечно.

Я действительно видел такое в аптеке, в то время, в восемьдесят первом году. Грузинское средство «Нури», серый такой порошок: на коробочке эффектная дама, нога на ногу, волосы удаляет. Внутри инструкция: размешать в холодной воде, сделать кашицеобразную массу, нанести на тело, держать 5-7 минут, смыть тёплой водой.

— ...Принесу.

По дороге в Кизилюрт заскочил в аптеку, взял две пачки этого «Нури», как и обещал. Дома полиэтиленовые пакетики аккуратно разрезал, высыпал «Нури», вместо него — алебастру. Пакетики утюжком запаял, в коробочку сложил.

Приезжаю на работу:

— На, две пачки купил, у тебя лохматость повышена.

Омар бабками зашелестел...

— Э!.. Брат, обижаешь!

— Ну, спасибо!

— Спасибо потом скажешь. В аптеке предупредили: у мужчин волосы крепче, эликсир нужно подольше держать. Красота требует жертв!

Омар жил в Махачкале на Маячной улице, один в частном доме. Пришёл со службы, развёл зелье: «Чего одну грудь? Мазать — так всё!» Намазал сюда, намазал туда... Кашицей облепил себя, телевизор включил, в кресле поудобней устроился и задремал... Проснулся в темноте от рези в паху. Экран моросит, ночь на дворе. Кашица затвердела в камень, не шевельнуться. Отломает кусочек вместе с волосами, с кожей, стонет... Отломает кусочек, стонет...

На следующий день забегает в караулку, багровый, вены на шее набухшие:

— Где он?

— Кто?..

Я — драпать через зал судебного заседания, через пожарный выход.

Неделю со мной не здоровался. Друг называется...

— Ну, за настоящих друзей!

— За них...

— Начинал я службу участковым офицером. Дружили с Абуком: вместе с ним тянули офицерскую ляжку, участвовали в рейдах, прикрывали друг друга от начальства, вместе проводили свободное время. Раз тащимся домой из рейда: час ночи, усталые, голодные. Только бы попрощаться, Абук мнётся:

— Поднимемся ко мне на кофе.

— Какой кофе в час ночи, родной? По домам! Завтра, если начальник будет спрашивать, скажи, что буду к обеду.

— Лады.

Я утром выспался, посмотрел повтор вчерашнего детектива — вечером показывали после программы «Время» — и подался в РОВД.

Абук в кабинете и опять за своё:

— Пойдём ко мне на обед.

— Я только из дома...

— Ну, пойдём... за компанию.

На дежурном уазике нас подбросили. Понимаю, настырно тянет не потому, что тревожится о моём режиме питания. В качестве алиби! Хочет, чтоб жене подтвердил: мол, вчера допоздна он находился со мной на задании. Пока супруга на кухне стол накрывала, я для её ушей завожу беседу:

— Абук, ты вчера со службы успел на фильм? Красиво показали, когда следователь его...

— и начинаю пересказывать кульминационный момент.

Слышу: на кухне шуршание прекратилось, в прихожей мелькнула тень — жена ушки наострила. Я давай ещё жарче... Супруга накормила нас, не разговаривает, забилась в угол. Собираемся на работу, дрожащий голос из комнаты: «А-бууук, задержись, прошу!»

— Шамиль, я щас... Надо ковёр перевесить.

— Может, я пока телевизор посмотрю?

— Шуруй!

На работе он в этот день больше не появился, а вечером мне — звонок в дверь. Трезвонят нагло, палец не снимают. Моя выходит, Абук переминается на площадке.

— Проходи.

— Он дома?!

— Абук, чего не заходишь, словно чужой?

Я отодвигаю жену. Стоит в коридоре, ноздри раздуваются:

— Идём!

— Можно в спортивках или форму одеть?

— Можно.

— Абук, ты заинтриговал. Намекни хоть, куда идём?

— Ко мне. Скажи этой ду-уре! что ты пошутил.

Его беременная жена в слезах.

— Добрый вечер, Марьям!

— Ша-аами-иииль!

— Марьям, честное слово надолго заходить времени нет. Вчера мы с Абуком до четырёх утра в засаде отстреливались...

— Ша-амиль, ты никогда врать не умел! Ты серьёзный, положительный. А этот подлец, не знаю, где пропадает вечерами.

Абук у неё из-за спины гримасы мне строит, глазищами вращает. Даже если кто слабо понимает аварский, по губам мог догадаться: «Во-оон от-сю-дааа!» Голубков после этого неделю мирили всем джамаатом [7]. Через три месяца у них родился сын. Абук за год до этого хлебом клялся: «Родится джигит, Шамилём назову. В твою честь, кунак!»

Своего обещания он не сдержал.

— Давай выпьем, чтобы никто из нас не разбрасывался клятвами вот так, налево-направо. Дал слово — держи! Чтоб, как кремь!

— Верно!

— Абук единственный среди нас, в подразделении участковых, закончил в Минске высшую школу, а начальник отделения Рахман — с заочным средним. Уже начинали поговаривать, что старший участковый обязан иметь высшее образование, желательно стационар. Но что-то мешало Абуку пойти на повышение. Начальник милиции постоянно прессовал его, вечно недоволен:

— Ты высокомерный, с людьми разговаривать не умеешь, поэтому нет информации, раскрываемости...

Абук растерянно блуждает по кабинету, руками разводит:

— Чё?.. Я не знаю, откуда?.. Я высокомерен?

— Абук, не кажется, что на тебя стучат?

— Кто?

— Тот, кто сидит на должности со средним заушным образованием.

— Нет, он не станет. Мы с одного района, мы Казбековские, почти друзья.

— Доказать?

— Как он может на меня стучать?..

— Сейчас оставишь нас один на один. Я разберусь.

Капитан заходит, Абук к двери, бочком, бочком... на выход. Остались с начальником отделения вдвоём. Я на себя такую потерянность напустил, горло рукой потираю, точно петля сдавливает, хриплю:

- Рахман Мирзоевич! Вах! Такую глупость я сделал...
- Что случилось?
- Лучше не спрашивай. — Хватаюсь за голову. — Хана карьере, вся учёба, вся служба — коту под хвост. Точно выгонят.
- Э, расскажи, что случилось! Так же не бывает.
- Ай! Вчера ты дал команду всех поднадзорных проверить, вернулся домой поздно. Жена завелась: «С любовницами где-то разгуливаешь, я с маленьким ребёнком, одна... мучаюсь...» Случайно ударил её. Упала, о косяк двери рассекла лоб — вот так...
- Ле!.. на себе не показывай!
- ...Истерика, шум-гам, без сознания лежит... Хорошо Мусса, зав хирургическим отделением, живёт на третьем этаже. Быстренько его поднял, упрямил, чтоб нигде не фиксировали. Хирурга срочно вызвали, швы наложили. Утром взяла дочку, ушла... Если пожалуется — «лёгкое телесное повреждение, сотрясение». Хана! Наверняка повяжут, ты же наши порядки знаешь. Рахман, брат, не рассказывай никому. Я на полтора-два часа исчезну? Слетаю к отцу, чтобы подключался... Маслиат [8] надо делать, без судов, без шума... Только Аллахом заклинаю, никому!
- Канешно, канешно, — у самого глазки забегали.
- Я вышел на улицу, круг сделал, выкурил одну сигарету. Минут двадцать не прошло — Рахман успел с потрохами заложить меня начальнику: «Каримулаев, негодяй, жену ударил, чуть не убил, она лоб рассекла!»
- Дежурный с порога:
- Тебя замполит зовёт.
- Замполит-лакец говорил с некоторым акцентом:
- Ты щтё, дюрjak щтё ли?!
- Почему «дурак», товарищ замполит?
- Ты щтё дома дебаширил, жину избифал?
- Кто Вам сказал?
- Я все знал! — заорал на меня...
- Заходит озабоченный начальник РОВД, у него кабинет соседний:
- Слушай, Шамиль, разве она не знает, что ты офицер? Нужно вечерами поднадзорных проверять, поздно приходить. Ты что не работал в милиции, когда замуж за тебя выходила?
- Уже работал. Я просто не пойму, о чём Вы говорите?
- Мне пазваниль с тваего дома: там драка биль, кипиш [9] такой...
- Товарищ замполит, я живу в новом районе, телефоны ещё не провели.
- Мне адын сасед пазваниль с работ.
- Назовите имя, если можно.
- Я немного поиздевался над руководством и докладываю начальнику милиции:
- Товарищ полковник, у меня жена, ребёнок дома, в семье всё спокойно, благополучно. Посетите меня сегодня, в рамках служебных обязанностей. Тот козёл, который вам напел, не пользуется у нас ни уважением, ни авторитетом. Найдите ему место.
- Разворачиваюсь, ухожу. Слышу, дежурный вызывает Рахмана к начальнику. Я тихонько, на цыпочках к двери, подслушать. Замполит захлёбываясь:
- Ле, капитан, тебе этот литенант купил и продал. Понял, да? Гафно.
- Выпьём за то, чтобы орлы не падали, а козлы не летали.
- Блестящий спич!..
- Служил у нас водителем Хасай. Он, как сержант, получал восемь, я, как офицер, — пятнадцать. Оказывается, по этому поводу у них с женой постоянно возникали скандалы. У Хасая день рожденья — тридцать лет. На столе хинкал, шашлык, фрукты, коньяк. Мы — самые дорогие гости. Ужин подходит к концу, прошу:
- Хасай, пригласи жену.

Я от имени участковых произнёс тост за умелую хозяйку, за гостеприимство, за сладкое угощение, а закончил призывом:

— ...Хасай, эти пятнадцать тысяч, что получаешь, отдавай до копейки жене!

Та без лишних формальностей его на кухню.

Он вырывается, кричит нам через хлопающую дверь:

— Я позже... идите!

Мы послушно — на выход.

Назавтра приходит в кабинет официально, не здоровается. Чего-то на пальцах пытается изобразить... Смастерил две жирные фиги и — мне под нос:

— Вот вы у меня больше хинкал покушаете.

— Чего случилось, Хасай?

— Слушай, Шамиль, после твоего тоста я семь раз на Коране клялся, что у меня зарплата восемь тысяч. Она так и не поверила.

— Скучные люди, шуток не понимают. Что могу сделать?

— Если человека лишили чувства юмора, значит, было за что!

— Давай поднимем бокал, чтоб такое горе не нашло дороги к нашей сакле!

— Ай, лаззат! [10]

— Когда работал в следствии, тоже прикольное было подразделение.

В городе жарриша... Все окна, двери в коридор — нараспашку. Сижу, печатаю. Наискосок другой кабинет — там дознаватель, лезгин Айваз. Тяжело поднимается, идёт ко мне, лицо опухшее, помятое, заикается:

— Ш-ш-амиль!

— Говори, Айваз.

— Вчера наша диаспора тут собиралась, п-ппереб-брал н-немного. Скажи шефу, что ушёл д-допрашивать, п-ппридумай что-нибудь.

— Скажу, что ты с бодуна, у меня отпросился. Он человек пьющий, понимает.

Проходит минут пятнадцать. Смотрю, к нему кирюха, дёргает дверь:

— Аваз!

Гробовая тишина.

Заметил меня:

— Где он?

— Там.

— Аваз! — кулаком долбанёт пару раз, на меня подозрительно зыркнет.

— Аваз! Это Демир! — по двери дубасит и всё через плечо оглядывается.

Я с совершенно серьёзным видом на печатной машинке «Любава» отстукиваю уголовный материал: «Чих-чих-чих!» Заходит ко мне:

— Чё он не открывает?

— К нему пришли два маленьких лезгина, гражданских, с баллоном холодного разливного пива и вяленным кутумом.

Друган застыл восклицательным знаком. Холодное пиво с вяленой благородной рыбой в такую жарришу... Вижу, сейчас слюнями захлебнётся. Он тоже непременно хочет быть там, внутри, сдувать с кружки белую густую пену. Глаза навывкате... Подходит к двери дознавателя, как пнёт с размаху. А двери крепкие... Как раз на таких посетителей рассчитаны.

— Аваз, сука, открой, я знаю, что вы там, — полчаса колотил дверь, щедро плюнул на неё, проклял Айваза, его друзей, его род до седьмого колена, грязно выругался и, чёрный от гнева, ушёл.

На следующий день Айваз появляется как-то в припляс, прихрамывая. Заикается сильнее обычного:

— Т-тт-ты ч-ч-ччё сккк-к-казал этому д-дураку?

— Что случилось?

— Он вечером з-зззззавалился к-кк-ко мне ддд-д... п-ппперед женой к-кккккозлом назвал!

— Шурик, давай за то, чтобы мы умели стоически выслушивать о себе правду, какой бы горькой она ни была!

— По-ммедленее, я записсываю...

— Работая в следствии, один из наших коллег по весне, когда виноград нужно подрезать, опрыскивать, подвязывать, оформлял больничный лист. Плантация огромная, и работа в милиции, несомненно, ему мешала. Он беззастенчиво врал про адские боли в спине, а сам занимался любимым сельским хозяйством. Соответственно, его дела, которые в производстве, распределялись на нас. А у каждого нагрузка ого-го! Работа тормозилась, всем устраивали нахлобучку. Получалось, из-за него. Так было из года в год, в одни и те же даты. Очередной раз умник садится на больничный, я — начальнику следствия:

— Если Вы позволите... Мы съездим, навестим больного Магомеда.

— Кто поедет?

— Всем отделением.

— Ты что-то придумал?

— Радикальное средство от хвори.

В обед восемь человек на двух машинах подъезжаем к его воротам, бешено колотим ногами, руками. Дочка испуганная открывает, не ожидала среди бела дня столько милиционеров... И Магомед уверен: в рабочее время от материалов нам не оторваться. Идём напрямиком, всем взводом, в огород: счастливый «мичурин» в треуголке из газеты, играючи пощёлкивает ножницами и безмятежно насвистывает.

— О, Магомед, салам! Приехали тебе помочь, брат.

Он чуть не рухнул со стремянки, побледнел-покраснел:

— Да, вот здоровье... малость прихворнул, на секунду вышел жене помочь.

— Красавчик! Если так сильно болеешь, объяви перерыв. Чайку попьём.

В тенёчке, под вьющейся виноградной лозой рассупонились, сняли фуражки, дочка стулья таскает, хозяин из подвала тянет стеклянный баллон с вином, литров на двадцать пять. Наливаем, пьём за его здоровье, наливаем, пьём... Мужикам наказал: «Без моей команды не вставать!» Жена убегалась посуду менять-готовить, менять-готовить... В полночь нехотя поднимаюсь:

— Магомед, красавчик! извини, нам пора. Не проси, не уговаривай, за стол больше не сядем. Мы завтра придём.

— Завтра!.. выхожу на работу.

Шеф, довольный, благодарил:

— Ну, ты доктор!

— Давай, чтобы каждый самоотверженно приходил на выручку кунаку, если с ним стряслась беда!

— Сахли! [11]

— Усталость, невзгоды мы снимали шутками. Это в итоге помогало служить. На оперативном совещании в Махачкале докладчики, сменяя друг друга, доводили до нас цифры, сводки, прогнозы. (Ситуация в республике тревожная.) Час напряжённой работы — пятнадцать минут перекур. В курилке я травлю анекдоты. Начальники ОВД — боевые полковники...

— В орденах, медалях! — радостно встрял я, и растопыренной пятернёй провёл по груди из края в край.

— ...Вах! На себе не показывай!!! Так вот, сыплю прибаутками, мужики ржут, за животы держатся... Опять совещание, и снова работа. С трибуны замминистра обращается ко мне:

— Шамиль, прекращай! Мы планировали всех озадачить, надрать, а ты своим вторым отделением сводишь к нулю всю работу аппарата. На местах они не смогут восстановить в памяти ничего, кроме твоих баек. О чём там министр говорил? По себе знаю.

Одно время я курировал восемь районов нагорного Дагестана. И, если что, разнос за слабую работу подшефных отделов в первую очередь устраивали мне. Однажды перед заседанием в министерстве кадровик по-свойски шепнул:

— Зам планирует объявить тебе строгий выговор, подготовлен проект приказа.

— Понял.

Когда мне слово дали, я вкратце отрапортовал об успехах (похвастаться было чем) и начал критиковать себя... безжалостно, нелицеприятно.

— ...К моему стыду, я не успел посетить с проверкой Цунтинский район, где у нас имеются определённые недоработки; то не сделал, это не сделал. Я заслуживаю самого строго наказания, — такую нахлобучку публичную себе устроил, такой нагоняй.

Замминистра, вижу, на взводе:

— Шамиль, ты по принципу: «ни одна сука не скажет обо мне так плохо, как я сам?»

Чувствую, домашнюю заготовку ему подпортил. Начальнику осталось только присоединиться «к предыдущему оратору».

— ...Твои цифры, это всё понятно. Сводки мы изучаем. Ты нам охарактеризуй каждого из подчинённых начальников милиции.

А как я могу их «охарактеризовать»: постоянно вместе водку пьём! Мы все, по сути, в одном ранге. И я начал:

— Начальник Цумадинского РОВД всего два года на должности, но старается, вникает, звонит, приезжает. С его появлением оживилась работа в коллективе. Начальник Ботлихского отдела дольше меня работает на три года. Опытный руководитель, требовательный к себе и подчинённым — в моих рекомендациях не нуждается. Третьего, седьмого, восьмого. Всё. Доклад окончил.

— Шамиль, одно забыл. Самое главное...

— Что, товарищ замминистра?

— Шампанское в зал. Стоя выпьем за этих орлов!

Выговор тогда мне не объявили.

— Давай, действительно, выпьем за этих орлов. Бывают и у них ошибки, но вот мы сейчас с тобой отдыхаем, а они охраняют наш покой. Ходят под пулями. И это — не пустые слова.

— Стоя!

День догорал, уступая место восточной красавице-ночи.

И только хунзахский водопад рокотал о чём-то спокойно, размеренно, безостановочно сбрасывая всё новые и новые потоки воды на безропотные, смиренные камни.

Объехав все сорок два района, я вернулся домой, закрылся в худжере [12] и написал первый материал. Черновик отправил уважаемому Шамилю — да не упадёт больше ни один волос с его головы! Через неделю интересуюсь:

— Читал?

— Александр, честно признаюсь, не успел.

— Шамиль, почему?!.

— Я на работе три недели один, напарник в отпуске...

— Причина неуважительная.

— На коллегии МВД, в аналогичной ситуации, я сказал: «Защищаться — бессмысленно, врать — стыдно. Да, виноват!»

Как в аварской пословице, будучи владельцем арбы, я готов и тогда, и сейчас уступить своё место Шамилю, этому Молла Насреддину из Хунзаха, лишь бы вечно идти рядом и слушать его забавные хабары и хабарики...

Примечания:

- [1] Библия, Ветхий Завет. Вторая Книга Моисеева. Исход.
[2] Протеже (франц.) Protégé — лицо, пользующееся чьим-н. покровительством или рекомендацией;
[3] Сократ: «Заговори, чтобы я тебя увидел».
[4] «Творить для народа», Расул Гамзатов: «В суровых горах Дагестана, где люди хорошо знают и чувствуют силу, ценность и красоту художественного слова, было принято испокон веков: за хорошую песню певцу вместе с чаркой или рогом красного вина дарили оседланного скакуна; за плохую песню у певца резали быка; а если певец в песнях лгал или чужую песню выдавал за свою — такого сажали задом наперед на захудалого осла и в базарный день возили по аулам; и мальчишки на плоских крышах во все горло кричали: “Идите смотреть — вора поймали! Идите смотреть — вора поймали!”»
[5] Эмен (аврск.) — отец
[6] Садака (араб.) — в исламе практика очищения перед Аллахом (см) посредством раздачи милостыни;
[7] Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;
[8] Маслиат — обряд примирения;
[9] Кипиш — волнение, паника по поводу какого-то события;
[10] Ай, лаззат! (азерб.) — как чудно, как хорошо!
[11] Сахли (авар.) — тост, благопожелание;
[12] Худжера (араб.) — библиотека, комната для научной работы.

*

День рождения

Слово рождает слово.

Персидская поговорка

«Пора домой!»

Муж по законам шариата не должен оставлять жену на срок больше четырёх месяцев. Это как раз то требование исламского правосудия, с которым я, человек православный, полностью согласен. «Пора домой, пора!..»

Ну, а пока... Чему нас учит народная русская мудрость: коли ложка-вилка упала — придёт женщина, нож — мужчина. Не зря ведь на Руси испокон веков есть такая примета. Попробую!.. Я стал методично, по очереди, раз за разом, спихивать со стола, поднимать и опять ронять целенаправленно ложки-вилки... (Вдруг, действительно!..) И сомневаться нечего, должна придти. Фольклор не может врать. Побольше усердия... Так... Не расхолаживаться!.. Ещё разок...

Ё!.. Случайно уронил нож!..

Тут же стук в дверь.

Сработало!.. — и как можно беспристрастней произнёс:

— Заходите.

Дверь распахнулась, Мугутдин, Рамиз, Магарам, Солтан, Гаджииса, Абдула стояли в дверях и перекатами весеннего водопада добродушно гудели:

— Нас легче не пустить, чем потом выгнать! Если гора не идёт к Магомеду?.. Значит, что?

— Значит, он трезвый.

— Точно! Салам алейкум! А-а-а-л-л-ейкум! А-а-а-л-лейкум!

— Алейкум салам! — радостно ответил я.

— Александр, ты обмишурился! Разве так отвечают на мусульманское приветствие?! — упрекнул Абдула.

— Неужели ошибся?! — я стал рыться в спасительном блокноте...

— Э!.. Не надо, да. «Алейкум салам» — академический вариант. Но ты-то должен знать и понимать душу народа. Надо сказать: «Налейкум в стакан!»

— Откуда всё знаешь?

— Книжки надо читать!

— Камасутру?

Я разлил по стаканам вино.

— Александр, с этого момента ты именуешься Искандер!.. — торжественно произнёс Мугутдин.

— Это который оперативно-тактический ракетный комплекс?

— ...Почти, — смирившись, устало произнёс он. — Одевайся, едем на природу.

По дороге мы заскочили в кафэшку, забрать Шамиля.

Шамиль сидел с весёлой дамой на берегу реки, они мирно потягивали винцо. Мугутдин свернул с трассы, подъехал к самой беседке, опустил стекло:

— Шамиль, мы на старое место, сегодня у Искандера день рождения.

— Вах! Мне ещё нужно женщину завести домой... ведь думал ещё...

— Что думал?

— Если бы полчаса назад бросил её в реку, сейчас бы она уже дома была.

Место для пикника выбрали — сказка: изумрудная лужайка, горная река... Вода чистая, ледяная, берёт истоки на главном кавказском хребте.

Магарам поднял бокал.

— Это надолго, — поник Абдула.

— Полностью русский не знаю же, но скажу... Мы сидим вокруг костра, у нас хорошо на душе, и потому пусть эта река никогда не иссякнет. Пусть каждая капелька отразит, запомнит нас и сохранит в памяти своей, чтобы наш настрой облучил реку, и она с этим положительным зарядом дошла до людей, чтоб каждый человек, подходя к воде, мог зачерпнуть энергии, наших положительных эмоций, нашего счастья, эту благодать, чтобы каждый человек тоже мог приникнуть к ней губами, сердцем и тоже стать счастливым.

— Магарам, научиться так сказать где красиво? — поинтересовался я, и тут пророчество жены обожгло: «Чужого языка не выучишь, свой забудешь!»

Вторым встал Рамиз, погладил брюшко:

— У нас в Дагестане все люди правильные, честные, добрые...

— Шютка!

— ...Абдула, не сбивай! «За здоровье!» — тост по-русски, «савбол» — пожелание кумыкское, «хинсабиана» — скажут лакцы. «Сакъхи» — аварцы, «деркъаб» — даргинцы...

— Подожди, подожди... — возмутился Абдула. — Вы не мусульмане — бусурмане! Индейцы какие-то, честное слово. Зачем всё смешивать? Зачем нам эта бормотуха? Нужно за каждый язык пить по отдельности. Ты за свою национальность скажи — и молчи. Мы сейчас аварца найдём, даргинца.

— ...Давайте выпьем за именинника! За урус-дервиша, исходившего с хуржином за спиной все аулы!

— Другое дело!

— ...За его будущую книгу! Никто больше не пишет о Дагестане.

— Нема дураков!

— Абдула!..

— Вообще-то день рожденья у меня был вчера, — пытался пояснить я.

— Нормальные люди рождаются несколько дней.

Зажурчали, забулькали напитки, зазвенели бокалы...

— Мне б лучше сухого вина!

— Никакое вино не заменит водку и коньяком! — возразил Солтан и взял слово. — Не совершив восхождения на гору, не узнаешь высоты неба. Не опустившись в глубокое ущелье, не определишь толщины земли. Не услышав заветов предков, не оценишь величия учёности. Искандер, ты поднимался на вершины гор, заглядывал в пропасти, слушал заветы наших предков, теперь расскажи об этом всему миру.

Тосты поднимали один за другим...

Шамиль вспомнил, как он однажды с Министром культуры Дагестана заехал в клуб Нижнего Инхо.

— Клуб находится у дороги. Министр изучил оформление, планы: «Ну, а какие у вас кружки есть?» — «Кружки нет, есть стаканы». Свой стакан я хочу поднять вот за что... — Шамиль посмотрел сквозь гранёное стекло на солнышко. — Кто-то сказал: «Люди похожи на оконные стёкла. Они сверкают и сияют, когда светит солнце, но когда воцаряется тьма, их истинная красота открывается лишь благодаря свету, идущему изнутри. Уверяют, будто бы Октябрьская революция дала письменность, культуру, свет Дагестану... Здесь свет был и до революции, ещё какой свет! Мы ещё светили другим. Искандер, донеси наш свет до людей.

Абдула, рассуждая о своём творчестве, не смог скрыть чувства ревности:

— Ведь и я бы мог... Частенько опаздывал домой, и каждый раз придумывал жене всякие враки: «Где был в этот раз?» Если б собрал свои фантазии вместе, тоже получилась книга.

Стрекоза, сделав над ним круг, залетела прямо в гранёный стакан. Абдула не стал насекомое доставать, просто попросил:

— ...Теперь выпрями крылышки, приготовься к полёту.

И выпил водку вместе со стрекозой.

— Гаджииса, хватит есть, лопнешь!

— Кто думает о последствиях, героем не станет.

— Тост давай!

— А, что думаете, скажу и я несколько слов имениннику... — Гаджииса неторопливо поднялся. — Южный ветер несёт с собой тепло, мягкость, успокоение. Северный ветер даёт мужество, целеустремлённость. Западный ветер прививает трудолюбие, деловитость. Восточный ветер — мудрость. Мой тост за то, чтобы эти ветры не сталкивались, порождая бури, ураганы, смерчи... Пусть они всегда сходятся мирно и дарят нам такие вечера, как этот; глубокие мысли, как наши; мечты, светлые, высокие, недоступные... но единые. Давай за тебя, Миклухо-Маклай!

Плохо помню, за что пили ещё... Отдельными кусками... Фрагментами.

Но, о-оочень пафосно посидели напоследок.

Спустя три дня я уехал домой.

И вот уже, несколько лет прошло, а я до сих пор мысленно там... в Дагестане.

Со своими кунаками.

Как это объяснить и что с этим делать дальше, ума не приложу...

*

Вместо послесловия

Вот и подошло к концу наше путешествие в Страну гор.

Признаюсь, над книгой работалось интересно, но очень непросто, ответственно.

Мне не всегда удавалось подобрать нужные слова. Я даже толком не смог рассказать о своей встрече с шейхом Саидом-Афанди аль-Чиркави. Встреча эта — таинство. (Она включает и благословение моего духовника.) Всё неизмеримо глубже, выше, многомерней этих путевых заметок, бытописания... Как в персидской притче: три бабочки, порхая вдали от горящей свечи, принялись рассуждать о природе огня. Одна, подлетев к пламени, вернулась и сообщила:

— Огонь светит.

Другая рискнула ближе и опалила крыло:

— Он жжётся!

Третья, спланировав ещё ближе, исчезла в огне и не вернулась. Она узнала то, что хотела, но уже не смогла поведать об этом оставшимся. Получивший знание лишается возможности говорить о нём, поэтому знающий молчит, а говорящий не знает.

Я был там и вернулся. За это о главном молчу...

И ещё: сжавшийся на полу буйнакского базара крохотный, чуть живой, котёнок... Ты нуждался именно в моей помощи — я переступил... Извини. Не отпускаешь меня! Боюсь думать. Не умею говорить складно... не знаю об этом написать... Учусь стать писателем, стану ли?... Мечтал передать широту души дагестанцев, их интеллект, остроумие, эту ёмкость, многогранность, гостеприимство... выступить проводником их чувств, достоинств в сердца россиян. Но по силам ли подобная задача мне, обычному смертному человеку?

В Коркмаскале кунак поведал притчу:

Ползёт по пустыне гадюка и видит: лежит ласточка. Лежит себе лапками кверху. Змея спрашивает у неё:

— Что ты делаешь?

— Небо держу.

— Ха, разве ты, такая маленькая, можешь удержать небо?

— Делаю, что могу...

Вот и я делаю, что могу.

И пусть не всё получается, но зато я твёрдо знаю, что пожелать дагестанцам...

Неба — чистого-чистого, высокого, мирного, долголетия — кавказского, хлеба и бузы — вдоволь. Хакимов — мудрых, справедливых, невороватых... Пусть не смолкают в аулах зурна, свадебный бубен и детский смех. Пусть над очагами горцев из трубы всегда поднимается дым. Пусть дети не забывают язык отца и матери: аварский, лезгинский, даргинский, лакский, кумыкский... карельский. Пусть мальчишки, девчонки двадцать первого века сумеют без переводчика выслушать на годекане мудрость аксакалов, алимов и уважительно, достойно ответить на своём родном. Тогда не придётся читать «Патиха» языкам предков. [1] Снежные вершины тают под солнцем и дают жизнь чистым горным рекам. Пусть мои строки прозрачной глубиной донесут о горцах благую весть на равнину. Пусть в мире зла станет меньше, а любви чуточку больше.

Я всё думал: что из увиденного в Дагестане является главным символом взаимоотношений между народами? Символом моей книги? И понял. Вернее сказать, вспомнил... в Бежтинском районе... Дивной красоты смущённая девочка с восточными, сказочными чертами благородного лица и... русыми волосами. Только Любовь может творить подобное чудо.

И пусть именно Любовь будет символом, незримым связующим звеном между Русью и Дагестаном. Дагестаном, ставшим мне второй родиной.

Спасибо вам, дорогие мои кунаки, от всей православной души моей!

Спасибо вам духовные наследники имама Шамиля и Расула Гамзатова за поддержку, за понимание, за сотворчество. Без вас появление этой книги было бы невозможно.

Я уехал, но половинка моего сердца осталась с вами, в горах.

Солнце уходит на Запад,
И убегают за ним
Те, кто не знают,
Что всё в этой жизни
Имеет исток.
Солнце уходит на Запад,
Но, чтобы снова родиться,
Спешит на Восток,
На Восток [2].

Дорогие мои дагестанцы, я поднимаю этот бокал за вас!

С глубоким уважением,

мюрид Дагестана [3]
писатель, Александр Костюнин

07 июля 2014 года, город Москва

Примечания:

[1] Патиха — заупокойная молитва.

[2] Игорь Тальков «Солнце уходит на Запад».

[3] Мюрид — последователь, ученик;

*

Словарь

- Адат (от араб. — обычаи, привычки) — у тюркских и ряда других народов — обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникший и существовавший у этих народов в доисламский период;
- Азан (араб.) — в исламе призыв к молитве;
- Азраил — ангел смерти в исламе;
- Ай, лаззат! (азерб.) — как чудно, как хорошо!
- Алим — (араб.) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый;
- Аллах-акбар! — Аллах велик;
- Арза (лезгин.) — кляуза;
- Аскеры (турецк.) — солдаты, воины;
- Ассаламу алейкум! (араб. — мир Вам; дословно: мир на Вас) — исламское приветствие;
- Ахи (собств.) — жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные;
- Баде (лезгин. разг.) — бабушка;
- Баракат (араб.) — «благодать, небесный дар». С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат — это Божественная тайна. Баракат — это прибавление и дополнение;
- Баркалла (аварск.) — спасибо;
- Баркалла, лъикI буго! (авар.) — Спасибо, хорошо!
- БахIаральул партал (авар.) — свадебный наряд невесты: от нижнего белья и свадебного платья до белой шали из крепдешина;
- Бейт — двестише, форма лирической восточной поэзии;
- Блиц криг (нем. blitz — молниеносно, krieg — война) — молниеносное сражение;
- Буба (лезг.) — отец;
- Буза — национальный божественный спиртной напиток;
- Ворчъами! (авар. к мужчине) — Здравствуй! Доброе утро!
- Гамбит (из ит. выражения dare il gambetto — подставить ножку) — начало шахматной партии, в котором жертвуют фигурой или пешкой ради получения скорейшей возможности перейти в атаку;
- Годекан — центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода;
- Гужгат — разновидность мужской одежды аварцев из темных плотных тканей и домотканого сукна, на подкладке;
- Гяур (араб. аль-кафирун) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама;
- Дада (авар.) — папа;
- Дах (лезгин. разг.) — отец;
- Дебют — начальная стадия партии, продолжающаяся первые 10-15 ходов;
- Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;
- Джанет — рай;
- Джаханнам — ад;
- Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы;
- Диван (перс.) — высший орган исполнительной, законодательной или законосовещательной власти в ряде исламских государств, а также титул руководителя данного органа;
- Ёк (тюрк.) — нет;
- Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца.
- Зина (арабск.) — изнасилование, прелюбодеяние;
- Зиндан (персидск. — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в средней Азии;
- Зиярат — у мусульман святое места;
- Ими (лезгин.) — дядя по отцу;
- Иш кин бугеб? (авар.) — Как дела?
- Канлы — кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей;
- Кеклики — горные куропатки;
- Кизак (от тюрк. tüzäk) — спрессованный кирпичиками и подсушенный навоз, идущий на отопление;
- Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! — тост соответственно на лакском, даргинском и аварском языках с пожеланиями здоровья и всего хорошего;
- Кипиш — волнение, паника по поводу какого-то события;
- Кумган (тюркск.) — узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а так же подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра);

Кутум (*Rutilus frisii kutum*) — рыба семейства карповых; подвид вырезуба. Длина тела до 60 см, весит около 2 кг. Обитает в Каспийском море;

Лъик! (авар.) — нареч. хорошо!

Магар (арабск.) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы;

Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

Маслиат — обряд примирения;

Миттельшпиль — середина игры;

Мучал — большой водоносный металлический кувшин;

Муэдзин — читающий азан;

Мюрид — последователь, ученик;

Настя-Эбел! (авар.) — Мать Настя!

Нуцер — оруженосец, телохранитель при дворе горского феодала.

Нуцал — титул аварских ханов;

Обезьянник — спецприёмник или изолятор временного содержания;

Парту Патима — народный эпос Дагестана, перевод с лакского С. Липкина;

Протеже (франц.) *Protégé* — лицо, пользующееся чьим-н. покровительством или рекомендацией;

Рахмат (араб.) — милость;

Рюкму — вердикт, закон;

Садака (араб.) — в исламе практика очищения перед Аллахом (см) посредством раздачи милостыни;

Сардар — наместник, главнокомандующий;

Сау (лезг) — спасибо;

Сахли! — тост на аварском языке с пожеланиями здоровья и всего хорошего;

Село Ичичали — Гумбетовский район. Не только в Дагестане, но и на базарах Кабардино-Балкарии, Грузии, Казахстана творения рук ичичалинских мастеров воспринимаются в ряду надежных изделий, пользуются спросом, и в деле изготовления медных кувшинов у жителей этого аула нет конкурентов;

Сунна (араб.) — путь, дорога. В исламе под Сунной понимают действия пророка Мухаммада;

Тухум — родственная группа у народов Дагестана;

Удзи (дарг.) — брат;

Уздень (татарск.) — свободный, зависящий только от себя, живущий по себе;

Ураза (тюрк.), рузе (перс.), саум (араб.), 30-дневный пост у мусульман в месяце рамазане. Восходит к древнеараб. культам. Условия поста регулируются Кораном (сура 2): мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты. Обязателен для всех верующих, кроме детей до 7 лет, больных, беременных женщин, безумных, путешествующих. Пост, прерванный из-за болезни или путешествия, надлежало возместить в другое время. В связи с тем, что мусульманский год лунный, рамазан, а следовательно, и У. каждый год приходится на разное время года. В некоторых сёлах Дагестана мула принимает решение о начале У. самостоятельно и потому даты не совпадают. (В селе Халматюр Бабаюртовского района в 2010 году У. объявили на день позже.)

Устаз — наследник Пророка, учитель.

Уцмий — титул даргинского феодального правителя;

Харам (араб.) — в шариате запретные действия;

Хабар — рассказ, молва, слух;

Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);

Хадис (араб.) — высказывания пророка Мухаммада;

Худуди — наказание;

Хукумат — государство, власть;

Хъабало» (авар.) — свадебное платье;

Цейтнот (от нем. *Zeit*) — время и (нем. *Not*) — нужда;

ЧРИ — Чеченская Республика Ичкерия;

Шапат — благополучие;

Эме (лезгин.) — тётя по отцу;

Эмен (аврск.) — отец;

Эндшпиль — заключительная стадия игры;

Юзбаши (турецк.) — офицер, сотник;

Якши — нареч. татарск. ладно, хорошо;

Ясыри — пленные;

Ях-намус? — Совесть есть?;

*

Абхазия: война и мир

Текст с фото в формате PDF размещён на авторском сайте: kostjunin.ru
(Раздел «Произведения»)

Нугзару Нуриевичу Салакаю,
заоблачной вершине, восьмому святилищу Абхазии!
моему другу и проводнику, открывшему путь в обитель души,
посвящается эта книга

Нугзар сказал:

— В стаде баранов, дабы беду упредить, есть вожак с колокольчиком на роге. В сообществе людей эта обязанность возложена на писателя. Писатель умолчит, так камни возопиют.

*

Наказ

Катясь, камень мхом не покрывается.

Абхазская поговорка

Давно замечено, нам не даёт вести оседлый образ жизни, навек прирасти к одному месту, гонит из дому и заставляет выбирать дорогу то, что внутри нас самих. По сути я — бродяга, моя шапка — небо. И вновь собираюсь в дальний путь. А у Васи, соседа, как раз сегодня торжественное мероприятие: за многолетнюю самоотверженную работу ему вручили медаль «Ветеран труда». Не зайти, не поздравить нельзя — обидится. Надо уважить.

Гостей немного, хозяин встретил уже навеселе:

— Что, Александр, опять в горы потянуло?

Солнце светит прямо в спину —
Надо двигать к магазину.
Солнце светит в левый глаз —
Надо ехать на Кавказ! [1]

— На этот раз Закавказье, в Абхазию.

— Вот объясни мне, — Вася с ходу протянул штрафной бокал, — почему Абхазия? Ты же вроде сочинял про Дагестан? И сколько времени ушло на работу?

— Почти пять лет.

— Заплатили много?!

— Вася, ты опять?..

— Честно скажи, крупный гонорар? — не унимался сосед. — Нет?! И не зап-ла-тят!!!

Знаешь почему?

— Почему?

— Да потому, что пишешь для народа, а надо так, чтоб нравилось вла-а-асти. Тогда у тебя кинжал будет торжественно висеть на поясе, а не из ...опы торчать. Уа-хха-ха!!!

— Спасибо за совет.

— Ну, чего стоим, — он напялил будёновку, — давайте за стол. Медаль нужно как следует обмыть.

— Тебе только б «обмыть», только б «обмыть» — урчала жена. — Когда кончится эта пьянка?..

Вася манжетой рукава полирнул латунную медаль:

— Зинаида, терпи, нах... раз за героя замуж вышла.

Мне тоже хотелось посидеть в весёлой компании (в последние годы редко собираемся), послушать Васю, выпить, побалагурить, но пора в путь-дорогу...

Главное, как писать, я теперь знал.

Наказ получен.

Примечания:

[1] Советский фольклор;

*

Экскурс в историю

*Кто в Абхазии не бывал,
тот Кавказа не видал.*

Абхазская поговорка

Штрихи времени:

Истинное положение дел, честная информация — кислород.

Без кислорода жизни нет! Но благо он и лекарство лишь... в дозах умеренных.

Правда без купюр, без прикрас, такая, как есть, — равносильна кислородной бомбе!..

Посему девизом советских газет был лозунг: «Меньше знают — крепче спят!» В годы юности моей за этим следили бдительно, правду сужали строго по буквам, под роспись в рамках «грифов»: «для служебного пользования», «секретно», «сов-секретно». Однако в 1988-м железный занавес закачался, затрещал... Герметичность нарушилась, в щели стало пробиваться солнце.

Страшно!..

В описавшемся от страха и растерянности СССР мне довелось присутствовать на партхозактиве.

Зал — битком: не только мы, номенклатура по списку, пропустили ещё «представителей общественности» — критиканы, оруны-бузотёры (те топтались позади). Я отчётливо-резко помню день и час, когда Правда впервые прозвучала открыто, публично!..

Да, ящик Пандоры открывали при мне...

Раздался тревожный сигнал: «Пи-пи-пи-пи-пи-пи...»

На трибуну вышел бледный Руководитель, выдержал мхатовскую паузу и без бумажки объявил:

— Товарищи, московское время пятнадцать часов...

В мёртвой тишине бухнуло упавшее тело, приглушённая суголока:

— Воды... Кто-нибудь! Во-ды!

Поволокли женщину на свежий воздух.

Меж тем оратор грозно вещал:

— В Волгограде и Куйбышеве шестнадцать.

Зал напряжённо затаился. И... как гром среди ясного неба:

— ...В Свердловске, Уфе и Челябинске семнадцать!

Сводки шипением расползались по рядам:

— Слыш-ш-ш, «в Свердловске семнадцать», «сем-над-цать в Свердловске...» —

А с трибуны зловещим набатом неумолимого рока неслось:

— В Омске и Новосибирске восемнадцать!

По рядам пробежал неодобрительный шепоток, а сзади, среди диссидентов — наоборот с робкой надеждой:

— Ты слышал?!

— Теперь и умирать можно...

— В Кемерово девятнадцать, в Иркутске и Улан-Удэ двадцать.

Гул перерос в смешки. Свекольный лик оратора передёрнуло. Поверх роговых очков он выскивал взглядом нарушителей:

— Да, в Иркутске — двадцать.

— Быть такого не может! — не удержался кто-то с места. — Неделю как оттуда, встречался в трудовых коллективах, беседовал с товарищами.

— Я вам больше скажу, в Якутске и Чите двадцать один, — игнорируя реплику, не унимался Первый.

— «В Якутске и Чите двадцать один!» — победным эхом вторила галёрка.

— В Хабаровске и Владивостоке двадцать два, в Магадане двадцать три часа.

— «В Ма-га-дане двадцать три!!!»

— Совсем зарпортовался!.. Его самого за это в Магадан...

— Мы не верим! Покажите бумаги!!!

— Пусть покажет!!!

— Мал-ча-аааать!!! — докладчик кулаком ...бнул по трибуне так, что сомнений не осталось — раздавит.

Размозжит любого.

Но... чудо! зал вольнодумно гудел.

Первый, перекрывая шум, смертельно раненым зверем почти прорычал:

— В Петр-ропавловске-Камчатском!.. полночь!

«Полночь!» Видано ли?! Полночь... Полночь, — я, не слыша никого, словно обкуренный, сомнамбулой пробирался к выходу... невпопад кивая знакомым:

— Да и вам!.. Ничего... Спасибо, застегну...

«В Петропавловске-Камчатском полночь!..» Полночь!..

Понятно... всего не скажут. Можно себе представить, что там на самом деле...

Всё!.. Жизнь кончилась.

Тогда так казалось не только мне.

Прошли годы...

Я опять направлялся в беспокойный регион планеты, опять за правдой!

Двадцать лет тому назад между Абхазией и Грузией произошёл вооружённый конфликт. Не мышиная там возня, не тараканы бег — настоящий, полномасштабный. Сперва шла война законов, потом разразилась кровавая битва... с тысячами раненых, убитых. После войны 1992 — 1993 годов, которую абхазы называют Отечественной, от Грузии отпочковалось суверенное государство «Республика Абхазия». На сегодня в мире его признали такие супердержавы, как Науру, Никарагуа, Венесуэла и Россия. А Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Абхазия по-прежнему признаётся частью Грузии. Как? что? почему? — неизвестно.

Раз еду, не лишним будет узнать хронологию событий, подковать себя по истории региона, проштудировать литературу, покопаться в интернете...

Итак...

По данным выдающегося абхазского учёного Инал-Ипа «в 1801 году Восточная Грузия, а вслед за этим западные области страны, в том числе и Абхазия, одна за другой присоединились к Российской империи» [1]. Шалва Денисович сообщает: «В 1810 году владетель Абхазии Георгий — сын Келешбея — обратился к русскому правительству с просьбой о присоединении. Император Александр I удовлетворил пожелание абхазского правителя, 17 февраля 1810 года издав манифест о присоединении Абхазии к России. А с 1883 года Абхазия, перестав существовать как отдельная административная единица Российской империи, вошла в состав Кутаисской губернии под названием Сухумского округа». Эдак именовалась она официально до мая 1919 года.

В 1917 году в царской России, помните, произошла заварушка, дров наломали!.. (До сих пор разгрести не можем.) Империя приказала долго жить, на её месте образовались Россия Советская и советские же республики. В декабре 1921 года Республика Абхазия заключила союзный договор с Республикой Грузия, а в 1931 году Абхазия вошла в состав Грузинской ССР на правах автономии. (Характерная деталь: в 1965-м, в год издания своего научного труда, этот авторитетный абхазский учёный безусловно считает Абхазию частью Грузии — надо запомнить, вдруг пригодится!) Вхождение произошло тогда добровольно (заметьте, добровольно!) по решению товарища Сталина и горячей просьбе трудящихся. При Сталине в СССР любой рост цен и расстрел трудящихся проводился исключительно по их собственной просьбе. Коба терпеливо объяснял подданным: «Победа советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнёта, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств».

Ремарка:

До чего схожи биографии...

Моя родная Карелия сперва тоже стала Союзной Карело-Финской республикой, затем была преобразована в автономную. Теперь власти думу думают, к какой области её прицепить: к Архангельской или Ленинградской. Управлять обезличенными территориями много проще.

Ладно Сталин... С ним всё ясно.

Но чаяния трудового народа поддержала и творческая интеллигенция, самозабвенно слагая оды, вдохновенно исторгая из лужёных глоток заздравные рулады:

Мы верной дорогой идём,
И знание — наше оружие,
И сила — народов содружье.
Мы вместе везде — на морях,
В долинах, в скалистых горах.
Так ныне живём!

Или вот «Голос Ткварчели»:

Разноязычный
Говор вокруг.
Майзель, Гриценко,
Орлов, Полищук,
Нушке, Бакрадзе...
Немец, грузин,
Сван и абхазец —
Все как один
Машут кирками,
Камень дробят.
Крепче, чем камень,
Дружба ребят.

Наш современник Вахтанг Кикабидзе подтверждает:

Жили мы одной семьёй, греки и украинцы,
Русские, испанцы, и Виктор — армянин,
И азербайджанцы, и итальянцы, курды и евреи,
Ну и я — грузин!

Народные поэты Абхазии наперегонки, без усталости слагали мадригалы, серенады, гимны в честь дружбы народов, в честь Великого Сталина, который организовал красное шапито. Самый-самый народный — Дмитрий Гулиа! Его произведения охотно изучались в колхозах, в школах. Беспредельная любовь к вождю и отцу всех народов Сталину — вот что особенно ярко окрашивает вирши:

Над горами снеговыми
Бродят облаков стада.
Нам твоё сияет имя,
Мы душой с тобой всегда.
Счастье, радость заблистали
Над советскою землёй.
За тебя, великий Сталин,
Жизнь готов отдать любой.

А Киазым Агумаа, в гениальной «Песне колхозников», красной нитью проводит мысль:

Не узки дороги наши,
Нам широкий путь открыт.
Мы счастливейшими стали,
Труд и родину любя.
Славься наше солнце — Сталин,
Вождь, благодарим тебя.

Ну, допустим, это «гуманитарщина»!

Однако первый из первых, светоч абхазов — Нестор Лакоба, выступая с речью на XV съезде партии тоже восторгался: «Абхазия, в прошлом угнетённая, обречённая на физическое

вымирание, теперь, находясь в составе Советской Грузии, вполне свободно и культурно, и хозяйственно развивается с каждым годом» [2].

Nota bene! [3]

Не знаю, как вас, меня растрогало до слёз.

Какая идиллия!..

Так что же с братскими народами случилось потом?

Ведь, чтобы сосед стрелял в соседа, брат в брата, причины нужны веские... Для Грузии по сей день Абхазия — её неотъемлемая часть. Для абхазов, с момента самопровозглашения, кусочек черноморского побережья 170х65 км — их законное государство, исконная земля предков, не зря у земли и название такое. Кто имеет больше оснований называть эту часть побережья Чёрного моря своей? Чья, по правде, эта земля? Территориальный конфликт возник из-за того, что каждая из противоборствующих сторон уверяла: моя! После 1985 года Абхазия официально начала проводить работу по отделению от Грузии и созданию Союзной Республики в составе СССР.

Для справки:

Площадь СССР 22,4 млн. кв. км, Абхазии — 8,6 тыс. кв. км.

Если бы каждая территория такого размера, как Абхазия, стала Союзной Республикой, то в Советском Союзе их появилось бы две тысячи шестьсот, а не пятнадцать.

Прикольнo!

Союз в две тысячи
республик и в каждой
Первый секретарь и
Ленин в гипсе и граните [4]

Ремарка:

Думаю, каждый со мной согласится: писать стихи трудно...

А когда нет поэтического дара — вообще невозможно.

Поэтому стихов не пишу. Однако в потоке сознания проскакивают иногда строки ритмические. Точно знаю — это не проза. Условно, для себя обозвал их «прозатворения». Дальше — больше. Оказалось, эти «прозатворения» достаточно определённо делятся на три ручейка: серьёзные строки, несерьёзные и для детей. В первом и последнем разделах всё пристойно: запятые, точки-тире, дефисы на своих местах, стоят — не смеют шелохнуться; все правила грамматики максимально соблюдаются и охраняются. Там, говоря языком воровского мира, «красная зона» — территория, где поддерживается верховенство законов светской власти. Но каждому живому человеку, и мне в том числе, время от времени хочется слегка отступить от рамок приличия, немного покуралесить, похулиганить. И в такие часы строчки, которые ложатся на бумагу, тоже шалят. Я пытаюсь их записывать в том непотребном виде, в каком они завалились ко мне в гости: без знаков препинания-пинания... Как с самосвала натрясло; как советский сервис, в котором выключено почти всё; как речь продрогшего человека, когда зуб на зуб не попадает. Тогда не до рифмы, не до знаков... Донести бы смысл. Такие несерьёзные опусы я нарёк «Фривольным полуглаголом».

Где родился Адам?

В Дагестане, в каждом ауле, мне объясняли популярно: прародитель — их земляк. Показывали его саклю, личные вещи... Так и в Абхазии всякий грудничок твёрдо знает: «Ковчег Ноя на Ерцаху находится». И молодцы! Любить маниакально, до готовности самопожертвования свою родину — верно. Патриотизм не должен быть подвержен инфляции, капризам моды... А вот интересно, кто появился раньше — грузины или абхазы? Читаем: грузинские и абхазские учёные солидарно, в один голос призывают в поисках ответа на этот ключевой вопрос нырнуть вслед за ними в историю, в археологию... в века.

Остерегитесь от этого опрометчивого шага!

Обычному человеку углубляться в века, закапываться вслед за историками дальше XIX века не стоит... Поверьте! Добираться до первопричины, до прародителя народов не следует, а то получится, как в анекдоте.

Учитель на уроке географии:

— Вовочка, скажи, куда мы попадём, если просверлим нашу планету насквозь.

— В сумасшедший дом!

Не вдаваясь в детали, общий смысл дискуссии сводится вот к чему: одна сторона уверяет, будто бы человек произошёл от абхазов, оппоненты едко посмеиваются, клянутся-матерятся, обещают «зарезать», что от грузин. Я, со своей стороны, советую держаться строго научного, диалектического метода познания истины:

легко узнать национальность
по пальцу ...бнув молотком
всех выдаст трёхэтажный мат
поймём что русские мы все [5]

Война шла с грузинами.

Я решил выяснить: а кто, вообще, такие «грузины»?

Открылась страшная тайна: никаких «грузин» в природе не существует! Миф!!!

Такой национальности нет вовсе, как нет и «дагестанца». Хотя грузинский язык в отличие от дагестанского всё же есть. Существует множество этнографических групп: аджарцы, гурийцы, картлийцы, кахетинцы, имерхевцы, ингилойцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушинцы, ферейданцы, хевсуры, чвенебури. И три субэтнические группы: мингрелы, сваны, лазы [6]. Грузин (самоназвание — картвелеби), значит, житель Грузии. (До 1992 года абхазов в СССР и в мире тоже считали грузинами.) Так все жители Страны гор — дагестанцы, независимо от папы-мамы, даже если сами они об этом не догадываются: и аварцы, и лезгины, и чеченцы, и русские, и кумыки, и евреи...

А как думаете, легендарный трёхкратный чемпион мира по вольной борьбе из села Ачандара Гудаутского района для иностранцев кто?

в Апсны известно: он из рода Царгуш
для россиян — талантливый абхаз
для мира — «RUS» как все кавказцы
наши, чукчи и евреи — т.е. русский [7]

Всё просто...

И ещё: какая вера в Абхазии?

Пишут разное... Вроде бы раз Кавказ, значит — ислам.

Серьёзная религия, с непривычки даже может показаться военным орденом. После Дагестана так и стучат в висках выразительные строки «Медина — Мекка» («Вихри враждебные...» пожиже будут) [8]:

Все мы, граждане, твёрдо знаем,
Что в начале седьмого века
Под весёлым зелёным знаменем
Шёл пророк из Медины в Мекку.

Львы рычали, ослы кричали,
И, осыпаны бранной пылью,
Бедуины прямыми мечами
Городские брони рубили.

И неслось над войском Медины,
Разлетаясь искрами паник:
Нет Бога, кроме Единого,
И Мухаммад — Его посланник.

Шесть посланников в мире зримом,
А седьмого — земля не стоит.
Был Адам и Нух с Ибрахимом,
И Муса, и Дауд с Исою, —

Мир не видел ещё такого,
Что рождает земля Аравии.
Конь бьётся, задрав голову,
Выбивая пламя из гравия.

Так орали эти номады
На рысях, дорогой короткой
За посланником Мохаммадом,
Молодым, с подбритой бородкой.

А дорога под ним гудела:
Это было дело святое,
Это было верное дело,
За которое драться стоит.

Так давайте подыдем чаши,
За фанфары седьмого века,
За счастливое время наше,
За дорогу Медина — Мекка,

За зелёный огонь ислама
От Хивы до Дженералифа,
За двенадцать святых имамов
И святых четырёх халифов,

За первейшую пядь дороги,
За начала начальный атом,
Что расстелется нам под ноги
Завоёванным халифатом.

У абхазов красивый государственный флаг.
Вот только нигде не нашёл расшифровку символов...
На форуме утверждают: на флаге Абхазии изображена рука тонущего человека. С трудом верится... Как приеду, обязательно спрошу специалистов. Об этом и многом другом не узнаешь из противоречивых статей.

Я скрупулёзно разбирался во всём сам, лично, на месте.
Познакомился с обычаями, традициями народов, населяющих одну из жемчужин планеты — Абхазию, — и вложил свою душу в эту книгу:

Мальчишки и девчонки!
А также их родители!
Веселые истории
Послушать не хотите ли? [9]

Примечания:

- [1] Ш. Д. Инал-Ипа «Абхазы (историко-этнографические очерки), 1965 год;
- [2] Газета «Голос трудовой Абхазии», от 22 января 1924 г.
- [3] Nota bene (лат. nota bene = «заметь хорошо» [повелительное наклонение, единственное число], обрати внимание; произносится нота бэ́нэ), N.B., NB, нотабене — отметка, примечание, чтобы обратить внимание на какую-либо часть текста;
- [4] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [5] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [6] Материал из Википедии — свободной энциклопедии;
- [7] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [8] Хмельницкий Сергей «Медина — Мекка»;
- [9] Песенка из детского тележурнала «Ералаш».

*

Начало маршрута

У меня есть королевство, правда оно маленькое, но оно обозначено на карте. Вот карта, а вот увеличительное стекло, без него не видно...

Фильм «Старая, старая сказка»

Абхазия — махонькая сказочная страна Закавказья.
Размером с бурку...

Страна до того крохотна, что её не разглядеть на карте без увеличительного стекла. Но вы не думайте, будто там всё маленькое, игрушечное. Вовсе нет. Там горы-громады, бездонные ущелья, исполинские деревья и необъятное ласковое Чёрное море...

Маршрут мой по Абхазии начался в столице Сухум. В советские годы произносилось иначе — «Сухуми», но после победы в отечественной войне местным названиям вернули исконное произношение. Так вот в Сухуме повезло: Правительство Республики снабдило меня рекомендательным письмом — выдало подорожную, как сказал бы путешественник времён Российской империи, и я приступил к бытописанию.

Как именно собирать материал определился давным-давно...

В стародавние времена, ещё при царе Генсеке, я служил на комсомольской работе в райкоме, затем в горкоме ВЛКСМ. Потому, уж извините, некоторые формы, методы столь въелись в мою суть, что без них никуда. Раньше бывало, готовясь к пленуму, конференции, мы загодя планировали докладчиков по строго утверждённой разрядке: представитель вышестоящей организации, одна колхозница, два рабочих, ветеран, военнослужащий, пионер, секретарь первичной организации и, на закуску, парочка активистов. И потому сейчас, по старой привычке, я решил придерживаться проверенных методов работы — равномерно, никого ни в чём не ущемляя, представить абхазское общество. В итоге мой джентльменский набор собеседников выглядел так: ветераны отечественной войны 1992—1993 годов, писатели, фотографы, вор в законе, священнослужители, жрецы, ясновидящая, Президент страны, военные, главы администраций, учёные, спортсмены. (Вроде никого не обделил вниманием, никого не забыл.)

А теперь внимание!

Первым делом хочу познакомить вас с Главным редактором районной газеты «Гал» Нугзаром Нуриевичем Салакая. И дело, конечно, не в газете. (Хотя спору нет, орган печати необычный — выходит на трёх языках: абхазском, русском, мингрельском.) Человек этот — уникал, каких поискать... По масштабам личности Нугзар не вмещается ни в какие рамки. Он стал моим проводником по всей-всей Абхазии! отодвинув обязанности руководителя печатного органа на задний план. Можно купить дорогие часы, но нельзя купить время. Нугзар мне своё время подарил. Именно ему, абхазскому другу, посвящаю эту книгу. Нугзар, кстати, популярно объяснил, что означают символы на государственном флаге Абхазии:

— Раскрытая белая ладонь на красном фоне — символ абхазской государственности, которая оформилась ещё во времена Абхазского царства и насчитывает двенадцать столетий. Семь пятиконечных звезд над ладонью выполняют функцию магического оберега и символизируют семь святилищ. Зелёно-белое чередование полос — образ веротерпимости народа, ислам (зелёный цвет) всегда мирно сосуществовал с христианством (белый цвет).

— По-няяя-тно.

Повезло мне с проводником!

Помню, как познакомились, он предложил зайти в кафе, тяпнуть за знакомство:

— Событыльник, в культурном смысле слова, означает единомышленник. Ты хочешь вино сухое, и я хочу вино сухое — чувствуешь, уже что-то общее. Это плацдарм. Дальше сближение пойдё-оот. Кроме того, абхазское вино — мудрое, оно само подскажет тему беседы, поможет найти нужные слова...

— Грандиозно!

— Ты не подумай, совсем непутёвых, подзаборных в Абхазии нет. Да, выпивают. Кругом такие горы, такая красота... Что делать?

Не скрою, первый номер программы меня обрадовал. Я азартно потёр ладошки: «Где вино пьют, там и наш приют». Не пить в Абхазии — некультурно. Здесь даже берёзы, символ русской целомудренности, — пьяные...

Однако не успел я почувствовать себя Шуриком в увлекательной этнографической экспедиции, как беседа наша резко уклонилась в сторону от разудалых шуток-прибауток. Сперва Нугзар предложил тост за Всевышнего — выпили стоя, затем, помрачнев, он выдал:

— Александр, главная достопримечательность Абхазии — не пляжи, не горы, не солнце-море. Наша главная гордость — победа в отечественной войне. Тебе обязательно нужно в первую очередь рассказать о ней. О тех, кто подарил нам мир! Познакомлю тебя с ветеранами, с настоящими людьми, кто смотрел смерти в лицо и не отвёл взгляда...

С теми, кто сражался за Родину.

— Значит, война...

**колокольчик
тревожно
встрепенулся!..**

*

Война

Да будет кровь!

*«Да будет свет!» — Господь провозгласил.
«Да будет кровь!» — провозгласили люди.*

Дж. Г. Байрон

Василий Верещагин, рисунок: «Апофеоз войны»

Чтобы не было войны,
надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,
надо ружья зарядить.

А как станем заряжать,
всем захочется стрелять.
А уж как стрельба пойдёт,
пуля дырочку найдёт.

Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого:
хоть в чужого, хоть в своего,
лишь бы всех до одного.

Во и боле ничего!
во и боле никого,
кроме ворона того —
стрельнуть некому в него [1].

Примечания:

[1] Булат Окуджава, «Примета».

*

Они сражались за Родину

Джамал Шуген и Гурам Габечия

Центр реабилитации в Гаграх.

— Мы уже забываем, что не все и не сразу вызвались защищать Абхазию, первая горстка добровольцев была скромной. Это сейчас, послушать, все герои. Есть люди, получившие медальки за компанию, по блату.

— Смотря с кем будете говорить, а то начальство таких вояк подсунет... пустышек, — седой ветеран пренебрежительно отмахнулся от меня, собираясь уходить.

— До вас встречался с Чёрным капитаном, его ведь не назовёте «пустышкой»?

— !!!

Мужики не смогли сдержать одобрительные возгласы:

— О! Да! Чёрный капитан — настоящий воин.

— Потом ещё... — я порылся в блокноте, чтобы не перевернуть фамилию, — «Вардания».

— Славик? — радостно встрепенулся Гурам Габечия.

— Да-да-да!

И взгляд Джамала сразу потеплел:

— Это мой командир. С первого дня личный мой командир.

— Хороший или так себе?

— О-оо! Очень хороший. Он за своего солдата куда хочешь пойдёт, насчёт этого молодец.

Настоящий, чистый абхазец.

Я набрал по мобильнику Вардания, передал трубку однополчанам. Последний холодок в отношениях с бойцами исчез, дальше шёл откровенный разговор.

— Расскажите о первых минутах войны.

Гурам покопался в памяти:

— На свадьбе с приятелем всю ночь пили-куролесили, утром возвращались домой. Спать хочется... По трассе едем, что за чёрт!? Глазам не верю!!! Девушка в одних плавках, без лифчика...

Я сразу другану:

— Ора, у меня белая горячка.

А я-то уже учёный, я-то знаю уже, что нужно делать во время белой горячки, старики объясняли: рубашку сразу стащил, вывернул наизнанку, снова напялил. Пальцы вытянул вперёд — не дрожат. Странно...

И тут кореш как заорёт:

— Гурам, смотри!

Со стороны пляжа бежали полуголые люди, над ними проносились самолёты и бомбили.

Останавливаем парня с девчонкой:

— Что случилось?

— Война.

Я мингрелец, вся родня в Грузии, но себя считаю абхазом. Если снова война начнётся, пусть инвалид, снова встану в строй, заберу с собой хотя бы двух-трёх тварей Божьих.

— И на фронте не все герои. Гурам, помнишь взятие моста?

Тот кивнул.

— Вечером поставили боевую задачу, а под утро, когда построили, начались отказники: у кого ухо разболелось, кому мама приснилась в нехорошем сне, просила не ходить в этот бой, у третьих с сердцем плохо. В итоге на мост полторы сотни пошло, остальные включили задний ход. Тогда много ребят погибло. Моему соседу осколком полчерепа снесло, рану залепили глиной, повезли в медсанбат. О-ох...

Я не удержался:

— Нет ли у вас сожаления, что воевали, а теперь вот раненые, по госпиталям...

— Да, ребят много положили, сами инвалиды, зато сейчас, на миллион процентов, мы свободные люди. Наши старики всю жизнь мучились, им дышать не давали, а теперь на своей земле стоим.

— Мы все когда-то умрём, кто раньше, кто позже, — поддержал Джамал, — а погибнуть с оружием в руках, защищая родину, — честь высокая. Когда уйду, знаю: наш отец, Владислав Григорьевич, там ждёт и примет, как родного сына.

— Да, да! — хором поддержали мужики. — Вечно живой для нас.

— Владислав Ардзинба стоял до конца: «Я с вами! Я с вами! Я с вами!» Такого Президента ни у кого не было. Наш отец!

!!! В России мне такого слышать не доводилось...

Действующему начальнику у нас поют дифирамбы, сладко-хвалебные оды, соревнуются, кто виртуозней лизнёт, но стоит вождю оставить пост — вслед летят куски дерьма: «В Кремле Л. И. Брежнев принял индийского посла за британского и имел с ним продолжительную беседу» — абхазский Президент от подобных анекдотов застрахован.

В жерновах истории перемалывался народ крошечной Абхазии.

Кто выжил — настоящие люди, сталь...

Во время войны в ходу лишь твёрдая «валюта». Каждый вынужден проявить своё истинное лицо, подлинную суть. Обычную учтивость, достаточную в мирной жизни, приходится менять на готовность к самопожертвованию. Только так можно заслужить желанную награду — товарищеское уважение. Душа становится сильной, сердце пламенным! (В минуты наивысшего напряжения заметно, как человек растёт.) Именно в поисках чистой породы, человеческих самородков я стремлюсь в регионы, которые горе накрыло чёрным крылом. Глотнуть там кислорода... чего-то стоящего.

Истинного!

Примечания:

[1] Здесь и далее: если не указана фамилия фотографа — автор я;

*

Вячеслав Вардания

— Ну, как? — поинтересовался Нугзар.

— Сильно!

— Я ещё обязательно познакомлю тебя со своими боевыми друзьями.

— Так ты что, тоже воевал? Расскажи...

— Потом как-нибудь... Сейчас едем на встречу с Вардания.

Вячеслав Вардания по специальности — скульптор-керамист. Профессия редкая, мирная... трудно найти более мирную. Мы пересеклись с ним в сутолоке Гальского рынка.

Я с уважением пожал руку:

— Скульптор — коллега Бога: из глины лепит существа, вдыхает в них душу.

Вячеслав заметно погрузтел...

— Тема больная!.. Бросил я любимое дело... права не имею заниматься искусством. Творчество — служение святое, а у меня руки в крови по локоть. Даже не прикасаюсь к глине, могу оскорбить создание.

Беседа, мы шаг за шагом сдвинулись к обочине, в тенёк.

— Я с детства жил в Москве, уважение к России впиталось с молоком матери. Когда Абхазия вступила в предраспадное состояние, вернулся на родину. Здесь сразу включился в национально-освободительное движение, понимал: война неизбежна. Мы, кавказцы, раз уж завелись, не умеем мирно разойтись, как чехи и словаки. Молодой-то я горячий был... Просто ростом не вышел, а так трёхкратный чемпион Грузии по вольной борьбе.

В 1903 году по данным переписи, которую проводила Царская Россия, в Абхазии жило 2% грузин, а в 42-м году «Переселенстрой», по решению грузина Сталина, заполонил весь край. Абхазы помогали им обустроиться: несли продукты, одежду, строительные материалы... По-братски разделили очажную цепь. А через полвека они отплатили за наше добро, гостеприимство, развязав войну. Абхазский народ долго не сможет этого простить. Даже спустя двадцать лет их вернуть сюда невозможно — вырежут...

А начиналось всё незаметно...

Помню, готовился тогда к персональной выставке, все свои лучшие работы собрал, систематизировал, составил каталог... И прямо в мастерскую — пятисоткилограммовая бомба! Прямое попадание!!! Всё разнесло. Вся коллекция погибла одномоментно. Решил — знак свыше: надо самое дорогое отложить в сторону, переступить через него, взять в руки оружие и защищать Родину. Ты сейчас спросил, и на меня холодным ушатом — воспоминания. Кого тут только не было!.. В сопровождении замминистра обороны России прилетал Березовский, делал чартерные рейсы между Шеварднадзе, Ардзинба, Ельциным. На территории Абхазии я участвовал с ним в переговорах. Березовский не политик — коммерсант, бизнесмен с рождения. Он заявил: «Отдайте мне в собственность Пицунду, сделаю, чтобы Грузия и Россия смирились с вашей независимостью. После этого весь мир будет вынужден признать вас».

Когда ельцинскую Россию растоптали, когда о Россию вытирали ноги, когда ей некогда было играть в державность, мы строжили Грузию на коротком поводке, не дали ей вступить в НАТО. Теперь, конечно, забывается. Да, вот совсем недавно случай... Хутор в местечке Аигба, в Гагринском районе прямо на границе с Россией в верховьях реки Псоу. Во время войны оползень полностью отрезал население от связи с центром. Адлеровский район не остался безучастным, спасибо! пробили к селу дорогу и всех жителей — двадцать семей — сделали гражданами России: обеспечили пенсиями, социальным пакетом. Сегодня настаивают, чтоб территориально деревня вошла в состав РФ, мол, юридически надо оформить. Депутаты Госдумы, человек сорок, приехали в парламент утрамбовывать нас: «Отдайте!».

Ну как это — «отдайте»? У абхазов должна оставаться хотя бы иллюзия самостоятельности. Негоже России, которая точно не знает своих размеров, ещё и от нашей маленькой Абхазии оттяпать огород. И обижаются: «Раз не отдаёте 180 гектаров, заберём вас целиком, с потрохами».

Такое России не к лицу...

*

Чёрный капитан

Вячеслав Вардания остановил меня жестом:

— Плохой из меня рассказчик, Александр. Я обычный командир батальона, а тебе нужен герой. Есть такой... Человечище. Мужчина. Абхазец. Заур Адлейба, позывной — «Чёрный капитан». Во время войны командовал бригадой. Мы с ним боевые друзья. Скажу ему: сутки простоять по горло в ледяной воде — будет стоять.

— Нугзар, ты слышишь, нужен Чёрный капитан, — я сделал пометку в блокноте.

— Найдём, раскулачим.

Но это оказалось не так просто. Все попытки связаться с ним не приводили ни к чему. Причём, каждый следующий собеседник, будто нарочно, рекомендовал найти именно Чёрного

капитана. В один момент мне даже стало казаться, что никакого Чёрного капитана не существует вовсе... как Карлсона. Всё «выдумка»!

И повезло-таки...

Он шёл на контакт неохотно, так выходит своей тропой из оклада матерый волчара, окольцованный красными флажками. Однако, когда познакомились, лёд растаял.

Мы много о чём переговорили по душам, но всё не для открытой печати. Приведу лишь фрагмент его монолога, самый-самый безобидный:

— В конце октября меня назначили командиром батальона «Каскад».

Прошло дней пять, поступает приказ о наступлении. С той стороны возвышенность, мы попали в мандаринники. Мандаринники — деревья густые, не видно в двух метрах. Там стрелковым оружием не сделаешь ничего — рукопашный бой. Такого боя представить не мог: ножом, прикладом, ногами, руками, зубами... Стрелять невозможно: не знаешь, где друг, где враг, должен чувствовать «свой-чужой». А против нас тоже волки... Там мы, конечно, натворили дел. Больше ста человек положили за двадцать минут. Захватили несколько раций, в том числе поисковых. Выходим на их волну, грузины в панике орут, просят помощи из Очамчыры:

— Помогите-ее!!!

— Что с вами?

— Нас здесь порезали всех.

— Доложите толком.

— Гоните сюда бронетехнику, что есть, людей давайте!!!

— Кто порезал?

— Не знаем!.. Какой-то чёрный капитан!!!

Это сейчас я седой, никому ненужный... Тогда бравый: у меня густая шевелюра, борода смоль, форма капитана Советской армии. С тех пор так и прилипло «Чёрный капитан».

*

Лаврентий Миквабия

— Во время войны меня выбрали командиром полка, но сидеть в тиши штабов с картами не довелось — с пулемётом в атаку ходил. Четыре раза контужен, ранен. Много потерь несли, гробов не было — хоронили в шифоньерах.

Побывал даже за линией фронта: вёл от имени командования переговоры с грузинским генералом Лучадзе. Прежде тот служил в генеральном штабе советских тогда ещё войск, холёный такой, чистенький, в мундире, а у меня штаны в латках... На столе водка, баранина, фрукты... от запахов в голове туман. Он оценивающе так окинул меня взглядом:

— Ты что-нибудь командное кончал?

— Нет. После училища — лейтенант, выбрали командовать полком.

Голову опустил, задумался:

— Глянь на моих полковников.

У одного интересуется:

— Сколько в подразделении человек?

— Пятьсот.

— На позиции сколько?

— Триста пятьдесят.

— А у тебя?

Молчу.

— Знаю, пятнадцать человек стоит!

Нет у меня людей, прав генерал, да только некуда нам отступать. Мы здесь родились, сражаться надо до конца. На прощанье генерал с глазу на глаз признался:

— Вы непобедимы, пацаны.

Я впервые отчётливо понял: внутренне они надломались, дрогнули, дух оказался жиже нашего. Подобная информация тогда, на первых порах, дорогого стоила. Помню взятие Кинги... Против нас стояли хохлы. Доложу вам, дрались серьёзно, не отступили, не трухнули, отстреливались до последнего патрона. Двоих взяли в плен: один лежит в кровищи, второй, когда я в траншею заскочил, бросился в ноги:

— Ты же офицер. Прошу: не трогай раненого, делайте что угодно со мной...

Обычно во время боя мы в плен не брали, но его слова повергли в шок... Да, он — враг, но враг достойный, уважаю таких. Солдат, который жалеет врага, — плохой солдат. Но ведь прежде я человек... Приказал не трогать, позже на него обменяли нашего бойца. Такие моменты не забываются, хотя ярче для памяти ни стрельба, ни смерть, ни кровь. Острее всего помню, когда впервые после долгих месяцев блокады увидел хлеб: во время боя ворвался в грузинский блиндаж, смотрю — на гвозде авоська с круглым пшеничным. Бой идёт, я, не прерывая стрельбы, умял буханку. В блокаде всего не хватало, всего в обрез! Когда кончилась солярка, «КамАЗы» ездили на трансформаторном масле, когда закончилось и оно — перешли на мазут: заливали в канистру, нагревали, пока жидкий, заводили движок, канистру ставили на глушитель, чтоб постоянно тёплый.

Сейчас выстрелов не слышно, однако мир относительный...

Ситуация предгрозовая.

Гальский район перенасыщен оружием, оно ждёт своего часа и обязательно выстрелит. Потому автомат не сложил — со мной всегда. Сильно не расслабишься, голова вращается на триста шестьдесят градусов.

P. S.

И всё же солдат, который жалеет врага, — солдат плохой!

Не зря российский детский канал теперь транслирует легендарный мультик «Маугли» в новой редакции (17.01.2015). Цензура удалила из произведения постыдные эпизоды, где героизм выглядят неловкими, либо занимают аполитичную, преступно-выжидательную позицию: едва родившийся волчонок, заваливаясь на бок, лепечет: «Мы принимаем бой...»; Шерхан и его прихвостень-шакал посмеиваются: «А мы уйдём на север, и переждём...»

Считается: дети должны расти, в первую очередь, железными солдатами.

Детям вредно сомневаться, задумываться...

А ну, как тоже придётся уничтожать «рыжих»?!

*

Славик Квеквескири

Славик Евгеньевич — Председатель Народного собрания Очамчырского района.

Несмотря на выходной день, согласился на встречу:

— Раньше неграмотные старики вспоминали времена «до большого снега» и «после» [1].

А нашу жизнь разделила война — перелом.

Подразделения создавали по территориальному признаку: в батальоне бойцы из одного села, все друг другу родственники — близкие, дальние. Преимущество очевидно: друг друга знают, можно положиться, как на себя. Гарантия — не бросят! Но ежли наоборот... погибает однополчанин, да ещё твой брат-сват, да по несколько человек в бою — тяжело безмерно. Доставляешь тело домой... Это обязанность моя, комиссара батальона. Его привозишь мёртвого, а сам живой. У Вовы Иванченко осталось десять душ детей, жена беременная одиннадцатым. Что ей скажешь? Простой крестьянин пришёл забирать тело своего сына:

— Сперва посмотрю, куда он ранен. Если в спину, хоронить не буду.

После таких слов уверенность в победе крепла! У нас тогда будто крылья выросли.

На первых порах тяжело было убивать... Приходилось себя мобилизовывать, убеждать: «Враг пришёл на твою землю с оружием в руках, ты не убьёшь его — он убьёт тебя, твоих близких, разорит твой дом...» Постоянно приходилось в мыслях такую самоагитацию вести. Преодолеть этот психологический барьер после мирной поры, когда даже курицу не лишил жизни, очень тяжело. А когда победа... Кульминацией для меня стало признание Россией. На моём веку будет ли что-нибудь значимей? Едва ли... Я благодарен Богу за то, что именно нам выпало отвоёвывать свободу Абхазии, и мы не подвели. Вчистую победили.

Во время войны до слуха долетал шум волн, с ума сходил: так хотелось, чтоб скорее мир, поплавать спокойно. Война кончилась, а я за двадцать лет ходил купаться один раз.

Почему так?..

Примечания:

[1] Самая снежная зима, которую помнят как «асду» («большой снег»), зафиксирована в Абхазии в 1910—1911 годах. Тогда снежный покров в Сухуме превысил 2 м, снег держался более 2-х месяцев, а морозы достигали « - 8° С».

*

Беслан Ахуба

Дальше эстафету принял заместитель главы администрации Очамчырского района:

— Хорошо помню 14 августа 1992 года...

Я учился в Московском институте инженеров землеустройства, факультет архитектуры, проходил преддипломную практику в городе Сухуме в управлении по охране памятников культуры и архитектуры. В этом же здании на втором этаже размещался «Народный форум», много девушек... А я — из Мо-сквы-ы... Завидный жених! Любая хотела познакомиться, пообщаться... И с двумя самыми бойкими я порулил на набережную позавтракать, хачапурчики отведать, кофе попить. Выходим на крыльцо — подлетает машина, выносят раненого парня.

Подскакиваю:

— Что случилось?

— Война.

— Какая война?.. Двадцать первый век на дворе.

Но меня никто не слушал, девчонки заплакали, кто-то истошно закричал... Шум. Гам. Поверх всего нарастающий гул вертолётов, разрывы ракет: грузинские лётчики бомбили пляж, забитый отдыхающими. В общем, стало не до кофе. (Много позже, под самый конец войны, мы узнали: командиром ведущего «крокодила» был Майсурадзе, герой Грузии, афганец; долго мы за ним охотились...) Объявили призыв с 18 до 45 лет, хотя, кто считал себя мужчиной, не ждали особого приглашения, сами приходили к военкомату, записывались в ополчение. Издали указ: чтоб не растратить генофонд нации, работникам культуры, искусства, учёным, единственным сыновьям, студентам столичных вузов выдать бронь. Приходили, уговаривали не служить... Меня тоже. Но дорог был каждый! У нас традиция: сын рождается — стреляют в воздух от радости. Не потому, что ребёнок с краником — появился ещё один защитник отечества.

Сегодня частенько задаюсь вопросом: «Почему победили?» Сто тысяч против пяти миллионов!.. Потом понял.

Срочную службу я проходил в Советской Армии. Любил читать, но в библиотеке воинской части лишь Уставы караульной службы да ленинские труды. Однажды в городе, в увольнительной, зашёл в книжный магазин. Смотрю... Глазам не верю! На полке стоит Багра́т Шинкуба: «Последний из ушедших». Книга об истории, о том, через какую трагедию прошёл наш

народ, о махаджирстве в 1860 году. (В Турции сегодня около 800 тысяч абхазов живёт!) Когда увидел эту книгу в магазине Архангельска, как отца родного обнял. Конечно, сразу купил и за время срочной службы прочитал её раз двадцать, не меньше.

Наш командир батареи заметил, что с этой книгой вожусь:

— Дай почитать.

— Возьмите, но не потеряйте, она очень мне дорога.

Взял и вместо обещанной недели продержал две. Однажды построил нас на развод, у самого в руках моя книга:

— Сержанту Ахуба с сегодняшнего дня разрешаю носить усы и кинжал.

С такой литературой мы не могли потерпеть поражение.

Обязаны были победить!

*

Мзия Квициния

Мы в селе Члоу у директора музея боевой славы.

Мзия сразу повела меня в святая святых — в зал главной экспозиции на второй этаж, объясняя по дороге:

— Грузины тоже любят, ценят Абхазию, но без абхазцев.

В большом зале на стенах фотографии, в стеллажах письма, на полу стрелковое оружие, осколки разорвавшихся снарядов.

— Эта фотография у меня появилась первой, на ней тяжелораненый боец. Умирая, он прошептал: «Все твои боли, Абхазия, я возьму на себя». В кармане обнаружили письмо от жены Изольды: «Надеюсь на скорое возвращение!» Вот оно... — Мзия отвернулась.

Нугзар, заполняя паузу, подвёл меня к необычному экспонату: попарно сваренные обрезки водопроводных труб.

— Александр, посмотри: наше грозное оружие, заводского не было, делали сами. В России — «Катюша», а у нас «Антица».

Мзия взяла в руки осколок разорвавшейся ракеты:

— Война — тяжёлое, для многих непосильное испытание... В блокаде страшный голод, что-то сажали, трактора нет — пахали на танке. Никогда не думала, что так тяжело выжить без соли. Без сахара, хлеба легче... После войны, когда первый раз увидела хлеб, не смогла ни кусочка съесть, не пошёл... Помню, стали бомбить, маленький сын просит:

— Мама, чаю дай.

Молчу. Где возьму ему чай? Взрослым тяжело, каково детям?..

В какой-то момент люди разуверились в победе... Слухи всякие нехорошие поползли... Из города поодиночке, семьями стали через горы уходить, уходить. Мои соседи тоже засобирались... По всему чувствовалось: ещё немного — надломится дух абхазов. Только чудо могло спасти.

Я молилась, — голос Мзии задрожал...

И вдруг!

Командующий Мираб Кишмария привёз сюда... в окружение! свою дочку!! годика три.

Стоит рядом с ним, в белом платьице, испуганная, куколку к груди прижимает.

Я подбежала:

— Вы зачем её сюда, такую маленькую? Здесь всё время бомбят.

— Здесь много мирного населения, их тоже бомбят, но если увидят мою девочку, поверят в нашу победу.

И правда!..

Все, как узнали про эту кроху — «залог победы» — молва пошла.

Кто дрогнул — стыдно стало. Люди уверовали в абхазских воинов, в силы свои. Старик-сосед пожитки из баула вытряхнул: «Город не бросим!» Утром ушёл на передовую. Теперь матери провожали детей на фронт одним напутствием: «Не покажите пуле спину...» Мираб Борисович недавно баллотировался на должность Президента Абхазии. Лично я голосовала за него, хотя сама в душе желала поражения. Пока у нас в Абхазии такой министр обороны, можем жить спокойно. Не бывает опоры надёжней. Вот где настоящий мужчина, настоящий рыцарь. А я не сумела во время войны защитить родину с оружием в руках, мучилась из-за этого, не находила покоя: «Что для Абхазии могу сделать лично я?» Решила создать такой музей.

Как заворожённый я ходил по залу, разглядывал музейные реликвии, дневники бойцов, незамысловатую утварь времён войны, письма близких, обнаруженные в личных вещах погибших солдат... У туристов, понятно, две заботы: чтобы солнышко светило да чтоб сумку не украли, но просто никто не знает о существовании подобной экспозиции.

— Нугзар, по моему разумению, каждый гость Абхазии должен после пересечения границы в обязательном порядке пройти, как сквозь нравственный кордон, через музей в Члоу.

— Почему бы нет... Во время войны в Абхазии открыли два фронта: Восточный и Западный. В конце войны, перед битвой за освобождение Сухума, открыли Горный. Сейчас реально говорить об открытии ещё одного фронта — Информационного. Если весть о победе не сохранится в веках, жертвы напрасны.

— Цинично, но факт.

— Недостаточно победить, нужно рассказать о подвиге миру. Только тогда есть шанс, что война не повторится. Только тогда можно спокойно поставить точку. И так получилось, эта миссия — «поведать миру о нашей войне» возложена в том числе на тебя, Александр.

*

Роман Осия

Село Кутол, семья Романа Осия.

Семья — особая.

Бывают города-герои, а это — семья героев. Легендарная семья! Ещё прадед Осия в первую мировую войну воевал за Россию в Австро-Венгрии, благополучно вернулся в родное село, привёз с войны трофей. Роман вынес из дома саблю:

— У нас в Гердах родственники. Война началась, я в тот же вечер вывез семью: мать, бабушку, супругу, маленьких сестёр. Сразу на душе легче стало. На другой день утром смотрю: возвращаются пешком... Хайт!.. [1]

Мать не дала мне рта раскрыть, сразу накинулась:

— Убьют вас голодными. Рядом буду! хоть что-то приготовлю.

— Оставайтесь там. Вы здесь мешаете.

— Нет. Вы голодные, холодные.

Всю войну здесь прожили. От дома до линии фронта метров триста-четырееста. Ютились в подвале: там сложены поленицей снаряды, рядом кровать, лампа коптит. Утром заходишь, они чёрные, как кочегары. Обстрел начинается — бегом туда. (У меня перекрытие залито бетоном: миномёт не пробьёт.) Кругом разрывы, за них думаешь: где они? как они? Мать ловила момент из дому добежать до колодца... Ребята вернутся ночью из разведки, портянки им постирает, высушит у костра, молилась за нас. Однажды накрыли стол между домом и пацхой [2] ребят накормить. Едва-едва покушали, отошли до калитки, один снаряд — в стену дома, другой в стол: дыбом поднял! в щепки разнёс. Минутой раньше — накрыло б всех. А отца и брата не уберегли... Они ушли, как старый и новый снег. Баба [3] поймал свинец за несколько дней до конца войны. «Пятёрка» — пуля калибра 5,45 мм со смещённым центром тяжести — в ключицу попала, из поясницы вышла. Под обстрелом его вытаскивал... он три дня боролся за жизнь, умер прямо у меня на руках. Посмертно отцу присвоили звание Героя Абхазии.

Поначалу у нас ничего не было. Сапог резиновых нет, а надо стоять в ледяной воде до утра: кто идёт на пост, берёт обувку. Поначалу и оружия не было: на шесть человек два автомата. Двое отстреливаются, остальные болельщики. Незадолго до войны работники милиции ходили по сёлам, изымали охотничье оружие, когда коснулось, даже дробовиков не осталось. Грузинские вертолётчики зависали прямо над нами, на высоте метров пятьдесят — знали: оружия нет, и, как в тире, расстреливали. Лицо пулемётчика видел отчётливо, улыбался гадина... Бедные люди врассыпную, лишь бы спрятаться... А куда от вертолёта спрячешься? Воевать начали тем, что отнимали у них, потихоньку стали появляться трофеи, даже танки. С одеялом запрыгивали на броню, «слепили» и выкуривали экипаж — партизанская группа действовала успешно. И до вертушек руки тоже дотянулись. Раз вертолёт над нами прошёл, ракетами позицию перепыхал, только б на разворот... небось, уже расслабился, думал, отработал... Виктор Строев как даст ему в задницу «теплушкой» — тепловая ракета ПЗРК — тот в Кодор головой. Этот был тот самый пилот Майсурадзе — герой Грузии: в первый день войны он расстреливал отдыхающих на пляже в Сухуме.

Сперва мы не могли поверить, что грузины пришли убивать всех подряд, на деле оказалось именно так. Министр обороны Грузии выступил с публичным заявлением: «Не пожалеем ста тысяч грузин, лишь бы физически уничтожить сто тысяч абхазов». Шеварднадзе назвал такого урода рыцарем. А русских грузины между собой величали не иначе как «хорче» (свинья), хотя Ельцин, Козырев поддерживали их. Мы с болью теряли цвет нации: учителей, врачей, художников, обменивали на пленных грузин тела своих погибших воинов, с почестями хоронили. А они, наоборот, очищали общество от уголовников, им трупы подельников без надобности.

В общем, было, где себя проявить. Я случайно слышал разговор российского полковника (оказался рядом): «Всем абхазам, кто освобождал Гагры, кто шёл в первых рядах, можно смело дать «Героя Советского Союза».

Примечания:

- [1] Хайт (абх.) — междометие для выражения досады;
- [2] Пацкха (абх.) — хижина-плетенка;
- [3] Баба (абх.) — отец, папа.

*

Леонтий Берулава и Отар Ломия

— Занимался радиоперехватом... Это тоже война, только «радио».

Артиллерия грузин с трёх направлений обстреливала наши позиции в Меркулах, туго приходилось, голову не поднять. Командир приказывает:

- Леонтий, придумай что-нибудь!
- Что-ooo?!

Но сам стал кумекать. Грузинский язык знаю хорошо, постоянно прослушиваю их переговоры по рации (станции у нас 142-е, 143-е, разной мощности). У грузинской радистки позывной Додо, от наводчика она передавала координаты обстрела на батарею. Предлагаю:

- А если вклиниться в их разговор?
- Действуй!

Уточняем координаты грузинских батарей, частоты, на которых общаются, и одновременно глушим их — слушать нас они могут, вмешаться, перебить нет.

Я влезаю в разговор радистки на грузинском:

- Додо, срочно прекратить обстрел. По своим бьёте!
- Уточните координаты.

— Хорошо, — даю ей цифры. — Сделай по этой цели один «цветок» (выстрел). Если удачно, сообщу.

Выстрел.

Смотрим в бинокль: разрыв прямо в центре грузинской батареи.

— Так, отлично, Додо, сестричка, давай туда весь «букет».

И полчаса, пока не разобрались, грузинские батареи обстреливали, перепыхивали позиции друг друга. Однако самый значимый эпизод другой. Нам удалось прослушать разговор на сванском языке, передавал корректировщик, разобрали отдельные слова: «Надо поднять шестьдесят сапогов», «Операция начинается...» и дата. Вычислили: передача велась с горы Лашхиндар. Наша служба обеспечила радиоперехват, а штурмовал высоту спецназ. Вот познакомьтесь, Отар Ломия — Герой Абхазии. Отар, расскажи!

— За ночь до начала операции, предстояло совершить скрытное восхождение на гору. Стена местами отвесная, снег до полутора метров, не все смогли подняться, дошло шестьдесят человек. Я с ходу приказ: «В бой!» Сражались целый день, на волоске висело: кто кого. Закидывали друг друга гранатами, чуть до рукопашной не дошло... Мне пришлось запрыгнуть в блиндаж... Выкуривать оттуда непросто, особенно, когда по тебе работает одновременно девять стволов, там меня и ранили. А на вершине уже были подготовлены огневые позиции для артиллерии. (Грузины планировали в последний момент доставить туда на вертолётах пушки, миномёты.) Глянул в долину: с горы весь Ткуарчал с прилегающими окрестностями, как на ладони. Незавидной стала бы судьба всего Восточного фронта, если б противнику удалось осуществить свой план. Вовремя мы успели выбить их с высоты.

В мирные годы я занимался бизнесом и всю войну не снимал массивную золотую печатку и тяжёлую цепь с крестом. Мой приятель всем рассказывал: «С плоскогубцами хожу за ним следом, вдруг убьют, сразу разбогатею». Я добавлял: «А если золото достанется грузинам, скажут: не все абхазы голодранцы, может, помолятся за упокой души».

После войны золото пришлось продать по цене лома. Голод был страшный...

*

Валерий Авидзба

Директор Реабилитационного центра, Герой Абхазии.

— Война застала меня в Гаграх, времени на раскачку не было...

Под руководством Отара Осия создали санитарно-медицинскую службу. Не хватало медсестёр, набирали добровольцев. Многие девушки шли на передовую со своими братьями и становились в строй. Организовали санитарный поезд (в Нижних Эшерах железнодорожная ветка), приспособили для перевозки раненых технику... Служба начала работать с первых часов, с первых минут — пятнадцать хирургических бригад. Мне тоже пришлось вспомнить забытые навыки, в прошлом я хирург-полостник. Нам очень помогли бригады из Подмосковья, из города Чкаловска. Это стреляные профессионалы, прошедшие Афганистан, Сумгаит, — прилетели на самолётах МЧС со своими анестезиологами, реаниматологами, со своим оборудованием. Я взялся провезти их по фронту с экскурсией, показать службу. Трасса пустая, мы на УАЗике, я за рулём. Неожиданно выныривают из-за леса две «сушки»... идут на нас... думаю, сейчас конец!.. отбомбились... мимо. Делают разворот, второй заход... Я сильнее жму на газ... Вдруг хлопок, один из истребителей застывает в воздухе и... падает! Из кабины катапультируется лётчик на парашюте. Это был первый сбитый вражеский самолёт, и мы гордились, что у нас есть своя ПВО.

Помню, попали под миномётный обстрел. Жуткая картина... Нас тогда решили сровнять с землёй. Я бежал пригнувшись к блиндажу... взрыв! волной швырнуло... Пролетая, успел заметить флагу, висящую на гвозде, и автомат. Пришёл в себя... Темно, разговоры, смех. Где я? В голове гудит, язык еле слышится:

— Что случилось?

— Да ничего особенного, рядом с тобой мина разорвалась.
Вылезаю из блиндажа на свет божий...

Алюминиевая армейская фляга похожа на лопнувший воздушный шарик, стальной автомат скомкан, как бумажный... А у меня ни одной царапины.
Это Всевышний!

*

Вячеслав Сакания

— До войны я работал на телевидении.

Как-то раз снимали по заказу финнов документальный фильм о секрете долголетия, и в селе Лыхна почтенный старик на вопрос, как у него начинается день, разоткровенничался: «Встаю в шесть, выпиваю пятьдесят граммов чачи, сажусь на лошадь и еду в горы, там у меня скот». А времена андроповские. Кэгэбэшники сразу зашевелились, на две недели, на время разбирательства, отстранили меня от работы. В обкоме партии с укором:

— Почему не контролировал старика? Как мог советский человек заявить, что принимает по пятьдесят грамм, да ещё каждое утро?

Потом началась война...

В чём суть конфликта? Мы не хотели стать грузинами. Другого варианта выжить нам не дали. Раньше, если двое говорили на родном абхазском, наутро один исчезал. Бердяев назвал войну «великой проявительницей». Это так! Каждый проявляет себя во всей красе: попадались «левые» пассажиры в этом вагоне под названием «война»; другие молча исполняли гражданский долг, защищали родину; иные перед камерой красовались, отвечали на любые вопросы, а как становилось жарко — в тенёк. Насмотрелся всякого... Я был военкором: писал, снимал репортажи на передовой. Кто раньше думал, что профессия журналиста может быть опасной? Однажды вертолёт, на котором летели на задание, подбили, машину тряхнуло, потекло масло... высота стала падать. Оператор взял камеру, я включил микрофон, стал вести репортаж... Русский пилот, прошедший Афган, чудом посадил подбитую вертушку на склон Кодорского ущелья, юзом по снегу нас потащило к пропасти... Казалось, всё. Скольжение сдержал огромный камень в метре от обрыва. Выбрались из машины, сами всё снимаем... Борт покорёжен, везде кровь... Командир вертолёта объявил:

— Мы на вражеской территории.

— Вы ас! Посадить подбитую машину в горах! — подпихиваю ему микрофон. — Представьтесь! Страна должна знать своих героев.

— Конец пресс-конференции.

Да он прав, грузины наверняка засекли, как мы спускались, с минуты на минуту будут здесь. Едва успел вытащить кассету из камеры, завернуть в ветошь, спрятать за бортовой обшивкой в салоне вертушки — слышу окрики на грузинском... Мы попали в плен, девять человек. Всё было... и пытки, и на расстрел водили. На войне как на войне. Добивались, чтобы мы, журналисты, перешли на их сторону, остались в Сухуме, вещали на абхазском. Когда в застенках становилось невыносимо трудно, пели хоралом «Песню гор» Ахроша. В ней жизнь, боль, радость, мужество народа. Для абхазов это гимн, зов предков, поднимающий боевой дух воинов, нагоняющий страх на врага... Мощная энергетика идёт от этой народной песни.

Нас обменяли в сторону Ткуарчала через восемнадцать дней.

Помню, после освобождения Гагрского района в плен попал грузин, крепыш такой.

Наш боец заключил с ним джентльменский договор:

— Давай бороться. Если победишь, клянусь, отпустим.

Схватка была жёсткой, на грани... Победил абхаз, вчистую уложил крепыша.

На прощанье он грузину бросил:

— Знаешь, я победил не потому, что лучше натренирован. Ты топчешь чужую землю, а я стою на своей священной земле, она мне силы даёт.

Есть законы природы, абхазы живут по ним. В основе всего кодекс поведения, завещанный нам нашими предками, — апсуара. В самое тяжелое время у человека открывается канал для связи со Всевышним. Абхазы, защищая родину, чувствовали: Покровитель земли помогает. У нас святилища в пик бедствий между собой общались, многие видели шары, перелетавшие с одной природной иконы на другую. Когда нас обстреливали из «Града», ребята целовали землю, просили, чтоб Боженька помиловал их. И вражескую силу как будто кто-то отодвинул, все их снаряды, бомбы, танки, самолёты... Как щит небесный простёр над нами!..

Сейчас люди чуть-чуть оттаяли, свадьбы гулять стали. Жизнь налаживается.
Дети от страха не рождаются...

А год назад на меня вышел по электронке пилот сбитого вертолёт. Это Анатолий Мельник, живёт в Краснодаре. Указом Президента Абхазии его наградили орденом «Леона».

*

Игорь Герзмава

— В природе абхазов заложено смотреть на визитёра, как на Божий дар, на высшую благодать. Абхаз выставляет на стол все припасы, обслуживает с изысканным церемониалом, готов всячески защитить достоинство гостя. А когда война началась, когда стали бомбить отдыхающих на пляже, гостей Абхазии, детей, и я не смог их защитить... что-то оборвалось во мне. Прежнее — умерло... Проблема в чём: грузины думали, мы «живём с ними», а мы думали, что «живём вместе». Все вместе в СССР. Я, мирный человек, во время войны стал начальником тыла армии. Хотя какой там тыл? По армейским канонам тыл начинается за двести километров от передней линии фронта, а вся наша республика меньше, у нас вообще не было никакого тыла. Поэтому воевал, как все: и в атаку ходил, и под обстрелы попадал. Мы все оказались на переднем крае обороны: дети, старики, женщины.

На боль судьба щедрее, чем на ласку. Очень ще-едрая на боль...

Когда жертв Латской трагедии [1] привезли в Гудауту, когда дверку открыли, когда увидел детскую ножку в ботиночке... Меня словно оглушило... Страшный шок! Вернула к жизни женщина-врач, отрезвила словами: «Извините, здесь есть мужики? Вытаскивайте!» Сознание включилось, начали разгружать фрагменты женских и детских тел. До сих пор у села Лата, на месте падения вертолёт, люди боятся ходить, наступить на останки... стоны слышны по ночам.

Пальцы Герзмавы стали отбивать нервный ритм.

— Списывать на войну — не стоит. Всевышний всё видит. Он самый лучший драматург, самый гениальный писатель. Какой поворот сюжета замыслил, что тебя ждёт, знает лишь Он.

Да, людей я по-настоящему узнал на войне...

Автандил Гарский — Секретарь Совета безопасности Абхазии, командир батальона «Эвкалипт» — уникальный человек, познакомьтесь обязательно... Он увидел во сне, как у него в батальоне погибли художник, певец и скульптор. Утром в бой их не взял, предстояло идти в атаку по минному полю. Комбат — впереди, батальон сзади, след в след. Он прошёл невредимым, а сзади шесть человек подорвались. Трое из шести — художник, певец и скульптор — они не остались в окопах, в бой пошли вместе со всеми.

Или взять Руслана Заржания, обычный педагог математики сельской школы собрал батальон из своих учеников. В боях многих потерял и как-то закрылся после войны, не простил себе, что живой, а ребят не уберёг. Никак ему не объяснишь: у войны законы свои. Абхазы, умудрённые жизнью, говорят молодым: «Пусть ваша боль перейдёт ко мне». Здесь получилось наоборот... Он принял орден «Герой Абхазии» только через двадцать лет, после того, как всех учеников наградили посмертно. А у самого мать грузинка...

Нам сделали операцию без наркоза и не положили в восстановительную палату.
Нас природа лечит.

Если бы не природа, не традиции наших предков, мы бы все ходили чокнутые после этой мясорубки, после горя, которое вынесли. Каждый раз, когда пью родниковую воду, чувствую — заряжаюсь силой, добром, радостью.

По своей природе человек не готов согласиться «не быть» на этой земле. Мы знаем, смерть неизбежна, но с ней смириться не можем. Раньше я читал, знал, в других местах случаются войны, гибнут люди... Но их боли не чувствовал, а здесь по живому резанула своя. И всем нам казалось, нет острей, нестерпимей. Мы должны передать память о боли детям, чтобы война не повторилась больше никогда. Нужно найти слова, которые прожгут толстую кожу обывателя до самого сердца.

Александр, напишите об этом!

Примечания:

[1] 14 декабря 1992 года, в районе села Лата произошла трагедия, в которой погибли невинные заложники блокадного Ткуарчала. Был сбит вертолет Военно-воздушных сил Министерства обороны Российской Федерации МИ-8, осуществлявший гуманитарную миссию по доставке продуктов питания и медикаментов для гражданского населения блокадного г. Ткуарчал и перевозивший мирных жителей, женщин и детей в г. Гудаута. В вертолете заживо сгорели 85 человек, из которых — 36 детей и восемь беременных женщин.

*

Жужуна Салакая

Мы в легендарном Кодорском ущелье, в верхней его части.

Нас ждали. Хозяйка встретила у ворот, отогнала собак, сразу повела в дом, к столу.

Вы бы видели, какой обескураженный вид был у собак: не дали никого съесть...

Напитки за столом по желанию: кому чача, кому чай...

А ещё свежий фантастически-ароматный горный мёд с горчинкой (внизу такого не бывает) и горячий лаваш. Ещё баранина, ещё мацони — что-то среднее между кефиром и сметаной — объеденье! (Молоко кипятят, отстаивают, охлаждают до чуть больше, чем тёплое, туда закваску, часа три постоит закутанное шалью и — в холодильник). Сперва этого попробуешь, того попробуешь, потом опять этого... не знаешь, что вкусней. В меду, как в замедленном кино, ползают пчёлы... И прохлада. На миг я даже забыл, ради чего собственно приехал...

Благо хозяйка поинтересовалась:

— Вам чаю подлить?

Вопрос этот безобидный вернул на землю. Я лениво раскрыл блокнот:

— Нет, спасибо! Рассказывайте...

— Здесь раньше богатый край был, в других сёлах таким не похвастанут: каштаны росли, собирали их, сушили, зимой варили суп харчо; в реке лососи огромные, форель; в лесу дичь всякая, олени, горные козлы, кеклики, мясо-рыбу мешками раздавали; свой сад, пасека огромная. Люди как в сказке жили... Дети никогда не болели, понятия не имели «больница». Где больница, где мы? Теперь остались одни воспоминания... Как в волшебном сне.

Когда началась война, муж был в отъезде, в России. Душа болела, как домой попадёт, границы закрыты. Хотя помидоры в банки решила закатать, ну как вернётся живой. Мы не знали войны, глупые были, неучёные. Да и кто тогда мог знать, что грузины будут выводить из домов стариков, женщин расстреливать. (Чем ближе беда, тем больше ума.) Что делать, куда податься? Да и куда стронешься? Куда знаешь?! Зимой, в горах!.. Свекруха, свёкор старые, пятеро малых детей: семь лет, восемь, девять — погодки. Мужа нет, воюет. Однажды смотрю, кто-то заходит в калитку: бородатый, худой, в военной форме. Испугалась, думаю, грузины... расстреливать нас (уже бывало в других сёлах...) Детей прижала к груди, а это муж. Оказывается, добирался домой

через Чечню. Дудаев дал ему вертолёт, оружия для абхазов, помог, чем мог. Их обстреляли над Кодором, чуть не сбили, но Бог миловал, обошлось. Повидал нас: дети живые, мама живая, отец живой; развернулся, пошёл дальше воевать.

Моя сестра заголосила:

— Как смел оставить, бросить вас?!

Но что будет, если все усядутся дома? Воевать кому-то нужно.

К зиме жизнь ухудшилась...

Мало того, что лихо кругом, так ещё младшая дочь, на беду разболелась, температура поднялась. Куда с ней подамся? Некуда. Последние дни даже на дорогу не выходили, боялись. Дома припасов полно: орехи мешками, кукурузы полный амбар, солёные лососи висят на балке, мясо сушёное тушами. И вдруг под вечер, уже темно, муж прибегает с позиции, перепуганный:

— Бегом собирай детей! Уходим через горы на Восток.

Сосед-одноклассник предупредил: утром односельчане решили нашу семью расстрелять. Сейчас все гуляют на свадьбе в соседнем хуторе, человек семьдесят.

Мы на себя лёгкую одежду, в тёплой, тяжёлой разве уйдёшь, идти предстояло через перевал, через горы, через ущелья, по лесу аж на восток Абхазии. Сто раз зимнее пальто в руках подержала... куда такое тяжёлое, кофту толстую накинула и к лесу. Я уходила последняя, корова поняла — оставляем её, проводила взглядом, а на глазах слёзы-бусины... Она понимала: беда, беда, беда... Мама дорогая! Мне ещё хуже стало. Из еды свекруха взяла в дорогу по мандарину (в горах у нас не растут, кто-то угостил). А снегу по пояс, дети малые. Как быть? Свекруха придумала впереди гнать коз, это и спасло. Если б не козы, пропали. И Бог пожалел нас — к ночи мороз смягчился. Если б такой, как день назад, поморозились насмерть. Ночью прижмёмся к козам, обнимем друг дружку, так до утра и дрожим. Наутро опять идём: впереди козы больше полсотни голов, они умные, ступают след в след, набивают наст, как камень, мы за ними не проваливались. Но мы уже усталые, замёрзшие, голодные. Свекруха и я несколько раз поскользнулись, неудачно упали на камни.

Муж остановил всех:

— Идите осторожней. Наше положение очень плохое. Честно сказать, не знаю, сможем ли пройти. Впереди ни дорог, ни жилья. Горы, пропасти, сугробы, бурелом. Ступайте аккуратней, если, не дай Бог, кто серьёзно покалечится, ногу сломает... мне самому придётся добить, ради спасения других. С раненым точно погибнем все...

Дети малые, как это услышали, все к бабушке. Вжались лицом в подол, молча плачут.

Идём, идём... ни человека, ни огонька впереди.

Страх...

Казалось, целую вечность идём.

Целую вечность идём и нет ни края ни конца пути. Так хотелось кого-нибудь встретить. А деревья огромные, местами повалены, сугробы на склонах метровые. Мы следом за козами под ветками переползаем, где на четвереньках, где лёжкой, бывает, не обойти ни сверху, ни сбоку. Гиблые места. Хорошо, муж — альпинист, известный на всю Абхазию, в лесу, в горах умел ходить, знала — не заблудится. И вот когда ноги совсем отказались двигаться, когда, думалось, придётся умереть здесь, стал накрапывать дождь, муж заметил вдали, через ложбину, огонёк.

Еле-еле поднялись, побрели...

В полночь, к исходу вторых суток вышли на восточную сторону гор к хутору Апса, недалеко от Ткуарчала. (Это чёрте-где!..) Бредём к дому, кругом люди с факелами, кричат, плачут. Оказывается, пока мы добирались, над Кодором сбили вертолёт с женщинами и детьми. Сначала они даже подумали, мы с того вертолёта спаслись. Лишь после войны узнали: наутро грузины окружили наш дом, а он пустой. Переругались, чуть не перестреляли друг друга (козлы перед гибелью бодаются!): «На руках были, как могли уйти? Снегом всё кругом завалено. Как случилось?»

А я сама не понимаю, как смогли уйти?
По карте потом глядела — страшно по карте глядеть.

*

Валентина Дзидзария

— ...Не могу вспоминать войну. Тяжело.

Я поднажал:

— Надо!

Женщина слегка оторопела...

Опустилась на стул, закурила, подняла на меня усталые, глубокие глаза:

— Раз надо, значит надо. Это слово и мне знакомо. С чего начинать?

— С 14 августа.

— В тот день варила яблочное повидло. Забегает дочка во двор, кричит:

— Ма-ма! Война!

— Какая война? С ума сошла?!

— Грузины на нас напали.

Включаю телевизор, а там!.. по московской программе показывают танки на подступах к Сухуму. Я — в шоке! Сижу, смотрю, не могу подняться со стула. Постепенно пришла в себя — к военкомату, по улицам люди бегут, кричат, плачут... Молодые ребята набиваются в машины, едут в Сухум на защиту, матери их провожают, многие сёстры отправляются с ними. В штабе девчонки готовили еду, кормили бойцов. Посмотрела на всё это: «Нет, здесь мне делать нечего». Села на попутку, поехала в Эшер, там начиналось формирование отрядов ополчения. Командир отделения искал медсестру: нас пятеро желающих, я самая старшая, сорок шесть лет, девчата вполнину моложе. Мы построились, командир всех взглядом окинул и мне:

— Вас выбираю.

Вот так стала сестрой милосердия. Медицинского образования никакого, по специальности педагог — «русский язык, литература». Всем на войне тяжело, а женщине тяжело вдвойне. Изредка отпускали на побывку домой. Муж скандалил:

— Больше не поедешь никуда! Не пуцу!!!

Вырывалась, убегала на фронт, следом в спину летели проклятья:

— Тебя убьют, кто детей будет воспитывать?! Дура!..

Муж старше меня на десять лет, на фронт не пошёл, болел, да и надо кому-то с детьми... У меня внуки, младшему сынишке одиннадцать. Потом и младший пошёл в госпиталь помогать: лифт обслуживал, раненых опускал-поднимал. А я как останусь дома, брошу ребят? Скажут: «Сбежала! Струсила!» Невозможно. Один раз еле выскочила...

Возвращаюсь в отряд, ребята сразу ко мне:

— Тина, что случилось? На тебе лица нет...

— А...

— Рассказывай, давай!

— Муж надоел, сил нет. Не пускает на фронт, каждый раз вырываюсь с боем, с ором.

— Мы ему покажем.

Думала, шутят... А они как раз вечером гнали в Гудауту танк на ремонт и что выдумали: подъехали с лязгом к нашему дому на танке, навели ствол прямой наводкой на окна... Домишко у нас старый, ветхий, земля под танком дрожит, дом дрожит... обстреливать не нужно, сам вот-вот рухнет... Сынишка в испуге выбежал во двор, наводчик грозно ему кричит:

— Где твой отец?

— Папа спит.

— Его счастье, что спит... Когда проснётся, скажи, приезжали к нему разбираться.

Танкисты потом в красках расписывали, весь отряд со смеху лежал:

— Теперь, Тина, он тебя зауважает.

Я не только медсестрой, в карауле стояла. Ребята с ног валились от усталости, людей не хватало, дадут мне охотничье ружьё, бутылку с зажигательной смесью и — на пост. Стою, темно... слух прошёл, сваны через горы будут прорываться... страшно. Но хоть страшно, положенное время выдержу, дождусь смены караула, иду спать. Мы с девчатами располагались отдельно от бойцов в бывшем кирпичном магазинчике. Однажды насилу добрела, только устроились на кровати, обстрел начался — мины. Сперва одиночные разрывы — далеко, потом чаще, чаще... Ближе, ближе. Потом совсем рядом.

Толкаю в бок напарницу, медсестру:

— Ляля, что-то мне этот ночной концерт не нравится, может, уйдём отсюда, пока не поздно?

— Ай! Первый раз что ли? Спи.

— Хорошо, Ляля, будем лежать до последнего.

И тут как бабахнет, прямое попадание. Во рту, в волосах извёстка... Все наши медикаменты, всё попадало... Голову задираю: крыши нет: луна, звёзды. Красота!

Лялька истошно орёт:

— Беж-иим!

— Ляля, вот теперь можно не спешить.

— А-аа! Тина, бежим отсюда-аа! — уже с улицы: — Чего там копошишься?!

— Очки ищу, куда я без глаз?

Мины рвутся кругом... пригибаясь, ринулись к нижнему блиндажу. Смотрим боец, молоденький совсем, лежит, уткнувшись в мёрзлую землю, причитает:

— Я к маме хочу! К маме хочу!!!

Подбежали:

— Ты ранен? — достаю из сумки перевязочный пакет.

— К маме хочу! Не могу больше здесь...

— Дида! [1] Истерика у него, не ранен он.

Я — фляжку со спиртом:

— На глотни, не плачь. Пока пуля нас не найдёт, ничего не случится.

Дрожащими руками из фляжки хлебнул, затих. Подняли его, повели к блиндажу, утром отправили в Гудауту. (Не у всех хватало духу выдержать войну.) В блиндаже ребята посадили нас к печурке, напоили горячим чаем, отогрели, освободили место для сна. А на рассвете командир батальона увидел развороченный магазинчик, решил, погибли. Идём с Лялей, они стоят с начальником штаба у развалин, головы поникшие, шапки сняты. Издали кричу им:

— Товарищ командир, мы здесь... живые!

Он шапку об землю, на глазах слёзы:

— Сегодня же чтоб духу вашего не было!!! Что вашим детям скажу?! А?!! Марш с передовой! По домам!

Но куда мы от них? Людей и так не хватало. Сами сюда шли, никто насильно не тащил. А Ляля, маленькая такая, через неделю погибла: на mine подорвалась. Было ей двадцать два года. Тогда я впервые и закурила... К наступлению 16 марта готовила ребят уже одна: кому носки высушить, кому одежду постирать, кому зашить, кому обезболивающий сделать... Для меня эти люди стали родными. И тут заметила: парень уже давно стоит, пристально смотрит на меня.

— Ты чего?

— Тина, дай стакан воды.

Странно, вода питьевая рядом в ведре, стакан тут же... мог бы сам взять, но я слова не проронила, молча зачерпнула студёной ключевой воды, подаю. Он выпил и ушёл в наступление. Через два дня вернулся живой, а его брат нет. Вечером сидим у костра, посмотрел мне прямо в глаза, как тогда:

— Ты знаешь, почему попросил у тебя воды?

— Почему, Юра?

— Загадал: молча подашь воду, вернусь живой...

После боя мы частенько мечтали, сидя у костра: «Вот закончится война, счастливая жизнь наступит, такой мир будет, как в раю». А после каждого боя смотрю: одного нет, другого нет... многих нет. Не дожили они до мирных дней, а мне, выходит, повезло. Вроде как за них живу.

Второй раз мы наступали на Сухум, второй раз пытались выбить врага, освободить город и второй раз терпели поражение. Много раненых, убитых, много надломленных морально... В блиндажах, для поднятия духа, пели «Песнь ранения»:

Уа, райда, песня поется для мужчин,
Уа, райда, ран не боится никто из мужчин,
Уа, райда гушадза, ахи и охи — для женщин,
Уа, райда, крепись, песня утоляет боль,
Уа, райда, песня исцеляет рану.

Всегда оказывала медицинскую помощь я, теперь эта самая помощь понадобилась мне.

Отвезли в Гагры, в госпиталь... Честно говоря, думала, уж не выкарабкаюсь, так было плохо... Но врачи подлечили, за неделю подняли на ноги, спасибо им. Выдали мне назад военную форму, сменила я больничный халат на гимнастёрку, вышла на трассу. Не пришлось даже голосовать, останавливается пассажирская «Газель»:

— Если в Гудауту, садись, — пьяненький старик-водитель махнул.

— Мне, дальше, но подъеду с вами.

— Хай, амарджа! [2]

Вечер, дождик накрапывает, следующая попутка неизвестно когда. Прокуренный планом [3] салон битком набит бойцами, запах чачи так и шибанул в нос... Мне сразу освободили место на заднем сиденье, пробралась туда, переступая через спящие тела... Попробовала кемарить сидя, — не идёт сон, беспокойство какое-то. Да и водитель управляет как-то неуверенно... Даже на прямых участках машина виляет, кидается из стороны в сторону. А мужикам хоть бы хны, похрапывают безмятежно. «Лишь бы водитель не задремал!»

Едва успела подумать, машина на высокой скорости стала описывать дугу...
Сейчас нырнёт под откос!..

Вытянулась, смотрю: у шофера голова опущена на руль. Хотела крикнуть, от страха голос пропал... Рванула по проходу к водителю, разбрасывая спящих мужиков...

Не успела... совсем чуть-чуть.

«Газель» как прыгнет через кювет... Подскочила! и давай переворачиваться...

Старик-шофёр проснулся и на весь салон в такт кувыркам:

— Оп! Оп! Оппа!

Больше не помню ничего.

Я единственная, кто тогда сильно покалечился, наверно, потому что в момент аварии стояла. Привыкла мужчин всегда подстраховывать, а тут после больницы ослабла, на миг стала беспечнее. Сама виновата! Мне надо было рядом с водителем, контролировать, ничего бы и не случилось...

Примечания:

[1] Дида (абх.) — непереволимый возглас возмущения в речи женщин;

[2] Хай, амарджа (абх.) — ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»);

[3] План (конопля) наркотик.

Мираб Кишмария

Министр обороны Абхазии — легендарный Мираб Кишмария.

Генерал армии, Герой Абхазии, кандидат военных наук, прошёл Афган.

В июне 1988 года приказом министра обороны СССР старшему лейтенанту М. Б. Кишмария досрочно присвоили воинское звание капитана, Указом Президиума Верховного Совета СССР за личное мужество и героизм его наградили орденом Красной Звезды, а Указом президента Республики Афганистан Наджибуллы за успешное ведение боевых действий ещё и афганским орденом «Звезда II степени». У министра обороны Абхазии мать — грузинка. Из пяти её сыновей трое получили звание «Герой Абхазии».

И ещё много-много-много чего я узнал до встречи...

Это о нём вспоминала директор музея боевой славы Квициния Мзия, как для укрепления духа людей Мираб Кишмария привёз в блокаду собственную маленькую дочь... Это о нём сказала: «Пока у нас в Абхазии такой министр обороны, можем жить спокойно. Не бывает опоры надёжней. Настоящий мужчина, настоящий воин!»

Мираб Борисович отложил в сторону документы, стал вспоминать:

— Когда началась война, сразу махнул в родное село Мыку. Там на сходе люди избрали меня командиром ополчения. В селе Араду приняли первый бой, их погибло 48 человек, я потерял двоих. А вообще, много было потерь... слишком много. Я хорошо знал экипаж вертолёт, сбитого с детьми и женщинами в Латской трагедии. Мы с этим звеном вместе прошли Афган. Но потери оправданы — мы выстояли. Невозможно победить народ, воюющий на своей земле, за свободу, за отчий дом!

— Вы не укрыли дочку в Москве, в Америке, привезли в окружение...

Словно не слыша вопроса, министр продолжал:

— Сегодня подготовлены лучше. В случае мобилизации, поднятия резерва у нас в армии будут танковые экипажи, где командир танка — отец, а механик, наводчик — его сыновья. Есть целые роты резервистов, состоящие из кровных родственников. Вы думаете, во время реального боя эта рота дрогнет или отдаст противнику рубеж? Вот и весь наш секрет. Разницы нет, кто какой национальности... У нас в Абхазии многие семьи смешанные: отец абхаз, мать грузинка... но мало кто поглядывает туда. И я туда не смотрю, потому, что своего брата Гочу получил без сердца. В 2008-м он служил начальником поста, попал в плен... У брата сердце вырезали, сварили, заставили пленных абхазов есть. Они и рассказали потом...

Остатки волос поднялись у меня дыбом!

— Мне туда нет дороги, хотя мать мингрелка.

— И всё-таки, что сказала жена, когда повезли дочку на фронт?

Мираб Борисович недовольно нахмурился:

— ..? Ну, что могла?.. Погибших много, вижу, дрогнули... пошёл отток населения, каждый рвётся попасть в Гудауту, выскочить из блокады. Бойцы духом падают... Счёт идёт на дни, на часы!.. Надо что-то делать. А что?! Самому взять в руки автомат? Но я и так, хоть командующий фронта, не сижу в бункере за сотни километров, стрелки мерцающие не передвигаю. У нас другая война. Каждый день на переднем крае, хотя полководцу не положено, важнее — грамотно руководить. Нужно было придумать особое... Поехал в Сочи, взял дочку, ей три годика исполнилось. Привёз... (как раз шло совещание командиров фронта), занушу её в штаб, посадил на стол:

— Вот моя дочь. Вот я здесь...

Люди задумались, отток населения прекратился, все взялись за оружие. Никого больше агитировать не пришлось. Если б так не сделал, не знаю, как удержали оборону. Надо выбирать, что важнее, и рисковать всем, дочкой тоже. Она маленькая, три года, не понимала ничего, при

штабе и спала, её таскали, как куклу... Сейчас замужем, у самой растут двое пацанов, настоящие джигиты. И растут они уже в свободной стране.

Абхазы любят хвастаться: мы победили!

Что такое «мы»? Никогда нельзя забывать о нашем главном союзнике — России. Говорю так не потому, что у меня бабушка русская. Надо быть благодарными, благородными. Если честно, без поддержки России победы не одержали бы... Как командующий Восточного фронта знаю это точно и заявляю публично.

Сейчас многие хаот Ельцина, хаот, не зная всего. Открыто помогать не мог, но спасибо, волю давал подчинённым. Не он, нам бы всё перекрыли, все щели... Откуда тогда вооружения, боеприпасы? «Северный Кавказ!.. Братья через горы пришли на помощь!» Я одёргиваю, не «Северный Кавказ», Россия. Хер бы прошли, если б дали команду «не пускать». В 2008 году мы тоже провели операцию совместно. Когда б не Шаманов, Макаров, Генштаб... не было б никакой независимости. Историю нашим детям надо знать, нельзя подгибать правду под своё понимание. Тогда больше шансов, что война не повторится.

Это так!

Прав Мираб Кишмария.

Писатель-фронтовик Великой Отечественной Виктор Астафьев предостерегал: «Чем больше наврёшь про войну прошлую, тем ближе сделаешь войну грядущую».

В младшем школьном возрасте я искренне верил, советский народ победил благодаря четырём отважным польским танкистам и собаке Шарик. С годами достоверной информации не прибавилось... Это сейчас ясно: без учёта секретного пакта «Сталина-Гитлера» ВОВ понять невозможно. (Пакт явился для меня полным откровением, и объяснял многое...)

*

Нугзар Салакая

Трудно вызывать на откровенный разговор ветеранов.

Многие отнекивались категорически.

В Ткуарчале Нугзар пошёл договариваться с Вахтангом Васурия и снова отказ...

— Нугзар, отдувайся сам! — поставил ультиматум я. — Ты, кстати, сам-то чем занимался во время войны?

— Оружие в руках подержать не довелось, меня отправляли в разведку, хотя не знаю, где легче. Был в плену...

— А чё молчишь?

— Война застала в родном городе Ткуарчал, туда же отступали наши войска. Город Очамчыра к тому времени уже захватили, на фасадах административных зданий, на крышах домов развесили грузинские флаги. Что нам делать? Как противостоять такому мощному противнику? Некоторые предлагали сдать город без боя. Потом ребята собрались в ополчение, выбрали командира, он мне и предложил:

— Прoberись в Очамчыру, разузнай, что там? как? сколько их? техника какая? И главное, постарайся выведать планы.

Было понятно одно: сил не хватает, надо как-то обмануть противника, заставить поверить в обратное, иначе добьют, не дав опомниться. И меня осенило:

— Нужна дезинформация! Давайте распространим листовки пожестче: «На помощь идут братья-чечены...»

— ...«Всем грузинам смерть!» — закончил он. — Интересно, давай попробуем.

Переодели парня в бурку, папаху с красной партизанской ленточкой, сделали фотографию. А он и без папахи смахивал на чеченца. Напечатали листовки, под утро с ними я и пошёл в Очамчыру. Заглянул в гости к одному надёжному человеку, к другому, третьему, переговорил-

расспросил, информацию получил, оставил по несколько листовок. Сам — на рынок. Там грузины-торгаши как прочитали: «Чечены идут!» Паника!.. толпа хлынула, сотни людей, меня подхватило... бегу, и вдруг двое солдат выдёргивают меня из толпы:

— Стой!

Скрутили, повели... У меня один сапог наполовину отрезан, пиджак из коровника взят, вонь за версту, борода лопатой. А глава оккупационной администрации Очамчыры родом из моего города: как бы я ни вырядился — узнает в любом маскараде. Осторожно нащупываю в кармане дихлофос — как раз на такой случай. Лучше самому всё закончить, чем пытки вынести. (Уже знали: на допросах они руки, ноги выламывают...) Приводят меня прямо в штаб, офицеры как увидели, давай хохотать. Осмотрелся — незнакомые все, значит, пока живу, и давай подыгрывать грузинам, тоже стал хохотать... под дурачка. Гавнокомандующий грузинскими войсками Джаба Иоселиани (не Джаба он — жаба!), встал из-за стола да как рявкнет солдатам:

— Я же приказал абхаза поймать, вы какое-то чучело взяли.

Все:

— Гы-гы-гы! Ха-ха-ха!

Полковник подходит ко мне:

— Откуда?

— Абаска.

— Как фамилия?

— Седоги.

— Как зовут?

— Мамед.

— Ха-ха-ха!!! — слёзы утирает.

Рядом с Очамчырой турки живут, я знал одного по фамилии Седоги.

— За что приехал в Очамчыре?

— Сигарет купить.

Все опять:

— Гы-гы-гы!

Тогда полковник набрал полные лёгкие воздуха да как гаркнет:

— Кругом!

Я на месте крутанулся, под зад кованым сапогом как пнёт... я полетел, головой дверь вышиб, выкатился на улицу. Задница огнём горела три дня, но зато из плена выбрался живым-невредимым. Мало кому это удавалось.

А ещё устраивали диверсии... На шахте полно динамита, решили сделать большой «бум!!!» Загрузили в товарняк, установили взрыватель, человек двадцать облепили вагон, налегли, покряхтели... сдвинули вагон с места. Шаг за шагом стали ускоряться... Эх! чуть бы разогнать, железнодорожный путь под уклон до самого города Очамчыра, занятого врагом. И тут я вспомнил абхазскую песню «О нашей партии». Запел торжественно, громко... Все запереглядывались, подумали, может, после плена у меня с головой того...

В стране у нас много народов!
Взрастила их, счастье дала им,
Вложила в сердца дружелюбие,
Стоять друг за друга велела,
Дала им бескрайнюю землю
И жить их на ней научила
Партия наша, друзья!
Чтоб люди до неба взлетали...

Только тут до всех дошло! как подхватят хором:

Чтоб люди до неба взлета-ааали!!!

Потом очевидцы рассказывали: вагон до станции не дошёл, до окраины, но взрыв был такой силы — в Грузии все обделались. В общем, страху напустили.

У нас был девиз — «Один к двадцати»: одному абхазу противостояли двадцать грузин. Мы не имели права ужалить один раз, как пчела, и сразу погибнуть. Один абхаз должен был уничтожить двадцать вражин. Земля, которую ты не пропитал собственной кровью, ещё не Родина. Мы, пятеро друзей, поклялись: после войны приедем в Сухум, съедем по щепотке земли. Из пяти трое погибли, клятву мы исполнили вдвоём с другом.

— Нугзар, ну, ты даёшь!.. — я с нескрываемым восхищением разглядывал своего проводника.

— А про Вахтанга Васурия я сам расскажу, что знаю. Ты не суди его строго, Александр, что отказался беседовать. Второй инфаркт у него недавно, после войны здоровье — ни чёрту. Они тогда попали в плен с молодым парнишкой. Им, в отличие от меня, не повезло. У парня осколком перебило руку, рана гноилась, разлагалась, открылась кость. Их по разным камерам развели и первым начали пытаться парня. Мальчик иногда не выдерживал, кричал «Не бейте!.. Я ранен!» Тогда Вахтанг барабанил, пинал в дверь камеры и кричал главному:

— Что ж ты, сука, к мальчишке привязался? Если не боишься, иди ко мне!.. Ухацазар ухыс! [1]

Он доводил матерщиной тюремщиков до бешенства, те бросали парнишку, забегали в камеру к Вахтангу, начинали пинать... В эту минуту пацан мог отдышаться. Затем палачи возвращались, снова пытали, допрашивали... тюрьму вновь разрезал детский крик о помощи, и снова Вахтанг бесился в камере, бился в дверь, вызывая огонь на себя... Так повторялось вновь и вновь. Через неделю нам удалось обменять их на пятерых грузин. Я сам забирал их из плена... Мальчишка первым делом бросился на шею к Вахтангу, своему спасителю, обнял здоровой рукой и плакал... Вахтанг, изуродованный, гладил его по голове, успокаивал:

— Если бы с тобой что сделали, один я не вернулся. Мы бы не расстались с тобой.

Так они шли до машины, поддерживая друг друга, слившись в одну бесформенную несломленную фигуру.

Примечания:

[1] Ухацазар ухыс! (абх.) «Если ты мужчина — стреляй!»

*

Победа

*Сильнее тебя может
влести тебя в свой забор.*

Абхазская пословица

Апсны —
не «ап-чхи!»
форпост из скал
и пацхи

удар волны
распался в пену
кулак войны
разбился в кровь

*

Когда пушки молчат

*Никогда не знаешь, в какое время живёшь:
всё ещё послевоенное или уже предвоенное.*

Роже Пейрефит

Душу мою оголили, наизнанку вывернули, истерзали...

— Нугзар, всё! Баста!!! С твоими «весёлыми историями»... не могу больше.

Кончай про войну! — взбунтовался я, — Две недели на курорте, а в море ни разу не искупнулся. Прямо, как Ленин: жене говорит, что идёт к любовнице, любовнице — что к жене, а сам в библиотеку и работать, работать. Расскажи лучше что-нибудь лирическое, к примеру, про любовь. Песню абхазскую спой, стих продекламируй, Нугзар!

— Про любовь не знаю. У меня все стихи героико-патриотические...

— !.. Ну, что с тобой будешь делать... Валяй патриотическое!

Улетел мой ясный сокол
басурмана воевать,
а на мне ночует свёкор,
чтоб не смела б...ядовать [1].

— Сила!..

Война.

Так вроде просто и так жутко.

Но что такое мир?

Мир — полоска света между грозowymi тучами.

Как образуется роса? Процесс идёт тихо, незаметно. Повышается влажность воздуха, растёт, растёт до точки росы... Бам! И уже другое состояние вещества, переход количества в качество. Не пар — вода. Война тоже начинается не с залпа орудий и не заканчивается с последним выстрелом. Задолго до начала артподготовки или налёта авиации идёт война умов, война законов, желаний... Ещё не прозвучал первый выстрел, а над миром уже нависает чёрной тучей беда. Не вдруг выходит из берегов река...

Эх! «Помути, Бог, народ, да покорми воевод!»

Как мир в Абхазии превращался войну?

«Мир до войны...»

Примечания:

[1] Игорь Губерман;

*

Мир до войны

Абхазия превыше всего

*Deutschland, Deutschland über alles,
Über alles in der Welt!
Von die Maas bis an das Memel,
Von der Etsch bis an das Belt!*

Гофман фон Фаллерлебен
«Патриотический гимн немцев»

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего на свете.
От Мааса до Мемеля,
От Этча до Бельга!

Фраза-символ нацистской идеологии Третьего рейха стала всемирно известной с момента прихода Адольфа Гитлера к власти. Для всякого народа любовь к Отчизне, зачастую безответная, не подвиг — норма. Причём вера, объединяющая граждан разных конфессий. Смешно, если бы немцы пеклись о судьбе Эфиопии, России, Америки больше своей собственной, кровной... Абсурд! И когда гитлеровскую Германию проклинают, ставят в вину не сентиментальность граждан по отношению к Fatherland... вовсе нет. Беда в другом: любовь к черепичным крышам, пивнушкам и костёлам у них гармонично уживалась с захватом чужих земель. Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел!

А что есть сила?

Буквально «вчера», по историческим меркам, Сталин с ухмылкой интересовался, сколько дивизий у Папы римского. Сегодня нет ни Советского Союза с ракетами, ни самого Кобы, а церковь жива. За последний век нравы в мире поменялись. С агрессией считаются, но умиляет она уже далеко не всех. То, что раньше являлось предметом обожания-подражания, сейчас осуждают. Произошли резкие метаморфозы...

светоч истории древней
завоеватель Македонский Саня
наши бы дни закончил
на плахе Гаагского трибунала [1]

Изменения коснулись не только отношения мира к агрессии, аннексии чужих земель, но повысилась чувствительность народов к обидам в собственном крае. Что можно и должно сносить от Центра, от соседей, а против чего возражать, восставать... Махатма Ганди об этом сказала так: «Я не желаю, чтобы мой дом был обнесён со всех сторон стеной и чтобы мои окна были наглухо заколочены: хочу, чтобы культура всех стран свободно проникала в мой дом. Но я не желаю, чтобы меня сбили с ног...»

Кончается рабство на свете,
холопство кончается.
Кончается так,
что земля под ногами качается.
И хочется столько от этого
выпрямить, выправить,
и хочется так
из души это рабское вытравить,

издревле холопское,
робкое и раболепное,
покорно твердящее
лживое слово хвалебное.
А кто-то надеется,
кто-то серьезно надеется,
что снятое с шеи
обратно на шею наденется.
А кто-то упрямо надеется —
все перемелется,
на круги свои возвратится
и не переменится.
Но в тесной коробочке
маятник тихо качается.
О к рабству привыкший! —
мне жаль его —
как он отчаётся,
когда он увидит,
что почва и вправду качается,
когда он поймет,
что действительно это кончается [2].

Да, холопство действительно кончается...

Приелась сказка про избранность отдельных народов! Сама история учит, заметьте! как только где-то заведут пластинку о себе, как о единственном богоизбранном, тут же! находится антипод-половинка: Красные — Коричневые, Инь — Янь, Сунь — Вынь... Сразу какой-нибудь диктатор в пику провозглашает свою расу высшей и начинает растапливать, кочегаривать крематорий. Встречаются две исключительности, два минуса... и складываются в крест. Общий добротный осиновый крест на единой братской могиле тех и других. Ф-ффу! Какое-то время остальные народы планеты могут не вздрагивать по ночам.

Однако внешняя агрессия — не единственная угроза самобытности.

Другая крайность: всех взять да и спрессовать в одинаковые блоки. Как сырьё «Вторчермета» для последующей переплавки. «Гусь свинье не товарищ, а брат!» — провозгласили коммунисты и принялись смешивать, обезличивать народы. Интернациональный подход исключал возможность самоидентификации, наличие отчества, фамилии... Зачёркивалась история рода, страны, всё предлагалось начать с чистого листа, как детдомовским. Личности «Я» переплавлялись в безликое усреднённое «Мы». С этим мирились не все... Нугзар, ультранационалист, с теплом вспоминает Советский Союз. Парадокс! Если бы сохранился в силе СССР, не бывать Абхазии самостоятельной.

Право наций на самоопределение. Одни считают это право высшим благом, главным завоеванием человечества, другие — рабочим инструментом развала государства. Даллес с помощью этой домашней заготовки помышлял обострить национальные противоречия, рассорить народы СССР, разос...ать их между собой вдребезги, исподволь подтолкнуть всех к самостийности, разрушив таким способом Советский Союз и победив без единого выстрела. Вышло как по писаному! Теперь всё: «В зубах не удержал, в губах не удержишь».

Хотя посорить народы и довести дело до развода удалось не везде. В Карелии как только ни гнобили язык, как ни меняли карельские фамилии на русские, ссылали в лагеря местное население за то, что они карелы, но никаких тебе возмущений, тем паче бунтов. (Я уж не говорю про вооружённое сопротивление!) Оставшаяся часть карельского народа подкидывала в адскую топку дровишки, чтоб огонь под котлом земляков не слабел...

Я сам по младости-глупости подкидывал.

В чём причина?

Ответ нашёл у Фазиля Искандера в «Стоянке человека»: «Однажды один бывший работник КГБ простодушно рассказал мне, что в послевоенные времена ему в недрах его учреждения попала некая статистическая диаграмма, что ли, где демонстрировались сравнительные данные вербовки населения по национальному признаку. Из его рассказа совершенно отчетливо прослеживалось угасание силы сопротивления по мере угасания патриархальности народа». А в Карелии, как и на большей части СССР царил тогда и нынче матриархат. Вот вам и смиренные овцы, готовые на закляние... Кроме того у русского народа есть одна ахиллесова пята, пятнышко родимое... Артемий Петрович Вольнский (в 1719—1724 астраханский губернатор) подметил: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга едим и с того сыты бываем». Оставалось чуть плечиком подтолкнуть.

А вот на окраинах СССР, на Кавказе Северном и Южном, где главный в семье мужчина, планы Даллеса сработали на «пяту». И синдром обиженных нацменьшинств лишь дополнительно обострил ситуацию!.. Существует притча про зайца и московский военный округ. Идут в этом самом округе широкомасштабные учения: грохочут пушки, взрываются ракеты, трассирующие пули прошивают каждую пядь земли. В это время лежит под кустом заяц и свято верит, что вся заваруха устроена специально по его душу. Абхазы тоже всерьёз считают: у Грузии других забот не было,

сделать бы им похуже. Едва ли... По всему Союзу проводилась единая национальная политика. И с XIX века Грузия командовала Абхазией не сама по себе, как обиженно указывают местные историки. Совсем нет! Просто российский генерал-губернатор (отнюдь не грузин по метрике) назывался «кутаисский» и был выше по должности, чем его подчинённый — начальник Сухумского отдела (в 1867 году должность начальника Сухумского отдела занимал русский офицер ген.-м. Толстой). Сам генерал-губернатор подчинялся Кавказскому Наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, тот Александру II. В этой управленческой цепочке не предусмотрено никаких привилегий никому из туземцев. Народы покорившиеся, «пошедшие на сотрудничество с администрацией», приблизили, назначили «смотрящими», над теми, кто сопротивлялся. Со всякими смутьянами поступали по праву победителя. В Абхазии в качестве расправы с мятежными строптивыми горцами избрали махаджирство [3].

Да, любое государство стремится сохранить целостность, но это лишь одна сторона медали — «Хочу!» Боже упаси забывать про вторую — «Могу». Там, где народам остро некомфортно, где аборигены национально оскорблены, уязвлены, путь к самостоятельности не удастся преградить ни конституцией страны, ни мировым законодательством [4].

Как вызревала сладостная мечта о государственности в Абхазии?

**колокольчик
настойчиво
затрещивил!..**

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

[2] Левитанский Юрий Давыдович;

[3] С момента вхождения в состав Российской империи в Абхазии регулярно вспыхивали антиправительственные восстания. В июле 1866 после подавления очередного крупного вооружённого выступления «было приступлено к мере, ещё никогда не практиковавшейся на Кавказе, именно к общему обезоружению жителей Абхазии..., после чего, административным порядком», до 20 000 абхазцев выслали в Турцию (махаджирство). Всего было выселено свыше 100 тыс.» Ш. Д. Инал-Ипа «Абхазы (историко-этнографические очерки)»;

[4] Джордж Бернард Шоу: «Здоровая нация не ощущает своей национальности, как здоровый человек не ощущает, что у него есть кости. Но если вы подорвёте её национальное достоинство, нация не будет думать ни о чём другом, кроме того, чтобы восстановить его. Она не станет слушать никаких реформаторов, никаких философов, никаких проповедников, пока не будут удовлетворены требования националистов. Она не будет заниматься никакими делами, сколь неотложными бы они ни были, кроме воссоединения и освобождения».

*

Сладкое слово «свобода»

*Ну, её к чёрту, эту проклятую свободу!
Какой в ней прок? Что с ней делать? Вот мне
холодно, Тиль, а в неё не завернёшься, как в овечий
тулуп, в эту твою проклятую свободу. Я хочу
жрать, а её не поджаришь на вертеле. С ней не
ляжешь в постель, как с женой. Она — ничто.
Это пустой звук. Её вообще нету. Её никто
никогда не видел.*

Фильм «Легенда о Тиле»

- Нугзар, объясни, как эта война назревала. Что послужило первой искрой?
- Первой искрой?.. Язык.
- Язык?
- Да, абхазский язык. Приведу маленький пример...

Я был тогда главным редактором Очамчёрской газеты и членом бюро райкома партии. Когда наш ансамбль долгожителей стал популярным, композитор Константин Ченгелия предложил дать коллективу имя «Эрцаху» — по названию святой горы Абхазии. Красивое, достойное имя. Мы предложение поддержали, дальше решение должны были утвердить в абхазском обкоме партии, потом в ЦК КП Грузии. Только после соблюдения всей процедуры ансамбль могли зарегистрировать официально.

Внезапно нас — всех членов бюро райкома — вызывают в обком. Заходим гуськом, идёт совещание, Первый секретарь прерывается и резко:

- Кто предложил название ансамбля?

Константин Ченгелия вышел вперёд.

- Объясните, почему именно так, может, есть другие варианты?

— Других вариантов нет. Эрцаху — священная гора Абхазии. И так же свято, уважительно мы относимся к абыркам — почтенным старцам. Самому молодому участнику семьдесят восемь лет, старейшему — сто три года. Пусть название ансамбля «Эрцаху» символизирует уважение горцев к мудрости, сединам.

- Но как название будет звучать в официальных документах?

— А почему нельзя сохранить слово в родном, первоизданном виде? Зачем менять фонетику имён личных? Чем грузинское произношение лучше абхазского?

Только тут до меня дошёл истинный замысел Ченгелия...

Он просчитал заранее: по решению ЦК КП Грузии все абхазские названия в официальных документах шли в грузинской транскрипции, для этого к абхазскому названию обязательно прибавлялась в конце буква «и». Не «Сухум», как изначально, а «Сухуми», не «Гал» — «Гали»; если название «Эрцаху» произнести на официальный грузинский манер, выходила матерщина. Получался уже русский, слишком русский язык... В заседании объявили перерыв, нас отправили домой. Потом два месяца сотрудники КГБ с каждым беседовали поодиночке, называли всё диверсией, запугивали, упраскивали, но изменить ничего не смогли — ЦК КП Грузии вынужден был утвердить название в абхазском варианте. (Ансамбль «Эрцаху» с успехом выступает по сегодняшний день.)

Я любил родной язык и в 1976 году поступил на филологический факультет Абхазского государственного университета. И тут огромное событие — вышел труд учёного этнографа Шалвы Денисовича Инал-ипа «Абхазы» (Историко-этнографические очерки). Автор проследил из глубины веков династию абхазских царей, убедительно доказав: Абхазия самая древняя цивилизация на Кавказе, бесспорно, старше Грузии. Книга объединила вокруг себя всю абхазскую интеллигенцию, послужила искрой в разжигании национального движения, раскрыла глаза на собственную историю, культуру, стала откровением и вызвала неугасающее чувство гордости за

своих предков, желание соответствовать им. Когда текст получил широкую популярность, всполошились грузинские ультра: «Кто допустил?» Давно подмечено: «Книга, не встречающая сопротивления, не имеет ценности» [1]. Была дана команда: «Фас!» Комсомольцы изымали тираж с полок книготоргов и сжигали в больших кострах у арочного моста на берегу реки Сухум. Я оформил заказ на книгу в читальном зале университета, библиотекаряша побледнела:

— Такого издания нет.

ЦК КП спешно выпустило разгромное постановление, начались разбирательства, гонения... Людей прорабатывали на бюро, исключали из партии, закрывали десятками. Шалва Денисовича из университета уволили. Для партийного руководства книга превратилась в кошмар. В «Adolf Hitler Mein Kampf!» А для таких, как я — в абхазскую Библию. Моё самосознание пробудилось, до меня дошло: я — абхаз. Книга стала моей настольной, я понял, что делать дальше: поехал в Грузию и скупал её в КаГИЗах [2] — до них запрет дойти не успел — привозил в Абхазию, тайком раздавал, и много ещё чего... Примкнул к национальному движению, став подпольщиком-организатором. За это с первого курса меня исключили, дали срок. Прокурор прыгал на моём лице, каблуком выбивал по очереди зубы — туфли у него зелёного цвета, как сейчас помню, — бил и приговаривал:

— Ты сгниёшь на нарах, обещаю!

— Его можно понять, — съязвил я. — «Во времена всеобщей лжи говорить правду — экстремизм», Джордж Оруэлл.

— Выходит так... Этапировали меня в Кутаисскую тюрьму и в каждом пересыльном пункте добавляли срок. Всего хватило... Но я не жалею. Мы боролись за право называться абхазами. За Абхазию с абхазским лицом! Если себя не уважаешь, тебя никто уважать не будет. Не будешь ценить корни, традиции, язык — никто не будет ценить. Никто из-за твоего языка не станет убиваться, раз ты им брезгуешь. С этим орлиным клёкотом ты появился на свет, на нём пела колыбельные мать, на нём питаешься, на нём живёшь и вдруг променял на иной, благозвучный щебет — добровольно перерезал духовную пуповину. Да, чужой язык надо уважать, но любить-то свой.

— Так недалеко и до нацизма...

— Эта болезнь нам не страшна! Видимо, сами горы predeterminedелили: ни один кавказский народ не станет считать себя высшей расой. Исключено. Помогло не стать нацистами и то, что рядом с абхазами плечом к плечу сражались русские, чечены, кабардинцы, казаки, грузины... Сражались и погибали не за деньги — за свободу, справедливость. А такая война не имеет национальности.

— В восьмидесятые годы стремление абхазов к самосильности стало массовым. К движению сопротивления примыкали новые и новые сторонники из числа молодёжи, подключались люди зрелого возраста. У всех на устах крутилось одно слово «статус». Даже древние старики, кто мало разбирался в политике, одобрительно кивали нам вслед. И жила со мной по соседству ветхозаветная старушка, ноги-руки едва слушались, однако заботило её не собственное здоровье... Каждый раз при случае, когда навещали родственники, соседи, она непременно задавала один и тот же вопрос:

— Сынок, когда смогу увидеть статус?

Она не понимала доподлинно, что такое «национальный статус»? Мессия это, по образу подобию человека, или манна с неба... Но свято верила: нет ничего ни важнее, ни ценнее, ни слаще. И когда она наконец его получит, всё-всё-всё изменится к лучшему. Ведь не зря только об этом все и талдычат, лишь этого и желают.

Я, как мог, подбадривал:

— Бабушка, потерпи совсем немного, скоро ты получишь статус.

— Дорогие дети, я стол накрою тому, кто принесёт мне статус, насадку не пожалею, самое лучшее вино поставлю.

С деньгами у нас в редакции тогда тоже было плохо. На задании, когда встречаешься с людьми, берёшь интервью, деньги не нужны: корреспондента и накормят сытно, и напоят пьяно. А опохмелиться нечем... И вот в очередное такое хмурое утро, когда после вчерашнего самым естественным, логичным было бы просто сдохнуть, а в кармане ни рубля, я вспомнил про заветную мечту соседки и обещанный стол.

Я — к ней, уточнить:

— Бабушка, что сделаешь тому, кто принесёт тебе статус?

— Сынок, тому не пожалею ничего! Это моё последнее, самое сокровенное желание.

Последнюю курицу — на стол, кувшин вина из погреба.

— Тогда будь готова к обеду, принесу тебе статус.

Сам радостный назад в редакцию и — коллеге журналисту, с кем пили вчера:

— Русик, у тебя, как понимаю, тоже ни копейки?

— Сдурел?.. Откуда?! Сейчас бы так не мучились...

— Тогда слушай: мы должны с тобой, во чтобы то ни стало, раздобыть национальный статус и отнести одному замечательному человеку.

С трудом подбирая слова, преодолевая страшную сухость в горле, шум в голове, я поведал свой план.

— Русик, главное до обеда продержаться... будет опохмелка. Но как быть со статусом?

— Знаю! — голь на выдумки хитра, — нужно взять шоколадную медаль в золотистой фольге, завернуть в десять бумажных листов, потом в платок, сверху в целлофан.

Всё сделали, несём к старушке, сами трясёмся от хохота. За пару шагов до цели надели на лица гримасы торжественности, заходим, чеканя шаг:

— Бабуля, мы принесли статус!

— Точно?

— Точно, — смотрите.

Нарочито медленно я стал разворачивать шуршащий целлофан, затем один лист, другой, третий... Куча скомканных белых листов на столе росла. Ещё один лист... Свёрток постепенно таял у меня в руках, уменьшаясь. И вот когда остался последний лист, я украдкой отогнул уголок и показал золотой краешек — солнечный лучик празднично заиграл бликами фольги:

— Дальше нельзя открывать! Сила пропадёт! — я вновь тщательно укутал фетиш.

— Закрывай! Закрывай! Вдруг сглазят, — согласно запричитала старушка.

Обомлев, полностью потеряв дар речи, она переводила восхищённый взгляд с заветного свёртка на наши торжественные лица...

— Сынки, спасибо! Садитесь за стол!

До позднего вечера мы с Русиком гулеванили у гостеприимной старушенции, поднимая по очереди бокалы за Всевышнего, за Абхазию, за щедрость хозяйки, за её здоровье.

Вино текло рекой...

До войны она не дожила.

Не пришлось ей вкусить и сладость долгожданной победы. Но из жизни она ушла успокоенной, со святой верой, что Абхазия свой статус обрела.

А недавно дочка её (не помню, с чего зашёл разговор), смущаясь, рассказала про странность матери: после смерти она обнаружила в наволочке слипшийся кусочек шоколада в золотистой фольге. Я что-то промямлил в ответ и, сославшись на дела, тут же ушёл. За много лет впервые... пожалуй с самого детства... я не смог наедине с собой сдержать слёз.

Примечания:

[1] Чезаре Ломброзо;

[2] КаГ ИЗ — книготорговое государственное издательство.

Три гвоздя

*По ниточке, по ниточке
Ходить я не желаю
Отныне я, отныне я
Отныне я — живая.*

Алиханов Сергей «Ожившая кукла»

Закан Алексеевич Агрба из села Бзынга.

Целый вечер мы провели с ним в душеполезной беседе, перебирая под красное вино пожелтевшие газетные заметки, фотографии, воссоздавая эпизод за эпизодом становление «незалежности» Абхазии.

Первый гвоздь

— В 1957 году в Тбилиси проходил международный танцевальный фестиваль, но сперва по районам устраивали смотры художественной самодеятельности.

Наградой — выступление на столичной сцене. Наш репертуар приехала оценить комиссия, мы дали концерт. После выступления нас, малышей, подняли на руки, под аплодисменты носили по залу. А за три дня до отъезда в Тбилиси я увидел в вестибюле Дома культуры своего друга, грузина, он плакал.

— Тебя кто обидел?

— Не подходи... — ещё сильней ревет.

— Что случилось?

— Не подходи ко мне!

— Кто тебя набил?

— Из-за тебя...

— Из-за меня?! Что я сделал плохого?

— Тебя в Тбилиси не берут.

— По-чему-уу?..

— Ты абхаз!

Мне, ученику, было не до пятого пункта, мне не понятно это, но гвоздь, вбитый в сердце... боль ноющая так и осталась.

Второй гвоздь

Нам запретили разговаривать на абхазском, нельзя было соблюдать обычаи дедов, петь-танцевать для души... В своём хозяйстве приходилось работать в лунную ночь. И много ещё чего «нельзя», ущемление чувствовалось во всём. Нашу абхазскую школу закрыли — открыли грузинскую. Десять дней я прилежно слушал учительницу Гоги Башвили, она ни в зуб ногой по-абхазски, я ни слова по-грузински. Не смог тянуть программу, сбежал из школы... Меня перевели на два класса младше.

Разве мог не горевать? Это — второй гвоздь. Ладно.

Третий гвоздь

Закончил школу, пошёл на работу в автоколонну. А разговоры в гараже про одно: язык крутится вокруг большого зуба. Не только у меня на сердце раны, у всех. И боль, раздражение

накапливались. Километров в пятидесяти от Гагры есть древнее абхазское село Куджбояшта, я возил туда рабочих. Однажды Салваш, мой напарник, открыл мне глаза:

— Закан, ты грамотный?

— Да, десять классов окончил без троек, летом на филфак буду поступать.

— А ты проверял, как заполняют путевые листы?

Достаю лист:

— Пробег, часы — правильно, так и есть, — дальше не смотрю.

— Название села...

Читаю — не верю глазам, вместо древнего названия Куджбояшта в путёвках написано «Куджбая», на мингрельский лад! Оказывается, я месяц работаю там. Вторую путёвку поднял, третью, пятую — везде «Куджбая». Пошёл в бухгалтерию, проверил все бланки — везде «Куджбая». И главбуху:

— Слушайте, где мы работаем?

— Как где? В гараже.

— А это что такое? — тычу ей под нос путевой лист.

Мастер сразу взъерошился:

— Закан, что тебя не устраивает?

— Зачем искажаете правду?

— Никто её не искажает.

— Как так?

— Вот, смотри сам.

Даёт мне карту, там чёрным по зелёному — «Куджбая».

Мы, водители, собрались, подняли такой буч, мало никому не показалось. Все путёвки я тогда порвал, хотя это уже лишнее, это молодость...

Третий гвоздь в сердце оказался последним.

Я больше не желал терпеть боль и думал, как отомстить.

1964 год, приглашают меня в библиотеку... Почему? Зачем? Непонятно. Ну да, несколько раз, будучи школьником, заходил туда, может, книги забыл вернуть? Заведующая библиотеки, женщина боевая, увидела меня и сразу повела в подсобку:

— Пойдём, тебя ждут.

Думаю, кто? Сидит директор абхазской школы Тихибия. Я знал его внешне, понаслышке, говорили, пламенный патриот, но меня-то он откуда знает?.. Зачем ему понадобился?

Тихибия поздоровался и с ухмылкой спросил:

— Помнишь, когда тебя не взяли на фестиваль, ты сильно кипятился и в адрес грузин слал проклятья?

— Сколько лет минуло... с чего вдруг вспомнили?

— Давно за тобой приглядываю, нравишься ты мне, парень. Настоящий абхаз! Мне такие ребята нужны.

— ?

— Удивлён?

— А что я могу?!

— Один не можешь ничего. Один и я не могу, никто не может, но если объединимся... Загадаю тебе сейчас загадку: допустим, ты едешь из Сочи на отдых в Абхазию, проезжаешь реку Псоу, что видишь в первую очередь?

— Людей вижу, дома...

— Ты переехал границу, куда попал?

— В Абхазию.

— А видишь ли ты что-нибудь абхазское?

До меня никак не доходит, куда клонит, напрямик не говорит.

— Вот там стоит большой-большой бюст.

— Ну, да, Леселидзе.

— Кто он такой?

— Генерал, Герой Советского Союза.

— А ты знаешь, как раньше называлось это село?

— Конечно, Гечрипш.

— Эх, молодёжь! А причём тут генерал Леселидзе?

Ошарашенный, смотрю на него и чувствую, как одна мысль за другой, цепляясь, пробиваются к свету: «А ведь он прав! Какого рожна делает памятник грузинскому полководцу на абхазской земле? Разве у нас мало своих героев?» Тихибия продолжает:

— Ты знаешь, Гагры скоро переименуют в город Руставели?

Я вскочил, как ошпаренный:

— Почему?..

— Есть проспект Руставели — от Колхиды до старой Гагры, кинотеатр «Руставели», школа имени Руставели, совхоз «Руставели», памятник Руставели, бюст Руставели — на одной трассе, на отрезке в девять километров. До тебя дошло?

— Дойти-то дошло, но что могу?..

— Пойми, когда наши школы закрывают, нас зажимают, отодвигают в тень — это не случайность, целенаправленная политика грузинизации. Думайте! Надо народ поднимать, письмами ничего не изменим. С такой покорностью нас скоро всех загонят в резервации и тюрьмы.

На том и расстались. Он не дал мне никакого поручения, ничего толком не объяснил, но разжёл в душе тлеющие угли; он не выдернул гвозди из моего сердца — расшатал, разбередил раны, лишил покоя: «А, может, накинуть на шею генерала трос, подцепить к бортовой ГАЗ-51 и свалить. Хватит ли только у «газона» сил? Да и неподручно одному».

Ночью стучусь к родственнику. Тот спросонья, продирает глаза:

— Ты в своём уме, орра-а! Два часа!

— Халваш, выручай, важное дело.

— Какое дело?

— Одевайся, по дороге объясню.

Он разулыбался... У абхазов, когда хотят жениться, юлят. Раз не говорю прямо, всё понятно, свататься задумал. Какое ещё может быть дело у молодого неженатого парня ночью.

— Если так, я с тобой! Молодец!!!

— Садись в машину.

Проезжаем Гагры, едем в сторону Псоу. Халваш по дороге выпытывает: красивая ли? где живёт? родители? Его можно понять — не терпится. А я от разговора ухожу, думаю, как сказать. Не доезжая до места, сворачиваю на обочину и спрашиваю прямо в лоб:

— Любишь Абхазию?

— Ты чё, пьяный?

— Признавайся честно, любишь-нет?

— Чего задумал?

— Хочу свалить памятник грузинскому генералу.

— ...Ненормальный?

— Хватит! Скажи лучше, тросом дёрнуть, потянет машина?

— Знаешь, что за это бывает?

— За рулём я. Ты сразу уходи, ты не видел ничего.

— Поехали.

Дождливая ночь, редкие машины...

— Помоги мне зацепить трос, дальше сам.

— Трос не пойдёт — канат.

Сделали петлю, накинули генералу на шею, конец закрепили к фаркопу.

— Жми!

Запрыгнули в кабину, я — по газам, машина как рванёт, за спиной треск, не останавливаясь, махнули по трассе, под мост, и по старой дороге — на берег моря. Выходим из кабины, на фаркопе обрывок каната.

— А если бы накинули трос, сами себя поймали.
Он срезал ножом обрывки каната, забросил в кусты. Огляделись, прислушались:
— Вроде, тихо.
— Вперёд!
С утра Халваш повёз на самосвале щебень к Псоу, возвращается, смеётся:
— Наш генерал в галстуке. Теперь никому ни слова!
Через неделю на улице я случайно столкнулся с Тихибия, тот загадочно так улыбнулся...
«Чего это он? Ведь не знает». Минуло три года, директор школы пришёл ко мне прямо домой, принёс двухлитровую банку краски, резиновые перчатки, щётку:
— Возьми с собой кого понадёжней, ночью замажьте от Шапшаловки в Гаграх до Псоу все надписи на грузинском языке.
Я опять к Халвашу:
— Нам поручение! Смотри, на полке краска, не опрокинь!
За одну ночь покрасили с ним все иероглифы, вернулись под утро. Не мы одни старались — все грузинские названия замазали по всему району.
Первый секретарь ЦК КП Грузии дубасил кулаком по столу:
— Кто посмел на грузинский язык поднять руку? Стереть в порошок! В тюрьмах сгноить!
Комиссия прилетела, КГБ закрутилось... Нашли краску. На третий день узнаём: посадили пицундских пацанов, они занимались тем же у себя. И тут народ проснулся, волнение пошло... На площадь сразу вывалило несколько сот человек, а со всех сторон новые прибывали, прибывали... лозунги стали скандировать:
— Освободите ребят!
А в комиссии одни грузины, никто никого выпускать не собирается. День, второй идёт жёсткий допрос. Девочка-абхазка, секретарь начальника милиции, прибегает встревоженная:
— Там парень собирается всех выдать.
Начальник милиции, полковник, заскакивает туда, в присутствии комиссии хватается пацана за ворот, как тряхнёт:
— Это он молчит?! Да я тебя!.. — затрещину вмазал, а сам на ухо по-абхазски: «Смотри, не продай своих!»
Тем временем мы пустили гонцов по всей Абхазии. Собралось несколько десятков тысяч... Кто на чём добирался: на поездах, автобусах, машинах, пешком... Потребовали встречи с представителем ЦК КПСС. Шёл 67-й год. Добились своего, ребят выпустили. Это была наша первая победа. Раньше в Гагрском районе газета выходила на грузинском и русском, тут добились разрешения выпускать ещё на абхазском языке. Это тоже победа! Я тогда уже работал директором школы, имел филологическое образование и, так случилось, первым главным редактором назначили меня. Наше сопротивление с годами нарастало, как половодье. В 1989 году АНОД — абхазское национально-освободительное движение — переросло в «Народный фронт», затем в «Народный форум».
Сейчас всё нормально, река вернулась в своё русло...
Государственный флаг Абхазии поднят.

Глаза у Закана восторженно светились.
Он искренне уверовал: завоевания демократии в Абхазии — навсегда!
Хотя поэт не сильно обольщался на сей счёт:

Можем всех шоколадкою сладкою
Одурочить в одно мгновение,
А потом по мордам лопаткою,
Ежли будет на то решение.
Отольётся вам не водичкою
Эта ваша бравада статная,
Нам достаточно чиркнуть спичкою
И пойдёт карусель обратная.
И пойдёт у нас ваша братия

Кто колоннами, кто палатами,
Будет вам тогда демократия,
Будут вам «Огоньки» со «Взглядами».
А пока резвитесь, играйтесь,
Пойте песенки на концерте мне.
Но старайтесь, не старайтесь,
Наше время придёт, уж поверьте мне.
Время точно под горку катится,
Наш денёк за той горкой светится.
Как закажется — так заплатится,
Как аукнется — так ответится [1].

Примечания:

[1] Андрей Макаревич «Монолог господина, пожелавшего остаться неизвестным».

*

Рыба-лоцман

*Я из повиновения вышел —
За флажки, — жажда жизни сильней!
Только сзади я с радостью слышал
Удивлённые крики людей.*

**Владимир Высоцкий,
«Охота на волков»**

Заур Хварцкия не был оригинален. Он, как прочие, отказывался встречаться, беседовать, отбивался от меня... но тоже безуспешно.

— Сколько существовали диссиденты, столько они вещали: «Советский Союз вот-вот рухнет!» А СССР ещё после их смерти десятки лет здравствовал и процветал. Потом политическая система действительно ушла в небытие, и противники строя, которые до этого дожили, на каждом углу твердили: «Ну, вот видите, я же говорил...» На самом деле никто предположить краха СССР не мог. Мечтать — да, предвидеть — нет. Лукавство...

Мой младший брат Мушни иной.

В 1985 году в Союзе объявили «перестройку», стали появляться первые ростки чего-то нового, непонятного, волнующего. С Прибалтики началось, конфликты, омон-шмон... Помню репортажи по телевизору: столь непривычные для советского гражданина митинги, какое-то возмущение, лозунги... Брат тогда сказал:

— Всё определяет большинство, это и есть «демократия». Она обойдёт весь Советский Союз и явится к нам. Если будем сидеть сложа руки, нашу судьбу решат за нас, без всякой стрельбы, без всякой войны.

Что он несёт?! Чушь какая... Кто за нас может решить нашу судьбу, если мы не захотим?!

Никто. Бред!

— Как это «решат»?

— А вот так: простым поднятием руки. Демократия, демократия...

Я реально, кожей почувствовал опасность. От его слов исходила мощная энергетика.

Он мог одним-двумя словами такое сказануть... земля рухнет — и верили ему. А я стану объяснять на цифрах, фактах, горячиться, за грудки трясти — мне никто не поверит, слушать не будут. По данным Станислава Лакобы в 1939 году среди репрессированных 80% абхазы — грузины нас методично уничтожали. Я моментально представил, как будет выглядеть голосование теперь. Сознание обожгло: «Так вот она какая, демократия!» Вопрос-то лежит на поверхности.

— И что нам делать?

— Как что? Гнать!

— Э, братуха, ты чё? Это же война.

— А ты как хотел?

— Подожди, слушай, причём здесь... неужели нельзя договориться? — И я достаю главный козырь: — А Советский Союз? Кто тебе даст воевать?

— Ты что, ничего не понял? Когда Она придёт сюда, Советского Союза не бу-уудет.

Мой младший брат спятил.

— Как может не быть Советского Союза?! Думай, что несёшь. Весь мир нас боится, трясётся от страха, такая махина, с ракетами, самолётами, танками...

Сегодня, задним числом, рассуждать легко, а тогда... Тогда про демократию я слышал всякое, но на вкус не пробовал. Ляпнул бы такое академик из Москвы, может, ещё подумал... Но и то не поверил, диссидентствующих речей в горах наслушался вдоволь. А тут родной брат... Младший! Вышел из того же улья, из тех же ворот, откуда и я.

— Кто ты такой об этом судить? Ора, не может быть, чтоб исчез.

Сам чувствую, мои аргументы напоминают чеховское «Письмо учёному соседу»: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!»

— Увидишь.

— Хорошо, как ты собираешься воевать? Сто тысяч против пяти миллионов?!

— Ты абхазов не знаешь!

— Это не ответ.

Другого я тогда от него не услышал.

Заур рассказывал, а я ловил себя на мысли, что уже раньше читал об этом [1].

Всё непросто...

Герой фильма «Исаев» считал: «Хуже всего принять за правду полуправду. Когда выяснится, уже таких дел наворотил». Как отличить правду от кривды?

— Ясновидцев, прорицателей полно везде...

Одна беда: они не реагируют адекватно на свои же прогнозы. Это всё равно, как заявить: «Скоро с моря придёт цунами, нам осталось жить десять часов». Сообщить и преспокойно пойти домой, завалиться спать. Где логика? Если про цунами знаешь точно, беги в горы, спасайся сам, спасай родных. Мой брат, как сказал о грядущих изменениях, сразу стал готовиться к войне: он уехал в Питер, закупал в частном порядке оружие, через ребят переправлял стволы в Абхазию. По масштабам армии — смехотворно. Но это оружие ополченцам ой, как пригодилось в первые часы. Последнюю ходку брат сделал за месяц до начала войны: два мешка из-под сахара, битком набитые автоматами, винтовками, сам привёз на поезде... в плацкартном вагоне. Мушни и нас всех призывал готовиться к схватке, убеждал: война нужна абхазам, не грузинам, те могут любые вопросы решить мирным путём. Однако, о небо! грузины из всей колоды вытянули именно нашу карту, из высоченной стопки ночных горшков выдернули нижний...

Да, война выгодна лишь абхазам, только она давала шанс добиться независимости. Был момент, я даже боялся, что войны не будет... избавиться от грузин для меня — самоцель. Молодёжь улавливает это быстро, а моему поколению вдалбливать тяжело: «Мы жили мирно, проклятые грузины напали, убили Васю». Я вскипаю, когда слышу такое. Твой сын защищал нашу страну. Гордись! Только ценой гибели сына, ценой моей ноги, моего глаза ты можешь сам жить и его внуков растить в собственной! свободной! стране. Моя нога, которую потерял, мой глаз, который выбило осколком, жизнь любого абхаза — стоят меньше, весят меньше, значат меньше!!! чем жизнь, судьба всего нашего народа. Ещё сохраняются у нас остатки советско-обкомовского мышления...

— Заур, правильно ли я тебя понял: веди себя Грузия умнее, Абхазия не стала бы отделяться?

— Интересно, ну-ка ещё разок... — Заур слегка растерялся.

— Если бы Грузия поумнее...

— ...Я прошёл романтичный возраст. До двенадцати лет мне казалось, мои папа с мамой самые красивые в мире, такое же отношение было и к республике, но потом человек растёт, кругозор расширяется, взгляды меняются. Прекрасно понимаю: мой народ ничем не лучше любого другого.

— Например, грузинского?

— Да. Абсолютно. Коли б грузинская власть вела себя мудро... Не для нас — для себя! После развала СССР прислали бы уважаемого посла, покаялись: «Да, случались перегибы, нарушения, но всё они, проклятые большевички!» Подкупом, лаской, лестью... Используя партийную прослойку, которую они методично возвращали, при поддержке прихвостней-абхазов, тайными операциями спецслужб. С ужасом об этом думаю! В такой сладкой оболочке пилюлю мы бы проглотили и растаяли в их жарких объятьях. Это был бы страшный капкан для Абхазии. Абхаз испытывает эйфорию, когда слышит название своей родины... Да, при любом мирном варианте нас бы оприходовали, и через двадцать лет все поголовно балакали на грузинском, незаметно растворяясь в народе, по численности в десятки раз превышающем наш. Я бы не почувствовал опасность... И таких, как я, большинство.

— «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков!» [2]

— Да, таких буйных, как мой младший брат, мало. Сперва даже Россия выступила против нашей государственности, поэтому мы на братание с Грузией пошли бы. Как дальше — неясно. Но шанс этот Грузия упустила...

— Заур, смотри, ты знаешь ответы на все вопросы, скажи, как сделать, чтобы остальные племена вслед за вами не захотели нарушить существующий миропорядок, перекроить политическую карту, отгородить свой дачный участок государственной границей? Чтоб ни у кого не возникало желания повторить подвиг твоего младшего брата? Например, у вас в Абхазии... продолжая дробить её дальше на части, по нациям, по родам, по фамилиям, по отдельным пацхам...

— Мечта горбуна: он хочет, чтобы все были горбунами. Для нас это страшная головная боль — Абхазии тоже может грозить распад на микрочастицы... Дурень, который на каждом углу за Апсны рвёт ворот рубахи, при этом опаснее всего. В Абхазии есть микрорайоны с компактным проживанием «не абхазов»: и там абхазский русский, абхазский грузин, абхазский армянин должны чувствовать себя хозяевами. Если я эту задачу не решу, проблема возникнет у меня. В то же время Абхазия для нас — единственная родина, не вторая. Мы не можем, если что-то не по нраву, собрать манатки, укатить домой — они могут. Устройство государства должно учитывать эту особинку. Нельзя допустить, чтобы судьбу Абхазии решали люди, у которых голова повёрнута в сторону Афин, Тбилиси, Москвы, Еревана. Они нарешают!.. Абхазские греки за Абхазию воевать не стали: «Разбирайтесь сами!» И уехали... Я, кривой, хромой, израненный им гарантирую: они сюда не вернуться. — Заур изобразил смачную дулю. — Пусть полюбуются: кукиш им. Понюхайте! Не хотите?! И дети богатых, которые живут за границей, на воздухе висят. Ушёл — уходи. Абхазия принадлежит тем, кто её защищал. Точка.

Я считаю себя представителем Русского мира. Не этноса — мира. О том, что в Америке протекает река Амазонка, узнал из русского языка, и ещё много чего интересного, полезного. Рассуждая прагматично, честно: никто никого не любит. Моему народу выгодней укрепление России, значит, и я желаю этого всем сердцем. Меня не пугает «русский сапог на Кавказе». Будучи крохотным народишком, абхазы защищали на Кавказе интересы России. Мы делали это не для них, попутно. Акулу всегда окружают много разных нахлебников, однако самые преданные комменсалы [3] — рыба-прилипала и рыба-лоцман. Акула глотает всё подряд, но своих «подружек» не трогает. Они нужны друг другу, по-учёному симбиоз называется.

Абхазия функцию рыбы-лоцмана выполняет исправно.

Примечания:

[1] Бердяев Николай Александрович, российский философ: «Почти чудовищно, как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины! ... Свобода есть право на неравенство».

[2] Владимир Высоцкий;

[3] Комменсализм — способ совместного существования (симбиоза) двух разных видов живых организмов, при котором один из партнёров этой системы (комменсал) возлагает на другого (хозяина) регуляцию своих отношений с внешней средой.

*

Да здравствуют гэзы!

*Пословицы друг другу противоречат,
в этом и состоит народная мудрость.*

Станислав Ежи Лец

31 июля 1992 года Грузия стала 179-м государством-участником ООН.

Более тридцати государств мира за короткий срок признали её независимой республикой, однако Абхазия упорно хотела быть самостоятельной. До начала войны оставалось 14 дней. Думаю, большинство народностей не отказались бы от собственного государства, некоторым вообще подавай свой глобус... В математике существуют понятия «плюс бесконечность», «минус бесконечность». Так и страны могут не только объединяться, но и распадаться до абсурда...

сообразим на троих государство:
ты президент а он военный
с соседями чтоб сразу драться
я полицай следить за вами [1]

Однако едва ли, чем государство меньше, тем счастливее...

Но всё это лирика.

А как смотрит на самостийность мир?

Международное право «За» самоопределение народов

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года):

«...В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава.

Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и индивидуальных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава...»

«...Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение.

Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти народы, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать её в соответствии с целями и принципами Устава».

Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года):

«Часть I Статья 1

1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие.

3. Все участвующие в настоящем Пакте Государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несамоуправляющимися и подопечными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

— Нугзар, я как чувствовал!.. Правда на вашей стороне.

Международное право «За» принцип территориальной целостности государства

Недопустимость того, чтобы национальное самоопределение приводило к сепаратизму, к разрушению национального единства и территориальной целостности страны подчеркивается в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. В ней говорится: «...Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, не совместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций...».

Это же положение нашло свое отражение в Венской декларации и Программе действий, принятых Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г. В этом документе после положений, подтверждающих право всех народов на самоопределение и, соответственно, их право предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом ООН для его осуществления, говорится: «Согласно Декларации о принципах международного права..., вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий».

— Нугзар, на вас «бочку катят»!

Абхазы настаивают, чтобы, по аналогии с программой Word, нажатием клавиш CTRL+Z (отмена действия) можно было вернуть состояние общества в период до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Именно в результате войны стал завязываться узел абхазо-грузинских противоречий, именно тогда произошло насильственное выселение («махаджирство») абхазов в Турцию, и опустевшую территорию Абхазии заполонили крестьяне из Западной Грузии. По-человечески абхазов понимаю. Я бы тоже непременно воспользовался такими волшебными клавишами для своих целей. Но Создатель ни мне, ни им такой возможности не дал.

И всё же: чья правда весомее?
Грузии или Абхазии?!

Международное право однозначных оценок не даёт. Как быть?
Абхазия победила, вчистую!.. значит, её и правда.
Да здравствуют гёзы! [2]
С ними Бог.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

[2] Народ Нидерландов, истерзанный жестокими королевскими указами, налогами, обвинениями в ереси, пытками и казнями, начал освободительную войну против испанского владычества. Себя они называли «гёзы». (Шарль де Костер и его роман «Легенда об Уленшпигеле».

*

Мир после войны

Открытый путь

*Если арба дрова не привезёт,
сама на дрова пойдёт.*

Абхазская пословица

Ты шёл, как бык, на красный свет,
Ты был герой, сомнений нет.
Никто не мог тебя с пути свернуть.
Но если все открыть пути,
Куда идти и с кем идти? [1]

Отечественная война закончилась, Абхазия победила.

С тех пор минуло целых двадцать лет. Что дальше? Чем заниматься в мирной жизни?..

Я застал абхазов как раз в тот момент, когда они мучительно размышляли: «Начинать восстанавливать разрушенное хозяйство или так сойдёт?» Вопрос непростой... Я бы даже сказал философский. Пока он остаётся без ответа... Абхазская мудрость подсказывает: «Не делай работу, пока не закричит». Пока, вроде, не кричит...

Жизнь идёт самотёком. Фрукты растут сами по себе, сами опадают. Коровы пасутся самостоятельно... Эх! Кабы научить их подпрыгивать да самим соски дёргать, наступил бы в Абхазии полный рай.

В мире прослеживается парадоксальная тенденция — страны, проигравшие войну, спустя короткий промежуток времени выходят в лидеры мировой экономики: феодальная Япония, разбомблённая в пух и прах Германия, Финляндия, потерявшая лучшую часть территории... А Союз Советских Социалистических Республик — страна, одержавшая победу, сперва подкармливала своих ветеранов продуктовыми пайками, полученными от бывших заклятых врагов, потом «приказала долго жить» и развалилась.

Исчезла с политической карты мира!

И был пробит последний лёд.
И путь открыт, осталось лишь идти вперёд.
И тут ты встал, не сделал шаг,
Открытый путь страшнее был,
Чем лютый враг и вечный лёд.

А что будет с Абхазией? Не заблудится ли она, как лошадь в тумане?

Надеюсь, нет!

Она превратится-таки в страну-мечту Эльдорадо!

Верую!

Примечания:

[1] «Барьер» Андрей Макаревич.

*

Гостеприимство

*Гость приносит в дом сто мерок счастья,
а уносит одну — тепло этого дома.*

Абхазская пословица

«Бзиала шзаабейт!» (Добро пожаловать!) — именно с этих слов начинается один из самых священных обрядов абхазского народа — ритуал гостеприимства.

Нугзар, коснувшись этой темы, аж приосанился:

— Абхазия по-нашему — Апсны, Страна души. Кусочек рая на земле, благословенный край! Здесь родилось множество сказаний, притч, легенд. Сейчас расскажу тебе главную.

Господь разделил Землю на части и стал раздавать по куску каждому народу. Все выстроились в очередь, чтобы получить свой надел, свою Родину, не было среди них лишь одного.

Ждал его Господь, ждал и наконец дождался.

— Кто ты?

— Абхаз, — с достоинством ответил горец.

— Где же ты был? Почему не пришёл вовремя?

— Не мог.

— Как так «не мог»? — Господь разгневался не на шутку.

— У меня был гость. Я не мог уйти, не напоив, не накормив его.

— Этим гостем был я, — один из Ангелов склонил голову. — Человек проявил себя, как радушный хозяин, я застал его на пороге, но, завидев путника, он вернулся в дом и оказал мне душевный приём.

— Но что ж делать? — задумался Господь, — Я раздал всю землю, ничего не осталось.

— Тогда пойду, — спокойно ответил абхаз и уже собрался уходить, когда Господь окликнул его.

— Постой! Скажи мне, все ли абхазы такие приветливые?

— Конечно. Для нас гость — посланник свыше.

— Вот как! Раз твой народ готов пожертвовать собой, дабы принять уставшего путника, его стоит вознаградить. Дарую вам кусочек земли, который берёт для себя. Пусть и дальше край ваш славится радушием, хлебосольством!

Так нам досталась Абхазия. Давай, за неё!

И стоя, как иначе, мы выпили до дна за дивную Абхазию.

— Нугзар, если хоть часть жителей как ты, легенда права!

— Для абхаза гостеприимство — не просто черта характера. Это часть нашей первоосновы под названием «апсуара». В доме истинного абхаза Вы — член семьи. Путнику у нас говорят: «Ты — гость самого Творца» (Узшаз уисасуп), «Ты — гость Господа» (Анцава уисасуп). Согласно традициям абхазов, приходя в чей-то дом, Вы доверяете хозяину жизнь и попадаете под защиту самого Бога. А вот тебе ещё легенда...

Во дворе пацхи под чинарой сидел старый Ханашв и шил из сыромятной кожи чувяки сыну. Залаяла собака. Старик поднял голову: через забор перескочил незнакомец и, увидев старика, бросился к нему:

— Погоня, — он задыхался. — Спаси меня, укрой!

— Забирайся на чердак, дад! [1] — Ханашв приставил лестницу к лазу. — Спрячься в углу на куче шерсти. Будь спокоен: у меня ты в безопасности. Но кто преследует тебя?

— Я убил человека. Его друзья гонятся за мной.

— Кого же ты убил? Как имя?

— Не знаю. Я впервые в вашем селении...

Злобно залаяла собака.

— Пойду гляну, — старик закрыл чердак.

Из-за бугра показалось толпа, Ханашв увидел людей с тяжёлой, завернутой в бурку ношей. При виде знакомой бурки у старика потемнело в глазах, точно полоснули по сердцу кинжалом.

— Крепись, Ханашв! Великое горе пришло в твой дом. Убит твой сын! Клянёмся, отомстим убийце. Он ускользнул от нас в лесу, но мы разыщем его.

— Занесите сына в дом.

Плач и вопли женщин огласили двор.

Двое суток пролежало бездыханное тело сына в пацхе, и двое суток поднимался старик на чердак, кормил гостя. На третьи сутки, после похорон, старик наполнил дорожную сумку едой и, оглядевшись, нет ли кого поблизости, приставил лесенку к лазу чердака:

— Спускайся! Нет никого.

Старик протянул ему торбу:

— Возьми, здесь еды на два дня. Поспеши домой, дад! Ты убил моего единственного сына, но ты попросил крова, и я не мог втоптать в грязь хлеб-соль. Дарую тебе жизнь, уходи, пока тебя не заметили мои сородичи. Смотри, больше не попадайся мне на глаза!

С тем и расстались.

Вот что значит для нас гость, — закончил рассказ Нугзар. — Легенду эту я почерпнул у замечательного абхазского писателя Михаила Лакербая. У него много и других.

P. S.

Антон Павлович Чехов в восторге писал:

«Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...»

Примечания:

[1] Дад — у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему.

*

Апсуара

Апсуара — Библия абхазов!

Нугзар Салакая

Нугзар со значением поднял указательный палец:

— Апсуара — сама суть абхазского народа. Наша вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» — одно и то же. У нас Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара. Некогда в соседней Мингрелии существовало выражение: «Воспитан в духе апсуара» или «Он — истинный апсуа». Александр, поймёшь апсуару, поймёшь и абхазский народ.

— Расскажу тебе легенду.

Однажды Алиас подкрался к усадьбе — пора ему было рассчитаться с Гедлачом. Два дня и две ночи прошло с тех пор, как тот убил его брата, а сам ещё жив. Нужно убить Гедлача раньше, чем тело брата опустят в могилу, иначе как явиться на похороны? С каким лицом? В пацхе слышались голоса, Алиас узнал голос кровного врага. Он осторожно отодвинул хворостину в стене и приник к щели: перед ним в одном белье сидел за столом Гедлач. «Сама судьба поставила его передо мной», — Алиас просунул в щель дуло ружья, взвел курок, стал целиться...

— Что ты делаешь, безумный? Скорей туши свет! — донёсся до него испуганный голос жены Гедлача.

— Спи, спи, не бойся! — успокоил её Гедлач. — Ничего не случится!

— Скорей туши свечу, — торопила жена. — Ведь где-то поблизости бродит Алиас.

— Сейчас момент неподходящий, — возразил ей Гедлач.

— Почему?

— Ты думаешь, я не знаю, что Алиас день и ночь охотится за мною, чтобы отомстить за брата?

— Вот видишь!

— Послушай, что тебе скажу, — спокойно продолжал Гедлач, — Алиас славится как настоящий ахаца [1]. Не станет такой отважный, смелый джигит стрелять в безоружного, когда тот в одном белье.

Алиас бесшумно спустил курок и покинул засаду.

— Старики учат нас: «Мужество без человечности является бесчестным. Смерть абхаза в его же аламысе!» [2] — Нугзар неспешно закурил. — Абхазец по природе — человек скромный, для нас непривычны многие вещи... У нас не принято за себя агитировать. В старину выдвинуть на высокий пост могли лишь старейшины. В селе Лыхны и селе Мыку на всенародном сходе почтенные старики принимали решение по каждому кандидату: ты будешь управлять Абхазией, ты — следить за порядком, ты направляешься послом в Россию, Турцию. Ты отвечаешь за одно, ты — за другое. Так все назначались. Как это самому ходить по дворам, агитировать: «Я хочу быть Президентом! Изберите меня!» Наш этикет, веками выработанный, не позволяет произносить подобные слова вслух. Некрасиво. Не надо народу подсказывать, народ знает. Владислав Ардзинба не просил: «Изберите меня! Сделайте меня лидером!» Народ сам доверил ему. У абхазов раньше не было и традиции рекламировать свой товар — это тоже противоречит апсуаре. Ни вино, ни фрукты, ни другую продукцию ремесленники не расхваливали, считалось неприличным. Хозяин никогда не предложит гостю вина, пока не попробует сам, не убедится, что достойное. А с этим пиаром, выясняется, можно разбавить вино водой, раз всё равно купят. У абхазов национальная гордость была главным богатством, главной валютой, сейчас она девальвировалась. Обмелели наши души.

Тут на днях...

Солнечная погодка, я, беззаботный, иду на рынок и предвкушаю: куплю молодого барашка на шашлык, встречу друзей, выпьем по бокалу пива, перекинемся новостями... Хорошо на душе. Война кончилась, мир в Абхазии. Я отправился за приятными эмоциями, шёл душу побаловать.

И вдруг гляжу у магазинчика ритуальных услуг... прямо на улице! выставлены гробы!!!

Стоймя стоят, как рыбацкие лодки.

Гробы разных фасонов, цен, цветов, материалов — целый модельный ряд.

И сразу на душе мрачно стало, мурашки побежали по спине...

Ещё куда ни шло рекламировать одежду, строительные материалы... Не возбраняется предлагать скидки, заманивать покупателей бонусами, обещать детям, пенсионерам бесплатную доставку на дом, три изделия по цене двух. Но не гробы! Мы ещё не забыли ужасы войны. Получается, торговцы хотят, чтобы гробы покупались как можно чаще, желательно оптом. И пусть себе людидохнут, как мухи. Лишь бы гробы разлетались, как горячие пирожки. Деньги не пахнут! Меня пробрал холодок от этих людей, желающих всем нам горя. Стало мрачно от их цинизма, стремления делать бизнес на нашей смерти. Я поднялся в магазин, решил перепроверить, может, показалось:

— У вас что рекламируется на улице?

— Гробы.

— Убрать немедленно!

Помню, я совсем ребёнок, умерла моя любимая бабушка-соседка. Помню похороны, в доме полно народу, приехал из России её сын — полковник, я стою в углу, безутешно плачу. Наконец почтенный старик молча подал военному знак, что гроб пора выносить. В доме тишина, слышны лишь сдавленные стоны да мои всхлипывания. Сын-полковник встал в изголовье, взялся за ручку и скомандовал:

— Ребята, слушай мою команду: раз-два взяли!

Все кто находился у гроба:

— Ха-ха-ха!!!

И пошла хохота по всему дому.

Я плачу, ничего понять не могу: «Бабушка умерла, они смеются!» Спустя несколько дней, улучив минутку, дёрнул отца за рукав:

— Баба, почему у гроба смеялись?

— Сынок, абхаз должен соблюдать свои обычаи, традиции, кем бы ни был, полковник их нарушил.

— Что он сделал не так?

— Нельзя в доме покойного произносить ни слова, а у полковника Устав воинской службы вытеснил собой всё абхазское, Устав заменил апсуару.

Вячеслав Сакания вторил:

— Любая книга имеет сквозное действие, дальше от него уже идут ответвления. Нужно правильно найти стержень. Наш стержень — апсуара!

Запад нам предлагает многопартийную систему, а мы не доросли до неё.

Ещё после первых выборов не можем забыть распри, простить друг другу обиды и вновь стать братьями, грязные выборные технологии рассорили нас... Мы ведь не умеем ничего обсуждать спокойно, выясняем кто прав эмоционально, в драке. А наш абхазский менталитет какой: раз холодок прошёл, то на много лет. Получил пощёчину, наутро вместе хряпнули по бокалу и снова друзья — у нас так не бывает... «Война закончилась, быстренько-быстренько помиритесь, надо успеть, посмотрите, весь мир в этой системе, лишь вы отстаёте...» К этому оказались не готовы. Как от общинного уклада одномоментно перейти к индивидуализму? Вчера жили родом, уважали старших, бабушку переводили через дорогу — сегодня предлагается кинуть её посреди проезжей части, пусть добирается сама. Всегда играли в Чапаева, а нам предлагают, не слезая с коня, играть в шахматы.

— «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань» [3].

— Не можно!.. Билль о правах человека чем лучше? Почему от родного свода законов нужно отречься? Да, деревянные счёты нужно отложить в сторону и пересесть за компьютер, но чтобы этот выбор приняли горцы, лидера надо избрать по законам той земли, которая взрастила весь народ. Есть ли смысл нам отказываться от апсуары — собственного Кодекса чести, уникальной системы координат, нашей древней философии и менять её на мифические преимущества Западной цивилизации? Скрестить их и вывести абхазского козлотура у нас не получится. Апсуара и наша земля нераздельны. Это те природные соки, что подпитывают абхазов. Пересохнет источник — нас ждёт неминуемая смерть.

Игорь Герзмава согласно кивал:

— Знаете, почему топчемся на месте двадцать лет? Хотя как бы создаем, как бы что-то делаем... Раньше в старину над умирающим абхазом главными звучали слова, что он не присвоил ничего чужого. Заявления ждали все, тогда сын у смертного одра получал в наследство самое дорогое — незапятнанную совесть и честь. «У тебя нет апсура! У тебя нет апсура! У тебя нет апсура!» — самое сильное наше ругательство. А у нас как получилось? Грузин прогнали, узаконили мародёрство, стали захватывать их дома, а счастья не нажили! Краденое не приносит счастья, потому, как грех это великий. Чужое, как ржа, незаметно разъедает душу изнутри. Мы по сей день тычемся, как слепые котятка, не можем найти выход. Почему на глазах у нас пелена? Зачем Боженька кружит нами? Он даёт понять: «Так нельзя!» Не помню, чтобы кто-то из мародёров закончил жизнь хорошо. Жить с чувством, что украл чужой труд — наказание адово, вся жизнь, каждая ночь пройдёт в страхе. Пусть маленькое, но своё.

Закралась в душу плесень...

Получается, победа красивая, чистая, а потом вляпались в коровье дерьмо!

Кто-то оступился от безысходности, кто-то от боли, кто-то натворил зла от неведения. Те люди, кто себя в этом смысле сохранили, сберегли моральную чистоту, прямо смотрят детям в глаза. И я Бога не боюсь! Я с войны принёс один трофей — фляжку с коньяком. Всё. Свой долг, как мужчина, я в жизни исполнил: чужого не брал, собственными руками построил дом, сына воспитал, дерево посадил, войну выиграл, Родину не предал.

Это же я завещаю своему сыну.

Примечания:

[1] Ахаца — герой;

[2] Аламыс — совесть;

[3] А. С. Пушкин «Полтава».

*

Символы Абхазии

*Вороня лошадь особые
привычки имеет.*

Абхазская поговорка

Уже несколько дней я в Абхазии и, признаться, чувствую себя растерянно...
Коренных, явных отличий в укладе, образе жизни не приметил. Закавказье, а в ходу «рубль», никаких вам мечетей, азанов, хиджабов. Говорят все на чистом русском!
Хочу определиться: какие они «Символы Абхазии»?
Придётся копать глубже!..
Я решил подробнее ознакомиться с обрядами абхазов, а коли представится возможность, то и самому поучаствовать в них. Орчукба Валерий предложил:
— В селе Ачандара годовщина похорон двоюродного брата, хочешь — поехали с нами.
— Конечно, хочу.

Траурные обряды

По мнению хозяина дома, годовщина смерти отмечалась «скромно»: пригласили только самых-самых близких, человек четыреста, не больше... (В России в таких масштабах проходит День города.) Там, на людях, я к провожатому старался с расспросами не приставать, но на обратном пути, не утерпел:

— Валера, теперь комментарии...

— Хоронят у нас на третий или четвёртый день. Когда человек умирает, начинается «плаканье» — ритуал, при котором женским плачем-воплем оповещают округу о постигшем горе. Раньше женщины-плакальщицы раздирали в кровь лицо, мужчины ударяли себя кулаком в сердце, зимой стояли на снегу босиком, усиливали страдания. У нас принято, чтобы близкие родственники публично демонстрировали тяжесть свалившегося на них горя. Сейчас такое встречается реже, молодые девицы максимум помаду сотрут, тональный крем. Раньше соседи тоже приносили еду, но всё скромно. Теперь, помимо денег, на поминки, на свадьбу, на похороны нужно нести в корзине шампанское, торт, конфеты. Мамалыгу на похоронах не ставят, как в старину — хлопотно. Перешли на хлеб, проще купить. Не прийти не посочувствовать горю соседа, близкого — у нас нельзя. На заседание парламента не придёшь, тебя поймут. Не явился на свадьбу, похороны — проклянут. Поэтому сегодня мы закрываем лавочку и всей семьёй, непременно всей! едем на поминки. Не подсчитываем недополученную выручку... Я не могу отправить в качестве делегата жену или другого полномочного «представителя», потом за всю жизнь не отмыться... Позор! Родственники забудут про поминки, забудут, зачем собрались: «Где Валера?» Моё непоявление всем бросится в глаза. Все тут же ломанутся навестить: раз сам не в силах передвигаться на ногах, значит, со мной случилось что-то ужасное! Причина неявки должна быть крайне убедительной, алиби — железобетонное. Например, тебя в прямом эфире показывают с Путиным... Это куда ни шло. Включили телевизор, убедились: «точно», можно дальше скорбеть.

Если в старину на похоронах, на свадьбах бывало по тридцать-сорок человек, то сейчас до двух-трёх тысяч. Общение уже было. Круг друзей расширяется: вместе учились, вместе в группе «ВКонтакте», вместе в «Одноклассниках»... Классическая финансовая пирамида. Благодаря транспорту встречаться стало проще (пешком по горам далеко не уйдёшь). Мобильные телефоны, которые у новорождённых висят вместо соски, облегчили процедуру оповещения. Ещё и по телевизору объявят вместо новостей. Раньше рыдание талантливой плакальщицы разносилось максимум на три-четыре километра, сейчас СМС-рассылка покрывает сразу всю Абхазию одним кликом. Зона поражения горевестника выросла в сотни раз. У меня на посещение протокольных

мероприятий уходит пятьдесят дней в году. Дальше — не знаю... Например, сегодня нужно посетить двое поминок, в выходные — четыре свадьбы. И выкручивайся, как хочешь.

— Но ведь количество приглашений растёт в геометрической прогрессии, — осенило меня, — и, возможно, скоро все жители страны соберутся на одном большом поле — на общем траурно-праздничном обеде. Тогда отпадёт необходимость уходить домой на ночлег, каждый будет передвигаться со своей раскладушкой по кругу: в одной пацхе присоединится к свадебной процессии, в следующей выразит соболезнование родственникам усопшего, дальше поминки, день рождения... Похоже, в Стране души это время недалёко.

— Апсуара... То, что раньше нас спасало, теперь может погубить.

Свадьба

Свадебными снимками поделился со мной профессиональный фотограф Вартан Шахитян:

— Свадьбы у нас проходят обычно осенью: в сентябре, октябре. В сельской местности в эту пору приходится всем месить грязь в сапогах, невестам в том числе.

по найденной обувке
Иван искал судьбу
а Золушка рычала кто
прр-равый спёр кирзач [1]

Мне довелось самому побывать на настоящей сельской свадьбе.

Там всё примерно, как у нас в России: обворожительно-загадочная невеста в белоснежной фате, симпатичная свидетельница, гости, хмельное застолье... Особинка одна: жених на свадьбе не присутствует. В Абхазии считается, жених к этому мероприятию не имеет никакого отношения. Я поинтересовался, бывают ли у них кавказские пленницы (подробно писал об этом в дагестанском дневнике). Невест, как выяснилось, воруют и в Абхазии, но чаще для того, чтобы избежать обременительной, дорогостоящей процедуры застолий и разного рода взаимных подношений. Обычно — это спектакль, хотя исключения бывают. Отар Ломя, Герой Абхазии, рассказал:

— Проезжаю село, мельком обратил внимание: девушка стоит у обочины. Ну, стоит себе и стоит. Почти поравнялся с ней, она возьми и кинься прямо под колёса. Хорошо, асфальт сухой, сумел затормозить. Замуж выдали насильно. Кричу:

— Дура, найди другой способ уйти из жизни, раз так охота. Из-за тебя ещё посадят на старости лет.

Быт

Скрипучая арба, запряженная парой волов, — образ Абхазии, ушедший в историю безвозвратно. Но есть и другие символы... Как раньше, так и сейчас чистый зелёный шелковистый ковёр по-прежнему составляет неперемнную принадлежность двора. Вот как это описано у Константина Симонова: «Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки, — традиция, оставшаяся от старых времён, когда вокруг Сухум-Кале тянулись болота и топи. Зелёные сухие и жаркие жилые комнаты на вторых этажах, а внизу только кухни и кладовки. А перед домами от самых ворот до самых дверей в дом — ровные, как стол, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки — такие, словно хозяева хотят сказать гостям: входите, и пусть ничего не мешает вам открыть двери нашего дома!» [2].

Рядом с домом хозяйственные постройки; плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах (аца), сарай для скота...

Одежда абхазов

Башлык, ноговицы, кавказский пояс с кинжалом, бурка, палка-посох с железным наконечником (алабашья) — так в старину одевались абхазские горцы. Сегодня только старшее поколение сохраняет некоторые элементы национальной одежды, да и то лишь по праздникам. (В прошлом году старики рекомендовали Президенту Абхазии прийти на инаугурацию в черкеске, папахе, но он не решился...)

На память о поездке в Абхазию и, дабы прививать дух горцев в семье, я привёз внуку черкеску, сшитую под заказ.

Абхазская кухня

Абхазскую пищу невозможно себе представить без соли с перцем (словно песок из бархана Сарыкум) [3]. Моя любимая приправа «аджика» тоже неожиданно оказалась абхазским изобретением. Рецепт её довольно сложен. Кроме поваренной соли, жгучего красного перца и чеснока, в неё входит целый ряд пряностей: кориандр (ахусхуа), грецкий орех (акакан) или фундук (араса), укроп (акама), василёк или базилик огородный (ара-дана), шафран или чабер садовый (ашыбра), мята (ашь-ыху), а также винный уксус.

Но первым делом — традиционная «абыста»! особенно во время приёма гостей. Каждому гостю — свежая мамалыга! Именно в неё, горячую, закидывают брынзу и подают с аджикой, с варёной фасолью. (Вкусом мамалыги я не проникся...) Это горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы...

Не имею права в этом разделе с восхищением не упомянуть чачу и сухое вино.

Культура

Вихревые танцы есть по всему Кавказу, но в Абхазии зрелище тоже, вам доложу...

А вот песни на исламском Кавказе, а он, как правило, весь исламский, петь Кораном строго запрещено (как и рисовать, и лепить, и т. д. и т. п.) В Абхазии — можно и почётно.

Личности

Ну, самый-самый яркий из абхазов, бесспорно, Лаврентий Берия.

Рассказывая о своей амурной связи с всесильным министром, его любовница-поневоле вспоминала: «Я отдавалась, как страна — грузину» [4]. Односельчанин Лаврентия Павловича из села Мархаул, а ныне глава администрации Гулрыпшского района Тимур Эшба, поведал мне:

— Берия был талантливым кризисным менеджером. Считается, что он незаконнорожденный: отец абхазский князь Лакербай, мать — простолюдинка. Его племянники рассказывали, что с детства он любил наушничать, ябедничать, друзей не имел.

Весь наш бескрайний Советский Союз помнит Берию как одного из талантливых организаторов всесоюзного движения «Настрочи донос на друга».

Мы писали, мы писали,
Наши пальчики устали
Мы немножко отдохнём
И опять писать начнём [5].

Господи! Какое счастье, что Берия смертен.

Так и вспомнишь классика:

Природа-мать!
Когда б таких людей
Ты иногда НЕ ПОСЫЛАЛА!
Заглохла б нива жизни...

А вот ещё абхазские символы: ажърацъра; айныхра; киараз, ауаахэ; ажира; аныха; ахапща; алабаша; анча инохера; амашир алпха; ааюны анхера; аламыс; отсутствие расписания движения автобусов и программы передач на ТВ Абхазии; акыта; ахацара; абхазский язык; пацха; ащала; Гагра; Пицунда; Кодорское ущелье; мандарины; ярмо на свиньях; чистое Чёрное море; Фазиль Искандер; абырк; «Брехаловка»; махаджирство; Шалва Денисович Инал-ипа; Бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных;

Штрих к историческому портрету:

Интересно вспомнить традиции Апсны при Советской власти...

В апреле 1976 года бюро Абхазского обкома КП Грузии приняло специальное постановление «О состоянии работы и задачах партийных организаций Абхазии в свете постановления ЦК КП Грузии «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями» [6]. В нём отмечается, что, несмотря на заметное уменьшение числа проявлений консервативных обрядов, всё большее распространение новых обычаев и т. д., «никаких оснований для самоуспокоенности в борьбе с вредными пережитками прошлого и всякого рода чуждыми нравами у нас нет», что, в частности, всё ещё встречаются стяжательство в разных формах, рецидивы устройства многолюдных помпезных свадеб и похорон («айныхра», «келехи»), сопровождающихся пьянками, подчас приводящими к хулиганским поступкам и преступлениям, вплоть до убийства».

Борьба с самобытными обрядами — не инициатива грузино-абхазской элиты!

Советская власть, строго соблюдая заветы В. И. Ленина, культуры самобытные уничтожала, а на их руинах возводила культуру «пролетарскую».

Дедушка Ленин учил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить» [7]. Вместе с тем, — указывал он, — интернациональная пролетарская культура воспринимает не «национальную культуру» в целом, «а берёт из каждой национальной культуры исключительно её последовательно демократические и социалистические элементы» [8].

Планировали из мозаичной культуры каждой нации выковыривать отдельные элементы... у кого глазик, у кого ногу, палец, ухо и выкладывать картинку советскую — одну на всех.

Вот так...

Примечания:

- [1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [2] «Лит. газета», 12 апреля 1960 года;
- [3] Бархан Сарыкум — «Золотой песок» Кумторкалинский район Дагестан;
- [4] Евгений Блажевский «Фрагмент диалога с Антониной Васильевной»;
- [5] Полина Барскова «Музыка прежде всего»;
- [6] «Борьбе с вредными традициями и обычаями — неослабное внимание». — «Сов. Абхазия», 29 апреля 1976 года.;
- [7] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23;
- [8] К. Цеткин. «Воспоминания о Ленине». — В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969, с. 663.

*

Отцы и дети

*Старший — это тень, спасающая
от жгучего солнца.*

Абхазская поговорка

Нугзар сутуло поднялся, держа до краёв налитый бокал:

— Сейчас скажу, хороший вещь скажу. В поэме Церетели «Наставник» главный герой, абхаз, лишает себя жизни за то, что воспитанник оказался способным на ложь, измену. «Нет, не твой удел кончина, я — ответчик перед веком: я взрастил тебя, как сына, но не сделал человеком». В семейном укладе Абхазии у старейшин рода особые права, особая и ответственность. Пусть в государстве, в обществе когда-нибудь станет так же.

— И то правда!

Любопытны отношения отцов и детей в Абхазии.

К примеру, отгуляли свадьбу, у сына появилась жена, у свёкра — сноха. Нипочём не догадаетесь, как выстраиваются их отношения? В селе Ачандара Валерий Орчукба показал мне дом сына: просторная ухоженная лужайка, на высоком крыльце молодая женщина приветливо улыбнулась нам.

— Здравствуйте! — поздоровался я.

Девушка продолжала молча улыбаться. «Немая!» — скорбно подумал я.

Мальчуган, завидев Валерия, кинулся на руки.

— Это — внук! Соскучился, мальчик мой? А снохе говорить при мне не разрешается...

— ?!

Дорогой он пояснил:

— У абхазов сноха в присутствии свёкра может объясняться только жестами, мимикой — сурдопереводом, чтобы ничего лишнего не лягнула. Разные поколения, разные интересы, разное отношение к жизни. Если она будет шуршать, скрипеть, как червивый орех, пойдёт холодок...

Позже Нугзар рассказал мне на сей счёт занимательную легенду:

Старый Джгуанат пожаловался соседу:

— Ни разу за пять лет, что живёт сноха в моём доме, не слышал её голоса. Вероятно, голосок у Антицы такой же приятный, как и она сама. Нужно кончать с этим глупым обычаем предков.

— Не считаю наших отцов и дедов глупыми, — ответил сосед. — Но если кому не нравится, может отменить табу. Достаточно принести в жертву быка, пригласить соседей на пир и прилюдно объявить о своём решении.

— Верно! — обрадовался старый Джгуанат.

Старик распорядился зарезать бычка, приготовить званый обед. Он обошёл всех соседей, родственников, друзей и на пиру, держа в руке наполненный рог, произнёс:

— Дорогие односельчане! Все вы знаете мою сноху. Глаза её светятся, как звезды, доброта, услужливость не знает предела. Я люблю её, как родную дочь, и хочу, чтобы она чувствовала себя при мне свободно: пусть с сегодняшнего дня она начнёт разговаривать при мне.

И старый Джгуанат осушил рог.

— Да будет так! — хором поддержали гости.

Зардевшись от стеснения, Антица склонила голову с длинными черными косами. До поздней ночи пировали гости. Утром старик Джгуанат поднялся с постели, оделся, вышел во двор. Антица доила корову.

— Доброе утро, дад! — приветствовал старик Антицу, предвкушая удовольствие услышать в ответ её нежный, ласковый голос.

— Тебе, конечно, доброе, — огрызнулась сноха, — а я уже час на ногах. Хоть бы помог управиться со скотом!

Старик опешил. Трудно поверить, что это голос прелестной Антицы.

— Доченька, у тебя какая-нибудь неприятность? — нерешительно спросил старик. — Ты не в духе сегодня? Или тебе нездоровится?

— Да, нездоровится! Это ты вечно здоров, как бык, а притворяешься хворым.

Удивлённый, расстроенный старик побрёл в дом, лег в постель и стал думать: что произошло с Антицей? Словно кто подменил её, столь резкая перемена за одну ночь...

— Лежит, как колода, ничего не делает! — долетел до него ворчливый голос снохи. — Долго ты ещё будешь валяться? — прикрикнула она. — Не надоело?

Слышать это старому Джгуанату было невыносимо. Забыв про свои больные кости, старик вновь стал обходить односельчан, созывая на пир. В жертву забили ещё одного быка, накрыли щедрый стол, и вновь с бокалом вина поднялся хозяин дома:

— Дорогие гости! Мы с вами просили Антицу вымолвить слово. Она исполнила нашу просьбу, вчера я вполне наслаждался её речью, но сегодня я пригласил всех вас, чтобы вернуться к обычаю отцов, дедов и вновь запретить ей разговаривать при мне.

— Вот как! — воскликнул сосед. — Выходит, я был прав, не так уж глупы люди, придумавшие этот обычай? Однако для того, чтобы ты это понял, пришлось забить двух быков, — усмехнулся он.

Дети в Абхазии уважают не только отцов...

Отношение к матери, теще, в Абхазии трепетно-святое. И святость эту передаёт топонимика, увековечив дам целиком и частями:

Над озером безжалостно и хищно
Вонзился в поднебесье Тёщин зуб [1].

Ещё есть змеистый серпантин под названием Тёщин язык.

Да, мало ли?.. В Абхазии, как повсюду на Кавказе — царит культ старших. В летописи наткнулся на такой пример: старец во время выступления на сходе так разгорячился, что его алабаща — посох с металлическим острым наконечником — пробил ногу стоящему подле юноше, тот не издал ни звука, терпел и ждал, пока аксакал закончит речь.

А Нугзар поведал быль.

Гаишник смотрит, водитель управляет грузовиком, стоя на подножке.

Жезлом махнул, остановил его:

— Что за цирк! Почему не в кабине?

— Ты же знаешь наши обычаи: я не могу сидеть в присутствии отца.

— Молодец! Проезжай.

С Валерием Орчукба добирались мы на машине из села Ачандара в Гагру.

И надо же, незадача: к узенькому деревянному мостику подъехали одновременно с одной стороны «Нива», с другой наша «Лада». Мы прижались к обочине, освободив проезд, и... тот остановился тоже. Там салон пустой, у нас — битком и самое главное! у нас за рулём седовласый аксакал!!! (По правилам нетленного горского адата возраст выше любого чина.) Встречный водитель деликатно пропускает нас проехать первыми, Валера, как не менее учтивый абхазец, предлагает ехать первым ему. Друг друга не знают. Стоят спокойно, уважительно, не сигналият, не матерятся, фарами не моргают, битами друг другу не угрожают...

— И подолгу так приходится стоять? — поинтересовался я.

— Александр, мы соблюдаем апсуару. Я со школы помню в букваре картинку: два козлёнка встретились на узкой тропе, не уступили друг другу путь, в итоге оба свалились в пропасть, река унесла их. Мы росли на таких примерах и запомнили: даже если ты чувствуешь, что прав, уступи, будь выше дрызг.

Водитель «Нивы» в пятый раз взмахом руки предложил нам проехать, Валерий категорически отказался. Однако выдержка у встречного водила оказалась будьте-нате,

фактически он взял нас измором... Насмерть стоял, демонстрируя свою учтивость. Нам пришлось-таки ехать по мостику первыми. Едва тронувшись с места, мы принялись неистово раскланиваться пред любезным горцем, отвешивали ему поклоны и подъезжая, и поравнявшись с ним, и проехав мимо — пока не скрылись за поворотом. Фу...

P. S.

Самый центр Сухума.

Мы с администратором «Абхазской интернет-библиотеки» Дбар Алексеем неспешно фланируем от Института гуманитарных исследований к набережной. Открывается окно жилого дома: седая старуха выплёскивает воду из тазика на тротуар, чуть не облив нас...

Алексей невозмутимо объяснил:

— Замечание делать нельзя, ором поднимет улицу. И мы же останемся виноваты.

Примечания:

[1] Так называют семидесятиметровую скалу над озером Рица. Турсынхан Абдрахманова, поэма «Озеро Рица».

*

Этикет

*Абхазы — отличный народ, даровитый,
тонкий, изящный, французы Кавказа,
как их величают в Грузии.*

Евгений Марков «Очерки Кавказа»

Игорь Герзмава мне посоветовал:

— Ты вот сейчас пишешь, Александр... Если получится дифирамб, то это никому не нужно. Тебя начнут подозревать во вранье, в других смертных грехах. Пиши честно, как есть!

— Буду писать, как есть! как пить... От души!

Для меня нет сомнений — все абхазы принадлежат к какому-то обедневшему, но знатному дворянскому роду. Одни их реверансы чего стоят? Сами понаблюдайте за манерой этих закавказских горцев держаться в обществе, за тем витиеватым «протоколом», по сравнению с которым церемониал большинства королевских дворов лишь «Knicksen» [1].

Они лорды даже в мелочах...

Например, когда абхаз хочет добавить к сказанному своё, а рассказчик речь не закончил, он не одёрнет его ясным, родным призывом: «Заткнись!» Вовсе нет, деликатно заметит: «Твои слова только золотом режут». Речь абхазского оратора всегда начинается с традиционного обращения к собравшимся: «Народ, да положу я свою голову вместо вас» (Ажэллар, шэхадкы!) Никак иначе... Или вот пришлось в беседе нечаянно прибегнуть к выражению: «Знаешь ли, в чём дело?» (Шоу удыруама?). После этого нужно «подсластить» и, подчеркивая авторитет, глубокие познания собеседника, тут же скромно добавить: «Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!» (Уара иузымдыруа сара иуасхэозеи, аха!). Человеку в благодарность говоришь «спасибо» (итабуп), он в ответ: «Пусть врагу придётся благодарить тебя» (уага дуатабуааит). Вкралось в речь какое-нибудь не совсем приличное выражение, сразу последует извинение, буквально так: «Твоя честь на моей голове» (Упату схы икууп). Обратился с незначительной просьбой, и на этот случай имеется соответствующий «оправдательный документ»: «Хотя такое поручение и не достойно тебя» (Иуатэасшьоит аха; Урацэоуп аха). Если позади тебя оказался уважаемый человек, можно и это «искупить»: «Прости, что сижу спиной к тебе» (Сатамзааит, сышьтахь уаерхан стэоуп) — думаю, чаще других, такое приходится говорить водителям маршруток...

Теперь понимаю, откуда в царскую Россию просочились изящные лингвистические обороты типа: «Милостивый государь, не соблаговолите ли Вы соблаговолить?...»

Нугзар мне втолковывал:

— У нас и в пацху хозяин никогда не зайдёт первым... Ты, наверное, успел заметить?

— Успел...

— Гостя приглашают войти в дом, но кто должен переступить порог первым? И тут начинаются взаимные уговоры, приглашения (уней-сней). «Проходи, да приму я на себя твои беды! (Уней, уххь згеит!), — говорит хозяин посетителю. — «Как это можно! Ты хозяин — тебе и идти первым!»

Экспромтом сложились строчки:

пожалуйста зайти в мой дом
ну нет я только после вас
так и скончались на пороге
за них несут дежурство дети [2]

— Но ярче, ажурнее наш этикет проявляется в застолье, — горячился Нугзар.

У нас приличное застолье — та же проповедь: хвала Богу, дань уважения народу, старшему... Это настоящий церемониал гостеприимства... — Нугзар самодовольно хохотнул. — Застолье у абхазов начинается и кончается омовением рук. Дочь или невестка хозяина берёт в одну руку кувшин с водой, в другой держит мыло, чистое полотенце перекинута через плечо, подходит к гостю. Все встают. Между почётным посетителем и старшим в доме происходит сцена, во время которой они настойчиво приглашают друг друга совершить омовение первым. «Помой руки, да приму на себя твои беды!» — просит хозяин. На что другой отвечает: «Как можно раньше тебя, ты — хозяин!» Подобные взаимные излияния повторяются неоднократно, и наконец хозяин, уступая обычаю, начинает омовение. Все стоят в знак уважения к вставшему. Когда очередь доходит до гостя, он снова отказывается от омовения, пока не сядет на свое место старший.

И, наконец, застолье!..

«Между первой и второй — перерывчик небольшой»; «Между первой и второй — можно выпить ещё шесть!»; «С запозданием выпитая вторая — испорченная первая» — эти поговорки не про абхазов. Здесь фуршет — самостоятельное искусство, а виночерпий [3] по влиянию, выше жреца. Помните фильм «Осенний марафон»? Диалог героев стоит того, чтобы воспроизвести его полностью:

«— Палыч, чего это он не пьёт?
— Вино утром вредно.
— Всего по 150, разговора... Чистая формальность.
— Выпейте, Билл, он всё равно заставит. Пригубите.
— Будьте здоровы.
— Не, так нельзя. Тостуемый пьёт до дна.
— Не понимаю.
— Я за Вас выпил, значит, Вы тостуемый. Я — до дна, и Вы — до дна. Такой у нас порядок.
— Спасибо, я всё.
— Василий Игнатьевич, оставь. Ну что ты насел? Видишь, человек не привык. Я же выпил. Нет, все народы мира должны с ним пить.
— Профессор, я обижусь.
— !..
— Вот и хорошо.
— Стоп! Стоп, я больше не буду. Мне работать.
— Не обратно же выливать? Палыч, что он о нас подумает?
— Ладно, только учти, последняя.
— Будем здоровы!
— Будем здоровы!
— Ваше здоровье!
— Ы-ыы! Тостующий пьёт до дна...»

Герои фильма хорошо посидели...

А вот абхазы за столом не сидят. Все тосты — стоя. (Стулья не изнашиваются!)

И к тому же традиционное застолье абхазов гораздо жёстче.

абхазец гостю за столом —
и скорый суд и обвиненье:
сегодня с нами ты не пьёшь
а завтра родину продашь [4]

Упрекают абхазов в лени.

Какой?

Попробуйте сами ежедневно строго блюсти все каноны и ритуалы, пассы и поклоны.

Монахи-схимники! Верней будет.

А речи?!

Вам довелось хоть раз слышать речи абхазских аксакалов на сходе?

Нет?!

Да вы жизни не знаете.

Волга в половодье — жалкий высохший ручей по сравнению с ними.

По сей день абхазы не в силах забыть народного трибуна, который, выступая на Лыхненском сходе, произнёс перед людским морем страстную речь, длившуюся восемь часов кряду. Как значится в документах, переводили её по очереди три переводчика, но все они совершенно охрипли и не могли больше говорить, а знаменитый оратор всё гремел над возбуждённой площадью [5]. В Очамчырах Осипа Мандельштама изумил оратор-старик, который «замучил сход: говорил-говорил и кончить не мог» [6].

Помню, в бытность дорогого Леонида Ильича, когда Генеральному секретарю ЦК КПСС на пленумах и съездах приходилось толкать речуги по четыре-пять часов кряду, всерьёз прорабатывался вариант установки в трибуне писсуара.

И в Абхазии не всё так просто...

Думаю, и здесь кроется какой-то секрет, современные технологии... страшная тайна.

тоста бескрайний ритуал
как нескончаемое эхо
а где сосед его доклад
он не одел сегодня памперс [7]

Сознаюсь, иногда мне хотелось, как Шарикову, легендарному персонажу из фильма «Собачье сердце», обратиться к собравшимся за столом: «Вот всё у вас как на парад! Салфетку — туда, галстук — сюда, да «извините», да «пожалуйста, мерси». А так, чтобы по-настоящему, это нет... Мучите сами себя, как при царском режиме». В Абхазии строго соблюдается иерархия и последовательность обязательных тостов: первый тост — традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей» («Анцва ил-пха», здесь «Анцва» — «Бог», «илпха» — «его милость», «теплота его очей»); второй тост — обращение ко всем святилищным силам ниспослать народу милость, благословение («Аныхакуа рылпха» — буквально «теплота очей святилищ»); третий тост — за народ («ажвлар»); четвёртый тост — за Абхазию (Апсны), пятый тост — за старших и так далее.

И всё — стоя, часами!..

Я из последних сил потакал хозяевам, пыжился-кажилился, блюл хитрозаумный протокол. (Чей хлеб ешь, того и обычай тещь — у себя, как хошь, а в гостях, как велят!) Но это не отдых — повинность! Блаженство сидеть и просто выпивать с Нугзаром вдвоём. Тогда никаких тебе церемониалов, никаких «равняйся-смирно»... Гуляй, душа, нараспашку!

Хозяин дома Шаки Салакая дирижировал в гостиной, наблюдая, как супруга подносит одно блюдо за другим, изредка давал ей ЦУ и оправдывался:

— Аджика, инжир, мясо, сыр, вино, чача — больше ничего у меня нет.

— Пустой стол! — согласился Нугзар. — Это ладно! Ты лучше похвастай, как весной предложил мне найти зарытый в огороде жбан с чачей, который якобы мать припрятала во время войны. Александр, не поверишь! за день перекопали ему весь огород, так и не нашли. Оказывается, не было ничего.

— У меня тогда спину прихватило, — нехотя сознался Шаки, — сам копать не мог, а землю пустой не оставишь.

Сперва, пока трезвые, пока при памяти, мы сидели в гостиной, потом с кувшином вина перебрались во двор, под навес... Уже без хозяина, с Нугзаром вдвоём, и — до самого утра. Свежий инжир вкуснятина — он корочку счищал, я ел так. Закусывали консервированными

зелёными помидорами. (Ни разу до этого не пробовал — а-бал-деть!) Нугзар, вылавливая из банки очередной овощ, вспомнил абхазскую поговорку:

- Гость гостя уважает, оба хозяина ненавидят.
- Повтори, запишу!
- Гость гостя ува-жа-ет, оба хозяина не-на-ви-дят.
- Про нас!

Зрелые груши время от времени грохались на крышу, сбивая с мысли, а мы всё беседовали, беседовали, не смолкая.

— С нашими традициями нужно считаться всем, чтоб не попасть впросак, — гнул своё Нугзар. — Во времена Союза сын члена Политбюро ЦК КПСС оттяпал себе кусок черноморского побережья, отгородился от народа трёхметровым забором. Сухумчане тут же запрудили улицу, выразили решительный протест, вынудили открыть доступ к морю. Решётки убрали за ночь. Чиновника подкупить можно, народ — нет. А есть примеры и посвежее... Помню, на прошлых выборах кандидат в президенты пригласил из России нашего любимого певца, поддержать. Ну, как у нас полагается, перед выступлением основательно выпили... Выходит артист на сцену, площадь вся забита, ликует... Народ в предвкушении: «Эх, сейчас порадует песнями, душу поласкает!» И тут наш любимец берёт микрофон, машет людям и орёт:

- Привет, Аджария!
- Провожатый его толкает в бок, подсказывает:
- Это не Аджария, это Абхазия. Скажи «Абхазия»...
- Как-а-аая разница?! — ржёт в микрофон.

Все возмущённо загудели, слушать не стали, засвистели, согнали его со сцены. Ладно. Кое-как успокоились... Следом выходит Депутат Государственной Думы Российской Федерации (он у вас типа шута при королевском дворе): «Если не подержите нашего кандидата, мандарины везите в Грузию, свою границу мы перекроем».

Ты бы видел, что тут началось?!

Мне докладывают:

- Ситуация накаляется! Надо прятать депутата.
- Инвалиды войны взбунтовались, колясочники ломанулись к Красному мосту:
- Идём гадёньша мочить. Он нас оскорбил!

Высокие ворота охрана успела захлопнуть у них перед носом... Но для ветеранов спецназа это не помеха: смотрю, уже перебираются через ограду. Кто без ног — на руках, у кого одна рука — зубами... Лезут на штурм с матерками, угрозами. Депутата быстренько посадили на катер и под покровом ночи — в Пицунду. Если бы не такое выступление российской группы поддержки, этот президент был избран ещё тогда, в 2004 году. И всё из-за незнания менталитета Абхазии.

— Нугзар, давай за это!

Честно сказать, не помню, как и расходились...

Примечания:

- [1] (нем.) Knicksen — делать реверанс, приседать — светский этикет;
- [2] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [3] Виночерпий, муж. В древности — должностное лицо, заведовавшее напитками и подносящее их пирующим (ист.). Царский виночерпий, наливающий вино;
- [4] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [5] Г. А. Дзидзария. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955, с. 144.;
- [6] Станислав Лакоба «Крылись дни в Сухум-Кале...»
- [7] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

*

Правила абхазского дорожного движения

*В кувшин закричишь,
и он на тебя огрызнётся.*

Абхазская пословица

Если смотреть только на дорогу, на кульбиты джигитов-водителей, забываешь про границу... Настолько всё напоминает российский Дагестан! У меня на глазах в Сухуме на перекрёсток, на зелёный сигнал светофора выехала шестёрка. С двух сторон на «красный» в неё врезались два джипа. Водитель шестёрки остался виноват: «Смотри, куда прёшь!»

Правила абхазского дорожного движения...

Я подробно описал их ранее, повествуя о Стране гор, в главе «Дорожные адаты» [1]. Повторяться не хочется... На трассе повсюду те же важные коровы да, вдобавок, ещё свиньи в деревянных хомутах, которых надо объезжать лесом.

P. S.

Скорбным эхом джигитовки — поминальные «скворечники» по обочинам дорог.

Примечания:

[1] «Дагестан», Александр Костюнин

*

Язык

*Тяжело на чужбине.
Слышу дикарский язык.
Перемолвиться не с кем поэту.*

Овидий

Абхазский язык. Я ожидал, что знакомство с ним начнётся с имён.

Имя — своего рода код, определяющий принадлежность к роду. Однако, как и в случае с верой, ничто в Абхазии не является очевидным. Мой блокнот, по мере расширения контактов, стал пополняться телефонами Саш, Марин, Юр... Иванами да Марьями... Вот так Закавказье! Маму Давида Дасаниа, вообще, звать Раиса Максимовна (золотой души женщина!) Согласитесь, трудно в России найти человека, который не слышал про Раису Максимовну.

Как выяснилось, не только меня застали врасплох такие имена. Крупный абхазский учёный-этнограф Шалва Денисович Инал-ипа тоже был обескуражен: «У абхазов вызывают чувство недоумения, стыда такие самоновейшие женские «имена», как Электричка, Пиуа (от слова «пиво»), Вайна, Адеса, Курица, и др., мужские: Батинка, Папа, Вагон, Маладец, Салдат, Машина, Газет, Радио, Телефон, Золотинск, Камуна, Диуан, Лодка, Каманда, Прицел, Камфет, Музыка, Штат и др. Бывают случаи, когда одного из братьев зовут Ванчка, другого — Иван. ... Зная, как ревниво относились абхазы к своим личным и фамильным именам, трудно даже найти объяснение тому, что многие теперь так легко отказываются от традиционных личных имён. Ведь ещё недавно они очень дорожили своими именами. Понятия «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом — «ахидз» (ахъз), а лишение имени (ахъзыххра), как и фамилии (ажэлахыххра), считалось большим оскорблением и наказанием».

— Секрет кроется в истории, — пояснил Игорь Герзмава, — наша судьба неразрывна с Россией. Во время Великой Отечественной войны в доме у деда жили две русских семьи, у многих так. А сколько воевали с русскими плечом к плечу? У-уу!.. Двадцати двум абхазам! присвоено звание «Герой Советского Союза», это на такой маленький народ. Мой дед воевал в Дикой дивизии, кавалер трёх георгиевских крестов. Отец во время ВОВ служил в авиации лётчиком.

Российская журналистка недавно задала мне вопрос:

— Скажите, как абхазы относятся к России?

Я опешил:

— Ну, как Вам сказать подходчивей... Фамилия у меня абхазская Герзмава, зовут Игорь, отец Виктор Дмитриевич. Погибшего брата звали Сергей, сестра Наташа, мать Евдокия. А у Вас отчество, фамилия татарские. Теперь скажите: кто из нас больше россиянин?

— Вас поняла.

Абхазский язык.

Он послужил яблоком раздора, обожествлён народом, он живой дух абхазов... «Кто владеет языком, тому община принадлежит», — учит абхазская мудрость. Из каких глубин появился язык в речевой форме доподлинно не известно, а письменность абхазы получили после присоединения к России. Абхазы — младописьменный народ. Первый абхазский алфавит разработал русский языковед Пётр Услар в 1862 году. Главная его цель от альтруизма была далека: «Мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы, — писал царский военный чиновник барон Услар, — ...Родные языки — самые надёжные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими ... дело трудное, но заслуживающее того, чтобы подумать о нём» [1]. Считается, что алфавит создан на основе кириллицы. Не знаю... У многих букв рудиментом — таинственные хвостатые окончания. От того транскрипция в словарях нуждается в своей транскрипции, а её нет.

- Нугзар, я, кажется, так надрался, что у меня сливаются «т» и «ц»...
- Александр, стыдись!.. Так пишется любимая абхазская буква «тцы»!!!

Абхазский язык...

Судьба его во многом напоминает карельский — язык древней Калевалы. У него тоже не было своей письменности, он тоже как и собрат из Закавказья, подвергался гонениям в годы советской власти: говорить на нём даже в быту... не приветствовалось. (Из всего словарного запаса у меня на языке крутится единственная созвучная фраза, да и то благодаря названию лекарства «имунал»). Сегодня, вроде, разработали письменность, дали возможность изучать карельский язык в Карелии даже в двух школах. И говори себе сколько захочется, хоть заговоришься... Сейчас, когда носителей языка практически не осталось, его сунули, как пустышку грудничку. А чуть дитя вырастет, сам от неё откажется.

Моё знакомство с абхазским языком происходило скачкообразно.

Сперва думал, после аварского никакой другой язык меня не удивит. Отзывы мэтров поэзии заставили усомниться... Осип Мандельштам относился к абхазскому языку, как к «будущей речи» человечества: «Язык абхазцев мощен и полногласен, но избыточен, верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, он вырывается из гортани, заросшей волосами. ...В отдалённом будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи её имеют пределы. Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку — слава!» — воскликнул Осип Мандельштам [2].

С благоговением я «снял шляпу» перед абхазским языком.

Историк, этнограф Константин Мачавариани выразился ещё круче: «Язык абхазский гибок и звучен; он одинаково передаёт не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы, так и мелодия тихого дуновения ветерка, журчание ручейка, горе и радость, гнев и ласка, глубина страсти и нежность находят в этом языке своё полное выражение. В нём выражаются, точно в зеркале, неуловимые движения души, туманные впечатления окружающего нас мира, ускользающие, обыкновенно, от слова, знака и красок... Звуки абхазского языка так резко отличаются от звуков индоевропейской семьи языков, что можно изучить этот язык прекрасно, вполне овладеть духом и свойством его, но всё-таки произношение так и «останется варварским». Для объяснения звуков приходится создавать совершенно новые правила фонетики. Одними известными органами (губы, зубы, гортань и др.) нельзя здесь ограничиться» [3]. «И др.» органами и отверстиями — это про меня! Здесь-то блесну... Однако при личном знакомстве язык показался мне не то чтобы лёгким — лубочным: «амагазин», «афильм», «асувенир», «аресторан»...

«Забавный диалект!» — решил я, вновь «напяливая шляпу».

— Нугзар, почему все абхазские слова начинаются с буквы «А»?

— А, х... его знает!

— Получается, лепи букву «А» к каждому русскому слову, и получится древний говор.

— Разбежался!.. И, кстати, не думай, что «алашара» — это «лошара» по-абхазски.

— Не буду.

А затем Нугзар стал открывать волшебные грани родного языка:

— Абхазский говор — отголосок первоосновы земли, реликтовый цветок, сохранивший через века аромат. Ты вслушайся:

Позабывши сам — откуда,
Он прибрёл тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зелёных.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дрёмный шёпот листьев,

У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет —
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалёка.
Он у горного потока
Научился злой отваге... [4]

В Институте гуманитарных исследований в Сухуме я однако уточнил:
— Учёные полагают, что через триста лет на планете останется четыре языка: английский, китайский, испанский и...
— И абхазский! — сурово отрезал седовласый горец.
— Но ведь... Богиня Абхазии — великая Сатаней Гуашья была матерью ста знаменитых героев-нарттов. Нынче-то рождаемость снизилась. Говорят, чтобы язык сохранялся, требуется более ста тысяч носителей.
— Да нас больше, чем китайцев!
Вы бы нашлись возразить? Я нет.
Да, у абхазского языка судьба счастливей, чем у карельского. Родной язык сплотил абхазский народ, с ним они одержали победу, его теперь торжественно несут над головой, как знамя.

Пройдя сквозь тьму тысячелетий
От нартских далей — в наши дни,
Осилив натиски наречий,
Сберёг ты отчие огни.

О мой язык, святой и правый,
Принявший столько смертных мук,
И многосмысленный, и здравый
В тебе живёт наш каждый звук! [5]

Администратор «Абхазской интернет-библиотеки» Алексей Дбар у меня на глазах СОЗДАЛ транскрипцию абхазского языка в кириллице [6]. Тем сильно помог... А, главное, в одиночку, за несколько лет он перевёл все литературные абхазские первоисточники в цифровой формат, сохранив произведения для будущих поколений, сделав доступными для всего мира [7] (В России не найдёте ни одной подобной региональной библиотеки!) Мне есть с чем сравнивать... Уж я поездил по библиотекам, поверьте... Нагляделся на заторможенных бабок, ненавидящих книги. Всех их гуртом обменял бы на одного Алексея. Стоя тост за него!

Примечания:

- [1] Услар П. К. «Этнография Кавказа, Языкознание. Т. 1: Абхазский язык»;
- [2] Мандельштам О. «Записные книжки. Заметки»;
- [3] Мачарвариани К. Д. «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу»;
- [4] Виктор Стражев, поэма «Песнь о голубоглазом», Сухум, 1923 год;
- [5] Руслан Кокович Аджинджал «Мой язык».
- [6] Транскрипция абхазского языка (в кириллическом варианте) в конце книги.
- [7] В сгоревшей библиотеке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) оцифровку прошли только примерно 7 тысяч книг из 14 млн (0,05%), сообщает «Интерфакс». /epochtimes.ru/ 03.02.2015

*

Недобитые

— Это могила неизвестного солдата Гурама.
— Почему неизвестного?
— Неизвестно, был ли Гурам солдатом.

Абхазский анекдот

В какой-то момент подбор собеседников застопорился.

Валентина Дзидзария никого не могла склонить к беседе со мной. Раз за разом, зачастую в самый последний момент, они срывались с крючка.

— Кого же найти? — сокрушалась она. — Звонила двоим однополчанам, здоровье ухудшилось, оба в больнице.

И тут мне на выручку пришёл мировой опыт: помните, в фильме «Летучая мышь» жена инструктировала мужа-прокурора, как следует подцеплять дочери кавалеров?..

— Тина, ты позови, а зачем, не объясняй!

— Попробую...

И вскоре радостно доложила:

— Сейчас приедет один.

— Кто?

— Иродион Чкабелиа, пулемётчик, не раз контужен, ранен, с войны у него сидят два осколка в голове. Мы называем друг друга «недобитые»! — Тина горько усмехнулась. — Золотой парень! Заместитель председателя ассоциации инвалидов войны. Для меня каждый, кто прошёл пекло, — настоящий мужчина. Я сразу определяю, кто не был на фронте: глазки у них бегают... крысятя. А вот и Рудик... Рудик, умоляю, только не ругайся, сейчас тебе всё объясню.

У запыхавшегося мужчины недоумённо вытянулось лицо. Он переводил вопросительный взгляд с Тины на меня, а уже вскоре давал признательные показания:

— Поговорки-моговорки особо не держу в голове, а про апсуару что рассказывать... Помогла победить! Сосед пошёл воевать, дядя пошёл воевать и мне надо идти. Стыдно прятаться под кроватью, бежать, как Попандопуло, переодевшись в женское платье. Стыдно трусить, когда рядом братья-добровольцы демонстрируют чудеса храбрости: идёт шквальный обстрел, казак вылез на бруствер, шашку вытащил и давай рубить воздух налево, направо... Забавно! Во время войны народ был — единый кулак. Мы все сплотились вокруг лидера и не рвались к власти, ни в грош не ценили собственную жизнь, сердца наши стучали в унисон... Нация стояла перед вопросом «быть или не быть», как у Гамлета. Мы забыли про деньги, друг друга братьями называли. Выхожу на трассу, водитель первой проезжей машины останавливается, не ожидая просьбы:

— Брат куда подвезти?

Памяти хватило лишь на два года, а после... На энтузиазме, на голой идее, всю жизнь не проедешь. Святым духом вечно сыт не будешь, мы существа земные, из плоти-крови. У каждого своя семья, своя цель, наша общая дорога распалась на множество тропинок, кулак разжался, пальцы разделились. Если бы все одинаково, тогда да. Но когда ты питаешься идеей, я идеей, а рядом чёрт жирует. Жизнь-то одна. Искушение сильное, соблазн неодолимый. После войны приехали люди с чемоданами денег, увидели, что мы на подсосе, сориентировались, подцепили на крючок значимых авторитетных незапятнанных людей, стали через них обдeldывать свои делишки. Продались не все, конечно, но такие есть... Кто не продался, потому что не покупали — не герой.

— Как в анекдоте: «Почему Неуловимого Джо никак не поймают?» — «Да потому, что он на хрен никому не нужен!»

— Вот-вот. Деньги — тяжкое испытание. Поставь сейчас передо мной дипломат с долларами, не знаю, как себя поведу, я сам в себе не уверен... Во время войны все решения принимались справедливые, а вот как сохранить справедливость в мирное время? Как избежать

кривоколенных решений? Почему после войны даже командиры батальонов сменили окраску? Сегодня всё покупается, дело в цене. Он не побоялся на врага пойти, на танк с голыми руками, а шуршание банкнот околдовало. В итоге преданнее собаки — за кусок хлеба в лице дезертира обрели хозяина. Апсуара на фронте помогала вести себя достойно, помогла нам победить, а вот после войны, в мирное время оказала медвежьё услугу. Эх! Во время войны клялись: подлецов, предателей, которые бросили родину, не только на порог не пустим, похоронить в абхазской земле не дадим. (Почему за них должны воевать?) Тогда все были единокорны. Но война закончилась победой... эйфория! У кого смалодушничал брат, у кого сват, и начинаются уговоры:

— Давайте, простим. Я-то ведь кровь проливал.

— Нет.

— Ну, он же не воевал против нас.

— Едрёна мать, ещё чего не хватало... Я ещё и спасибо ему за это должен говорить.

— Его жене здесь не дали бы жить...

— А что, во время войны мало грузин воевали с нами плечом к плечу?

— Хватало.

— Разве кто-нибудь когда-нибудь упрекал человека за то, что он не абхазец?

Тихо-тихо-тихо... мы даже не заметили, как они появились здесь, потом командовать стали.

Мы в очереди первыми стояли,
А те, кто сзади нас, уже едят [1].

И началась у нас катавасия...

Только сейчас, с помощью Боженьки, мы избавились от гнилья, содрали со ствола свисающее лыко... К власти пришли горцы, у кого за плечами фронт. Народ терпит, терпит, терпит... потом принимает решение.

— «Народ суров, когда, восстав, не просит, а берёт», — писал мудрый Шандор Петефи.

— ...В двадцать четыре года у меня закончилась молодость, полноценная жизнь закончилась, с тех пор не вылезая из больниц, из операционных. Я женился в сорок четыре, два года назад, до этого не решался, было неясно со здоровьем. Плодить детей-сирот зачем? И теперь получаю пенсию и думаю: как на семь тысяч протянуть? Может ли не-фронтовик понять нужды ветеранов войны? Нет! Его это не волнует. Звучали призывы: «Забудьте войну!» А кругом люди болели, страдали. Сегодня в Правительстве даже контузию не хотят считать за болезнь, хотя это болезнь, да ещё какая. У нас много суицидов, причин знать не хотим. Почему люди, кто принесли на плечах победу, оказались не нужны никому? Фонд помощи инвалидам создали три года назад, до этого, семнадцать лет — пустота. Попрошайничали. Малая червоточина источила сердцевину дуба, обескровила его, лишила сил. Железная древесина превратилась в гнилую труху.

— Своего рода вирус «троян» в операционной системе компьютера. Тоже тихо, незаметно — и жёсткий диск можно выбрасывать.

— Да, так. Началось, наверно, с того, что после войны Ардзинба объявил: «Мы маленький народ, давайте простим друг другу обиды, прегрешения, распри, кто воевал, кто не воевал... пусть абхазы возвращаются на родину, будем вместе её возрождать». Вот, пожалуй, с этого началось... Наверно, пригласить можно было, но сразу твёрдо, недвусмысленно обозначить их место в обществе — второсортное место. Пусть бы они сперва своей жизнью, делами доказали преданность Родине, потом претендовали на хлебные места. Многих дезертиров даже записали в участники войны. Они за взятки купили себе биографию, положение в обществе.

Припёр к стенке своего комбата:

— Как человек, который не воевал, попал в число участников войны?

— Ну, понимаешь, он мой родственник, ты же знаешь. Я не смог отказать. Мы ведь абхазы. Апсуара!

Я разбирался: «участник войны» — человек, который с оружием в руках лично принимал участие в боевых действиях. В группе «Ураган» вместо пятидесяти участников войны, оказалось

более трёхсот! Как эти двести пятьдесят «мёртвых душ» попали в список военкомата ума не приложу! Двести пятьдесят человек, знакомых с войной по телевизору, сегодня ходят по Абхазии, дают интервью, бряцают боевыми наградами, учат подрастающую молодёжь!.. Это по одной только нашей группе! Если бы у нас в строю реально было триста бойцов, б..., мы б маршем прошли до Тбилиси.

нас всех контузило на фронте
иначе как могли забыть
про тех кто мысленно сражался
болельщики нужней солдат [1]

— Так? — подивился я.

— Выходит... И ещё: никак не можем прийти к единой точке зрения, каким должен быть в идеале наш Президент. Одним нравится руководитель властный, решительный, другим наоборот — мягкий, понимающий.

— Как в старом анекдоте: «Слушай, Иванов! Говорят, ты спишь с моей женой. Так вот, хочу тебе заявить, мне это не нравится!» — «Вас Петровых не поймешь — ей нравится, тебе не нравится!..»

— Точно. Слава Богу, все сомненья — в прошлом! — Рудик не скрывал радости. — Впервые после Ардзинба избрали достойного мужика: воевал на Восточном фронте и ровно прошёл всю войну, занимал высокие должности в Правительстве, в коррупции не замечен, то есть медные трубы преодолел тоже. Мы, ветераны, должны объединиться и встать с ним рядом. А то, что я до этого Вам... вгорячах... — не мнение всей Абхазии, лично моё. Я человек контуженный, в голову раненный.

— Не беспокойтесь, так и укажу.

У Иродиона зазвонил мобильник. На входящих — музыка Трофима «Алёшка»:

Говорят, на земле был Бог
Говорят, он учил добру
А у нас целый взвод полёг,
Где служил старшиной мой друг.

Он отклонил звонок...

— Познакомьте с кем-нибудь из однополчан!

— Александр, сегодня мы встречаемся в ущелье: группы «Ураган» и «Сатурн», отмечаем День Победы. Хочешь, поехали.

— Это не то... Нужна тихая беседа с глазу на глаз.

— Давай так, если бы Тина сказала честно, я б не приехал. Но она ведь что брякнула: «Рудик, у меня проблемы. Выручай!»

— Она молодец!

Иродион рассмеялся:

— Не знаю, кто согласится...

— Им не нужно всего сообщать заранее, пусть диктофон станет приятным сюрпризом.

— Нежданчиком! — подсказала Тина.

— Да уж...

— Тина сперва тоже заявила: «Ой, не могу о войне говорить, ой, больно!» А я вспомнил свою мамочку, которая прошла советскую ссылку, шахту, носила клеймо «дочь врага народа», и затем, как Тина, стала учителем русского языка и литературы. Она понятия не имела, что такое «хочу», но твёрдо знала «надо». Кто расскажет о войне, если не ветераны?

— Тоже верно, — нехотя согласился Рудик.

Но сам никого из друзей не выдал и на «минное поле» не завёл.

На протяжении всей поездки я созванивался с Валентиной Харитоновной, с этой героической женщиной, сообщал о новых встречах, просил совета в затруднительных ситуациях:

— Тина, подскажи, с кем из знаковых людей ещё не встретился?

— Ты не встретился лишь с одной категорией, с «крысами». Но я заранее знаю, что они скажут: «Не мы такие — жизнь такая!»

P. S.

Когда Иродион сетовал на трудности в создании молодого государства, я сидел и помалкивал... Мы, как держава, слишком молоды раздавать советы другим. Ведь Российская Федерация старше Республики Абхазия всего на год: официальная дата образования России 25 декабря 1993 г., день когда была принята новая Конституция, в которой страна провозглашалась президентской республикой; в Абхазии это произошло 26 ноября 1994 г. (Согласитесь, считать «РФ», «бесправную часть СССР» и «Российскую империю» одним и тем же государством — нелепо!) В голове у многих россиян до сих пор каша. На бытовом уровне доходит до курьёзов... Мой близкий друг, как выпьем, сразу пускается в мечты: «Надо, чтоб было как у батьки в Белоруссии или как в Финляндии... Там порядок!» Серёга (мы втроём работали в комсомоле) обычно пьяненько кивал, помалкивал, но один раз... чёрт его дёрнул! Возразил, мол это два взаимоисключающих общественных строя.

— А скажи тогда, почему в Финляндии дороги такие хорошие?

— Да, потому, что нас с тобой нет там.

Друзья потом полгода не разговаривали.

Я родился в государстве «Из огня да в полымя!»

Жванецкий дивился: «У нас или бунт, или диктатура. В этом тире мы и живём». Проехали, слава Богу! Считается, наше теперешнее государственное устройство ближе к царизму — нормальная, испытанная форма правления. Абхазские абырки наставляют: «Чему народ сказал «да», не говори «нет». И я — всей душой за нашего Царя-батюшку! Он воцерковленный, а для меня это значит — ВСЁ! Сильней не хвалю нашего Президента по одной-единственной причине — сглазить боюсь...

Примечания:

[1] Владимир Высоцкий;

*

Создатели матрицы времени

*Если с уважением относишься к тому,
что имеешь, приобретёшь и то, чего
нет у тебя.*

Абхазская поговорка

Владимир Попов — личность в Абхазии известная. Он не только последний из могижан советской школы фотожурналистики, но и директор фотоагентства «Абхазпресс-АРТФ», устроитель многих фотовыставок в Абхазии, за её пределами...

Под вечер Володя с приятелем заехали за мной в гостиницу:

— Предлагаю вместе поснимать волну. Такое интересное состояние моря... ветра нет, ни один листочек не колыхнётся, а волна накатом метров в десять!..

И уже через двадцать минут мы идём, шурша вязкой береговой галькой, любуемся огромным розовым солнцем, скользящим к горизонту. Волны с грохотом накатываются на землю, дробятся в белую пену и, в низком реверансе, ажурным подолом белоснежного бального платья закрывают берег.

— Захлебнуться... от восторга! — признался я.

Володя согласно улыбнулся:

— погоди, что ещё запоёшь у костра... Абхазские старейшины с горечью сетуют: вековой друга — очаг — «арестован», кругом печки. Согласен с ними: открытый огонь — мистика, древнейшая философия...

В вечернем воздухе цикадами стрекотали затворы наших фотокамер.

Володин приятель заметил:

— Попов всю жизнь продаёт Абхазию в розницу и оптом, но ему прощают. Даже благодарны, поскольку он продаёт возобновляемые ресурсы.

— Кстати, познакомьтесь: мой друг Рауф, руководил во время войны Латским направлением.

— А как фамилия? — я достал блокнот.

— Записывайте: Дмитрий Жорж Игорь Коля Иван Рая Борис Андрей.

— И всё это Вы?

— Да. Что случилось?

— «Джикирба»?

— Попали с первого раза.

Сумерки неумолимо гасили нарядные закатные краски.

Вскоре стемнело так, что «не видишь под носом жерди, грозящей проткнуть глаз». Фотообъектив своё дело сделал и теперь отдыхает, ночь — вотчина слова. Спустя полчаса мы уже сидели в пацхе у костра и неспешно беседовали. Каштановые поленья, потрескивая, жарко пылали, над очагом на закопчённой цепи висел котёл с мясным варевом, расточая аппетитный аромат. Володя помешивал шумовкой, проверял на вкус готовность, добавлял последние специи:

— Без жидкого не могу...

— Володя, сразу скажи гостю, что конкретно имеешь в виду? — улыбнулся Рауф.

— Борщ, конечно, не водку. Бывает, такое пригостишь... А ещё люблю в подсолнечное масло — приправы: чеснок, укропчик, перец... Аперитивчик с хлебушком... Нравится, но обычно о себе забываешь, где время? Люблю по ночам суп варить...

— Если по ночам делал суп, когда делал детей? Четыре попытки — пятеро наследников.

— Успеваю. Причём, суп люблю варить, когда выключен свет — я лесной человек. Приготовлю, вкусненько так... Поем одну миску, вторую — с удовольствием, третью... неудобно мне, стыдно... а хочется. Знаешь, из чего сварено, как... Боже ты мой, как я благодарен таким часам.

— Володь, расскажи, как принёс в газету фото героя труда с надписью: «В эту минуту он добывает рекордную тонну угля!»

— Было такое! — рассмеялся Попов. — Изначально я работал фотокорреспондентом в газетах: в областной, партийной, национальной. Языка абхазского не знал, все смеются, и я смеюсь. Главный редактор с подозрением:

— Ты-то чего хохочешь?

— За компанию.

Вот однажды так, за компанию, я опубликовал материал о герое труда — фоторепортаж с рабочего места. Обычно выручал личный архив: если человек отснят, зачем выезжать в командировку, фотографировать повторно?.. И вот к материалу о шахтёрах понадобились иллюстрации, портрет передовика. Звоню на предприятие, уточняю:

— Гоги работает?

— Да.

— Передовик?

— Ещё какой!

Но я спрашивал об отце, а мне сообщили про сына: фамилия одинаковая, имя одинаковое, шахта, всё... На абхазском языке нету слова «проходчик», поэтому в статье появился такой текст: «Знатный шахтёр Гоги решил не подниматься на поверхность земли, пока не добудет угля на пятнадцать процентов больше, чем в прошлом году!» Портрет вышел удачный: чумазый, только что из забоя, он широко улыбался, с уверенностью глядя в завтрашний день. Снимок разместили на первой странице абхазской газеты с броским заголовком: «В эту минуту, под землёй, Гоги добывает рекордную тонну угля! Молодёжь, равняйтесь на Гоги!» А Гоги, оказывается, уже три года под землёй, но совсем по другой причине: умер! Что тут началось... Шахтёр по национальности грузин! В обед главному редактору позвонили из приёмной Первого секретаря, от Шеварднадзе:

— Вам надлежит завтра явиться в Тбилиси в ЦК КП Грузии.

Главному редактору объявили выговор, меня турнули с работы, лишив права публиковаться по всему краю. Было не смешно — времена Андропова...

А сейчас, Александр, предлагаю тост за тебя, за нашего гостя. Это не подхалимаж — форма мужской поддержки. Тост — не анекдот, не сказка, не прибаутка — сакральная мужская молитва, часть абхазского ритуала: «Мы с тобой одной крови — ты и я». Ты в нашем лесу, ты — наш брат. За тебя! За твою книгу!

Вторым поднял бокал Рауф:

— У нас в Абхазии традиция: когда человек умирает, близкие люди, друзья собираются за столом, произносят о нём хорошие слова. Это важный, ответственный момент, поскольку усопший всё слышит. Думаю, ещё правильнее согласовать с покойным тезисы выступлений при жизни. Каждое застолье — репетиция похорон, у нас как раз такое мероприятие... А выпить предлагаю вот за что... Фазиль Искандер бичевал изнутри себя и всех нас. Почему об этом вспомнил? В книге не надо лоска, Александр, не нужно слащавости, ласкательных суффиксов, особенно сегодня, в годы становления нашей государственности. Нельзя допустить чтобы гордость переросла в спесь! Нам нужен цензор: объективно посмотреть со стороны, дать дружеский совет, лучше через призму юмора. Вы слышали легенду, как Бог все народы оделил землёй, лишь абхаз опоздал на раздачу — встречал гостя?

— Слышал много раз.

— Хочу дополнить эту легенду некоторыми существенными деталями.

— Это всё происходило на Ваших глазах?

— Мой прадед присутствовал.

— Интересно, — я приготовился писать.

— Так вот абхаз квасил с гостем, а утром, с бодуна, объясняет причину опоздания Богу:

С лучом простился с ним я первым
И стал совсем каким-то нервным.

А Боженька укоряет:

Ты будешь жить вот так, рискуя,
Дождёшься лишь большого...

— Евангелие от Рауфа?

— Да.

— Записано.

— Сама жизнь требует от нас более активной позиции. Этого же абхаза подхватило течение горной реки, он взывает:

— О, Боже, не дай утонуть, спаси, помоги!

Господь с небес отнекивается:

— Я помог, когда сотворил тебя с руками и ногами. Не опускай рук, сделай усилие и ты не утонешь, выплывешь.

А сегодня спас от грязи и Россию, и нас — таджик. Он успевает везде...

— Причём один и тот же, — заметил я.

Я, прищурившись, глядел на спокойный огонь, слушал остроумные речи и мне было покойно на душе. Сладкая и неопределённая истома нежной кошкой возлегла мне на плечи.

— Володь, спасибо за бархатный вечер, за ваших слов брильянтовых вкрапления... Диву даюсь, насколько искривлён образ горца в умах россиян — тут давно не хватаются за кинжал.

— Кавказец без кинжала, как русский, бегающий по улице без топора...

— Согласен: абсурд, нелепица полная...

Володя вновь наполнил бокалы:

— Если хочешь остаться, нужно постоянно уходить. Мы собрались у костра не навечно — на миг. Каждого из нас ждёт своё дело, сохранить которое можем, лишь шагая в ногу с жизнью.

А спустя несколько дней я встречался с Николаем Обаничевым: в Гудаутах единственная фотостудия у него. Для меня каждый фотограф — родная душа. И снова коснулись войны...

— Я учился в десятом и всё помню отчётливо.

Война — постоянное чувство голода. Город бомбили один раз, школа продолжала работать. Перед уроками вставал в шесть утра, шёл с карточками в очередь за хлебом, как в старых фильмах... С окончанием войны сытней стало не сразу, добывал пропитание в море, что поймал, то и кушали. Решил заняться фотографией, ещё застал химикаты, красный свет, окна занавешены одеялами, семья не ходит, не дышит — идёт процесс. Потом перешёл на цифру.

Обстоятельно поговорить нам не дали... Люди шли со своими малыми бедами один за другим. Пожилой горец в чистом мятом костюме хлопнул входной дверью, степенно прошёл к стулу, гордо уселся под выключенным софитом:

— Сфотографироваться, ора, на паспорт.

— На российский?

— На заграничный.

Николай навёл объектив «Canon» на посетителя, укрощённой молнией пыхнул софит.

— Завтра будет готово.

Старик напялил кепку и с достоинством покинул помещение.

Следующий клиент попросил распечатать фото утонувшей старухи. Николай вывел на монитор десяток мини-изображений. Труп синий, разбухший...

— Так, вот эту, где она во весь рост, вот эту, где крупно голова, — посетитель с улыбкой Мефистофеля разглядывал экран, — и где отдельно вещи.

Николай отправил снимки на печать, принтер брезгливо оторгнул глянцевые листки.

— Сколько с меня?

— Тридцать.
Мужик довольный расплатился, ушёл.
— Он некрофил?
— Нет, следователь прокуратуры.
А потом по мобильнику вызвали меня, в общем, не дали поговорить...

Володя и Николай любезно позволили в книге про Абхазию использовать свои снимки.
Я пытливо изучаю фото и по этой зеркальной матрице времени восстанавливаю кадр за кадром минувшие события, канувшие в лету лица, даты, саму жизнь. Воссоздаю, пытаюсь в оттисках прошлого найти ответы на вопросы сегодняшние.

Примечания:

[1] Алфавит абхазского языка, (Транскрипция в кириллице по версии Алексея Дбара)

*

Тыл первого Президента

*Посмотрите — вот он без страховки идёт.
Чуть правее наклон — упадёт, пропадёт!
Чуть левее наклон — всё равно не спасти...
Но должно быть, ему очень нужно пройти
четыре четверти пути.*

**«Натянутый канат»
Владимир Высоцкий**

В моём понимании жена — теневое правительство.

Горцы не любят сознаваться в этом, но где-то глубоко в душе и они чувствуют: жена — моральная поддержка, тайный советник, тыл... Я в гостях у вдовы первого президента Абхазии — Светланы Джергения.

— Начало войны застало меня в Гаграх, вспоминаю, как фильм ужасов... За день до этого дочка уехала на учёбу в МГУ, Слава — в Сухум. Связи нет, мобильных не было тогда. Я думала, война бывает только Великая Отечественная, ну, ещё где-то далеко, во Вьетнаме, в Ираке... и вдруг такое у нас... Да, столкновения на национальной почве происходили часто, история у конфликта давняя, но никто не подозревал, что среди бела дня прилетят самолёты, вертолёты, будут бомбить пляжи с отдыхающими, мирные кварталы города... Трудно поверить, что в XX веке эдакое возможно. Случилось. А у нас ни оружия, ни военных подразделений. В этом мало понимаю, но саму атмосферу помню. Я по натуре оптимист и верила: справедливость должна восторжествовать. Когда стали привозить с передовой убиенных ребят, ропот начался. Мы малочисленный народ, у нас каждый гражданин — Тысяча. Он не знал, что делать, был на грани застрелиться... но воспитание, духовная закалка, рассказы отца — инвалида ВОВ — помогли выстоять. Во время войны я с дочерью находилась в Москве, оставлять дочь одну опасно. Время от времени Слава звонил, спрашивал, как, что у нас. Когда приезжал на переговоры в первопрестольную, несколько раз встречались, обменивались парой-тройкой слов, но это, знаете... Трагедия! Время очень страшное, тяжёлое. Весь этот шквал чёрной информации, безбожного вранья с экрана телевизора... Это безумство, бесовство вельзевула! [1] Сколько слёз пролито... В конце 92-го разнёсся слух, что на него совершено покушение!.. убили.

Вы не пред-став-ля-етееее...

В тысячах километров от страны, от него...

Такой в Сухуме устроили фейерверк, такой праздник: наконец-то убили! Оказывается, его бы не было — ничего не случилось! Мир, дружба процветали б... Мне оборвали телефон, откуда только ни звонили люди, звонили и плакали: правда — нет? А я сама не знаю правды. Это такой надрыв, такой психологический удар, невозможно передать... Ты, вроде, просто жена, но ощущение прямой причастности к событиям, личной ответственности не отпускало. Я всех успокаивала: «Это неправда! Телефонистки рыдали в телефон... Хоть бы кто успокоил меня. Нас убеждали люди: «Ну что вы!.. Грузины не могут быть такими жестокими! Цивилизованнейшая нация!!! У них вековая традиция государственности, древняя культура».

— Да, у них фильмы-то какие: «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе, — вспомнил я.

— ...«Интеллигенты высшей пробы не могли сжечь архив!» Мираж устойчив. Как видим — смогли. Им правда не по нутру. В первую очередь уничтожили исторические документы с неугодной информацией. Вандалы! Историю сочинили свою.

— Каждый диктатор переписывал историю под себя.

— Да, но эти превзошли всех и вся. Всё, что попадало под руку ценного, объявлялось грузинским. Хорошо помню, когда меня, школьницу, не брали в музыкальную школу, потому что абхазка. Наш крупный учёный Шалва Денисович Инал-ипа издал труд «Абхазы», Слава с

коллегой из Института востоковедения написали положительную рецензию. Вы не представляете, какой шквал критики обрушился на нас, обвинили во всех «измах». И началась война умов...

Муж — чистой воды кабинетный учёный: работа, работа, работа в тиши библиотек, фолиантов. Я была молодая, доставало это... Сходить в гости — целая проблема. Сразу протест:

— А!.. Какие гости?! Надо туфли одевать, натру пятки, там будешь сидеть без толку. Лучше дома, лучше пусть они к нам.

— Пойдём тогда...

— А!..

— Давай ходим...

— А!.. тебе бы только гулять.

У него свой кабинет, но всё принесёт на кухню, разложит на угловом диване. Убирать ничего нельзя: «перепутаете!» Собрались покушать, документы накрываем газеткой, быстренько перекусили, газетку собрали, опять работает, потом снова переселяется в кабинет. Где комфортнее работается, там и сидит. До того, как вышла замуж, я нагляделась на брата: он тоже учёный, так же корпел, разбирая мемории [2]. Когда приезжали к ним в гости, будто слышит и не слышит, весь в делах. Тогда думала: «Господи, спаси от такого!» А у самой ещё хуже. Иногда на кухне что-нибудь шкварю и сама журчу, журчу, журчу, по ходу что-то спрошу. В ответ: «Что?..» Вот это рассеянное «что» меня буквально выбивало из колеи, выходит, всё, что рассказывала, пропустил мимо ушей. Я начинала раздражаться, закипала... Особенно по молодости. Зато присутствовать при его беседах с другими людьми мне было крайне интересно. Разговоры не о колбасе — о высоких материях. Вот где ненавязчиво проявлялся интеллект. Тогда я им гордилась. Вырастала в собственных глазах: «Это мой муж!» Понимала: он — Божий избранник. Находиться с таким человеком рядом непросто, о себе надо забыть полностью: никаких претензий!.. Помочь ему мало чем могла, старалась не мешать, думаю, это у меня получилось. Политика выбросила его в депутаты, а потом человек, который даже в армии не служил, стал Верховным Главнокомандующим. Вы представляете, сколько нужно было работать над собой, — фактически перевернуть себя.

Когда беда нагрянула, он не принял решение единолично, а собрал людей и спросил: «Что делать? Сдадимся без боя и станем рабами или будем защищаться?» Народ решил: «Сражаться!»

Вот тогда у него выросли крылья: «И я буду с вами до самой смерти!»

Он выдержал шторм и довёл наш корабль до тихой воды.

Он сделал, что мог.

Он сделал больше, чем мог.

Понятно, почему Владислав Ардзинба добился оглушительных побед: с таким-то тылом грех не побеждать. Одно меня озадачивает: почему матушка-земля крайне не избирательна... Отчего на одной почве растут и розы, и сорняки, одна нация подарила миру и Баха с Гёте и Гитлера, другая — Ардзинба и Берию.

Примечания:

[1] Вельзевул — Из Библии. В Новом Завете так именуется верховный злой дух, глава адских сил (сатана), например (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 24);

[2] Мемория (от лат. *memoria* — память) — в государственном делопроизводстве России 18-19 вв. памятная записка, выписка, представленная на утверждение.

*

На идеологическом фронте

*Одно и то же слово два
раза скажешь — вонять будет.*

Абхазская поговорка

Нугзар немало рассказывал мне о своей работе в газете:

— Журналистов пора причислить к лику «инженеров человеческих душ!»

— Да, журналисты сраму не имут... Подписываюсь! — я полез за стаканами.

— Тяжело работать в редакции газеты в Абхазии, сам видишь. Народ хлебосольный, из гостей так просто не уйдёшь. За столом нужно поднять бокал, и не один...

— Умеешь ты заинтриговать, прям как Чехов: «Рассказ мой начинается, как начинаются вообще все лучшие русские сказания; был я, признаться, выпивши...» [1]

— ...Пока добираемся до редакции, пока приходим в себя, опохмеляемся, материал устаревает — опять надо ехать. Выручает, что мы, журналисты, в душе немного циркачи, волшебники. Ценим всякие розыгрыши, любим бесшабашность, яркие представления. Когда в душе праздник, в руке бокал с вином, тогда и перо скользит по бумаге непринуждённо, изящно. Как-то утром мы сидели с Русиком в редакции и размышляли, как бы нам в это чудное состояние попасть.

— Слушай, — осенило меня, — ведь у твоего отца наверняка есть вино, неужели не угостит.

— Нугзар, сегодня никакого праздника. Если отец и выставит на стол кувшин, два-три стакана нас не спасут.

— А как у него со зрением?

— Толком не видит ничего, по голосу нас различает.

— Тогда пойдём, скажешь, парикмахера вызвал. А уж за работу...

Так и условились. Заявляемся, Русик с порога:

— Отец, ты у нас совсем неухоженный, волосы пора стричь. Я парикмахера привёл.

— Спасибо, сынок.

Я достал ножницы, поцвиркал ими в воздухе, усадил старика посреди комнаты, обернул шею пелёнкой, взял расчёску, с одного бока зашёл, примерился, с другого прицелился... А как стричь, не знаю. Волосы недлинные, причёска аккуратная, хоть бы не испортить...

Сам уверенно командую:

— Не крутите головой.

— Хорошо, хорошо.

Делать нечего, пряди перебираю, ножницами то над одним ухом вхолостую пострекочу, то над другим. «Видит плохо, а слух у него ого-го!» — предупреждал сын.

— Всё! По-моему, нормально, — деловито подвёл я итог.

— Какой нормально? — возразил сын. — Отлично! Отец, надо отблагодарить.

— Да, да. Принеси кувшин вина.

— Один?

— Один, один...

Мы невесело переглянулись: неужели погорели? Но рук не опускаю... И сразу в голове прожект: вместо традиционных тостов, в нарушение всех мыслимых предписаний я, стоя, — тост:

— За ваше здоровье, отец! Сто лет Вам жизни...

— Мне уже сто три.

— ...Желаю двести лет Вам счастливой жизни без капитального ремонта. Шарда амта! [2]

Вы святой человек для всего абхазского народа. До сих пор помнят старцы, как Вы призвали махаджиров не покидать Абхазию, сохранить верность нашей родине. Удары Вашего священного посоха слышала от края до края вся благословенная земля Апсны...

«Что несу? Бред-то какой...» — стучало в голове. — «Откуда эта чушь?! Сейчас выгонят вшей. Во времена махаджирства дед ещё и не родился...» Но остановиться я не мог. Кто-то подкидывал на язык одну фразу безумней другой, голос мой от волнения дрожал:

— Ваши слова священны для каждого абхаза, они и сегодня хранятся в наших сердцах. Вы для всего народа, как знамя...

Старик после этих слов как-то неестественно дёрнулся, подался вперёд и хрипло выдавил:

— Поднимите меня.

Русик подскочил к отцу, помог встать.

Меня трясло от возбуждения, лицо пылало жаром дикого стыда, я с ужасом представлял, что будет дальше... В комнате повисла томительная, тревожная тишина. Голосом, не терпящим ослушания, старик отчётливо произнёс:

— Сын, налей мне!

Русик плеснул вина.

— Полный!

Кровавая изабелла расплёскивалась в дрожащей руке почтенного старца.

— За Абхазию! — сильным голосом прокричал он и осушил бокал до дна.

Старик ещё долго в состоянии аффекта стучал посохом по полу и, запальчиво брызгая слюной, исходил истошным ором.

— Отец, человека задерживаем, некрасиво.

— Молчи... — грубо оборвал его старик и, повернувшись в мою сторону, нараспев проворковал: — Ты мой самый дорогой гость, сегодня ночуешь у меня. Сын, что стоишь, беги в подвал, носи на стол бочонок лучшего вина.

Утром в редакцию появляться не имело никакого смысла.

Примечания:

[1] Антон Чехов «Святочный рассказ».

[2] Шарда амта! (многие лета) — застольное восклицание.

*

Как я искал в Абхазии юмор

*Весела наша компания,
а кто не хвалит, тот каналья.*

Русская пословица

Юмор — есть правда.

С абхазским юмором у меня сразу не задалось.

Перерыл местных классиков, забрался на специализированные сайты, вслушивался в анекдоты и... стал всерьёз волноваться. Где искромётные шутки? Как я умудрился проскочить между каплями дождя — не встретить остроумия. По закону компенсации: если одна нога короче, вторая обязательно длиннее. Может, взамен чувства юмора, у абхазов что-то другое развито? Я решил проконсультироваться по данной проблеме с дипломированными, «остепенёнными» специалистами, и попросил Директора Института гуманитарных исследований:

— Помогите найти абхазский юмор! Читал подборку местных анекдотов, подскажите, в каком месте нужно смеяться.

— Юмор? Сейчас найдём.

Он собрал импровизированный консилиум, предоставил мне слово:

— В текстах, заявленных как комичные, ищу соль, ищу повод для улыбки, смеха... и не нахожу. Помогите, пожалуйста, найти мне абхазский юмор!

Самый авторитетный мужчина сделал шаг вперёд:

— У абхазов сильно развита смеховая культура. Можно определенно сказать, смех традиционно служил одним из регуляторов поведения человека в обществе. Абхазы умеют смеяться, иронически, сатирически относиться к себе и другим даже в самых экстремальных условиях. Об этом красноречиво говорят многочисленные анекдоты...

— Тогда, с Вашего позволения, я зачитаю несколько?..

— Читайте!

Я зашёл в интернете на страничку «Абхазские анекдоты» и, преодолевая смущение, прочитал:

«Басиат пришёл к сельскому знахарю Луману.

— Блохи на нас напали, покоя не дают, что с ними делать, подскажи!

— Это очень просто, нужно их выловить, выколоть им глаза и выбросить в реку, они все там и утонут, — ответил мудрый Луман».

Повисла пауза. Абхазские учёные-лингвисты сурово молчали.

— Ещё:

«Прилетели американские астронавты на Луну. Видят: идут им навстречу двое мужчин в черкесках, с кинжалами. Американцы удивились, стали спрашивать:

— Кто вы и откуда?

— А мы абхазы, вот тут на поминках были, сейчас обратно идём».

Напряжение на симпозиуме нарастало.

— Или вот, — не унимался я:

«— Я, Президент Республики Абхазия, торжественно клянусь мамой... Если же я нарушу клятву, и кто-то заметит...»

Вглядываясь в хмурые лица абхазцев, я уже жалел, что затеял эту этнографическую экспедицию. Авторы романов в подобных случаях прямо сигнализируют читателям: «В воздухе пахло грозой». Директор личным примером старался поднять подчинённых в атаку:

— Посерьёзнее, коллеги! Объясните, в каком месте смеяться?

Наконец седовласый аксакал бросил мне в пику:

— Вы сперва сами приведите примеры истинного юмора.

— Я?

— Да, Вы...

— Ну, не знаю, попробую...

Аудитория недобро молчала. Я решил зайти с козырей:

— Может, Жванецкого?

— Да какой это юморист? Он враг, наймит Запада.

— А я считаю гением. Послушайте! — и на память процитировал:

«У нас чего только может не быть. У нас всего может не быть. У нас чего только ни захочешь, того может и не быть.»

Мадам, мы с вами прекрасно дополняем друг друга. Я умный, весёлый, добрый, сообразительный, незлопамятный, терпеливый, интеллигентный, верный, надёжный, талантливый...»

«По тому как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично.»

В ответ — гнетущая тишина...

Теряя надежду, я запальчиво почти прокричал:

«На вопрос: «как живёшь?» — завыл матерно, напился, набил рожу вопрошавшему, долго бился головой об стенку... В общем, ушёл от ответа.»

— Не смешно! — по слогам произнёс аксакал.

Учёные стали расходиться по кабинетам, я остался посреди комнаты один, растерянный, огорчённый... непонятый. Вдруг дверь приоткрылась, молодой человек просунул голову и прошипел:

— Магазин «Вина Абхазии», там Виктор Гамисония — знает много анекдотов.

— Спасибо! — благодарно кивнул я.

Указанную торговую точку нашёл довольно легко.

Захожу в магазин... У самого порога брился мужик: щёки, подбородок в мыльной пене, он стоял и напряжённо вытягивая шею, разглядывал себя в крупный осколок зеркала.

«Уже смешно!» — обрадовался я.

— Где мне увидеть Гамисония?

— Это я, — мужчина невозмутимо продолжал орудовать опасной бритвой.

— К вам.

Небольшое торговое помещение магазина напоминало нечто среднее между рюмочной и кабинетом школьной пионервожатой: пустые бутылки, ценники, два общепитовских столика, портреты Ленина, русских писателей, горн, барабан, выпелы...

Виктор Хаитович, заметив мой интерес, пояснил:

— Школа освобождалась от наглядной агитации, всё выбрасывала, так я — сюда. До сих пор испытываю ностальгию по Советскому Союзу. Я был молодым, московский ВУЗ заканчивал, хлеб был дешёвый, 20 копеек! жили счастливо. Родился в 1937-м, самые лучшие годы...

— Не все считают 37-й самым счастливым годом в Союзе. У вас магазин частный или государственный?

— Частный.

— В СССР Вам бы за него впаили приличный срок.

— Это так, — миролюбиво согласился Виктор Хаитович. — Тогда мы входили в состав Грузии...

— Это плохо?

— Очень.

Я силялся понять абхазов: все хвалят Советский Союз, но при этом политические репрессии им, видишь ли, не нравятся, отсутствие статуса государства раздражало, запрет частного предпринимательства — невыносим. Начинаешь выяснять, оказывается, главное завоевание СССР состояло в том, что сами они тогда были моложе:

Если женщина красива
И в постели горяча —
В этом личная заслуга
Леонида Ильича [1].

Или такое:

Прошла Зима. Настало лето.
Спасибо Партии за это!

— Виктор Хаитович, я записываю абхазские байки, тосты, анекдоты... К вам, как ходоки к Ленину, попал не просто так, по направлению из Института гуманитарных исследований.

— Вам за анекдотами надо к начальнику транспортной милиции. Однажды я оказался с ним на мероприятии, заслушался... Вот уж где Ходжа Шарадын [2]. К нему Вам!..

Хозяин магазинчика устроил мне дегустацию абхазских вин, но анекдота местного разлива не смог припомнить ни одного. Я поблагодарил за «наводку» и отправился по указанному адресу. Его совет меня нисколько не смутил: я уже в Дагестане усвоил — на Кавказе самые талантливые весельчаки-юмористы сконцентрированы в милиции. Похоже, туда идут на повышение прямоком из «Театра эстрады».

Контора транспортной милиции Гэ Сухум — напротив железнодорожного вокзала, мрачного здания без стёкол, в пробоинах от снарядов. «Пока не слишком весело», — мелькнуло у меня в голове. Дежурный на входе за стеклом, тёмный длинный коридор, приёмная начальника, кабинет... Крупный мужчина в цивильном костюме заканчивал чихвостить подчинённого по телефону... а глаза у самого добрые.

— Аслан Тачевич, спасайте-выручайте!

— Что с вами?!

— Не со мной, с Абхазией. Спасайте престиж родной республики! Нужны остроумные люди...

И я изложил просьбу.

— Тридцать восемь лет я на службе, с такими просьбами никто в милицию не обращался, но Вас понимаю: нельзя писать лишь о войне — человек с ума может сойти. Жизнь богаче! Юмор позволяет перезагрузить закипающий мозг. Я стараюсь, когда ситуация тупиковая, перевести разговор в шутку. В милиции ухочешься! Да что Вы...

А уже через два часа мы сидели на набережной в знаменитой «Брехаловке» в компании его друзей. Солировал Аслан Тачевич:

— Помню начало работы: я молодой лейтенант, после учёбы, в первый же день меня отправили на место происшествия. По дороге знакомлюсь с напарником:

— Меня Аслан зовут, а тебя?

— Т-ттоже А-ааааа-слан.

— Ты не равняй! Я хоть и Аслан, но не такой длинный.

Добираемся по адресу: новый дом, опрашиваем жильцов, ищем свидетелей разбоя. Пока сержант заикается в одной квартире, я обойду пять. И тут на площадку, шарыхая тапками, выходит старушка.

— Бабушка, Вы случайно грабителей не видели?

— Видела, сынок...

Говор у неё с сильным абхазским акцентом.

— Опишите этих негодяев, какие-нибудь особые приметы.

— Один выше, другой ниже!

— Ну, теперь мы их быстро поймаем! «Один выше, другой ниже»... А по национальности, не обратили внимание: армяне, грузины, русские... абхазы...

Только дошёл до абхазов, старуха, как взвизгнет.

— А!.. Как можешь наш народ позорить. Разве бывают абхазы бандитами?!

Она сорвала с плеча полотенце и давай хлестать, гнать меня вниз по лестнице, осыпая проклятиями... как орлица налетела. В общем, выполнение моего первого боевого задания бабка сорвала. Александр, постепенно буду знакомить тебя со своими друзьями. Этого уже знаешь — Рома, судья. Мы обменялись поклонами.

— Сегодня думаю, кого взять в компанию, на разговор? Рома, три раза тебе звонил, ты не взял трубку.

— У врача был.

— На слово мы тебе, конечно, бы не поверили, но убедились сами: едем, гляжу Рома топает по центру Сухума в синих бахилах... Кричу Александру:

— Смотри! Вот тот нам и нужен!

— Потому что из больницы сбежал?

— Нет, потому что мой друг.

Я согнулся от хохота, вспоминая ситуацию.

— Уа-хаа-хаа! — вторил Аслан.

— Забыл в больнице снять, — сконфузившись объяснил Роман.

— Представь!.. какие решения на су-де-еее... он выноси-иит!.. — стонал Аслан.

— А-га-ааа! Хр... хорошо, на... ног-гииии... — подхрюкивал я. — При мне в Очамчырах, в поликлинике, старик бахилы на голову напялил... думал, шапочка...

— Да ладно вам! — отмахнулся Роман.

— Александр, вчера у нас инаугурация президента была — наш национальный праздник. Хотел кого из коллег позвать на разговор с писателем, но мужики опухшие, все по размеру сделались больше меня. Я к Валерию Шаловичу с утра заглянул, мне сразу такие две штуки дали, — Аслан показал на вазу. «О, — думаю, — не напрасно зашёл!» Сидим, заходит со своим стаканом зам (он всюду ходит со своим стаканом), мы — пятый раз по второй... А ещё сегодня свадьба. Думал, хоть один день не буду пить, куда там... Как тяжело, Саша, жить у нас в республике. Вчера там, сегодня здесь, завтра в селе друг пьянку устраивает...

Говорят: «Работай!» Когда-аа?!

Аслан повернулся к франту в белом костюме:

— Бесик, теперь ты давай свои байки!

Бесик поправил золотую оправу очков и ломаться не стал:

— Рубен недавно приезжал, сейчас в Америке живёт. Жалко Вы не познакомились... Заглянули с ним сюда, в «Брехаловку», выпили по пятьдесят. Раньше-то мы частенько заходили.

— «Частенько»!.. Вы не частенько заходили, — хмыкнул Аслан, — вы не уходили отсюда! «Часто заходили», говорит.

— ...Аслан, не сбивай! До войны он в Сухуме лучшим следователем был, а сейчас в США простой каменщик, жаловался: «Совсем жизни нет, не могу найти другую работу. Обхожу конторы, первый вопрос на собеседовании: какое, мол, образование? Объясняю им популярно: «Юрфак!» — «Fuck me?!» Глаза по пять копеек, и сразу выгоняют».

Бесик довольно хохотнул.

— Подвыпили, он шнобелем уткнулся мне в плечо и давай душу изливает: «Бесик, — хнычет, — не поверишь, кругом жучки: за Америку плохого не скажи. На жену, дочку, сына не

смей голос поднять, не то что руку — сразу посадят. Дочка приводит домой гориллу: «Это мой бой-френд!» Заводит в комнату, и он там дерёт мою дочь. В моём доме! Я — живой, за дверью стою, слушаю... Скажи, ну, какой абхаз может это вынести? Я ему говорю: «Пошёл на ...уй!» Главное, сразу оделся, ушёл. Это мы здесь привыкли, тебе говорят «иди на ...уй!» А ты хочешь — идёшь, не хочешь — не идёшь. За стенкой у меня немцы живут, прикинь. Настоящие немцы! В пять утра перфоратор врубил — не понравилось, немчура проклятая... Гавкают что-то по-своему... Жена переводит: «Как вы смеете нас будить в пять утра? Будем жаловаться в полицию!» Я им через стенку на абхазском: «Вы когда войну начинали, ваш Гитлер всю нашу страну разбудил в четыре! У меня дед, чтоб знали, до Берлина дошёл!» Сразу заткнулись, примолкли... Сволота! Мне жизни никакой нет в этой Америке, я там на птичьих правах! — задирает штанину, показывает ногу: — Весной травму получил. Поднимал кирпичи наверх, сорвался блок, раздробил большой палец на ноге. Я сразу бот скинул, ногу — в холодную воду. Хозяин тук как тут: «Чего прохлаждаешься?» Показываю, нога бордовая вся, опухшая, в ботинок не лезет. «О'кей!» — буркнул. Обратно идёт, опять увидел меня: «Всё стоишь?!» Раз живой, выходит, должен работу продолжать».

А кто его из Абхазии просил уезжать? Глаголет умно, а зад в навозе. Я извиняюсь, по-русски скажу: «Твою мать!..» — в сердцах произнёс Бесик.

— Э!!! Ора-аа! — встрепенулся Аслан. — У нас так нельзя говорить!.. Делать можно.

— Александр, по-русски ведь можно матюгаться? Иногда хочется...

— Владимир Владимирович писателям разрешил [3]. Я не могу послушаться Президента! Наши предки не для того ломали голову, выдумывая магические слова-обереги, чтоб они пылились в запасниках. Это как гласные, попробуй любую фразу произнеси без них, самую замечательную: «Псть вгд бдт слнц!» На что похоже?!

— На абхазский похоже! Давайте за наш язык, дадраа! [4]

Мы дружно выпили, как за такое не выпить? И Бесик продолжил:

— В составе официальной делегация абхазов я ездил в Африку подписывать договор о признании республики. В ресторане официант предлагает на выбор:

— Есть чёрная икра, чёрная колбаса и чёрное молоко.

Мы переглядываемся:

— Ну, «чёрная икра» — понятно, «чёрная колбаса» — куда ни шло, можно представить. Но «чёрное молоко» не видели ни разу. Давайте закажем!

— Нам всем чёрного молока.

— Хорошо.

Заходит негрityянка, по пояс обнажённая, из груди сочится молоко.

Мне руководитель под столом наступает на ногу:

— Хорошо, не заказали чёрную колбасу.

— Записано! — радостно сообщил я.

Аслан указал на следующего приятеля:

— Александр, это Леван, великолепный человек, но армянин. Всё равно наш, будем считать... Мы с ним дружим, просто, по-человечески, без приводов в милиции. Леван, теперь ты, наши местные легенды, притчи...

— **Были...**

Абхазец проезжает туннель в Кодорском ущелье, на выезде гаишник с жезлом.

Останавливает:

— Ты почему свет не включил?

— А откуда я знаю, где у вас в тоннеле свет включается.

— Есть!

Гаишника приняли на службу: удостоверение выдали, пистолет, жезл. И он ушёл. Неделю нет, вторую, месяца проходит. Начальник приказывает:

— Найдите человека, ему уже зарплату получать.

*Разыскали в родном ауле:
— Ты когда за получкой?
— А у вас ещё и деньги платят?*

— Ещё! — не унимался я.

Абхазец попадает на необитаемый остров, никого нет. Десять лет провёл в молитвах... Наконец смотрит, к острову кто-то плывёт... Выходит кра-сааавица... идёт к нему:

*— Я принесла то, о чём ты столько лет мечтал.
— Мамалыгу?!*

— Следующий!

Студента медфака на экзамене спрашивают:

*— Что такое склероз?
— Можно своими словами?..
— Ну, пожалуйста.
— К нам в Абхазию мингрельцы приехали в гости, а уехать забыли.*

— Понят-ноооо...

Я не заметил, как за разговорами, за смехом пролетело время.
На прощанье мы обнимались, словно старые друзья:
— Аслан, мужики, спасибо вам! Вы закрыли брешь в материале практически своей грудью.

— Раскудахтались немножко...
— Берегите себя! — умолял я. — Вы — живое национальное достояние.

Примечания:

- [1] Советский фольклор;
- [2] Шутник-балагур, герой абхазских сказок;
- [3] Forbes.ru, 28.01.2015 «Путин допустил использование мата в литературе»;
- [3] Дадраа (абх.) — абхазское торжественное обращение к собравшимся.

*

Мужское братство

Плеть держится кольями, а человек — человеком.

Абхазская пословица

Водителю маршрутки, молодому парню, я выразил искреннее восхищение:

— У тебя акцента нет совсем.

Он ухмыльнулся:

— Мама русская, родился в Иваново, прожил там до 18 лет.

— Ты-то мне и нужен... И как? Где лучше?! Чем люди отличаются?

— В России люди — ...овно.

— ?.. Сурово.

— Называют другом человека, с которым живут рядом, вместе выпивают, откровенничают, а случись что — его нет: «Мама не пустила, жена не разрешила». Не понимаю такого. Мне есть с чем сравнить... в Абхазии не так.

— Твоя русская мама в курсе, как ты оцениваешь соплеменников?

— Причём здесь она? У подруги умерла родная тётя, так она даже на похороны не соизволила пойти, дом через дорогу — «пьяница!»

— Однако, Россия единственная помогла Абхазии во время войны...

— ...Ну, я же не за весь народ.

Нугзар позже выдвинул версию:

— Этот парень прочувствовал разницу в понятиях «друг» здесь и у вас. Мужское братство у абхазов в чести... Про это тоже сложили легенду.

Жил в стародавние времена смелый и удачливый охотник Керим.

Как-то раз подстрелил он лань. Керим срезал виноградную лозу, крепко связал ноги лани и поволок добычу домой, в долину. Долго волок Керим тяжёлую ношу, устал, вечер опускался на землю, а до родного селения ещё далеко. «Переночую у старого приятеля, живёт тут недалеко». Он спрятал добычу в яму, забросал ветками, когда его озарила неожиданная мысль: «Интересно, верный ли он друг? Надо испытать, ведь дружба познаётся в беде...»

Дружок встретил Керима радостно:

— Заходи скорее! Ты всегда желанный гость!

Но Керим с порога трагически произнёс:

— Сегодня не гостем к тебе, со мной беда!.. Я убил человека...

— Убил человека? — ужас застыл на лице дружка.

— Да. Убитый там, у дороги. Помоги закопать, чтоб не осталось следов. Спешить надо, пока ночь, идём!..

— Ты убил челове-ека?

— Да, да!.. Видишь, весь в крови. Пойдем скорей! Один не справлюсь. Захвати лопаты...

— Послушай! Я, конечно, никому не скажу... Я твой друг, можешь на меня положиться...

Всё готов делать... Но... тогда и меня...

Керим не дослушал, круто развернулся, ушёл.

«Вот она, дружба!» — с горечью думал он, направляясь в соседний дом, там жил сверстник, вместе они ходили на охоту, в один год женились. Керим и его попросил помочь.

— Плохо твоё дело, — посочувствовал тот. — Но зачем ты хочешь, чтобы я, как сообщник, отвечал за твоё преступление?

— Значит, не выручишь?

— А ты хочешь навлечь беду и на меня? На меня, ни в чём не повинного?

— Прощай! — крикнул Керим и снова отправился в путь.

Он обошёл одно село, затем соседнее, всюду встречая отказ. Уже под утро Керим внезапно вспомнил брата Дахара: семь лет они враждовали, старательно избегая встреч друг с другом. Невеста Дахара в день свадьбы убежала с Керимом в горы. Дахар тогда Кериму пригрозил:

— Ты опозорил меня! Братоубийцей не стану, но никогда не показывайся на глаза, слышишь! И знай: отныне у меня брата нет!

Прошло семь лет... С тех пор они ни разу не сказали друг другу ни слова.

Близился рассвет, когда Керим постучал в дверь пацхи Дахара.

— Кто здесь? — окликнул глухой голос.

На пороге стоял Дахар.

— Ты?

— Да, я... твой брат... — проговорил Керим.

— Нет у меня брата! — резко ответил Дахар.

— Прошу тебя... выслушай...

— И слушать не хочу! Прочь!

— Беда, Дахар! — взмолился Керим. — Я убил человека... Спаси меня! — простонал Керим и рассказал Дахару то, что рассказывал в эту ночь всем. — Скорей же, Дахар, торопись! Погибну, если не поможешь...

Светало, когда братья подошли к яме.

Керим разбросал листья, ветки, указал Дахару на лань.

— Вот, её я убил! Не убивал человека. Хотел только узнать, кто мой друг? Теперь знаю, что мой истинный друг ты, Дахар!

— Мужское братство ценится у нас, абхазов, превыше всего! — признался Нугзар. — Торговля, кустарное ремесло не для нас. Испокон веков наши мужчины, чтоб не закисала кровь, предпочитали заниматься каким-нибудь опасным делом — войной, грабежами, воровством... «Княжество Абхазия — это непрерывная бойня родов, кинжальщина, интриги и разбои...» — так отзывались о нашем благодатном крае в 1912 году [1].

Слушая Нугзара, я вспомнил у Фазиля Искандера: «В наших краях доблесть мужчины проверялась способностью с наибольшей дерзостью угнать чужого коня, стадо овец или, в крайнем случае, корову. Это была своеобразная восточная джентльменская игра, при которой хозяин, обнаружив пропажу, гнался за обидчиком и стрелял в него без всякого предупреждения. Игра была благородной, но опасной. Вот почему горец, показывая на своего коня, клялся всеми святыми, что он у него ворованный, а не какой-нибудь купленный или дарённый. Иногда конь оказывался именно купленным или подаренным, тогда клеймо позора ложилось на хвостуна до тех пор, пока он его не соскребал строго доказанной дерзостью» [2].

Нугзар поднял указательный палец, заостряя внимание:

— Исстари абхазы считают: именно лихие дела и роднят нас с русскими. В Абхазии бытует убеждение: «Россия чисто военная держава, в ней только и делают — что сражаются да покоряют других, а не торгуют и почти не занимаются земледелием» [3]. Однако, как ты заметил, Александр, всё в Абхазии имеет свою особенность, воровство в том числе. Воровское сообщество повсюду, в каждой стране — словно теневое правительство. У вора нет идеологического врага, вору — граждане мира, интернационалисты, миротворцы. Вор не имеет права, по законам общака, воевать. Но абхазский вор — прежде всего патриот, а уж потом член тайного ордена... Мужское братство для него выше любого закона, выше любых понятий.

— Лихо!

— Во время войны наш вор в законе воевал, после кто-то из блатных на сходке в Москве показал фото, где он стоит с автоматом в руках. Ему «дали по рогам» — лишили высшего воровского звания: «Нарушил воровской закон!»

Да, воровское сообщество — параллельный мир.

Не зная его, не понять и устройство государства. Воруется повсюду, даже в Америке... И всё же в Абхазии к вору отношение особое... Не просто уважительное — восхищённое, как у нас к

космонавтам! Профессия эта в Стране души окружена ореолом романтики. Более того, в пантеоне абхазских богов Бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных занимает почётное место [4].

повсюду тырят и всегда
с момента сотворенья мира
но Бога-кореша имеют
лишь воры сказочной Апсны [5]

Честно написать про Абхазию, обойдя стороной тему воровства, нельзя.

Я так считаю не потому, что на рынке у меня дважды вскрывали молнию на рюкзаке, и не после личного знакомства с вором в законе (кстати, очень эрудированным, обаятельным горцем). Просто многие собеседники заводили на эту тему разговор сами, отмечая: воровские понятия справедливее светских законов.

Иосиф Бродский разоткровенничался в «Письмах римскому другу»:

...Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюги мне милей, чем кровопийца.

Я хочу повторить, вслед за поэтом, и «мне милей»...

Примечания:

[1] «Из кисловодской старины» Кавказский край. Пятигорск, 1912. 27 ноября.

[2] Фазиль Искандер «Айша»;

[3] Станислав Лакоба «Крылились дни в Сухум-Нале». (Капиталист Уинстон Черчилль проводит эту же мысль: «Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха». Викицитатник ru.wikiquote.org/wiki/Уинстон_Черчилль)

[4] Роман Петрозашвили «У стен Анакопии».

[5] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

*

Природа

Без Апсны и абхазу не быть.

Абхазская пословица

На берегу озера Рица писатель Джума Ахуба воздел к небу бокал:

— Над Абхазией выше облаков — ледяные горы, от них даже летом веет холодом, у ног — ласковое Чёрное море. Абхазия заключена навек между злом и добром, между жизнью и смертью. Мы, абхазцы, похожи на братьев, у которых сказочно красивая сестра: мы всегда должны быть настороже, кинжалы наши наполовину вынуты из ножен; ведь многие хотят умыкнуть красавицу, всем она нравится, все хотят ею обладать. За нашу красавицу!

Хотел бы посмотреть, кто откажется за такое выпить стоя?

На этой благодатной абхазской земле природные жемчужины — россыпью. Одна на другой! А кто может рассказать о природе лучше охотника, кто её подмечает зорче? Никто. Руслан Гварамия — один из таких, и когда он пригласил в гости, я не раздумывал. Его коренной — родительский дом — в предгорье Кодорского хребта. Мы расположились на просторной лужайке, Руслан вынес альбом с фотографиями, а я всё поглядывал на небо — собирался дождь.

— Станет накрапывать, спрячемся под крышу, — успокоил он. — Ткуарчал раньше всегда считался мочевым пузырьём Абхазии. Сейчас климат меняется, надвигается большая засуха. Птицы, звери чувствуют её заранее. Раньше в лесах енот не водился, теперь есть. Белая сова — вообще северная птица. Попала в капкан, несъедобная, зачем должен убить? Вылечил, отпустил. А некоторые птицы наоборот пропали, рупала, например.

Руслан раскрыл альбом:

— У нас очень красиво... Здесь на склонах Кодорского хребта более тридцати озер: Адуада-Адзыш, Орка-Цкали, Дериквара-Адзыш, Кабирваш... Это место называют «голубым ожерельем Кодора». В верхних горных цирках шумят водопады. Среди скал, альпийских лугов прячутся малые и большие ледниковые озера и среди них, в истоках реки Бутыхах, одно из самых глубоких, красивых в Абхазии — озеро Адуада-Адзыш. На террасе перед озером каскадный водопад. В конце июля жара, а здесь ещё цветут рододендроны.

Горы даны для созерцания, для радости души.

Нельзя ходить в лес за куском мяса. Ты иди, не ставя перед собой такую цель, и Бог даст тебе. Где бы ты ни был, твой кусок тебя найдёт, хоть на другом конце света. И когда отправляешься за дровами, топор не должен быть направлен лезвием к лесу, лес не должен чувствовать угрозу...

Предпочитаю ходить в горы один — сам на сам.

Люблю слушать, как распускаются цветы.

Люблю быть выше облаков.

Ступаешь, как в сказке...

А вечером... Озеро под облаком и тишина...

Темно-синяя гладь воды покоится в чаше из воронёных скал. Сверху по уступам стекает ручей, поверхности озера касается чистый белый снежник.

Разведу на привале костёр... В котелке варится дичь, ароматом дурманя...

Это и есть счастье!

Я с детства — так. Отец у меня был прославленным охотником, с природой на «ты». Сто семнадцать лет прожил. Отец-долгожитель знал день и час своей смерти. Однажды пригласил нас

с братом за стол и сделал это как-то необычайно торжественно: одет с иголочки, чисто выбритый. (Думаю: «С чего бы?»)

— Здоровье у меня неважное, — говорит. — Собираюсь умирать, но прежде должен поднять два тоста. — Сам налил бокал вина. — Я оставляю после себя самое дорогое — сыновей и нашу уникальную абхазскую природу. У нас об этом говорить не принято... но в час, когда ухожу, — другие законы.

— А второй тост за что хочешь поднять, баба?

— Второй за долгожданную скорую встречу...

И бокал выпил до дна... Затем поднялся, ушёл в свою комнату. Через пятнадцать минут мать выходит бледная:

— Отец умер.

Я смелый-смелый человек, но у меня мурашки по телу...

Описывать природу Абхазии — занятие бестолковое.

Приезжайте и полюбуйтесь сами.

Такое стоит увидеть лично, прочувствовать, проникнуться...

А рассказывать о водопадах, в которых купался, о белоснежных вершинах на фоне ярко-голубого неба, о россыпи дурманящих цветов... Можно, конечно, но довольствоваться этим?! Не знаю... Это всё равно, как свидание с любимой променять на чтение занудной научной статьи о размножении чаек на Белом море.

Единственно, что мне, любителю дикой природы, не понравилось: Голубое озеро, жемчужину Абхазии, как мухи зеркало, загадили торговыми палатками фарисеи, облепили фотографии с обезьянами на поводках. Этот брильянт должен быть в оправе нежной зелени.

Нельзя пускать торговцев в Храм природы.

*

Вера

*Чья страна, того и вера (того и религия).
Cuius regio, eius religio [1].*

Абхазия позиционирует себя как православный регион...
Прикольнo!
Насколько всё-таки их православие отличается от нашего.
Взять лишь одну деталь...
Православный человек в России входит в храм задолго до церкви.
Ещё не ласкают глаз маковки золотых куполов, ещё петляет тропинка в высоких росистых травах, а навстречу из-за холма уже льётся малиновый благовест.

Как нежный звук любимых слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далёкий звон колоколов [2].

Ни разу за полтора месяца я не слышал в Абхазии живого колокольного звона — один раз довелось услышать перезвон на «входящем» мобильника отца Виссариона, настоятеля Сухумского кафедрального собора.

В Западной Европе при православных храмах тоже висят колокола, но у них функция сигнальная — «сбор на обед». Стиль православной храмовой музыки далёк от западных традиций... Русская православная на колоколах — другая. Не «Подмосковные вечера», не танго... Православные колокола — не «бим-бом, загорелся Кошкин дом». На Руси на колокола возложена миссия искусства, подобного нет нигде в мире. У нас колокола не настраивают по нотам: до, до диез... Это иная музыка. Это музыка стихии, музыка природы... В основе её — ритмическое постоянство. Это триада: верхние зазвонные колокола, высокие — звонарь звонит правой рукой; мелодические колокола — звонарь звонит левой рукой; и бас — один, два или больше — звонит ногой. Сбалансированная ритмическая структура... В итоге получается мелодия, но не в обывательском смысле слова, чтоб песню спеть, а со своим особым звукорядом. Спеть его невозможно, можно только услышать. В Западной Европе карильонный колокол нивелируют, чтобы поменьше обертонов: до диез, ми, фа. А в православной культуре: отлили колокол и — не трогают, не подтачивают, как есть, как Бог дал. У нашего колокола огромный комплекс обертонов. Послушайте особенно большие колокола — каждый поёт голосом своим, уникальным. Коли их много — получается сочная богатая симфония. Из этой музыки русские звонари изобрели разные жанры: погребальные звоны, будничные, праздничные, красные, великие, малые. К тому же каждая церковь обладает звонами собственными, наборами колоколов неповторимыми.

За годы советской власти культура колокольного звона пришла в упадок. Сейчас по крупницам, шаг за шагом её восстанавливают. Когда после семидесяти лет молчания впервые зазвучали колокола, вся Красная площадь на колени встала.

Русь тысячу лет на этом воспитывалась, теперь пробудилась.

Это только, что касается колокольного звона. И так можно перечислять, перечислять...

В Абхазии православие иное.

Игорь Герзмава мне объяснял популярно:

— Есть «аныха» — святилище общенародное, их семь, а есть ажира — святая кузница, святилище рода. Там находятся железные предметы, доставшиеся по наследству от предков: наковальня, щипцы, кованые части от арбы, там хранится энергия рода, там молятся, приносят

жертвоприношения Богу, забивая козла. Я чуть-чуть православный, чуть-чуть язычник. У меня тоже дома кузница, как в старину у наших предков. Поклоняюсь Духу гор, Духу воды, Духу леса.

— Удивляюсь, как вы не запутали Господа?

— Господь милостив... Именно такую дал нам веру. Ведь как-то сохранить себя надо, хотя очень трудно. Вон Греция, колыбель мировой цивилизации, оттуда пошла поэзия, арфа... И что мы видим сегодня? В Греции нет собственного оркестра народных инструментов. Страна, народ, этнос деградируют, исчезают. В Абхазии целых два оркестра народных инструментов, свои мастера, которые изготавливают инструменты по старинным технологиям. Стоит забыть истоки, предать забвению культуру, и потеряешь себя. Чем сильны абхазы? Корнями. Вроде бы такой маленький народ, целиком на стадионе Уэмбли весь поместится, ещё и свободные места будут, а страна оказалась непобедима. Выходит, наша вера сильнее.

Когда задаёшь вопрос, кто ты по вере: православный или мусульманин, часто можно услышать ответ: «Я абхаз! Зачем мне такой ислам, который мешает быть абхазцем? Ислам откуда-то пришёл — апсуара была всегда». Абхазские мусульмане с удовольствием едят свинину, пьют вино, водку, никакого намаза не делают, в мечеть не ходят (в Абхазии нет ни одной мечети!), но искренне считают себя мусульманами. Никогда у абхазов при создании семьи не смотрят на религию, уважают все традиционные веры. Если дедушка христианин, бабушка мусульманка, то дети соблюдают те и другие религиозные обряды. Существует твёрдое убеждение: если отдать какой-то вере предпочтение, душа обидится. Такого больше нет нигде в мире! Единственно, абхазы не любят сектантов.

Сила ажира — могущественная, сила аныхи — много больше. Все абхазы в это верят. Мы уважаем и боимся святилища. Жрецы у нас — на первом плане, они нам ближе, чем церковные священники, чтим их больше. Человек спокойно, не моргнув глазом, может соврать под присягой любому, здесь солгать не смеет. Это не прокуратура, не суд, никого подкупить не удастся. На святилище Дыдрыпш первый Президент Абхазии давал клятву. Более трёхсот лет идёт там служба. На горе той растёт дуб, обложенный камнями. Абхазы, когда клялись, оставляли в залог топоры, ножи — они и сегодня там.

Один род проклял другой, принёс в качестве жертвоприношения козла и попросил у Бога: «Пусть проклятие висит над этим родом, пусть беды настигают до тех пор, пока они не построят золотой мост через реку». Век висело проклятье, много умерло из-за него молодых и старых. Главе рода удалось снять порчу, когда догадался построить мост, вбив в первую и последнюю ступеньки по золотому гвоздю.

Я спросил себя: где ещё есть такая колоритная вера?

Нигде.

В православной церкви Абхазии — раскол, поэтому я встречался с одним пастырем и с другим, был у ясновидящей Аиды Кове в Гудаутах, побывал в гостях у жрецов в сёлах Ачандара и Лыхны. Каждого «смотрящего» я попросил помочь через своего Бога написать мне лучшую в мире книгу об Абхазии. Все пятеро с пониманием восприняли просьбу и согласились.

Повествовать об этих встречах не стану... Крайне деликатная сфера.

Да и разве стоит говорить всё, что знаешь?!

Чёрта спросили:

— Как ты стал чёртом?

— Я рассказывал обо всём, что видел.

А потому, любопытство, по швам!

Нугзар допытывался:

— А ясновидящая? Зачем тебе вся эта «херомантия»?

— Хочу написать про Абхазию книгу лучшую в мире, значит, навалиться надо всем миром — кашу маслом не испортишь.

Отец Виссарион, благословляя, напоследок сказал:

— Абхазы со славянами в одной духовной упряжке — наследники вечного. Неужели мы настолько неразумны, чтоб променять этот дар на какие-то мелкие, сиюминутные цели? Желая не размениваться. Желая каждому стремиться к небу!

Да, стремиться нужно именно к небу.

Мне близко отношение абхазов к религии.

Жрецы, священники, ясновидящие, муллы, якобы православие, якобы мусульманство гармонично уживаются в сознании абхаза. Не противоречат друг другу, наоборот, дополняют, придавая новый, более глубокий необычный вкус жизни. Оно и понятно... Все мы бывшие октябрята, пионеры, комсомольцы. Теперь россияне опять стали православными. С другой стороны отнять языческие праздники у нас никто не смог. Неразрывно связанные с природой, они таят в себе глубокую сакральную суть. Обряды, которые совершали в старину наши великие предки-пращурь, призваны обеспечить мирное сосуществование, лад с Матушкой Природой, связь с нашими родными славянскими Богами. В день весеннего равноденствия славяне по-прежнему отмечают великий праздник Масленицы, летом Яблочный Спас, 21 ноября (грудня) — приход Морены-Зимы, день богини смерти Марены, с 25 декабря (стуженья) по 6 января (стуженья) отмечаются Большие Велесовы Святки — двенадцать святодней, символизирующих собой двенадцать месяцев в году. Советский Новый год мы тоже отмечаем за милую душу, причём два раза: новый Новый год и — контрольный выстрел по печени — старый Новый год, заодно Рождество Христово по католической традиции и по русской православной, не забыв выпить за год «козла» и «дракона» по восточному календарю... Мы ни от чего не отказываемся, ничего не выбрасываем. В хозяйстве всё сгодится... Ни дня без праздника, ни вечера без повода!

Всё потому, что родина у нас одна — красный Советский Союз.

советские мы это значит свой
партбилет храним в божничке
доклад читаем скрестив пальцы
плюёмся видя чёрну кошку [3]

В Абхазии не все крещёные, но все верующие.

Непонятно только, что это за вера?

Это мой вопрос знатокам...

Адгур, что возил меня на святилище, размышлял вслух:

— Не понимаю одного: аныха — всеильны. Однако махаджирство они попустили, а в отечественную войну нас защитили. Может, оттого, что Россия тогда была против, а сейчас «за»? Старики учат: «Рассветает не потому, что прокукарекали петухи».

Примечания:

[1] Константин Бальмонт;

[2] Краткая формулировка принципа, положенного в основу Аугсбургского религиозного мира (1555). Она приводилась уже в мемориале группы сеньёров (крупных французских феодалов) на Генеральных штатах в Орлеане 1560 г. >История Франции. – М., 1972, т. 1, с. 194. Имелось в виду, что подданные принимают веру своих правителей. В 1599 г. немецкий каноник и правовед Иоахим Стефани включил эту формулу в «Установления канонического права» (1, 7). > Kasper, S. 65; Markiewicz, s. 395.

[3] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

*

Надежда

*В правде Бог помогает,
в неправде запинаят.*

Русская пословица

Председатель Народного собрания Славик Евгеньевич Квеквескири припомнил:

— Чтобы исключить фальсификации во время выборов, решили пометать палец проголосовавших краской. Но краска нужна специальная, дабы не смывалась, аллергии не было. Нашли в Китае, отправили посыльного. А сколько брать? На выборы обычно ходит не больше ста... Прикинули: краски нужно на двести тысяч, вдруг будет два тура. Китайцам чудно:

— Двести тысяч? Кого выбираете? Председателя сельсовета?

— Президента страны.

Изумляются китайцы, у них в деревне жителей больше.

Им наших масштабов не понять. Абхазия — крошечная держава. Пилоты самолётов при посадке боятся проскочить страну, это как на авианосец садиться.

— Велик буйвол, да воду возят, мал сокол, да на руках носят.

— Согласен, размер — не главная наша проблема... Абхазы — максималисты. Мы хотим всё и сразу. Ко всему с ленцой относимся, нас природа расхолаживает: не напрягаясь можно прожить. Прав учёный Иван Ильин, который считал, что переход от коммунизма к государственности возможен только через национальную диктатуру и авторитарный режим.

Сейчас главой республики избрали авторитетного, знающего абхаза, он разберётся...

Вновь избранный Президент Абхазии Рауль Хаджимба.

Ещё задолго до встречи с ним я был под впечатлением от восторженной людской молвы. И вот на приёме... Рауль Джумкович принял меня, несмотря на многократно перегруженный график:

— Народы России оказали нам в обретении статуса независимости помощь неоценимую, абхазы этого не забудут никогда. Верю, наше сотрудничество будет лишь укрепляться. Об этом нужно полнее рассказывать... Дай Бог, чтоб ваша книга об Абхазии удалась.

Война — страшное испытание, страшное горе. Война показала силу духа абхазского народа, который сплотился вокруг лидера, объединился в одном порыве ради спасения Родины, ради сохранения святой земли наших предков. И победил. Абхазы, чеченцы, армяне, мингрелы, русские стали единым целым. Нам и теперь, в мирной жизни, нужно достигнуть такого же единства, сотворчества, согласованности, тогда мы победим и в труде. После инаугурации я планирую провести коллективный молебен на святилище в селе Лыхна. Эта наша традиция, а от традиций отступать не хочу. Хочу встречи с народом на исторических площадях в Лыхнах, в Мыку сделать регулярными, не ограничиваясь посланиями Президента и встречей с чиновниками. Людям нужно откровенно рассказывать, что получается, где проблемы, обозначать причины, пути устранения. Нужно, чтобы народ из созерцателя превратился в соратника, союзника. Однако молебен — не всё... На Бога нужно надеяться, но и самим работать напряжённо. В одночасье не получится преодолеть все трудности, но дать импульс, начать движение мы обязаны. Люди хотят лучшей жизни здесь и сейчас. Политические декларации, прожекты хороши, если реальную отдачу почувствует на себе каждая семья. Нужно предоставить горцам работу, гарантированную зарплату. Планируем развивать частный малый и средний бизнес, обеспечив тем самым включение молодёжи в процесс созидания. Нужно сократить число чиновников. Не секрет, чем больше чиновников, тем больше проблем! Больше хаоса, больше коррупции... Это везде так. И для

того, чтобы снизить у чиновников интерес к государственной казне, планирую использовать наши абхазские традиции...

При этих словах я решился предложить свой рецепт:

— Жрецы открыли мне секрет огромного могущества, которым обладают святилища. Я был там, убедился лично... В силу святых мест твёрдо верят все абхазы, соврать там не решается ни один. Пусть каждый министр поклянется на святом месте, что никогда не станет казнокрадом...

Много ещё о чём хотелось переговорить с Президентом молодой республики, но его ждали дела государственной важности. Завтра инаугурация.

P. S.

В ноябре 2014 года Президент России Владимир Путин и Президент Республики Абхазия Рауль Хаджимба подписали новый договор о союзничестве и стратегическом партнерстве. Документ предусматривает формирование общего пространства обороны и безопасности, в том числе с помощью создания объединённой группировки войск двух государств, которые будут подчинены объединённому командованию. Надежда абхазского народа на крепкий мир, стабильность начала воплощаться в жизнь.

Причём, обратите внимание: «общего пространства!», «объединённой группировки!»...

А то больно мнительные абхазы в беседе со мной предрекали, мол «договор — лишь прикрытие, Расея приберёт нас к рукам, подомнёт под себя!» Всё! Времена, когда Советская власть предлагала государствам свою опеку в обмен на суверенитет и, не дождавшись ответа, вводила войска, захватывала чужие территории — ушли безвозвратно! Живём, прям, как в песне:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим [1].

Примечания:

[1] Борис Савельевич Ласкин, «Марш танкистов».

*

Любовь

*Пусть скачет твоя лошадь
силой, а моя счастьем.*

Абхазская поговорка

Лаврентий Берадзе, ветеран ВОВ, Председатель Совета ветеранов вооружённых сил Гальского района в любви толк понимает. Нугзар, немного с завистью, отрекомендовал его так:

— В восемьдесят лет снимал квартиру и тайком приглашал туда женщин.

При встрече я напрямки так и спросил:

— Про квартиру для тайных встреч — правда?

Лаврентий Григорьевич сразу приосанился и помолодел лет на двадцать:

— ... Без женщин нельзя жить, — философски ответил аксакал. — Ведь женщина — самое дивное творение Бога. Мужчина был одинок в раю, и Господь взял пучок солнечных лучей, меланхолию луны, дрожание оленихи, ласковый взгляд джейрана, красоту лебедя, серьёзность павлина, пение соловья, безобидность голубя, грациозность тростника, запах розы, сладость мёда, нежность пуховика, притяжение магнита, чистоту родника и невесомость воздуха. Смешал всё это и добавил хитрость лисицы, яд змеи, алчность акулы, жёсткость тигра, язык сороки, изменчивость ветра, трусость зайца. Так получилась женщина. Бог оживил своё творение и передал мужчине с наказом: «Береги, повторения не будет!» Мы прожили с женой почти пятьдесят лет. Прожили хорошо. Я её очень уважал и после смерти больше не женился.

Маквала Чолария, корреспондент газеты, с надеждой в голосе произнесла:

— Лаврентий Григорьевич — преданный своей семье. Жене никогда не изменял...

Старик весь напрягся и, не удостоив женщину взглядом, отчётливо произнёс:

— Изменяют предатели родины. Водиться с женщинами — другое.

Лицо Чоларии вытянулось в недоумении.

— Настоящий мужчина должен всегда делать шаг навстречу желанию женщины. Иначе она обидится: «Какой дурак! Не обратил на меня внимания».

— Ну, ведь не все женщины такого спектра, — растерялась Чолария.

— Все хорошие мужчины — такие, — и по лицу Лаврентия Григорьевича скользнула блаженная улыбка, взгляд затуманился, он покинул нас, улетаая далеко-далеко...

Нугзар, безучастно наблюдавший пикировку Лаврентия Григорьевича со своей сотрудницей, потом пояснил:

— В Абхазии — патриархат. Наша культура не допускает либеральных взглядов в вопросах домостроя, не приемлет джигита в стрингах, в юбке, с накрашенными губами... мы не хотим ломать раз и навсегда установленный Богом порядок, смешивать, путать...

— Путать женское «начало» и мужское «кончало»?

— Точно так. У нас много сложено легенд о любви, о том, как правильно строить отношения мужа и жены. Сейчас расскажу одну...

Несколько лет Шахан не виделся со своим другом Мшвагу и вот приехал навестить его.

Радостная картина открылась его взору: красивый дом на высоких сваях, просторный, утопающий в зелени двор, в траве под фруктовыми деревьями в изобилии индейки, куры, гуси. Он постучал в ворота, и на веранде появилась молодая женщина.

— Мшвагу дома? — крикнул ей Шахан и, не расслышав ответа, зашёл во двор. — Мшвагу дома? — повторил он.

— Нету! — фыркнула женщина.

Шахан подошёл к развесистой тенистой чинаре, присел на скамью.

— Где же Мшвагу?

— Кто его знает? Не сказал.

— Мы с ним с детства дружны. Жизнь разлучила, не виделись больше семи лет. Она слушала и молчала.

— Ну и жара сегодня! — смахнул пот Шахан. — Ну что ж, отдохнул, мне пора. Желаю вам всего хорошего! — и, выходя за ворота, добавил: — Да! Жаль, не застал Мшвагу. Скажите, хотел повидаться с ним, искренне рад, что всё у него отлично, только... двери в доме неважные... Не могу скрыть, я плотник, строю дома...

Поздним вечером вернулся Мшвагу и узнал, что приходил Шахан.

— Как досадно, что ты отпустила его! — воскликнул он. — А что он рассказывал о себе? Где и как живёт? Чем занимается? Подумать только, как давно мы не виделись!

— Он тоже жалел, что не застал тебя. Вообще, он плотник, — вспомнила она, — и вот просил тебе передать...

— Что?!

— Сказал, двери у нас неподходящие. Так и заявил: этому дому нужны бы лучшие двери. Внимательно осмотрел Мшвагу входную дверь, но никаких изъянов не обнаружил.

Прошёл год. И снова Шахан заглянул к своему другу.

— Эй, Мшвагу! Ты дома?

Молоденькая женщина торопливо сбегала вниз по ступенькам навстречу гостю, Шахан сразу заметил, что это не прежняя, другая.

— Добро пожаловать! — напевно произнесла она.

— Мшвагу дома?

— Пока нет, но должен скоро вернуться. Входите, входите!

— Нет, спасибо, — ответил он. — Мне здесь хорошо. — И направился к тенистой чинаре.

— Что вы! — встрепелась она. — Войдите в дом! Отдохните с дороги!

В её голосе было столько радушия, что Шахан весело улыбнулся:

— Уговорили! — В доме действительно было хорошо: и прохладно, и уютно. — Давно я не видел Мшвагу! — с грустью сказал Шахан. — Как мне хотелось встретиться с ним, и вот невезенье: опять не застал! Простите меня за любопытство, Вы, наверное, жена?

В знак согласия она опустила голову.

— Поздравляю, — обрадовался Шахан. — Мшвагу — замечательный человек!

Женщина ушла на кухню и вернулась с кувшином вина:

— Пейте, не скучайте, а там и хозяин подъедет! — и она быстро накрыла стол.

«Вот так хозяйка!» — подумал Шахан, откушав с наслаждением.

Солнце близилось к закату, а Мшвагу не возвращался.

— Очень сожалею, — сказал он, — но мне пора в путь.

Женщина проводила его до ворот.

— Что передать?

— Скажите Мшвагу, — загадочно произнёс Шахан, — что его приходил навестить друг детства. Передайте, я очень рад, у него превосходный сад, красивый дом... И больше всего в доме мне понравились входные двери. Да, да, так и передайте, пожалуйста. Я, видите ли, плотник... Так не забудьте, прошу Вас: чудесные, превосходные двери!

P. S.

Когда пишешь о любви, взгляд невольно оценивает окружающих...

В гостинице молодая семья из Ставрополя: мама, дочь — писанные красавицы, глаз нежится... Да... Пожалуй, это единственный случай, когда можно, не краснея, с гордостью признаться: «Сделано у нас! в России!!!»

*

08.08.08

*Блажени миротворцы: яко тиши
сынове Божии нарекутся.*

*Библия на церковно-славянском
языке, Евангелие от Матфея*

В Абхазии воцарился желанный мир!

Знак восклицательный был поставлен русскими миротворцами в 2008 году. Очевидец этих событий профессиональный фотограф Владимир Попов поделился со мной своим архивом:

— Это операция «Принуждение к миру 08.08.08». Лето, Сухум, грузинские войска, русские миротворцы. Тут могло начаться... Это правда, здесь не игра, не военные учения. Грузинский генерал спрашивает у русского командира:

— Что будет, если не уйдём?

— Вы будете жить в мире, у вас будут яблоки, будут цвести мимозы... А если вы не уйдёте, я всё сожгу вокруг, — русский офицер говорил ему так мягко, так легко. — Всё сожгу. У меня приказ.

Порой становится обидно за Россию...

Горько.

Мы ко всему миру с любовью, а в ответ упрёки, нелепые беспочвенные подозрения, вечные придирки... попытки очернить. Дался им автомат Калашникова, мирно, как гусли, оттягивающий плечо. Слепцы. Вы оцените нашу чистую, душу нараспашку. Не нравится, что мы за границу — на танке? Ну ведь не на русской же печи разъезжать, словно сказочному Емеле.

Как маленькие, ей богу... «Елей огня не угасит!»

меня всегда коробит фраза:
«ввели российские войска...»
на деле — зарубежные гастроли
ансамбля русской песни с плясом [1]

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

*

Соседей не выбирают

*Грузин порядочным человеком
быть не может!..*

Сергей Довлатов, «Заповедник»

Никогда не соглашусь с таким тенденциозным эпитафием...

Ни время, ни преступления отдельных политиков не смогут вытравить из моего сознания грузинскую культуру: фамилии Руставели, Чавчавадзе, Бараташвили, Церетели — останутся кумирами. Фильмы «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе, — буду смотреть и пересматривать. А генерал-полковник К. Н. Леселидзе, Герой Советского Союза, чей монумент абхазские радикалы свалили в селе Гечрипш, беззаветно служил командующим армией на Закавказском, Северо-Кавказском и 1-м Украинском фронтах. Его брат Виктор, тоже Герой Советского Союза, подполковник, погиб в рукопашном бою под Видлицей в нашей Карелии. Хотя Леселидзе-младший грузин, а вовсе не карел, в Видлице ему установлен памятник — он отдал свою жизнь за нашу общую Родину.

Нелепо утверждать, будто абхазы хорошие, а грузины нет.

Весь народ не может быть плохим. Может ли правая рука быть лучше левой, ценней? «Укушу правую — болит, левую — тоже болит», сказано в абхазской поговорке. (Этой мыслью утешаюсь всякий раз, когда вспоминаю рыжеусого Тараканища, который, забравшись в Кремль, тиранил всю страну.) Грузия — сосед Абхазии. И по-свойски меж ними случалось всякое, как у всех. Но не бывало в истории, чтобы соседи держались на штыках.

Невозможно разделить общую историю.

Не разделить семьи.

Нельзя разделить любовь.

Никак не разделить небо...

Родины разные, но небо едино.
Небом единым жив человек [1].

Не получается разделить и реку...

Энергетическая система на пограничной реке Ингур: вода поступает по каналу из Грузии, а турбины, энергоблок, выработка электроэнергии — на территории Абхазии. Двадцать лет политики ломают голову: как расчленил предприятие. Для инженеров очевидно: энергетические мощности неделимы! Никак друг без друга не обойтись. Политикам не под силу разорвать связь между народами, живущими бок о бок тысячи лет.

Это символ!

В романе грузинского писателя Константина Гамсахурдиа «Похищение луны» приводится мифологическое предание. Под стенами Рухской крепости, неподалеку от левого берега реки Ингури, шла когда-то война между абхазами и грузинами. Тщетно пытались грузины взять крепость. Наконец решено было покончить спор единоборством палаванов. Грузины выставили своим бойцом некоего Чолокашвили, абхазы — одного из Эмхвари. Чолокашвили в летах, сед, Эмхвари — безусый юноша. Встретились палаваны в том месте, где причал парома. Эмхвари выхватил саблю, ринулся на противника, но тут же опустил оружие.

— Чего ты ждешь? — спросил Чолокашвили юношу.

— Жду, чтобы первым замахнулся старший.

И они расцеловались, как друзья [2].

Абхазам и грузинам пора, как и тогда в старину, забыть распри и обняться.
Пусть скажет решающее слово богиня мудрости Атана [3].
Надо восстанавливать мост «Дружбы», хоть понятно, на это и уйдут годы-годы...

**колокольчик
сильно
встревожился!..**

Примечания:

[1] Андрей Вознесенский;

[2] См.: К. Гамсахурдиа. Похищение луны. Тбилиси, 1964, с. 17.

[3] Одно из божеств абхазского языческого пантеона — богиня мудрости Атана.

*

Душа земли

Душа не яблоко: её не разделишь.

И. С. Тургенев

Я рассказал ему про своё неожиданное открытие, сделанное на необитаемом острове в Белом море: оказывается, у человека в экстриме открываются новые творческие грани, сама природа в этом соучаствует [1]. Руслан согласился:

— Подобные территории называются местами силы. Там, при благоприятных условиях, открывается незамутнённая ничем, чисто работающая земная энергетическая локаль. Именно в таких условиях и открывается Истина.

Как всё просто... Так мы и познакомились, потом Руслан читал свои стихи:

Остановись к хребтам всходящий
В ущелье, издавна святом
Здесь камень, истоиво гудящий,
Гневлив и милостив притом.
Встань над рекой бурливо-пенной
И подыми неспешно взор.
Решишь, с мольбой проникновенной
Себя яви преддверью гор.
Взгляни попристальнее, путник,
В откос всевидящей горы.
Теперь она твой строгий спутник
До той ей ведомой поры.
Когда, путями утомлённый,
Войдёшь обратно в этот створ
И будешь верить, умудрённый,
В святую силу духов гор.

Руслан Аджинджал — Поэт с большой буквы, философ, лингвист и многое-многое что ещё. Представление об Абхазии будет неполным без знакомства с ним.

Он закурил, на секунду задумался и, пристально глядя мне в глаза, стал рассказывать:

— Мудрости категории противоположены! В изолированных замкнутых системах типа племени, затерянного в дебрях Амазонки, или монастырской братии, отрешённой от внешней жизни, от благ цивилизации за стенами монастыря, — существуют уникальные условия. В таком сообществе выбор поступков облегчён, упрощён. Меньше шумовых отвлекающих помех, в итоге — меньше ошибок. Человек поступает по природе Божьей, более искренно, естественно. Не по воле случая или дикту обстоятельств. А в миру человек редко принимает решение по душе, хотя самый правильный выбор тот, который сделан именно по душе, подсказанный сочувствием к человеку, любовью к ближнему. Прав Даль, одним умом тут не возьмёшь, ум есть и у скота: «Ум лишь часть духа человека (ratio, Verstand), низшая степень, а высшая, разум (intellectus, Vernunft); ...Умён, да не разумен; С ума спятил, да на разум набрёл, с будничного ума, по людским пересудам, а напал на путь истинный, высший, духовный». Ум сочетается с нравом, нравственностью, хотеньем, любовью, страстью лишь у человека. По этимологии Руслана Аджинджала... Не морщи лоб, Александр, и не пытайся вспомнить ветхозаветного мудреца. Руслан Аджинджал — это я. Так вот, по моему убеждению, «раз-ум» — означает разящий, поражающий ум. «Ума палата» — в этой палате нет места сердцу. «Ума полон», полонён умом — жалкая, незавидная участь. Зачастую, изучая этимологию слов, в самых простых созвучиях, комбинациях букв может открыться глубинный смысл. Взять слово «огонь». Вслушайся в

звучание — «о-гонь». Фонетика раскрывает смысл: огонь гонит. Когда горит степь, когда верховой пожар в лесу, пламя летит со скоростью курьерского поезда, с гулом и гонит, вынуждает спастись бегством всё живое. А реверсивное чтение этого слова: «ного». Не может быть случайностью результат обратного чтения. Это всё равно, что, зарывшись пальцами в песок, в секстиллиарде песчинок найти нужную и выцепить её.

В русском языке бесчисленное количество вариаций. Невообразимо богатая лексика, способная передать эмоции, подтекст, мистику... Значения слов переворачиваются на глазах, становясь совершенно иными, меняя первоначально заложенный смысл лишь от соседства с другими словами. Классическая форма русского стиха гениальна. И тем сильнее заметны огрехи современной поэзии. Зачастую её невозможно читать: отрывистые, не связанные между собой строки. Вместо стройного изложения — выкрики, всхлипы, лохматость фраз, мысль теряется на пути от первой строки к концовке, нет идеи в словах... Мне не нравится рваная поэзия, но я понимаю этих неустоявшихся людишек. По-своему такая поэзия эмоций тоже ценна... Как свидетельство истории. Когда нет опыта жизни, когда человек городской... Видимо, какова жизнь, такова и поэзия. Русский язык — чудовищно чуткий, оттеночный язык. Одна из причин его богатства в том, что он вобрал в себя, переварил много других языков. У него хорошая наследственность — древнерусский язык глубже, многослойней любых других. Он явился прочным фундаментом, на который наслаивались новшества. Есть и особо насыщенные значимые слова, несущие с собой образы, вобравшие в себя менталитет народа, его опыт. Я абхаз, коренной. У меня мать почти не говорила по-русски, отец так... с пятое на десятое. В пять лет я читал и писал по-русски, читал и писал по-абхазски. Метрику переправили, и в пять лет я пошёл в русскую школу с гуманитарным направлением. В третьем классе учительница поймала меня за чтением «Декамерона» Боккаччо. Её удивило, где достал книгу.

Я верующий, крещёный. Крестился поздно, после войны, человека надежда влечёт. И ещё говорят, крещение снимает грехи. Все. Война — страшная штука... Грузия заложила этой войной в абхазском народе ненависть, которая будет преодолеваться долго. Несколько поколений понадобится, чтобы пригасить. Друзья любимы, когда ценимы. Отдельные учёные Грузии были против агрессии, например, философ Мамардашвили. Мир стоит до рати, а рать стоит до мира. Из войны этой я вышел удручённым, мой дух подавлен. На войне победы нет! Только распоследний негодяй, идиот, олух, может считать, что орден-медаль — награда за войну, альтернатива тем усилиям, что он приложил! — рыжие пышные усы его с негодованием встопорщились.

Нельзя заставить уверовать, к Богу надо прийти самому. Можно подсказать, объяснить, направить, убеждать надо, но принуждать человека верить — самый страшный грех. Принуждать нельзя, он должен сам к этому прийти в этносе, в этнокультуре. Но и другой вере в христианском мире дозвлететь нельзя, в массе, в общности: там, где звонит колокол, призывы муэдзина неуместны, они должны быть обособлены.

От первых дней

«Нас несовершенных создавший, Великий Боже...»
Из абхазской молитвы.

Когда-то Гоги и Магоги
Смущали лютостью людей.
Смиряли мир с Олимпа Боги,
В угоду корысти вождей.
Но мы, абхазы — человеки,
Не льнули к ложному крыльцу.
От первых дней и днесь, вовеки,
Верны Единому Творцу.
Живём, верны Его Уделу,
Верны божественному делу —
Служенью чистому Апсны.
И к Алтарю Его склоняясь,
В трудах и в войнах очищаясь,
Смиренья мудрого полны!

В иную веру вникающий — в своей укрепляется. Может, когда-нибудь веры и сомкнутся, Бог даст, не знаю... Но искусственно ускорять этот процесс не стоит.

У абхазов тень — предвестник ночи!.. Мир так устроен... Вот попомни моё слово, говорят же о приближении последних дней? Они наступили уже. Просто люди не видят. Армагеддон, апокалипсис, жестокие времена уже наступили. Мир уже рухнул. Мир уже летит в бездну... Предстоит очень тяжёлый период для человечества. И во всей этой катавасии твёрдо будет стоять только Россия. Сильно стоять! Богородица свои снежные крыла держит над Россией ежедневно, еженощно. Она — покровительница России. Мощнейшая!..

А что касается Абхазии... «Апсны» переводят, как «страна души». Неверное прочтение».

— Как правильно?

— Душа земли. Планета Земля — живой организм, её душой является наша Абхазия.

Душа земли

Растаяли снега Килиманджаро.
Пожарче стал над Африкой зенит.
Весь в трещинах скрипит Мохенджо-Даро,
И сельва в Амазонии горит.
Из мутных рек воззрились крокодилы
На гордостью обуянных людей.
Они до нас на этом свете жили
И, может быть, пребудут больше дней.
Дрейфуют потихоньку континенты,
Молчит Земля, обиду затая.
Но, слышите, земные континенты!
Стоит, как встарь, Абхазия моя!
Святейшими горами Семиречье
Возносится, размеренно дыша.
На стороне той Божьей, Человечьей,
Земли сырой содержится Душа!

Я уехал и тепло Души мира навечно увёз с собой...

Не покидает ощущение, что я не спал, а сон видел.

В Абхазии остались святыни, ставшие теперь и моими, остались друзья. Наши души тонко вибрируют, единым оркестром исполняя ноктюрн солнечного созвучия... И духовная близость, невзирая на расстояния, лишь крепнет.

В день разлуки в Сухуме зацвёл жасмин, благоуханье на полгорода...

Не хочу верить, будто это природа облегчённо, радостно выдохнула, расцвела... по случаю моего отъезда. Празднует! Просто напряжённая поездка подошла к концу, все участники старались, как могли, отработали на «5», и цветы — шикарный торжественный букет, по случаю успешного завершения первого этапа работы. Большой, ответственной, почётной работы над книгой «Абхазия».

Примечания:

[1] «Весь сборник»: «Пёрышки», «Вешки» <http://kostjunin.ru/konkurs.html>

Искусство «БЫТЬ»

Абхазия далеко, а перед глазами, как наяву, стоят люди с героическими судьбами... И настойчивым камертоном стучит в мозг: «А как бы поступил ты? А как правильно?» Что ни беседа, ни ситуация — вопрос один.

Один и тот же вопрос!..

И в повседневной жизни, и в переломные ключевые моменты судьбы: какую из дорог выбрать? Какая верная?! Взлёты и падения, обещания и отказы, надежды, разочарования, локальные успехи и поражения сменяют друг друга волна за волной на всём пути к цели. А что если подножки, неудачи — знак Свыше. Знак «остановиться». Может, пора поднять белый флаг? Раз само не идёт в руки, стоит ли пытаться сорвать банк, шагая по головам, расталкивая локтями?..

Гордыня — великий грех!

«Смирение! Смирение! И ещё раз смирение!» — назидательно поучает Библия.

- От Луки святое благовествование, 1.52: «...Низложил сильных с престолов, и вознес смиренных».
- Первое соборное послание святого апостола Петра, 5.7 «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас».
- Первое соборное послание святого апостола Петра, 5.5, 5.6; Соборное послание святого апостола Иакова, 4.6; Послание к Филиппийцам святого апостола Павла, 2.3; Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 3.12; Первое соборное послание святого апостола Петра, 3.8; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.16;

И так далее...

Но тот же Новый Завет призывает нас к благим значимым деяниям. Возможно, человек, забывший о своём Божественном сотворении, хуже дьявола...

- От Луки святое благовествование, 12.48: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут».
- От Матфея святое благовествование, 7.7: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»; 8 «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».
- От Матфея святое благовествование, 25.28: «Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов», 29 «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».
- Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 2.18; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.21; От Иоана святое благовествование, 3.27; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.17; Первое послание к Тимофею святого апостола Павла, 4.14;

И т. д. и т. п.

Ничто не происходит само по себе.

Ничто не гладко...

Всё с боями, всё с потом... каждый кусок хлеба, как и завещал Господь Адаму.

И вот уже не выступает пот, терпение переходит в стойкость, стойкость — в напор!

Не получается открыть дверь? Сейчас мы её... плечиком...

— А-ну, пад-нажж-мём! За ценой не па-астаи-иим!

Не поддаётся?!

Ломиком... Ну, я не знаю... динамитом! Под песню Евгения Долматовского:

Не созданы мы для лёгких путей,
И эта повадка у наших детей...

Или смиренно ждать, пока откроется сама?

Вопрос.

А если дверь выбрана ошибочно?! Как простому человеку «Быть»?

Как знать, на что направлять волю: на обуздание желаний или на одоление препятствий? И как правильно выбрать цель?! Поэт Николай Доризо настаивает:

Упрямым быть не торопись,
Хоть я упрямым и завидую.
Коль дверь закрыта — не ломись,
Ищи упрямо дверь открытую.

Я поднимаю взор в далёкое, бездонное, холодное небо:

— Э-ге-гей!!! Кто-нибудь ответь: «Как Быть?» Подскажи!!!

— Ты сам...

— ?

— ...Ты сам знаешь ответ на свой вопрос.

— Са-аам?

— Да. То, что внутри тебя, что во много сильнее, диктует, как поступать здесь и сейчас.

— Диктует?

— Да. И за каждый шаг в сторону ты ответишь на Страшном Суде.

Автопортрет: на фоне репродукции картины Микеланджело «Страшный Суд»

P. S.

Мне не забыть с каким ехидством Заур Хварцкия провозглашал горькую правду (я уже писал об этом): «Ясновидцев, прорицателей полно везде... Одна беда: они не реагируют адекватно на свои же прогнозы. Это всё равно, как заявить: «Скоро с моря придёт цунами, нам осталось жить десять часов». Сообщить и преспокойно пойти домой, завалиться спать. Где логика? Если про цунами знаешь точно, беги в горы, спасайся сам, спасай родных».

Я не могу «преспокойно пойти домой, завалиться спать...»

Бог по силе крест налагает, и моя миссия — видя опасность, бить в набат... сигналить колокольчиком. Что, собственно, и делаю.

*

Война и Мир

*Иахуалак! — «Всякий, кто может!
Каждый, кто в силах!» —
древний клич абхазов, зовущий,
предупреждающий, вдохновляющий.*

В центре села Ачандара растёт богатырский платан — двадцати метров в обхвате!
Дереву около тысячи лет.

А с большого дерева и листьев падает много. Во время войны сухие листья загорелись, огонь охватил великана, в стволе выгорело дупло: джигит верхом может заехать, не сгибаясь, такое оно огромное. Дома перебирал фотографии и до меня вдруг дошло: этот платан и есть символ Абхазии — я поместил его на обложку книги. Война калёным железом выжгла зияющую рану, но дерево сильнее. И абхаз, у которого от всех этих бед в какой-то миг просто опустились руки... соберётся с духом. Воскреснет его душа!..

И тогда на земле, дарованной Богом, вновь зацветут деревья.
Всем миром мы одолеем войну, собором и чёрта оборем!
Иахуалак!

P. S.

Получил от Нугзара письмо:

«Как ты уехал, у нас в селе Мыку Очамчырского района был сход по случаю празднования двадцатилетия независимости республики. Там у каждого села свои пацхи, где угощают гостей. Я побывал в каждой... Уже ночью, в темноте понадобилось отойти в кусты... Шагнул в заросли... Больше ничего не помню. Очнулся, когда меня укладывали на носилки. В больнице сделали снимок, не нашли ни одного полома. Специально потом измерил высоту обрыва — 32 метра! Разве трезвый я бы остался в живых? Вот и верь после этого сказкам про вред алкоголя».

Нугзар, дорогой, жизнь продолжается!
Жизнь сильнее Смерти!

*

Грузия

Вот и закончена первая часть книги.

Почему первая?

Было бы нечестно поставить точку, не изложив позицию Грузии, не предоставив равное слово и другой стороне конфликта. Без этого вся правда в этой книге выглядит какой-то однобокой, хромой что ли. Нехорошо... Ведь для того, чтобы воцарил мир мало, крайне мало усилий одной стороны. Рассказать о гостеприимной Грузии, об интеллигентном, остроумном, певучем народе решил во второй части этой книги. Для этого и приехал в Тбилиси. Однако там были озабочены другим... Ответственные работники в правительстве Джорджии не заинтересовались моим предложением, и свою версию правды излагать не пожелали. Да и появился я там, прямо скажем, не вовремя. Как раз в эти дни НАТО разворачивало учения «Союзнический щит» [1]. Грузия принимала в этих учениях активное участие в качестве страны-партнёра альянса.

Ястребы кружат в голубом небе...

К великому сожалению Грузии пока не нужны голуби. Видно, не пришло ещё их время — рано. Птицы-символы, предвестники мира улетают...

Улетают, чтобы однажды вернуться.

Но сколько воды утечёт...

Примечания:

[1] <http://georgianpress.ru/politics/42255-ssha-priznayut-progress-dostignutyiy-gruziey.html>;

03 июня 2015 года

С уважением,

Ваш Александр Костюнин

*

Словарь

- Ааюны анхера (абх.) — жертвоприношение за полученный дом;
Абчарах (абх.) — старшина пастушеской общины;
Абырк (абх.) — почтенный абхазский старец;
Абыста (абх.) мамалыга — горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы;
Адоух (абх.) — чародей;
Ажвейпшаа (абх.) — божество охоты, покровитель дичи;
Ажвлар! (абх.) — третий тост за народ;
Ажира (абх.) — родовое святилище, кузня;
Ажьрацъра (абх.) — родственные узы, не женятся на сёстрах до 7 колена;
Ажэлар, шэхадкы! (абх.) — Народ, да положу я свою голову вместо вас!
Ажэлахыхра (абх.) — лишение фамилии;
Айныхра (абх.) — поминальные угощения;
Акыта (абх.) — сельская община;
Алабаша (абх.) — посох старца с металлическим острым наконечником;
Аламыс (абх.) — совесть;
Аламысда (абх.) — бессовестный;
Амашир алпха (абх.) — жертвоприношение, когда сыну исполняется 18 лет мама вокруг его головы обносит петушка и отпускает птицу в лес;
Анцва ил-пха! (абх.) — первый тост — традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей», здесь «Анцва» — «Бог», «килпха» — «его милость», «теплота его очей»);
Анча инохера (абх.) — молебен Богу один раз в пять лет с жертвоприношением козы;
Аныха (абх.) — святилище Абхазии;
Аныхакуа рылпха! (абх.) — второй тост — обращение ко всем святилищным силам ниспослать народу милость, благословение (буквально «теплота очей святилищ»);
Апсны (абх.) — Абхазия, Страна души;
Апсуара (абх.) — сама суть абхазского народа, кодекс чести, вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» — здесь Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара;
Апшалас (абх.) — северный ветер;
Асду (абх.) — большой снег;
Аталбаш (абх.) — председатель пира;
Атана (абх.) — одно из божеств абхазского языческого пантеона — богиня мудрости;
Ахапца (абх.) — кувшин, всегда заполненный красным вином, зарытый в землю;
Ахаца (абх.) — герой;
Ахацара (абх.) — мужество;
Ахидз (абх.) — «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом;
Ахзыххра (абх.) — лишение имени;
Аца (абх.) — плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах;
Ащапа (абх.) — навес для пирующих, крытый обычным брезентом;
Ащапа; Махаджирство;
Баба (абх.) — отец, папа;
Бзиала шзаабейт! (абх.) — Добро пожаловать!
Дад (абх.) — у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему;
Дадраа (абх.) — абхазское торжественное обращение к собравшимся;
Дида (абх.) — непереводимый возглас возмущения в речи женщин;
Итабуп (абх.) — спасибо;
Киараз (груз.), ауаахэ (абх.) — трудовая взаимопомощь;
Пацкха (абх.) — хижина-плетенка;
План — (конопля) наркотик;
Уара иузымдыруа сара иуасхэозеи, аха! (абх.) — Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!
Узшаз уисасуп! Анцва уисасуп! (абх.) — Ты — гость самого Творца! Ты — гость Господа!
Уней, уххь згеит! (абх.) — Проходи, да приму я на себя твои беды!
Уней-сней (абх.) — взаимные уговоры, приглашения;
Упату схы икууп! (абх.) — Твоя честь на моей голове!
Ухацазар ухыс! (абх.) «Если ты мужчина — стреляй!»;
Хай, амарджа! (абх.) — ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»);
Хайт! (абх.) — междометие для выражения досады;
Шоу удыруама? (абх.) — Знаешь ли, в чём дело?
Эйрих-Аацных — абхазский Бог воровства и разбоя.

*

Абхазский алфавит

(Транскрипция в кириллице по версии Алексея Дбара)

Написание	Произношение	Написание	Произношение
А (а)	А	Б (б)	Б
В (в)	В	Г (г)	Г
Гь (гь)	Ги	Б̄ (б̄)	Хы
Б̄ь (б̄ь)	Хьы	Д (д)	Дд
Дэ (дэ)	Ды	Ц (ц)	Джы
Ць (цъ)	Джыы	Е (е)	Е
Է (е)	Тшы	Է (е)	Тчи
Ж (ж)	Ж	Жь (жь)	Жь
Жэ (жэ)	Жы	З (з)	З
З (з)	Дзы	Зэ (зэ)	Джи
И (и)	И	К (к)	К
Кь (кь)	Кьы	Қ (қ)	Кы
Қь (қь)	Кьи	К (к)	Кьо
К̄ь (к̄ь)	Кьы	Л (л)	Л
М (м)	М	Н (н)	Н
О (о)	О	Ӧ (ӧ)	Ю
П (п)	П	П̄ (п̄)	Пы
Р (р)	Р	С (с)	С
Т (т)	Т	Тэ (тэ)	Пю
Т̄ (т̄)	Тьы	Т̄э (т̄э)	Пью
У (у)	У	Ф (ф)	Ф
Х (х)	Х	Хь (хь)	Хьы
Х̄ (х̄)	Хьы	Х̄э (х̄э)	Хьё
Ц (ц)	Ц	Цэ (цэ)	Цчы
Ц̄ (ц̄)	Тцы	Ц̄э (ц̄э)	Цьы
Ч (ч)	Ч	Ч (ч)	Чё
Ш (ш)	Ш	Шь (шь)	Щ
Шэ (шэ)	Шы	Ы (ы)	Ы

*

Ингушетия

Текст с фото в формате PDF размещён на авторском сайте: kostjunin.ru
(Раздел «Произведения»)

Посвящается
Лейле Якубовне Арапхановой,
истой ингушке, патриоту своей Родины.

Плацкарта

Хабар [1]

*Впереди идущий — мост для идущего следом.
Хьалхаводар тIехьавоагIачун тIий да.*

Ингушская пословица

«Седина в бороду — бес в ребро!» — гласит русская поговорка.

Правы мудрецы...

Только старческие симптомы проявляются по-разному. Вашего покорного слугу на старости лет охватила тяга к бродяжничеству. Мне, как и Владимиру Маяковскому «необходимо ездить». Что-то внутри не даёт покоя, не позволяет вести степенный, оседлый образ жизни, гонит в путь... Будто спешу напиться жизнью на излёте. Словно кто-то, помимо воли, грубо выпихивает меня за дверь, следом выставляя нехитрые пожитки. Дверь захлопнулась, ключ в замке провернулся... Стоишь спиной к родному порогу и остро понимаешь: предстоит тяжёлый маршрут.

Сосед Вася, как пограничный столб, всегда на посту.

Всегда последним провожает меня в дальний путь, первым встречает. И всякий раз перед трудной, долгой дорогой находит он слова ободрения:

От этого Терека
в поэтах
истерика.
Я Терек не видел.
Большая потеряйка.

— Ты что, Маяковского что ли... стихи знаешь?

Вася глумливо ощерился, не удостоив ответом:

— Опять на Кавказ, Александр?

— В Ингушетию.

— «Улетел на юг Пегас — неизвестно, на фига`с!» [2] Ну, правильно, поезжай хоть ты... кому-то ведь надо. Больше нема дураков.

Я занял своё место в вагоне третьего класса и уставился в окно...

В Ингушетию поезда не каждый день, наплыв желающих невелик (тут Вася прав!) Но для меня это скорее — «плюс»! Когда все уголки кавказской природы будут описаны, обрисованы... какой интерес? Однако, как сложится поездка?... Каждому, со своей колокольни, ситуация видится по-своему, какой она выгладит с их минарета? Встретят как?... Что за народ ингуши?... Вопросы, вопросы, вопросы стучали в мозг в такт музыкальной композиции «Пи эр квадрат». Ответа на них не было и быть в тот момент не могло. Благословение в дорогу получил, а там... О погоде на завтра узнаем послезавтра.

Шумные торговцы беспрерывно снуют по вагону, носят товар: кто мёд, кто пуховые платки, журналы, варёную картошку, горячие пирожки... У одного — целая корзиница с копчёной колбасой.

— Выглядит аппетитно, красиво, — дородная соседка шумно втянула воздух и полезла за кошельком.

С верхней полки хриплый голос:

— Красиво? А из чего она? Може, зарзали кого...

«Слава тебе, Господи! Не ошибся поездом, на Кавказ еду», — облегчённо подумал я.

Женщина замерла на миг... затолкала кошелёк обратно в сумку.

Голос сверху принадлежал хмурому мужчине спортивного телосложения. Звали его Кужи. Кужи родом из Южной Осетии, участник четырёх войн, поэтому все его шутки чёрные: на срочной службе угодил в армяно-азербайджанский конфликт; потом вляпался в выяснение отношений Северной Осетии с Ингушетией (друг позвал); затем в разборку Абхазии с Грузией; ну а то, что в родной Южной Осетии делил власть с автоматом в руках, так сам Бог велел (я так бы сказал). Но Кужи в Бога не верит:

— Пусть Он сначала ответит мне: почему столько зла на земле. Пусть вера сама меня ищет.

А соседка из Кабардино-Балкарии, не купившая колбасу, вела беседы о хлебе насущном:

— Раньше в станицах многие держали скот, сейчас нет. У меня на подворье до двадцати свиной доходило да три коровы. Муж — водителем в совхозе. В кузове машины дырочку просверлил: на обед домой приедет, два ведра зерна ссыплет. Теперь совхозов нет, одни частники.

Жаловалась она на жизнь долго, занудно... Её можно понять: на селе формируется, зарождается класс собственников, бузить, волынить, воровать у них несподручно. Как жить вольным людям — непонятно. Душно!.. Дальше так продолжаться не может.

На сей позитивной ноте, под квадрохрап соседей, я задремал...

Вагон плацкартный — передвижной российский базар с торговками, пересудами, спорами, храпом, ором, шуршаньем, чавканьем, детским плачем, позвякиванием стаканов, задушевными беседами. Для писателя плацкарта — творческая лаборатория на колёсах, заповедник людских характеров, образов. Хотя, если разобраться, — вся наша жизнь «плацкарта». Катимся мы по жизни под стук колёс, созерцаем, глядя в окно, ахаем-охаем! А бывает, не вставая с места, сами становимся участниками событий: то сладкой задушевной беседы, то дрызг-склок... И уж, кому совсем не повезёт, крушения.

«Каждому — своё», — приговор Цицерона обжалованию не подлежит.

Да, каждому своё. Моё — писать.

Писать в пору, когда читают лишь интеллектуалы, как во времена Пушкина, Лермонтова.

И обижаться тут не на кого.

Как там у поэта [3]:

На лень мою я не в обиде,
Я не рождён иметь и властвовать,
Меня Господь назначил видеть,
А не кишеть и соучаствовать.

У Васи сформировалось против Кавказа устойчивое предубеждение, переспорить его трудно, скорее невозможно. Он такой не один. Однако из года в год я обхожу республики Северного Кавказа, Закавказья, встречаюсь с уникальными людьми, посещаю достопримечательности рукотворные, природные, привожу из этнографических экспедиций тысячи снимков и пишу книги для тех, кто хочет узнать и готов полюбить Кавказ. Моя цель — найти позитивный материал. Шесть лет тому назад, путешествуя по Дагестану, я сравнивал себя с пчелой, кропотливо собирающей нектар. Годы идут... На пчелу теперь явно не похож... По комплекции — скорее шмель, по трудолюбию — не трутень!

Из пыльцы, нектара шмель тоже вырабатывает мёд, но уже в меньшем объёме.

Мёд — полезный, вкусный, сладкий продукт, хотя чуть с горчинкой (без горчинки — эрзац, подделка). ГалГай [4] изумлялись, почему не собираюсь писать о вещах негативных,

зачем, кому, мол, нужны «потёмкинские деревни», эти лубочно-пырьевские картинки, лакировка действительности, отчего категорически отказываюсь писать про политику? Объяснял им, повторю и читателям: политика, на мой взгляд, лишь ожесточает, озлобляет, ссорит людей. Когда мы говорим, думаем о позитиве, о духовном, нравственном, мы, словно аккумулятор, получаем зарядку, и наоборот, разряжаемся на брюзжании о несовершенстве мира. Негатива о Кавказе хватает без меня... Для того, чтобы написать «чернуху», нет нужды тащиться за тысячи километров киселя хлебать, знакомиться с краем подворно. Негатив можно состряпать, черпая из бездонного воображения, как Вася — мой сосед. Часто в разговоре с ингушами я выступал в качестве адвоката, яростного защитника местных адатов, нравов... Чудеса! Вроде должно быть наоборот. Очевидно, те плюсы в менталитете кавказских народов, ингушей в частности, которые идут из глубины веков — туда даже страшно заглядывать, какая глубина! — ввелись в пот, кровь местного населения. Этих явных преимуществ сами кавказцы порой не замечают, настолько свыклись со своими традициями. Благородные черты, кодекс чести Эздел для ингушей, как нечто само собой разумеющееся. Как воздух! Бесцветный, без запаха, невесомый, но жизненно необходимый... То, что он целебный, животворящий, становится понятно, лишь когда на шланг наступят и подачу кислорода перекроют. Приедем эти плюсы хорошо заметны. Не со стороны, а именно изнутри, как мне... Однако написание путевых заметок сие не упрощает.

Работа на «четвёрку/хорошо» не нужна ни ингушскому народу, ни мне — никому.

Время такое... Космическое!

Самодетельность, «два прихлопа, три притопа», остались в прошлом. Книга будет называться «Ингушетия». Она должна стать лучшей в мире!.. Тогда про уникальный народ узнают все, и судьба ингушей изменится к лучшему. Я буду стараться изо всех сил, но в одиночку такой вес не поднять. Поэтому всех мусульман при встрече призывал во время намаза не отвлекаться на второстепенные дела, не надоедать Аллаху житейскими просьбами, просить-умолять, чтобы книга эта ОБ ИНГУШЕТИИ стала ЛУЧШЕЙ В МИРЕ. Ведь если читать Аятуль-Курси, дуа не останется без ответа. А если ВСЕМ ИНГУШАМ просить об одном, дуа не останется... без ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ответа.

Что получилось в итоге, решать вам, дорогие читатели.

Примечания:

[1] Хабар — рассказ, молва, слух;

[2] Степан Балакин.

[3] Игорь Губерман, поэт;

[4] ГалгIай (инг.) люди башен — самоназвание ингушей.

*

Первое слово на ингушском

Хабар

*Если ты знаешь ингушский язык, уживёшься
с любым народом.
Глалгай мотт хьона хой, моллагIча наха
юкье товергва хьо.*

Ингушская пословица

Весной над Ингушетией висит аромат черемши...
Особенно в горах.

Оттуда, из села Мужичи, и начался мой тур по Ингушетии.

Несколько лет ученики и педагоги местной школы участвуют в конкурсе «Купель», давно приглашали в гости, и вот — решился. Первым делом, понятно! познакомился с руководителем образовательного учреждения (как говорится, дедовщину никто не отменял).

Директор ГКОУ «СОШ с.п. Мужичи», Т.С. Бесаева, — филолог по образованию. Как у всех горянок, рабочий день у директора сельской школы начинается задолго до школьного звонка. Каждое утро, изо дня в день, Тамара Суламбековна выполняет традиционную женскую работу хозяйки дома, хранительницы очага... А после, сменив форму одежды на официальную, служит святому делу — делу Знаний.

Встреча мне понравилась, но логичнее дать слово принимающей стороне.

Отзывы участников:

Весть о том, что в школу приезжает настоящий писатель разлетелась моментально, повсеместно. К встрече, естественно, готовились, ребята выучили отрывки из произведений писателя, волновались... Но волнения вмиг улетучились, когда к детям вышел свой парень в привычной для кавказцев тюбетейке. И этот, казалось бы, незначительный штрих сделал его своим, родным, близким, дорогим. Встреча плавно перешла в доверительную беседу, которой сегодня, в этой суетной будничной жизни, не хватает всем: и детям, и взрослым.

- Ахмед Гандаров, 7 класс: «Беседовал, словно знал нас давно, видел каждый день, и мне показалось: он никогда не ругает детей».
- Марет Шафаудиновна Хамхоева, учитель английского языка: «Творчество А. Костюнина — как злоба дня. Сегодня, когда боль чужая как бы «вне контекста», его рассказы возвращают нас к человеку, к его боли, страданиям... Ну просто “своевременные мысли”».
- Айна Муссаевна Аушева, заместитель директора по ВР: «Александр Костюнин — Человек Мира. Для него не существует ни национальностей, ни возрастов, ничего лишнего, что не имеет отношения к Человеку, к его душе. У меня остались самые добрые воспоминания о встрече. Пусть их будет больше».
- Мовсар Гайтукиев, 11 класс: «Покорён тем, с какой любовью он пишет о Кавказе. Как только сказал: “Ассалам-aleyкум”, — сразу вспомнились слова Юлия Цезаря: “Пришёл, увидел, победил”. Так и есть».

Живые глаза детей, вопросы с места, лезгинка, с блеском исполненная юными горянками и джигитами, общение в классе, уже в более тесном, уютном кругу (это фото я называю «Ленин и дети»). Всё замечательно! Но ярче других запомнился такой эпизод...

После творческой встречи Тамара Суламбековна предложила:

— Александр Викторович, сейчас пообедаем. Видели, где наш буфет?

— Видел.

— Идите, я закрою кабинет и Вас догоню.

Общепит в отдельном здании, за школой. В состоянии эйфории, под ликующее пение жаворонков, купаясь в лучах славы и горного весеннего солнышка, я шествовал по утоптанной дорожке. В буфете женщина уважительно поднялась и, добродушно улыбаясь, матерински участливо спросила:

— Чей, мандила?

— ?!. Да так... ничей... свой собственный.

«Бред какой-то... Получается, с “мандилой” уже согласен?! Вот оно хвалёное кавказское гостеприимство», — я силился улыбнуться... не получилось. Нервно взбрыкивая, возвращаюсь в кабинет. Настроение моё было непоправимо изгажено. Директор по лицу сразу догадалась: что-то стряслось. Секретарь перестала набирать текст на клавиатуре, завуч профессионально заглянула мне в самую-самую душу:

— Что с Вами?

Меня и не требовалось особо упрашивать, честно выложил:

— Захожу только, а она: «Чей ты, — говорит, — МАНДИЛА?»

Директор от натуги согнулась пополам, учителей стало беззвучно трясти...

Нескоро допытался, что вопрос «Чей ман ди Ia?» означает по-ингушски: «Чай будете?» Всего-навсего... В принципе, безобидный вопрос, хотя фонетика не сулит ничего хорошего.

На любителя...

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». «Одним из неоспоримых доказательств того, что именно ингушский является праотцом и праматерью всех языков мира, служит тот факт, что даже Нельсона, темнокожего Президента ЮАР, родители прозвали Манделой (хорош мальчик!).» В русском языке заимствования из ингушского фиксируются лингвистами повсеместно. Например, в жанре эпической песни: «Не манди! Не манди! Неман — дивная река».

Коронная фраза стала моей первой, твёрдо усвоенной на ингушском. Произношу её без акцента, смакуя. На этот вопрос отвечу в любое время без запинки, хоть ночью поднимут. Хоть на Страшном суде. Гостей теперь спрашиваю с порога — напрямик: «Чей ты, мандила?» Я им всем ещё надоем!.. Ничего-ничего, пусть тоже учат ингушский. А чтоб сам не забыл, напоминанием — кружка с надписью, торжественно врученная в школе на память.

Печатаю очерк, а она, родимая, стоит себе на письменном столе.

Стоит и напоминает о сказочном радушии ингушей.

*

А знакомство с радушной горянкой, талантливым педагогом и директором школы Тamarой Суламбековной Бесаевой — подтолкнуло на лирику!
Вот уж никак не ожидал от себя...

Б.Т.

Словно цепью скована орлица,
Ты тоскуешь на земле давно.
Ты — не беса — Богова крупца
И взлетать нам вместе суждено.
Для тебя мерцает гранью слово
Блеском ненавязчиво-бездонным
Рифма, вдруг пришедшая без зова —
Птицей быть уставшая бездомной.
И строка, как воздух невесомая
Как молитва, что не высказана вслух
Близкая и, вроде, незнакомая —
Как томимый упоеньем дух.

*

Махмуд

Хабар

Махмуд, зажигай!

«Белое солнце пустыни»

Признаюсь честно: если бы не такой провожатый, как Махмуд, никакой книги у меня не получилось бы вообще. Он знает Ингушетию досконально, и все знают его.

Это — сверхинтересный человек!

Мне кажется, если б его жизнедеятельность транслировать по TV в режиме on-lain, как стройку космодрома «Восточный», население переключится с других каналов на этот, прилипнет к экрану — не оторвёшь! Причём не нужны никакие комментарии: просто Махмуд сидит, Махмуд думает... спит, принимает пищу. Лично мне интересно абсолютно всё, чем он занимается. В царской России подобная рубрика в светской хронике была специально предусмотрена, отдельный раздел про монаршую семью извещал страждущих: «После обеда Николай II колол дрова». Что добавить к этой информации? Да нечего!.. Видя Махмуда на экране живым, здоровым, в реальном времени, лично я бы чувствовал бОльшую уверенность в завтрашнем дне. Мне особо импонировало то, что Махмуд — мой ровесник, человек семейный, набожный, сам из добропорядочной многодетной семьи — их девять братьев и три сестры! «Мы сварим с ним кашу...» — первое, о чём я подумал, когда мне представили невысокого, круглого, в тубетейке, добродушно улыбающегося проводника. А если добавить к этому филологическое образование, наличие собственной «Приоры» и необузданное желание показать Ингушетию во всей красе — вот вам и будет полная характеристика моего толмача. Малейший пробел в информации, любые паузы он с готовностью заполнял своей широкой душой, стоило только дать команду: «Махмуд, зажигай!»

— Александр, всё славно! Не знаю только, как будешь спать?

— В смысле?!

— Ингушетия — республика крошечная, если вытянешься во весь рост — ноги окажутся у соседей. Мало-мало скандал будет, дихон [1].

— Территориальный?

— Какой же ещё?.. У нас на Кавказе все конфликты из-за того, что землю делят на ингушскую, чеченскую, дагестанскую, осетинскую — и не считают российской.

— Ладно, ноги подогну.

— О!.. Красавчик!

— Махмуд, зажигай!

— В Ингушетии не принято проводить время за бокалом вина, поэтому заздравных тостов не сочиняют. Устное народное творчество находит выражение в ином жанре — «проклятья». И вот два миролюбивых ингуша обмениваются проклятьями. Один простирает руки в мольбе к небу: «Пусть у тебя в роду умрёт тысяча человек», второй парирует: «А в вашем тейпе пусть погибнет один, который кормит эту тысячу». Если правильно понимаю, тебе нужны не тысячи — «тысячники», кто духовно окормляет, просвещает ингушский народ.

— Да, Махмуд!

— Будем искать...

Повезло с провожатым! Теперь дело за мной...

Боян, автор «Слова о полку Игореве», призывал не «растѣкашется мыслию по древу». Важно, чтоб на страницах книги читателю было одновременно комфортно и парадоксально

интересно, интимно-трогательно и трагично до остановки сердца... до слёз непрошенных, и вдруг радостно, лезгинисто... смешно-ухихикаться до недержания — как в советском общепите! Чтобы чувства варьировали от эйфории до Судного дня. Вот тогда на белом листе бумаги и проступит через корявые чёрные буквы Литература. Вот и будет всем счастье!

Однако чудо возможно лишь на пике вдохновения при встрече с Богом... Идти навстречу Ему, помогут молитвы ингушей, но как... самому стать молитвой?

Как войти в восходящую волну?!

Разные существуют подходы...

Пробольшевистская богема Петрограда, например, по указанию Зиновьева снабжалась не только продуктами, но и кокаином, необходимым некоторым творческим персонам для вдохновения. В дореволюционных аптеках он продавался по рецепту как одно из лечебных снадобий. Под кокаином был написан роман Булгакова «Мастер и Маргарита»; под его воздействием рисовал Михаил Врубель [2]. А деятель большевистской партии Лазарь Каганович, полагал, что мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен твёрдо стоять на генеральной линии партии.

О своей методике творческого стимулирования я писал ранее — уединение на неделю на необитаемом острове в Белом море без еды, с запасом пресной воды: «Пёрышки», «Вешки». Ещё один метод подсказал старец в Ингушетии: «В старину копали яму глубиной метра три, чтобы изолировать от посторонних шумов, но не «зندان». Человеку опускали туда еду, питьё, и он безвылазно, не общаясь с людьми, находится там сорок суток. Говорят, после этой процедуры пробуждаются скрытые возможности, многие из этой практики выходили, зная язык трав, деревьев, насекомых. Существует знание, существует мудрость. Как гласит древняя формула: «Мудрость находится в головах, внимательных к своим мыслям; знание находится в головах, внимательных к чужим мыслям». Когда вы находитесь в обществе, вы нацелены вовне, даже если такого желания нет. Сосредоточиться на себе трудно. Одиночество, отшельничество мыслителям предписано. Ну и, конечно, сочинителям показан горный воздух...

Для меня этнографические поездки с элементами попрошайничества на Северный Кавказ — эффективное средство от писательского климакса и бесплодия. Как почва в засуху ждёт дождя, так писатель жаждет общения с интересным собеседником, с человеком-Судьбой.

— А кроме интересных людей Вам нужны...

— Махмуд, давай на «ты»!

— Давай! ...Нужны амплитудные, яркие события, происшествия.

— Опять в десятку!

— У ингушей есть формула «дик — мо» («хорошо — плохо»). Два полюса: свадьба, рождение детей — «хорошо»; смерть, похороны — «плохо». Однако что бы ни произошло, всегда в огромном котле варится мясо, а вокруг вращается вся остальная жизнь, люди, гортанный говор... Есть животные, о которых мы точно знаем: пришли к нам из глубин тысячелетий — черепахи, ящерицы, крокодилы... всякие панцирные... С тех пор живут, не видоизменяясь. Ингуши точно такие — они с момента мироздания тоже не изменились. Как камни, как горы... Котёл для нас не просто кухонная утварь, не столько ёмкость для варёва. Котёл с мясом — олицетворение союза четырёх стихий: металла, огня, воды и земли.

— Да, нужно искать символы...

— Будем искать! А сейчас едем размещаться...

На аншлаге, растянутом над воротами, висела угрожающая надпись: «ГБУ ЦВППМВС».

— Боюсь, мне ваш язык не осилить...

— Ты полагаешь, это на ингушском?

— А на каком?..

— На русском: «Центр военно-патриотического воспитания и подготовки молодёжи к военной службе». А вот что означают три первые буквы, не знаю даже я.

— Три буквы обычно не означают ничего хорошего.

— Вам, писателям, видней... Вот тут, в одном из домиков, и будешь жить.

Всюду благоухали груши, яблони в свадебно-белом цвету... Казалось, сами домики утопают в цветах и чарующе пахнут, настраивая совсем не на работу... Дурманящая красота.

И вдруг солнышко скрылось.

Одиночные капли.

Стал робко накрапывать дождик... смелее, смелее... Хлынул ливень, ветер сделался порывистым, дерзким. Груши гудят, качаются, осыпая белый цвет. На улице сыро, зябко, и от того в тёплом домике ещё уютней и теплей. А спустя час — опять солнышко!

Вечером выбрался на лавочку в парк... Кругом, как в раю...

Прилетела ингушская ворона, думаю: «Она такая же ушлая, как наши, или нет?» Поклевала горбушку, закончив трапезу, сорвала листок одуванчика, укрыла кусок хлеба — заметно! — ещё листок, ещё, пока не спрятала надёжно. (Такая же!) На следующий день прилетела, достала свою добычу, попробовала клевать — хлеб засох, не отщипнуть. С сухарём в клюве перелетела к луже, опустила в воду отмокать. (Ингушская круче!!!) Дальше за птицей наблюдать возможности не было, попросил сторожа Абу. Тот обещал.

Махмуд мне рассказывал, что старики отличают горных жителей Ингушетии от равнинных по походке: горцы ходили чуть-чуть впрысядку. Я решил понаблюдать за прохожими, проверить... И точно! Смотрю мужичонка идёт именно так... чуть-чуть впрысядку. Горец! Гляжу, он ускоряется, быстрее-быстрее и... — нырк в сортир.

Примечания:

[1] Дихон (Дий хьона — инг.) понимаешь — прическазка Махмуда.

[2] Анатолий Шуклецов «Допинг».

*

Свадьба сына Солнца

Хабар

*Люди рождаются разными, и
каждому под солнцем есть место.*

Махмуд захлопнул водительскую дверку:

— Сегодня у нас по плану свадьба в селе Мужичи!

— На свадьбе уже был, село знаю. Вычёркивай!

— ...У жениха синдром Дауна, — настойчиво продолжал Махмуд. — По российскому каналу недавно слышал: восемьдесят пять процентов родителей в России от детей с таким диагнозом отказываются. В Ингушетии своих не бросают, дихон. Синдром Дауна — диагноз серьёзный, а тут ещё свадьба... Это даёт надежду другим людям. Поступок ответственный для той и другой стороны. Переступить молву, осуждение, пересуды — непросто. Одно дело — видеться с таким человеком на улице, мимоходом, раз в неделю, другое дело — породниться. Называют таких «дети солнца».

— И?..

— Хорошо знаю семью жениха, отца. Магомед Бесаев — сам человек неординарный. Однажды он ехал в Назрань с двумя местными аксакалами; машина старая, и прямо на железнодорожном переезде — представь! — двигатель заглох. Тут поезд... Магомед выскочил из машины, орёт старикам:

— Выходите быстрее!..

А те:

— На всё воля Аллаха, — не вышли.

Он постоял и... обратно сел в машину, за руль.

Поезд на них летит, гудит... ближе, ближе, ближе... врезается. Машину всмятку, старики погибли, Магомеда врачи спасли.

— Махмуд, зажигай!

Повезло мне с проводником: у него буквально нюх на людей, на события «федерального масштаба» — так условно называю материал, который интересен всей стране от Мурманска до Камчатки.

— Жениха зовут Абдурахман, — вводил меня в курс дела провожатый. — Хотя считается больным, вреда от него нет. Соблюдает все наши обычаи, уважает старших, и его не обижают. Он может зайти в любой дом, покушать, чаю попить. Никто не брезгует им, никто не возносится, не пренебрегает, не смеётся. Жалеют. Каждый человек живёт своим умом. Если ты человек просвещённый, цивилизованный, то не станешь насмехаться над ближним, над его слабостями, странностями, болезнями. Такой даже над собакой не будет смеяться.

— Согласен.

— На селе прекрасно знают: с ранней юности Абдурахман молился, просил у Аллаха себе невесту. Все соперничали, однако считали: не женится никогда. Диагноз такой!.. А недавно ему девушку сосватали. Договорились уже, калым заплатили, наметили дату свадьбы, и внезапно родители невесты потребовали сверх оговорённой суммы ещё триста тысяч. Откуда у родителей такие деньги? Свадьба разладилась. Думали, всё — ничего не выгорело... Через пару дней узнаём: нашли другую суженую.

Мы свернули в сторону гор.

— Сколько помню, Абдурахман мечтал: «Жениться бы! Жениться бы!» Мне самому радостно: нашлась для него пара, девушка дала согласие... одним счастливым человеком на Земле

больше. Представь, дети народятся. И слава Богу! Человек хочет жить. Хоть больной — не больной. Каждый человек хочет жить. Собака и та хочет жить. Земля круглая, вертится, и закручена она не нами... Инвалиды, которые рядом, многим портят настроение. Их стараются избегать. Наивные, считают, их беда не коснётся. Нет. Никто не застрахован. В одном из хадисов сказано: «Никто не родился в рубашке чести, никто не уйдёт в рубашке чести». Все люди на Земле от Адама и Евы. У меня есть глаза, есть руки, есть ноги — мне проще, но я видел слепых, безруких, они находят мужество жить. У меня друг, бывший сотрудник ОМОНа, во время перестрелки получил тяжёлые ранения, стал инвалидом-колясочником. Жена, как беда случилась, наутро ушла. Но он не пал духом, нашёл девушку, которая согласилась за него выйти. Народили двух прекрасных детей. И никто — слышишь! — ни один человек в Ингушетии, не упрекнёт их за то, что они счастливы, дихон.

— Махмуд, дай его адрес и телефон.

— ...Познакомлю вас. Говорят, кавказцы «дикие», а нам кажется дикостью, когда в России самых близких людей, отца с матерью, сдают в дом престарелых. Будто немодную, ненужную вещь. Мать тебя носила под сердцем, произвела на свет, кормила, воспитывала, надеялась на тебя, верила, любила... А ты в ответ... И когда от родного ребёнка отказываются, оставляют его в больнице — обычное предательство, в какие бы красивые цивилизованные слова не упаковывали суть. И кто из нас дикий? Вопрос. Если такое сделает ингуш, его не будут считать за человека, общаться не будут, проклянут. Мы старость уважаем, молодых жалеем. Каждый человек имеет свой изъян. Каждый, по сути, — инвалид. Просто его ущербность не всегда заметна и не всем. У каждого, даже сильного, бывают минуты слабости, когда человек нуждается в помощи, хоть не просит, не молит о ней. Человека нужно в такой момент не гнობить, не добивать, наступив на большую мозоль, — поддержать. Не для него — для себя самого. Для спасения своей души. Такие у нас законы, традиции, адаты. Вы сами, наверно, чувствуете.

— Ещё как чувствую...

Мы въехали в село Мужичи. Опять Мужичи, куда ж без них? Все дороги ведут сюда.

Издали можно понять, где проходит горская свадьба: вдоль обочины выстроились вереницы машин, кучкуются горцы, на дворе в огромном чане ароматно побулькивает мясо, радостно снуют детишки. Махмуд нырнул в гудящую толпу и вернулся не один:

— Вот, Александр, познакомьтесь: Бесаев Магомед — отец жениха.

— Салам алейкум, — я с интересом разглядывал своего ровесника-ингуша.

Мы уединились с Магомедом, и я включил диктофон.

— Вы, наверно, слышали, первый раз у нас сватовство разладилось. Ломал голову: как сообщить Абдурахману? Расстроится. Как сказать, чтоб не искал виноватых, кроме себя. Придумал! До этого велел ему сидеть дома: по нашим традициям жених до свадьбы на улицу носа не кажет — он всё одно укатил на попутке к племяннику в Сунжу. Объясняю ему:

— Ты ослушался родительского слова, родители невесты узнали: не соблюдаешь адаты, разгуливаешь по району, вот и отказались от свадьбы. Зачем им такой жених!

Голову опустил, помрачнел:

— Теперь буду тебя слушаться.

— То-то.

А сам давай искать ему пару с удвоенной силой, везде искать. Сын так хочет, настроился... И повезло, подсказали добрые люди девочку, под стать ему. Что могу ещё про сына сказать?.. Читать не умеет... даун.

— Сейчас таких — большинство, — успокоил я. — Современный молодой человек!

— ...Так-то он работающий, помогает по хозяйству, что скажу, всё аккуратно исполнит: коровам сена поднесёт, ящики погрузит, навоз выкидает, в хлеву порядок наведёт... После него чисто-чисто; песок, гравий притащит, жерди из леса для изгороди. Бывает, сделаю замечание, поправлю — обидится. Напрямую не возразит, через мать: «Зачем он мне по два раза повторяет? Я сам знаю, как надо!» Лезгинку станцует, ни у кого лучше не получится. Арабские нашиды под музыку напевает: слова не выговаривает, а мотив соблюдает. Молодые будут жить у нас дома, за ним ведь требуется постоянный присмотр, как за маленьким, до конца жизни. Бывает, у него

спрашиваешь: «Почему так сделал? Я же тебе несколько раз объяснял, показывал». — «Не знаю... Так получилось». Что тут скажешь?... Говорю: «Зачем туда поехал?» — «Ноги меня повели...»

— «Ноги повели!» Надо записать, — радостно встрепенулся я. — Думаю, ответ Абдурахмана и мне сослужит добрую службу, например, в беседах с женой. «Ноги повели!» — не придерёшься.

— Да, он мастер на всякие «отмазки», уловки. Курит, но никогда не попросит: «Дай денег на сигареты! Папа, купи!» Нет. Это ниже его достоинства. Он мне невзначай, как бы сетуя на несправедливое устройство жизни, проронит: «У твоего сына нет сигарет». И гордо покинет сцену. Согласитесь, картинка уже рисуется иная: не он привержен постыдной, пагубной привычке, не он, как маленький, «стреляет» чинарики, — нет! Я — невнимательный, никудышный отец. Чувствуете разницу?! Решил показать личный положительный пример и его увлечь: «Абдурахман, давай проверим, кто из нас настоящий мужчина, кьунах?! Давай бросим курить!» — «Забили», — тычет своим кулаком в мой кулак. (Откуда знает, как нужно держать пари, — понятия не имею.) Наутро смотрю, ходит по двору, дымит. «Абдурахман, ты чего? Мы же договорились бросить!» — «Так это было вчера...» Клянусь, рядом с ним я почувствовал себя наивным ребёнком.

«Так это было вчера», — я записал в личную копилку и этот аргумент мудрого Абдурахмана, аргумент неубиенный.

— Бывает, у меня сигареты закончатся, ночь на дворе... Тихонько зайду к нему, чтоб не беспокоить, не будить, возьму у него из пачки пару штук — утром обязательно упрекнёт. Не зло, а так... снисходительно, сверху-вниз: «Ко мне забирались воришки». И опять скажет не напрямик — а как бы... с небес... обезличенная реплика в зрительный зал: укор Человечеству за низменные слабости, пороки, бездушие.

Марьям, мать жениха, светилась от счастья:

— Я всегда старалась угождать его желаниям, что-то просит — покупала, спать не ложится — не заставляла. Жалко его, очень жалко. И тяжело... В то время ведь ни памперсов, ничего. Клянусь Вам, до утра не спала, лишь бы остался сухой. Искала для него спецшколу, но у нас не было тогда... Молилась Аллаху, просила, чтоб дал моему сыночку счастье, чтоб почувствовал он полноценную жизнь. Он у нас очень ранимый, обидчивый. Отец только голос повысит, сразу идёт ко мне жалуется. Объясняю, ведь папа любит тебя, хочет, чтобы ты рос хорошим. Головой мотает: «Знаю, ты меня успокаиваешь!...» Я старалась с самого детства, чтобы побольше бывал на людях: на похоронах, на свадьбах. Радовался за друзей, когда женились, и сам всегда хотел. Сильно-сильно хотел. Не разубеждала, а сама думала: ну куда ему? И решила женить младшего сына. Он как обиделся: «Я чем хуже?» Знает: по ингушским законам первым женится старший.

— Буду искать ему невесту, — решил муж.

Сперва полагала, шутит... Но, смотрю, на самом деле стал искать Абдурахману девочку соответствующую... Другую за него не дадут, у тех свой мир. Год назад купили ему спальный гарнитур. Как-то лежим с ним на кровати, и вдруг он спрашивает:

— Мам, ты меня правда женишь?

— Конечно, женю. Для чего же, по-твоему, покупали новую мебель?

— Мамочка — ты у меня самая хорошая! — и давай целовать меня с ног до головы.

Мне так стыдно стало, что лукавлю... что вера моя слаба. А всё же червь сомнений в душе покоя не даёт, гложет. Допытываюсь:

— Для чего тебе жениться-то? — сама уже всякого в голове напридумывала.

— Хочу, чтобы жена встала утром, кушать приготовила, позвала папу: «Папа, садись за стол!» Хочу, мамочка, чтобы тебя она пригласила: «Мама, иди, накрыла на стол!»

Я как разревусь...

Односельчане радовались за Абдурахмана так, будто разрешилась, устроилась судьба их сына — не постороннего человека. И самое главное, счастливы молодожёны.

Я бы никогда не поверил в это, ежли б не видел сам.

*

Письмо

Хабарик [1]

*У каждого слова есть своё место.
ХIарача деша ший моттиг я.*

Ингушская пословица

Получил из Ингушетии весточку:
«Александр, ты спрашиваешь, где найти Юмор? Прислал нам стих Григорьева:

Старушка с пакетом мыла
Шла, ругаясь, кряхтя и хромая,
И вдруг на полном ходу вскочила
На задний буфер трамвая.

Нашид [2] этот обсуждали на Совете тейпа.

Главный старейшин Магомед гаварыл, все поддержали его, что Юмор — точно не ингуш, в нашем роду таких нет. Опиши, какой из себя! (Найдём его непременно, никуда от нас, собака, не денется.) Ещё Магомед спрашивал адрес той женщины. Сейчас собираем ей садака — продукты, одежду, тоже мало-мало деньги. Зачем её не пустили в трамвай? Негодяи!.. Если нет денег на билет, мы вышлем. А так ездить нельзя: ветер задерёт подол, оголит ступню — харам! Грех великий! Ещё хотим сказать Григорьеву и всем его родственникам: нельзя старого человека отправлять в магазин, — как только им не стыдно! — пусть сходит невестка или кто из внуков. Если возможности нет, Магомед отправит своего племянника, он, иншаалла, её наготово отвезёт-привезёт.

Писал, по поручению Совета тейпа, Магомед — другой Магомед, не в папахе.
Образование у меня тоже мало-нету...
Тебе нравыцца мой жоп?

Лишь недавно я узнал, что «жоп» по-ингушски значит «ответ».
Вот и попробуй из этих кубиков выложить слово «счастье».

Примечания:

[1] Хабар — рассказ, молва, слух; Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);

[2] Нашид — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов;

*

MMS из прошлого

Малумат [1]

— Они взяли лучшие экспонаты.
— Я же сказал барышням:
брать ковры похуже.
— Это же сорок четвертый век!

«Белое солнце пустыни»

Махмуд посоветовал встретиться с Ахильговыми:

— Ингушский войлочный «ковер-истинг», слышал про такой?

— Нет.

— Вот и у нас почти никто не слышал. Возрождают древнее ремесло из небытия.

Я послушно созвонился, и мы встретились в Магасе, в кафе «Обанхо».

Седовласый интеллигентный мужчина представился:

— Ахильгов Герихан Мухарбекович, строитель по образованию, начальник проектного отдела дирекции Федеральной целевой программы социально-экономического развития Республики Ингушетия: проектирование и контроль исполнения проектных решений строящихся объектов.

— Это сильно страшно...

Действительно, меня сперва кинуло в жар, затем в холод, затем опять в жар.

Ведь нужен-то позитив! С качеством строительных работ знаком не понаслышке! Бескрайни допуски и посадки в России, как сама Русь. А ежели помножить общероссийские традиции сдачи объектов на кавказские адаты... Блоки оконные и дверные, стены, перегородки, кровля подтанцовывают лезгинку в такт шагам. У-уу! Лучше этот 25-й кадр деликатно опустить.

— Герихан, извините, я, верно, ошибся... Мне рекомендовали с Вами встретиться по другому вопросу... творчество... возрождение войлочного дела.

— Ковры — наше семейное, с сестрой Райшат занимаемся.

— Сестра по образованию?..

— Швея-мотористка.

— Думал, опять скажите «проектировщик».

— Не бойтесь... А начало всему положил этот альбом.

Герихан возложил на стол пухлый фолиант ручной работы, с крышкой из дублёной бычьей кожи, с мощными медными замками.

— Сколько себя помню, равнодушен к истории своего народа. Свыше предопределено, что в Москве, на книжном развале, не смогу пройти мимо, отложить в сторону этот потёртый альбом. Я тогда заканчивал учёбу в дипломатической академии...

«Не ошибся, туда попал, — облегчённо выдохнул я».

— У торговки ветхой утварью под кучей журналов случайно заметил край обложки с надписью на ингушском языке латиницей: «ГалгIай...» Сдвинул в сторону пыльную стопку книг, освободил фолиант на свет. Не поверите, руки задрожали... На кожаной обложке тиснением надпись: «ГалгIай гIарчIож» — «Ингушские орнаменты 1921 — 1924». Оказалось, женщина родом из Казахстана, там она и встретила ссыльных вайнахов: чечены-ингуши? — точно не знает:

— С нами под одной крышей жили, питались из одной посуды...

— И что с ними потом? — спрашиваю её, у самого сердце замерло.

— ...Такие листы ещё дома остались, с узорами, — не слыша вопроса, продолжала она.

Отдал ей все деньги, что были с собой, посулил ещё, и на другой день она принесла недостающие страницы. Но о судьбе ссыльных так ничего и не сказала, как ни пытал. Отводила взгляд, замолкала. Этот раздел советской истории — сплошное багровое пятно запёкшейся крови. Жизнь человека тогда ничего не стоила, за горстку зерна отдавали жизнь, не только вещи.

Находка альбома, реконструкция его, реставрация круто изменили всю мою жизнь. Я показывал рисунки учёным-этнографам, сам переводил авторские пометки, комментарии. Некоторые наброски датированы XVII веком. Это диво! Память о самобытной культуре нашего насильно депортированного народа тщательно стирали, архивы, библиотеки, научно-исследовательские институты советская власть целенаправленно уничтожала, документы, артефакты бесследно исчезали в годы войны в Грозном, Владикавказе. И потому такие манускрипты для ингушского народа — святыни. Извини, Александр, что хвастаюсь!.. Меня переполняет счастье.

— И есть чем гордиться заслуженно. Можно посмотреть?

Герихан бережно передал альбом.

— Тяжёлый, — навскидку оценил я, — тяжёлый от слёз...

— Постепенно понял: случай позволил мне стать обладателем не просто набора выкроек модниц минувшего века, на страницах изображён не произвольный набор роговидных элементов, солнца, звёзд и солярного знака. Нет, орнаменты эти — своего рода летопись, старинный формат передачи информации. Каждый из рисунков — повествование о религиозном, военном, семейном укладе родоплеменного языческого общества ингушей, увековеченная череда побед и скорбь поражений. У ингушей не было своей письменности — чего не было, того не было — но на войлочном носителе информация передавалась. Если создавали большой ковёр — выходило полотно эпическое, если салфетка — своего рода MMS.

По ингушской легенде, девушка, которую умыкнули, смогла из неволи через аппликацию войлочного ковра, через шифрованный рассказ о случившемся, языком орнамента передать на волю весточку о похитителях. Как правило, рисунок на ковре симметричен, линии непрерывны. Там, где симметрия нарушается, линии пересекаются — информация негативная: художник осуждает либо предупреждает об опасности. Подтверждением моих догадок служат рукописные пометки автора-коллекционера: «В Буро [2] земля изобильная, благородная — баракат»; а этот орнамент повествует о том, что в «Ахки-юрт [3] процветает кровная месть, нет единства».

— «Шершавым языком плаката» художник осуждает односельчан.

— Да. Под рисунками ковров указаны названия населённых пунктов, где они созданы: «Насыркортский войлок», истинги из сёл Мочхи-юрт, Фалхан, Бейни. Глава республики Юнус-Бек Евкуров, с трепетом перелистывая страницы, нашёл орнамент своего родового села Ангушт [4]. В каталоге встречаются условные изображения животных, птиц: отчётливо обозначена голова барана, парящий орёл. Это характерная особенность! Выходит, народное искусство имело хождение в бытность язычества. После принятия ингушами ислама введён жёсткий ЗАПРЕТ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЮБЫХ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ.

Герихан подвёл меня к ковру на стене:

— Мы с сестрой в родовом горном селе стали возрождать утерянные традиции войлочного дела — это неимоверно адский труд: сначала овец стригут, потом шерсть промывают, сушат, расчёсывают, вручную валяют. Затем полотна красят, сушат. В старину использовали натуральные красители из растений, цветов, корневищ кустарников, ягод, минералов, извести. На основе альбомных эскизов сделали выкройки-лекала, по ним наносим рисунок на фертаж, вырезаем, аппликации пришиваем, ковёр утюжим. У сестры с успехом прошли персональные выставки в Тбилиси и Москве, в Кремлёвском Дворце. Сейчас в коллекции Райшат больше двадцати ковров с различными орнаментами, цветовой гаммой и смысловым содержанием. Это реальные, воссозданные с научной точностью предметы материальной культуры. А ведь зачастую, прикрываясь патриотическими лозунгами, блефуют, торгуют воздухом... Шарлатанство!

Нужно опираться на подлинники! Мы стараемся собирать национальную ингушскую мозаику по кусочкам, пытаемся схватиться за соломинку, верим, что так спасём культуру, а значит, спасёмся сами.

После этих слов Герихана я вспомнил, как в каждом кавказском ауле мне доверительно показывали ветхозаветную лачугу Адама — своего односельчанина, — добавляя, что именно их диалект, их местное наречие, их родной язык и есть тот самый прапрапраязык всех времён и народов. Настойчиво выпытывали: согласен ли. Я, виновато потупившись, оправдывался: мол, точно не помню, много лет прошло, маленький был тогда. В общем, действовал строго по инструкции, услышанной в фильме «Джентльмены удачи»: «Основной упор делайте на частичную потерю памяти!»

В данном случае всё по-честному, по-взрослому, не понарошку.

К моменту разговора я чувствовал себя наполовину ингушом, потому прекрасно понимал: Герихан открыл не только ингушам — всему миру! — ещё одну страницу истории человечества.

Примечания:

[1] Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

[2] Буро — древнее ингушское название Владикавказа;

[3] Ахки-юрт — село Сунжа — Сунжаэ (осет.) — село в Пригородном районе Северной Осетии-Алании.

[4] Ангушт — село на юге Пригородного района, осетины назвали его Тарским;

*

«И дики тех ущелий племени...»

Хабар

— Вот у меня есть друг, тоже учёный, у него три класса образования.

Фильм «Джентльмены удачи»

Махмуд меня наставлял:

— Ингушетия, как и российский парламент, — не место для дискуссии! Соглашайся, кивай, поддакивай... Ингуши не любят, когда им перечат и слышат только себя.

— Никому не нравится, когда глядят против шерсти. А если?..

— Без если. Ты же не хочешь резни, мордобоя? Каждый ингуш считает себя учёным и ждёт обращения почтительно-восторженного, наравне с Юрием Гагариным.

— С Валентиной Терешковой можно?

— С Валентиной можно.

Он задорно хлопнул меня по плечу:

— Вспомнил одну притчу о гостеприимстве.

Приехал как-то в ингушское село писатель и спрашивает у горцев:

— У кого я мог бы найти ночлег?

— Конечно, у Магомеда: он встретит, накормит, спать уложит, только...

— Что только.

— У него есть одна особенность.

— Какая?

— Он каждого гостя избивает.

Писака почесал затылок, но ситуация сложилась безвыходная, ночевать где-то нужно, и согласился он стерпеть всё, даже побои. Постучался в дом к Магомеду:

— Можно ли у вас переночевать?

— Да, можно!

Хозяин показал, где привязать коня, принёс в торбе овса, позвал путника в дом, накормил и уложил спать. А тот крутится, не может заснуть, всё гадает: «Когда придут лупить?» Однако ночь прошла спокойно. Утром хозяин накормил литератора, проводил до ворот и пожелал счастливой дороги. А тот всё не садится на коня, всё ждёт-ждёт подвоха, не дождался и спрашивает:

— Односельчане говорили, будто вы постояльцев избиваете?..

— До тебя приходили гости, которые забывали, что хозяин я. Ты же послушно делал то, что велят. Потому бить тебя — повода не было.

Не давай повода, турист: соглашайся, кивай, поддакивай. Побольше дифирамбов, полюбезней комплименты. Тогда не придётся выяснять: «Почему аборигены съели Кука?» И самое главное, Александр, давно собирался тебе сказать: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит» [1].

Махмуд явно передёргивал, касаясь манеры кавказцев вести диалог.

В Ингушетии я беседовал с людьми исключительно высокообразованными, лучшими из лучших. Никто из них... ни разу!.. не пытался доказать свою учёность мордобоем.

И Макшарип Чапанов не из тех, кто поминутно выхватывает кинжал из ножен.

Макшарип верит в силу слова:

Слово побеждают словом, оружие побеждают оружием.
Дош дешо юхатох, гердз гердзо юхатох.

— Собрался однажды на поезде в Москву, затаскиваю вещи, в купе сидят муж с женой — в мою сторону даже не смотрят, точно я дикарь. Ингуштина!.. Пришло время обедать: кавказцы же народ гостеприимный, не могу кушать один, неудобно... не по-людски это. А те сидят надувшись, как клопы. Свёртки распаковываю, шуршу, придвигаю ближе к ним:

— Давайте знакомиться. Я ингуш, мы людей не кушаем, угощайтесь!

У мужчины в руках томик Лермонтова.

— Хотите, для знакомства почитаю что-нибудь из Михаила Юрьевича — это мой любимый поэт. Или из Пушкина, из Есенина — знаю все их произведения наизусть. Русские поэты, писатели стали великими только после путешествия на Кавказ.

И я стал цитировать любимого пиита:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомнения,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Нижняя челюсть у мужика отвисла, жена разулыбалась.

Холод исчез...

— Лермонтова на Кавказе ценили даже больше, чем на родине. Чеченцы подарили Лермонтову белую бурку, чтобы случайная пуля не задела великого поэта в бою. Помните его поэмы «Демон», «Валерик», «Измаил-Бей»? — собеседники, уже не скрывая изумления, тарасились на меня:

И дики тех ущелий племена,
Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных...

— Жёсткий портрет Кавказа, — не удержался мой попутчик, — далёкий от лести.

— Михаил Юрьевич описывает истинные свои чувства: он, молодой повеса, дворянин, приезжает в чужой, неродной край из блестящей столицы, приезжает с оружием в руках, поработать — не в гости. Любой на его месте так бы мыслил. Я понимаю его лучше, чем кто-либо... Во время срочной службы в Чехословакии местный торговец мне заявил: «Оккупант! Иван, убирайся домой!» Тоже казалось диким слышать в свой адрес такие слова. Так и Лермонтову... У каждого народа свои представления о том, что правильно, что дико. Я служил в лётных войсках, замкомвзвода, старшим сержантом. Когда чех, на ломаном русском, упрёк бросил, я оторопел:

— Отец, — говорю, — ты вроде нормальный человек, на русском языке сносно изъясняешься. Не знаю, как ты, а я вашу историю изучал. Ты же славянин?

— А ты что, не русский что ли?

— Конечно, нет... Я — ингуш. Я — не Иван. Я — Макшарип. Мы входим в состав Советского Союза, так же, как вы входите в Варшавский договор. Мы сюда пришли не силой — вы нас позвали.

Мнётся, чешет затылок, куда только вся агрессивность делась...

А я спокойно продолжаю:

— Во время войны мы вас защитили от фашистов, а то бы никакой Чехословакии, никаких чехов в помине не было. И ты такие дерзкие слова мне бросаешь в лицо, негодяй! Если бы ты тогда воевал против Гитлера с нашими солдатами бок о бок, ты бы сейчас такие слова не произнёс. Ты, похоже, фашист!

Старик рассмеялся. Мы подружились и потом братались до конца службы.

И в поезде та семейная парочка расслабилась, лица порозовели, стали кушать со мной, беседовать, смеяться, как с человеком... как с равным. Мужик хлопает меня по плечу:

— Макар, — меня близкие зовут Макар, — клянусь, до встречи с тобой не думал, что кавказцы бывают такие, по телевизору другое показывают. Нам скоро сходить, не поверишь, не хочется расставаться — так бы говорить и говорить с тобой! Жена тоже улыбается, кивает.

Русским сюда нужно приехать, пообщаться. Пусть сами увидят, как здесь здорово!

А избранникам Муз просто не обойтись без такого вояжа:

Издrevле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом [2].

Я с Макаром согласен полностью.

Примечания:

[1] «Мертвые души», Н.В. Гоголь;

[2] Сергей Есенин.

*

Народные промыслы

Хабарик

Господь и намерение целует.

Николай Гоголь

Махмуд пошуршал мятой исписанной бумажкой:

— Сегодня по плану «Народные промыслы».

— В Малгобеке?

— Да... Я бы рад, Александр, показать тебе ингушский Колизей, местную крепость Нарын-Кала, но у нас нет памятников ЮНЕСКО, нет ветхозаветных городов, нет грандиозных достижений в науке, технике, искусстве, литературе... Пустоту в интеллектуальных победах приходится заполнять дешёвыми понтами, воздухом. Ингушетия — красивый воздушный шар.

— А родовые башни?!

«Господи, до чего мы похожи! — невольно поразился я. — В России ведь тоже самая удачная продукция — дети, и беда тоже одна — маловато земли.

Мы делаем, что можем:
Воюем и поклоны бьём [1].

«Может, нас на уроке биологии обманули и мы действительно произошли от ингушей?» — я посмотрел на Махмуда теплее. Я уже давно пытаюсь разгадать нашу возвышенную неуловимо-загадочную русскую душу:

Мы

По собственному заверению — агнцы Божьи;
По планам — межпланетные;
По факту — недооценённые;
По укладу — общинные;
По собственности — крепостные;
Повседневно — хмурые;
Под настроение — работающие;
По-пьяне — угарно-лютые;
Поутру — жуликовато-набожные;
По показаниям соседей — шубутные;
По душе — сердобольно-желчные;
А по сути — сентиментальные романтики [2].

В мастерской по производству изделий из керамики, фарфора я не в силах был скрыть упоения: сувенирные башни и посуда, подарочные кубки и статуэтки... — продукция мастеров рассчитана на массового покупателя и на искушённую богатую публику из самых-самых верхних эшелонов власти. Чудо какое-то!.. Чудо, созданное неутомимыми золотыми руками.

Может, я своему народу враг?

Почему я с пеной у рта, набухшими на шее жилами, не пытаюсь перекричать собеседников, что именно МЫ — МЫ! — не ВЫ, не ОНИ! а МЫ — всё самое хорошее! ВЫ — грязь из-под ногтей!

Возможно, оттого, что я — верующий. Боюсь навлечь гнев Господа на свой народ!.. Мой Бог, настойчиво обращает внимание на историю: как только одни народы начинают говорить о своей «богоизбранности», о наличии «блата» на небесах (намекая тем самым, что Создатель у них на посылках!), так другие с Божьей помощью тут же растапливают крематорий, готовят составы с теплушками для высылки, иные козни...

— Апч-хи! Апч-хи!!

Косвенно Махмуд подтверждает мои догадки.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

[2] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*

Птицы небесные

Ахи

Долг души — полёт.

Марина Цветаева

Школа-интернат для слабослышащих и глухонемых детей в городе Сунжа.

Асет Баркина.

Нет, она не глухонемая, нормальная. А вот я, увидев Асю, сперва, на какой-то момент, онемел... Когда сознание, речь, слух вернулись, включил диктофон.

Ася уже давно о чём-то увлечённо рассказывала.

— ...С 2012 года интернат находится под попечительством Российского Императорского дома Романовых. Я работаю здесь воспитателем, преподаю историю.

Дети при поступлении к нам не умеют ничего. С помощью фонетической зарядки учим их произносить звуки, учим ребят читать, писать, шить, вязать, петь, танцевать. Учим их адаптироваться в сложном мире: сделать покупку в магазине, приобрести билет на поезд, самолёт. Это сложная задача. Не всё получается сразу. Есть девочка... Когда только поступила... Попросишь её прочитать стихотворение, ответить на вопрос... расстроится, начинает плакать. Хорошая, умная девочка. Ей помогали все. Теперь слёзы — в прошлом.

Недавно завуч вспоминала эпизод из своей школьной жизни: «Учились в пятом классе. Прозвенел звонок, учителя нет. Вдруг заходит классная и объявляет: “Ребята, занятий не будет, у Галины Семёновны умерла мама” — “У-рра!” Мы ничего ещё не понимали», — призналась она. И наши ученики тоже рады, когда урок отменят. Дети — всегда дети! Просто наши и горе-горькое, и радость выражают жестами. Педагоги, весь персонал тонко чувствует этих детей, понимает, как самих себя. Они нам, как родные. Здесь иначе нельзя... Мы хотим, чтоб ребята выросли, вышли в люди, стали полезными своей республике, стране. И успехи заметны: Адам Хакиев — наш выпускник — занял первое место на чемпионате мира по греко-римской и вольной борьбе. Прославил Ингушетию, всю страну. Привёз на родину золотую медаль и с ней пряником — к педагогу-тренеру... тренер тоже глухонемой. Говорить Адам не может, жестами показать — руки заняты. Повесил медаль на шею учителю и тогда объяснил на пальцах: «Это Ваша заслуга!» Эмоции всех переполняют, хочется петь, кричать от восторга... тренеру тоже, а он в ответ лишь благодарно замыкал.

— Ты сама-то знаешь язык жестов?

— Да, без этого никак.

— Покажи!

Ася и меня обучила главным жестам глухонемых, к тому же язык этот международный: оказывается, указательные пальцы, направленные на собеседника, означают вовсе не устрашающий хулиганский жест: «Моргала выколю!», вполне себе миролюбивый вопрос: «Как дела?»; вместо «здравствуйте» здесь задорно чешут под мышками; «спасибо» — словно сидел на уроке, подперев кулаком щёку, закемарил и... кулак соскользнул вверх по лицу.

— Каждый человек — личность, каждый человек — необъятный мир. Глухонемой человек — мир особый. Уж на что у нас адаты строгие, и то в любом конфликте два глухонемых объединятся против своих родителей, против своей нации, против всех. Природа заложила в них такую особенность. Для них нет никого ближе, чем собрат по несчастью. Общий недуг связывает их сильнее традиций, кровности, гражданства вместе взятых. Для них не существует другого языка, другого цвета кожи, другой веры. Для них если хороший человек ещё и глухонемой — в два раза лучше.

У них нет понятия «иностранец», для них не существует границ...
Они как птицы.

— Не просто птицы. Курица тоже птица... А это — птицы небесные.

Интересно, наступит ли на Земле такое время, когда все хорошие люди, независимо от религии, цвета кожи, языка, национальности будут друг с другом так же солидарны, как глухонемые между собой.

Чтоб стать, как птицы небесные...

*

Философия ингушского языка

Хабар

*Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.*

Валерий Брюсов

Признаюсь честно: изучать «человеческий материал» интересно, но крайне трудно.

Что впереди: «одуванчик» или «святилище»? Угадать заранее по анкетным данным, рекомендациям — невозможно. Амплитуда доброжелательности, рода занятий, возраста, образования, вероисповедания, национальности, пола, личных пристрастий, интеллекта собеседников прыгает от встречи к встрече, словно кардиограмма испуганного кролика.

Беслан Кокархоев бегло оценил меня и доверительно, по-ленински, сообщил:

— В хадисах сказано: «В День воскресения Всемогущий и Великий Аллах свернёт небеса, потом схватит их правой рукой, потом скажет: “Я — Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?” Потом Он свернёт земли левой рукой...»

Я, признаюсь, после этих слов на какой-то момент отключился, попытался представить себе то, о чём сказал Беслан, увидеть эту картинку... Невольно мысли мои перескочили на теорему Пуанкаре.

Теорема Пуанкаре

То, что написано мелким шрифтом, обычным, нормальным людям читать не советую.

Навеяло:

Григорий Перельман обронил загадочную фразу: «Я знаю, как управлять Вселенной!»

Но, обо всём по порядку.

Сферы бывают разные: одномерная сфера расположена в двухмерном пространстве в виде окружности на плоскости (пока, вроде бы, ничего страшного!); двухмерная сфера — поверхность шара; трёхмерная сфера — суть теоремы Пуанкаре — поверхность четырёхмерного шара. Говорят, мы — внутри такого геометрического тела. Математики (желая успокоить население, хотя этим пугают ещё больше) приводят своё описание трёхмерной сферы: «Наше привычное пространство, считаемое неограниченным, определяется тремя координатами (X, Y, Z). Однако если в любом из направлений — вверх, влево, вперед — начать двигаться по прямой, через какое-то время с противоположного направления мы вернемся в исходную точку, поскольку любая прямая в пространстве «трёхмерного тора» становится окружностью». Для понимания теоремы Пуанкаре это обстоятельство имеет принципиальное значение! Если объяснять на пальцах, то в общем виде этот постулат о гомеоморфности всякого многообразия размерности n и сферы размерности n как необходимом условии их гомотопической эквивалентности. Знаменитая теорема Пуанкаре относится к варианту, когда $n=3$.

Интересно, в сунженском интернате глухонемых какими пассажами стали бы показывать эту фразу?

Боюсь, одними пристойными жестами тут не обойтись...

В отличие от двухмерных сфер трёхмерные сферы недоступны непосредственному наблюдению, и представить их так же трудно, как Василию Ивановичу из известного анекдота квадратный трёхчлен.

Но как ни трудна задача, её нужно было решать...

Во времена, когда ученые совершали прорывы в новые миры космоса, в глубины атома, было не обойтись без единой основы общей теории мироздания. Пуанкаре искал новый взгляд на небесную механику, он создал качественную

теорию дифференциальных уравнений, теорию автоморфных функций. Исследования ученого стали основой специальной теории относительности Эйнштейна. Теорема Пуанкаре о возвращении говорила среди прочего о том, что понять свойства глобальных объектов или явлений можно исследуя составляющие их частицы и элементы. Это дало мощный толчок научным поискам в физике, химии, астрономии... Геометрия — отрасль математики, где Пуанкаре стал признанным новатором и лидером мирового масштаба. Теория Лобачевского, открыв новые измерения и пространства, ещё нуждалась в ясной и логичной модели, и Пуанкаре придал идеям великого русского ученого прикладной характер. Развитием неевклидовой геометрии стало возникновение топологии — отрасли математики, которую называли геометрией размещения. Она изучает пространственные взаимоотношения точек, линий, плоскостей, тел и так далее без учёта их метрических свойств. Теорема Пуанкаре, ставшая символом самых трудноразрешимых задач в науке, возникла именно в недрах топологии. Решение этой теории было признано научным миром в качестве одной из семи задач тысячелетия, стоящей перед мировым научным сообществом.

Сложнейшую головоломку решали на протяжении ста лет все умники мира, ломали, в поисках ответа, голову себе и другим. И тут появляется на международной арене научных изысканий гражданин России — Григорий Яковлевич Перельман. Даже люди далекие от математики (такие, как я) прекрасно знают, кто такой Перельман. Это загадочный бородач-отшельник из Петербурга, он же самый гениальный человек на планете. Именно он решил сложнейшую математическую головоломку и всех умыл. Мало того, он ещё отказался от самой престижной в математическом мире премии и медали Филдса. Математическое сообщество — в шоке! Не было случая, чтобы кто-нибудь отверг материальное вознаграждение и медаль — символ избранности.

Однако мы идём дальше...

Идём, шаг за шагом, с перекурами, боями, приближаясь к самому главному.

«Задача тысячелетия», решенная российским математическим гением, имеет отношение к происхождению Вселенной. Дело всё в том, что, согласно гипотезе Пуанкаре, трёхмерная сфера — это единственная трехмерная модель Вселенной, поверхность которой может быть стянута в одну точку неким гипотетическим «гипершнуром».

Но если Вселенную можно стянуть в точку, то, наверное, можно и растянуть из точки, что служит косвенным подтверждением теории Большого взрыва, которая утверждает: как раз из точки Вселенная и произошла. И ещё, пожалуй, самое главное: если с помощью знаний можно свернуть Вселенную в точку, а потом её развернуть, то мы можем все разом погибнуть либо возродиться в ином качестве? И тогда мы ли это будем?

Перельман вместе с Пуанкаре порадовали физиков-материалистов, однако они льют воду и на мельницу так называемых креационистов — сторонников божественного начала мироздания [1]. А ещё Перельман обронил загадочную фразу: «Я знаю, как управлять Вселенной!»

Лично я сотворения мира не помню, много лет прошло, маленький был тогда, с автором хадисов встретиться проблематично, но Перельман-то — наш современник. Спрашивай-пытай!

Ингуш Беслан Кокархоев — тоже наш современник.

Более того — мой любезный, глубокий, интереснейший собеседник.

И как мухи вьются вокруг люстры, так и наша беседа вращалась вокруг возможности управления Вселенной.

По образованию Беслан...

Впрочем, образование тут ни при чём: университет таких знаний дать не в силах: родители, откровение, самообразование — вот, по-моему, триада роста.

— Родился в двуязычной среде. Покойная мать в совершенстве владела двумя языками, и я впитывал обе культуры. Когда спрашивают, кто я по национальности, всегда отвечаю: «Духом — русский, в душе — ингуш!» Разделить невозможно. Это сплав.

Русский язык — явление духа. Я до такой степени в детстве полюбил русский язык... Но если бы не знал свой родной, национальный и признавался в любви к русскому... — это предательство. Я говорю на ингушском так, как играют виртуозы на музыкальном инструменте. Я — билингв [2]. С помощью русского языка исследую ингушский. Как пламя и свет — суть две составляющих огня, так эти языки образуют во мне двуединство — один — лингвософский разум. Знать один язык — словно прыгать на одной ноге. Ни за что на свете я бы не отказался от своей двуязычной природы. Мне трудно представить свою душу, свой разум без сплава в сознании этих двух языков. Позже узнал, что и Лев Толстой — двуязычный, и Пушкин, и Лермонтов. Именно двуязычие позволило им достигнуть таких творческих масштабов, так развернуться. Писать, думать мне удобнее, легче на русском, вместе с тем я занимаюсь исследованием ингушского языка и культуры. Обладание русским помогает вести эти исследования, используя национальный язык,

культуру как объект, а русский как инструмент исследования. Это удивительное сочетание двуязычия во мне помогло увидеть, что язык моих предков является не только средством коммуникации, но имеет сакральную, философскую природу. Другие языки сакральную природу своих языков по прошествии времени утратили — ингушский сохранил.

Философия языка — явление очень сложное. Философия языка ставит много разных вопросов: от отношения к сумме себя, собственному народу, до отношения к природе, космосу. Философия языка позволяет переформулировать себя, свой взгляд. Есть материалистическая трактовка бытия, есть идеалистическая. Разум неотделим от языка, язык — от разума. Есть язык-речь, есть язык-представление. Разум, как глас, проявляется в языке-речи — Я-душа. А разум-сознание проявляется в языке-представлении, Я-дух. И в словах каждого народа эти два языка слиты. Два полюса разума — глас разума и сознание разума, как активное и пассивное, сознательное и бессознательное. Разум двояк. Твёрдое знание языка позволяет глубже понять человеческую сущность, по-другому посмотреть на истоки цивилизации, понять задачу, стоящую перед всем человечеством. Ограничен ли человек тем, что появился как скопление биологических клеток и завершит своё существование с их разрушением. Или всё-таки он не есть продукт лишь высокоорганизованной материи? Есть ли у него перспективы за пределами материи, есть ли перспективы как у сознательной, разумной сущности по ту сторону бытия?

Когда формулировали философию материализма, то подводили в качестве основы историческую базу: по мере развития экономики общество развивалось от родоплеменных отношений к рабовладельческому, далее через феодальный этап к капиталистическому; в процессе менялись религиозные представления, философские взгляды, мироощущения.

Такое представление не отражает истины!

Это красивая, но далёкая от действительности формула.

Разум был, постигая самого себя, даже во времена примитивной цивилизации. Человек каменного века в набедренной повязке из шкуры использовал каменный топор и уже обладал магией. А магия всегда связана с божеством разума. Невозможно шаманить, не разбираясь в природе психики. Шаманы, ворожеи, колдуны обязаны знать, какова структура сознания, какие существуют полюса. Познание разумом самого себя существовало даже на самых ранних этапах, самых примитивных уровнях развития человеческого общества. Уже существовало! Каменный век — не исключает возможность существования философии. Да, своя философия, своё мировоззрение, мироощущение, миропонимание были на всех стадиях развития человечества. На всех стадиях! Пещерной, каменной, палеолита, мезолита, неолита... Всегда! И явление языка, — вдумайтесь! — не имеет стартового момента. Момент старта, начала человеческой речи установить невозможно. В мире не обнаружено ни одного немоего племени. Какие бы древние черепа ни находили, в каждом — элементы, позволяющие иметь язык, органы речи. Возведение истока человеческой речи к обезьяньим крикам-визгам несерьёзно. Представление о том, что человеческая речь появилась в процессе труда шимпанзе, в результате экономической, общественно-хозяйственной деятельности — утопия. Красивая, но утопия. Все эти факторы способствовали развитию речи, но потенция речи, внутренняя сущность разума существовала сразу, она лишь проявлялась в новых формах.

Открытие философии языка привело к принципиально иному взгляду на природу языка, на природу цивилизации. Социология — наука об общественных отношениях, их особенностях, закономерностях. Откуда берёт начало эта наука? Человеческая психика социальна сама по себе, бессознательная и сознательная сущность её структуры — модель общества. Структуры разума общаются между собой, взаимодействуют — по законам общества. Индивидуальная психика — уже социальна. По природе своей социальна. Дальше она разворачивается, обогащаясь опытом общества. Абсолютно невозможно индивидуальное и социальное противопоставлять. Общественные явления — есть проявление внутренней социальности индивидуальных истоков, проявление воли. Какую бы мы ни взяли отрасль сознания, философия языка позволяет посмотреть на проблему по-другому, иначе сформулировать вопрос и начать процесс переосмысления постулатов, ставших прописными. А что это? Что это? Что это? С точки зрения философии языка

— всё по-другому. Человек — другой, разум — другой, природа — другая, космос — другой, религия — другая. Абсолютно всё имело иное первоначальное значение, которое в процессе эволюции видоизменилось, затёрлось историей. Утрата содержания подтолкнула человечество к необходимости придумывать, фантазировать, заполнять пустоты в знаниях. Ограниченный опыт возвели в ранг высшей инстанции, критерия истины! — и... пошли неверным путём.

Философия языка вновь возвращает человека к изначальной свободе и предлагает: попробуй сам пройти весь путь разума, который прошло человечество, попробуй посмотреть на всё сам. Оценить, осмыслить. Всё сам. Авторитетов нет! Великие философы — это хорошо, признанные учёные — здорово. Но философия языка напрямую, лично тебе даёт набор инструментов познания, помогает понять, как устроен мир. Слушай своё сердце. Интуиция тебе подскажет, что это такое. Интуиция даст совет. Попробуй сказанное перевести в родной формат, в логическое понимание. Именно твоя интуиция может открыть новые грани мироздания, доселе невиданные. Закон всемирного тяготения: Ньютону открылся лишь один из аспектов этого постулата. Слушай своё сердце! Кроме тяготения, притяжения есть ещё отталкивание. Одно без другого не бывает. Притяжение лишь часть сложного процесса. Одно притяжение ничего не объясняет. Начинаешь углубляться в проблему и понимаешь, что существуют скрытые центры, нематериальные... притяжения, отталкивания. Философия языка позволяет делать ревизию, но не с целью опровергнуть, перечеркнуть всё открытое наукой ранее, а с тем, чтобы шагнуть дальше, выявить новые грани. Мы же рассматриваем брильянт, крутим... И каждый раз его грани выглядят по-другому, всякий раз можно увидеть новый отсвет.

Открытие философии языка ставит вопрос о человеке. Оказывается, человеческая сущность языка не может быть произведением даже космоса, она не может быть продуктом эволюции космоса, её невозможно поставить в начале материального старта космоса — её нужно ставить до космоса.

Вроде бы парадокс: человеческая сущность была до космоса!
Как такое возможно?

Философия языка не объясняет как, но однозначно свидетельствует, указывает на это. Человеческая сущность, сокрытая в нас, — старше космоса! Биологическая, сверхбиологическая, физическая, сверхфизическая, плазменная — да, появились потом. Но духовная, разумная сущность, способная вести отсчёт до бесконечности, к каждому последующему числу прибавляя единицу, — этот дар не мог являться производным материального космоса, его продуктом. Сущность вошла в него. Философия языка поднимает человека на новый уровень, отрывает от приземлённости и... ставит на ступеньку выше материального космоса! Она не знает, откуда проложен путь изначалью, хотя часть траектории маршрута, совершенно новый отрезок, открывает.

Человеческая сущность подобна искре, она крайне мала, но у неё потенция такая же, как у гигантского пламени. Человек мал как форма, как существо, но разум, заложенный в нём, искорка такая же, как у вселенского разума. Человек оказывается по своей внутренней сущности неизмеримо большей величиной. А раз человека мы ставим до начала космоса, земная иерархия не может довлеть над свободой человеческого разума. Никакие теории, учения не могут умалить масштаб человека, он оказывается бесконечно выше любых философских подходов... бесконечно выше. Поднять человека туда — на высоту, недостижимую для любых суждений, теорий — это как раз та задача, которую решает философия языка. Она рассматривает язык как проявление духа и души, через язык демонстрируя возможности разума, едва-едва приоткрывая возможности человека, обычно сокрытые драпировкой материальных слоёв энергии. Человек оказывается не дарвиновским потомком обезьяны. И нам уже не подсунут теории материализма-атеизма под видом научных истин. Эти теории, точно гнёт, подавляют нашу человеческую сущность, словно путы, треножат. Человек пытается под свой кругозор, уровень интеллекта подогнуть мироздание. Но образа, в абсолютной точности отвечающего человеческой сущности, найти невозможно. У образа есть непреодолимая граница... Полностью представление этого явления остаётся

непостижимым, поскольку человеческое познание оперирует бытовыми, привычными терминами, натываясь, будто слепой котёнок, на то, что окружает повсеместно.

Религиозные писания свидетельствуют: Аллах свернёт небеса, а землю сожмёт в хлебец, который пойдёт на угощение обитателям рая. Всё указывает на то, что человеческая сущность была до космоса, она больше его. И по логике: космос, как материальная организация, не имеет перспективы вечности. Он ограничен, конечен. А человек, по религиозному учению — православному, иудейскому, исламскому, — войдёт в рай и будет вечен.

Но как попасть в рай? (Хотя, если там нет русского языка, я туда не пойду!)

Древние считали: только творческий дух может привести человека в рай, поскольку в момент творческого вдохновения душа соединяется с духом. Дух вечен, душа смертна, временна, но в соединении с духом вечна и она. Древние считались с поэтами, преклонялись перед ними и позволяли им несравнимо больше, чем простым смертным. В «Илиаде» Гомер критикует весь Олимп богов, начиная с Зевса. Поэтам предоставлялось право критиковать божественное начало, поскольку дух, который пребывал в поэте, — старше космоса. В клетке — творец задыхается. Из-под палки, по указке — откровением не делятся.

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой! [3]

— Так!

Если человек находит возможность для творческого процесса, для творческой самореализации — этому процессу должно быть подчинено всё остальное. Всё иное лишь содействует, сопутствует... — материальные условия, семья, жилище. Всё. Творческая самореализация — истинная. Можно слопать-сожрать стадо быков, миллион раз сходить в туалет — разве это самореализация? Можно построить пятьдесят небоскрёбов — кирпичи постареют, всё рухнет. Это тоже не то. Творческая самореализация — это ощущение себя, своей личности, осознание того, что внутри тебя есть нечто бессмертное. Душа — смерд, она знает, что умрёт. Я — умру. А что такое «Я»? Что умрёт? Печёнка, мозг, рука, нога? Есть сущность, подверженная смерти, есть, которая ей не подвержена. Творчество их соединяет, позволяя душе обрести надежду на бессмертие. Творчество есть величайшая тайна. Поэт — высшая организация материи, он слышит миры!..

— !

Поэт — он тот же акустик:
Когда скрежетнёт рядом,
Другие едва поморщатся,
У него — кровь кипит адом [4].

— Точно!..

Число и геометрия максимально приближают нас к максимуму познания истины, дальше за числом — зона тьмы. Но меня, как поэта, всё-таки интересует то, что находится там... за пределами... и проявляется, как ощущение в моей душе, независимо от числовых, геометрических, топологических параметров:

Не на земле начало знания.
Не на земле начало нас.

Есть, есть у космоса сознание.
Есть у него и тайный глас.
От звёзд до солнца свет единый,
Подобный душам, чую я.
И миф, умом непобедимый,
Объял все звёздные края. [5]

Да, меня интересует, что находится за пределами... Интересует сильно.
И теперь, похоже, я знаю.

Примечания:

[1] Книга признаков Судного Дня, рая и ада. Хадисы 2785 — 2821. 24 — (2788) Салим ибн ‘Абдуллах (ибн ‘Умар) передал, что Ибн ‘Умар сказал: «В День воскресения Всемогущий и Великий Аллах свернёт (все) небеса, потом схватит их правой рукой, а потом скажет: “Я — Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?” Потом Он свернёт (все) земли левой рукой, а потом скажет: “Я — Царь, а где же могущественные? Где высокомерные??”» Этот хадис передали аль-Бухари 7412, Муслим 2788, Абу Дауд 4732, Ибн Маджах 198, Ибн Абу ‘Асым 547.;

[2] Билингвизм (от лат. двух и lingua язык) 1) — одинаково свободное владение двумя языками; 2) одновременное пользование двумя языками (напр., французско-английский билингвизм в Канаде); билингвистический двуязычный. Профессиональное образование. Словарь.;

[3] «На птичку» Державин Гавриил Романович, поэт;

[4] Александр Костюнин «Гочка души» (Подстрочник);

[5] «Гимн мифу», Беслан Кокархоев.

*

23 февраля

Хабар

Пусть на поле не вырастет цветок, если он не в силах устоять против ветра.

Ингушская поговорка

День Советской Армии, без сомнения, самая известная дата в памяти ингушского народа. Трагически известная...

Слова «красный день календаря» в данном случае несут для ингушей прямой сатанинский-кровавый смысл. Реки крови безвинных стариков, беременных женщин, детей пролиты в то морозное февральское утро. Ингуши — суровые, жёсткие люди, выдавшие виды. Но когда речь заходит о ссылке, плачут все... все, как один. На людях — не на людях.

Именно 23 февраля 1944 года началась депортация чеченского и ингушского народов.

Справочная информация

Депортация народов — одна из форм политических репрессий в СССР [1]. Основными особенностями депортаций, как репрессий, были их внесудебный характер, контингентность и перемещение больших масс людей в географически отдалённую, непривычную для них и часто рискованную среду обитания.

По мнению историка Павла Поляна, в СССР тотальной депортации подверглись десять народов: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы.

Советская депортационная политика началась с выселения белогвардейских казаков и крупных землевладельцев в 1918 — 1925 годах. Первыми жертвами стали казаки Терской области (казаки Сунженской казачьей линии), которые в 1920 году были выселены из своих домов и отправлены в другие местности Северного Кавказа, на Донбасс, на Крайний Север, а их землю передали чеченцам и ингушам. В 1921 году жертвами советской национальной политики стали русские из Семиречья, выселенные из Туркестанского края.

29 января 1944 года нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», 31 января вышло постановление Государственного Комитета Обороны о депортации чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 20 февраля вместе с И. А. Серовым, Б. З. Кобуловым и С. С. Мамуловым Берия прибыл в Грозный и лично руководил операцией, в которой были задействованы до 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ», около 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия в «учениях в горной местности». 21 февраля он издал приказ по НКВД о депортации чечено-ингушского населения. На следующий день Берия встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции и предложил провести необходимую работу среди населения, а уже утром следующего дня началась операция по выселению.

Операция по выселению вайнахов носила кодовое название «Чечевица» и началась она 23 февраля 1944 года в 02:00 по местному времени по кодовому слову «пантера», которое было передано по радио. Депортация сопровождалась многочисленными попытками бегства в горы или неподчинением со стороны местного населения.

По официальным данным в ходе операции убиты 780 человек, арестовано 2016 «антисоветских элементов», изъято более 20 тыс. единиц огнестрельного оружия, в том числе 4868 винтовок, 479 пулемётов и автоматов. Скрыться в горах сумели 6544 человека.

Очевидцы свидетельствуют:

Село Алкун Сунженского района.

Именно здесь живёт Алаудин Оздоев, который не по книжкам и букварю — на себе изучал историю Советского Союза и помнит депортацию, будто она проходила вчера...

— Я родился в родовой башне в Бешти, чуть пониже Вовнушек. В одной башне нас жило две семьи. Мне было шесть лет, когда нас выселили. За две недели до этого к нам прибыли солдаты. Разбили палатки и встали лагерем поблизости. В гости навевались, мать хлопотала: гость для ингушей — святой человек! Угощала их лепёшками из кукурузной муки с молоком. Молоко очень любили! А они нас баловали кусковым сахаром: большие такие бесформенные куски с прилипшими ворсинками от мешка. Две недели жили, мы, говорят, будем охранять вашу скотину. Две недели так с ними, бок о бок, по-дружески. И вдруг вечером 26 февраля, смотрим: идут к дому с фонарями — фонари керосиновые «летучая мышь» покачиваются на весу... Мы испугались: что случилось? Солдаты зашли в дом, и старший объявил:

— Завтра вас всех выселяют. Если бы от меня зависело, я б оставил... Вижу, вы люди мирные, работающие — наблюдали за вами — к вам никто не приходит и вы никуда. Мне очень жалко, но ничего не могу поделать. Приказ.

Мать как стояла, так и сползла по стене на лавку:

— Только нас выселяют?

— Нет. Всех. Три дня отправляют, вчера грузили последние семьи. Вы одни остались. Вас в холодное место посылают, за ночь нужно подготовиться.

Он поднял с пола войлочную кошму, достал ножницы и сделал выкройку обуви — навроде шитых валенок:

— Вот такие нужны каждому, иначе помёрзнете.

Один солдат стал делать выкройку, мать принесла конопляные нитки, принялась шивать. Нас было четверо детей — каждому. Они ещё шили, когда я засыпал. С рассветом тронулись... Вся поклажа на себе, а много ли унесёшь на себе. Из личных вещей отец взял фамильный кинжал. (Кинжал этот побывал с ним в ссылке и вернулся назад — покажу потом). Нам Аллах помог. На высоте двух километров в горах было сухо, мы в чунях спокойно шли. (Если снег или грязь, далеко у нас не пройдёшь.) До Таргима добрались, сделали привал. В Таргиме башен десять, большой тейп, а тут смотрим, всё брошено, людей нет, гарью пахнет, куриные перья повсюду рассыпаны, маленький телёнок бродит по пустырю. Отец пошёл осмотреть, может, остался кто... Я увязался за ними. Скот, запертый в хлеву, стоит голодный, непоеный — отец стал выгонять на волю... В крайней башне — дверь снаружи припёрта. Отец отомкнул дверь и застыл на пороге... попятился... Я из-за спины выглядываю: горы тел! Женщины, дети, старики — обгорелые скрюченные трупы.

Алаудин поперхнулся слезами, надолго замолчал:

— Тяжело...

Наши солдаты из конвоя опомнились, закричали на нас, отогнали прикладами. И опять в путь. Шли-шли, до села Алкун всё далеко, я начал отставать, присаживаться... Командир подозвал бойца, посадил меня ему на спину. У солдата скатка шинели, я прижался к тёплому ворсистому сукну, ноги свесил и незаметно заснул. Проснулся уже на месте, слез со спины. До этого в Алкуне был лишь один раз, гляжу и не узнаю села: скотина — сотни голов — бродит по улицам не доенная, не кормленная, мычит, блеет, ревет; брошенные лошади, коровы, овцы... И кругом солдаты, солдаты с автоматами, с овчарками. Две грузовые машины стоят — машину тогда увидел первый раз — огромные!!! Сюда в Алкун собирали ингушей, чеченцев с гор, многие пригнали скотину, надеялись взять с собой. Но здесь всех грузили на студебеккеры, увозили вниз на станцию. С собой разрешалось взять один узелок. (Людей много — места мало.) А мы последние, и с командиром повезло, добрый попался. Он отозвал отца в сторону, дал пустые мешки, разрешил набрать пропитания в дорогу, что найдём. И мы восемь мешков кукурузы... — восемь мешков! — взяли с собой. Один только мешок с кочанами, семь — чистые зёрна. Солдаты сами мешки таскали. Кукурузу загрузили, командир командует:

— Теперь баранов давай!

Мы девять баранов забили, освежевали. Девять баранов! Как нам помог командир...

Отвезли нас на станцию в Слепцовск и давай грузить по вагонам, людей набивали плотно. В теплушке стояла буржуйка, на сутки давали ведро угля, дрова — на растопку. Тогда мы углём не топили. Не ведали, что за чёрные камни, зачем?! Тоже солдаты учили, помогали, а ведь они сами терпели голод, нужду...

Старики роптали:

— Лишь бы Сталин узнал про это, нас сразу вернут. Сталин хороший!

Туалета в теплушках не было, прорубили в углу дыру, занавесили кошмой, но что кошма... Как горянкам справлять нужду в присутствии джигитов? стыдно! Недопустимо! Невозможно! Ингуши народ гордый. Помню, красивая девушка в нашей теплушке менялась в лице, то краснела, то бледнела... Она приняла смерть, но не согласилась на бесчестие.

Разрыв мочевого пузыря...

Казалось, дорога не кончится никогда.

Нас везли и везли, везли и везли, неделю, две, три...

На восьмые-девятые сутки пошли вши. Мы завшивели окончательно. Снег шевелился, когда вшей стряхивали с себя. Только через три недели добрались до места: Казахстан, Павлодарский край. Добрались нормально. В дороге из нашей семьи умер лишь младший брат, ему годика не было. На каждой станции солдаты обыскивали вагоны: нет ли мёртвых. Его прятали всю дорогу, чтобы похоронить на месте по-людски... Но и там похоронить не довелось: зарыли, как стылое полено, в высоченный придорожный сугроб.

На станции нас стали выгружать, а местное население застыло в ужасе, жмутся от страха друг к дружке: им объявили «везут людоедов». Нас распределили по саням, так кучер даже не обернулся ни разу: думал небось, тут же сожрут. Привезли на место: казахов почти нет — поволжские ссыльные немцы да русские раскулаченные — считай, цвет страны: самые работящие, предприимчивые, рукастые мужики. С ними мы хорошо, дружно жили. Работящие, трудолюбивые люди между собой всегда найдут общий язык. Расселяли нас в конюшнях, клубах, землянках. Буржуйки ставили. Первые годы хватало всякого... Всего насмотрелся: люди, умирали от голода, ели дохлятину, трупы. На кладбище вырыли яму с краю, копали могилы... Страшно. Эти обглоданные человеческие черепа, застывшие в широкой улыбке!.. запомню на всю жизнь.

В сорок восьмом году вышел указ: ссыльным разрешили воссоединиться семьями — война многих раскидала... И люди после этого немножко вздохнули, зажили... Вернулись мы в пятьдесят шестом году — Хрущёв разрешил.

Да, «мало любить советскую власть — надо, чтобы она тебя полюбила» подумал я [2].

Мамилов Шамсудин Саварбекович.

Наш дед Ахмет Мамилов часто вспоминал:

— В Казахстане на станции семью погрузили на сани, повезли... Детей семь человек мал-мала меньше — сугробы выше человеческого роста. Внезапно сани на кочке как тряхнёт — младший Суламбек... вывалился в снег. А сани идут себе друг за другом и идут, останавливать караван никто не даст: автоматчики держат на мушке, остановлюсь — погублю всех. Я мысленно уже попрощался с Суламбеком и прикинул в уме: семь минус один — шестеро детей осталось: «Мне бы теперь хоть этих шестерых сохранить!» Доли секунды какие-то... не успел порадоваться, что шестеро живы, как Башир — скопой ныряет в сугроб следом за младшим... Без спросу нырнул... ему самому-то семи лет не исполнилось. Подсчитываю: «Семь минус два — пятеро осталось. Пять всё-таки ещё что-то...» Сижу, уставился в спину возницы, а сам жду чуда, жду, может, дети окликнут сзади. Оглядываюсь, ищу их глазами. И вдруг вижу: над снегом появляется голова Суламбека — Башир поднял его на руках над собой.

— Стой! — хлопаю казаху по спине.

Расстреляют так расстреляют: на всё воля Аллаха!

Думаю, раз Башир брата нашёл, то сам как-нибудь выберется, и правда... гляжу, Башир показался. Ползу по санному следу им навстречу.

У Шамсудина на глазах навернулись слёзы:

— Мой дядя Башир там погиб, а Суламбек, которого он спас, вернулся на родину, поступил на высшие режиссёрские курсы. На вступительном экзамене ему дали задание написать сочинение на тему: «Впечатления семилетнего мальчика». И мой дядя Суламбек описал день высылки ингушского народа из родных мест: «В три часа ночи солдаты стали ломиться к нам в дом, прикладами автоматов били по двери, кричали: “Вас выселяют! Вас выселяют! Вас выселяют!”» Дядя выучился, стал известным кинорежиссёром, работал на киностудии имени Горького, на «Мосфильме», снял культовый фильм по роману Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» и «Убийство на Ждановской». Может, для этого Аллах его и сохранил?

Писатель Иса Кодзоев.

— Считаю, моя биография началась с 23 февраля 1944 года. Я начал себя осознавать с того самого дня... До 23 февраля 1944 года помню отдельными стоп-кадрами... обрывочными кусочками, фрагментарно. А с того дня — всё в мельчайших подробностях.

Дед мой — герой гражданской войны, знаменосец полка, участвовал во всех сражениях на Северном Кавказе за Советскую власть. Большинство ингушей и сегодня вспоминают Советскую власть с любовью, как ласковую маму — не коварную мачеху. Это очень необычный, загадочный феномен...

— «Дитя неволи — для свободы слаб. / Кто в клетке зачат — тот по клетке плачет» [3].

— Наверно... Я помню, что сказали деду в вагоне, когда нас затолкали прикладами в теплушку, дверь за нами задвинули и поезд тронулся: «Ну, что, Ильбуско, добился своего?» Сказали исподтишка... Не в глаза. Дед мой — очень суровый, сам не шутил и другим не позволял. Взрывной человек! Дед никогда своей вины не признавал. Люди его побаивались...

Через день на станциях нам приносили бак с кашей и отпускали молодёжь за углем для буржуйки. (Набирали даже в карманы, чтобы принести побольше — стояли морозы!) Прошёл слух: в соседнем вагоне лежит старуха, умирает... Ничего не говорит, бормочет одно слово, просит: Шура! Шура! Шура! (инг. молоко!) На станции сын её выскочил с вагона, где-то раздобыл бидончик с молоком... Этот бидончик до смерти не забуду... Воздуха в теплушке не хватало, и тётя ставила меня возле двери, чтоб подышал хоть во время остановки: помню ноги солдата, и я стою рядом. И бидончик тот часто во сне вижу: зелёный такой, чуть помятый. Сын бежит с ним к составу через пути, и тут поезд тронулся...

Все кричат ему:

— Султан, беги! Беги! Беги!..

Поезд обороты набирает, набирает... всё быстрее, быстрее...

Солдат понял, что уже не успеет запрыгнуть, поднял автомат и... дал очередь.

Во сне часто вижу падающего Руслана и белое расплёканное молоко из бидончика, который он до последнего не выпускал из рук...

В нашем вагоне за время поездки одна женщина умерла — мать активиста, председателя комитета бедноты — «комбеды» были такие... Он ехал в нашем же вагоне, его так и называли «комбед». По-нашему «бед» — некрасивое слово, говно... А в итоге характеристика человека получалась точная. Мать его умерла сидя... ночью окоченела. На станции её так и вынесли из вагона сидячей, посадили в сарай, куда трупы друг на друга складывали, на ледяной пол, спиной прислонили к штабелю. Конвоир оставил пару затяжек и папироску — в уголок рта ей вставил: старуха будто бы смолит самокрутку. Солдат смеётся-заливается, довольный...

Через три недели нас доставили на место и выгрузили в белый снег.

Мы южане: когда минус двенадцать, считаем — «жуткий холод», а там мороз под сорок. В первую же ночь погибло много людей... замерзали. Утром наехали сани, со всех колхозов. Показывают ведь американские фильмы, как покупали рабов, — вот точно так. Председатель

ходит, смотрит, хмурится, приценивается... Если у вас в семье, допустим, несколько мужчин, которые могут работать в колхозе, на плантации — забирали. А если в основном дети, старики — брать не хотели. Обуза!

Ваш покорный слуга видел кучи мёртвых людей... Труп на трупе... Труп на трупе.

Нас взяли.

Отвезли в Кустанайскую область, Северный Казахстан. Бескрайняя степь, на всю округу два дерева, они росли в нашем селе, — две вербы. Каждую зиму мы отрезали от них по одной ветке, украшали, чем могли, и отмечали Новый год. Удивляюсь тому, что из нас вообще кто-то выжил. Советская власть зачищала старательно и вроде бы сделала всё, всё продумала до мелочей, — ей не в чем себя упрекнуть! — чтоб мы все там сдохли. Все до одного. Ссылные называли нас «божьи львы». Ингушам неведом страх смерти, в сапоге у них нож, в ответ на любое обидное слово — кинжал идёт в ход, тормозов у них нет... Нас гнули, ломали, расстреливали, били, сажали, морили голодом, морозили, но на колени поставить так и не смогли.

В нашем селе была старая церковь, в ней размещался зерносклад, за ней летом росла роскошная, шелковистая трава... Когда голод миновал, наши мужики ходили туда... немножко... за воротничок принять. И вот однажды сидят пятеро наших джигитов, выпивают, меня отец взял подать-принести. Зияутдин поднял тост:

— Какой красивый мир создал Всевышний, как я люблю этот мир...

Идут мимо хмельные целинники, и вдруг из уст этих пьяных механизаторов в адрес Бога летят последние, самые грязные слова. А мусульманин не имеет право смотреть на это безучастно... (Хотя выпивать тоже грех!) Зияутдин помрачнел:

— Небо опустилось на мою голову, — он поставил свой стакан на траву и уточнил у отца: — Может, я ослышался?

— Нет, Зияутдин, у тебя со слухом всё нормально.

— Ну, тогда этот поганый рот больше никогда не произнесёт ни одного плохого слова в адрес Бога...

Глаза у него налились кровью, вскочил... выхватил кинжал... троих зарезал, двенадцать человек поранил. Ему дали большой срок, хотя за год до этого он спас девочку из пожара. Очень добрый был человек. Говорят, «кровожадный ингуш» — это как «масло масляное».

Неправда!

Ингушских писателей гонения, ссылка вдохновили на создание романов, поэм...

Лейла Харсиева призналась:

— Первые стихи появились в ответ на обвинение, брошенное мне в лицо уличным торгашом-армянином во Владикавказе. Он понял, что я ингушка, по платку, укрывающему голову, и прошипел: «Недаром вас высылали!..» У меня комок — к горлу. Сказать ничего не могу... Выбежала из лавки, не помня себя, вернулась домой и написала первое стихотворение «Исповедь»:

...Народ вайнахов был приговорён...
Всех в Казахстан... На ссылку...
Всех в загон...
А дальше слёзы, горе матерей.
Испуг в глазах беспомощных детей.
Стонали горы, небо и земля
И потрясённая жестокостью луна,
О, мать-природа, где же ты была,
Как допустить могла ты столько зла?!
Но почему же в этот скорбный час,
Вы, горы, не обрушились на нас?!

Это был ответ ему.

Я от руки написала, наутро пришла в лавку и положила стихи на прилавок:

— Просто прочитайте!

Говорить не могла... душили слёзы.

Мы встретились спустя пару лет... Выхожу из маршрутки, чувствую, меня кто-то за руку тянет. Стало неловко... У нас не принято хватать женщину за руку, я не могу такое позволить. Одно дело дома, а на улице!.. Оборачиваюсь — незнакомый мужчина:

— Вы меня помните?

— Нет.

— Стихотворение!.. Вы принесли в мою лавку стихотворение.

— А!..

— С тех пор ищу вас... Как увижу платок в толпе... Всё хотел найти вас, попросить прощения. Извините меня за те слова!

А поэтесса Лейла Тамасханова, взволнованная чередой бед, свалившихся на долю матери, сочинила оду... моркови:

Я моркови оду посвящу,
Только бы не раскиснуть и не сбиться,
Непреренно оду посвящу,
Я заставлю ваше сердце биться.

Это лакомство измученных детей,
Сладкие гостинцы Казахстана,
Говорят, морковь с тех пор красней,
Что так много горечи вобрала.

Не отмолчался и Махмуд.

— Горькая, но правда: выселение помогло ингушам оторваться от пуповины язычества. Ведь на горе Мят-лоам в трёх святилищах, посвящённых божествам Мятцели, Мятар-Дала, Сусан-Дала, совершали первобытные обряды вплоть до тридцатых годов. А в ссылку святилища не увезёшь, мы могли взять с собой только мусульманскую веру. Старики в дороге подбадривали молодёжь, успокаивали: «Не в силах Советская власть выслать нас в такое место, где будет недоступна милость Всевышнего. Это испытание нужно пройти достойно». И повторяли из раза в раз пословицу: «Пусть на поле не вырастет цветок, если он не в силах устоять против ветра».

Махмуд поведал необычную легенду:

— Спецпереселенцы не могли свободно перемещаться не только внутри страны, но даже из села в село. Я мальчишкой был, но помню, ходили среди старших разговоры: «Жалко, нет среди нас Мусы, — сокрушались старики: — Был бы он — было бы легче».

— Почему легче? Где этот дядя Муса? — допытывался я у отца.

— Мусу надо видеть, так словами не объяснишь.

Дядя Муса появился через год после смерти Сталина. Он приехал на новенькой «Победе», машине невероятно редкой по тем временам и роскошной для степей Казахстана. Сам при этом был в ватнике, галифе, тельняшке, в наколках, с полным ртом стальных зубов. Старейшины начали совещаться с ним, а наши отцы и матери разглядывали «Победу», было что-то в этой машине особенное. Как оказалось, — и старейшины его поддержали, — после смерти Сталина, пока в стране неразбериха, Муса предложил вернуться на родину, в Назрань. Старики приказали всем готовиться в дорогу, а дядя Муса раздобыл двухсотлитровую бочку, инструменты, окна

«Победы» занавесил кошмой, чтоб снаружи не было видно тех, кто внутри. Он где-то достал крупномасштабную карту и часто просиживал над ней долгие вечера, тщательно изучая маршрут.

Как только сошёл снег, он ушёл в первый рейс с ещё оставшимися в живых мужчинами. Потом он перевёз бездетных женщин — они должны были успеть засеять землю. Потом — подростков, потом — женщин с детьми постарше, потом — с грудными. Последними он перевёз стариков и старух. Днём он вёл машину по объездным просёлкам в обход городов и крупных населённых пунктов. Ночами же гнал по асфальту. Несколько раз он не сумел избежать встречи с милицией. Одному Всевышнему известно, как ему удалось уладить те встречи.

Раз в двое суток он останавливался подальше от людских глаз, чтобы поспать час-другой. Он был молчалив и сосредоточен. До снега он перевез всех людей своего тейпа на Родину.

Он сделал двадцать семь рейсов. То есть двадцать семь раз туда и двадцать шесть раз обратно. Больше трёх тысяч километров в один конец в набитой людьми и грузом «Победе». За семь месяцев он проехал более ста шестидесяти тысяч километров и перевез полторы сотни человек. Он спас наш род и вернул нам родину. Когда он сделал это, он заснул и больше не проснулся. «Победа» выдержала, а его сердце нет.

Я ваш товарищ, мы одной породы, —
Побоями нас нянчила страна! [4]

Я слушал Алаудина, Ису, Лейлу, Махмуда, слушал рассказы других ингушей-очевидцев о страданиях вайнахского народа, про голодных полураздетых солдат, вспоминал своего репрессированного деда, маму, пытался понять, кто выиграл от этих лишений, и... не понимал. Заходил с другого края: какую выгоду получило государство? Пытался найти хоть одного выгодоприобретателя [5], хоть малую зацепку и... не находил. Самые-самые везунчики — народы, которых расквартировали на место высланных. Но эти «везунчики» были силой, под дулами автоматов вырваны с корнем из родных аулов, от могил предков, как, например, в Цунтинском районе Дагестана: дома горцев сожгли, чтоб не было даже соблазна вернуться. (Сомнительное везение.) Кто ещё?

Я пытался мысленно примерить китель отца народов, влезть в его шкуру, душу, встать на его позицию и... не мог.

Из всей мировой литературы мне помнится лишь один схожий с Отцом народов персонаж, близкий психологический портрет. Шарль де Костер в романе «Легенда о Тиле Уленшпигеле» описывает увлечение Филиппа — сына Императора: «...Вбитый в землю столб, на котором подвешена была маленькая обезьянка, как-то присланная из Индии в подарок его высочеству, дабы позабавить его ужимками зверька. Внизу дымились ещё тлеющие дрова, и в чулане стоял отвратительный запах жжёного волоса. Зверёк так страдал, издыхая на огне, что его маленькое тельце ничем не напоминало некогда живое существо, но скорее походило на какой-то искривлённый, шишковатый корешок. Рот, широко открытый, точно в последнем крике предсмертной агонии, был полон кровавой пены, и крупные слёзы заливали мордочку». Эти... как бы выразиться... увлечения приносили инфанту усладу. Когда Филипп вырос, он прославился пытками, садизмом и превзошёл отца. Вот Филипп, пожалуй, на нашего Кобу похож.

Только усатый осетин даже его переплюнул — глумился над целыми народами.

И любил, когда народы тусуются.

До сих пор главной заслугой Сталина считают победу в Великой Отечественной войне, словно до него таких побед не одерживали. Но ведь это не так! В 1812 году всё было сопоставимо: и война Отечественная, и армия у врага самая сильная в мире — ан не смогли войска грозного Наполеона захватить столицу Российской империи и драпали от русских солдат тож до самого логова. Одна незадача: не состояли ни император Александр I, ни верховный главнокомандующий

фельдмаршал Кутузов в партии большевиков — они были люди воцерковленные. А посему деяния их не идут ни в какое сравнение — Victoria душок имела непролетарский.

Сатрап Кутузов сдал Москву без боя.
А где блокада и десятки миллионов?
Драматургия где!?
Да на хрена победа нам такая.

*

Война двенадцатого года
Уж тем нам не по нраву,
Что ни про Сталина та ода,
Ни партии во славу.

*

Как учит нас партия:
«Член не сдаётся!»
А мне сдаётся,
Окучит нас партия... [6].

Примечания:

- [1] Материал из Википедии;
- [2] Ильф Илья и Петров Евгений (Илья Арнольдович Файнзильберг и Евгений Петрович Катаев), писатели.
- [3] Евгений Евтушенко.
- [4] Эдуард Багрицкий.
- [5] Выгодоприобретатель (также бенефициарий, бенефициар от фр. *benefice* — прибыль, польза) — физическое или юридическое лицо, которому предназначен денежный платёж; получатель денег, выгоды.
- [6] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник) «Вспоминая Отечественную войну 1812 года»

*

Великая Отечественная

Хабар

*У людей, войною опалённых,
Свой, особый взгляд на бытие*

Якуб Патиев

Всё честно рассказать?.. Ой, не!
Зачем нам эти беды?
Заместо правды о войне
Споём про День Победы! [1]

Всякий раз, как речь заходила о Великой Отечественной войне, Махмуд мрачнел:

— Слухи о том, что ингуши не воевали, — лживы!

Он показал фотокопию газеты «Грозненский рабочий» за 12 декабря 42-го года. Среди материалов статья писателя Петра Павленко «Газават» — рассказ о том, как на огромном митинге в селении Базоркино ингушский народ, по призыву Кази-муллы, объявил священную войну «газават» — фашистским захватчикам. Объявил гласно, всенародно, как общую волю всех достойных мужчин: «К оружию, ингуши!» — пронеслось от селения к селению, от дома к дому, от сердца к сердцу. И возникло движение, полное страсти и фанатизма...

— Но отец не ценил свои ордена, и я малой играл ими, точно погремушками: «Зачем такие награды, — негодовал он, — раз выслали меня и весь народ».

Историческая справка

Ингуши приняли участие в составе Красной Армии и Военно-Морского флота на всех полях сражений и морских театрах Второй мировой войны наряду с другими представителями народов, народностей и наций бывшего Советского Союза. Из 32-х тысяч воинов тогдашней Чечено-Ингушетии около семи тысяч составляли этнические ингуши [2]. Уже в самом начале войны в ЧИ АССР «были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковая дивизии, в 1942 году — 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк (сражался в составе 51-й армии) и чечено-ингушский кавалерийский дивизион, состоявший только из добровольцев»[3]. Кроме того, «на многих фронтах войны успешно громили врага 110-я, 114-я Чечено-Ингушские... кавалерийские дивизии...»[4]. Первой удар немецких полчищ приняла на себя Брестская крепость, в составе гарнизона которой находилось 40 ингушей.

С первого дня войны Красная Армия бесперебойно снабжалась горючим, военным снаряжением, боеприпасами и продовольствием из Грозного и всех сёл республики. Предприятия Грозного производили до 90 наименований военной продукции, ремонтировали военную технику. Население ЧИ АССР передавало в фонд фронта деньги, драгоценные украшения, лошадей, теплую одежду, продукты...

Малгобекская военная операция. В Большой Советской Энциклопедии 1954 года опубликована скромная справка об этом сражении, по сути определившем судьбу обороны Кавказа и Сталинграда: «В ходе Малгобекской операции войска Закавказского фронта активной и упорной обороной не только сорвали захватнические планы врага на Кавказе, но и не позволили ему осуществить переброску сил с Кавказа под Сталинград, что явилось одним из условий для последующего полного разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве»[5].

Из войны 1941-1945 гг. СССР вышел победителем. Более 2 тысяч сынов и дочерей Советской Ингушетии остались лежать на полях сражений. 46 человек было представлено к званию Героя Советского Союза [6]. Лишь трое из них получили это звание через 50 лет после войны: Мальсагов А.Т. (посмертно, в 1995 г.), Оздоев М.А. (в 1995 г.), Костоев Ш.У. (посмертно, в 1995 г.).

Ингуши воевали, воевали героически...

Однако лично меня больше всего поразил другой факт (никто и не сомневается в геройстве ингушей!) Меня буквально ошпарила информация о том, что сталинская клика, задумав депортировать ингушский народ, отзывала горцев... с передовой! С фронтов! Боевых офицеров, солдат, в наградах и нашивках за ранения, — иными словами, настоящих героев. Я до последнего не мог поверить в эти «рассказни», пока лично не встретился в городе Магас с живым очевидцем тех абсурдных событий, ветераном Николаем Дмитриевичем Гайтукиевым. Он подлежал высылке с фронта, как и все остальные земляки, но при содействии командира роты совершил подлог документов! Оформил себе новую солдатскую книжку, куда вписали «неподсудную» национальность. Только ценой обмана он смог остаться в окопах и продолжать с оружием в руках защищать нашу сумасбродную Маму-Родину.

Историческая справка

Всего, по данным ОСП НКВД СССР, среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было офицеров — 710, сержантов — 1696, рядовых — 6488. В целом в рядах поселенцев (с учётом представителей всех переселяемых народов) оказались 5943 офицера, 20209 сержантов и 130691 рядового состава. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия. По прибытии в места поселения они ставились на спецучёт в комендатуре [7].

В России 45 городов воинской славы. Малгобек — один из них.

Присвоение ингушскому городу высокого статуса — ещё один шаг по реабилитации народа. Поисковики Республики Ингушетия, участвуя в «Вахте памяти — 2016», организовали полевой лагерь СКФО. Я побывал на раскопках в районе сельского поселения Вежарий, на местах боёв, познакомился с ребятами, побеседовал с председателем Регионального отделения Бесланом Дзейтовым:

— Много бойцов — защитников Отечества — лежат в окопах, огневых точках присыпанные землёй, самим временем. Их имена неизвестны, но они герои. Предстоит огромная работа по поиску, поднятию останков, захоронению их со всеми почестями.

Не знаю, как это объяснить... В первую ночь, когда лагерь только начал свою работу, я видел жуткий сон: будто четыре бойца стоят рядом и смотрят на меня. Понять не могу: что хотят? Вроде ничего плохого не сделал. А за спиной у них знакомое место, узнал его. Проходное место, мы даже не собирались вести раскопки. Наутро в первую очередь там и начали копать... Что вы думаете? Подняли останки четырёх бойцов. Именно четыре бойца — ни больше, ни меньше, в одном окопе. И всё, сон прекратился. Как понимать?.. Я до последнего не верил... Думал, мало ли. Ну просто сон и сон. Видно, есть что-то такое.

Дочь Асият и сын Юсуп помогают отцу, каждое утро отправляясь с ним на «передовую» — так поисковики называют район раскопок, где проходила линия фронта, где враг остановлен. Отсюда началось его отступление, отсюда фашист пытался, пытался... пока не упёрся спиной в своё логово. Но война закончилась, а «передовая» осталась.

Передовая — нашей памяти.

Передовая — защиты Отечества.

Передовая — патриотизма.

Войны бывают разные... Не только справедливые, но и захватнические. Убеждён, если б великий гуманист, писатель Лев Николаевич Толстой был очевидцем войны Великой Отечественной, он бы свои взгляды скорректировал:

«Божьей милостью, мы, самодержавнейший, великий государь всея России, царь польский, великий князь финляндский и проч. и проч., объявляем всем нашим верным подданным, что для блага этих, вверенных нам Богом, любезных наших подданных, мы сочли своей обязанностью перед Богом послать их на убийство. С нами Бог» и т.п.

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнётся опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся разжигающие

людей под видом патриотизма и ненависти к убийству газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно. Засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценные ими побрякушки — ленты, кресты, галуны, звёзды. Засуетятся праздные господа и дамы, вперёд записываясь в Красный Крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья, и воображая, что они делают этим самое христианское дело.

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жён, матерей, детей — люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. Будут ходить, зябнуть, голодать, болеть, умирать от болезней, и, наконец, придут к тому месту, где их начнут убивать тысячами, и они будут убивать тысячами, сами на зная зачем убивать людей, которых они никогда не видели, которые им ничего не сделали и не могут сделать дурного.

И когда наберётся столько больных, раненых и убитых, что некому будет уже подбирать их, и когда воздух уже так заразится этим гниющим пушечным мясом, что неприятно делается даже и начальству, тогда останутся на время, кое-как подберут раненых, свезут, свалят кучами куда попало больных, а убитых зароят, посыпав их известкой, и опять поведут всю толпу обманутых ещё дальше, и будут водить их так до тех пор, пока это не надоеет тем, которые затеяли всё это, или пока те, которым это было нужно, не получат всего того, что им было нужно. И опять одичают, остервенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет. И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их» [8].

Да, как-то так повелось испокон веков: одни люди предпочитают убивать — другие исцелять, одни строят — другие взрывают. По интересам:

Для генералов война, как для школьников каникулы [9].

Интересно, смогут ли когда-нибудь люди жить не в крови?

Николай Бердяев считал: «Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему обличью временах. В эти мирные времена совершаются духовные убийства, накапливаются злоба и ненависть. ... Недостаточно освободить человека от внешнего насилия, как то думает социальная религия наших дней, нужно освободиться человеку от внутреннего зла. ... Разделение на два мира, на мир света и тьмы, прежде всего существует и внутри каждого человека, враг есть внутри каждого из нас».

Примечания:

- [1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [2] Ибрагимбейли Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989, № 4. С. 62.
- [3] Подвиг народа Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне // Газета «Зов времени». 2000, № 7.
- [4] Ибрагимбейли Х.-М. Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП // Независимая газета, 1994, 12 июля.
- [5] Боков А. Операция, преданная забвению // Газета «Зов времени». 2000, № 7.
- [6] Ингушетия: Исторические Параллели 19.03.2010 «Ингуши на фронтах второй мировой войны» Из истории моего народа — Хамарз Костоев.
- [7] С. Хамчиев, газета «Сердало» № 138(9513); вторник, 7 декабря 2004 года, «Ингушетия в войнах России»
- [8] Толстой Л.Н. «Христианство и патриотизм». 17 марта 1894-го года.
- [9] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*

Исход первый

Малумат

*На одном поле не уживаются крапива и кукуруза.
Нитташи хъажкIаши цхъан кхай тац.*

Ингушская пословица

Есть и в современной истории Страны башен трагичные страницы.

Яхья Хашагульгов, бывший председатель райисполкома Сунженского района, поведал о страшном исходе из Ингушетии русского населения, предки которых жили на этих землях более двух веков:

— В лихие девяностые национальные конфликты захлестнули нас, начались убийства. Пошла молва: «Надо из Ингушетии бежать, бежать, бежать». И сперва казаки, затем всё русскоязычное население потянулись из города Карабулака, из станиц Троицкой, Орджоникидзевской — в Ставрополь, Краснодар... [1]

Яхья Магомедович ничего не скрывал...

Потому его рассказ даже в сокращённом виде приводить не стану. Картины жёстких гонений, неосторожно оброненное слово могут стать причиной нового всплеска междоусобиц. И назначать виноватых, судить... тоже не стану.

Кто я такой, чтобы судить?..

Нас всех по намерениям и деяниям нашим, по ошибкам или бездействию, по мыслям светлым и чёрным — будет судить Бог. А трагические события 1991 года так и останутся чёрным квадратом.

Примечания:

[1] 30 апреля 1991 года «Комитет по спасению Сунженских казаков» обратился к руководству страны с требованием «Принять незамедлительные и действенные меры по ограждению казачьего и славяноязычного населения Сунженского района Чечено-Ингушской республики от националистически настроенных ингушских экстремистов». Википедия: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкая_\(Ингушетия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкая_(Ингушетия)); Прошение осталось без ответа.

*

Исход второй

Малумат

*Время уносит горе из сердца.
Хано даэц дег тIара бала.*

Ингушская пословица

Говорить беспристрастно о горе людей, ставших близкими, не получится, как ни старайся.

Трусливо смолчать — нечестно. (Зачем тогда вообще браться за перо...) «Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации» [1]. Врать — не могу. (Иначе б занимался политикой...) Пригородный район сегодня — один из символов республики! Кто так не считает, просто не бывал в Ингушетии.

А первопричиной трагичных событий послужило желание Отца народов, товарища Сталина, часть этих самых народов уничтожить. Он оставил о себе память, которую смело можно назвать бессмертной: в День Советской Армии чеченов и ингушей поголовно депортировали в Казахстан «без права возвращения». (Думаю, долго ещё вайнахские народы будут скрипеть зубами, в ответ на поздравление с Днём защитника Отечества...) Остальные события, вплоть до трагедии в Пригородном районе, костяшками домино — безвольными доминушками — валяются одно за другим. Но, бесспорно, депортация народов со своих исконных земель —

Доминушка первая

Вопрос, который сейчас затрагиваю, страшен ужасом абсурда.

И, повторюсь, любое неосторожно брошенное слово может невольно привести к новой волне кровавых конфликтов. Даже если буду искренен в своих заблуждениях — это не оправдывает. Как известно, «благими намерениями...» Поэтому не стану давать личных оценок — слово самим ингушам — очевидцам событий. Главный редактор общенациональной газеты «Сердало» Якуб Патиев предоставил мне такую возможность, снабдив копиями газетных материалов. Итак...

Доминушка вторая

26 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР по инициативе ингушских депутатов принял Закон РСФСР N 1107-I «О реабилитации репрессированных народов». Статья 3 п. 2 гласит: «Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР». Ингуши на радостях п. 3 уже не читали: «В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов». Равно как не читали и Конституцию Российской Федерации, статью 67.3: «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия». А 03 июля 1992 г. Верховный Совет РСФСР принимает Закон РСФСР N 3198-1 «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации». Статья 3 предупреждает: «Самовольные захваты территорий и изменение территориальных границ запрещаются. Любые действия, направленные на самовольные захваты территорий и изменение границ в Российской Федерации, являются преступлением против России и влекут уголовную ответственность согласно действующему законодательству».

Доминушка третья

На страницах газеты кипят нешуточные страсти. Все нервы накалены до предела, терпение иссякло... «Сердало» 04 августа 1992 года в №88 (8185) опубликовала на первой странице «Резолюцию чрезвычайного съезда ингушского народа», который прошёл в г. Назрани в РДК. Пункт первый предписывал: «Административный, промышленный и культурный центр Ингушской Республики должен быть размещён в городе Владикавказе». Пункт второй: «Считать необходимым проведение выборов в парламент Ингушской Республики на территории Назрановского, Сунженского районов и Пригородного, Малгобекского районов в границах 1944 года не позже сентября 1992 года». Редакция в своём комментарии осторожно напомнила, что вопрос, «с определением срока выборов», должен решаться Верховным Советом РСФСР. Было ещё немало материалов, которые предостерегали горячие головы от скоропалительных, необдуманных решений. Так газета «Сердало» от 11 августа 1992 года в №91 (8188) в статье «Изменение границ начать нетрудно. Закончить вряд ли удастся» объясняет: «...Практическое восстановление прав репрессированных и насильственно переселённых народов — более сложное дело, чем казалось вначале. Ведь речь идёт о десятках народов, народностей, этнических групп, сложившихся культурно-этнических общностей — судьбах миллионов людей. ...Но этим не исчерпывается сложность вопроса, который приобрёл международный характер. Ведь часть этих народов проживает на территории суверенных государств бывших союзных республик и стремится вернуться в Россию, другая часть — например, группа крымских татар, турок-месхетинцев, курдов — оказавшись волею судьбы на российской земле, стремится вернуться на земли предков».

Если восстановить границы на момент 1944 года, то не только Пригородный район Северной Осетии нужно вернуть Ингушетии, а Натеречный, Шелковской и Наурские районы Чечни — Ставропольскому краю; Моздокский район Северной Осетии — Ставрополю; Новолакский район Дагестана (бывший Ауховский район) — назад Чечне, и пошло, поехало... Для справки: спорных зон сейчас на территории России 180! Примерно на тридцать три Чеченских войны. Позиция центра по вопросу любого изменения любых границ любых республик хорошо известна: их нельзя пересматривать, потому что это открывает ящик Пандоры.

Доминушка четвёртая

В газете «Сердало» от 29 октября 1992 года в №123 (8220) опубликована «Резолюция митинга ингушского народа пос. Южный Пригородного района 24 октября 1992 года». Она, кроме прочего, призывала: «...В ингушских сёлах Пригородного и Моздокского районов немедленно приступить к созданию народной гвардии. Материальное обеспечение народной гвардии Пригородного района возложить на Назрановский, Малгобекский и Сунженский райсоветы» [2].

Доминушка пятая

И оружие молчать не стало. Газета «Сердало» 12 ноября 1992 года в №125 (8222) публикует статью «Это уже Карабах», больше напоминающую сводку боевых действий: «Сегодня в Пригородном районе у селений Шолхи (Октябрьское). Мочкький-Юрта (Чермен), Карца (Планы), Яндиево (Дачное) и у многих других идут ожесточённые, кровопролитные бои. Ингуши сражаются за свои земли, за свои улицы и дома...»

Доминушка шестая

И страшный итог!.. Газета «Сердало» 12 ноября 1992 года в №128 (8225) в «Политическом заявлении Чрезвычайного комитета Ингушской Республики» сообщает о сотнях убитых, тысячах раненых ингушей и десятках тысяч оставшихся без крова.

Век двадцатый канул в Лету, но с собой
Не сумел свои страдания забрать,
И живём мы непрерывною войной —
Это Сталин продолжает убивать! [4]

*

И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
— «Кто не за нас — тот против нас!
Нет безразличных: правда с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других [3].

В день отъезда в православном храме Сунженского района я поставил за убиенных свечку.

Примечания:

[1] Зощенко Михаил Михайлович.

[2] 31 октября 1992 года «Сердало» в №124 (8221) публикует «Обращение в комитет по правам человека Организации Объединённых Наций» с просьбой о помощи и поддержке (копии были направлены Президенту Российской Федерации, Председателю Верховного Совета РФ, Полномочному представителю Верховного Совета РФ в Ингушской Республике и представителю Президента РФ в Ингушской Республике). Но тоже услышаны не были...

[3] Волошин Максимилиан Александрович, поэт, критик, художник.

[4] Якуб Патиев «Сталин продолжает убивать».

*

Исход несбывшийся

*Хочешь уберечь свой берег — бейся за чужой.
Тиркал дехье ца кьисача, сехье хиннаяц.*

Ингушская пословица

И опять ограничусь лишь сухими сводками:

- 18 октября 2012 года в Чечне приняли Закон о включении части Сунженского района Ингушетии в состав Чечни [1], [2];
- Утром 18 апреля в ингушское село Аршты вторглись 300 чеченских силовиков — колонна состояла из одного БТР, нескольких «Уралов» и легковых машин [3].
- 20 апреля Юнус-Бек Евкуров созвал съезд ингушского народа в связи с «чрезвычайными обстоятельствами вокруг вопроса о временной границе между Чечней и Ингушетией» [4].

Аксагов Магамед в красках поведал, как они с друзьями провели несколько тревожных дней на баррикадах в готовности защитить родную землю даже ценой собственной жизни... Редакция газеты «Сердало» дальновидно изышла из архива материалы (поступила мудро!): теперь между выпусками №035 (10970) 16 марта 2013 года и №60 (10995) 14 мая 2013 зияет чёрная дыра. Кавказ — дело скользкое...

А третий исход, слава Богу, не случился.

Примечания:

[1] «В Ингушетии считают (и в августе 2012 г. Ю.-Б. Евкуров неоднократно озвучивал эту позицию), что проблема уже решена эволюционным путем: граница между Ингушетией и Чечней сложилась, устоялась благодаря многочисленным выборам, когда приходилось определять и уточнять границы избирательных участков. Окончательно, по мнению ингушской стороны, границы были определены в связи с проходившими в 2009 г. в обеих республиках муниципальными выборами». «Республика Ингушетия», 30.8.2012, «Три года «стабильности» Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал» о ситуации на Северном Кавказе «Выпуск 2», Осень 2009 года — осень 2012 года».

[2] «Кадыров подписал закон о включении части Сунженского района Ингушетии в состав Чечни». Новости Ингушетии ingnews.ru 26.02.2013:

«В Чечне внесены поправки в закон о Сунженском районе, который был утверждён парламентом республики, подписан её главой и опубликован. Закон Чеченской Республики «О внесении изменений в Закон Чеченской Республики “Об образовании муниципального образования Сунженский район и муниципальных образований, входящих в его состав, установлении их границ и наделении их соответствующим статусом муниципального района и сельского поселения” был принят парламентом региона 18 октября 2012 года, утверждён главой региона Рамзаном Кадыровым 6 ноября 2012 года и опубликован в официальном издании «Вести республики» в №18 от 30 января 2013 года. Закон вступил в силу по истечении десяти дней после официального опубликования, то есть 9 февраля.

В документе утверждаются поправки в закон №6-РЗ от 13 февраля 2009 года “Об образовании муниципального образования Сунженский район”. «Статью 3 изложить в новой редакции: “Образовать муниципальные образования в составе Сунженского муниципального района, установив их границы согласно прилагаемым схематическим картам и их описаниям, наделив их статусом городского и сельского поселения с определением административного центра: Ассиновское сельское поселение с административным центром в станице Ассиновская; Серноводское сельское поселение с административным центром в селе Серноводское; Вознесенское сельское поселение с административным центром в станице Вознесенская с входящим в его состав населенным пунктом Аки-Юрт; Карабулакское городское поселение с административным центром в городе Карабулак; Нестеровское сельское поселение с административным центром в станице Нестеровская; Слепцовское сельское поселение с административным центром в станице Слепцовская; Троицкое сельское поселение с административным центром в станице Троицкая; Чемульгинское сельское поселение с административным центром в селе Чемульга”, — говорится в тексте документа».

[3] «Территориальные претензии Чечни» Новости Ингушетии ingnews.ru 30.04.2013 Юлия Латынина.

[4] Abos.RuB 21.04.2013 «В Ингушетии бьют тревогу по поводу Чечни».

*

Обратный отсчёт

Малумат

*...Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!*

М. Ю. Лермонтов

В Ингушетии закончился период смуты и давно наступил мир.

Исход людей из родных мест прекратился.

Снова ждут русских в Ингушетии [1]. Правительством даже разработана целевая республиканская программа «Возвращение и обустройство русскоязычного населения на 2010 — 2015 годы». Постепенно и в Пригородный район, на свои исконные земли, возвращаются ингушские семьи. Яхья Хашагульгов, бывший председатель райисполкома Сунженского района, убеждён:

— Ингушский и осетинский народ врагами быть не могут. Тихо-тихо-тихо всё поставят на место. Один пример привожу: СССР и Германия — более непримиримых врагов в мире не было. А сейчас?.. Время затягивает раны.

ХI арача дено цхьацца лаьтта бел тI адулаш, бала гаьнабоал.
Горе удаляется — каждый день на него ложится лопата земли.

Проблема вся в чём? У нас каждый себя считает князем.

А «над князем князь не нужен» — гласит ингушская пословица (Аьлан тI а аьла тац).

«Я бы сделал не так, я бы не так! я бы лучше! Тот купился, этот проданся». Веками по наследству, потомков будут укорять: «Сто лет назад ваш дед вёл переговоры и уступил часть Владикавказа другому народу». За это время страна полностью поменялась, шар земной перевернулся, уже никто и не помнит, что именно было тогда, а упрекать будут.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны... [2]

Кровавый исход из Осетии осенью девяносто второго...

Пока вопрос этот — самый болезненный для всех и каждого в республике.

Официальный Гимн Республики Ингушетия гласит:

Земля может разверзнуться
От ран, врагами тебе нанесённых.
Да будут благородны сыны ушедшие,
Да отомстят живущие за них.

Аллах, дай силы Ингушетии,
Дай силы, чтобы отомстить.

Льатта даттIал йоккха я човнаш,
МоастагIаша хьа дегIа яьраш.
Эздий хилба хьа керахьа кьонгаш,
Чир леха, бохабе гIаьраш.

АллахI — Даьла, низ ба ГIалгIайченна,
Чир леха из ба ГIалгIайченна. [3]

Старики в Ингушетии перед смертью завещают потомкам: «Вернуться к родным пепелищам, к родовым кладбищам в сёла Пригородного района». Меня уверяли: обратный отсчёт времени уже включён. На стенах в ингушских домах я видел именно такие часы — часы с обратным отсчётом. И теперь каждый час, каждая минута, приближает ингушский и осетинский братские народы к миру и добрососедству.

Примечания:

[1] Я вспомнил, как воспринимался мой приезд в горных аулах Дагестана... В страшные 90-е русские оттуда тоже бежали сломя голову, кто успел... В Казбековском районе женщина смущаясь подошла ко мне и робко спросила: «Вы правда из России?» — «Да» — «Можно Вас потрогать?» В Бежтинском районе пограничный наряд тщательно проверил все мои документы, полчаса не прошло — летят на УАЗике обратно: повторная проверка. Я старшему наряда задаю резонный вопрос: «Товарищ лейтенант, какие-то проблемы?» Он помолчал и нехотя выдал: «Если бы Вы видели сейчас себя со стороны, Вы ж тут как Дед Мороз летом...»

[2] Шота Руставели, великий грузинский поэт.

[3] Материал из Википедии — свободной энциклопедии: «В 2005 году, новое руководство Ингушетии во главе с Президентом Муратом Зязиковым решило, что гимн Ингушетии излишне агрессивен и не отражает «стремление народа к миру, созиданию, добрососедским отношениям» и утвердило новый вариант гимна на стихи ингушского поэта Саида Чахкиева. В 2005 — 2008 гг. попытки руководства республики ввести новый гимн не увенчались успехом. Текст первого гимна оказался под запретом, но музыку исполнять разрешали. Гимн со словами можно было услышать только на концертах ингушских музыкальных групп в Москве и других городах России. Запрещённая песня быстро обрела невероятную популярность среди молодёжи. В интернете можно было даже найти рок-обработки гимна. Популярность и значимость первого Гимна Ингушетии были признаны новым руководством республики во главе с Юнус-Беком Евкуровым и вскоре было принято решение о возврате первого Гимна Ингушетии. 7 декабря 2010 года Конституционным Законом РИ был утвержден Гимн Ингушетии с первоначальными стихами Рамзана Цурова и музыкой Руслана Зангиева».

*

Советская власть

Хабарик

*Дуплистое дерево ветер валит.
Хар баьнна хи михо атта божбабу.*

Ингушская поговорка

Ингуши по сей день гордятся своими земляками, отмеченными царём-батюшкой за воинскую доблесть и верную службу генеральскими погонами и почестями:

- Бекбузаров Сосланбек Сусуркаевич, дослужился до генерал-майора, командира бригады 19-й пехотной дивизии, кавалера Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 24.02.1915 г.);
- Нальгиев Эльберд Асмарзиевич, генерал-майор, командир 2-й бригады сводной Кубанской казачьей дивизии, кавалер Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 07.01.1916 г.);
- Укуров Тонт Наурузович, генерал-майор, командир 44-го пехотного Камчатского полка, кавалер Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 09.03.1915 г.);
- Базоркин Банухо Байсагурович, генерал-майор русской императорской армии;
- Мальсагов Сафарбек Товсолтанович, генерал-майор русской императорской армии;

А бойцы «Дикой дивизии»? Все как один — Национальные герои! Красавчики!
Обычно после этих джигитов следом идёт длинный перечень Героев Гражданской войны.
Известно, что ингуши массово поддержали Советскую власть.
Умницы!

Сам Орджоникидзе в восторге писал: «Ингушский народ, ни на минуту не колеблясь, изъявил готовность к борьбе и громадными массами направился в город... Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которыми потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы» [1]. Мнение врагов Советской власти ещё откровенней... Деникин впоследствии изумлялся: «Участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствует их численному составу. Ингуши — наименее численный и наиболее спянный военной организацией народ — оказался по существу вершителем судеб Северного Кавказа» [2].

Ингуши настолько гордятся подвигами своих предков, что никто не заморачивается думкой: ведь красавчики из первого списка воевали с красавчиками из второго. Между собой! И одновременно их чествовать как героев — нелогично. «Всё смешалось в доме Облонских!»
Большевистская идея равенства настолько подкупила ингушей, что они по сей день пребывают в восторге!.. Тот факт, что власть эта землю дала лишь поддержать в руках, а потом почти сразу отняла вместе с жизнью десятков тысяч людей, с родовыми башнями, в расчёт не берётся.

«Товаиши с бьятского Востока!» — Ленин, когда произносил эту фразу — не картавил.

Строители и врачеватели по ингушским адатам избавлялись от кровной мести. Если ценный специалист совершал проступок — его не убивали — откупали. От таких людей зависело благосостояние и здоровье тейпа. НКВД, а ещё раньше ЧК, поступало наоборот — интеллигентов, профессионалов, носителей культуры, людей образованных уничтожали в первую очередь. Зачищали, обнуляли сознание и память народа. Уничтожали самих носителей знаний, уничтожали круг их последователей, уничтожали круг учеников. Как мрачно пошутила Марина Цветаева: «Палачам во все времена нужны люди с головой». К зачисткам подходили основательно — не с кондачка. Варлам Шаламов пытался разгадать механизм репрессий: «Одним из главных принципов убийства сталинского времени было уничтожение одним рядом партийных деятелей — другого. А эти в свою очередь гибли от новых, из третьего ряда убийц. Берзина арестовали в

декабре 1937-го года. Он погиб, убивая для того же Сталина. Почему талант не находит в себе достаточных внутренних сил, нравственной стойкости для того, чтобы с уважением относиться к самому себе и не благоговеть перед мундиром, перед чином. Учёные, инженеры и писатели, интеллигенты, попавшие на цепь, готовы раболепствовать перед любым полуграмотным дураком. «Не погубите, гражданин начальник! — в моём присутствии говорил местному уполномоченному ОГПУ в 30-м году арестованный завхоз лагерного отделения. Фамилия завхоза была Осипенко. А до 18-го года Осипенко был секретарём митрополита Питирима» [3]. Писатель Виктор Астафьев признаётся: «Я раньше других сперва почувствовал, а потом и увидел трагедию своего народа, сваленного в червивую яму коммунистами» [4]. Ему вторит Василь Быков: «Прежний советский строй под руководством коммунистической партии никуда завести не может, кроме как тупика. И я думаю, что семидесятилетняя история нашего государства именно об этом вопиет, не то, что свидетельствует. Каждая её страница».

Из моих собеседников в Ингушетии, пожалуй, лишь Нурдин Кодзоев не захлёбывался в восторге, говоря о красных: «Я с детства — антисоветчик. Состоял на особом учёте. В пятом классе от руки писал листовки о митинге в Грозном в 1973 году, бегал по улицам, расклеивал... КГБ собрали по школам тетради, по почерку вычислили, но что возьмёшь с пятиклассника? В восьмом создал подпольную организацию... Цель: образовать республику Ингушетия».

И вот сегодня бок о бок в Ингушетии, словно в провинциальном спектакле, на одной сцене, в одной постановке играют персонажи из разных сказок: Карабас и Дюймовочка, палачи и жертвы, антисоветчики и большевики-ленинцы с персональными экспозициями в музеях, с демонстрациями-маёвками 1 мая и Днём памяти жертв политических репрессий 30 октября — по принципу «Кашу маслом не испортишь!» Не прихоть это, не бзик и не склероз провинциального режиссёра — желание соответствовать непрерывно-меняющейся генеральной линии идеологии Державы, публично заявленному укладу жизни:

Наш уклад

Вперёд! Назад... чуть-чуть левее...
А-аа, стоп! стоп-стоуп... поправее.
Вот так... Ой, нет!.. Ой, не, не над...
У-ау! Счастье — от движухи в зад.

Не стенограмма то борделя,
Не полицаев съёмка скрытая.
Не шутки первого апреля —
Страны история избитая,
Руси уклад [5].

А Советская власть — проект масштабный, но утопически-гнилой, возьми и рухни, аки дуплистое древо. И порой душит меня ностальгия:

Хочу назад в эСэ-Сэ-СэР
Назад! В Советскую Медину
Где метроном, не ставя в хер,
Задаст по жизни ритм единый!
Сигнал пропикает Москва
Объявят курс по «Маяку».
Узнав почём нам «дважды два»,
Навалим счастья кулебяку [6].

P.S.

Пожалуй, единственное, чего местные жители Советской власти не простят никогда — как посмела она изъять из романа «Двенадцать стульев», при повторном издании, сцену, где ингуши избивают Остапа Бендера. Как решилась поднять руку ещё на одно свидетельство гостеприимства и миролюбия горцев!

Примечания:

[1] Г.К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. Грозный, 1962, стр.68.

[2] «В августе 1918 года, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли Терский Совет комиссаров». Генерал-лейтенант А.И. Деникин «Очерки русской смуты». 1925, т. IV, с.с. 97—98, 112, 122.

[3] Виктор Астафьев «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник».

[4] «Варлам Шаламов. Опыт юноши». Режиссер: Павел Печенкин.

[5] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

[6] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*

Художественная школа

Ахи [1]

*И трава краше, когда в ней попадаетея цветок.
Буц а дикагIа хул, юкъ-юкъе зизалг хилча.*

Ингушская пословица

В городе Сунжа есть прекрасная художественная школа.

Сам в детстве заканчивал подобное учебное заведение, потому не могу быть объективным к этим островкам творчества — испытываю безответную симпатию и сохну по сей день. Мне вновь захотелось сесть за мольберт в первый класс, и не беда, коли стану второгодником...

Я с первого взгляда влюбился в школу, влюбился в преподавателей.

Разве может быть иначе?..

А Махмуд сразу потянулся к бутылке, акварель на её горлышке, казалось, звенела...

Директор школы — Исса Аушев — Член союза художников России, народный художник республики Ингушетия, автор живописных масляных полотен и плакатов.

— Работа называется «Геноцид малых народов». Пострадали от советской власти все... кто в большей, кто в меньшей степени. Репрессировали десять народов. На холсте я изобразил пальцы наспех зарытых истерзанных, расстрелянных, загубленных людей.

Любимый афоризм Иссы — фраза Амадео Модильяни: «Любая живописная работа — мысль, выраженная в цвете, и мысль эта должна быть обязательно живой, царапающей равнодушное успокоенное сознание». Да, остаться равнодушным — невозможно...

А на память директор художественной школы подарил мне картину с эпохальной дарственной надписью: «Александр Костюнину от рода Аушевых».

Примечания:

[1] Ахи (собств.) — собственный жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные.

*

Родина Камасутры

Русский язык — это прилизанный ингушский.

Ингушское поверье

Берснако Газиков — крупный ингушский учёный, краевед, исследователь и при этом человек исключительно скромный, как все ингуши:

— О себе говорить неудобно, всё — в интернете. Я автор научного труда: «Ингушетия — родина мировых мифологий».

— Гипотеза отчаянно-смелая...

— Сейчас сами убедитесь! — заученным жестом фокусника Берснако развернул на столе план своего генерального наступления на мир. — По карте Ингушетии мы скрупулезно исследовали ингушскую и мировую мифологию, окинули взглядом рельеф земли с птичьего полёта. Вот, прошу, окиньте: здесь протекает Терек, это — река Армхи, это — Асса. Если изучить этот участок карты внимательно — просматриваются глаза.

Я уперся взглядом в карту и... точно!.. что-то типа, причём один глаз мне подмигнул!

— Полюбуйтесь, — вот будто бы рука, вот, будто бы нога... По описанию этот персонаж полностью соответствует теологии индуизма. У Махабхарата — на голове тоже коническая корона...

— Сила!

— ...Четыре руки, две правых, две левых, в одной он держит молнию.

— Кому-то надо...

— Вторая рука — кулак перед собой.

— Мило.

— Из космоса видно лучше.

— Да ладно, я так...

— ...Следовательно, подтверждается факт: у нас находится греческое божество — Охранитель Мира.

— Ясненько...

— А если карту крутанём — увидим сначала козла, потом слона.

— Чудненько... славненько... занятненько, — подбадривал я собеседника, строго следуя инструкциям Махмуда.

— Это Бог Ганеша, исполняющий желания — слон мудрости Индии.

— Так ему и надо.

— Подобных образов у нас набралось более семисот, которые соответствуют египетской, индийской, скандинавской мифологиям. Получается, зарождение всех мифологий мира происходило именно у нас, в Ингушетии, — Берснако победно откинулся на спинку стула.

«Так вот ты откуда родом, Камасутра!..»

— Везёт вам.

— Бывает... — Берснако крепче прижал портфель к груди. — Очевидно: жизнь планеты Земля зародилась здесь, в Ингушетии, в Джейрахском районе. Это уже потом люди разбрелись по всей земле и, захватив с собой наши мифы, образовали разные страны.

— Я лично знаком с главой администрации Джейрахского района, — сморозил я сдуру! словно как раз этот муниципальный чиновник и организовал процесс мироздания.

Теперь за ингушский народ я спокоен! С такими энтузиастами-учёными, как Берснако, Страну Башен ждёт великое прошлое. А если Бог взаправду по национальности — ингуш?..

*

Право служить

*Коня узнают в пути, молодца — на чужбине.
Дын наькъаца бовз, клант аренца вовз.*

Ингушская поговорка

У Башира Аушева уточнил:

— Ингушетия по-прежнему в числе регионов, где за возможность отслужить срочную службу — уточняю: не «откосить от армии» — за право исполнить священный конституционный долг — дают взятки?

— Да, так... Когда призвали на Северный Флот — не верил до последнего. Пока уж точно не проехали Москву, Питер... пока столичные города не проплыли мимо окон вагона. В 2009-м, когда меня призывали, желающих было десять человек на место.

— В МГУ меньше.

— Весь двор военкомата забит битком. Знакомые ребята предлагали за деньги поменяться местами, чтоб отдал им свою квоту. «Не-не-нееее!» Им отметка в воинском билете нужна для госслужбы, а я на Северный Флот рвался познать себя, силу духа, силы свои. Дома можно всю жизнь прожить — ничего не поймёшь... Здесь ты не один, здесь за тобой — весь тейп. Споткнуться, упасть не дадут, поддержат... Могу хоть сейчас сделать дозвон по телефону: «у меня проблема!» — через десять минут сюда привалит пятьсот человек, готовых на всё... армия! Дома перестаёшь адекватно оценивать реальность. Там — совсем другое. Там ты один, без рода, без племени, можешь надеяться только на помощь Всевышнего. Там, наконец, понимаешь, насколько готов к жизни, насколько тебя хватит самого. Когда, ещё толком не проснувшись, улетаешь горячие мамины пирожки, этого не понять, смысл жизни до тебя не доходит. После службы, в какой бы ситуации ни оказался, — точно знаешь заранее: потянешь эту ляжку или нет. Я туда рвался, чтобы повидать мир, вдоволь наиграться с оружием, перейти с ним на «ты»: в Североморске корабли — с гору величиной, торпеды, ракеты... Мне это очень интересно... Я мечтал служить три года, но буквально в дороге узнал: опубликовали приказ министра обороны, срок службы сократили. Я был убит горем... Себя зарядил именно на этот срок. А призывники наоборот: кто мог, сходили по пути, на каждом пересыльном пункте упрашивали «покупателей», чтоб забрали их в другие рода войск, только не морфлот, только б не служить три года...

Призыв весенний. Поезд идёт по Мурманской области, светлынь, а все спят наповал. Даже странно показалось... Подхожу к своему прапорщику, трясу за плечо:

— Чё с вами? Чё случилось?!

— Ты дурак что ли?.. Посмотри на время: ночь на дворе.

— Какая ночь?

Оказывается, такая в Заполярье летом ночь — белая. Я слышал, конечно, но чтоб до такой степени — представить не мог. Зимой наоборот — полгода темень. Глаз выколи... Зимой минус пятьдесят при высокой влажности и колючих ветрах с залива — не детские игры, море Баренцево!.. Огромная луна! Лунища!!! — рукой достать — жёлтая, маслянистая, словно чапенгишь! [1] И небо — на плечи давит. Однажды вышли во двор, морозяка, сугробы, и внезапно! — небо перламутровое... — от испуга аж пригнулся. (Знаю: ядерные подлодки кругом... Всякое может.) Бегом к офицеру — доложить. Тот смеётся:

— Это северное сияние!..

И началось на небе представление... Разве такое увидишь здесь? Светло как днём. Лазерное шоу — дешёвая туфта по сравнению с ним. Узоры, полосы, ленты — широкие, узкие... разных цветов. И всё меняется. После этого я каждую ночь выбегал во двор: чтобы не пропустить, чтоб ещё раз увидеть, ещё-ещё раз... И, конечно, мечта моя — увидеть воочию корабль «Пётр Великий» и авианосец «Адмирал Кузнецов» — достояние страны. В сравнении с ним даже северное сияние

померкло. Вот это махина!.. Город! Ему даже Кольский залив в плечах тесноват. «Адмирал Кузнецов» — чудо света! Я-то служил на базе технического обеспечения... на маленьком катере торпедистом. А это такая махина — бескозырка с головы падает, как голову вверх задерёшь. Ещё раньше слышал лозунг: «На работу, как на праздник!», считал «дуркуют». Пропаганда. А тут сам, когда попадал в торпедный цех, огромную радость поймал. Пацанам не интересно, а мне-eee!.. Я знал: больше никогда в жизни этого не увижу, даже если захочу сильно-сильно. Потрогать самому, разобрать, собрать, смазать, зарядить, участвовать во всём этом. Прямо гордость испытывал: не каждый мой сверстник допущен к таким тайнам, к военной мощи страны. Принимал участие в военно-морском параде, есть даже благодарственное письмо в адрес родителей... Клянусь — это счастье! Отдать долг Родине для мужчины — награда. «Защитник Отечества» — звание почётное. И ещё: служба для меня стала данью уважения деду, другим ветеранам, благодаря которым мы сидим с вами спокойно, мирно беседуем. Вклад этот даже по масштабам Вселенной — не оценить. Служба моя на Северном флоте своего рода «алаверды!» Одолей нас тогда фашист, не до бесед было бы сейчас...

На медкомиссии мне врач заявила:

— Ты южанин, даже недели здесь не выдержишь, может, тебя сразу комиссуем?

— Вы что!.. Вообще?! Для ингуша «комиссовать»! Лучше здесь умру. Зато меня родственники увезут и с почестями похоронят.

Задумалась, остальные хлопают глазами.

— Ты какой-то ненормальный... Если им предложу, с радостью согласятся, убегут.

— Они пусть бегут, я выдержу всё. Так и пишите.

Посмеялась врач надо мной, но уже совсем по-другому, по-доброму:

— Приятно видеть таких призывников! А кем тебе доводится Руслан Аушев?

— Дядя.

Председатель комиссии, генерал-полковник медицинской службы, подошёл ко мне и положил руку на плечо:

— Благодаря твоему дяде я дослужился до таких звёзд, это он меня в русло поставил. Первый бой принял под его командованием. Обращайся, если возникнут вопросы. И служи, старайся авторитет его не уронить.

Я стою, весь свечусь от счастья... ярче Северного Сияния.

В Ингушетии считают: настоящий мужчина должен быть всегда на слуху! Или в хорошем или в плохом смысле! А здесь такое почтение... Гордость во мне такая, что я — ингуш, представитель его рода, — служу на Краснознамённом Северном флоте, на флоте, о котором друзья слагают легенды, а враги в страхе шарахаются. В меня прям сто сил вселилось — стал заниматься спортом: штанга, турник, закаливание — летом обливался холодной водой, зимой обтирался снегом, к тёплой воде не прикасался. В итоге я — единственный боец из всей роты, кто ни разу за всю службу не валялся в госпитале. Осенью, когда в тельняшке выходил на палубу, чувствовал себя комфортно.

Многие пустоты у себя в голове заполнил именно там... Пообщался с представителями разных национальностей. Со староверами, язычниками... узнал как шаманы проводят обряд очищения дома. И был в шоке! Многие мне казалось диковатым, как, наверно, некоторые наши адаты кажутся им. Там до меня дошло: если ты поймёшь устройство души человека — какой бы национальности и веры он ни был — тебе не составит труда найти подходы к нему и сдружиться... на всю жизнь. Иногда полемизировали, не без этого:

— Я знаю свой родной — ингушский, знаю чеченский, свободно владею твоим языком — русским... Писать умею, стихотворение прочитать, спеть могу... И кто из нас «чурка»?

Примечания:

[1] Чапengiшь (инг.) — блины с творогом

Ослушник

Хабар

*Как ни черни золото, оно не почернеет.
Дошо мелла 1аьрждарах 1аьржлургдац.*

Ингушская пословица

Асланбек сидел напротив и виновато оправдывался:

— 14 сентября 2013 года я заступил в наряд дежурным по РОВД Сунженского района. Дежурство проходило спокойно, никаких эксцессов, ЧП. Ночью, в два семнадцать, раздался звонок из приёмного покоя районной больницы: «С тяжёлым ранением поступил военнослужащий, ППС-ник, пострадал при взрыве автомашины». Я сразу усилил наряд, поднял вторую оперативную мобильную группу, выставил людей, заняли оборону. В 06.15 полицейский из конвойного взвода доложил: в тридцати метрах от отдела за деревом замечен человек в гражданской форме, с автоматом, нацеленным в сторону РОВД. Приказал:

— Все двери заблокировать! — спустившись во двор, увидел незнакомца. — Без моей команды не стрелять! — сам прямым к нему. Приблизился метров на пять... У него автомат АК-7,65 с барабаном (Емкость 75 патронов — пали вдосталь).

Глаза в темноте сверкнули:

— Ещё шаг, буду стрелять... — он стал поднимать автомат.

— Давай не дури, положи на землю автомат и сдавайся.

Передёргивает затвор:

— Пристрелю.

Стоим, смотрим в глаза друг другу. Он внешне ведёт себя спокойно, уравновешенно... палец на спусковом крючке не дрожит. Я плавно расстёгиваю кобуру:

— Смотри... пистолет кладу на землю. Если ты мужчина, положи автомат, и давай поговорим с тобой один на один. Если меня одолеешь, сам проведу тебя в отдел.

Он растерялся, не ожидал такого... Переводит взгляд с пистолета на меня... Не знает, на что решиться.

— Ты кто?

— Саламбек Мочукаев, нахожусь в Федеральном розыске, по 208-й.

— Терроризм. И что тебе нужно?

— Должен пробиться в здание РОВД и расстрелять личный состав.

— Кто тебе такую задачу поставил?

— Амир.

— Почему он сам не пришёл? Побоялся?! Тебя, дурачка, послал. Хочешь пройти в отдел, где круговая оборона... Ты под прицелом, шага не успеешь ступить, — чувствую, дрогнул, обмяк весь, устало положил автомат на землю.

Я — к нему... До него четыре метра, три, два...

В глаза друг другу впились. Показываю — ладони у меня пустые... Подхожу почти вплотную.. Один шаг отделяет.

— Руки подними.

У него конвульсия по лицу пробежала:

— Не подходите, за пазухой взрывное устройство.

— Что именно?

— Не знаю... пояс шахида.

Я молнию на куртке ему приспустил — на груди шприц висит, провода.

— Не шевелись.

Медленно передвигаю бегунок, появляется «MON 50» — взрывное устройство английского производства. Командую своим ребятам:

— Не подходите! У него пояс шахида!

Кругом жилые дома, люди спят — шесть утра — самый сон, а он прямо под окнами...

— Саламбек, будешь слушать мои команды, останешься живой. Если нет... шприц твой дёрну и — в сторону, а ты взлетишь. Понял?!

— Понял.

— Как сюда добрался?

— Брат на белой «семёрке» привёз. Он поехал Нестеровский отдел взрывать... У него машина загружена тротилом.

Я стиснул в кулак указательные пальцы его правой и левой руки, чтоб беды не натворил, достал мобильник, доложил обо всём руководству. Всё... Теперь — подальше от жилья... Повёл его за военкомат, там массивная стена. И в том кирпичном проёме простояли с ним ровно 54 минуты. (Для рапорта запомнил точно). Он то бледнеет, то стонет, то чернеет. Чувствую, у меня самого давление зашкаливает. Стою и понимаю: никто не поможет, разминировать нужно самому.

— Саламбек, вставай к стене, буду тебе пояс снимать.

— Нельзя — оба взорвёмся...

— Посмотрим. Вставай! — вижу в шприце ртуть, стоит клапан приподнять, надавить и — моментальный взрыв. — Садись на землю, руки пла-аавно... задери... не шевелись.

Он сполз по стене, поднял дрожащие руки, глаза закрыл...

И я давай аккура-аатно снимать... складка за складкой... Пот со лба капает прямо на руки...

Снял. Аллах-акбар!

Сложил весь комплект на землю, отошли с ним в сторону... только тут впервые свободно выдохнул. Минут через двадцать прибыли сапёры ФСБ, узнали подробности, крутят пальцем у виска: «Эту бомбу разминировать нужно четыре часа, как ты её вообще снял? Бросай свою работу, переходи к нам». А у меня уже мозги, словно в тумане... Плывёт всё перед глазами. Слышу только, сквозь дымку, генерал объясняет своим:

—...Если бы взорвался, в радиусе пятидесяти метров — одна сплошная воронка... ни одного бы муравья в живых не осталось.

Потом узнал: взрыв Нестеровского отдела удалось предотвратить, белую «семёрку» с бомбой обезвредили, а меня четыре месяца таскали с допроса на допрос, из одной конторы в другую: «Почему покинул дежурную часть?»

Великие деяния, чужие судьбы каждый склонен примерять на себя.

Признаюсь честно: подвиг Асланбека Гандарова я, как ни пытался, примерить на себя — не смог. Не дорос я до такой «обновы»... обитель духа его несоразмерно велика для меня. Это как в Храм войти... Робко чувствуешь себя внутри. Выйти на битву с огнедышащим драконом... один на один. Это и есть — Герой нашего времени.

А само происшествие... Читатели, хорошо знающие историю Государства Российского, понимают: Асланбеку крупно повезло. Ни одно доброе дело у нас не остаётся безнаказанным, любое разбирательство идёт по гладко отработанному сценарию, строго по пунктам: запугивание, запутывание, наказание невиновных, награждение непричастных, банкет по случаю. Мужик, можно сказать, родился в рубашке. Ему ещё сохранили звёздочку, должность. А ведь майор преступил все рамки приличия... За время службы это уже третий случай, — третий! — когда Асланбек лично обезоруживает и берёт террориста живьём.

*

Махмуд зажигает

*Спросится не только за злые слова,
но и за произнесённые добрые.*

Живая Этика. Надземное

Мы проезжали мимо альма-матер и Махмуд, заметив смеющихся школьников, посветлел:

— Мне, как филологу, интересно бывает наблюдать за детьми. Вот уж кто мастера словообразования, и сами такие непосредственные, искренние, не то, что взрослые. В Тюмень ездил к брату, смотрю, во дворе малыши играют с котёнком: симпатичный, пушистый, рыженький. На своём зову его:

— Мута ходол! (Киса, иди сюда!)

Девочка в песочнице совочек отложила и сделала замечание:

— Дяденька, зачем вы ему на чужом говорите? Он же русский.

— Он ингуш.

— Нет, русский!

У нас семьи большие, потомков много.

Прихожу однажды к младшему брату в гости, а у него дочка маленькая, лет шести — племянница моя — такая егоза. Захотелось её разыграть. Налили мне чаю, я ложкой собираю чайники:

— О! Чайники к деньгам! Сейчас буду выпекать.

Та сразу ушки на макушку:

— Как это?

— А вот смотри: собираю чайники, складываю их в карман, читаю молитву: Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Если я всё сделал правильно, через несколько минут в кармане испекутся денежки.

Она смотрит недоверчиво, но играть не убегает. Терпения хватило на пару минут:

— Давай проверим!

— Давай.

Запускаю руку в карман брюк и... достаю вместо чаинок... пятисотрублёвую купюру.

Рот у неё открылся, глаза округлились.

— О! Слава Аллаху! — я складываю денежку и — в нагрудный карман рубашки.

На другой день опять прихожу — она меня уже ждёт. Хозяйка наливает чай, я опять с деловым видом сосредоточенно чайники собираю в ладонь и с молитвой засовываю в карман.

Девчонка не дышит, не моргает, уставилась на меня.

Через несколько секунд тербит за руку:

— Дядь, проверь!

— Рано ещё, не испеклись.

Проходит пять минут, запускаю руку в карман и опять вытаскиваю купюры, да не одну — две. Её аж передёрнуло, личико покрылось красными пятнами, убежала прочь.

На третий раз — я опять за своё...

Она уже с утра ждёт моего прихода: бледная, дёрганая какая-то, аппетит у ребёнка пропал, не здороваясь, сразу подошла к столу — на боевой пост — вперилась в меня.

— Ну смотри, какие сегодня большие чайнички попали в стакан, целые листья — чувствую, будет особый прибыток, — я не обманывал её, час назад зарплату получил. — Ты смотри и учись! Вдруг тебе тоже когда-нибудь захочется денег.

Молча сопит да ногами переступает, точно необъезженная кобылка.

— Так, собираем чайники в ладонь, — нарочито медленно, по одной вылавливаю широкие коричневые лепестки, — читаем молитву: Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного! И опускаем чайники в карман. Главное ничего не перепутать.

Она аж перегнулась через стол, шею вытянула, пытаюсь заглянуть в карман...

А у меня — всё по-честному!

— Так, о-пуска-ааем!

Чтобы денежки выпекались лучше, надо прижать карман к печке, — прислоняю ногу к нагретой плите. — Всё. Теперь ждём.

Она глаза зажмурила, съёжилась вся, замерла, стук её сердца я слышал на расстоянии...

— Ну вроде должны быть готовы, — запускаю руку, достаю тысячную купюру. Для убедительности прикладываю тёплую банкноту к её щеке. — Чувствуешь, горячая? Испеклась.

Складываю тысячу пополам и — в нагрудный карман рубашки. Опять запускаю руку, достаю следующую банкноту. Раз десять я нырял пальцами в брючный карман и выуживал один банковский билет за другим...

— Хватит! — взвизгнула она и своими ручонками прижала мои руки к столу. — Дядя, больше не надо! Вы так все деньги наши заберёте.

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». Общеизвестно: все слова в русском языке на букву «а» заимствованы из тюркского, а им, в свою очередь — из ингушского.

Похоже так и есть!

На днях я зашёл к приятелю, тот на кухне приподнял край скатерти, спрашивает у трёхлетнего внука:

— Игорёк, ты чего там притих?

Из-под стола с натугой:

— А-аю.

Спасибо ингушскому праязыку!

Что ни слово на букву «а» — то перл.

*

Исса

Хабар

*Сыну достались фрукты от дерева, посаженного отцом.
Дас дIайийнача гьанех воIа сомаш хиннаб.*

Ингушская поговорка

Глава Сунженского района Исса Хашагульгов предложил пройти в боковую комнату рядом с кабинетом и откровенно признался:

— Завидую Вам, Александр! Честно.

Я не могу, как вы: всё переступить и заняться любимым делом. Мне никто не позволит. Я привязан. Навечно в строю. В клетке! Адаты, Эздел, тейп — путы покрепче тюремных решёток. Честно, завидую...

— Мне право «заниматься творчеством» — далось не даром, за него приходится биться. В этом бою, как в любом другом, есть потери. Но они оправданы высшим смыслом, высшей идеей.

— Понимаю... И всё же... Жёсткая структура построения ингушского тейпа, иерархия — одновременно «плюс» и «минус». В чём-то она даже мешает... Хотя сегодня уже не та Ингушетия, что раньше. Где ты, древний Эздел? Всё подменено меркантильными интересами. Ингуши всегда отличались тем, что говорили правду, какая бы она ни была. Хватало мужества. Сейчас нет, сейчас не так. Родственники, даже если прекрасно знают, что кто-то из них не прав, — не остановят негодяя, не укажут «отойди в сторону!»

И родители для нас значили больше...

Когда мать умерла, мне было пятьдесят пять. Не было дня... за эти пятьдесят лет... командировка — не командировка, не было дня, чтоб где-то остался заночевать и чтоб моя мама не знала. В жизни не было дня за эти все годы, чтоб я хоть раз к маме не зашёл. Теперь жалею: мог быть ещё ближе... Моя мать не любила ласки, обниманий, муси-пуси. Один раз за всю жизнь обнял её неожиданно... Тогда студентом учился: сначала семестр, потом военная подготовка, — долго не был дома — соскучился страшно. Она во дворике развешивала бельё, я тихонько подкрался, приобнял — сразу отстранилась, резко. Нет, не было у неё этого... Потом, под конец уже, я мог спокойно ногу ей помассировать, руку поддержать... потом уже никогда больше эту сухую жилистую руку не держал я в своих руках...

Исса отвернулся, зачем-то стал переставлять вазочки на сервировочном столике, погромыхивать посудой:

— Угощайтесь! — он налил в стакан заварку и кипяток до краёв. — Родители для нас — это святое... Недавно ролик попался в Instagram. В саду под тенью плодовых деревьев сидит отец, довольно пожилой, видимо, с памятью уже нелады, рядом — взрослый сын, газету читает. Хороший дом, ухоженный сад. Воробей прилетает, начинает прыгать у ног, чирикать. Отец спрашивает:

— Что это?

— Воробей, — сын, не обращая внимания, продолжает шуршать газетой.

Проходит буквально несколько секунд, отец опять спрашивает:

— Что это?

— Воробей, что не видишь? — уже раздражённо, и дальше читает.

Минуты не прошло, отец опять:

— Что это?

— Воробей! Я же сказал. Во!-ро!-бей! — сын, психуя, отбрасывает газету.

Отец сутуло встаёт, шаркая, уходит в дом.

— Ты куда?!

Приносит старую тетрадь, раскрывает её на закладке и протягивает сыну:

— Читай вслух.

— «Сегодня такой красивый день. Мы с сыном сидим в парке на аллее. Прилетел на соседнюю скамейку воробей, и мой сын двадцать один раз спросил у меня: «Что это?» Я двадцать один раз обнял своего сына и ответил: «Воробей».

Сын растерялся, отложил в сторону тетрадь, обнял отца.

Один пишет в комментариях: «Хорошее видео».

Я набираю ответ: «К сожалению, это — не видео, это — жизнь».

Жаль только: осознаём, когда уже поздно. Даже мы, которые так трепетно относимся к родителям. Сейчас, когда время упущено, вспоминаешь, что мог бы отца посадить с собой в машину, вывезти куда-то, прокатить, показать, рядом быть, руку подержать... С отцом пожестче у нас. На людях вообще не принято ласкаться, субординацию надо соблюдать. Мой отец, когда никого нет, любил, чтобы мы садились за стол всей семьёй. Настаивал даже.

Когда в сорок четвёртом семью сослали, до места из наших мужчин добрались двое: мой отец и дед. Дед — участник Гражданской войны, награждён, контужен и к тому моменту почти полностью оглох. И вот сидят они зимой в землянке за шторкой, голод, холод.

Дед был жёстким:

— Мать-перемать, на хрена тебя растил, жрать нечего, а ты сидишь!..

Отец ночью в колхозе украл телёнка, забил его, сварил, накормил всю семью и соседей.

— Сейчас я знаю: ты — мужчина! — оценил дед.

Шёл сорок пятый год, и за колоски давали 25 лет.

— «Кто бедствует, тот не грешит», — согласился я [1].

— Нас тридцать человек — потомков отца. И если я, к примеру, поручу племяннику: «Вот этого надо завалить», а он поинтересуется: «За что?» — уже неуважение ко мне. Но при этом я сам не сяду кушать, пока мои родные, внучатые племянники, будут голодные. Тема исчерпана. А сегодня идёт херня. В Москву — ограничений нету: едут воровать, грабить, убивать, в большинстве своём. Раньше у нас такой швали не было. Мы их контролировали. Сейчас не так. Иерархия, уважение к старшим не те. Нам, кавказцам, лучше советской власти придумать невозможно. Всё было в меру: страх, труд, мужчина — мужчиной и оставался.

— А ссылка? — оторопел я.

— Ничего страшного в высылке не вижу.

— Сколько жертв, горя...

— Ничего страшного. Все эти беды сплотили народ. Да, все женщины надорвали мочевые пузыри, пока добирались в ссылку. Зимой на поле копали семена озимой ржи — ели. Но нас же не сломали. Соседский сын узнал, что комендант плетью ударил в лицо его отца: отрезал негодяю голову. Голодали, но горской чести не теряли. В то время!

— Ингуши — оптимисты: «Пал бык — мясо, сломалась арба — дрова». (Уст белча, дулх хиннад; ворда ехача, дахча хиннад.)

— Ингушам по-другому нельзя... Высылкой в Казахстан для нашей семьи проблемы не закончились. В девяностые у нас похитили отца. Мы поклялись: всех, кто хоть пальцем коснулся его, — найдём и накажем. Пробились на чеченское телевидение, дали информацию, объяснили: «С нами не шутите...» Мне напрямую пришлось столкнуться с этой грязью: с Бараевыми, Итаевыми... Дня не прошло, на меня выходят посредники — их мулла-шмула, предлагают вернуть отца за миллион шестьсот тысяч долларов. Я — в Серноводск, один к Арби Итаеву: тот весь на понтах, в оружии с ног до головы, рядом нукеры...

— Где отец?

Он с ухмылкой:

— Ты чё, такой смелый что ли?!

— А вас надо бояться?

— Исса, это наш бизнес. Ничего с твоим отцом не случится. Цену мы подняли до трёх лимонов. Ждём Березовского.

«Три миллиона долларов, Березовский... Бред какой-то?»

Я не поверил. Но делать нечего: развернулся, уехал с пустыми руками. И что ты думаешь, Александр, не прошла неделя, Березовский в аэропорту... прямо в аэропорту передаёт их посреднику три миллиона. Все вопросы — тут же сняли. Тема?

— Тема интересная, — согласился я. — Мало какой бизнес даст такую прибыль.

— Тема ушла... Вообще к деньгам сейчас отношение пересматривается...

Недавно олигарх-ингуш кинул несколько миллионов долларов на свадьбу сына. У нас так не принято. Богатые стали отмечать свадьбы в банкетных залах — не дома. Баб своих жалеют, что ли?.. Отходят от наших традиций. Я на торжество не поехал.

Политика — та же проституция. На любителя. Прилипалы кругом. А есть такие, кто готов на колени встать, штаны снять — из-за должности. Прогибаться даже у нас уже привыкли. Это с горским-то менталитетом, с нашим представлением о чести. Привыкли...

Завидую вам, Александр!

Примечания:

[1] Сергей Довлатов.

*

Ингушский язык

Малумат

Ингуши добавили в русский алфавит цифру «1» и... появился великий язык [1].

У писателя Идриса Базоркина в романе «Из тьмы веков» есть чарующие строки:

Столетия мы наследовали скалы,
на этих скалах — каменные башни,
могильники безмолвных мертвецов...
Где отпечаток кисти человека,
где солнца знак — движенья мира символ,
где турий рог на выцветших стенах
о предках нам рассказывали скупю.
Но был ещё один хранитель тайн — язык!
Всегда живой и сильный,
ни тленью, ни сраженьям не подвластный
язык — мудрец народа моего.
В нём память прошлых дней
и песни соловья.
В нём сохранился миф про Тейшабайне,
сказ про Батю — внука Чингис-хана —
и про сражения с Тимуром Хромым,
мир покорившим, но не эти горы!
Язык поведал мне, как трудно было дедам,
как мужество их и любовь к свободе
нам жизнь продолжили до этих дней...
И всё ж бесписьменный народ — почти немой.

Досадную нелепость исправили лишь сто лет назад и «наьна мотт» — «матрица языков мира», ингушский язык, — сам наконец-то обрёл алфавит и письменность.

Теперь — всё по-взрослому.

Теперь главное — язык сохранить!

— Давным-давно раздаются голоса коллег, с каждым годом всё чаще и чаще, особенно из городов: «Зачем вообще нужен этот ингушский? За пределы республики выехал — уже не востребован!» — сокрушается Айшат Картоева, учитель русского языка из села Инарки. — «Осёл забыл свой язык, пытаюсь выучить язык лошади». А мне по сердцу другая формула: «Владеющий родным языком, владеет всеми языками мира». Если мы своим детям не привьём любовь к родному языку, если мы бросим его... С языком постепенно исчезнут и обычаи, и традиции, и сам дух народа. Стоит только его отдать на заклятие... Это последний национальный оплот, который сдавать нельзя.

Махмуд, когда речь зашла о родном языке, наострил уши и подключился к беседе.

— Тут как-то сын забегает домой: «Папа, там тебя какой-то американец спрашивает».

Выхожу во двор: заметил хвост знакомой машины — приятель.

— Что он сказал?

— «Хеллоу».

— Сам ты «хеллоу»... Я смотрю, вы с мамой так никогда родной язык и не выучите. Он сказал тебе: «Хъавол!» — «иди сюда».

Сын по всем предметам свободно идёт на «пяť», а по ингушскому пришлось репетитора нанимать. Дожили! А ведь у нашего языка возможности безграничны, на нём можно шутить до бесконечности, причём каждое слово можно вывернуть, интерпретировать по-разному, в нескольких вариациях, значениях, во множестве смысловых граней.

Я с первых дней стал постигать незнакомый говор. Как там в пословице: «Сел на чужую арбу, пой чужую песню». Признаться, успехи скромны... Недавно в письме от ингушских товарищей наткнулся на фразу: «Передаём Вам салам маршал!» В ответ я длинно, занудно расписывал, что пока не маршал — всего-навсего лейтенант запаса... А позже узнал, что «салам маршал» — пожелание здоровья и долго из-за этого хворал.

Непростой язык!

Много встречается двусмысленностей в переводе. Например, ингушская фраза «приезжал брат, хорошо посидели!» вовсе не означает «упились в грязь, соседи дважды вызывали милицию, жена неделю не разговаривала». «Хорошо посидели», в понятии ингушей: «принимали пищу сидя, барашек был молодой, нежный, чай — горячий, ароматный; пока мужчины кушали, а женщины сидели в соседней комнате, состоялась интересная содержательная беседа, затем все вместе молились». Пойду дальше учить...

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». «Хули» — название высокогорного села в Джейрахском районе было заимствовано русскими лингвистами, широко растиражировано и на сегодня является ключевым в разговорной речи русского народа, выступая в качестве синонима вопроса «почему», придавая речи академический характер, образность и глубину. Всесторонний научный анализ выявил, что в некоторых словарных комбинациях, ингушское слово «хули» способно придавать русской фразе сакральную силу, заимствованную у языка-матрицы. Например, языковая конструкция «а хули потому что» может выступать, как самостоятельный весомый аргумент — решающий довод при любом диспуте. Эта фраза-оберег парализует волю собеседника, фактически обрекая оппонента на поражение.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*

Я верю в человека!

Ахи

*Не всегда танцуют там, где раздаются хлопки.
Ши тлоара влашагла мел техача вувлац халха.*

Ингушская пословица

Не зря говорят: «Хочешь понять Кавказ — понаблюдай, как танцуют лезгинку!»

Понять хочу.

И вот я на репетиции ансамбля «Таргим», в городе Карабулаке.

Муса Шанхоев, балетмейстер ансамбля, учитель музыкального самовыражения, отработав смену с ребятами, согласился позаниматься теорией и со мной: рассказать, показать, объяснить.

— Мне понравился мальчишка, ну который первым стоял, — максимально напустив на себя учёность, заметил я.

— Магомед Мержоев.

— Выделялся из всей группы... Такое ощущение: у него на теле нет мяса — всё музыка. Как струна!

— Есть ещё такие, как Мага. Они приходят к нам с улицы, интересуются танцами, энергии много, хочется танцевать... — этот мальчик раскрылся в течение полугода — живой талант. Моя задача талант заметить и развивать... Развивать не будешь — ничего не получится. К каждому ребёнку нужен свой подход. Одного нужно время от времени подхваливать: «Молодец! Молодец...» А есть дети к похвале равнодушные, но чувствительные к критике: «Зачем ты так делаешь?» Дети, чувствительные к «кнуту», «палке», испытывают потребность в витамине «С» — так для себя называю. Кому — «пряник», кому — «кнут», кого берёшь «на слабо», и они на голых амбициях влетают на пьедестал... К каждому ребёнку — подход индивидуальный. Есть дети, которые ходят, ходят, ходят... полгода-год... лишь потом раскрываются. Есть — с третьей репетиции — готовый артист. Есть, ну всё умеют — включаешь музыку, — теряются.

— Раскройте свои педагогические тайны. Юному джигиту вы на репетиции сделали замечание: «Не ищи причин не работать!» И отправили его на скамейку «запасных».

— ...Есть, которых папа отправил приобщаться к искусству, а им не нравится. Я с детьми работаю девять лет, научился разбираться не только в танцах — в мыслях. Смотрю: «Пришёл с утра, не выспался, не будет работы — будет причину искать!» Ему нужно дать паузу: посидеть, проснуться. Через десять минут встанет обратно и выдаст результат. Нельзя всех грести под одну гребёнку. Дети разные...

— Витамин «С» — интересный термин. Есть ли у ингушских балетмейстеров ещё какие-то профессиональные секреты, сленг.

— На репетиции я постоянно рассказываю ребятам ингушскую историю, подчёркиваю: горянки танцевали всегда скромно, мелодично, гордо; джигиты должны соблюдать честь, не ломаться если вышел. Горец никогда не озвучивал свои желания — покорял избранницу поведением, демонстрируя красоту тела, движений. С древних времён в Ингушетии существуют красивые традиции, нужно соблюдать их. Эздел всё предусмотрел, всё сформулировал, всё расписал: девушка росла в чистоте и не могла себе позволить ничего лишнего — посмотреть, улыбнуться.

У нас есть движение «по кругу марш», при этом проверяем ритмику: начинаем движение с правой ноги, раз-два-три-четыре. Детей, у которых есть склонность к танцам, легко определить во время этого упражнения уже на первой репетиции. С детьми, у которых нет слуха, занимаюсь дополнительно, прихожу раньше, и под музыку, шаг за шагом вместе учимся ходить, двигаться. Детям с первого раза нельзя давать трудное задание — начинать нужно с самого лёгкого: то, что

обязательно получится, тогда ему понравится, тогда поверит в себя. Лёгкость, лёгкость, лёгкость и постепенно сложнее. Подниматься нужно по ступенькам... Таким способом человека, даже который не имеет музыкального слуха, можно подтянуть почти до профессионального уровня. Никто не обречён, просто нужно больше работать. Слух в процессе интенсивных занятий, развивается... Другое дело, когда у ребёнка нет желания, когда приходит, лишь бы отчитаться перед родителями. Нужно смотреть индивидуально... Единственное, чего не делаю никогда: не выношу смертного приговора, не даю негативных оценок. Маленькому человеку один раз сказал плохое — он запомнит, психическая боль, незаживающая травма — на всю жизнь. Если ребёнок слабый, я приглашаю на следующую репетицию родителей. Пусть понаблюдают за своим любимцем одно занятие, два, три... Пусть сами оценят, сравнят. Интересуюсь их мнением: «Вы видели ЭТО ВСЁ?» Никого переубеждать, агитировать не приходится... Сами признаются: «Да, Муса, это не наше...» Не тренер должен делать этот неприятный вывод — родители, сам ребёнок. Тогда нет стрельбы, нет кровной мести... У нас Кавказ. И не разрешаю детям хулить друг друга: «Ты не танцор! Я — лучше тебя!» Сразу останавливаю: «Говоришь “лучший”... покажи нам, что ты умеешь! На что способен! Прямо сейчас! При всех!» Я никого не возвышаю, держу их на одном уровне... Я верю в человека. Да, вопрос веры — пожалуй, главная причина, почему не выношу обвинительный приговор. Сегодня я выбью у малыша из-под ног уверенность, поставлю на нём жирный крест, вычеркну из списков... фактически из жизни, а вдруг у него есть шанс вырасти и показать результат лучше, чем у остальных.

— ?! Разве такое возможно? — усомнился я.

— Это — вопрос веры. Я верю, что такое возможно. Моя судьба — подтверждение тому.

— Даже так?

— Да. Помню, уходил из ансамбля «Магас» — чувствую, не моё это! Не получается. Хотя за спиной высшее профильное образование: колледж искусств плюс институт в Нальчике, факультет хореографии... Но возраст — двадцать лет! Всё. Старик! Поздно расти. Я делал акцент на классику, на тренаж, на разминку... Выходит, ошибался. Время упущено, выходит, с детства нужно было танцами заниматься, а я... боксом. Просто отец видел несколько раз, как я танцую на свадьбах:

— Смотрю, тебе нравится, — поступай, учись.

Поступил, было тяжело, даже хотел бросить... пересилил себя, потом стало выходить. Понравилось. Только мой тренер по боксу удивлялся: «У тебя какой-то переход... не плавный». Прав он, переход от бокса к танцам плавным не назовёшь, хотя спортивный дух, воля к победегодились... Из ансамбля как уходил: никто не верил, что у меня получится. Коллеги, музыканты единодушно пришли к выводу: «Ноль!»

И прямо в лицо:

— Из тебя не выйдет танцор! Из тебя не выйдет балетмейстер! Из тебя не выйдет ничего!

Спорить не стал, а про себя решил: «Докажу обратное!»

С таким настроением покинул ансамбль. Дома, один стал спокойно заниматься. Близкие верили в меня, поддерживали, подбадривали: «Муса, давай!» Оказалось, танцы — тот же бой. Только на ринге против тебя стоит... твоя слабость, лень, неверие в себя. Поединок был тяжёлый, но я не сдавался. Весь день — одна сплошная репетиция... Короткое время на сон, еду и — всё поновой. В одиночку изо дня в день занимался под музыку, разучивал движения, придумывал в такт мелодии спортивные трюки, отрабатывал на воздухе «пальцовку», «щучку» по три-четыре раза подряд. Так ровно год. Год — работа над собой. Чувствую, стало получаться. Тело уже словно не моё... слушается не меня — музыку. Вернулся в ансамбль: просмотр, прогон... приняли в основной состав. Теперь самые сложные трюки соло — мои.

Я и сейчас после репетиции не спешу домой. Остаюсь с теми, кто хочет расти, кто танец любит, с ними занимаюсь уже для души. Приятно видеть, как молодёжь растёт над собой. Никому никогда не скажу: «Иди домой, из тебя не выйдет ничего!»

Никогда и никому, потому что сам стал верующим...

Я поверил в человека.

*

Государство Эздел

Хабар

*Любовь к Родине — это не хранение
тепла, а поддержание огня.*

Ингушская пословица

Одной беседой с Бесланом Кокархоевым дело не ограничилось...

— Помните восторг Иммануила Канта: «Две вещи удивляют меня: звёздное небо над головой и моральный закон внутри нас». Так вот этот нравственный закон не является продуктом земного опыта. Нравственная сущность человека привнесена в материальный космос из нематериального. У природы нет нравственных ограничений. Ни у звёздного неба, ни у земли, ни у дикой природы. Нет стыда, нет бесстыдства, нет благородства. Природа пожирает сама себя. И люди, когда не следуют своей нравственной сущности, а идут на поводу природных инстинктов, тоже начинают истреблять друг друга. Хотя по статусу божественного рождения им дана возможность этого не делать. В день Суда душа напрасно будет выгораживать себя, оправдываться, что у неё не хватило знаний, опыта, мол, ошибки-злодеяния совершила по неведению. Её развернут, будто свиток, и покажут наличие знаков мудрости на протяжении всей эволюции, начиная со звёздных планов.

А что нужно, дабы не истребить друг друга?

Нужно аккумулировать опыт науки, практики, всех мировых религий и выработать новое мировоззрение, обеспечить цивилизацию уточнённой формулой бытия. В противном случае мы погибнем все. До нас прекратили своё существование такие великие цивилизации, как древнеегипетская, вавилонская, шумерская, минойская, хеттская, индская культура и культура Шан в Старом Свете, майянская, юкатанская, мексиканская, андская цивилизации в Новом Свете. Числа нет цивилизациям, канувшим в Лету!.. Почему они погибли? Почему исчезли с лица земли? Причина?! Не хватало фуража коням, одолели болезни, войны? Что?!

Истошение мировоззрения, идеологическое банкротство — вот что их погубило.

Когда наступает банкротство идеи, никто за данную культуру, за существующую форму общественной жизни бороться не желает. Палец о палец не стукнет! Спротивление ослабевает, стремится к нулю. Мировоззрение укрепляет дух, питает, даёт народу силу.

История иудаизма перекрыла все известные сроки, побила все рекорды долголетия. За счёт чего? Благодаря самому иудаизму, благодаря учению. У них была идея, которая питала веру, души людей. Китайская цивилизация — одна из самых старейших — выжила, выстояла в мире благодаря конфуцианству. Если возьмём Индию — она ровесница шумеров, древних египтян. Пережила их всех! Она обеспечила себе такой длительный цикл существования благодаря своей философии. Индийское мировоззрение живо и сегодня окормляет полтора миллиарда человек. Когда будет сформулирована высокая, достойная идея, сразу под её воплощение появится энергия, будут мобилизованы достаточные силы, ресурсы. Идея как начальный импульс провоцирует появление энергии.

Почему тогда нельзя довольствоваться современным положением дел? Почему наличие существующих религий, учений не спасает? Да потому что Тора, Евангелие, Коран — священные религиозные откровения — имеют свой возраст. Научное мышление не может их взять как старт — они слишком молоды для человека. Нужна ещё большая глубина, чтоб достать до самых корней. А где взять?..

Ингушский сакральный язык прошёл весь цикл, от первопричины. Он перекрывает по возрасту всю длительность истории человеческой цивилизации. Он проделал путь от самого начала, от первой искорки. А раз так, то его можно использовать как незыблемую, базовую основу и конструировать модель мировоззрения для всего человечества. Гигантский дуб вырастает из крошечного семени жёлудя. Огромный кит формируется из клетки. Всё большое вырастает из малого. Мекка считалась когда-то неизвестным захолустьем на Востоке, а зародившийся там ислам покрыл половину мира. Малое имеет свойство превращаться в большое. Главное, чтобы это малое, пусть даже микроскопического уровня, сформулировать грамотно, привлекательно, чтоб оно давало ответы на насущные вопросы современности, приносило в мир новый смысл, новую идею.

У ингушей не было революции классовых формаций, не было ни рабовладельческого, ни феодального, ни капиталистического строя в период развития. У наших предков был родообщинный уклад жизни. Но это не мешало ингушам тысячу лет назад возводить уникальные башенные комплексы. Тысячу лет назад!.. Мыслимо ли? Тысячу лет назад они поставили яркие танцы, создали уникальную культуру, этику, эстетику. Тысячу лет назад. А свобода духа, которая царила в ингушском обществе? Ингуш был абсолютно свободен. Свободен абсолютно! Род охранял неприкосновенность члена общины, но не ограничивал его свободу. Детей воспитывали в атмосфере нравственности, тотальной нравственности. Ингуш, чтобы быть ингушем, должен отвечать двум обязательным условиям: у него должен быть тейп — род, и он должен соблюдать Эдел (кодекс нравственности). Только в случае, когда эти два условия соблюдаются, — ты ингуш. Больше ограничений нет...

У древних ингушей был обычай: отец, воспитав сына в благородстве, объявлял ему:

— Иди и делай, что хочешь!

Отец знал, переступить черту благородства, свершить нечто предосудительное сын не может — он самоограничен, самоподконтролен, он — сам себе Закон, предписание. Даже если ему разрешат совершить плохой поступок — он не в силах переступить через себя. Нравственный голос внутри него — стоит на страже. Вечно. И на необитаемом острове, и среди людей, и в Назрани, и в Москве. Человека нужно привести к свободе... А чем она достигается? Нравственным совершенством. Тогда человек почувствует: Я — Государство! Я — Закон! Тогда сам Дух предоставит свободу человеку и провозгласит:

— Делай, человек, что хочешь! Твоя судьба перестаёт быть predetermined. Отныне Ты сам Творец. Творец своего счастья!

Да, приведя человека к нравственному совершенству, род предоставлял ему полную свободу. Древние ингуши не знали иерархии: над ними не было никого и под ними никого. Они не признавали ни подчинения, ни власти. В Ингушетии никогда не было князей, царей, рабов, батраков, крепостных, холопов, как на Руси, не было шамхалов, ханов, беков, как в Дагестане. И что получалось: богатый человек не мог обидеть ингуша ни укором, ни пренебрежительным поведением, ни видом чванливым... превосходство своё показать. На пьедестале вместо верховного правителя возвышался Труд. Ингуши не приветствовали праздные шатания, лень, попрошайничество. Труд стоял так же высоко, как и понятие божества.

В том далёком обществе не происходило смены экономических формаций!..

Когда пришли коммунисты, стали изучать, их охватил страх: «Ингушский опыт подрывает великую теорию Маркса-Ленина, противоречит, не согласуется с ней. Значит, этого нет и быть не может». Империя стала извращать историю Ингушетии, чтобы оправдать свою политику, направленную на покорение Кавказа. Стояла задача: ни в коем случае не допустить попадание русских под обаяние кавказской культуры. А русские офицеры, всё одно, — предпочитали носить кавказские черкески, папахи, бурки. Толстой, Пушкин, Лермонтов — все писатели, кто побывал здесь, полюбили Кавказ. Они создали на основе кавказской тематики шедевры. Царское правительство, потом правительство Советской империи боялось духа свободолюбия, который шёл из Кавказа. Книжки о Кавказе запрещали [1]. Греки тысячу лет назад называли Кавказ землёй Богов, а царское правительство пренебрежительно считало: «дикари». В чём их дикость? В том, что не хотят быть рабами, в том, что защищают свою свободу? [2] Сатрапы вцепились в

крепостное право, пытаюсь сохранить рудимент навечно... Никак не желали от него отказываться, пока не подпёрла история. Но история подпёрла.

Кавказ и сегодня рассматривают через кривое зеркало. Взгляд на Кавказ извращён тотально, взгляд на наши обычаи, культуру, ментальность, историю. «На Кавказе кровная месть!» А что такое «кровная месть?» Кровная месть — институт справедливости.

Брат не забудет брата (совершит кровную месть).
Вешийна ший воша вицлургвац.

Обиженный человек сам имел право решать: наказывать или миловать. Человек имел право на мщение. Ни подкуп судьи, ни статус обидчика не препятствовали возмездию.

Дело, переданное в суд, — шут, пляшущий на канате.
Кхелага даьнна дош — ловзадаьнна пилхья.

У древних ингушей был Совет Судей (Мехк Кхел). Судьи эти не получали материальную плату — награда предполагалась несоизмеримо большая — «сий» — честь — для себя и тейпа. Мало кому из народов удалось достигнуть этой высшей формы демократии — коллегиальной и независимой судебной системы. Ингуши этот институт имели. (На Руси при крепостном праве мужика судили по капризу барина, и где дикость большая?) Ни одно преступление у ингушей не оставалось не раскрытым. Присяга всё раскрывала. Смерть в обществе ингушей считали предпочтительней, чем «кьяр дун» — ложная клятва. Ингуши смерть всегда называли «цIа вагIав» — вернулся домой. Планета всегда в космосе вместе с человеком.

Если скажут, что родовая организация находится на низшей стадии, то как тогда быть с Америкой? В США — клановая система: клан Кеннеди, клан Бушей, клан Ротшильдов, клан Рокфеллеров. А что такое клан? Та же родовая система. Что такое династии королей? Родовая система. Обратитесь с призывом к Европе, США: «Распустите кланы!» Вас на смех поднимут! Никто не распустит, даже слушать не станут.

В древности, если убивали предводителя рода, крали невесту, — начиналась война со всем тейпом. Но тебе никто не запрещал родниться с ним, иметь дружеские отношения... Весь позитив открыт. Для негатива — хода нет. Всё. Точка. Община занималась охраной личности. Русские говорят: «Один в поле — не воин!» Если человек один — он не защищён. Государство гарантировать справедливую защиту не может, потому как решать вопрос всегда будет чиновник, которому можно «сунуть в лапу». А род стоит на страже справедливого суда. Государство берёт на себя все функции, а дальше... как выйдет. Несерьёзно.

Коммунисты деформировали кавказские устои... Они заявили: благородный человек должен быть уничтожен. Должны быть обезличенные массы, над ними — партийные функционеры. Любопытно русское слово «зависеть»: оно образовано от слова «висеть» — марионеткой управляет рука кукловода дёргая за ниточки. «Благородных слоёв, благородного человека, благородных народов быть не должно!» «Их благородий» безжалостно уничтожили. Природа благородства, видишь ли, противна коммунистическому учению. Исключительно рабоче-крестьянская косточка, диктатура пролетариата и люмпенов.

А ведь по ингушскому учению, вдумайся!..

По ингушскому учению «благородство» не является сословием или политическим классом. Человеческая сущность сама по себе благородна. Благородство ей предписано самим фактом божественного происхождения. Каждый человек, независимо от ремесла, профессии, образования, религии, цвета кожи, пола обязан быть благородным. Каждый человек — не только аристократы. Благородство — является сущностью человеческой природы, никак не природная дикость материального мира. Благородство — сущность духа. Ингушский Эздел обязателен к исполнению всеми и каждым без исключения. Строишь ли ты башни, возделываешь землю, пасёшь ли скот —

благородным быть обязан, если ты ингуш. Род требовал благородства тотально: от всех и каждого. Если ты поступаешь не по Эздел — значит, не по-ингушски. По-твоему, но не по-ингушски.

Во всём мире было иначе. Существовали тонкие привилегированные прослойки, которым благородство дозволялось: дворяне, самураи, рыцари — одно; холопы, рабы, крепостные, простолюдины — другое. Древние ингуши жили по принципам: «Свободу человеку, достигшему нравственного совершенства! Свободу обществу, организованному по законам нравственности!» Этика благородства тотально предписана всем и каждому. Это совсем другая концепция, совсем другой подход. Поэтому ингушская история, ингушский менталитет, ингушский образ мыслей, ингушский дух противоречили сперва царской, потом коммунистической империи. Ингушей расстреливали, сажали, ссылали, морили голодом, холодом, притесняли, гнобили, добиваясь верховенства своего понимания миропорядка. Сталинизм, как форма сатанизма, извращал всё ради идеологии и личной власти.

Что в итоге? Царизм пал, коммунизм пал. Ингушетия выжила.

Любая цивилизация, которая не проникнется целью, поставленной древними ингушами, — обречена на вымирание. Мир должен понять, что ингуши когда-то создали высочайшую цивилизацию духа на земле, положив в её основание нерушимые принципы. И если народы мира не начнут свою формацию обогащать за счёт неё, долго не протянут. Царская Россия рухнула, Советская Россия развалилась, и современная Россия неизбежно исчезнет с карты мира, если не воспользуется мудростью ингушей. И то, что придёт ей на смену, рухнет. Это неизбежно! Такой итог... печальный итог ждёт любую форму правления, пока в основание не будет положена нравственность, и нравственность не станет главной целью общества. Неизбежный процесс! Никто не властен над ним. Примат закона Убеждения — не законов Принуждения. Общество должно управляться нравственным вердиктом. Принуждение лишь в случае, когда человек не понимает слова. Человек не должен испытывать страх, ему предписано испытывать стыд.

Это очень близко соседствует с глубинными истоками русских. Именно русский народ определил: быть русским значит быть человеком совести, правды. Всё остальное — не по-русски. Но коммунисты по русскому народу прошли катком ещё сильнее, чем по другим. Геноцид практически уничтожил русскую интеллигенцию. Крепкого, зажиточного, мудрого крестьянина, который на хлеб намазывал масло, вырвали под корень. Что означает фраза «народ перестал быть нравственным»? Это значит, он перешёл в состояние стада. Его ценность ниже, чем у стада коров. Такой народ не имеет ценности для космоса. Древние считали: едой и питьём для духа является философия нравственности. Дух ест и пьёт философию нравственности в душе. Он приходит в душу, словно на водопой, как к кормушке за философией нравственности. Если источник высох, кормушка пуста, дух оставляет душу. Дух не покровительствует душе, пока она не выкажет уважения, почитания и не очистит свои помыслы и дела от примесей эгоизма, страстей, корысти.

Первые лучи восходящего солнца в первую очередь касаются вершин гор, лишь после достигают предгорий и долин. И там темно, пока Мир игнорирует потенциал ингушской культуры.

А самое неприятное заключается в том, что сказанное в полной мере касается нас.

Парадокс!

Мы отрекаемся от веры своих праотцов... уже отреклись.

Вместо Мехк Кхел — у нас шариат, вместо адатов — статьи Кодекса. Это трагедия! С утратой своей религии, собственной философии, ингуши перестали творить культуру — стали потребителями. Все религии призывают к одному — покорности. Сколько учёных таким образом пострадало, вспомните из истории: Джордано Бруно и Коперника сожгли на костре, Галилея заставили отречься от своих открытий.

Где сила воли торжествует
Там свет теснит инертный мрак.
Меж ними нет боёв и драк,
Мрак отступает и пасует.
Но часто воля, побеждая,

В мрак превращается сама,
От горделивости ума
Свой свет блистающий теряя.
Так дымом собственным порой
Огонь охвачен, вдруг теряет,
И блеск, и яркость, и мерцает
Едва за той крошечной тьмой [3].

Я внимательно слушал Беслана и понимал: всё непросто.

Действительно его патриотичные, глубокие мысли зачастую парадоксальны, противоречивы: ингушский народ отказался от язычества и добровольно (это крайне важно!) принял другую веру — ислам; принял осознанно последним из всех народов планеты Земля; однако многие тезисы поэта никак не вписываются в жёсткую систему сур и аятов; возможно ли их примирить?.. Древние ингуши де-факто создали своеобразное государство без царя, без классов и каст, господ и рабов. Государство, верховная власть в котором принадлежала законам нравственности. Государство не имело своего названия. Я назвал бы его Государство Эздел — Государство Чести.

А тем временем жизнь, обезбашенная, летит вперёд...

Летит, сметая на своём пути империи, Союзы, правых, неправых. Сокращается — во всём мире! — количество языков, народностей. Происходит укрупнение капитала и религий. Процессы глобализации, урбанизации бесследно стирают грани между государствами... Есть ли на планете Земля место — Государству Эздел? Государству, сами граждане которого отказались от индивидуальной застройки и давно живут в типовой многоэтажке? Как там у Малкина: «Дела пошли в гору, когда люди уже спускались». Вопросы... вопросы... вопросы и загадки.

Но сколько бы загадок ни подкидывала нам жизнь, сколько бы вводных в течение дня ни поступало, ничто не мешает стремиться к соблюдению норм нравственности в жизни личной и общественной. Призыв Александра Солженицына «Жить не по лжи!» — актуален и сегодня. Сохранить свою индивидуальность — во власти человека. И никто не в силах помешать человеку обращаться к Богу напрямую. Поддерживать с Богом в душе неразрывную связь.

А строки эти — просто первые капли будущего дождя.

Примечания:

[1] Действительно, есть немало вопросов. Кто не знает романиста Александра Дюма? Все мы выросли на его воспитательных романах «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо»!.. Чудо! Восторг! Приключение... Для современной молодёжи проведу аналогию: как многие подростки готовы расстаться с одной из двух почек, лишь бы приобрести «огрызок» — айфон, такой же ажиотаж, такая же страсть влекла нас, чтобы хоть глазком увидеть, хотя бы поддержать роман... за ночь проглотить. Так вот Дюма... Гениальный романист написал ещё книгу «Кавказ». А чтобы написать её, в 1858 году проехал по всему Дагестану, из края в край, по Грузии, по Абхазии, которая тогда называлась Грузией... Собрал уникальный материал и откровенно поведал на страницах об увиденном в Российской империи. Три тома его впечатлений от поездки были изданы во Франции, естественно, на французском языке. С лёгкой руки царских цензоров публикацию книги в полном объёме в России запретили, издали на русском лишь окромсанный, кастрированный вариант авторского текста, пересыпанного жёлчными комментариями-упрёками редактора. Издали в Тифлисе... Сменилась в Российской империи власть, свергли душителей свободы, кровопийц-капиталистов, но и власть советскую книга буржуа Дюма «Кавказ» не заинтересовала. Потом и Советская власть приказала долго жить... Лишь спустя 125 лет (!) в 1988 году «Кавказ» издали на русском языке полным вариантом, но опять не в России — вновь в Грузии... Только осенью 2014 года я смог добыть запретную книгу и ознакомиться с ней. А я ещё что-то говорю про себя...

[2] «Народы учитесь у горцев, на что способны люди, желающие остаться свободными». Карл Маркс.

[3] Беслан Кокархоев;

*

Мама

*Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.*

Сергей Михалков

Мама... При одном этом слове волна лучезарной нежности, доброты ласково окутывает меня. Лишь теперь, когда ничего не исправить, не вернуть, я понимаю, что солнечные лучи, которыми она согревала меня, шли из сердца её...

Я свяжу тебе жизнь
Из пушистых мохеровых ниток.
Я свяжу тебе жизнь,
Не солгу ни единой петли.
Я свяжу тебе жизнь,
Где узором по полю молитвы —
Пожелания счастья
В лучах настоящей любви.
Я свяжу тебе жизнь
Из весёлой меланжевой пряжи.
Я свяжу тебе жизнь
И потом от души подарю.
Где я нитки беру?
Никому никогда не признаюсь:
Чтоб связать тебе жизнь,
Я тайком распускаю свою.

К жене Махмуда по-свойски заглянула соседка: похвастать новыми фото внучат... Они расположились в тенистом дворике на диване.

— Можно и я посмотрю?

— Канэшно. Я вам и детей своих покажу.

Она нежно перелистывала страницы айфона, временами останавливаясь:

— Это моя сноха. Красивая, правда?

— Да, — миролюбиво соглашался я.

— Это младший сын: в охране работал, сделал напарнику замечание: «Не ходи в обуви по молитвенному коврику, нельзя» — «Это мне нельзя?» — «Никому». Поехали за селение, дрались. Тот большой, мой невысокий, но сдаваться не хочет, достал пистолет и — в него.

— Насмерть? — учтиво поинтересовался я.

— Да не... Ногу прострелил, — она перелистнула страницу. — Эта девушка — дальняя родственница. Красивая? — она пытливо заглядывала мне в глаза.

— Да.

— Мы красивых любим... Это старший сын, сейчас отбывает наказание. В Москве учился, на экономическом. В комнате общежития ему не дали спокойно в тишине сделать намаз, завязалась драка... Их несколько, но он наказал всех! и вдобавок... — она деланно рассмеялась — отрезал ухо одному. Пять лет дали. Режим строгий. Четыре уже отсидел, — с нескрываемой гордостью, будто о полёте человека на Марс, сообщила соседка. Лицо её светилось несказанной любовью и безграничным материнским счастьем.

*

Мат в несколько ходов

Малумат

*Горячность продай, рассудительность купи.
Сихал йохка, сабар эца.*

Ингушская пословица

Кровная месть — один из брендов, один из ярких символов Ингушетии.

Институт наказания обидчика в частном порядке...

Обычай вендетты — кровной мести — не изобретение кавказцев. (Возможно, ингуши обидятся, но пальма первенства и в этом вопросе не принадлежит им.) Обычай кары существовал на Руси, в США, Европе... Много у него и сейчас сторонников и противников. Кавказ на сегодня едва ли не единственный заповедник, где принцип «зуб за зуб» — распространяется на всех, кроме стоматолога. В этом отношении Кавказ впереди планеты всей!

Хусен Гелисханов, корреспондент газет «Ингушетия», «Вести Малгобека», задумался:

— Ненависть отравляет жизнь и самому человеку, и народу, источающему, вырабатывающему это ядовитое чувство. Пока не поймём, что все мы произошли от Адама и у нас общая мать — Ева, до тех пор люди будут уничтожать, истреблять друг друга. Ненависть ингуши погасить в себе не могут. Простить не могут. Желание отомстить выше всех других чувств — выше прощения, выше сострадания, выше любви. Это самое слабое место.

Но ведь нельзя жить ради мести.

*Даже не желающему вражды её не избежать.
Довнах кхийрар ведача а ваьннавац.*

Нашего тейпа беда эта тоже коснулась: мой двоюродный брат убил одного из Яндиевых. Пойдёшь, бывало, на похороны или свадьбу и перед тем, как переступить порог дома, вызываешь хозяина, узнаёшь:

— Есть ли тут кто из Яндиевых? Могу ли войти?

Если там есть хоть один из его родственников — не имеешь права. Ждём, когда Яндиевы отгуляют, отвеселятся на свадьбе, совершат все необходимые ритуалы на похоронах и разойдутся по домам... Тогда только прошмыгнёшь тенью... Боишься столкнуться с ними на базаре, на улице... Не то, что они тебя убьют. Некрасиво. Неуважение проявляешь к человеку, к его горю: ты убил его брата и как ни в чём ни бывало спокойно здороваешься.

— Но ведь не ты убил!

— Какая разница? Большим оскорблением считается.

С приходом к власти Юнус-Бека Евкурова практически положен конец этому старинному дедовскому обычаю и бабушкину обряду. Председатель примирительной комиссии Малгобетского района Алихан Муцольгов официально подтвердил этот факт. Алихана мне представили как человека, который «лично спас как минимум пятьдесят жизней»:

— По городу Малгобеку и Малгобекскому району состоит на учёте 30 кровников, а в целом по Ингушетии более 120 случаев непогашенной, тлеющей кровной мести.

Потихоньку, не спеша,

Ингуш давит ингуша [1].

Бывает, вражда длится по сорок лет и более. Бывает, вроде не прощают кровника, примиряться не хотят и не мстят — назло кондуктору — чтобы над виновником всё время висел, как дамоклов меч — страх. Тогда посредники из числа уважаемых старейшин, имамы уговаривают самого уважаемого из тейпа пострадавшей, обиженной стороны. Просят ради Всевышнего простить канлы [2].

Оказывается, раньше, отвечая на кровную месть, старались завалить не обидчика, — тот зачастую пускался в бега, — а наиболее уважаемого представителя рода, чтоб досадить побольней. Брат матери — «наьна воша» — родственник второй по весу, по влиянию после отца. Если отца нет — сразу идут к нему. И предьяву делают ему. Его гибель — компенсировала моральный ущерб полностью.

Как шахматные фигуры разнятся своим значением, так отличаются по иерархии родственники для ингуша: на первом месте дед отца, отец отца, сам отец — это неоспоримо. Это носители фамилии рода. Вторая по значению фигура после отца — брат матери. Если нет отца, именно он перед людьми за вас отвечает, решает все вопросы, утрясает конфликты, несёт всю ответственность: кто благодарит — к нему, кто с претензиями — к нему. Он становится под удар. С хорошей, с плохой стороны... Всякое в жизни бывает. В щепетильной теме брат матери даже важнее, чем брат отца. Потом идут родные братья. В России если кого-нибудь убьют, никто из родственников мстить не пойдёт. Дела нет... В Ингушетии не так... Стоит один камень спихнуть сразу — обвал... лавина пошла.

Я на секундочку представил: ежели б все ингуши неукоснительно соблюдали священный адат кровной мести, что тогда? Легко построил математическую модель развития сюжета по этому сценарию: один джигит убивает другого: $e_2 — e_4$; затем родственник из тейпа погибшего заставляет обидчика заплатить за содеянное собственной кровью. (В наличии два трупа, по одному с каждой стороны). А дальше с каждым новым ходом число погибших удваивается. В математике это называется геометрической прогрессией.

Геометрическая прогрессия — последовательность чисел, членов прогрессии, в которой каждое последующее число, начиная со второго, получается из предыдущего умножением его на определённое число — знаменатель прогрессии.

2,4,8,16,32,64,128,256,512,1024,2048,4096,8192,16384,32768,65536,131072,262144,524288...

Ингушей в республике проживает намного меньше.

К тому же не требуется вести отсчёт с нуля, задел уже сделан: 120 случаев кровной мести затаились и ждут своего часа... Получается мат на двенадцатом ходу.

Чистая победа достанется последнему оставшемуся в живых ингушу. Но доставит ли она ему радость, принесёт ли счастье? Впрочем, «радость», «счастье» — слюнявые сантименты, которым нет места в ингушских скрижалях...

Эти слова-сорняки не из местного лексикона.

Примечания:

[1] Ингушский народный фольклор.

[1] Канлы — кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей;

*

Антихиджаб №1

Хабарик

*Легче загасить искру, чем потушить пожар.
Сийг боабе аттагла да яьнна ціи йоаечул.*

Ингушская пословица

Директору школы СОШ №3 г. Карабулака Лиди Гомкоркиевой я задал один вопрос:

— Чем школа в Ингушетии отличается от «среднестатистической» школы страны?

— Тем, что на территории школы адаты тоже действуют: «уважение к старшим» — один из ключевых. У меня сестра — педагог, переехала в Новосибирскую область. По инерции устроилась в школу, но не смогла... Насмотрелась на разнузданность, своеволие детей, отношение их к педагогам... и не выдержала: отсутствие единой школьной формы, пьют в школе энергетические напитки, матерщина, прямо на уроке могут вести себя как угодно. Выдержала три дня! У нас дети себе такого поведения позволить не могут, у нас они все «под колпаком»! У нас ученики в массе в своей — ингуши и чеченцы. Кругом городки беженцев: мы принимали детей в школу, сколько могли! У наших ребят отношение к старшим, конечно, совсем другое.

А ещё школа в Ингушетии отличается национальным колоритом...

В десятом году произошёл щекотливый случай... Ещё по России не утвердили единую форму, а я завела порядок: школьная форма с первого дня. В обязательном порядке! И вдруг на 1 сентября приходит родительница, завёрнутая, и приводит в пятый класс дочку — вся-вся-вся, будто куколка завёрнутая. И объявляет мне:

— Сама привела дочь, чтоб вы не придирались... Она так и будет ходить.

— У нас не медресе — светское учебное заведение. Зачем вы девочку закутали?.. И так слабый ребёнок, а теперь вообще ничего на уроке слышать не будет.

— Меня муж прислал, просил передать: не потерпит другого отношения.

— У нас ко всем детям нормальное отношение.

— Вы нарушаете Конституцию страны.

— В Конституции не прописаны шпильки, платки, тапочки, юбки, бантики... Есть ведомственный законодательный акт, отраслевой закон, где предписана единая школьная форма. У нас в республике такой закон разработали ещё при первом президенте Ингушетии.

— Пойду в прокуратуру.

— Ваше право.

Разговора душевного не получилось, и поехали...

Наутро школу наводнили правозащитники, начались разборки, скандалы... А вечером пятого сентября во двор моего дома кинули гранату... Гром-грохот!.. осколки, гарь, дым, окна вдребезги... Я телевизор смотрела, сразу даже не поняла, что случилось. Выхожу во двор — воронка! ворота набок... Муж выбегает:

— Это твои!..

Боже, какой страх!.. У меня четверо детей... Кто бы знал, что тогда пережила.

Я прослыла в стране, как «Антихиджаб №1». Сразу муфтият, звонки с исламских каналов Al Jazeera (Аль Джазира)... Из Москвы, за границы понаехали эмиссары.

Но я настояла на своём: «В школе должен быть порядок». Точка.

У ревностных защитников паранджи и нудистов-фанатиков, у пуритан и стилиг, у абреков и воспитанников балетной школы разные представления о «правильности» формы одежды, её

«хорошести»... разнятся суждения о том, можно заезжать в школу верхом на лошади или нет. И каждый из посетителей храма науки, включая лошадь, будет настаивать на своём понимании. Эти и много других вопросов ежедневно приходится решать каждому директору государственной общеобразовательной школы. Давайте пожелаем им мудрости.

Сейчас подумал: а вдруг прав Махмуд, предположив, что «паранджа» — акт девичьей безысходности, когда уже и макияж бессилён...

— Я бы учителям ставил памятники прижизненно.

— Согласен! — кивнул Махмуд, — даже на собственных детей порой не хватает нервов...

Вчера брат спрашивает моего сына, третьеклассника:

— Как учишься? Покажи дневник!

Тот достаёт.

Дядя листает, листает, а там сплошь пятёрки, редко четвёрка проскочит.

— Да ты пай-мальчик, не кзунах — не мужчина! Нет ни одной двойки.

Сын вспыхнул:

— Какой я кзунах, ты узнаешь, кода увидишь второй дневник! — и достаёт из этого же ранца подлинник. Там тройки-двойки... Оказывается, он мне и маме, чтоб не расстраивать, подпихивал для ознакомления «представительский» вариант.

*

Мудрость, возведённая в ранг

Хабар

*Лучше иметь доброго пса, чем плохое потомство.
Дикача коа дика жIали хилар теннад, во тIехъе хучул.*

Ингушская пословица

Председатель Совета старейшин Ингушетии.

На такие посты не назначают за лояльность к власти, такую должность не купишь за отару овец, не получишь в наследство от отца. Председателя Совета старейшин Ингушетии избирают коллегиально равные из равных, самые мудрые, авторитетные аксакалы. Председатель Совета старейшин в Ингушетии — Салман Опиев.

— Ему 94 года, — пояснил Махмуд.

— То есть древний старик?

— Старик... Не вздумай состязаться с ним: пока ты будешь пыхтеть у подножия, он уже покорит вершину, дихон.

Я притих.

— Однажды Салман спас Первого Президента Ингушетии Руслана Аушева. Тот был после ранения, река Асса течением сбила с ног и понесла. В советские годы Салман всю жизнь носил на поясе именной кинжал, а в кармане галифе — наган. За ношение оружия грозил тюремный срок. Так он что делал: каждое утро писал новое заявление, о том, что нашёл пистолет на улице и в данный момент несёт сдавать его в милицию. Каждое утро, старое заявление рвал — новое писал! Всю жизнь!.. Настоящий джигит!

Кому как, мне такой рекомендации для встречи хватило:

— Махмуд, зажигай!

Салман ждал нас и вышел встречать во двор. В бешмете, подпоясанном узким кавказским ремнём с серебряными бляшками, в высокой каракулевой папахе, в галифе, заправленными в хромовые, до блеска начищенные сапоги. Судя по стальному рукопожатию — крепкий джигит.

Я попросил его начать свой рассказ с происхождения на реке Асса.

— Да, было такое... Довелось в 1989 году спасти Героя России.

Асса у нас река горная, своенравная, оплошностей не прощает. Её переходить нужно знать как. Руслан только по колено зашёл, водопад сбил его с ног, и течением понесло. Думаю, Аллах!.. Рванул по берегу, обогнал и, заскочив в воду, схватил за руку, подтащил... не успел он наглотаться воды. Я молодой тогда был — семидесяти не исполнилось. Потом долго смеялись, шутили...

Сосредоточенно уплетая блины с творогом я помалкивал: в свои неполные пятьдесят два я чувствовал себя старбенем.

— Блины называются «чапенгишь» — наша излюбленная национальная еда, — тарелку с высокой стопкой выпечки Салман пододвинул ближе ко мне. — Вы кушайте спокойно, я вас ненадолго оставляю — намаз сделаю. Время пришло.

Он вернулся минут через десять, уже в домашней одежде.

— Соблюдаю все исламские традиции. Теперь можно. Теперь никто не запрещает. При коммунистах иначе... Я с детства решил: в коммунисты не пойду. Помню, в конце двадцатых наши горцы обступили сельского муллу, интересуются: «Можно ли вступать в партию?» Щекотливый вопрос... Прямо агитировать не будешь: мол, не вступайте! (Свои же красные ингуши шлёпнут!) Я хорошо запомнил ответ:

— Вступайте, раз иначе нельзя, но, если ваше сердце, ваша душа пойдёт в партию — беда будет. Такой человек, считай, пропавший.

Все радостно загомонили:

— Ну раз так, вступим, главное — души-то у нас останутся чистыми.

Горцы потянулись к выходу из мечети, а мулла окликнул моего отца:

— Ахмед, подожди! — когда мы остались одни, он взял в руки Коран: — Ахмед, они пусть вступают, а ты не ходи. Я тебя очень люблю.

Как я услышал, на всю жизнь зарубил эти слова себе на носу. И сколько бы мне потом ни предлагали, а должности занимал серьёзные, неизменно отвечал одно и то же:

— Чувствую, пока не готов. Формально вступать не хочется, нужно созреть политически, соответствовать этому высокому званию.

Секретарь райкома одно время настаивал: «Вступай!» На русском со мной говорил. На чеченском, ингушском тогда боялись — пришивали чуть ли не национализм, никакой не «салам алейкум» — здравствуй-здравствуй. Настаивал, но сделать ничего не мог. Ведь я отказывался мотивированно. Получалось, своим решением, серьёзным подходом партию даже возвышал. КПСС — это вам не проходной двор, не сборище карьеристов. По всему выходило, я прав. А потом, в восьмидесятые годы, чтобы вступить, уже нужно было немного сунуть «на лапу», ввели разнарядку: на одного интеллигента — двух рабочих. От меня и вовсе отстали. В итоге коллектив у меня в подчинении — более трёхсот человек, крупная партийная организация, а я — беспартийный. Удалось, считай чудом, не запятнать свою душу. Помог Аллах. Аллах никогда не оставит в беде. Сейчас у нас появилось новое гнилое течение «ваххабизм». Заграничные эмиссары предпринимают попытки перечеркнуть вековые ингушские адаты, сбить нашу молодёжь с пути, привить своё... А что у них своё? Ничего. Всё чужое, чуждое нам. Расшатывают устои, для них слово старших — не авторитет. А кто должен заниматься воспитанием сына, если не отец? Отец обязан успокоить свою бешеную собаку сам, пока она не покусала других людей.

И в качестве весомого аргумента Салман положил на стол боевой револьвер.

— Раньше так носил, сейчас на оружие у меня официальное разрешение. Всё по закону. Патроны есть, самые боевые. Каждое утро кладу наган в карман с молитвой: «Дай Аллах, чтобы в меня никто не выстрелил и я ни в кого не выстрелил!» На ночь — под подушку... Потому что, ты сам знаешь, здесь Кавказ, и мы должны быть готовы ко всему. Я не зря держу на видном, на самом почётном месте портрет Сулумбека Гаравожева. Это — наш национальный герой, абрек. Обязательно про него прочитай, а я расскажу из его жизни лишь один эпизод. В апреле 1910 года он ограбил Кизлярский банк. Назрановский округ Терской области тогда возглавлял грузинский князь Андроников, он объявил, что если Сулумбек добровольно не сдастся, его родное село Сагопши будет уничтожено, жители сосланы. Помилования ему не обещали, но он дал согласие сдать, если при казни его не повесят — расстреляют. Ему обещали. Весь город вывалил встречать Сулумбека. Ценою своей жизни он сохранил родное село от уничтожения, а его жителей от сибирской каторги. Но царские власти не сдержали слово, обманули и Сулумбека повесили. Кровь предков, которая течёт в наших жилах — нам в помощь. Да поможет нам Аллах!

Нам пора было и честь знать — убираться восвояси... Приближалось время очередного намаза. Мы тепло попрощались с гостеприимным хозяином, с семьёй. Когда сели в машину, Махмуд прикурил и жадно затянулся:

— Помнишь, он упомянул про «бешеную собаку», ответственность отца?

— Ну.

— Два года назад один из сыновей Салмана повадился ходить в мечеть к ваххабитам. Салман его строго-настрого предупредил: «Не ходи туда!» Слова не подействовали... Он вытащил револьвер и прострелил отпрыску ногу: «Ещё раз увижу, вторую пулю получишь в голову!»

Всё. Сын успокоился, занимается бизнесом, семьёй, ему уже не до джихада.

*

Абреки

*Абреки села не основали.
Эбаргаша юрт йшляяц.*

Ингушская пословица

Шире улица раздайся,
Банда жуликов идёт!
Банда жуликов-мазуриков
Нигде не пропадет! [1]

Отношение к разбойникам в России традиционно восторженное.

Их имена присваивают ледоколам и улицам, о них слагают оды, снимают фильмы, пишут романы... Советские дети в школах из последних сил надрывались, налегали на учёбу, лишь бы именно их классу присвоили имя грабителя повесомей: Стеньки Разина или Емельки Пугачёва. Ведь красиво! А?! Рецидивисту Сталину едва простили учёбу в семинарии... Сколько пришлось ограбить банков, подломить сейфов, перерезать глоток, пока досадное пятно в биографии стало затираться. Тюрьмы и каторга по уровню образования у большевиков ценились много выше всяких там МГУ с оксфордами... Дедушка Ленин первым делом у соискателя на высокий государственный пост интересовался: «Какой институт закончили, батенька?» Посвящённым было понятно: вождь мирового пролетариата интересуется, сколько лет человек на зоне «чалился», когда «откинулся». И сегодня биографию Мишки Япончика, Соньки-Золотой Ручки, Котовского, Анки с Молдаванки знают лучше, чем конструктора космических ракет Сергея Павловича Королёва. (Он, кстати, тоже сидел...) Так — в России. Что тогда говорить про Ингушетию... Её и приняли в дружную семью советских народов только за высокие показатели в разбоях, грабежах, за удаль и мастерство в набегах. Уже само соседство казаков с ингушами, по мнению Императора Российского, «благотворно влияло на военную выучку казачества». Абреки — те же воры в законе. И сегодня продвинутые родители вешают у изголовья детской кровати портрет абрека Сулумбека Гаравожева. Вам каждый бесштаный, сопливый мальчуган объяснит:

— Насиональный гелой! Оглабил банк.

Это первые слова мальчишки в жизни. Он произносит их раньше, чем «папа», «мама»...

Харон Саутиев показал фотографию легендарного предка:

— Мой дед Израил был очень мужественным. Он вырастил жеребца, которого все шугались. Когда дед только заезжал на нём в село, уже из двора во двор в страхе передавали: «Люди, спасайтесь! Конь Израила здесь». Людей брыкал, кусал, топтал... А замечал деда — как тряпка стоял, до того боялся. Оседлать коня не удавалось никому. Дед, ещё до депортации, работал председателем колхоза «Красный Кескем». Однажды утром он ехал на своём жеребце в правление и встретил по дороге первого секретаря райкома с начальником милиции. Начальник милиции натянул повод, спрашивает у деда:

— Израил, почему твой конь хромает?

— Если правду говорить, вчера был за рекой, угнал оттуда скот.

— Об этом мне уже ночью сказали... Слушай, Израил, ты ведь председатель колхоза, у тебя и так всё есть. Зачем ещё воруеть?

— Председатель я — во вторую очередь, в первую — кбунах!

Как в Греции юных спартанцев учили сперва воровать, потом уж говорить, читать, писать... Вайнах, если настоящий, должен уметь украсть жеребца, умыкнуть невесту.

А ещё был у нас такой односельчанин Мавлий. Освободился он из тюрьмы: отсидел за хулиганство, пришёл на родину, вот токо-токо... Заглянул в рюмочную выпить с радости. Заказал стакан водки, закуску... И вдруг от соседнего столика отделяется незнакомец, бесцеремонно

забирает его стакан с водкой... залпом выпивает. Мавлий обалдел, но виду не подал: решил обиду стерпеть: ему драка ни к чему, опять легавые, опять тюрьма — так никогда до дома не доберёшься. Заказывает второй стакан... А неугомонный незнакомец и его выпивает залпом.

!..

Мавлий стиснул пальцы незнакомца с пустым стаканом и — в нос. Кровища потекла... он подставил под кровавую струйку стакан, нацедил — выпил, закусил и домой.

— Махмуд! Один ты не рассказываешь про разбой, грабежи. Непатриотично!

— А что рассказывать... Это как любовь. Настоящие мужчины об этом не рассказывают — этим занимаются. В славные девяностые рэкет расцвёл пышным цветом. За помощь в решении вопросов, за «крышевание» брали серьёзные проценты с тех, кому помогали, и с тех, у кого выбивали. У моего соседа взяли в долг и кинули: не отдают: месяц, другой, третий... Он — к крутому, авторитетному «челу», у того кликуха «Отвечаю».

— Помогите вернуть миллион! Собака не отдаёт.

— Сто тысяч вперёд.

Деваться некуда, отстёгивает бабки. Проходит неделя, разыскивает он «вышибалу»:

— Что-то не видать тебя... Как дела? Деньги вытряс?!

— Слушай, ты меня сильно подвёл...

— Что такое?

— Такой плохой человек, такой грубый оказался. Я еле забрал у него свои сто. Остальные ты сам забирай!

— «Ну, уж если почтенья нету / и к преступному Авторитету!...» Беспред! [2]

— Так и есть, Александр... Я тогда частенько в Москве ошивался. Подруливает ко мне в гостиницу «Россия» знакомый чеченец Идрис на красной «четвёрке» — старой-престарой, не знаю, где взяли:

— Выручи деньгами.

— Сколько?

— Пятнадцать тысяч. Через два дня в Грозном верну миллион.

Пятнадцать тысяч — немалые деньги в конце восьмидесятых. Я помялся, прикинул... достаю. С ним ещё подельник. Они на мои деньги снимают офис в центре Москвы на один день, дают объявление во все газеты: «Фирма реализует со склада оптом видеоаппаратуру — камеры, видеодвойки, телевизоры...» — всё по-взрослому. Сидят, ждут. Я с ними, на подстраховке...

Приходят два русских парня:

— Техникой торгуете вы?

— Мы.

— Можно документы посмотреть?

— Да без проблем! — кипу им на стол. — Из Японии, прямая поставка, ещё не растаможено.

— А глянуть на неё можно?

— Канэшно.

— Как только убедимся, что техника на месте, отдаём вам авизо на всю сумму.

Идрис рыжий, ростом маленький, ещё глубже натянул бейсболку. На него посмотришь — классе в седьмом, не старше.

— Поехали.

Сторожу заранее забашляли: «Если кто приедет, скажешь, аппаратура фирмы “Восток”».

Один покупатель остался в офисе, на связи, другой с Идрисом на склад. Открывают ворота: склад под крышу забит техникой. Он связывается с напарником, тогда ведь телефоны с батон размером:

— Всё в норме. Техника на месте.

— Лады.

Делают дозвон в банк, дают поручение:

— На счёт... перегоните сумму. И сюда факсом пришлите копию платёжки.

— Ок!

На вечер у Идриса уже заказаны билеты на самолёт в Грозный — сваливают из Москвы. План у них расписан по минутам. И тут покупатель интересуется:

— Ребята, вы чеченцы?

У меня вмиг дрёма слетела, я с гордостью добавляю:

— И ещё ингуши...

— Вы нам не поможете за дополнительные бабки отогнать технику в Грозный?

Смотрю, у подельника Идриса челюсть отвисает, отвисает...

— А на хрена вам в Грозный?

— Хозяин, от кого мы работаем, тоже чеченец.

— Как фамилия?

— Сейчас познакомлю, через минуту он будет здесь.

Подъезжает шестисотый мерин, хозяин в дорогом прикиде...

— Эти ребята, оказывается, ваши земляки.

Босс в офисе повёл жалом по сторонам, понюхал:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам!

И на своём Идрису:

— Ты чеченец?

— Да.

— Техника «левая?»

— Само собой...

И тут «джи-жи»: вылезает из факса копия платёжки с отметкой об оплате на сто с лишним миллионов. Он улыбнулся:

— Ну тогда заберите эти деньги себе, они тоже левые.

Судя по всему, у чеченца-покупателя тоже был план и тоже расписанный по минутам. Я пошлёпал в гостиницу, а вечером Идрис заваливает ко мне в номер, в дымину пьяный.

— Я понял, что в Грозный за деньгами мне спешить не нужно.

— Ты правильно поня-яял... Ик!

Спал он у меня в номере на полу, денег не было ни на гостиницу, ни на билеты до аэропорта. Ни копейки...

Прохожих ищем с ночи до утра.
Ну от чего не любят недотроги
Работников ножа и топора —
Романтиков с большой дороги [3].

Однако не всё так однозначно... Есть в истории абреков эпизод, за который респект им от всей творческой интеллигенции России: когда академик Дмитрий Лихачёв сидел в лагерях, именно благодаря двум ингушам он остался жив — заключенные проиграли его в карты, а спасли от издевательств и мучительной смерти ГалгIай.

Примечания:

[1] Народные частушки;

[2] «Беспред» Вишневский Владимир Петрович;

[3] Юрий Энтин.

*

Вор

Хабарик

*Николай I — сыну, будущему императору Александру II:
«Во всей России только ты да я не воруюм».*

Однажды Махмуд поинтересовался:
— Александр, какой у тебя самый любимый советский лозунг?
— ?.. Ну, не знаю... люблю сытно поесть, побаловаться пивком и на кухне повесил плакат:
«Сегодня — рекорд! Завтра — норма!»
— Ты считаешь, этот призыв имеет отношение к потреблению пива?
— Прямое. А тебя какой слоган вдохновляет?
— «Твори, выдумывай, пробуй! Воруй, но не попадайся!» Если б ингуши не воровали, пожалуй, в ссылке не выжили. В Казахстане все выкручивались, как могли. У казахов глаза — узкие щёлочки — раскрылись благодаря нам... Бабушка рассказывала: сосед увёл корову, а чтоб не опознали — кипятком распарил рога и выгнул в обратную сторону. Комендант с хозяйкой пошли по дворам искать пропажу, казашка напротив своей коровёнки остановилась, ходит вокруг, нюхает. Комендант допытывается: «Эта?» — «Корова, вроде, моя, но рога не её». Александр, надеюсь, ты не собираешься писать только о примерных ингушах? Получится слащаво, гладко, неправдоподобно, дихон. Есть один интересный, колоритный человек. По роду своих занятий, по призванию — вор.
— Махмуд, зажигай быстрее!
— Спешка горцу необходима в трёх случаях: гостя накормить, умершего похоронить, сына женить. В остальных случаях нужно быть степенным, достойным, хладнокровным.
— А у русских спешка — при ловле блох и при поносе...

Вор...

Интересный персонаж.

Мой «сусанин» прав, как всегда! Негоже, если повествование выйдет приторно-сладким.

Так, следуя рекомендациям проводника, я познакомился с Ибрагимом Саутиевым.

И, доложу вам, не зря...

— В Игушетии нет воров в законе, — любезно объяснял Ибрагим, — поскольку нет зон. Если вор показал себя, проявил дух — его принимают в семью. В воровском мире нет религии, нет национальности, гражданства. В крытом режиме любые разногласия пресекаются на корню. Выше вора — только другой вор и Бог. Нельзя брать в руки оружие и вставать на чью-либо сторону... Даже если на твою Родину напал враг... В душе можешь переживать, но в руки автомат брать нельзя... ну, никак. В руки оружие взял — уже «сука» получаешься. Вор должен воровать — у торговых людей, у чиновников, цеховиков, банкиров и помогать бедным. Вором если станешь, нужно забыть про всё. С воров спрос особый... В «красной зоне» в Сегеже на семёрке мне ногу сломали, чтобы сотрудничал с администрацией: вступал в актив, вставал на должность, защемлял какого-нибудь бедолагу по их указке... Я был смотрящим на зоне и помогал энкам, чем мог. Меня уже собирались принять «в семью», всё шло к тому... я бы стал воров в законе, но... мать серьёзно приболела... Впала в кому, представь! Ей восемьдесят семь лет. И я решил: «Вернусь домой! Со всеми ребятами попрощался, извинился: «Мать бросить не могу!» Недавно она упала, вот уже

пять месяцев лежит в постели. Я женился даже — матери ведь невестка нужна, ухаживать. И всё, теперь я осел в Ингушетии. Для меня мать — святое.

Признаться, раньше я ничего подобного не слышал...

Даже вор ингушский и то оказался не таким, как все. Благородным! Ведь для человека, избравшего воровскую судьбу, нет желания слаще, сокровеннее, чем быть коронованным авторитетами, получив вожделенный статус «вор в законе». Как бы объяснить попроще... Ну это примерно, как для нас с вами в советские времена отказаться от мандата депутата Верховного Совета и присвоения звания «Герой социалистического труда». Для Ибрагима мать оказалась важнее, чем возможность достичь самого верха в воровском мире... Для вора ингушского «мать» — понятие святое.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет [1].

Примечания:

[1] Сергей Есенин.

*

Махмуд зажигает

*О чём писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты...*

Михаил Лермонтов

Махмуд пошире открыл окно:

— Ты извини, у меня в машине накурено... Сам-то не куришь?

— Нет.

— А я вот курю. Пагубная привычка. По исламу строго запрещено, но никак не могу отвыкнуть... На людях не балуюсь, только в машине. Иногда знакомый встретится на дороге, всё потом выведывает: «Ты разве куришь, Махмуд?» — «Нет. Зубы болели, горячий дым во рту держал». Пока так выкручиваюсь... Надо бросать. Да если б не братья... придурки! Обстоятельства так сложились, Александр, из-за братьев и закурил.

— Как это из-за братьев?..

— Да там история такая, дихон... Когда СССР рушился, появилась возможность заниматься бизнесом. Я купил в Нальчике десять тонн подсолнечного масла и повёз на КАМАЗе в Казахстан продавать. Денег тогда живых в обороте практически не ходило — всё шло по бартеру: ты мне — я тебе. Даже анекдот был такой: «Дважды два сколько?» — «Зависит от формы оплаты: наличкой — «три», «по безналу» — шесть, бартером — восемь». Такие тогда времена...

На птицефабрике директор предложил мне в обмен гречку. Беру гречку, везу в Нижний Новгород, там продаю за наличку. Куш получился хороший... С этими деньгами — назад в Казахстан, а директор, кореец, Цой Николай Иванович, за наличку продукцию отпускать запретил. Цой этот заказал себе в Санкт-Петербурге служебную «Вольво». В Москве в салоне она стоила двадцать две тысячи долларов, ему за гречку и мясо на сумму в сорок четыре тысячи подписались отдать по бартеру. И поставщик ООО «Глория» кинул. Продукты забрали — машину не отдают. Я сидел в приёмной, дверь в кабинет приоткрыта, и всё слышал... Захожу в кабинет, он как увидел меня, в психе смахнул бумаги со стола:

— Ты опять? Я же сказал: гречку не продам.

— Николай Иванович, дихон, я не за тем... Могу услугу вам оказать.

— Какую ещё услугу?..

— Случайно слышал разговор... Могу поехать в Питер и забрать машину.

Задумался, глазки забегали: до этого посылал туда водителя с юристом, питерские бандюганы их отметелили. — С одним условием, хоть тонн десять крупы продайте, чтобы не кататься порожняком.

— Лады.

Загружаю гречку, рассчитываюсь, гоню на Питер через Нижний, там гречку продаю — опять куш. Приезжаю в Питер, нахожу контору этой ООО «Глории», представляюсь:

— Из Казахстана, нам бы машину забрать...

Директор, не проронив ни слова, нажимает кнопку вызова: заходят две «торпеды», молча под руки меня подняли, вынесли в коридор и предупредили:

— В двадцать четыре часа не смоешься из города, ноги вырвем.

Думаю, на кой хрен мне чужие проблемы? Рассчитался я с водителем КАМАЗа, купил билет на поезд, взял пивка и — в гостиницу до вечера. Сижу, фисташки грызу, пивко потягиваю, на душе волнение постепенно улеглось, тревога исчезла, благодать... Я ещё пивка... Раздухарился, осмелел... Душа стала пяточком. Думаю, Махмуд-Махмуд, как тебе не стыдно!.. джигит ты или не джигит, ингуш или не ингуш. Подумаешь, какие-то громилы пригрозили, и сразу — в кусты?! Завожу себя, завожу... Всё: чувствую — опять орёл. Еду на дом к этому директору «Глории», он сам открывает, я его за грудки, с ним в прихожую, перерезаю ножом телефонный провод и нежно так, доверительно сообщаю:

— Если завтра машину не отдашь, с тобой будут разговаривать другие ребята.

Сам на вокзал, сдал билет и — в гостиницу на телефон. Звоню брату в Назрань, продиктовал ему номер:

— ...Только не по коду звони — через межгород, чтобы, козлина, знал, откуда звонок, спроси мягко: приезжал ли представитель из Казахстана? И дай срок решить вопрос до утра.

Второй звонок сделал в Грозный — младшему брату, поручил то же самое, только с интервалом в час. И сам опять — за пиво.

Ночью звонок из Казахстана, Николай Иванович в трубку смеётся:

— Звонил директор «Глории», обижался, зачем я натравил на него чеченскую мафию.

Что ты думаешь, Александр, к девяти утра машина — муха не сидела! — оформленная, со всеми бумагами стояла у окна. И всё культурно, без грубостей... Оказывается, даже в Питере умеют общаться культурно. (Хотя сразу не подумаешь...) Пригнал я в Казахстан эту нулёвую «Вольво» чёрного цвета, встречали меня всей конторой. Встречали, как героя! Николай Иванович при всех обнял, — а здание конторы стояло на взгорке, на краю посёлка, — он рукой так широко над домами провёл:

— Тебе, ингуш, разрешаю осеменять всех женщин этого посёлка!

Он устроил меня в санаторий «Майбалык» для женщин, страдающих бесплодием, дал денег, и я куролесил-гулял на полном его обеспечении месяц. Через неделю в гости ко мне приехал брат... Как уви-иидел... что там творится, сразу за телефон и... — все голодные ингуши потянулись ко мне, будто в хадж. Чуть с ума с ними не сошёл... Идиоты. Вот тогда, дихон, я первый раз и закурил. Ночью из санатория отправился пешком за десять километров в посёлок, постучался в ближайший дом, п-ппоп-росил сигарет. Трясло всего, не мог успокоиться...

Даже сейчас, как вспомню...

Меня все уже знали, дали четыре «Астры»: две скурил прямо на месте, две по дороге назад. Нет, думаю, пора уезжать. Николай Иванович на прощанье загрузил бесплатно тридцать тонн гречи, я вытащил из КПЗ своих оболтусов, и мы вернулись на родину.

*

Поправка к «сухому закону»

Хабар

*Цена мужчины зависит от него самого.
Къонахчун мах цо ше хъабар ба.*

Ингушская пословица

Илез Даурбеков, секретарь антитеррористической комиссии Малгобекского района, показывал армейские фото, похвальные грамоты, выданные командованием:

— На срочную службу попал интересно...

С детства серьёзно занимался вольной борьбой, кандидат в мастера спорта. 2004-й год, май... Утром, как всегда, шёл на тренировку, ничего не подозревая (через пару дней должен был ехать в Черкесск на соревнования — мастерский турнир). Занимались по три раза в день: утром физзарядка 45 минут, потом с 11.00 до 13.00 и с 17.00 до 19.00 — тренировки. Смотрю, знакомые ребята с сумками, рюкзаками тусуются:

— Вы куда?

— В армию.

— Ну давай, пацаны! Желаю отслужить достойно.

— Илез, поехали с нами!

— Не могу, через два дня турнир.

— После армии успеешь на свой турнир.

Думаю, может, правда, с ними рвануть? Паспорт при себе... Я — к военкому.

— Илез, если тебя сейчас заберу, тренер убьёт. Ты знаешь, это не шутка. Он несколько раз приходил, ходатайствовал за троих... просил, умолял меня, чтоб призыв отложил и дал вам возможность сдать на мастера. Я обещал: до конца июня не трогать.

— Забирайте сегодня!

Военком немного поупрямился, потом устало махнул рукой, и я без вещей, с паспортом встал в строй. Дома никто ничего не знал... Я успел передать через двоюродного брата — тот провожал одноклассников:

— Пока не говори нашим, где я, сообщи ближе к ночи.

Сам думаю: быстрее бы вывезли за пределы республики. Если отец узнает!.. Перехватит, заберёт назад. Я единственный сын в семье, отец проклянёт, коли ослушаюсь. А тренер... боюсь Вам даже не понять... За шесть лет я ни одной тренировки не пропустил, один раз опоздал на десять минут — всё! светопреставление, ужас... Легче в Следственном комитете отбрехаться, чем перед ним. А тут — «мастерские»!..

Попадаю в Омск.

Замполит роты капитан Баранов, боевой офицер, стоящий мужик... С каждым знакомится, беседует по отдельности:

— Ну, Илез, как себя чувствуешь? Как там на Кавказе? Что дома?

— Дома не в курсе, товарищ капитан.

— ?! Как! Восемь дней прошло... — достаёт свой мобильник. — Звони сейчас же.

Набираю отца... Сам боюсь...

— Па, я войсковой части, в Омске... Внутренние войска.

— Ну!.. раз уж служишь — служи достойно. Не позорь род. В звании ниже старшины домой не возвращайся.

У меня на душе сразу отлегло... Такая поддержка! И замполиту:

— Спасибо Вам большое!

— Нужно будет позвонить домой — обращайся.

И началась моя служба...

Попал в роту БТР, единственный из призыва ингушей — у меня права «В», «С».

По окончании учебки — итоговая проверка. Прибыл командующий внутренними войсками округа... Такой жёсткий полковник — он и был председателем комиссии, всё проверял лично, досконально, чтоб в точности доложить обстановку министру обороны. Заранее объявили: «Кто пройдёт проверку на «отлично», для дальнейшего прохождения службы будет направлен в хорошие части...» Но посулы действовали слабо — сдают мастерство вождения на БТР: первый курсант — «неуд», второй, третий, пятый — двойка за двойкой. Командующий орёт матом на командира полка... Тот стоит, виновато переминается:

— Чем вы здесь три месяца занимались? Почему бойцов не учили?

А ведь люди бывают способные к технике, к вождению, а бывают, сколько ни натаскивай — «ноль». Неправильная политика проводилась... Изначально нужно оценить склонность, а они распределяли механически — неэффективно! В итоге из ста двадцати призывников один получил «тройку», я — «пятёрку», остальные — «неуд».

Полковник на инструктора-прапорщика рычит:

— Почему у тебя машина неисправна?

И правда: ручник не держит, на склоне машину не остановить — скатывается. А требование жёсткое: при трогании нельзя скатиться назад более чем на тридцать сантиметров.

И ещё зампотеху влетело из-за меня:

— Ты почему на место водителя контрактника посадил!?

— Это военнослужащий срочной службы.

— Как срочной?..

Председатель комиссии сам забрался в БТР, сел справа от водителя и одного за другим стал выгонять курсантов с двойкой. Доходит до меня.

— Вперёд!

Я прокатился.

— Ещё давай!

Я — газу.

— На склоне останови!

Торможу, ставлю на ручник, сам педалью деликатно придерживаю, чтоб он не видел. Трасса сложная, интересная: склон на склоне... затопления... Три раза меня прогнал по всему маршруту.

— Стоп!

Останавливаюсь, полковник вылезает из БТР и зампотеху — тот на броне сидел:

— Вы чё, ребята, кого хотите обмануть? Я воевал, когда вас ещё на свете не было...

Почему подсунили мне контрактника?

Я рядом стою навытяжку и ему:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться!

— Обращайся, курсант!

— Я из Ингушетии, с детства за рулём.

— Ты что, на самом деле срочник?!

— Да.

В доказательство сдёргиваю сапог с ноги, показываю портянку: грязная-прегрязная, мы неделю перед его приездом не вылезали из-за рычагов. А у всех контрактников уже давно берцы и носки.

— Материальную часть знаешь?

— Так точно.

Вразброс задал мне три вопроса, подошёл и обнял:

— Молодец, ингуш! Откуда такая практика?

— У отца свои фуры, с детства самостоятельно водил.

Полковника не обманывал: действительно, тысячи километров намотано за рулём КАМАЗа. Водительские права по возрасту не полагались, — смеётся Илез, — мне оформляли справку-временку, что права изъяты за нарушение ПДД, и с пятнадцати лет я — в Нальчик, Черкесск, с прицепом. По итогам проверки мне присвоили звание сержанта и... никуда направлять не стали — оставили служить в учебном полку. Все офицеры удивлялись, неделю потом обсуждали это неординарное событие — выходящее из ряда вон!.. Дело в том, что в этой воинской части царил «сухой закон»: инструкторов, сержантский состав из кавказцев не набирали — учебка готовила спецподразделения для отправки в горячие точки. Внутренние войска, сами знаете... операции по зачистке, мало ли... Чтоб не возникло конфликта интересов...

Илез ухмыльнулся.

— Хотя какие могут быть «конфликты интересов»? Смешно даже... В нашей семье всегда придерживались традиционного ислама, и мой дедушка, и отец, и я — всегда были врагами ваххабитов. От рук этих шакалов погибло столько близких родственников. У меня личные счёты... Секретарём АТК никто не желал работать... Я пошёл добровольно, осознанно.

Я внешне никак не отреагировал на эти слова, но по Дагестану знаю прекрасно: люди на подобных должностях — под прицелом.

— На срочной службе как: до старшего сержанта звание присваивает командир полка, но мне-то отец наказал вернуться старшиной. А его может присвоить только командующий округом... Как заслужить звание «старшина», пока не представлял. Я лишь старался точно, в срок выполнять приказы командиров, стрелять точнее, проходить полосу препятствий быстрее, подтягиваться больше и управлять БТРом лучше других. А ещё теория... Были у нас такие занятия — «индивидуальные профилактические беседы с подчинёнными». Сейчас даже конспект покажу, сохранил на память, — Илез достал из книжного серванта аккуратную тетрадь.

Однажды командир полка собрал весь офицерский и сержантский состав:

— Хочу проверить ваши ИВРы и конспекты.

Офицеры стопкой сложили свои тетради, сержанты отдельно — свои.

Берёт в руки первую тетрадь, пролистнул, сморщился:

— Командир третьей роты!

— Я.

— Капитан, разве это работа с материалом, разве это конспекты? — разорвал тетрадь в клочья, вторую тетрадь, третью, молча рвёт одну за другой... доходит до моей: «Тетрадь конспектов по боевой подготовке, огневой, спортивной... Заместителя командира взвода 4-й учебной роты старшего сержанта Даурбекова И.И.» — в лице изменился, бережно открыл мою тетрадь, остальные, не глядя, отодвинул и как гаркнет:

— Дежурный! подойди сюда со своим дневальным. Вот это всё, — показывает на стопки офицерских конспектов, на клочки порванных страниц, — выбросить на свалку, быстро. Товарищи офицеры, мне стыдно за вас. Если вы к завтрашнему утру не приведёте конспекты в такой же вид, как у старшего сержанта Даурбекова, — не обижайтесь...

Все ко мне в очередь:

— Даурбеков, кто тебя просил так стараться?!

— Отец звонит ежедневно: «Ты ингуш, должен для всех быть примером».

Смеются, хлопают по плечу:

— Дай списать!

А спустя несколько дней меня находит дежурный по роте:

— Даурбеков, тебя замполит полка вызывает!

— !?

Полковник Тюменцев!.. Жёсткий до крайности... Вызывал курсантов только по одной причине: объявить строгое наказание, вплоть до дисбата. Его боялись все без исключения.

В штабе офицеры сочувственно:

— Что у тебя? Что стряслось?

— Сам не знаю. Тюменцев вызвал.

Захожу, строевым шагом отчеканиваю:

— Товарищ полковник, старший сержант Даурбеков по Вашему приказанию прибыл.

Смотрю, на столе «Уголовный кодекс» с красной закладкой, ведомости «Верховного суда»...

— Скажи по слогам, как правильно пишется твоя фамилия.

— Да-ур-бе-ков...

Сам размышляю в смятении: «Что натворил? Что я натворил?» Полтора года отслужил, вроде, достойно, без замечаний, осталось шесть месяцев, неужели решил наказать?

— Илез, мы с командиром полка, с офицерами приняли решение наградить тебя Нагрудным знаком «За отличие в службе».

Стою ни жив ни мёртв... Думаю: «Издевается надо мной полковник...» Все знают: эту награду вручают только кадровым офицерам и контрактникам... Для срочника это всё равно, как получить Героя России.

— Товарищ полковник, шутите?

Не поверил, клянусь.

— Даурбеков, я всегда говорю серьёзно. Эту награду ты заслужил.

А в казарме меня уже ждут командир роты, офицеры:

— Илез, зачем он тебя вызывал?

— Вручил «Орден мужества».

— Говори серьёзно, не томи...

Для меня это был — самый счастливый день службы.

Наградной знак вручали в Омске, в театре на торжественном концерте, посвящённом Дню защитника Отечества, через неделю присвоили звание «старшина». По всему выходило, я — исключение из строгого правила, поправка к «сухому закону»...

Илез продолжал машинально перелистывать конспекты, а мне на память пришли строки:

Старшиной —
как и поэтом —
надо родиться [1].

— С новыми погонями и забот прибавилось...

Поступило однажды пополнение из Дагестана, тридцать пять курсантов: мне девятнадцать лет, а там мужики — по двадцать три, двадцать четыре года, спортивные, быковатые. Не знаю, где таких набрали? Офицеры меж собой порешили: «Всех дагестанцев — в один взвод в подчинение Даурбекову. Он сам кавказец, вот пусть с земляками и разъя... разбирается».

А для меня национальность, вероисповедание значение не имеют. Для меня все одинаковые: и дагестанцы, и русские, и ингуши, и татары, и негры... Для меня главное — справедливость и порядок в роте. Когда ротный уходил домой, объявлял:

— Илез — ты старший!

— Есть, товарищ капитан!

Офицеры, его подчинённые, ревниво наблюдали, но помалкивали.

С кавказцами всё оказалось непросто: земляки — земляками, но дисциплину как-то нужно выстраивать. Пришлось немного отступить от Устава... нарушить его. Иначе бы ни за что не справился. Ещё Пётр I говорил: «Не держись Устава, аки стенки. В каждом случае надо и голову приложить». Построил их, объявляю:

— Существует график уборки, очерёдность нарядов. Я — старшина роты. Я тоже кавказец, ингуш. Согласно графику полы будут мыть все, все — заступать в наряды, на тумбочке стоять дневальным, картошку чистить.

— Да ты чё! Полы мыть не будем, это женская работа! — и началась буза.

Дал им выговориться и опять за своё:

— У меня дома этим тоже занимаются только женщины, но мы с вами в армии.

— Да пошёл ты...

— Не предлагаю вам убирать за другого, уберите — за собой.

Подхожу к качку, стоит лыбится, желваками поигрывает.

— Это твоя кровать?

— Да.

— Вот и убирай тут. Ты же не будешь, как свинья в грязи жить!

— Я мужчина, полы мыть не стану.

— А кто за тебя убирать будет? Я что ли?!

— Нет. Другой уберёт.

— Шалишь! Здесь старший — я. Пока не поймёте, будете учить Дисциплинарный Устав наизусть.

Строю роту, одному из дагестанцев вручаю эту маленькую невзрачную книжицу, приказываю читать вслух. Все стоят по стойке «смирно», слушают, я стою с ними... Читает-читает-читает... Один человек опускает голову:

— Отставить. Нарушили строй. Начинай с начала.

Есть мудрая русская поговорка: «Клин клином вышибают». Я им по-доброму объяснил:

— Ребята, давайте не будем церемониться. Если вы откажетесь исполнять приказы, на обед не пойдёте ни вы, ни я. Общий порядок — для всех, иначе будет несправедливо.

Остальным взводам дал приказ, сержанты построили, повели в столовую.

Даги рычат:

— Мы тебя зарежем...

— Будете соблюдать?

— Нет.

— Хорошо. Тогда и на ужин не пойдёте ни вы, ни я.

А солдату что самое главное: покушать-поспать, покушать-поспать. Это знает каждый, кто служил. Хоть в сушилке, хоть в строю, но поспать, кемарнуть сытому. Утром смотрю, единства в их рядах уже нет: кто-то готов на попятную — жрать-то хочется, — кто-то готов терпеть. Опять объявляю построение, но уже только этого взвода:

— Ребята, мы с вами все российские курсанты. Вы хотите служить по Уставу или нормально?

— По Уставу.

— Это вам только так кажется... Если я начну обращаться по Уставу, у вас крыша съедет сразу. Устав для этого и придуман. Так что давайте служить нормально... Будете соблюдать?

— Нет.

Мы сэкономили армейские продукты и в этот день. На третье утро смотрю — делегация:

— Илез, решили слушать тебя. Ты прав. Так положено.

На обед строем пошла уже вся рота в полном составе, и с тех пор график соблюдали безукоризненно. Конечно, нужно «дожать», добиться исполнения своих требований. Были среди кавказцев и те, что выполняли приказы, но зубами скрипели:

— Домой не поедем, пока не убьём тебя.

За справедливость я готов стоять насмерть: ещё до горцев было несколько конфликтов — сержанты отбирали у молодых пайку масла, деньги. Предупредил одного, самого борзого: «Пусть сяду, но ты ни масло, ни деньги ни у кого больше не заберёшь!» Сейчас мне тридцать лет, за спиной диплом об окончании «Академии безопасности в Москве», финансовая академия... три высших образования, кандидатский разряд по вольной борьбе, но самый-самый полезный жизненный урок дала мне армия. Если у меня родится сын, хоть он будет единственным, хоть половинкой... отправлю на срочную службу. Причём измерю по карте: чтобы от дома ехать не меньше недели. Это обязательно! А в Омске как считали: если от армии сумел откосить, значит, ты грамотный — не лузер, человек деловой; если в армию тебя замели, ты — лох. Они так считали. Я не соглашался, хотя мне было восемнадцать лет:

— Ребята, вы неправы! Раз мы граждане России, должны служить в армии, уметь защитить Родину, коли потребуется. Если занимаю в долг, обязан ведь долг возвращать, если мужчина. Служба в армии — возврат долга стране. А кто не отдал — права голоса не имеет.

Они — мне: «Долг возвращают только трусые!»

Я не случайно вспомнил эти споры. Был у меня в роте такой Женя. Отец его в Омске — полковник МЧС. Сына устроил в шаговой доступности, чтобы подкармливать, холить, оберегать. У Жени этого физподготовка на «два»: подтянуться не мог, стометровку бегал за двадцать секунд! кросс... на руках по очереди несли. Высокий, студенистый... Глиста! Родители на него в детстве дыхнуть боялись, пылинки сдували, носились, как с золотым яйцом. И вот он попадает в армию, в мою роту. А я, как составляю список на увольнение, каждый раз его вычёркиваю. Вычёркиваю, вычёркиваю, вычёркиваю:

— Женя, посвяти свободное время физподготовке.

Он каким-то образом связался с отцом: «У нас тут в роте обезбашенный кавказец, придирается, не пускает в увольнение. Папа-мама, караул! помогите! спасите!»

Раз дежурный несётся вприпрыжку:

— Илез, к телефону.

В дежурке трубка — на столе, прикладываю к уху, в мембрану на том конце как рывкнут:

— Я полковник МЧС! отец Жени, прекратите измываться над ребёнком!.. Я дойду до командования... У меня связи с военной прокуратурой, в штабе округа... я вас посажу!!!

Минут пять орал, но глотка тоже, видно, не лужёная, чувствую, стал выдыхаться, выдыхаться... примолк.

— У вас всё, товарищ полковник?

— Да.

— Можно отвечать?

— Да.

— Старшина Даурбеков, служу в четвёртой учебной роте. Вашему сыну сколько лет?

— Двадцать три года.

— Мне девятнадцать. Вы знаете, сколько раз Ваш сын подтягивается на турнике?

Сопит в трубку.

— Ни разу. Стометровку преодолевает за двадцать секунд, хуже всех. Километр вообще не в состоянии пробежать. Товарищ полковник, я давал Родине присягу, взял на себя ответственность, что из вашего сына сделаю достойного бойца, защитника. На это мне отведено всего четыре месяца. Поэтому я сам не хожу в увольнительную, занимаюсь с Вашим сыном и другими отстающими. И делаю это потому, что над страной нависла угроза. Угроза не в лице Кавказа — Америка и Европа. И я не хочу, чтобы ваш сын погиб в первом бою. Я в ответе за него.

— Давайте встретимся...

— Жду вас на КПП.

Приезжает, в форме... большие звёзды на погонах.

Увидел меня, презрительно хмыкнул:

— Так это ты, что ли... моего сына в увольнение... не отпускаете?

— Я.

У меня телосложение хрупкое, хотя в округе на армейских соревнованиях по рукопашному бою частенько брал первые места. На КПП народу полно, женщины подпирают стены в ожидании свиданки, услышали нас, разгалделись, набросились на меня.

— Кавказцы распоясались! Управы на них нет! Детей истязают!!!

И он, чувствуя народную поддержку, опять раскрыл рот. Я деликатно останавливаю:

— Вы вроде бы взрослый, серьёзный человек, дослужились до полковника, а подзуживаете женщин, баламутите народ. Скажите людям, что здесь армия — не базар.

Он покраснел, вспотел, голос понизил:

— Давайте где-нибудь поговорим отдельно.

— Пойдёмте.

Строю взвод. Женя увидел отца, обрадовался: «Наши пришли!» Я назначаю старшего, отдаю приказ личному составу заниматься по распорядку, сам с полковником прохожу в Ленинскую комнату. Отец думал, с собой заберёт сына, а я завожу прежнюю пластинку:

— Товарищ полковник, пока Вы, используя свои связи, не снимете меня с должности или не переведёте сына в другую роту, я увольнительную не подпишу. Сначала он должен сдать нормативы. — Достаяю свою личную карточку, «дневник замполита», где подноготная каждого бойца: выговоры, поощрения, взыскания, награды. Показываю:

— Видите, у меня здесь одни поощрения, награды, даже личная благодарность от командующего округом: если я пойду на сделку с совестью, закрою глаза на низкие показатели Вашего сына — меня справедливо накажут. Портить свою биографию не хочу.

Он взмолился:

— Сколько нужно, дам денег!..

— Товарищ полковник, у меня душа болит за Вашего сына, но если у Вас возьму деньги и буду снисходителен, из него вырастет наркоман, слюнтяй. От Вас нужна помощь другого рода: мне нужно отцовское разрешение и я, за оставшиеся три месяца, сделаю из Вашего сына отличного солдата, достойного человека.

Он аж сгорбился...

— Обещаю.

— И большая просьба: сейчас на улице к сыну не подходите, чтобы почувствовал — мы с Вами заодно.

Через два месяца звоню ему сам. По голосу сразу узнал:

— О, Илез Исаевич, как дела?

— Как и договаривались, прошло два месяца. Сегодня в 11.00 принимаю у бойцов нормативы, приглашаю Вас.

Отец наблюдал, как его сын крутился, летал на турнике, выделял чудеса и, клянусь, Александр, счастливее человека я в жизни не видел. Он лучился счастьем...

В конце восьмидесятых руководству Советского Союза стало очевидным: кавказцы в рядах Советской Армии — плюс неоспоримый. Непонятным оставалось только, кому «плюс»: нашей армии или врагам? Не замечать национальные, религиозные особенности южных братьев стало невозможно, невыносимо... Темпераментных, страстных ревнителей зикра, лезгинки, гостеприимства и кровной мести по инерции в ряды срочников ещё призывали, однако после очередного ЧП Секретариат ЦК издал секретное Постановление: всех призывников из Кавказа отправлять только самолётом и только в сопровождении старшего, в ранге не ниже заместителя министра [2]. А потом и вовсе решили: «Спасибо, не надо!»

Как здорово, что «сухой закон» по призыву кавказцев не распространили стопроцентно, оставили какую-то квоту. Иначе таких воинов, как Илез, Башир, как генералы Осканов, Аушев, Евкуров... (список можно продолжать долго), страна бы так и не узнала.

Примечания:

[1] Белаш Юрий Семенович, поэт.

[2] Подробно об этом я писал в книге «Дагестан», глава «Рекрутские адаты», а дополнительно, в ярких красках, мне поведал Мержоев Исса, который в бытность работы инструктором Грозненского обкома партии сопровождал подобную группу призывников на самолёте из города Грозного в Алма-Ату.

*

Перспект отца

Хабар

Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чьему воздыхает.

Фёдор Достоевский

19 апреля — день рождения моего отца...

Его давно нет в живых. И все эти годы без него... отца сильно не хватает. Мы были большими друзьями. Когда родители уходят, начинаешь понимать, что между тобой и Богом уже никого нет.

— Махмуд, а твой отец жив?

Он отрицательно махнул головой:

— Отец учил: «Всегда говори правду. Возможно, если сегодня ты сказал человеку правду, он даже обидится на тебя, развернется, уйдет, но совесть в жизни по-любому приведет его к зеркалу, и он вспомнит твои слова. Может, на это понадобится полчаса, может, год, может, жизнь, но человек обязательно вернется и скажет: “Ты прав! Извини”. Не ври даже в малом. Если солгал — ты кинул зёрна, семена зла в душу человека, из семени проклюнется росток, затем вырастет дерево, и дерево это со временем принесёт для тебя неприятные, горькие плоды. Деньги можно вернуть, власть, даже здоровье поправить... Честь — не вернешь. Ложь — прямая дорожка к утрате чести».

Разговор об отце получил неожиданное продолжение в кабинете главного редактора газеты «Сердало» Якуба Патиева:

— У нас мода пошла — давать улицам, по настоящему тейпа, имена родственников, причём некоторые «герои» знамениты лишь тем, что родились и умерли в Ингушетии. Спрашиваю в селе у одного члена подобной инициативной группы:

— Вы ходатайствуете о переименовании, а чем имярек знаменит?

— Он всю жизнь простоял тут на углу.

Дословно! Или приходят:

— Напишите про нашего Магомеда в газете, — протягивает листок, а там все эпитеты в превосходной степени «легендарный, великий, грандиозный, лучезарный, солнцеликий...»

— Что о нём написать?

— Напиши «великий».

— А его величие выражается в чём?

— Он мой отец.

— Ну допустим, а вы кто?

Нужен символ!

Вот если бы появился «Перспект отца» — дело другое, это близко, свято каждому.

Отец для каждого ингуша — второй человек после Аллаха.

Вы правильно заметили: у меня на столе, в рамочке, портрет отца. Свои поступки и сейчас мысленно сверяю с его наказами... Бывает, останавливаюсь в шаге от резкого слова, которое он бы не одобрил. Не буду лицемерить, что делаю это всякий раз, поминутно... но в вопросах судьбоносных — всенепременно. На должности редактора недопустимы резкие слова в чей-то

конкретный адрес... да и вообще упреки лучше не персонифицировать. Надо помнить: здесь Кавказ. Ингушетия! Жену раньше всё выпытывали на работе: «Что пишет муж?» Выведывали через неё. Я ей, как профессор Преображенский, запретил читать газеты. Ко мне несколько раз на дом приходили бородатые старики: «Как посмел нашу фамилию выставить в неприглядном свете?» Ингушетия — не место для персональной критики! В этом специфика работы журналиста. Иначе обиды, кровная месть, упрёки, всеобщее осуждение... Начинают давить на родственников, те бегут с мольбой: «Прекрати, Якуб! Нам проходу не дают!»

— Нужно, как в знаменитой советской песне:

Если кто-то кое-где у нас порой
честно жить не хочет...

— Да. Так.

И ещё: здесь нельзя идти вразрез с мнением большинства. Я почему не люблю социальные сети? Там будут критиковать не мою идею — меня. Вспомнят всю подноготную, всю родню до седьмого колена, вспомнят все мои проступки вплоть до мокрого детства... где, что на горшке сделал не так... «Ребята, я ж только высказал идею, критикуйте её...» Куда там!..

Для меня портрет отца и в те далёкие, советские времена перевешивал по значению портрет Генерального секретаря ЦК КПСС. Генеральный секретарь даже понятия не имел, существую ли я на свете, а отец за меня молился. В детстве он частенько наказывал меня по жалобе педагогов, хотя я был отличником.

— «Пререкается с учителями!» Как смел?!

Если бы учитель среди бела дня сказал моему отцу: «На дворе ночь» — он бы подтвердил: «Учитель прав! Солнце зашло». Жалоба учителя, в понимании отца, была столь тяжким грехом, что он выносил суровый приговор, который обжалованию не подлежал... А сегодня жёсткие правила учебного заведения, ведомственные инструкции требуют с детьми сугубо деликатного обхождения: не ругать, голос не повышать, из класса не выгонять, в угол не ставить, по заднице не шлёпнуть — что ты?! Это, мол, травмирует ребёнка. Разрешается хвалить, заигрывать: «у-ти, у-ти!», излагать материал и — всё. «Главное — прокукарекал, а там хоть не рассветай!..»

— В ингушах проснулись финны.

— Люди моего поколения боялись, не дай Бог, об их неблагоприятном поступке узнают родственники, соседи, односельчане, передадут отцу. За этим следовало неизбежное наказание, без выяснения правоты: старший всегда прав! А сегодня не многие отважатся сделать замечание родному племяннику... Раньше даже в страшном сне не представить, чтоб родители боялись нас, в том числе физически! А сегодня страшатся расправы со стороны своих собственных детей. Появилось новое течение ислама: салафиты призывают не подчиняться родительской воле, решению отца, не исполнять адаты. Всё национальное подвергают переоценке, уценке, осмеянию: «Родители не правы, они живут не так, молятся не так, и не тому, руки держат неправильно, ноги криво, ходят, сидят, спят, принимают пищу, делают детей, дышат — всё не так!» И многие побаиваются своих сыновей, опасаются за здоровье, за жизнь...

— !

Мне горько, что «салам алейкум»
подчас звучит, как «hande hoch!» [1]

— Мне тоже горько...

Сейчас продвинутые ингушские невесты у предполагаемого жениха узнают заранее: «У вас дома мебель старая есть?» В переводе с молодёжного сленга сие означает: живут ли с тобой мать, отец? Не осталось ничего святого!

— В Дагестане был случай: пацан ушёл «в лес» и получил для проверки первое задание — отрезать голову отцу, бывшему сотруднику милиции. Сынишка добросовестно исполняет поручение, снимает казнь на мобильник, и довольный, счастливый выкладывает видео в социальные сети...

— Так можно зайти далеко. Нужно авторитет отца восстанавливать. И я бы горячо приветствовал появление в каждой республике, каждой столице — Проспекта отца.

Я тоже двумя руками «за!».

А вы?

Мы расстались с Якубом Патиевым, я не переставал думать об отце...

А ночью мне приснилась притча.

Дубок

Притча

Молодой Дубок вертел-красовался своими редкими листьями и поглядывал снизу вверх на старые морщинистые громады дубов-предков, растущих невдалеке.

С ехидцей он размышлял:

— Листья у меня тоже красивые, с волнистыми краями, почему тогда старики — на виду, а я всю жизнь прозябаю в их тени? Чем я хуже?..

Пичужка села ему на ветку:

— Ой! Ты не очень-то!.. Своими когтями!!! Больно ведь! — взвизгнул Дубок, оглаживая свою нежную кожицу.

— Извините, пожалуйста!.. Я нечаянно, — обескуражилась птаха.

— За нечаянно — бьют отчаянно!

— Вы такой юный и уже дерзкий.

— Когда ещё быть дерзким, если не в юности?.. Мои прадеды и прабабки стоят, боятся шелохнуться, не то что дурной пример подать — развалятся сразу... Ах-хха-ха! — самодовольно расхохотался Дубок.

— Вы говорите о старших так непочтительно, что я вынуждена раскланяться с вами, — и птичка улетела.

— «Раскланяться»... Подумаешь, недотрога. Какая ей разница, где столоваться! Червяки везде одинаковые.

Дубок ещё долго запальчиво бросал колкие реплики в адрес улетевшей птички, но в душе понимал: что-то здесь не так. Даже если взять червячков-ползучков, всяких там гусениц, личинок, муравьёв и божьих коровок... На его нежных веточках их нет. Все они, как сговорились, селятся в толстом слое прелых листьев, которые годами, столетиями устилали землю, осыпаясь со старых дубов. А следом за личинками, паучками слетаются птицы, и выют на разлапистых крепких ветвях старых дубов гнёзда. В гнёздах выводятся птенцы, из них вновь вырастают птицы и всё по-новой... Из века в век.

— Несправедливо! — покачивал головой Дубок. — Им — всё! Мне — ничего! У них прямой доступ к солнцу, а я из-за них годами сижу без света. Хватит!!! Натерпелись.

Желание сбросить путы, стать вровень... нет! выше их!!! краше, заметнее предков настолько обуяло Дубок, что он, в какой-то момент чуть не засох от зависти.

— Я им ещё устрою! Они у меня поплачут!.. — злорадно вспыхнул он, угрожающе затрепетав всеми своими десятью листьями. Шума, гула не получилось, поскольку листья не касались друг дружки, но трепет был впечатляющий. — Нужно лишь найти союзника, — мучительно, днями и ночами, сутки напролёт мечтал Дубок. — Ветер! он мне поможет. Ему какая разница: он с ними заодно, и ко мне заглядывает.

И ветер, откликнулся на его просьбу. Он поднялся сперва лёгкий, затем всё сильнее, сильней... Задул осенний ветер листождёр... да и не ветер уже — настоящий предзимний шквал откликнулся на призыв Дубка. С престарелых дубов полетели на землю огромные обломанные сучья, золотые листья срывались, сыпались веером с веток и вместе с желудями толстым слоем укрывали землю вокруг. А молоденький гибкий Дубок лишь слегка грациозно покачивался, словно в танце, и ему очень даже нравилось всё это действие... эта лесная дискотека. Он в такт порывам то приседал, то размахивал веточками и ли-ко-вааал... Он бесновался от радости, увидев, как вершина прадуба под бешеным ураганным ветром обломилась и по всему чёрному дряхлому стволу — с самого верха до основания — прошла глубокая трещина.

— Ура!!! — ликовал молодой дубок. — Так вам и надо!.. Пусть шторм всех вас вырвет с корнем. Тогда не будете мне мешать!

И ураган услышал его... Он грозно загудел, зарычал и, обратившись лютым смерчем, стал по очереди воздушной воронкой зависать то над одним старым дубом, то над другим, выдёргивая их с корнями, с грохотом, с пластами земли. Вот уже нет останков прадеда дуба, вот повергнут наземь дед... И лишь отец прикрывал молодой Дубок от северного ветра собой. Природа вокруг преобразилась... Вот уж и леса не осталось. Когда буря вырвала с корнями старые деревья, самые древние, самые сильные, всю молодёжь унесло по ветру, словно тростинки. Дубок в страхе выглядывал из-за широченной спины отца: вокруг, сколько хватало взгляду, лежала безжизненная холодная скалистая пустыня.

Где жучки? где паучки? где птички гнёзда?

Всё разорено ураганом...

— Что я наделал?! — в ужасе стал причитать Дубок. — Если смерч вырвет с корнями и отца — я погиб...

Дубок едва пережил штормовую ночь. К утру северный ветер стих, но пришла другая беда... На небосводе безжалостным огнём запылало светило...

Все растения и насекомые, всё, в чём едва теплилась жизнь — сгорело под палящими лучами солнца. Не осталось ни одного деревца, ни одного кустарника, ни одной зелёной травинки, лишь пожухлая иссохшая стернь... А Дубок спокойно, в тени могучей кроны отца-исполина, постепенно приходил в себя, охорашивался, рос и мужал.

В порыве благодарности он протянул к отцу свои ветви, но тот не отвечал.

Шторм и солнце окончательно иссушили, обескровили его... Дуб стоял уже неживой...

Он так и умер, стоя, прикрывая своими огромными ветвями сына от палящего солнца, от студёного ветра...

И весной жизнь вернулась в дубраву. Из желудей народились, проклюнулись липкие зелёные росточки, они тянулись вверх и росли, хорошели, крепили под сенью возмужавшего Дубка. Теперь он — самый старший в роду — трепетно, ревностно защищал молодые побеги от северного ветра и палящего солнца.

А пичужка свила в его крепких ветвях гнездо и вывела птенцов...

Жизнь продолжалась.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник)

Махмуд зажигает

*Вовремя сказанное слово — по делу выстрелившее ружье.
Ала дезача аьнна дош — тоха езача тега топ.*

Ингушская пословица

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». Лингвистический мат-анализ доказал, что все энергоёмкие «русские» слова заимствованы из «наьна мотт», например, ключевое слов «нах», которое формирует всю семантику русской речи, является ингушским и в переводе обозначает «люди».

Во, нах! (инг.) — Эй, люди!

— Александр, каждый вечер вспоминаю-прикидываю имена полезных тебе людей — самобытных, мудрых, талантливых рассказчиков. Оказалось, их не так и много, талантливых-то. А кое-кто меня даже разочаровал...

— Бывает, от человека ждут великих свершений, а потолок его способностей — плохие анализы [1].

— Бросай ты эти аристократические манеры, вычурный язык! Переходи на ингушский...

— Нах!

— Во!

— Нах!.. Три раза.

— Совсем другое дело, можешь ведь...

— Знаешь такой мелкий-мелкий крупа?

— Манка что ли? — Махмуд подозрительно скосил взгляд.

— «Нах» — три мешка такой крупа!

Он восхищенно хлопнул меня по плечу:

— Чё ж ты раньше-то молчал? Мандила?! Ты ж почти ингуш!!!

Короче... Есть у меня в запасе интересный человек, работает в министерстве туризма большим чиновником, но сейчас занят на работе. (Скажу по секрету: мы вовсю развиваем туризм, только об этом пока никто не знает.)

— А что, нет вариантов, с учётом ингушского менталитета, вырвать этого чиновника из рутины, чтоб всё бросил, нах... и присоединился к нашей беседе?

— ?.. Деньги он уважает, но не до такой степени, чтобы лететь из-за них сломя голову. Запугать? Нереально. Просьба?.. Запишет её, когда-нибудь поможет, чем сможет, но сейчас не сорвётся. Единственный вариант «подписать»: позвонить ему и настойчиво, каким-то дерзким непонятым голосом проскрипеть в трубку «Собака, ты меня конкретно обидел... Чё не понял?!» И не вдаваясь в подробности, не пускаясь в длинные объяснения, отключить телефон. Тогда точно, как бы ни был занят, через полчаса будет здесь...

— Из могилы встанет ради такого случая.

— Да. Ингуши долго запрягают, но, когда запрягут, мало никому не покажется. Если даже в шутку задеть самолюбие ингуша, он моментально закипает, обида перерастает в кипеж, кипеж — в мордобой, тот — в резню, перестрелку, взрывы, пожарища...

— И другие формы кавказской дружбы.

— Да.

— Пусть продолжает развивать туризм. А вообще «дурной признак, когда перестают понимать иронию, аллегорию, шутку». Так считал Фёдор Достоевский и учил: «Если хотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или как он волнуется благороднейшими идеями, а смотрите на него лучше, когда он смеется. Хорошо смеется человек — значит, хороший человек».

Мы помолчали, переваривая сказанное.

— Летом ездил в горы навестить старшего брата... тоже хохмач! Кстати, это именно из-за него я поздно женился! Вроде уже и невесту присмотрел, а мать в штыки:

— Хочешь из старшего брата тряпку сделать?

Ну короче, только приехал — в гости нагрянули пограничники. Постучались, заходят, всё деликатно, глава сельского поселения с ними. Старший наряда представился:

— Лейтенант такой-то... Паспортный контроль... Совершаем плановый обход домостроений на предмет выявления посторонних лиц в погранзоне.

И тут брат прям, с цепи сорвался:

— Чего тут высматриваете, чё вынюхиваете?.. Я тебя не знаю, может, ты бандит...

Надо было видеть лицо молоденького лейтенанта. Парень недавно на службу попал, сам, как оказалось, из Дагестана. Оторопело переводит взгляд с хозяина дома на меня, на главу поселения... Ситуация накаляется!.. Вот-вот выйдет из-под контроля.

— Никаких официальных документов не предъявил, а туда же!

Пограничник полез в бушлат, за пазуху... брат расхохотался, хлопнул его по плечу:

— Да это я так шучу.

Лейтенант выдохнул:

— А я уж за удостоверением полез, чтоб заново представиться.

Брат угорает:

— Хотел просто проверить твою морально-психологическую готовность к службе, выдержку оценить... Вы ж с населением работаете.

— Проверить, есть ли патрон в патроннике, — подсказываю я.

— Ну-уу! Методом ты-ка-аа!..

У нас в семье на язык все острые... Это от матери. На днях услышала по телевизору слово «амёба». Спрашивает:

— Что это?

— Рыба такая.

— Раз ты говоришь, точно не рыба.

Вот и возьми её за рубль за двадцать...

Помню, в первую чеченскую войну федеральные войска прибыли в Мужичи, заняли позицию на окраине, окопались. Командир роты посетил с официальным визитом главу села, представился:

— Сколько нам здесь находиться, не знаю, но давайте жить мирно. Мы вас не трогаем — вы нам хлопот не доставляйте. У нас приказ.

— Конечно, конечно!

На следующее утро он заваливает в контору к главе сельсовета недовольный:

— Мы ж договаривались!.. Вам что, проблемы нужны?!

— В чём дело?

— Скажи своим, чтоб перестали в жмурки с нами играть...

— Не понимаю.

— Всё ты понимаешь! Как стемнело, ваши пацаны ходят по лесу вдоль позиций и кричат, визжат, дразнят, смеются. У меня в подразделении молодые необстрелянные ребята, не надо на них страх наводить.

— Так это шакалы, не обращайтесь внимания.

— Шакалы?.. А я думал «шакалы» — это ругательство.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

Муж учительницы

Хабар

*Спрашивай не у того, кто долго жил, а кто много повидал.
Духха ваьхачунга ма хатта, духха дайначунга хатта.*

Ингушская пословица

«Муж учительницы» — ранг почётный, миссия особая...

Моя мама преподавала русский в национальной карельской школе. Я — в теме... Изнутри насмотрелся, как непросто пришлось бате идти по жизни под ручку с «учительшей». Потому, когда Председатель горсовета Малгабека Шарапудин Мамилов заикнулся на эту тему, я сделался само внимание:

— Учительница — мужу не жена, детям — не мать, матери — не дочь, сноха — никому, — перечислял обречённо Шарапудин, бросив руль.

— !.. Смотри за дорогой!

— Личной жизни нет. На кухню придём кушать — она со своими портками: стопкой тетрадей, планов — убегает в зал; мы покушали — возвращаемся в зал — она со своим шмотьём — на кухню. Жизни нету. Единственное свободное помещение — туалет, где можно ещё посидеть, пофантазировать — остальное всё занято бывает. Из школы уходит последней... Я в треть голосу скандалю: «Как так можно? У тебя мать, у тебя дети, муж, в конце концов... иди домой...» Нет. Ответственная баба такая. Не знаю, к чему это приведёт... Работник образования в семье — привилегированный человек. Как инвалид! — горячился Шарапудин. — Словно у человека сахарный диабет... Его нужно оставить в покое, за ним ухаживать, угождать, все прихоти исполнять. Здесь с кондачка не возьмёшь, требуется подход серьёзный. Ночью в три часа просыпаешься: сидит под лампой — тетради проверяет, таблицы чертит, к проверке готовится... Вариант «а», вариант «б». Это не жизнь, Александр. Да ещё при такой зарплате мощной... Издевательство. Причём, заметь: она не одна работает на министерство образования — вся семья. Я с отличием закончил экономический, в силу своей должности слежу за политической ситуацией, и когда намечается класный час — узнаю первым. Могут ночью разбудить, вразброс задать вопросы по обществознанию: кто у нас возглавляет Конституционный Суд? когда выборы в Государственную Думу? по какому принципу идёт отбор кандидатов? есть ли одномандатники?

— «Одна манда...» Сама ты... Спи!

Откровенно признаюсь тебе, Александр, сложно соответствовать статусу «муж учительницы».

«Сложно»?!

Я и верил Шарапудину, и сомневался в искренности его слов. Разве для него может быть что-то сложно?! Род Мамиловых состоит исключительно из людей талантливых. Да, возможно, генетика причиной всему. Знаю одно: Шарапудин — герой. Настоящий герой, каких встречал мало. Вот лишь кусочек из его биографии...

— Случилось это в 1997 году, 17-го октября. Ингуши и чечены создавали интернациональные бандформирования, время плохое. Приехали ночью на дом, вызвали брата. Я сразу почувствовал недоброе, вышел сам. За грудки схватили:

— Ты Шамсудин?

— Я. Что нужно?! Ру-кии!..

Отметелили, забросили в машину...

Лежу на заднем сидении, думаю: «Ликвидируют, понятно. Меня не будет, но ведь машина останется... Каким образом дать знак брату, что я был здесь? Какую оставить зацепку, ниточку, потянув за которую с помощью Всевышнего, найдут этих собак и накажут». — Тайком отрываю карман у рубашки: — «Брат-Шамсудин, когда найдёт мой труп, обнаружит: “Карман оторван. Почему? Где хлпетень? Куда делся?” Будет искать. Найдёт машину, обыщет и обязательно найдёт от меня весточку — оторванный карман. Брат поймёт: в этой машине заложником был я». Лоскут запрятал под полик, под уплотнитель...

Не знаю, как ещё сообразил в той ситуации? Как просчитал?.. Видно, хотел бандитов наказать сильно-сильно. Куда везут — непонятно... На яме тряхнуло... Машина клюнула носом: чувствую, шаровая накрылась... Дальше на такой машине не двинешься. Меж собой откровенно толкуют, понимают, со мной не уйти. Последнее, что слышал: выходят из салона и... очередь в упор.

Очнулся, никого нет...

Лежу в липкой кровище, нога перебита, в боку жжёт. Тишина. Выполз из машины, кое-как дополз до дороги, там меня и подобрали. Три года операции одна за другой... Три года по госпиталям, больницам... Потом усиленно, интенсивно занимался физкультурой, встал на ноги... Одного из тех людей я тогда узнал: и потихоньку, одного за другим, нашли всех. Дело, вроде, к суду. Заседания первой инстанции Верховного Суда назначили в Назрани. И вдруг дело разваливается на глазах... Свидетели от своих показаний стали отказываться, машина, в которой меня расстреливали — «вещдок!», вроде стояла в РОВД — на ней уже следователь колесит по городу. На «вещдоке»!.. А бандюганы на суде хором:

— Не было ничего! Мамилов с ума сошёл, шизанулся! Ему пригрезилось.

Я в ответ — ходатайство:

— Давайте сделаем выездное заседание, и я докажу, что именно в этой машине меня расстреливали. Вещи мои к делу приложены? Приложены.

Пригнали машину.

— Рубашка, в которой был в тот момент, — прострелена, отверстия совпадают с ранами. А почему рубашка без кармана? Кто оторвал? Куда он делся? Не знаете?! Я умышленно его тогда оторвал!.. и лоскут сейчас находится в этой машине, которая, как вы заявляете, не имеет никакого отношения к делу.

Стоят, глотают воздух, переглядываются.

— Откройте заднюю дверку... достаньте под поликом, под обшивкой окровавленный карман, приложите.

Нашли лоскут, приложили к рубашке — точно.

Следователь нехотя:

— Да, парень действительно был в этой машине.

Дело было громким. Мрачная история...

Одному дали десять, другому одиннадцать лет.

Только по нашим горским обычаям, даже если ты срок отсидел, к сатисфакции это не имеет никакого отношения. Кровь — за кровь! Однако в Республике нужно было как-то останавливать бандитизм, волну насилия. Мы собрали совет тейпа, и отец вынес непопулярное решение: «кровную месть не объявлять, врагов простить». Вопрос закрыли.

В 92-м сюда хлынуло население из Северной Осетии, шестьдесят тысяч, потом из Чечни... Забито было всё. Представь, в городе Малгабеке население утроилось. Люди, люди, люди... кругом. Не выйти, не пройти... в магазинах давка, в автобус не забраться. В городе не протиснуться: беженцы, беженцы, беженцы...

И воцарился в Ингушетии беспредел.

С наступлением сумерек никто никуда не выезжал — небезопасно. Уж не говорю, когда стемнеет. У каждого водителя на палке — зеркальце: перед тем, как сесть в машину, тщательно

днище осмотрит, не установлена ли мина — «техосмотр по-кавказски!» На улицах ни одного милицейского бобика — все отсиживались в РОВД, заняв круговую оборону. Машины ГАИ обстреливали, взрывали, сотрудников убивали. Рядом с нами поселковый отдел милиции, гражданские люди, инициативная молодёжь ходили поддержать этих ребяташек. У тех ни оружия нормального, ни бронезилета. А 22 июня у нас в республике двойной траур — мало того, что эта дата — начало страшной войны, так ещё 22 июня 2004 город Назрань был полностью захвачен Басаевской бандой, сто сотрудников расстреляны в упор: Министра внутренних дел, прокуроров, оперативников... — сто сотрудников в один день! И день-то выбрали какой. Это был ужас... [1]

Непонятное что-то творилось... Терпеть беспредел сил уже не было, но кардинально ситуация изменилась к лучшему при Евкурове. Ситуацию можно было исправить только личным примером. Он доказал: бандитов, оказывается, можно побеждать. А ведь сам чуть не погиб в теракте. Машину взорвали, восстановлению не подлежит, его врачи собрали по частям. И даже после этого он не спрятался за спины силовиков. Къунах! Он созвал комиссию по примирению, подключил к этому делу авторитетных людей, создал Совет тейпов. Полная прозрачность всех действий, гласность, доступность. Номер его мобильного есть у каждого ребёнка... У нас, когда закрыто и что-то скрывают, тихорят — сразу возникает недоверие, сразу начинают подозревать во всех смертных грехах. А он постоянно в дороге, в разъездах. В Москву летает не каким-то служебным самолётом — обычным гражданским рейсом. Стюардесса объявляет: «Уважаемые пассажиры, у нас на борту находится Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров. Желющие могут подойти, задать вопросы». Клянусь матерью, сам видел!

Он — наша яркая фишка, козырная карта!

Он перевернул представление народа о власти.

Понятно ведь, без поддержки местного населения воевать в лесу невозможно. Родственников предупредил: «Кто отнесёт бандитам корку хлеба, бутылку воды — голову оторву». И все знали: не шутит. Миндальничать, заигрывать с убийцами прекратили. Жёсткий военный подход. Задней скорости у него нет. И потихоньку ситуация... начала выправляться. Зачастую ведь люди по какой причине брали в руки оружие — недовольство властью зашкаливало: правду не найдёшь! до чиновников не достучишься. Все работали на себя... гребли, как мотыга... И вдруг власть повернулась лицом к народу. Зажравшихся чинуш он — под зад пинком, турникеты, решётки снёс, заставил вести приём населения. А в ответ население, весь народ от мала до велика, не побоялся подставить своё сердце под пули врагу.

P.S.

Семиклассница Залина Арсанова спасла младшего брата от пули, закрыв своим телом.

Президент Российской Федерации Владимир Путин вручил ей медаль «За отвагу».

Мне было неловко набирать эти строки: девчонка смогла, а я бы смог?..

На всякий случай строки продублирую: «Семиклассница Залина Арсанова спасла младшего брата от пули, закрыв своим телом».

Примечания:

[1] Сейчас мирно светит солнышко, и память человеческая так устроена: всё плохое забывается. Дабы воспоминания освежить и сегодня понять масштабы трагедии, предлагаю материал из газеты «Коммерсант» 28.06.2004:

«На прошлой неделе отряды боевиков напали на Ингушетию. Одновременно были атакованы и захвачены объекты МВД, погранвойск, Минобороны и прокуратуры. Около сотни людей, в том числе руководители МВД и прокуратуры республики, погибли, еще больше — ранены.

Корреспондент «Власти» Ольга Алленова попыталась разобраться, почему это произошло. Нападения боевиков начались в 22 часа 21 июня. Разбившись на небольшие отряды, они разоружили и расстреляли омоновцев на блокпостах на въездах в Назрань и Карабулак. Потом с криками «Аллах акбар» прошли по Назрани и атаковали здания

МВД, УВД и погранотряда. В Карабулаке попытались захватить расположение мобильного отряда МВД России в Ингушетии и склады вооружений и боеприпасов местной милиции.

После многочасовой осады погранотряда боевикам пришлось отступить. А вот сотрудникам МВД и УВД свои здания отстоять не удалось. Воспользовавшись тем, что в них находились всего несколько дежурных милиционеров и руководство министерства, боевики захватили их и сожгли. В бою погибли и. о. министра внутренних дел Ингушетии Абукар Костоев и один из его заместителей. В соседние здания ИВС и УБОПа боевики попасть не смогли — из-за их усиленной охраны. Выехавшие на место происшествия прокуроры Назрани Мухарбек Бузуртанов и Назрановского района Бислан Озиев, а также их сотрудники попали в засаду и были расстреляны.

Не менее тяжёлые бои произошли в Слепцовской и Карабулаке. В Карабулаке боевикам удалось даже захватить склады оружия. Нападавшие, видимо, рассчитывали вооружить часть местных жителей, а затем при их поддержке атаковать столицу республики Магас, где расположена резиденция президента Мурата Зязикова, но план сорвался. Поднятые по тревоге войска были брошены спасать президента. При этом два крупнейших города республики, Назрань и Карабулак, были фактически отданы боевикам, которые немедленно устроили чистки: врвались в дома и расстреливали местных руководителей. Так был убит в общем-то далекий от войны директор местного кирпичного завода. Только к утру, когда силовики смогли скоординировать свои действия, бандиты оставили захваченные города и ушли в горы. Руководство МВД говорит об уничтожении сотни бандитов, но на деле потери с их стороны, видимо, оказались минимальными. Например, в Назрани нашли тела только двух ачхоймартановцев, участвовавших в ночном налете.

*

Корреспондент «Интерфакса»

Хабар

*Войну остановит лишь война.
Дов довно мара юхатехадац.*

Ингушская пословица

Шамсудин Боков.

До того, как его назначили главным редактором республиканской общественно-политической газеты «Ингушетия», он успел поработать пресс-секретарём Президента. А начиналась его карьера в журналистике с агентства «Интерфакс».

— В горячие годы мне повезло быть в эпицентре всех значимых событий. В 2004-м Ингушетии приходилось нелегко: ежедневные обстрелы, подрывы, охота на сотрудников милиции, духовных лидеров... В воздухе висел, не выветриваясь, едкий запах пороха... Опасность подстерегала всякого, кто открыто нёс слово правды, публично озвучивал гражданскую позицию. Эти люди — под прицелом. Но журналисты — циники по жизни... Не то чтоб бесчувственные, просто, когда вокруг каждый шаг, каждый миг — горе, страдание, беда, начинаешь привыкать к опасности. Начинаешь оценивать события объективно, как бы отстранённо. Словно опасность лично тебе не угрожает. Время тяжёлое... Время, когда вечером населённые пункты вымирали — ни души. Даже милиционеры на улицу носа не казали. Каждый опасался за свою жизнь, но когда опасно сегодня, завтра — инстинкт самосохранения, чувство опасности притупляются... Требовалось как ни в чём не бывало, освещать чрезвычайные происшествия... освещать оперативно. Вроде бы к этому моменту была изобретена мобильная связь, интернет, а на практике узнать новости по телефону невозможно. Выезжай на место... в ночь-полночь, в непогоду, болевший-нет... десятки километров пешком до места происшествия. Помогали друзья, неравнодушные, ответственные граждане, которые подсказывали, информировали:

— Шамсудин, ты в курсе?

— Нет. Спасибо, что поставили в известность, выдвигаюсь...

Зачастую прямо на месте события, с фонариком на коленке готовил материал, по телефону передавал в Москву. Информационное агентство «Интерфакс» — подразделение боевое. Многому там научился...

Когда в горячей точке родился, живёшь и работаешь — учёба движется быстрее.

Во время проведения силовых операций мы неотступно следовали за бойцами вторым эшелонном, не высовываясь вперёд, но и не отставая. И был один рабочий момент, который запомню навсегда... хотя всё продолжалось секунд тридцать — перед глазами жизнь пробежала...

Это случилось в 2005 году, в Назрани. Недалеко от гостиницы «Асса» — частный сектор. Силовики проводили очередную операцию: ликвидировали боевиков, заблокированных в жилом доме. Информации никакой. Обычно как: слышу отчаянную стрельбу — выдвигаюсь туда, ближе к месту происшествия. Другого источника получения оперативной информации нет. Гражданское население бежит, сломя голову, прочь — я поступаю с точностью до наоборот. Это было время, когда между спецслужбами никакой координации: даже милиция — понятия не имела, что делает ФСБ, и наоборот. А мне информация требовалась любой ценой, информация — в режиме реального времени. Просроченные, вчерашние факты не интересовали никого.

Добираюсь... Мой коллега и большой друг — собкор ИТАР ТАСС Руслан Майсигов — уже на месте. Конторы у нас с ним вроде бы и разные, а задачи — одни. Мы друг другу помогали,

всегда плечом к плечу. Стрельба неожиданно закончилась, бойцы «Вымпела», «Альфы» сели на БТРы, умчались — интервью никто никогда из них не давал.

Мы остались вдвоём. А как узнать, что конкретно произошло? Сами вперёд, на ощупь... стали приближаться к дымящим развалинам. Идём, считаем трупы, фотографируем... У разрушенного двухэтажного дома разделились: он — направо, я — налево. Смотрю, из подвального окна соседнего дома выглядывает ребёнок... Не плачет, не кричит — в ужасе молча смотрит на меня. Дверь снаружи подперта металлической лестницей, дом наполовину разрушен... стены в осколках, крыши нет. «Странно! Обычно гражданское население перед началом обстрела выводят далеко за пределы».

Убираю лестницу, открываю дверь, захожу в подвал, а там семья: бабушка, мать и четверо детей — ВСЕ СЕДЫЕ!..

Мать, сбиваясь, рыдает-мычит:

— Спали... зашёл мужчина в маске, приказал всем лечь на пол... Потом четыре часа — сплошные взрывы...

Я про работу не забываю: фотографирую, пишу рассказ на диктофон, помогаю им выбраться на улицу, передаю под опеку Русику, сам иду дальше... за дом... Запашина горелого мяса с ног сшибает... Продолжаю считать трупы: в сводке ведь нужно сообщить точно: сколько в ходе спецоперации уничтожено бандитов. Ни в ФСБ, ни тем более в милиции этих данных не дадут. Я стою на пожарище, готовлю по свежим впечатлениям сводку и... чувствую под ногой что-то горячее... жжёт что-то... Глаза опускаю и вижу: стою на раскалённом неразорвавшемся артиллерийском снаряде 122 миллиметров. (Обычно боевики использовали их для закладки фугаса: капсулы снимают, вместо него шнур с механизмом управления — мина готова. Мина огромной разрушительной силы...) Я блокнотик, нежно, — в нагрудный карман, оплавленный кроссовок осторожно приподнимаю... делаю шаг в сторону, второй...

Понимаю: сейчас рванёт.

Снаряд лежит прямо на жарких углях...

Бессознательно ныряю в сторону, перекатываюсь кубарем и, пригнувшись — к воротам. Только успел добежать до Русика, повалить детей на землю — мощный взрыв!.. Нас оглушило, засыпало обломками кирпичей, чёрной гарью. На том месте, где стоял их дом, подвал... откуда буквально десять минут назад выбрались дети, на месте двора, где записывал в блокнот информацию, — одна сплошная воронка.

Это сейчас излагаю всё последовательно, гладко, логично...

Потом уж, задним числом, выстраивал цепочку действий... когда всё было позади.

В тот момент не думал...

Некогда было.

*

Ужас-Бек

Малумат

*Гнездо орла всегда пахнет железом.
Аързе бIена чура аьшка хьаджэ йоагIаш хул.*

Ингушская пословица

Валентин Крыжановский, бывший полковник ГРУ, припомнил к слову:

— В 1987 году в десантном училище я был командиром взвода. КПСС тогда являлась руководящей и направляющей силой общества, инакомыслие строго каралось. Однако, несмотря на власть коммунистов, был один курсант, старшина роты, у которого имелся коврик, исламка и который, как ни в чём не бывало, делал намаз. Ни замполит, ни командир не упрекали его — уважали за искреннюю веру. Веру — не в угоду моде.

Фамилия курсанта была Евкуров.

Криминал — уменьшительно-ласкательный термин той силы, которая безраздельно властвовала к моменту избрания его на должность Президента Республики Ингушетия. Фактически шла гражданская война... Война в разных фазах, с разной интенсивностью... Кровавая, беспощадная. Только за период с 2006 по 2012 год в Ингушетии убили 341 и ранили 794 сотрудника силовых ведомств [1]. И тут Президентом Ингушетии становится он.

Юнус-Бек Баматгиреевич Евкуров.

Служил в ВДВ. Принимал участие в контртеррористических операциях на Северном Кавказе. Рассказывают, в частности, как отряд подполковника Евкурова, выполняя одно из заданий по разведке местности, обнаружил и вызволил из чеченского плена двенадцать российских военнослужащих. В 99-м Евкуров находился в сербо-боснийском городе Углевик в составе российского контингента в Боснии и Герцеговине под эгидой SFOR. В мае 1999 года группа, под его командованием, в составе восемнадцати бойцов ГРУ тайно проникла на территорию аэропорта Слатина и фактически контролировала объект до подхода десантного батальона. Все обстоятельства данной операции засекречены до сих пор. 13 апреля 2000 года Юнус-Беку Евкурову присвоили звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» — за бросок на Приштину российских десантников.

По мнению и друзей, и недругов — именно он переломил хребет бандитам в Ингушетии.

Враги его называют не Юнус-Бек — Унзар-Бек — Ужас-Бек!

Такой комплимент заслужить непросто.

Враги его ненавидели люто... и продолжают.

22 июня 2009 года на Президента Ингушетии совершили покушение. При проезде президентского кортежа в микрорайоне «Центр-КамАЗ» города Назрани машина сопровождения попыталась отеснить автомобиль «Toyota», медленно двигавшийся по обочине трассы; водитель автомобиля совершил манёвр и въехал в середину кортежа; вскоре прогремел взрыв. В результате один из охранников скончался на месте; Президент Евкуров и ещё два человека госпитализированы с ранениями различной степени тяжести. Состояние Евкурова характеризовалось как «тяжёлое». Однако уже в августе он вернулся к исполнению обязанностей

Президента Ингушетии. Не поддался эмоциям, не испугался, не струсил, не обозлился, не стал, как это предписано ингушскими адатами, вершить кровную месть, а стал налаживать гражданский диалог: «хождение Президента в народ», опубликование номера личного телефона, созыв чрезвычайных органов народного представительства (сходы родов, советы старейшин, всенародные съезды) — далеко не полный перечень нестандартных мер, призванных восполнить недостающий авторитет официальных институтов власти. Президент РИ Юнус-Бек Евкуров работал «на износ», спасая жизни и души молодых ингушей, не стесняясь заниматься работой, совсем не свойственной Президенту.

Легенды про Евкурова складывались не на пустом месте...

Наглядный тому пример — совершенно уникальный в практике антитеррористической борьбы на Северном Кавказе случай, произошедший в ночь на 28 января 2010 г. в станице Троицкой. Накануне вечером сотрудники ингушской милиции в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводившихся по факту обстрела милицейской «Газели» и гибели милиционеров, блокировали боевика. Заметив во дворе вооруженных людей в масках, тот бросил в их сторону гранату, затем открыл огонь из пистолета. Сотрудники милиции вызвали подкрепление и открыли по дому ответный огонь. На место выехал Президент, штурм дома приостановили, а потом... Юнус-Бек Евкуров... сам!.. пошёл на контакт с террористом, убедив того сдаться.

Довелось мне знаться с разными руководителями, но ничего подобного не слыхивал...

В эксклюзивном интервью телеканалу RT он заявил, что готов пойти на переговоры с террористами, если это сможет спасти хотя бы одну жизнь. «Главным стратегическим направлением нашей политики... было и остаётся проявление доброй воли к тем, кто отступился от закона, стремление к убеждению и склонению их к отказу от участия в преступных сообществах, бандгруппах, от осуществления террористической деятельности и пособничества в этом», — подтвердил Евкуров в специальном обращении к соотечественникам 8 февраля [2]. «Цель не убить, цель — убедить» — так он сформулировал задачу правоохранительных органов на одном из совещаний [3].

Именно благодаря открытости, честности Юнус-Бека Евкурова Ингушетия сегодня, как никакой другой регион Северного Кавказа, живет насыщенной общественной жизнью. Налажен постоянный тесный диалог между обществом и властью. И неслучайно Евкурова признали «человеком 2009 года» по версии журнала «Эксперт», а также вручили престижную премию Фонда Андрея Первозванного «За Веру и Верность» [4].

Евкуров по-военному решительно разрубил гордиев узел кровавого территориального спора. Муниципальная реформа, проведенная осенью 2009 г., зафиксировала существующее административно-территориальное размежевание с Северной Осетией и сделала невозможными дальнейшие территориальные тяжбы с соседями. Сегодня обстановка в Ингушетии нормализовалась. Обойдя республику вдоль и поперёк, побывав в каждом селе и горном ауле, я убедился в этом лично. Глава Ингушетии не без гордости подчеркнул, что безопасность в республике больше не является большим вопросом.

А я, нарушив все каноны интервью, не вопросы задавал легендарному Унзар-Беку — откровенно признался ему в своих симпатиях.

Примечания:

[1] Три года «стабильности» Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал» о ситуации на Северном Кавказе Выпуск 2 Осень 2009 года — осень 2012 года

[2] «Республика Ингушетия», 8.2.2010.

[3] «Республика Ингушетия», 29.1.2010.

[4] «Республика Ингушетия», 14.12.2009.

Умористы

Хабарик

*Мы — за смех! Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.*

Юрий Благов

В последней надежде помочь отыскать мне в Ингушетии юмор, Махмуд договорился о встрече с руководителем государственного бюджетного творческого объединения «Зокх» Мадиной Дзорговой. Не «для посмеяться», этого в Ингушетии хоть отбавляй — ухочешься — «для серьёзно» поговорить о смешном. А я, признаться, уж не чаял найти коллектив, анонсированный как «юморной».

— «Зокх» — студия театра, кино, — терпеливо объяснял Махмуд, — что-то вроде дагестанских «Горцев от ума». Умористы!

— «Горцы...» — команда титулованная, появилась не на пустом месте: основной состав — «Махачкалинские бродяги», чемпион Высшей Лиги КВН.

— А тут — рядовые армии искусств. Член их коллектива, выпускник детской музыкальной школы, написал музыку для ингушского гимна.

— Не смешно.

Нас ждали...

Чуть ли не с порога я поинтересовался у Мадины:

— А можно посмотреть выпуски вашей юмористической программы?

— Да... но все они на ингушском.

— Забавно. Похоже, так с пустыми руками и уеду. А что хоть означает само название?

— «Зокх» — в переводе с древне-ингушского, в словаре 1934 года нашла... Если дословно: «самое интересное» и дальше «шут, шутка».

— Два значения?

— Нет.

— Самая интересная шутка?

— Просто «самое интересное». Ингуши частенько говорят: «какой интересный человек» (Ма зокх болаш саг ва). «Зокх» переводится, как самое интересное, а дальше идёт «шут, шутка».

— Но ведь «самое интересное» и «шутка» — понятия не тождественные — разные.

— Задача нашей организации делать то, что людям интересно, — лицо Мадины сделалось пронзительно-торжественным, — обращать внимание общества на темы насущные, злободневные. Не только юмор, но и сатира, пороки общества, наверное... Человеку, если прямым текстом ляпнуть, мол, он «такой-сякой» — обидится.

— Тем более на Кавказе... Тем более в Ингушетии!..

— Да! — она прыснула. — А с юмором всё сойдёт с рук.

— Мадина, извини, но я так и не понял, что означает «Зокх». «Самое интересное» — и всё?

Точка?

— Давайте поставим точку: «самое интересное».

— Просто «самое интересное»?

— Да.

— То есть формат научный, образовательный, познавательный: «Хочу всё знать!», «Что? Где? Когда?» А причём тогда юмор?

— Зокх — такая остроумная шутка, потеха, забава. Следи за своими шутками!

— Следи за «базаром»?

— Да. Юмор безадресным не бывает.

— Прикол?

— Боже упаси! Это типа сборника ментальных анекдотов...

Шажок за шажком, как по минному полю, мы продвигались к мерцающей цели — переводу слова «Зокх». А цель, словно мираж, неуловимо отдалялась, отдалялась... И смеяться пока было рано. Хихикать над текстом, не зная перевода, всё равно что влюбиться в горянку в парандже. Нет гарантий.

— Язвительность, насмешливость, сарказм?

— Нет-нет! Что Вы! Сарказм в Ингушетии...

— Ну, то есть получается «ирония»?

— Да, ирония... Ирония — добрая шутка. Пороки высмеиваем.

— Тогда это сатира.

— Ирония и сатира. Да. Это скорее сатирический журнал.

— То есть «Зокх» — это сатира? — с надеждой в голосе спросил я.

— Да. И ещё «самое интересное».

Я с опаской глядел на Мадину:

— Вы настаиваете?! «Зокх» — самое интересное?

— Да.

— То есть жанр ближе к передаче «Очевидное невероятное»?

— Нет...

Я знаю, вы будете смеяться, но мы так и не смогли перевести название комик-группы.

Да разве это так важно, когда речь заходит о юморе?..

Главное, чтоб публика смеялась.

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». «Визави» — бесосновательно считается, что выражение это французское: vis-a-vis — «лицом к лицу». Однако, ингушские учёные убедительно доказали: французский язык, как все остальные языки мира, произошёл от ингушского. Слово «визави», широко используется ингушами в поездках за пределы республики. «Так мы гаварым в общаге: «Машу визави!» Дикция у нас такая.

Я тоже много размышлял на тему фонетики, разницы в произношении одних и тех же слов в разных весях. У нас, к примеру, пряжинские карелы говорят: «юкси» (один), а олонецкие — «юкши». Учёные считают: «Причиной всему — диалект!» Я голову над этим вопросом ломал — чуть не сломал, — пока старая карелка мне по секрету не назвала истинную причину:

— Пусть зубы вставят.

*

Свадьба

Малумат

*А где-то свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала;
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе было места мало;
И неба было мало, и земли!*

Р. Рождественский

На центральном перекрёстке Малгобека Махмуд резко затормозил, не поехал на «зелёный»:

— Ты чего?

— Пропустим свадебный кортеж.

— Как ты определил, что свадебный? У нас хоть на капот машины куклу бантами привязывают, а здесь?

— Видишь поток машин по встречке? Стрельбу слышишь?

Действительно, по участку с односторонним движением нам навстречу, непрерывно нажимая на клаксон, летели джипы.

— Сейчас за стрельбу в свадебном кортеже выписывают штраф. Особо законопослушные джигиты оплачивают его заранее, чтобы саму церемонию ничем не омрачать.

Теперь я отчётливо слышал хлопки: горец, сидя за рулём джипа, стрелял в воздух из пистолета и что-то задорно кричал.

— Ингуши по натуре люди скромные, замкнутые: если нам плохо — знают лишь врачи, если хорошо — милиция.

— Вижу...

Я мечтал попасть на ингушскую свадьбу.

В Ингушетии, в отличие от Дагестана, свадебные обряды претерпели нешуточные изменения. Несколько лет назад по инициативе Главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова старейшины и духовенство приняли решение: положить конец краже невест. Теперь ни один имам не пойдёт освящать подобный брак, ни один старейшина не решится на примирение — серьёзный штраф с жениха, с его кунаков. Штраф, конечно, не остановит, но вот строгость, системность, единость — преграда серьёзная. В итоге сегодня адат умыкания невест, неукоснительно соблюдаемый века, практически искоренён. Кража невесты вызывает смех только в фильме «Кавказская пленница». В реальности всё не так забавно... На практике — стрельба, трупы, многолетняя вражда, кровная месть, полиция, ФСБ, уголовная ответственность за насильное удержание... и вешие проклятия. Запрет — знаковое решение, влияющее на положительный имидж республики. Удалось в одночасье остановить бушующий горный поток! А в любимом Дагестане красавиц воруют по сей день!

И ещё, в отличие от Дагестана, в Ингушетии браки между двоюродными, троюродными братьями-сёстрами, близкородственное кровосмешение, запрещены категорически.

— Махмуд, как попасть на свадьбу?

— Придумаем что-нибудь. Хотя тебе это мероприятие едва ли приглянется.

— ?..

— У нас на свадьбе: гости — за столом, невеста — в углу, жених — у друзей, тёща и тесть — за порогом. Ингушская свадьба для русского непривычна: без танцев-жманцев, без песен, выпивки, «горько», порванной гармошки, тостов... без брачной ночи.

— Так вот кто придумал «комсомольскую свадьбу»... В конце восьмидесятых я угодил как раз на такую.

— Есть любители выпить и у нас — представители старой, коммунистической закваски — им накрыто в отдельной комнате, подальше от глаз. Ингушская свадьба: прибыли, деньги принесли, покушали от пуза, вкусно, на невесту поглазели, и — по домам. (А невеста, бывает, сутки стоит, стоит в углу, сознание теряет и падает с грохотом, точно зрелая груша, — единственное развлечение гостям!) Остряки предлагают вывешивать чёрный флаг на ингушских похоронах, чтоб они хоть чем-то отличались от свадьбы.

Свадебный обряд у нас многослойный, начинается исподволь — с подбора невесты, со сватовства... Успел, небось, заметить: ингушские традиции очень строги, особенно что касается отношений мужчины и женщины. Юноше категорически запрещается притрагиваться к девушке, под любым предлогом. Недопустимо абсолютно! Даже заговорить можно только в особой, подконтрольной ситуации. Но род бы прекратился, если б не придумали способа выхода за рамки запрета. Лоузер — шуточное сватовство, которое зачастую потом переходило в настоящее. Не путать с «лузером». Сейчас время такое необычное: старые традиции и новые технологии встретились на узкой дорожке... Я присутствовал на виртуальной свадьбе: жених в момент свадебной церемонии, находился за границей и наблюдал за происходящим по скайпу.

На свадьбу настоящую, ингушскую, я таки попал.

Невесту доставляли в Ингушетию из Казахстана. Однако писать о божественном ритуале трудно. Нужно видеть, участвовать самим... Впечатления, ощущения от текста, фото — не те.

Это, как первая брачная ночь... по скайпу.

Мне показался интересным рассказ о сватовстве Султана Батырова.

Без него представление читателей об этой сокровенной стороне ингушской жизни будет однобоким, куцым.

— Например, я хочу женить сына на вашей дочери, присылаю гонцов. Вы их принимаете, выслушиваете, берёте срок для дачи ответа и начинаете изучать, поднимать всю подноготную.

— «Пробивать»?

— Да. Оценивают моральный облик кандидата, тейп, не было ли за последние века с этим родом конфликтов, кровной мести... Всё кропотливо изучается, прежде чем дать ответ. Невеста должна продемонстрировать полную покорность свекрови, свёкру, если она не умеет вести себя скромно, если она бесстыжая — это уже не невеста. Для ингуша выбор подруги жизни — дело крайне ответственное, серьёзное. Однако подходить к этому делу излишне мрачно, без юмора — не рекомендуется. Не продуктивно! Однажды из нашего села поехали свататься, и что-то у них там не срослось, не сладилось — родители девушки отказали. Возвращаются с пустыми руками, а их родственник возьми да ляпни:

— Если б нормальных людей послали, отдали бы.

— А мы, значит, по-твоему «ненормальные»? Посмотрим, что сделаешь ты.

Слово за слово, слово за слово — пришлось ехать тому.

Он в смятении, потный забегает к нашему отцу:

— Маги, выручай. Загнал свой язык в топи болотистые, без твоей помощи мне его оттуда не вытащить.

— Что случилось?

— Вах! Похвастался, что могу сосватать невесту, высмеял сватов, теперь отправляют меня. Что делать? Если девушку не отдадут, в тейпе житья не будет.

— Как её фамилия?

Он назвал.

— Поехали. Отец её — мой друг по молодости, в Казахстане в ссылке вместе бедовали.

И правда, там как увидели отца, согласились отдать девушку сразу — не гонять два раза (обычно сватовство и выдача невесты — два совершенно разных, отдалённых друг от друга по

времени, хлопотам мероприятия). Но даже «ускоренная» процедура нескорая: пока мулла прочитал молитвы, пока угощались, пока добирались назад... Во дворе жениха уже все на нервах: сваты исчезли. Собрались представители всего тейпа, недовольно галдят: «Что случилось? Куда провалились?» И тут они заходят во двор, да не с пустыми руками — с невестой.

А ростом оба маленькие-маленькие...

У родственников жениха сразу рожки деревянные: им не отдали, а каким-то двум коротышкам уступили, да ещё сразу выдали.

— Как вам удалось?

— Они решили, что мы на коленях стоим, — сжалились. Под руки нас пытались поднять: «Вставайте, вставайте, ваша просьба будет удовлетворена!»

Хохот... гогот...

Отец не боялся иронизировать над собой. Отец был мудрым человеком, умел шуткой сгладить острые углы. Он не стал обострять и без того взрывоопасную ситуацию: «отдали не потому, что мы лучше вас — вовсе нет! пошли навстречу, потому что думали стоим на коленях, — пожалели». И сразу были умиротворены, довольны даже те, которым отказали — ведь они-то не унижались, стоя на коленях. Нет, без юмора нельзя браться за сватовство. В случае отказа только и остаётся иронизировать над собой.

А вот свежий случай: украли невесту, на выручку выбежал брат. Девушку-то похитители захватили в машину, с места рванули... а жениха в сутолоке забыли.. Он злой, психованный, хватает камень, в ярости кидает вслед, рвёт волосы, проклинает похитителей. Брат с благодарностью обнимает его, утешает, отряхивает грязь с одежды, не слушая возражений, тащит благородного юношу — отважного защитника сестры — в дом, представляет отцу, угощают дорогого гостя. Только на следующий день отец узнал, кого потчевал... и сразу, не раздумывая, дал согласие на свадьбу: «Такой находчивый джигит из любой передраги спасёт семью».

А ещё друг Али как-то под настроение поделился своим опытом ухаживания за барышней:

— В Казахстане когда жил, — говорит, — влюбился в девушку. И никак не мог с ней познакомиться, завязать разговор... С другими свободно выходило, а её увижу — язык отнимается, до того робел. Вован, сосед по дому, каждый день интересовался:

— Ну что? Получилось?

— Какой... что получилось?! боюсь руки коснуться.

— Ладно, ничего, завтра я организую выезд на лодке на остров — там у вас всё будет нормально.

Взяли выпить — с запасом! закусить, ружьё (уток по дороге настроеляем), собрались ехать.

Погода отличная!..

Я с утра навёл марафет, причипурился: надел белую рубашку, брюки отутюжил, туфли начистил, лирику Пушкина в памяти освежил... А живот у меня недовольно бурчит и бурчит, крутит и крутит, крутит и крутит. Сели в лодку, отплыли, чувствую — не дотерплю... Нет мочи, нету никакой мочи. Думаю, всё: нужно хоть чуть спустить воздух, а чтоб заглушить, поднимаю ружьё... совместить выстрелы чтоб. Нажимаю на гашетку — нет выстрела! всё остальное — без осечки... У неё на руках собачка маленькая, болонка, носом сразу повела недовольно.

В общем, все наши старания рухнули.

Пришлось поворачивать и грести назад. Так и не смог я эту девушку очаровать.

Хотя запомнит она меня, думаю, надолго.

*

Сваха

Хабар

*Коршун нёс в когтях куропатку, а она кричала: «Я за него замуж выхожу!»
Керо ше хьош, — “Маьре юг со!” — яхаш цлогла дийттад ловдалча моашас.*

Ингушская пословица

— Махмуд, а ты как подбирал жену?

— Строго по науке... После армии устроился мастером швейного комбината в Назрани, вскоре назначили начальником. Коллектив — одни бабы, больше ста человек. Три категории: замужние, незамужние, разведённые. Я тогда холостой был... Девчонки сильно в меня влюблялись, но романы с ними не крутил — в Ингушетии находимся. Потом думаю: «Чё я сижу, сложа руки, начну-ка изучать женскую психологию. Как говорится, пользуясь служебным положением». Там склад готовой продукции, между складом и цехом — столовая. Перегородка тоненькая из ДВП. А бригадирша у меня пре-еданная... Пытай-расстреливай — не сдаст. Не замужем, я с ней крепко дружил и ладил. Вызываю её к себе в кабинет и поручаю:

— Зухра, возьми одну замужнюю, одну незамужнюю и разведёнку.

— Зачем тебе?

— Слушай, не перебивай! Предложи им в столовой попить чай, но садитесь обязательно за тот столик, который стоит у перегородки.

— Что придумал?!

— Не перебивай, говорю... Заведи разговор о замужестве, о мужиках, дихон. Хочу подобрать себе невесту. Поняла?

— Поняла, поняла...

Сам иду за перегородку, сажусь на баулы — заранее приготовил — устраиваюсь поудобнее, жду. Слышу, пришли, стульями елозят, рассаживаются, наливают чай, и бригадирша начинает:

— Аза, ты замуж-то когда?

— Аза, не ходи! — перебивает разведёнка.

— Почему? — девичий голос тонкий, удивлённый.

— Да все мужики дураки! На уме одно. Что ни делай, им не угодишь. И главное тебе — нельзя ничего, им — можно всё! И ещё оправдание найдут в книгах... Знала бы, никогда не вышла.

— Может, тебе просто не повезло?

— А кому повезло?!

— Мой, вроде, ничего...

Это замужняя! — угадываю я по голосу... Эсет.

— Бывает, конечно, повздорим — не без этого, но быстро миримся. С ним главное не спорить. Потом потихоньку-помаленьку делай, как знаешь.

— А часто пристаёт?

— Часто... — смеётся Эсет. — Вечером хоть поздно приедет, всё равно сигналит, сигналит... сам ворота никогда не откроет — вид не сделаешь, что спишь. Иду встречать и, бывает, не разуваясь, тащит в спальню... На ушко шепчет: «Телу — время! Потехе — час!» Уверяет, что это ингушская пословица.

— А больно?

— Только первый раз. Потом приятно... У него ещё вторая жена, мы сперва с ней всё отношения выясняли, но он предупредил: «Не прекратите грызню, возьму третью жену, вас закрою. И ни копейки вам, ни удовольствий не будет». А как дети пошли один за другим, нам уже стало не до склок...

Я сижу, всё слушаю, анализирую... Не ради любопытства — с познавательной целью.
— Свекровь как относится, свёкор?
— Уважают, подарки дарят.
— А у меня подружка замуж вышла, свёкор вечно недовольный, вечно орёт... Она два дня не решалась в туалет сходить, никак освоиться не могла — терпела.
— Поначалу и у меня было всяко, сейчас живём отдельно — проблем нет.
— Боюсь.
— Чего...
— Украдёт какой-нибудь абрек в рабство, в гарем, и реви потом всю жизнь...
— Это как повезёт.
И чешут, и чешут языком. Советуют молодухе:
— Сразу не поддавайся, а то подумает, что до него уже с кем-то была... Ревновать станет.

Порой еле сдержишься, чтоб не расхохотаться...

На другой день бригадирша следующую троицу подтаскивает:

— Пойдёмте, попьём чайку, пока начальника нету.

А начальник — на боевом посту!

«Тысяча и одна ночь», Александр, все эти сказки Шахерезады — скучное чтиво по сравнению с моим онлайн-спектаклем. У каждой девчонки в голове особый мир! Хочется ведь пооткровенничать... А между нами, девочками, какие могут быть секреты? Одна ждёт принца на горячем коне, чтобы обязательно её украл: «Значит, настоящий кьюнах! Значит, любит!» Другая верит, что отец подберёт ей достойного жениха... Пять лет я вёл эти научные наблюдения, коллектив ведь постоянно обновлялся, ротация шла. Благодаря этой исследовательской работе я подобрал себе хорошую жену. Знание женской психологии пригодилось и после женитьбы: помогал молодым найти друг друга.

— Сваха?

— Так выходит... Многих помирил, Александр. Полгода живут, год живут, дихон, потом или характерами не сходятся, или свекровь рассорит, и молодуха убегает. Я помирил...

— Как?

— Выясняю, в чём конкретно проблема? Если не могут отделиться, даже квартиру им снимал... Денег не хватает на семью, помогал мужу устроиться на работу — знакомых у меня много, сам видишь! Бывает, муж в горячке ударит: ночью вызывают не милицию — меня. «Жена ушла из дому, дети маленькие, помоги вернуть!» Причины разные... Месяц назад парень женился на городской девушке, а у них скотины полон двор: овцы, коровы, куры, лошади. Она, как сноха, должна вставать первая, ложиться последняя, вся живность — на ней, а она до замужества корову видела только по телевизору. Да ещё ребёнок появился... Мужу поставила ультиматум: или мы отделяемся, или ухожу. Муж просит: дай годик, будет свой дом. Она — ни в какую, собрала манатки — усвистала домой. Муж, свекровь, свёкор — по очереди ко мне:

— Помоги вернуть!

Я утром — к ней на квартиру, она с отцом жила. Звоню. Дверь открывают...

— Салам алейкум! К вам гости.

Впускают, делать нечего... Гости не имеют права не впустить. Я раздеваюсь, сажусь беседовать с отцом и — до отбоя, дихон, пока тот не начнёт клевать носом, из квартиры не ухожу: с ним кушаю, в шахматы играю, истории всякие рассказываю, он мне байки... О том, для чего пришёл фактически, — молчу. Никаких просьб, никаких уговоров вернуться... Я решил взять их измором... сесть на мозоль и не слезать, пока сами не выбросят белый флаг. Один день закончился, наутро я опять у них. Второй день, третий, пятый...

Ровно неделя прошла.

Они уже стали побаиваться за мою психику... всё ли нормально. Но впускали, терпели, беседовали. Я с утра до вечера у них на глазах, сижу, улыбаюсь. Квартира двухкомнатная, а там ещё женатый брат с детьми... она с ребёнком, сестра... Протолкнуться невозможно! Табор! Потому

утром уж я как сел на одно место, больше не двигаюсь. Целыми днями с этим стариком, за неделю закадычными друзьями стали. На седьмой... ровно на седьмой день старик дочку вызывает:

— Я тебя умоляю... Как отец... Хочешь, на колени встану... Если тебя будут обижать — заберу. Но остальное потерпи годик, прошу...

Ей деваться некуда.

Собралась, отвёз её назад к мужу.

Сегодня у них пятеро детей, живут отдельно в своём доме.

Живут — не нарадуются.

*

Устаз вольной борьбы

Хабар

*Настоящий мужчина не имеет цены.
Дикачу къонахчун хам баъ варгвац.*

Ингушская пословица

Султан Батыров не просто тренер и учитель — Устаз вольной борьбы.

Устаз в том смысле, что воспитатель, спортсмен, тренер, духовный наставник — в одном лице. Он оказался тем самым тренером, которого Илез Даурбеков боялся больше отца, когда тайком сбежал на срочную службу в армию. «Если б я был Султан...» Опять я пытался на себя примерить выкройку чужой судьбы и... не смог. И ещё для меня осталось загадкой: я усердно тралил Ингушетию, а Султан едва не проскочил мимо... Факт. На слуху почему-то совсем другие люди... Вот на эту тему размышления самого Султана:

— Соседка собак держит. Собирался уходить от неё из гостей, она мне: «Сидеть!» — окриком и жестом, по привычке. Я-то остался стоять — плохо поддаюсь дрессировке — а все обычно исполняют команды. Кругом нужны люди зависимые, послушные.

Как православный верующий убеждён: сам Бог подарил мне встречу с Султаном.

Это рассказ о настоящем человеке.

Однако обо всём по порядку...

Вольная борьба

В спортивном зале города Малгобека, где мы встретились, на стене скотчем приклеена ксерокопия стенограммы заседания Совета по развитию физической культуры и спорта РФ от 9 октября 2014 года в Чебоксарах. Две строчки выделены жёлтым маркером: «Существует большая разница в обеспеченности спортивными сооружениями у разных субъектов федерации: например, в Калуге 66 процентов, в Ингушетии — 8,8%».

— Я не поленился, — признался Султан, — сделал ксерокопии, раздал своим начальникам от спорта, чтоб в курсе были. Станут ли теперь утверждать обратное и опротестовывать слова Президента РФ? Обычно я захожу в республиканское министерство спорта и, подражая Маяковскому, декламирую:

Долой футбол, долой хоккей
И всё такое прочее!
Я обожаю спорт иной,
Шары в штанах ворочая!!! [1]

Улыбаются...

Они — улыбаются, а я чуть не плачу.

Мы мусульмане, но у нас корты, бассейны общие. Естественно, девочки туда не ходят — они выпали из системы физической культуры. А им рожать... Это — будущие матери, здоровье

нации. У немцев поговорка: «Воспитывая мальчиков — воспитываем воинов, воспитывая девочек — мы воспитываем нацию». Зайди в любую школу на урок физкультуры: девочки в юбках до пят, длинных платьях сидят в сторонке, смотрят, как мальчики по грязи мяч таскают. Физрук, как правило, родственник директора школы, не ведающий, что такое физкультура: в шляпе, с сигаретой во рту, в длинном плаще, в лакированных туфлях вместо кроссовок... Вот и вся физкультура. Во многих школах нет даже спортивных площадок, ни говоря про залы.

Раньше послать спортсмена на сборы было проще. Сейчас юноше нужно не меньше трёх тысяч суточных. Мужика посылаешь — до шести тысяч. Суточные: питание, размещение, медицинский контроль. Отправить одного на две недели — 60-70 тысяч. А в коммунистические времена спортсмен 300 дней в году проводил на сборах. Коммунисты знали и как правильно кормить борцов: на столах оставались икра, изюм, курага — такое питание было у спортсменов. Естественно, вольника, шестой номер, можно было везти на Европу, и он выигрывал. От правильного, сбалансированного питания очень многое зависит. Китайцы у нас переняли... А сперва-то я, как все тогда, полагал: «СССР — тюрьма народов, КПСС — партия мракобесов, и сразу, как уйдут коммунисты, наступит рай. На другой же день». Надеялся на это.

Как в том анекдоте:

Самолёт только набрал высоту, в кабину заскакивает террорист:

— Кто командир корабля?

— Я.

Убивает, задаёт вопрос оставшемуся пилоту:

— Кто командир корабля?

— Ты.

— Молодец! Правильный ответ. Курс меняю.

Когда страхи улеглись, второй пилот спрашивает:

— Если бы я ответил так же, вы б меня убили?

— И тебя бы грохнул.

— А кто б тогда самолёт повёл?

— Я так далеко не думал.

Вот это как раз про ингушей.

Абсолютно никакой прозорливости... Что будет завтра? Никто не думал.

Я тоже кинулся в омут сломя голову, и сегодня... сам видишь! сижу у разбитого корыта: обшарпанные стены, на них сантиметровой слой плесени. На днях заглянул к нам Евкуров, увидел, где тренируется сборная республики, — ошарашенный покинул зал. Основные спортсмены работают на этом порванном ковре... Нет никаких условий: ни выезда на соревнования, ни учебно-тренировочных сборов, ни медицинского контроля... Вчера, по итогам визита Главы, нащарпанные, появились строители:

— Побелим зал.

— Закрасить плесень? Не разрешу. Сперва надо до штукатурки очистить, высушить, — это я специалистам объясняю, — им лишь бы замазать, лишь бы блестело: «Смотрю — блестит, подхожу — блестит, беру в руки — сопля...» Они знают, как надо, но тогда не останется себе. У нас если два ингуша встречаются, старше, младше — без разницы, — первый вопрос после традиционно протокольного рукопожатия, дежурных расспросов о здоровье-семье... задают такой:

— Работаете?

И если ты ответишь: «Да». Второй вопрос непременно:

— Есть ли возможность дополнительно отжать? урвать? деньги сделать?

Иными словами, «воруете ли ты?»

Но ведь хотеть воровать мало, надо знать как. Учиться надо. Наши не учатся. В советские времена ингуши ездили на шабашки. Помню, в Краснодарском крае директор совхоза искал на работу главного бухгалтера и у каждого претендента спрашивал: «Сколько будет дважды два?» Кто отвечал «четыре», тех не брал. Искал того, кто ответит: «А сколько нужно?» Мой друг предложил иной вариант. На вопрос «сколько будет дважды два?» ответил:

— Семьдесят четыре.

— Почему это?..

— Пятьдесят — мне, двадцать — тебе, четыре — государству.

Сейчас государству ничего не хотят оставлять, даже «четыре». А их отдать надо, эти «четыре». Из их расчёта всё остальное строится. Наши на папины деньги получили диплом, на папины деньги купили должность, «дважды два» у них получается только «три». И ещё эти «три» они тырят. Мне по душе четверостишие Омара Хайяма:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть,
Лучше кости глотать, чем прельститься страстям,
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Это — моё кредо!

И когда остаёшься «сам на сам», всматриваешься себе в душу — чувствуешь «прав». Я распечатал это четверостишие, раздал чиновникам от спорта — своего рода тест на порядочность. Не было ни одного, кто б не скривил рожу. Беда в том, что благодаря Советской власти мы воспитали несколько поколений жуликов. У писателя Рамазана Цурова в рассказе «Край крайностей, или Кирпичи ингушского менталитета» есть забавный фрагмент: «Ингушский муниципальный чиновник так же уродлив и вороват, как и общероссийский, но отличается от него тем, что не занимается своими прямыми обязанностями вообще, если это не сулит ему какой-нибудь дополнительной выгоды, помимо зарплаты».

Воронь-ёоо — чиновничь-ёооо, — в рифму радостно промурлыкал Султан.

— Мне встречались другие...

— Не знаю, не знаю... И ещё: если на большей территории страны действует только Конституция Российской Федерации, то в Ингушетии: Конституция РФ, ингушские адаты со времён Ноя, шариат, ибо мы — мусульмане и, веяние времени, — воровской закон. Кто банкует, тот определяет: что в данный момент для него важнее, свою правду он найдёт по любому. А бедолага — как придётся... Как Вам помочь — не представляю! Вам ведь нужен позитив?!

— Только позитив! И он есть...

— Какой?

— Вы — живой, невредимый! Пройдя все передраги, исторические перипетии 90-х. (В нашей стране «жив» — уже подвиг!) У Вас есть желание работать. Глава республики лично интересуется Вашей судьбой, делами, готов помогать. Целая череда плюсов. У Вас сказочно-огромный авторитет среди молодых спортсменов. Всё это дорогого стоит... Этого не купишь, не достанешь по блату, не получишь по наследству... С Вами Бог!

По всему видно, Султан не ожидал такого поворота и смягчился:

— В сентябре этого года исполнится ровно сорок лет, как получаю зарплату тренера. Результаты на самом деле есть.

— Вот!..

— Может, просто настроение сегодня дурное... Когда расположение духа неважное, объясняю неудачи в работе плохой материальной базой, когда хорошее — своими недоработками. Ещё держу в поле зрения воспитанников из соседних регионов, сравниваю... Дагестанские ребята, борцы, очень работоспособные. Тренер заканчивает тренировку, уходит из зала — они одни, без понуканий, в два раза больше работают. Их министр спорта как-то признался: «Если сторож отдаст ключи от спортивного зала — тренер может не приходить. Сами выберут себе старшего, сделают разминку, с усиленной нагрузкой отработают тренировку». Такие они... Здесь нет. Здесь так не прокатит. Здесь построил, дал задание... А что значит «дал задание»: предельно заострил внимание, несколько раз популярно объяснил необходимость именно этой программы, вышел в раздевалку или отвернулся — всё... Идрис залез на канат, Ахмед хочет достать ногами Михаила...

— Романтики? — предположил я.

— Центральная нервная система... Да, да... Центральная нервная система.

В исламе существует такое понятие «сабр». Одним словом не объяснишь — это терпение, стойкость, решимость, настойчивость, постоянство. Так вот этого «сабра» ингушам при делёжке

не додали... И это объяснимо: нас постоянно то в ссылку отправляют, то заживо жгут, то по голове стучат тяжёлым... Не дают сосредоточиться, выковать постоянство.

Кирпичики ингушского менталитета

— Не понимаю ингушей, которые восторгаются своим дворянским происхождением.

— ?

— Да, сейчас некоторые с гордостью заявляют: «Мы были дворянами!» Чем кичатся? В Ингушетии никогда не было сословий. «Свободный независимый ингуш» — какой статус может быть выше этого? У нас был институт уважаемых старцев «большие люди». Вот эти «большие люди» решали всё. После присоединения к России общественный институт исчез, потерял своё значение. Старцев заменили люди служивые, назначенные царём — не выбранные. Уже к ним стали обращаться. А что такое «дворянин»? — человек при дворе у князя, у царя. Плебей! Зависимый от властителя человек, козырная, но «шестёрка». У древних ингушей — Совет старцев — Мехк Кхел, который выбирался самим народом и распускался самим народом. Их решения не обсуждались — выполнялись. Хотя у них не было аппарата подавления, не было милиции-омона, чтобы навести порядок. Единственный рычаг — увещевание. Однако и тебе самому нужно было жить в обществе, поэтому ты вынужден был исполнять решение Совета страны, чтоб не стать изгоем.

Но ингуши пошли за большевиками, свергли царя.

Ингуши поддержали Советскую власть массово. Безоговорочно.

Я не знаю, кто подбросил нам коммунистическую идеологию, но сейчас понимаю: сделали это, чтобы лишить ингушей завтрашнего дня — сто процентов. Как только ты записался в партию — стал безбожником, не успели чернила просохнуть. Нормальные люди туда не шли — шли те, кто наплевал на молву. Такой человек наплюёт на что угодно. Они выучили своих сыновей, те — своих сыновей, и теперь эти жулики нами управляют. А в той России, которую мы называем паршивой, царской, для мусульманских героев — офицеров, солдат — были особые, адаптированные воинские награды Российской империи, без креста. Ты не ищи логики в моих словах, Александр. Её нет там. Я — сын своего народа. Однажды слышал, как ингуш утверждал:

— Наш род произошёл от Ноя.

— Но у Ноя много сыновей, вы от которого?

Он зло сверкнул глазами:

— Непосредственно от Ноя.

Они не хотят быть потомками сыновей, соглашаются только от самого Ноя. Иногда это граничит с «манией величия». Несерьёзно. У меня есть козырная карта: мы все — человеки, мы все — от Адама.

— Надеюсь, ты говоришь не о Главе администрации Малгобекского района? — уточнил я.

— Нет, он слишком молодой.

После обеда посылаю детей: «Помойте свою посуду!» Племянник сполоснул чашку, взметнул над головой, как знамя, летит с вестью:

— Моя часка самая чистая! Моя часка самая чистая!

Букву «ш» не выговаривает, но мнимое первенство не уступает.

Вот от этого мы никак не можем отделаться. Не знаю, откуда эта особенность... но она сохраняется, переходит из поколения в поколение. Уверяют, мы тут — ни при чём. Штрих такой к национальному портрету!

Кого угодно ты на свете обвиняй,
Но только не меня, прошу, не меня. [2]

— Точно!.. У одного ингушского писателя есть рассказ: во время высылки молодой горец вступает в неравный бой с карателями, не сдаётся и прыгает в пропасть. Последнее, о чём он подумал: «Как нелепо я лечу...» Он не подумал о Боге, о родственниках, об истерзанной Родине. Представь себе!.. Так мог написать только ингуш. У нас даже анекдот есть по этому поводу.

Река Асса потоком сбила ингуша с ног, несёт его в бурных водах, колошматит головой о камни, о корни... Он тонет, впору орать: «Караул! спасите! помогите! тону!» — и вдруг замечает на берегу приезжих. Ингуш собирает всё своё мужество в кулак, будто не его несёт своенравная река, а он её, принимает осанку и с непроницаемым лицом интересуется:

— Парни, чем могу вам помочь?

Если ингуш свалится с небоскрёба, то не станет орать, пролетая мимо ошарашенных зевак в окнах, — сделает вид, что тренируется. Ингуши — рискованный народ, всегда непокорные. Хорошо зная породу своих соплеменников, я, на старости лет, предпочитаю стоять под окнами роддома, а не тюрьмы. Потому я больше радовался появлению дочек, чем сыновей.

Дух у них мятежный...

А как иначе?

В Казахстане невозможно было выжить, оставаясь приличным человеком: приходилось убивать, воровать, грабить. У Идриса Базоркина в романе «Из тьмы веков» дана точная характеристика моего народа: «Трудолюбие, вечная борьба за кусок хлеба, взаимная поддержка в течение веков выработали в ингушах презрение к попрошайкам, бездельникам и лентяям. Они всегда были очень бедны. Но многие из них готовы были нищенству предпочесть голодную смерть. А голодной смерти — разбой».

И ещё старики говорили: «Если на обрубок дерева надеть милиционерскую фуражку, то этот обрубок дерева попал бы в ад». Такой беспредел творили власти.

В те времена начальником НКВД у нас в республике служил такой Погибов.

Приезжает он к начальнику милиции в Орджоникидзевскую, учиняет разгон:

— Осман, чё сидишь? У тебя на участке в горах абреки — сыновья Бай-Мурзы распоясались. Давай, поднимайся, поедем в горы, заберём их, ещё полазим, заодно посмотрим, почистим горы... Давай, чего сидеть? Я солдат взял.

Александр, веришь-нет, Осман мне сто раз об этом... уши прожужжал! но каждый раз при встрече по новой уточнял: рассказывал или нет?

— Доезжаем, — говорит, — мы до Галашек, там нас щедро угостили: зарезали барана, напоили до чёртиков... Вспомнил Погибов про службу и пошёл впереди всех в горы по узкой единственной тропе. Растянулись мы длинной вереницей, коней на поводу ведём. Добрались до первых башенных развалин: на камнях мальчонка сидит, укутавшись в плед, овечек пасёт. И тут начальника после сытного ужина потянуло в туалет. А сортиров тогда не было, иначе всех абреков уже в те времена замочили бы в них. Отдал мне поводья лошади:

— Осман, поддержи, — сам пристроился под грушей.

Оправился, встал повеселевший, галифе подтягивает и мальчугану кричит:

— Пастушок! Пастушок! Иди сюда.

Мальчишка безропотно пошёл на зов, прыгает с камня на камень, приближается. Смотрю, что-то больно ловко он прыгает, хоть мальчик ли это? Закралось какое-то нехорошее у меня...

Погибов ему:

— Ты случайно тут не видел чужих людей?

Тот резко скидывает плед... А это один из сыновей абрека Бай-Мурзы.

— Чужим здесь делать нечего. И ты сейчас своё добро собери и проваливай!

Я только потянулся к нагану, он сразу:

— Осман, ещё раз шевельнёшься, прострелю голову и тебе, и этому ослу! — а стреляли дети абрека без промаха. Револьвер направил на Погибова: — Собирай живо!

Тот стал лопухи рвать...

— Руками, руками!

Делать нечего, всё сгрёб, набил карман комиссарской кожанки своим ослиным дерьмом — карманы у них вместительные — и мы задом, задом, оглядываясь, спустились по тропе к солдатам, развернулись и... «пошли они, солнцем палимы» в обратный путь, до Галашек. Оттуда я поехал к себе в Орджоникидзевскую, а он в «Насрань» — так с тех пор называю я этот славный город.

До самой смерти Осман, как выпьет, всякий раз допытывался: «Я тебе рассказывал, как мы с Погибовым поймали сына Бай-Мурзы?»

— Ингуши разные, — вставил я свои три копейки. — Каждый мечтает об уважительном отношении, мечтает о любви... А то, что любят прихвастнуть... Так мне самому — дай похвастать, хлебом не корми. Это защитная реакция человека: если нет очевидных плюсов, человек пытается ущелье заполнить дымом. На Кавказе на сей счёт есть две пословицы: «Пустая бочка сильнее гремит», «Налитый колос склоняет голову к земле, а пустой горделиво топорщится».

— Верно! — Султан хрипло рассмеялся. — И ещё отец говорил: «Хороших людей больше, но плохие лучше организованы». Не знаю... Может, веры нам не хватает?

Не только ингушам — всем нам?!

То, что сегодня на земле идут войны, — это язычество, непочитание Бога. Как бы разжигатели себя ни величали, ни позиционировали, в какие бы одежды ни рядились. Красивыми лозунгами прикрываются, но ничего божественного в них нету: «Опять эти проклятые апачи! Вали на серого!» Кто громче всех кричит — и есть язычники. Для таких самое последнее дело признать свою вину. Люди, верующие в Бога, в его могущество, не станут воевать. Это не природный страх — вера в Бога, вера в Его милосердие, любовь. Стыдиться веры — значит, стыдиться добра. Верующий человек почитает Бога, как своих родителей, выше даже... ты можешь довериться ему всецело.

Хотя ингушей тоже трудно назвать миротворцами...

Раньше существовал такой порядок: если хозяин нанимал мастера для ремонта родовой башни, он обязан был сперва его сытно накормить, только потом отправлял на леса, на высоту — работать. Если ремонтник упадёт с лесов голодный — виноват хозяин (ему тогда с тейпом погибшего не рассчитаться), если сытый — виноват мастер. А ингуши по натуре заводные, и, умирая, каждый мечтает, что за него отомстят. (Даже если в смерти виноват сам.) И вот один шабашник наелся у хозяина до отвала, стоит на лесах, ковыряет спичкой в зубах, равновесие не удержал и свалился с башни... Летит и на всю округу вопит:

— Со меца ва! Со меца ва! Со меца ва! Я голодный!..

За компанию с хорошим человеком ему веселее отправляться на тот свет.

А возможно, вся проблема в том, что мало осталось настоящих мужчин. Повымерли, повыбибли их... Повыветрились. У нас строго разделяется «мужчина» и «особь мужского пола».

Мужчина — это къунах. Расстояние от него до святого — один шаг.

Знание — сила!

— Александр, рассказывать об Ингушетии, стоя в обшарпанном спортзале, — безвкусица!

— Моветон.

— Он самый... Поедем в горы, к нашим родовым башням и там, на природе, с шашлычком из молодой баранины, продолжим.

— !

— Пусть не родиться, не жить в этих башнях — хотя бы думать в их присутствии, беседовать, и мысли в голову придут особые... глубокие, достойные.

Ученики Султана настойчиво предлагали любимому тренеру услуги, но он сам! сел за руль и повёз меня в горы... Вёз, ни на минуту не переставая открывать всё новые и новые грани Ингушетии. Нас никто не отвлекал, не досаждал, не мешал сосредоточиться на беседе...

— Мой отец всегда объяснял: «Когда свершилась революция, все, кто лужгал семечки на центральных площадях, все пошли во власть и получили свою долю». Старики рассказывали:

Председатель сельсовета и бухгалтер селения Инерки прибыли в столицу молодой Горской республики Владикавказ. Их спрашивают в канцелярии:

— Откуда вы?

— Из селения Инерки.

— Получите деньги для малоимущих.

Получили они деньги и один другому шепчет:

— Кроме этой русской женщины, ведь никто не знает: дали нам деньги или нет. Что она понимает?

— А если настучит?

— Откуда знает, кто мы такие? Давай деньги разделим!..

Проходит полгода — их пропечатали в передовице.

Один к другому приходит с газетой:

— Полюбуйся, что про нас пишут... Что делать?

— Кто ещё видел эту газету?

— Никто.

— И никому не говори, а я спрячу её так, что никто не узнает. Под подушку.

Только разошлись довольные, к бухгалтеру приходит сосед с газетой:

— Про вас такие нехорошие вещи написаны.

— Откуда знаешь?

— Читал.

— Как ты мог читать, если газета спрятана?

— Вот она.

Бухгалтер хватается газету, бежит к председателю:

— Беда! Смотри, кто-то украл твою газету и показывает людям.

Вот такие люди попали во власть.

А может, не надо переживать, не надо созидать?! Плыть по течению и плыть. Но как тогда БЫТЬ?..

— «To be or not to be?» Мне нравятся размышления на эту тему Аксакова [3]:

Зачем душа твоя смирна?
Чем в этом мире ты утешен?
Твой праздный день пред Богом грешен,
Душа призванью не верна!
Вокруг тебя кипят задачи,
Вокруг тебя мольбы и плачи
И торжествующее зло,
А ты... Ужель хотя однажды
Ты боевой не сведал жажды,
Тебя в борьбу не увлекло?

Ты возлюбил свое безделье
И сна душевного недуг.
В пустых речах, в тупом веселье,
Чредою гибнет твой досуг.
На царство лжи глядя незлобно,

Ты примиряешься удобно
С неправдой быта своего,
С уродством всех его увечий,
Не разъяснив противоречий,
Не разрешая ничего!

Пред Богом ленью не грехи!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всем пылом дерзостным души!
Освободись в стремление новом
От плена ложного стыда,
Позорь, греми укорным словом,
Подъемля нас всевластным зовом
На тяжесть общего труда!

Безумцем слыть тебе у всех!
Но для святости убежденья
Полезней казни и гоненья,
Чем славы суетный успех.
О, в этой душной нашей ночи,
Кому из нас бесстрашной мочи
Достанет правду возлюбить?
Кто озарит нас правды светом?
Одним безумцам в мире этом
Дано лучей её добыть!..

— Сильно! — Султан погладил бороду рассеяно глядя по верх гор.

И вновь глаза озорно вспыхнули:

— Другие не уважают — можно переехать, поменять место жительство. Сам себя не уважаешь — никто не поможет. Ты себя знаешь лучше, чем кто-нибудь. Сделай так, чтоб, оставшись в одиночестве, признался: «Я сделал всё, что мог!» Тогда Бог будет с тобой. Если иначе — вставай в общую очередь и не обессудь, коли очередь до тебя не дойдёт. Нельзя успокаиваться, надо трудиться, рвать зубами... Грызть гранит науки! Именно «грызть»! — не просто кушать... С элементами фанатизма! — не спустя рукава относиться к делу. Только так можно добиться значимого результата. Избрать цель и к ней идти, зная, что за все деяния придётся ответить. Не надо убаюкивать себя, что, может, не придётся отвечать. За всё придётся. Из твоего марева грехов никто и капли не возьмёт на себя, в твою могилу никто другой не ляжет. И ты не сможешь никого заменить. Каждый за себя, индивидуальная ответственность за содеянное.

И мне нравится, что так — пофамильно — не списком.

— «Человек краснеет в одиночку».

— Да, не отмажешься: «мы с товарищами посоветовались и решили...» Нет, брат. Ни подельнику, ни соратнику, ни маме, ни начальнику твоя краска стыда на лицо не перекинется, как зарево. Ни «мохнатая лапа», ни деньги, ни обком партии, ни всеильные родственники за границей — не помогут. А знание — действительно сила.

Сила не только одолеть другую силу. Знание даёт силу быть человеком.

Я никогда не выигрывал в споре с невежественными людьми и никогда не проигрывал в споре с мудрецами — всегда для себя получал от них что-то полезное. Первая книга, прочитанная в детстве — «Подвиги Геракла». Как сейчас помню иллюстрации: в колыбели младенец Геракл душил двух больших змей, посланных Герой, чтобы умертвить его. Я, как пел Высоцкий, «нужные книжки в детстве читал». А сейчас смотрю на детей — даже сказки не читают. Аллах поставил печать на их сердца и взоры их закрыл завесой. В первый класс я летел радостный, вместе со старшим братом, поскольку читал лучше его, но, когда узнали, что мне пять лет, выгнали из школы. Выгнали в первый раз.

— ?

— Да, Заслуженному тренеру России непедагогично признаваться в этом, однако был и второй. У нас директор школы нарушителей дисциплины — если какие-то отклонения усматривал, — бил по голове кулаком. Дошла очередь до меня... Не больно, но как он посмел?

Негодяй!

И я предупредил:

— На первый раз прощаю, но в следующий... ты горько пожалеешь. Смотри! Я не позволю обращаться со мной, как с другими.

Директор не ожидал такой реакции, растерялся и, по-моему, был напуган.

Он ничего не сказал, а на следующий день вызвал в кабинет для беседы и предложил:

— Если ты сейчас уйдёшь из школы, выдам тебе табель, подтверждающий, что ты хорошо учился. С этим табелем поступишь в вечернюю школу, десятый класс закончишь там. Уходи по-хорошему. Не баламуть народ.

И я шагнул за порог школы в самостоятельную жизнь. Шагнул уверенно, никогда не повторив педагогической ошибки директора. Я всегда уважал человека и высоко ценил знания. Помню, ехали на сборы в Крым. Поезд, духота, мои ребята заняли половину плацкартного вагона, я сижу чуть в отдалении, дремлю. За стенкой два старика и женщина лет пятидесяти распалываются:

— Ну, может из вас хоть кто-нибудь назвать города-герои?

Тишина. Гробовая тишина в ответ...

И тут наш Жорик вызывается:

— Я могу.

— Назови.

— Москва, Ленинград, Сталинград, Тула, Мурманск.

— И всё? — старик ехидно рассмеялся. — А Брест, Минск, Киев, Новороссийск, Севастополь, Одесса?..

И тогда этот мальчик тринадцати лет ему отвечает:

— Не может быть город героем, если он сдался врагу.

Старик ни звука больше не проронил. Молчал до самой конечной станции. А я, довольный ответом воспитанника, снова задремал. Женщина только никак не могла уговориться:

— Вы что, не русские?

— Не русские.

— Я в русской школе на Украине преподаю язык, литературу и не слышала за всю свою практику, чтобы дети так чисто, с такими красивыми речевыми оборотами изъяснялись.

Невежество — извечный наш недуг.

Лет десять назад в горах бесхозным было всё: родовые башни и могильные склепы открыты, туристы шакалили по всем закуткам в поисках сувениров. Поднимаюсь один раз к башням в Хамхи, мимо — туристическая группа — пеший маршрут в Вовнушки. Основной состав прошёл, а какой-то ушлый мужичок у могильника крутится. Я ближе, поинтересоваться... А он уже вытащил череп из усыпальницы, отбивает лишние кости.

— Ты чего делаешь?

— Хочу пепельницу смастерить.

— Как пепельницу?.. Это ж... останки человека!

— Ну и что?

— Какой ну и что?..

Дал ему в ухо, он скатился в могильник и как раз группа возвращается. Сдал этого бедолагу им на поруки и решил, заодно, прочитать короткую лекцию:

— Скифы, когда кочевали по этим землям — оставляли за собой могильники, где хоронили своих воинов в богатом убранстве, с оружием.

Туристы стоят пересмеиваются меж собой, женщины в основном.

— С тех пор местные дикари-туземцы эти могильники ни разу не тронули, не нарушили покой усопших, считая подобное святотатством. Так это было в третьем веке нашей эры. Вы же, бляди, живёте в XXI, небось ещё высшее образование получили... Какие пепельницы вы хотите делать из человеческих черепов?! Это вам что, Майданек? Как не стыдно? А?!

Перестали хихикать, притихли.

Невежество, жлобство и в спорте абсолютно недопустимы.

Я прививаю своим ребятам уважение к другим людям, благородство. Возможно, не прав... У меня каждый раз скребут на душе кошки, когда мой ученик не добывает соперника, получившего травму, а проявляет великодушие... иногда ценой победы. Рабочие моменты, в вольной борьбе случаются. И я каждый раз чувствую себя виноватым: это я его учил так поступать. Проходит время, вроде нужно сделать выводы, пересмотреть свои взгляды... возраст обязывает... но я опять за своё, опять возвращаюсь к тем же советам. Не получается! Для меня главное воспитать достойного человека, потом уже выдающегося спортсмена. Когда интересуются: «Почему не одёргиваете детей, не требуете, чтобы они к Вам обращались по имени-отчеству, Султан Магомедович?»

— Я не достоин того, чтобы моё имя произносилось вперёд имени моего отца.

Уважение не в этом заключается и не от этого зависит. Сам не будь хамом.

И негоже учителю бить школяра кулаком по голове...

В последнее время бить по голове друг друга стало модным. Завоёвывают популярность «бои без правил», «кикбоксинги» всевозможные, ударные — по голове! — виды спорта. Смешные единоборства! У меня приятель отбывал срок, делился впечатлениями:

— Когда из тюрьмы на зону перевели, первое, — говорит, — что увидел: двух дерущихся. Один другого хотел припечатать чугунной пепельницей по голове, второй уворачивался как только мог. И вдруг выплывает из какого-то закутка тщедушный старикашка... сухой-сухой... худой-худой, в руках оловянная тарелка, чашка с кипятком... Пружинистой крысиной походкой пытается прошмыгнуть мимо драчунов — не получается. Он голову в плечи втянул да как заверещит:

— По голове его не бе-еей!

О, Аллах! — восхитился я поступком старца, — оказывается, и в тюрьме есть люди, готовые вступить за слабого. Но не успел я порадоваться за высокий моральный облик старика, как он закончил свою фразу такими словами:

— ...Только по голове не бей! А то... срать будет, где попало.

— Голову человека надо беречь, — назидательно произнёс Султан, — Плохо будет всем... окружающим в том числе. В благополучной Европе уж до чего развит футбол... Однако они категорически запрещают на тренировках детям, юношам играть головой — для этого есть специальные лёгкие мячи. Они берегут головы граждан. Когда в нашем государстве головы станут беречь, ценить их, оплачивать... вот тогда и у нас наступит благоденствие.

Размышляя о сказанном

Боюсь, не расценят ли этот эпизод в книге как скрытую рекламу грандиозного шоу Ингушетии «Битва в горах» — «Бои без правил М1»?

Рассказ Илеза Даурбекова о наставнике

— Султан — образец Къунаха!

Султан не просто Заслуженный тренер России, в Малгобеке не отыщете человека, кто бы не тренировался у него. Тысячи учеников, несколько поколений! Самые талантливые становились чемпионами Европы, мира. Он воспитал не только меня, но и моего отца. Он сделал из отца мастера спорта. Равного ему человека я не видел в России. Тысячи учеников, и к каждому Султан находит индивидуальный подход. Да разве одним спортом он занимается с нами?.. На каждом построении минут десять посвящает истории Ингушетии: сегодня одному вопросу, завтра

другому... Я после службы в армии первым делом поехал не к отцу с матерью — к нему — потом только домой.

Однажды наш парнишка готовился выступить на чемпионате России и внезапно на тренировке, за две недели до начала соревнований, сломал руку. Султана в тот миг не оказалось, мы повезли пацана в больницу, гипс наложили. Возвращаемся в зал: мы — продолжаем работать, он — садится на скамейку. Куда со сломанной рукой? Любому ясно. Заходит Султан, увидел гипс:

— Это что такое?

— Руку сломал.

Словно не слышал, спрашивает опять:

— Это что такое?

— Гипс.

Берёт ножницы, срезает, выбрасывает в урну. Клянусь! Зимой было... Честное слово. Заходит в парилку с ним. Что там делал, не знаю, до сих пор понятия не имею, как вылечил?! Закрепил две деревяшки: по очереди прикладывал то холод, то в сушилку заводил, то в парилку. На двенадцатый день пацан поехал на соревнование и выиграл чемпионат России. Первый Президент Ингушетии Руслан Аушев про Султана Батырова говорил: «Единственный человек, которого встречаю в своей жизни, кто не желает быть чиновником. Каких только должностей я ни предлагал! На всё у него один ответ: помогите воспитывать ребят, растить чемпионов, больше ничего не надо!»

У нас бывали курьёзные случаи... Один спортсмен никак не мог на соревнованиях по вольной борьбе в Малгобекском районе подняться до третьего места... На районных соревнованиях! Родственник в частном порядке его спонсировал, он переехал в другой регион и, выступая за их команду, стал чемпионом Советского Союза. Так легче! Вернулся домой — опять районные соревнования, снова участвовал, и снова — призовые места не по зубам. У нас такие сильные спортсмены, такие волчары... просто денег нет выезжать на сборы, турниры, чемпионаты. Денег у Султана не хватает... Вот главная беда. Если бы нашему тренеру бесперебойное финансирование, он бы этих чемпионов штамповал.

А ещё он художник и патриот: именно Султан — автор символики ингушского флага, участвовал в разработке герба.

— И всё?

Примечания:

[1] Народные частушки;

[2] Дербенев Л.П. «Этот Мир»;

[3] Аксаков Иван Сергеевич, публицист, поэт.

*

Два клика

Ахи

Ингушская курица заклевала не одного орла!

Ингушская поговорка

Франсуа Вольтер советовал: «Прежде, чем сочинять своё, лучше прочитай, что об этом писали древние греки». Полезный совет... И перед тем, как садиться за книгу, я решил изучить всё, что до этого написали о Стране башен сами ингуши. Это снижает вероятность ошибок, откровенных ляпов. Однако где взять такой объёмше литературы? Приобретать в магазине — уйдёт состояние олигарха. Ну, допустим, купил, куда дальше с этой колонной фур (в один КАКМАЗ книги просто не влезут). Сидеть штудировать в читальном зале — уйдёт жизнь.

Интересный опыт изучил в Абхазии: во время вооружённого конфликта с Грузией у них уничтожили весь архив, и ценные, раритетные издания безвозвратно погибли для потомков. Что сделало руководство Абхазии первым делом, после того, как выстрелы смолкли? Они решили оцифровать произведения всех писателей абхазских, неабхазских, литературу историческую, краеведческую, художественную, религиозную — всю, где хоть одним словом, намёком упоминается их родина. Оцифровать и... выставить для всего мира, бесплатно, без всякой регистрации-мороки. (Десять лет назад я поступил так со своими произведениями...) Для этого им пришлось купить один компьютер, один сканер и отрядить одного сотрудника Института гуманитарных исследований. За год «чел», не торопясь, оцифровал ВСЕ издания и разместил их в открытом доступе на ресурсе «Абхазской интернет-библиотеки», став одновременно её администратором. Этого молодого человека зовут Алексей Дбар, мне посчастливилось лично познакомиться с ним! Физические объёмы колонны грузовиков с литературой он ужал до одного выносного диска в 2 терабайта (выносной диск — такая коробочка, размером с сигаретную пачку).

А в Москве, «в сгоревшей библиотеке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) оцифровку прошли только 7 тысяч книг из 14 млн (0,05%)». Некоторые книги были в единственном экземпляре в мии-ире! (Считай, погибла вторая Александрийская библиотека) [1]. Зачем такое счастье ингушам?

Если верить Штирлицу: никто ничего не понимает с первого раза, запоминают лишь последнюю фразу. Поэтому повторяю: для того чтобы оцифровать всю литературу по Абхазии, правительству понадобились воля, один компьютер, один сканер и один сотрудник сроком на год! Всё.

Теперь абхазской литературой может воспользоваться по интернету — удалённо то есть — абхаз, проживающий в США и Германии, и даже не только абхаз, и даже не только в Германии.

Понятно, аналогичный вариант искал в Ингушетии. К тому же я искренне верил и сейчас продолжаю: иметь такое хранилище знаний, культуры, искусства, литературы в интернет-доступности для ингушей важно. Мало ли у них гибло фолиантов в годы Чеченской войны, мало ли уничтожили целенаправленно войска НКВД в 44-м, а сколько манускриптов, Коранов сожгли красные ингуши в первые годы советской власти в мечетях...

Выручил как всегда, Махмуд:

— Поехали.

— Куда?

— Поехали, увидишь!

Заинтригованный, я плюхнулся на пассажирское сиденье и замер, предвкушая.

А Махмуд, собака, молчит, сохраняя мхатовскую паузу. В итоге привёз меня в столицу Ингушетии, город Магас, и картинно подвёл к цветастой цилиндрической тумбе (на таких в царской России расклеивали объявления о приезде цирка).

— Вот.

— Что...

— То, что ты хотел... — Махмуд светился гордостью за Ингушетию, за свой талантливый народ.

— И? — не понимал я.

— Так вот библиотека, о которой ты прожужжал все уши.

Клянусь мамой, я чуть не разрыдался от досады...

— Махмуд, дорогой, это как раз тот случай, когда нужно не «зажигать», а «тушить».

— Что не так?..

— Попробую объяснить: в электронной библиотеке ассортимент — тридцать, от силы пятьдесят наименований, причём, среди них нет краеведческой литературы. Это никак не равняется государственному интернет-ресурсу с десятками тысяч авторов, которым можно воспользоваться даже верхом на лошади прямо из Джейрахского района или из штата Техас. Причём воспользоваться двумя кликами... «Электронная библиотека» в XXI веке... как бы тебе объяснить доступнее... Это — счёты пятого поколения! Махмуд, помнишь счёты с деревянными костяшками?

— Да.

— Ну вот, а эти цветные, большие... с лампочками... но всё одно — счёты.

— Поехали.

— Куда опять?

— В Национальную библиотеку Республики Ингушетия, прямо к директору. Там ты в два клика сможешь скопировать всю нужную литературу.

— Другое дело.

На душе у меня посветлело... Благо, мы явимся туда не в качестве беспризорников: на руках у меня «подорожная» от Правительства Республики Ингушетия. Уау!

...

Мы достаточно быстро покинули кабинет директора Национальной библиотеки. На улице я перерыл все свои карманы в поисках флешки или диска с электронным вариантом книг ингушских писателей... однако ничего не обнаружил.

— Махмуд, тебе никакого диска не дали?

— Нет.

— Вот тебе и «два клика»... «Наверное, не туда нажал», — решил я.

— «Ты — женщина, и этим ты права» [2], — философски заметил Махмуд.

На приёме у Главы Республики Ингушетия, Героя России Юнус-Бека Евкурова, я озвучил свою идею о создании ингушской интернет-библиотеки.

— Идея хорошая, но запоздалая... У нас в Национальной библиотеке давно все книги оцифровали, и там Вы сможете подобрать любую литературу. Раз нужно для работы, какие проблемы...

Действительно: какие могут быть проблемы, если сам Глава республики пообещал помочь. О том, что первая попытка была неудачной, я деликатно смолчал. Одно дело возможности Махмуда, совсем другое, когда подключается Легендарный Юнус-Бек, которого враги в страхе прозвали Ужас-Бек.

Но и в этот раз я рано праздновал победу...

Руководитель пресс-службы, которая взялась исполнить поручение Главы Республики, в назначенное время не отзвонилась, а потом и вовсе перестала брать трубку. И тут, на радость! я

вспомнил русские сказки: ни в одной из них билинный герой не решал проблему, не побеждал коварных врагов, не доставал жар-птицу с ходу. Только с третьей попытки...

Ну с третьей, так с третьей...

Вы можете не поверить, но на другой день на приёме у Председателя правительства я вновь озвучил лишь одну просьбу: получить для работы над книгой об Ингушетии — не для коммерческих целей — цифровые копии национальных изданий.

— Нет ничего проще!

Писательская просьба была столь мала, что Абубакар Мальсагов снисходительно усмехнулся и нажал кнопку внутренней связи. А затем Председатель правительства выделил мне служебную машину, порученца, и мы, с Богом, отправились... Проезжая мимо повизгивающего Махмуда, я на пальцах показал: «скоро вернусь».

...

Махмуда не обманул.

Мы действительно вернулись быстро.

Неожиданно быстро.

Считанные секунды мы провели с порученцем Председателя правительства в кабинете директора Национальной библиотеки Республики Ингушетия и... оказались на улице. И опять, не веря своим глазам, я вывернул карманы, перетряхнул в поисках электронного носителя рюкзак и... опять ничего не нашёл.

— Вы не брали?

— Нет.

— Вот тебе и «два клика»... «Наверно, опять не туда нажал».

Ох, и поиздевался же надо мной Махмуд, ох, и посмеялся:

— «Нет женщин – / есть антимужчины!» [3].

— «Над кем смеётесь?..» Нет, что-то тут не так... Нужно сделать доступ к литературе свободным, убрать швейцаров, церберов на входе. Фёдор Достоевский понимал это очень хорошо: «Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтёт себя вправе смотреть на вас Юпитером ... “Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть...” И это в них до административного восторга доходит» [4].

— Александр, клянусь, не мог поверить, что такое возможно. У тебя получилось точь-в-точь, как в советском анекдоте. Помнишь?

В СССР объявили месяц вежливого обслуживания...

Продавцам запретили говорить населению «нет»: «Как угодно выкручивайтесь, но чтобы покупатели отказа не слышали». И заходит мужик в магазин, где всегда прилавки пустые, интересуется:

— Нет ли у вас перчаток?

— Есть. А какого цвета Вас интересуют?

Мужик охренел — сроду не было вообще никаких, тут на выбор, ещё и цвет по вкусу!

— Ну, допустим, коричневые.

— А какой из оттенков? С чем именно носить будете?

— С пальто.

— Принесите Ваше пальто, мы подберём под колер точнее.

Мужик не верит своим ушам: «Вот это сервис, невероятно!»

И тут выныривает из очереди мужичок:

— Да не слушайте Вы их!!! Я уже унитаз приносил и задницу показывал, а туалетную бумагу так и не продали!!!

Махмуд зашёлся смехом:

— Если б мы в сорок первом защищали границу СССР с таким ожесточением, как в ингушской библиотеке отбиваются от читателей, враг бы никогда не ступил на нашу землю...

Признаться, сперва мне было не смешно.

В душе я даже возмущался, стыдно сказать, гневался на оригинальную ингушку.

А потом вспомнил реплику Султана Баширова о женщине — депутате Народного собрания Ингушетии: «Ты представляешь, Александр, она заявила: “Если бы я была мужчиной, то не носила б штаны, потому что вы носите их!”. Вот это огонь! Это амазонка!!!»

Мне просто сказочно повезло!.. Я мог годами жить в Стране башен, так и не постигнув характер горянки, если б не моё знакомство с легендарной библиотечаршей.

Вы сами только на секундочку представьте картинку...

Весы: на одной чаше — я со своим страстным желанием писать об Ингушетии, плюс Председатель правительства, назначенный Москвой, с порученцем, властью, аппаратом подавления народных волнений, плюс Глава республики, избранный народом, боевой генерал ГРУ — Герой России, перед которым трепещут враги, а на другой... Ингушка плюнула на пустую чашу весов и... не просто перевесила её — катапультной закинула всех мужиков куда-то далеко-далёко...

Более того, слюна разъела и чашу, и сами весы.

Слава амазонкам!

Примечания:

[1] «Интерфакс». /epochtimes.ru/ 03.02.2015.

[2] Брюсов Валерий Яковлевич, поэт и ученый, основоположник русского символизма;

[3] «Антимиры» Андрей Вознесенский;

[4] Фёдор Достоевский «Бесы».

*

Войны Империй

Хабар

*Кто поспевает за изменениями жизни, тот выигрывает.
Зама хувцяларга хьежжа цунца тайнар котваьннав.*

Ингушская пословица

«Дети сейчас другие! Мы были лучше! Отходят от наших традиций, забывают язык предков, не соблюдают обряды! Не оттащить от компьютера!» — сетовали в разговорах со мной ингуши. И такие разговоры идут по всему миру, не только в Ингушетии.

Вот несколько цитат:

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, насмехается над начальством и несколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами; они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие»;

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмёт в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна»;

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек»;

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времён. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

Как вы думаете, какому времени принадлежат эти цитаты?

Не буду томить...

Первая заимствована у Сократа (470-399 гг. до н. э.); вторая у Гесиода (ок. 720 г. до н. э.); третье изречение принадлежит египетскому жрецу, жившему за 2000 лет до н. э.; четвёртая обнаружена совсем недавно на глиняном горшке, найденном среди развалин Вавилона. Возраст горшка — свыше 3000 лет.

Вот-вот...

А что, если ошибаемся мы — не дети. Вдруг это у нас заржавели мозги, может мы упёрлись в тупик, зациклились.

— Проблема эта вечная, — уверен Махмуд. — И всегда отцы, если их послушать, лучше своих детей, отцы отцов — так те вообще богатыри. Все хаот отпрысков: «В наше время было лучше». Хотя на том основании, что пацаны сейчас не бегают купаться на озёра, как мы, не лазят по чужим садам, не воруют вишню, как в годы моей молодости делали абсолютно все, нельзя же утверждать, будто дети стали хуже.

Молодёжь слышит время!

В горной Ингушетии я познакомился с двумя яркими представителями этой самой молодёжи, и был приятно поражён. Зияутдин Гурадев и Саит Илиев до сих пор много времени посвящают компьютерным играм... Я уже собирался им объяснить, что компьютерные игры меня не интересуют, мне нужен этнографический материал, примеры, характеризующие дух ингушей, их менталитет, характер... но решил послушать, не перебивая, минут пять.

— Зияутдин, расскажи про вашу игру, чтобы поняли даже такие «чайники», как я.

— Наши отцы с тревогой наблюдают за детьми, которые увлекаются компьютерами, социальными сетями, чатами, форумами, гаджетами... Все эти термины у них ассоциируются со злом. Они осуждают, не вникая: «Запрет! Харам!»

Но наберитесь терпения, выслушайте и судите потом.

Игра «Войны Империй» — онлайн-стратегия.

«Войны Империй» — фактически действующая модель жизни.

Кому-то по вкусу заниматься торговлей, кому-то нравится завоевывать чужие земли, кто-то занимается религией и берёт в герои жреца. Также доступна на выбор любая политика. Одним словом, всё как в настоящем мире — полнейшая свобода действий, которую ограничивает разве что ваша фантазия. Но главное в мире — всё же война! У тебя в подчинении есть лучники, конники, вручную управляешь атакой, обороной, определяешь политику, тактику, стратегию. Есть сенат, есть чиновники, есть лидер армии — Верховный главнокомандующий.

— Главкомандующий, как у Довлатова.

— Бывает и так... Что такое война, как её объявить и кому она вообще нужна?

Помните диалог генерала вермахта и Штирлица: «Государства — как люди. Им претит статистика. Их душат границы! Им нужно движение — это аксиома. А движение — это война». Итак, если вам надоело строить дома, дороги, захотелось крови, эшелоны трупов, острых ощущений, адреналина, если вас душат границы — вам пора на войну. Для объявления войны достаточно кликнуть на цитадель (на карте мира), граничащую с территориями вашей расы, и нажать кнопку «война».

— Да, развязать войну просто...

— Война — это новые территории, новые возможности: строительство лагеря, грабеж других рас. Как следствие, более быстрое развитие. И ещё, война — это не только полезно, но интересно. Ведь именно здесь бушуют страсти, интриги среди дипломатов, шпионов и предателей; именно здесь полководцы раскрывают свои таланты во время военных действий. На войне могут сражаться все, и даже самый слабый герой без армии может серьезно повлиять на результат сражения, оказавшись в нужное время в нужном месте. Однако, чтобы захватить чью-то столицу, личной армии не хватит. Вам понадобится заключить союз с другими игроками, затем выбрать вождя, который объявит о начале бойни. «Войны Империй» — в этой онлайн-игре участвуют жители всех стран нашей планеты: Бразилия, Штаты, Европа, Россия — ну все-все.

Я расскажу про характер ингушей...

Есть семь альянсов. Основная битва происходит между американцами и русскими. Мы сотрудничаем с русскими и турками. Турки в этой игре тоже являются для русских хорошими союзниками и не раз выручали. Мы с Саитом играли больше года, но игра у нас занимала огромное время, пришлось уйти. К этому моменту у нас накопились огромные ресурсы: сильная армия и два больших города, назвали их — Магас и Карабулак. Напоследок мы решили «зажечь» по-ингушки!.. Чтобы не нанести вред русскому альянсу, вышли из него, создали свою группировку «Дикая дивизия» и начали воевать с американцами.

Участники игры имеют разные статусы, которые человек зарабатывает в процессе игры. Самое высокое звание у «Принца». Высший статус игрока. «Принц» — лидер американской группировки. Когда мы стали атаковать самые крупные его города и членов его альянса, они удивились... Наша «Дикая дивизия» составляла лишь десятую часть от армий «Принца», но мы заставляли его врасплох и атаковали отчаянно. Он никогда не участвовал в общих дискуссиях, никогда не отправлял сообщений, тут не утерпел и пишет нам:

— Для чего вы это делаете?

Мы с Саитом популярно объяснили:

— Когда только образовались, мы предлагали вам мир, но вы его отвергли. Мы посчитали это за оскорбление и теперь будем биться до последнего.

На форуме нам часто задавали вопрос: «Вы магометане, почему вы с русскими, а не с нами?» Неизменно отвечали: мы едины.

«Дикая дивизия» проявляла чудеса военного коварства...

Дожидались, когда их нет в игре, и крушили живую силу, технику, города... наносили им мощные удары. Грабили, уничтожали, убивали всех подряд. Участники были в шоке. В чате мелькало только одно слово: ингуши! ингуши! ингуши! Мы выбрали никнеймы [1] Ингуш-Граф, Ингуш-Али. Ники эти не сходили с бегущих строк.

Мы пишем «Принцу»:

— Пусть все погибнем, но будем биться с вами до последнего. Примите наш прощальный подарок.

И тогда он ответил... Впервые ответил: «Не встречал людей с такими взглядами. В игре тем более. Может, останетесь?»

Действительно, это всего лишь игра, но жизненные принципы должны быть везде.

Мы попрощались с русским альянсом, со всеми участниками игры, отдали один свой город русским, другой союзникам туркам — и все остатки своей «Дикой дивизии» направили на американцев... Когда мы уходили, весь альянс американцев нам аплодировал смайликами, хотя и враги. И «Принц», который никогда не светился в чате мира, где все видят твоё сообщение, написал:

— Удачи ингушам, которые достойны быть лучшими из лучших. Вы молодцы! Желаю вам в жизни удачи и настоящих побед!

Да, наше отношение к жизни удивило американцев... Оно не вписывалось в их понимание: как это погибнуть, помогая своим? А ведь этому принципу ингуши следуют с глубины веков. Для нас вопросы чести — важнее жизни. И здесь мы, храня традиции доблести наших дедов, вступали в сражение с неравными силами, заведомо шли на смерть.

И заставили уважать себя даже врагов.

Сегодня отказаться от интернета, от компьютера — всё равно как идти с деревянной рогатиной на танки. Не зря трубят: давно идёт информационная война. От неё не скрыться, даже если поглубже надвинешь на глаза папаху, даже если спрячешься за мамаху... От этого интернет не исчезнет, просто кто-то другой научится им пользоваться лучше. И он, этот другой, будет иметь больше шансов на победу. Может случиться так, когда папаху снимешь, — мир вокруг не узнаешь — и уже ты в этом мире чужой, лишний.

Высокая папаху ума не добавляет.
Лакха кий тилларах хьаькъал тлакхетац.

Участвуя в таких глобальных играх, мы защищали культуру, честь ингушей, код нации в масштабах цивилизованного мира, в масштабе всей планеты... В эпоху глобализации Ингушетия не заканчивается Джейрахским районом... Начинается только. И об ингушском народе должны знать повсюду, знать с позитивной стороны, как о грамотных, образованных потомках Адама; понимать — мы не дикари, не туземцы. Понимать и считаться. Лишь по формальным признакам это игра — по сути реальная жизнь, с серьёзными вызовами. Это и есть самая настоящая битва Добра и Зла. И даже если кто-то «играл», мы защищали свою Ингушетию и Россию — по настоящему. Не щадя жизни. Насмерть.

А что касается войны...

В Космосе война уже давно идёт.

Примечания:

[1] Никнейм (от англ. nickname — прозвище, кличка)

О, спорт, ты — мир!

Хабарик

*Будешь людям говорить «бук!» (возглас чванливости),
они заставят тебя произнести «вак» (кваканье лягушки).*

Ингушская пословица

Спорт — один из символов Ингушетии.

Не описать дух ингушей, который витает над этим орлиным краем, не передать, сколько горяча, животворна кровь, пульсирующая в жилах вайнахов, если не остановиться на спорте подробно. Мастер спорта СССР по боксу, директор ФОКа имени Бай-Али Дзаурова, Казбек Дзауров приоткрыл мне этот удивительный мир:

— Физкультурно-оздоровительный комплекс города Сунжа построен в республике в числе первых. На сегодняшний день на его базе функционируют четыре секции. Местные спортивные наставники заняты популяризацией вольной и классической борьбы, дзюдо и бокса. Ежедневно через спорткомплекс проходит около пятисот человек. Организацией спортивно-воспитательной работы занимаются десять тренеров. Это настоящие энтузиасты своего дела, — считает Казбек Дзауров. — Здесь же в ФОКе базируется детско-юношеская спортивная школа Сунженского района.

— Как поднимаете дух спортсменов? — поинтересовался я. — Как на победу нацеливаете? Какими ингушскими словами подстёгиваете? Чем стимулируете, кроме шила в задницу, — эта методика старая. Есть ли ещё варианты?

— Методика старая, но эффективна. Ещё полотенцем по морде.

— Так, интересно, — записал я.

— А главный секрет успеха — большой наплыв желающих. У тренера есть большой выбор. Спортсмены мотивированы сами, дальше некуда. Ребята по природе очень духовитые... Нашим дополнительные медицинские препараты, стимуляторы не требуются. Сама ингушская генетика, ингушская кровь — уже допинг. Физкультурно-оздоровительный комплекс существует меньше двадцати лет. Возраст небольшой, но коллективу спорткомплекса есть чем гордиться. Десятки юношей стали чемпионами России, Европы и даже мира. В 2002 году чемпионом мира среди юниоров по боксу стал наш воспитанник. Вы извините, у нас сейчас будет общее собрание спортсменов: обсудим происшествие в Калмыкии.

— Какое происшествие? Я два месяца в дороге, оторвался от жизни.

— И ничего не слышали?!

— Нет.

— Опять кавказец прославился... В столице Калмыкии Элисте на всероссийском турнире по греко-римской борьбе спортсмен из Дагестана осквернил буддийский храм, справив нужду, и выложил в сеть видео, на котором он бьёт в нос статую Будды.

И орлы по-свински поступают!

Захотелось ему широкой известности, славы... Добился. Вытащили его за шкуру, поставили перед камерами на колени, заставили публично извиняться... Какое право имел вести себя так неуважительно по отношению к иной вере? Тем более спортсмен?! Голубь мира! Да он и не спортсмен... Убеждён: наши ребята не способны на такую низость. Мы ЧП не ждём, проводим профилактические беседы. Воспитанием занимаемся неустанно, кропотливо... На самотёк такие вопросы пускать нельзя. Тренер для юных спортсменов — имам, и мама, и папа.

Когда мы вышли, я упрекнул Махмуда:

— Чё не рассказал о Калмыкии...

- Закрутился.
- Сам-то что думаешь?
- Что тут скажешь?..
- О! Стоп! Тормозни... Дай сфоткаю козу.

Однако рогатая, увидев, что собираются снимать её в непристойном виде, ускакала.

— Что тут скажешь, Александр? Даже коза застеснялась, сконфузилась. А тут вроде бы человек!.. Из-за таких дураков складывается впечатление обо всём Кавказе.

*

Россия

Малумат

*Уж и есть за что, Русь могучая,
полюбить тебя, назвать матерью.*

Никитин Иван

На рубеже XX и XXI веков в Ингушетии было неспокойно...

И военный термин «рубеж» к той ситуации подходит, как нельзя более кстати.

Махмуд рассмеялся:

— Несколько лет назад в Турции познакомился с одним местным: он ни по-русски, ни по-ингушски ни бельмеса, я — по-турецки. Бьёт себя кулаком по сердцу:

— Муслим?

Киваю головой, да, мусульманин. Вижу, хочет узнать, откуда я — слышал, видно, Россия большая. Говорю «Ин-гу-ше-ти-я» — не понимает... Утомил он меня. И вдруг изображает стрельбу из автомата, тычет пальцем мне в грудь. Киваю: да! приехал оттуда, где стреляют из автоматов. Обрадовался, хлопает по плечу.

Да, в Ингушетии тогда стреляли...

Харон Цечоев вспоминал:

— К началу 90-х обстановка сложилась крайне тяжёлая... Когда пришёл Дудаев, вся эта эйфория... «Независимость Кавказа»... Да ещё Президент России посоветовал: «Берите суверенитета, сколько сможете!» И на этой волне началось... Вайнахи — братья чеченцы выдвинули лозунг:

— Ингушей — в Назрань, русских — в Рязань!

В Грозном именно так, ребром, поставили вопрос. Считали: чем ярче горят мосты дружбы, тем дальше они освещают путь. Чечня отделилась, а Ингушетии ещё не было — избраны депутаты всех уровней: районные, городские, но нет ни Главы республики, ни Председателя правительства, ни парламента. Безвластие. Хаос. Все делают, что хотят. Табор без барона.

Было время, ездил на работу с пистолетом — патрон в патроннике, рядом автомат со сдвоенным рожком. Каждое утро, уходя из дома, не знал, вернусь или нет. Убивали сотрудников милиции, когда больше, когда меньше, но каждый день. Каждый день, каждый божий день. Пришли двухтысячные... легче не стало. Оружие продавалось свободно... Хуже уже быть не могло, это нижняя мёртвая точка хода поршня. Полный беспредел. Боевики по сути, хозяйничали. У меня хранится письмо в адрес министра МВД Ингушетии с просьбой организовать охрану общественного порядка на встрече доверенного лица с избирателями по выборам Президента Российской Федерации. И на письме виза министра: «В связи с невозможностью обеспечить безопасность участников встречи прошу проведение данного мероприятия отменить».

Ингушетия на референдуме высказалась против отделения от России, но в частном порядке поговаривали: «Может, рвануть в Турцию?»

В Турцию... Кто нас там ждёт?

Мой дед Орцхо завещал: «Нам без России никуда!» После поражения Шамиля наши отцы махнули в Турцию по глупости. И мы знаем, как с ними там обращались... Сейчас ингуши имеют свою автономию, все атрибуты власти, говорят на родном языке, учатся, где хотят, — хоть в Москве, хоть за границей — в лучших ВУЗах. Никаких искусственных препятствий нет ни в религии, ни в бизнесе. Чем не жизнь? Что ещё нужно?! Взять курдов — их двадцать миллионов, всю жизнь живут в Турции: не имеют ни своей автономии, ни права на язык. Там политика какая?

В Турции живут только турки. Точка. Там ингуши бы просто растворились, увеличив население страны. Сейчас нас меньше пятисот тысяч, но в своей маленькой Республике мы чувствуем себя хозяевами.

Я тридцать лет жил в России: служил, учился... если ты ведёшь себя адекватно, к тебе и относятся там, как к человеку. У меня масса друзей в Краснодаре, Новосибирске, Ростове, Москве. Наша фамилия Цечоевых, по крайней мере в четырёх последних поколениях, твёрдо стоит на одном: только вместе с Россией. Мой отец, когда появился Дудаев, сразу заявил: «Ребята, нам с ними не по пути!» У меня пятеро сыновей: четверо из них получили образование в лучших университетах России, работают на престижных должностях, я им повторяю слова деда Орцо: «Ребята, только вместе с Россией, никаких лишних движений! Никаких «игилов», никаких «халифатов!»» Всё, хватит нам... Покричали, попрыгали. Видим, к чему это привело в Чечне и Северной Осетии [1]».

У Махмуда сестра три года назад переехала в Польшу.

— Перед отъездом её предупредил:

— Смотри, по-русски не очень-то разговаривай, там русских не любят.

По скайпу сообщает:

— Сломался кипятильник, пошла на базар, новый купить. Как ты мне советовал, говорю только на ингушском. Те, разумеется, ничего не понимают. Они со мной на польском, на английском, на немецком. А этих я не знаю. Махнула рукой:

— Жалко...

Продавец меня за руку хватать:

— Жалко?

— Жалко...

Убежал куда-то за занавеску, приносит кипятильник. Оказывается, по-польски спираль называется «жалко».

Однако, как ни скрывала она своё пролетарское происхождение, по месту жительства всё равно узнали, что из России: гражданство не скроешь... А для них хоть ты ингуш, хоть чукча — всё одно — русский. Жить стало невозможно. Ночью молодёжь с битами караулила... Сейчас переехали в Германию. Хвастается: социальные выплаты большие получают.

Я сразу ей в пику:

— Меня никакими льготами, никакими пособиями туда не заманишь. Жить так легко, комфортно, как сейчас в России — нет нигде. Всё есть. Работай, не ленись только. И главное, я живу на своей земле, на своей родине, у своего очага, у своих родовых могил, у своих корней. Отец, мать — все рядом. Тебя вчера выгнали из Польши, завтра выгонят из Германии. И правильно сделают, чтоб другим ингушам неповадно было. Пусть дома живут.

В Ингушетии точь-в-точь, как в Дагестане, ни один человек даже случайно не оговорился, сказав «Россия», подразумевая в том числе, и свою малую родину. (Только вышколенные чиновники, и то под запись!) На бытовом уровне — «Россию» и «Ингушетию» — разграничивают строго. Кто бывал на Кавказе, едва ли этому удивится... Здесь если не всё, то почти всё зеркально иначе, чем в средней полосе... Мы — разные! Мы — равные! И хорошо.

Исса Мерджоев встречал меня, как соплеменника с другой планеты:

— Двадцать лет прожито в Москве — целое поколение — я сам ингуш уже многого не понимаю, не приемлю. Сейчас, если говорить откровенно, земляков не узнаю: стали какие-то импульсивные... Косой взгляд, неосторожное слово — с избытком для начала конфликта. Заводятся с пол-оборота.

— Знаю несколько примеров по Дагестану: коренные жители, прожив в центральной России половину жизни, на старости лет вернулись на родину предков и... не смогли адаптироваться.

— Я сам такой.

— Свой — среди чужих, чужой — среди своих?

— Там всё же свой. Там — все мои друзья... и никого не смущает, что я ингуш. Там для моей души комфортней, там — дышать легче. Это — разные миры. Всё русское у меня устойчиво ассоциируется с положительными эмоциями. В Казахстане в детстве у меня был друг — русский парень, Василий, Вася. Я и теперь, когда в хорошем настроении, всех детей называю Вася, независимо от пола. Для них сигнал: если обращаюсь «Вася», значит всё хорошо.

Девушка в хиджабе занесла полный противень ароматной баранины.

— Сегодня сноха для вас — «Вася»?

— Нет, сегодня она провинилась... Позволила себе бурчать.

Раньше в республике жили разные национальности: русские, азербайджанцы, евреи, осетины... Сейчас остались одни ингуши — вроде бы живи не горюй. Но живут менее дружно. Каждый конфликт сразу расходится вширь — по тейпам. Я ни с кем не могу поговорить так откровенно, как с тобой. Меня никто не понимает — выросли другие люди. Любое моё слово пойдёт дальше... и неизвестно где, как аукнется и чем откликнется.

Есть ингушская пословица: «Того, кто ходит с краю, иней накрыл» (Йисте лийначоа йис кхийттай). Опасно отдаляться от родины, отрываться от духовной пуповины.

Примечания:

[1] На деле и сейчас всё не так гладко, не так просто... Недавно газета «Комсомольская правда» сообщила: «Неизвестные взорвали автомобиль заместителя председателя депутатского совета Сунженского района Харона Печоева» «В Ингушетии взорвали автомобиль заместителя председателя райсовета Сунженского района» kr.ru/online/news/2418585/ Екатерина Болгова;

*

Вера

Малумат

Не берите двух богов!

Сура Пчѐлы 53(51) [1].

Ахмед Измайлов достал из фамильного запасника старинные карманные часы, бережно раскрыл крышечку:

— Часы достались от деда, серебряные. Обратите внимание на фирму «Павел Буре, Поставщик Двора Его Императорского Величества». У этих часов необычная судьба. Отец рассказывал... В 1937 году они с дедом возвращались на поезде из Москвы. В купе к ним подсел армейский генерал, достал бутылочку коньяка, закуску, налил себе рюмашку... И тут наступило время делать намаз. Дед совершил омовение, вернулся в купе, расстелил коврик прямо на полке и стал молиться. Генерал уставился на деда... дышать перестал. Затем коньяк из рюмки вылил обратно в бутылку, надел китель, застегнул все пуговицы и вытянулся по стойке смирно. Пока дед молился, он стоял, не шелохнувшись. А потом спрашивает:

— Вы кто по национальности?

— Ингуш.

— Смелый человек... У меня отец был священником, год назад его расстреляли, я сам верующий, но церковь посещать не решаюсь.

А к тому моменту в стране уже почти все церкви, мечети взорвали, приспособили под клубы, склады... Духовенство большей частью уничтожили. Какой молиться?! Думать о Боге никто решался. И тут такое... Генерал подарил деду за преданность вере серебряные часы, а дед, чтоб не остаться в долгу, — кинжал. Часы эти побывали с ним в ссылке, вернулись на родину и по наследству перешли ко мне. Предать свою веру — это как отказаться от родителей. Не зря в Коране сказано: «Поистине, злейшие из животных у Аллаха — те, с которыми ты заключил союз, а потом они нарушают свой союз каждый раз» [2].

Коран мудрая, глубокая книга, излучает позитив, светлую радость...

Коран заставляет задуматься.

— Коран — книга священная, — вторит Махмуд.

— Для меня она в последние годы настольная, — признался я. — Интересно наблюдать у вас процесс внутреннего борения: происходит отказ от язычества, отказ от древних святынь в пользу единобожия, в пользу Всевышнего.

— Непросто идёт этот процесс, Александр... Ингушский народ принял ислам последним, с того памятного дня прошло более ста лет, но сомнения остаются. Взять хотя бы творчество — тебе как писателю, выпускнику художественной школы, этот вопрос ближе всего. Шариат — свод исламских законов — не запрещает изображать цветы, деревья и даже горы. Это подпадает под «мубах» — действие, которое можно совершать или не совершать. За исполнение-неисполнение нет награды, нет и греха. Всё то, что шариат не обязывает и не осуждает, входит в мубах. Например, «36. Рисовать неодушевлённые предметы». А вот «петь, рисовать людей, животных», по законам шариата, — харам гайри зулми — «запрещено, поскольку совершение приносит вред производящему его» [3]. Сегодня на практике эти запреты игнорируются, а что будет завтра, не ведает никто.

Я смолчал, не зная, что сказать...

Ингушетия хоть и считается де-юре субъектом Российской Федерации, светской территорией, больше напоминает республику исламскую. В Ингушетии в ряде сфер уже сегодня царит верховенство не ингушских адатов, не Конституции РФ — Законов шариата.

— Махмуд, но ведь то, что мы разные, — здорово! Ведь запреты эти не внешнего свойства, потребность в них внутренняя у самих ингушей.

— Вроде так... Но Эрмитаж, Третьяковка, Русский музей, музей Пушкинский, Петергоф, статуи и барельефы, Аполлоны и Венеры с амурами, концертные залы, театры и кинотеатры, бары и рестораны, пляжи и фитнес-центры... пожалуй, всё, кроме вокзалов и мечетей, будет закрыто, ликвидировано, если ингушский опыт распространится на всю страну. Этим пагубным светским явлениям нет места в правовом поле шариата, ислама.

— В крайнем случае сейчас любые экспозиции есть на дисках. В Эрмитаже я уже был, не знаю... может, в Третьяковку напоследок заглянуть...

— Загляни!..

Чужезверцы, непрошеные гости — большой вопрос для всех без исключения народов. Среди русской интеллигенции были и те, кто приветствовал их приход:

На нас ордой опьянелой
Рухните с тёмных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаша у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всём неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесём зажжённые светлы,
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей.
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно всё сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном [4].

— Я читал твою книгу «Дагестан», — горячился Махмуд, заломив тубетейку на затылок, — ты правильно обратил внимание на одну существенную деталь: в Коране нет ни одного слова производного от «люб» — любимый, любящий, люблю... В ингушском языке прямого слова «люблю» тоже нет. Говорят: «Ты нужен мне...», «Ты много (очень) нужна мне...», «Желанна мне...» [5]. Однажды в Рязани в наш плацкартный вагон поезда «Назрань-Москва» подседа молодая пара и... (этого не пиши — страшно сказать!) прилюдно поцеловались... А!!! Что тут началось... «Бесстыжие» — самое лёгкое проклятие из тех, что обрушились на голову парочки. Они и паспорта достали, и штамп показывали, мол, расписаны, и пропуску: «У себя дома, в сердце России находимся, русские мы...» Наивные дети! Если в вагоне мусульман большинство — там будут царить и порядки мусульманские. А плацкартный вагон — модель устройства общества.

— Махмуд, насчёт поцелуев не скажу... Просто забыл, что это такое... Кажется, имеет отношение к детям?

— Косвенное. Я однажды наткнулся на строки:

О мир рассудочный и квѣлый,
Кому нужны твои указы,
Твоя бескрылая опека?
Я лишь любовь считаю школой,
Где учатся на человека! [6]

И как всё это связать у себя в голове, Александр, я ума не приложу!

Дальше по плану у нас значилось посещение выставки художников в Карабулаке. (Несмотря на мрачные прогнозы Махмуда, часть светских мероприятий и сегодня проводится в Ингушетии, по инерции...) Больше других мне понравились сюрреалистические полотна Гайтукиевой Евы.

Ева призналась:

— Писать одни башни, копировать — скучно, неинтересно, несерьёзно. Допускается только в период ученичества. Когда у художника нет своего мнения, когда ему нечего сказать людям — это ноль, не художник. Стенограмма не интересна ни в литературе, ни в живописи. Творец должен через своё понимание, через душу пропустить образ. А коллеги-художники моё творчество не принимают. Считают: «Демонизм!»

Петь в Ингушетии тоже продолжают.

— Махмуд, а как ваша вера относится к поэтам? В романе «Из тьмы веков» строки:

Вершины снежные
громады скал,
от сотворенья мира
и в хаосе поднявшиеся к небу,
дремучие леса,
кипящие потоки шумных рек,
луга, охваченные радугой цветенья
и ароматом трав,
и гордый человек,
готовый умереть за дружбу,
честь, свободу, —
все это с незапамятных времен
наречено в поэзии народа
страной былин и именем — Кавказ!

Я читаю и — мурашки по телу... Фриссон. По-моему, гениально!..

А помнишь у Булата Окуджавы:

Поэту настоящему спасибо,
Руке его, безумию его
И голосу, когда, взлетев до хрипа,
Он достигает неба своего.

— Помню, как не помнить?! Я да не помню...

Поэты — по Корану — грешники великие. В Суре «Поэты» так и сказано: «Не сообщить ли Мне вам, на кого нисходят сатаны? 222. Нисходят они на всякого лжеца, грешника. 223. Они извергают подслушанное, но большинство их лжецы. 224. И поэты — за ними следуют заблудшие» [7].

— Любопытно... Хотя, кто знает, может, исламские певцы, скульпторы, художники, поэты и заслужили подобное отношение. Не мне судить... Не стоит лезть со своим уставом в чужой монастырь! Ислам — великая мировая религия. Я, как человек верующий, уважаю вашу веру... Уважаю, но люблю Бога своего и держусь веры своей.

— Чё ж ты тогда в тюбетейке, с чётками?..

— Чётки носят и православные, а тюбетейка... когда в тюбетейке, ингуши меня лучше слышат. Коран — мудрая книга. Что касается веры, в Коране прямо сказано: «О люди! Поклоняйтесь вашему Господу!» [8]

Заметь не «нашему», а «вашему!»

Их-то Господь — вон какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Ведёт за собой правоверных строй!
И меч полумесяцем над головой,
И конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то — гляди, сынок —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь — он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то — увы, сынок, —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у этих Господь — ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Вкруг трона его весёлой гурьбой
— Эван эвоз! — пляшет род людской.
Быть может, и мы с тобой.

Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок, —
Но наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.
На встречу со страшною смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрятаться ей! [9]

Родник не подходит к каждому двору и не журчит следом по пятам...
Люди сами знают, где он, и вереницей идут к нему за чистой водой.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в городе Сунжа.

У православного прихода биография трагичная: в середине 90-х отца Петра Чистоусова похитили боевики. Я посетил храм и попросил благословения у отца Спиридона в начале пути. Перед отъездом на прощание вновь зашёл. Помогает, знаете... Православная вера — источник моего творчества. И об этом не забываю. И ещё понимаю главное: вера — сама по себе таинство; вера — дело сугубо интимное, она не приемлет групповухи. Это — не грипп! И потому, как мудро учил поэт:

Не лезьте
в небо скопом.
И даже по двое не лезьте вы туда.
При том, что Бог один, у каждого свой Бог [10].

Примечания:

- [1] Сура Пчёлы 53(51). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский
[2] Сура Добыча 58(56). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский
[3] Законы шариата.
[4] «Грядущие гунны» Брюсов Валерий Яковлевич, поэт и ученый, основоположник русского символизма.
Гунны (греч. Οὐννοί, лат. Hunni) — кочевой народ, вторгшийся в 70-х годах IV века из Азии в Восточную Европу.
[5] Идрис Базоркин, роман «Из тьмы веков».
[6] Бек Татьяна Александровна, русская поэтесса, литературный критик и литературовед.
[7] Сура Поэты 221. 222. 223. 224. Коран, перевод: И.Ю.Крачковский
[8] Сура Корова 19(21). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский.
[9] Тимур Кибиров.
[10] Леонид Завальнюк.

*

Сплав «МЫ»

Хабарик

*Ветер играет прутиком, растущим одиноко.
Эрий-ара цхьалха багIа сььрг михо ловзабу.*

Ингушская пословица

Петух за забором кричал как угорелый.

— Пойдём, с соседями познакомлю, — предложил Махмуд: — Хозяин дома Исса — прекрасный парень, мать Душа, хотя правильной ударение делать на второй слог — душевная, гостеприимная, добрая женщина.

Нас приняли по-ингушски хлебосольно, радушно. Во дворе, в тенёчке...

Душа, показывая в сторону холмов, вспоминала:

— Вода — вон оттуда должно было носить. Газ не было. После трёх год дома же работать некого...

Скрипнули ворота, бочком-бочком протиснулся затасканный мужичок, по виду не местный, нерешительно остановился, на местном наречии о чём-то перемолвился с Иссой. Тот протянул купюру.

— Это кто? — поинтересовался я.

— Таджик, спросил милостыню...

У Иссы произношение с лёгким французским проносом, какое обычно бывает у чеченцев.

— Что сказал?

— «Даьла ший духьа сагIа да!» — «Милостью Аллаха, помогите!» Он безработный, кушать ему нету, бездомный — я отдал последние сто рублей.

— Последние?

— Да.

— Приглашал чай пить?

— Да, он отказался, у соседа чай уже пил, кушал. Я не знаю, что бы делал, если так случилось.

— Если бы стал безработным...

— Да. Ты же видишь, у меня есть дом...

— Который по размерам напоминает восьмилетнюю школу.

— Ингуши хлеб не будут кушать, но дом из кирпича построят... И вот сейчас подумал, что если б я оказался на его месте? Что бы делал, если б стал бездомным, кушать нечего... без копейки в кармане. Смог бы так же ходить по дворам просить милостыню? Не смог. Я бы лучше с голоду подох, чем ходить вот так. Знаю, у него мамка, дети больные сидят на съёмной квартире... Мне очень жаль его. Но я бы не смог ходить, побираться. Не смог бы переступить через себя. У меня есть семья, есть мать, братья — мы вместе и благодаря этому сильнее. Сейчас пойду помогать соседу...

— Белхи? [1]

— Да.

— А у соседа есть дети, чтоб тоже помогли?

— Один мальщик и дэвушк.

— Сын и дочь, — поправил Махмуд. — Они маленькие.

— Всё село ходит, помогает друг другу. Никто не зовёт, сами. Он сейчас делает это... —

Иса показал на дом.

— Водосток? — участливо подсказал я.

— Нет.

- Окно?
- Нет.
- Крыльцо?

Он недовольно поморщился. Рука его с вытянутым указательным пальцем продолжала недвижно висеть в воздухе.

- Дверь?
- Голова категорично дёрнулась.
- Перила?
- Кто «педрила»?.. — насторожился Исса.

Отчаявшись подобрать нужное слово, пошёл с ним к соседу. Только там узнал: речь шла о ступеньках. И ещё, Исса помог мне понять, что ингуши — это не разнородное множество «Я», отделённых запятыми, а совокупность... сплав «МЫ».

Песня из фильма «Последний дюйм» — не про них:

Тяжёлым басом гремит фугас,
ударил фонтан огня,
а Боб Кеннеди пустился в пляс:
«Какое мне дело до всех до вас,
а вам до меня?!»

Трещит земля, как пустой орех,
как щепка трещит броня,
а Боба вновь раздирает смех:
«Какое мне дело до вас до всех,
а вам до меня?!»

Примечания:

[1] Белхи — ингушский субботник соседей.

*

Символы Ингушетии

Малумат

*Наблюдай — увидишь, ищи — найдёшь.
Зийча — гу, лийхача — коро.*

Ингушская поговорка

Присмотритесь повнимательней!..

Символы — это набор штрихов, чёрточек к портрету Ингушетии.

Символы — это перечень ярких особенностей республики и ингушского менталитета.

Символы — это явления, которые ну везде по Российской Федерации есть, а тут нет.

Особинки со знаком «плюс» и «минус».

То, что для нас кажется ненормальным, противоестественным, — здесь процветает, и наоборот. Всё или почти всё — зеркально.

Каждому собеседнику я задавал один и тот же вопрос:

— Назовите символы Ингушетии.

Итак...

Пригородный район; Черменский пост ДПС; Солярис — солнечный знак на гербе — символ вечного движения; 23 февраля; исход; «Битва в горах»; «Дикая дивизия»; родовая башня; Вовнушки; къунах; ингушский язык; лезгинка; орёл; конь; в Ингушетии принято обращаться на «ты» — в ингушском языке вежливой формы обращения на «вы» к одному лицу не существует; нельзя по улице ходить в тапочках, в шортах, спортивных, без головного убора; Эздел — кодекс чести ингушей; сын не сидит при отце; при упоминании в разговоре имени свёкра, свекрови, если их нет в живых, женщина в знак уважения встаёт; имя свёкра и свекрови произносить нельзя; истинг; бурка; тубетейка; папаха, черкеска; кинжал; единичка в алфавите; «сухой закон»; кровная месть; умыкание невест; белхи; азан; мулла; Коран; законы шариата.

Официально Ингушетия — моноэтнический субъект светского типа в составе Российской Федерации, однако она больше смахивает на исламскую республику. Законы шариата зачастую оказываются главнее, весомее адатов и Конституции РФ.

Восторженно-уважительное отношение к грузинам

Ингушский народ безмерно благодарен грузинам — они единственные, после возвращения ингушей на родину из Казахстана, добровольно освободили занятые дома, снялись и выехали на родину, «чего не скажешь об осетинах...»

Я осторожно, максимально тактично пробовал намекнуть, что такой национальности, как грузины, в мире вовсе не существует... как нет и дагестанцев! Миф! Есть грузинское государство, есть грузинский язык и есть территория, на которой проживает множество этнографических групп: аджарцы, гурийцы, картлийцы, кахетинцы, имерхевцы, ингилойцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушинцы, ферейданцы, хевсуры, чвенебури. И три субэтнические группы: мингрелы, сваны, лазы. Грузин (самоназвание — картвелеби), значит, житель Грузии. (До 1992 года абхазов и осетин в СССР и в мире тоже считали грузинами.) [1]

Но это слишком горькая правда, чтоб ингуши восприняли её сегодня...

Блюда ингушской кухни

Кодер — горячий домашний творог, сваренный с маслом и желтком, — вкуснятина!; Дулх-хьалтIам — мясо с галушками; чапильги — лепёшки с творогом и картошкой; черемша; бир — не холодное пиво, не надейтесь! — соус на мясном бульоне с толчёной картошкой; чай подают горячим, налитым по самый край в стаканах без подстаканников. Пальцы жжёт — невозможно! а бросить стакан хозяину на колени — воспитание не позволяет. Я попросил, если этим не нарушу священные адаты, дать мне чай в чашке. Хозяйка назвала «неженкой».

Гостеприимство

Да присохнет язык к гортани
у отрицающих восточное
гостеприимство!

Ксения Некрасова

Хьяц чицр.

В Игушетии в каждом доме отведена специальная комната для гостя — хащица — как бы долго не появлялись гости, её не занимают.

У Махмуда на тему «гостеприимство» свои картинки:

— Мать у нас шутница. Сегодня, встречая гостей, всплеснула руками:

— Радость-то какая у вас дома!

— Какая радость?.. — гость в загадочной растерянности.

— Радость, что отдохнут от вас.

Тому хоть поворачивай назад!

А бывает, наоборот, из гостей не вырвешься. Тут как-то зашёл с друзьями к свояченице, накрыли нам щедрый стол... Приятели тычут в бок:

— Слышали, она чудно играет на гармонии. Попроси!

— Я-то могу, но кто её потом остановит?

— Ну, хочется послушать.

А я чё — я попросил. Она давай наяривать... Рада стараться! Мелодию за мелодией, час за часом... Дело к полуночи. Вижу, друзья ёрзают, на дверь поглядывают, но прерывать музыкантшу не решаются. Наконец один робко, дождавшись секундного интервала, привстал:

— Мы, наверно, пойдём... Наверное, утомили уже близких...

А свояченица, не сбавляя темпа, успокаивает:

— Сидите! Им нравится.

— Соседи могут плохо подумать.

— Не волнуйтесь! Соседи меня уже знают...

Коллекторские агентства

Зимой 2016 года все СМИ России облетела информация: «Коллектор кинул бутылку с зажигательной смесью в комнату с ребёнком. В результате ребёнок получил сильные ожоги лица, предплечий и впоследствии был госпитализирован, — сообщил LifeNews источник в правоохранительных органах. — Кроме того, пострадал 56-летний мужчина, который пытался потушить пожар. По словам родственников пострадавшего ребёнка, бутылку с зажигательной смесью кинул один из коллекторов, требовавших возврат долга.

Дедушка мальчика признался, что взял четыре тысячи на лекарства».

В откровениях СМИ мне большой нужды нет...

Живу тут же — не на Луне: в родной деревне безработный мужик, молодой совсем, повесился. Кто? Что? Тёмное дело. Назанимал в банке денег под музыкальный центр, а отдать...

Реклама, кредит потребительский,
Новомодное слово «коллектор»...
А подоплёка стара, как мир —
Чистка арийской расы [2].

А вот в Ингушетии нет коллекторских агентств.

На всякий случай, повторю ещё раз, может, не до всех дошло с первого раза: в Ингушетии коллекторских агентств нет. И это — характерная черта Ингушетии.

Данная форма частно-государственного партнёрства, напоминающая рэкет, — неприемлема для ингушского менталитета. Кстати, мировое сообщество считает создание этой структуры уверенным шагом назад в средневековье.

Махмуд, изумляясь моему неведению, терпеливо объяснил:

— У нас их нет и быть не может. Даже если б кто-нибудь и прикажет организовать, туда не пойдут устраиваться. Кто им позволит ходить по поручению банка выбивать деньги у соседей. Это дело не выгорит. К самому коллектору приедут и вытряхнут его из собственного дома, из собственной шкуры... Голову отрежут, чернила на заявлении о приёме на работу не успеют просохнуть. С этим у нас строго.

Люди — символы

Кунта-Хаджи шейх, философ-суфий и Устаз для большинства населения Ингушетии. Три раза Имам Шамиль пытался силой привить ислам ингушам, не смог, а Кунта-Хаджи одолел их словом; Шейх Дени Арсанов (1851-1917 гг.) — глава крупнейшего религиозного братства — тариката накшбандийа; первый Президент Ингушетии Руслан Аушев; действующий Глава республики Юнус-Бек Евкуров; бизнесмен Михаил Гучериев, Суламбек Осканов, лётчик, первый герой России; писатель Идрис Базоркин с романом «Из тьмы веков».

Работа по найму на «грязных участках»

— В Ингушетии никогда не было батраков из местных. Ты пойдёшь сегодня, предложи под туалет яму выкопать — за оскорбление посчитают, — объясняет Батыр Веджижев. — В 92-м я работал в колхозе председателем. Отец, когда узнал, куда устраиваюсь, наказывал: «Ты идёшь к земле. Остерегайся земли, если ты обидишь землю, ты обесчестишь семь поколений предков и семь поколений твоих потомков будут опозорены. Нельзя предавать землю, продавать её нельзя — она живая. Она не простит». И я боялся нарушить заветы отца, старался их соблюдать. Потому что, если встану на несправедный путь, если буду есть нечистый хлеб, кара падёт на голову моих детей. И детям своим стараюсь объяснить: не гонитесь за богатством, ешьте хлеб, заработанный праведным путём, потом своим. Если бы тогда русские массово не уехали, Ингушетия б сегодня процветала. Когда начались волнения на национальной почве, я обещал русским:

— Костями лягу, не дам никого из вас в обиду!

И своим объяснял:

— Нельзя отпускать ребят. Русских нужно убеждать, чтоб остались!

— А чего это ты за них вступаешься?

— Ты в ассенизаторы пойдёшь?

— Что это такое?

Наши не знали даже, что такое золотари...

У нас не было своих работников ЖКХ, своих технарей, инженеров, водопроводчиков, сварщиков... В правительстве не текло, а мы тут, внизу, без русских чуть не захлебнулись дерьмом. Наладить работу ЖКХ своими силами было убийственно тяжело. Для ингуша подметать улицы — позор! Мусор грузить, вывозить... Кто пойдёт? Никто. А если один день мусор не уберёшь да нечистоты не выкачаешь — всё. Крышка. Уже не до Эздеда. У нас, если девушка работает уборщицей, то из последних сил скрывает этот позорный факт от родителей, от родственников, от тейпа. «Юристом, менеджером» — говорят. Ингушка разве может работать со шваброй в руках. Ингуш никогда не согласится работать прислугой. Официантов на работу приглашаем из других регионов. У нас все чистюли, все князья.

Если все станут хаджи (святошами), кто будет землю пахать?
Берригаш хьажой а хинна длабахача, лаятта оахаргдар малав?

Тейп

Харон Цечоев объявил:

— По сегодняшний день общественное устройство республики является родоплеменным.

Род имеет своё исконное название по фамилии первого предка. Это сакрально. Древняя родовая земля не продаётся, древняя родовая башня не продаётся, не наследуется кем-то одним — принадлежит всем членам рода. У генеалогического дерева в процессе жизни может появиться много ветвей, много фамилий, но тейп — род — будет носить всегда фамилию первооснователя. У нас нет «просто ингушей». Ингуш не может быть сам по себе — он представитель конкретного тейпа. Каждый родом из определённой башни. При встрече спрашивают не «кто ты?», а «чей ты?» «ты из какого тейпа? чьих будешь?»

— Чей мандила?

— ...Примерно.

— А у кого нет родовой башни — «обезбашенные»?

— Выходит так.

Кто переступил черту закона, кто сам не уймётся, того вызывают на Совет тейпа. В роду знают всё про каждого: кто? где? когда? Салман Опиев — официально избранный лидер тейпа Цечоевых, духовный тамада. У нас тоже были «лесные». Мы этих друзей вызвали — их было пятеро — вызвали и жёстко предупредили: если собираетесь здесь жить, вы должны бандитскую деятельность прекратить. Иначе тейп разорвёт с вами всяческие отношения: не разрешит вас хоронить, откажет в любой помощи, запретит жениться, посещать общинные мероприятия. У нас ведь тут...

— Не Рязань.

— Да. Если в Ингушетии отлучают от рода, ты превращаешься в изгоя, в отщепенца. Тебя могут оскорбить, унижить. Ты — выродок. Ты — никто. На твой отстрел выдают лицензию. Такому остаётся только смываться в Краснодар или Москву — разбойничать там.

«И в Дагестане похожие традиции, — мелькнула мысль. — Оказывается, в российской глубинке люди зачастую имеют дело не с полномочными представителями Кавказа... Они не делегированы — изгнаны из родных мест на радость своему роду, ваьру, тейпу, тухуму. Для испытания пределов российской толерантности».

— Тут не скажешь: «Да мы вас... да мы шахиды!..» Тейп — это слишком серьёзно. Это не мама пожурит, не милиционер пальчиком погрозит — тут не огрызнёшься. Прессинг рода жёсткий. Им арабские эмиссары рассказывают, что если погибнешь в бою с неверными — сразу попадёшь в рай. А тут какой рай?.. Когда ты пошёл против отца, против братьев, против тейпа. Кто тебя в рай пустит без нашей рекомендации? Никто. Вариантов нет. Есть единственный выход:

подчиниться, покаяться, изменить своё поведение. Я, как ингуш, другого варианта представить не могу. И на наших заблудших родственников «партийное собрание» подействовало. Сейчас они прекрасно работают. Каждый стал добропорядочным семьянином и никаких порочащих связей не имеет.

Моральный облик женщин

Племянник Махмуда Юнус тоже охотно рассказал о знаковой традиции:

— У нас за чистотой нравов незамужних девушек и разведённых женщин отвечают близкие родственники по отцовской линии: или отец, или брат, или дядя, или сын. Честь женщины для нас — святое! Наша мать постоянно талдычила сёстрам: «Вы свой внешний вид должны контролировать всегда: на вас должна быть такая одежда, чтобы даже после внезапной трагической смерти, в результате аварии или по другой причине тело не оголилось... Сделайте так, чтоб на вас смотреть было не противно». По нашим адатам, если женщина «загуляла» — ей полагается смерть. Разведённая женщина — под присмотром особым: она не должна носить яркие, вульгарные украшения, соблазнительную одежду, обязана соблюдать нормы ислама.

— А любовь, биология, физиология?

— У нас всё, что перечислили, заменяют законы шариата. Мужчинам категорически запрещается звонить ей, если нет серьёзных намерений, если не собирается на ней жениться. А я недавно позвонил... Меня быстро по номеру вычислили... останавливают машину:

— Зачем звонил?

Я хотел «отмазаться», мол, случайно на кнопку сел... Не успел рта раскрыть, объяснить... — удар битой пришёлся по скуле, рукоятка переломилась... Кровища... Со мной в машине был приятель, но нас застали врасплох, а их четверо, и не с пустыми руками — готовились. Они, можно сказать, поступили гуманно. Если бы позвонили моей сестре, я бы этого человека убил, а сестру наказал. У нас не пишут заявления в милицию, разбираются сами. Кстати, а Вы в курсе, что Ингушетия — единственный регион России, где запретили травматическое оружие?

— Ты об этом говоришь так, будто у ваших джигитов изымают столовые ножи, вилки...

— Это следующий шаг! В Ингушетии все рождаются уже в состоянии аффекта... Наш министр МВД так и сказал: «Если им ещё оружие дать, они перебьют друг друга».

Юнус закончил медфак, работает травматологом и потому со знанием дела, заявил:

— На дискотеку, в балет у нас не ходят, самое посещаемое место — травмопункт. Если хотят выпить — везут из Северной Осетии (официально спиртное в Ингушетии не купишь ни в одном ресторане). Хотя ищущий да обрящет: есть несколько полуподпольных точек, там с завидной регулярностью устраивают погромы.

— В какой-то момент мне даже самому показалось: брошу пить! Вовремя одумался... Я бы и рад, но «Путинка» строго показана мне как писателю.

— Тяжёлый случай. А что касается «сладкого»... Гульнуть ханжи-ингуши уезжают за пределы региона. Значных мест здесь почти не осталось, так, пару частных отелей... Туда нормальные люди не ездят — шелупонь привозит шалав. Зимой брат поймал там свою сестру: один раз предупредил — не поняла. Через неделю мать хватилась искать, он остановил: «Не ищи её больше, закопал. Ты ведь знаешь наши законы». Ингуши стараются эмоций не проявлять: плакать, смеяться, ласкаться, целоваться — не принято... Зарезать — можно.

А вот что услышал про воспитание девочек из женских уст.

Лейла Харсиева поделилась воспоминаниями:

— Когда мы жили во Владикавказе, отец наставлял меня и сестёр: «Вы — лицо нации, потом вы — моё лицо!» Что это означало на практике? Хорошие девочки не могут на улице, в транспорте громко хихикать... Это осуждается. Быть раскрепощённой — пятно на весь род. (А мне по молодости так хотелось посмеяться, я по натуре хохотушка...) С представителями другой национальности мы должны были общаться крайне сдержанно — никакого панибратства! В

одиночку появляться на улице — не допускается... С парнем встречаться, уединяться — Боже упаси! Однако, как мы ни старались себя блюсти, — однажды оступились...

Как угораздило?.. Не понимаю... Держались, держались и здорово живёшь!.. пошли по наклонной. Старшая сестра, первокурсница, пригласила нас... ЗАЙТИ В КАФЕ.

Потом наступило запоздалое раскаянье, и она решила:

— Признаюсь во всём...

— Да ты что? Не смей!

— Я одна виновата...

— А-ах...

И она с повинной — к отцу.

— Папа, должна тебе признаться: сегодня сестёр водила в кафе.

— И правильно сделала. Вы что на улице мороженое будете лизать? И в кино ходить можно — вы молодые.

Я такая думаю: «Ничего себе... О tempora! О mores! О, времена! О, нравы...»

— Главное — нельзя забывать, что ты ингушка и чья ты дочь.

Отец доверял, но проверял — следил за нами. И если ни разу не прокололась — полное доверие! Сыновья, конечно, более шепутные, непослушные. У козлят с детства рожки не ороговевшие, пока они их не выбьют, не успокоятся. Всё время бодаются...

Мальчишки такие же.

Семейные и свадебные адаты

Амина Саутиева — начальник отдела опеки администрации Малгобекского района — дала необходимую информацию:

— При разводе по ингушским традициям дети остаются с отцом. У нас нет такого понятия «алименты». Расходы по воспитанию детей при разводе однозначно несёт отец. «Злостный неплательщик алиментов» — образ не ингушский. В случае смерти обоих родителей у нас не приходится долго решать, кто будет опекуном ребёнка. Конфликты бывают, кто больше имеет прав взять детей...

— У нас сдают наперегонки, тут наперегонки берут, — подивился я.

— В Ингушетии нет ни одного приюта ребёнка. Если муж погиб, ингушка остаётся с родителями мужа. Если она решит выйти замуж, своих детей должна оставить в семье родителей мужа, потому волей-неволей, остаётся и сама. В Ингушетии нет ни одного дома престарелых. Недавно у нас по местному телевидению показали сюжет: одинокий старик живёт в бараке. Глава республики! лично! заинтересовался судьбой старика, встретился с ним, потом разыскал дочь и пристыдил: «Как тебе не стыдно! Бросить отца!» Оказал бездомному помощь.

Что касается семейных адатов, Махмуд дополнил:

— Зять всю жизнь не видится ни с тещей, ни с тестем, но родственники по линии матери — ненхой — пользуются большим уважением. Тамада «духовный» и «застольный» — разные вещи. Духовный тамада — не балагур, не выпивоха, блистающий остроумными тостами, — религиозный деятель.

Я хотел включить в число символов Ингушетии ещё гору Казбек, но Махмуд возразил:

— Это волонтаризм! Гора Казбек находится на территории Грузии и не имеет к нам никакого отношения.

Спорить не стал... Да в Грузии. Но вид её величественной вершины украшает и пейзаж Ингушетии. Так что теперь, баннерами завешивать или затирать в фотошопе? Нет. Любоваться. Любоваться и, сличая фото с коробкой советских папирос, помнить, что курение вредно для здоровья, а капля никотина убивает лошадь.

P.S.

Для характеристики горского и нашего менталитета показательна также реакция общественного мнения на схожие ситуации. Зачастую оценки эти диаметрально противоположны.

Например, в 2005 году органами внутренних дел города Петрозаводска был задержан молодой человек. Его арестовали за то, что он склонял к любви свою несговорчивую обожаемую избранницу, угрожая взорвать ручную осколочную гранату оборонительного действия Ф-1 (зона поражения 200 м). Возмущённые горожане были единодушны: «Довела парня... Вот, дура-то!»

Примечания:

[1] Материал из Википедии — свободной энциклопедии;

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*

Матрица

Ахи

*Большая родня — глубоко уходящие корни.
Доккха йиша-воша — лаьттаха баха кIоарга овла.*

Ингушская пословица

Оздоев Муса одарил меня пониманием источника духа ингушского народа...

— В древности исключительно святые люди определяли место строительства башни... то заветное, чистое место, на которое нисходила милость Бога. Затем землю обильно орошали молоком и только потом, с молитвами, возводили башню.

Вовнушки — тейповая башня нашего рода Оздоевых. Обратите внимание, башни словно не построены — выросли из скалы, как гигантские деревья, подпитываясь животворными соками родной земли, силой её, могуществом, культурой, Духом ингушского народа. Нет привычного заурядного ощущения рукотворности...

Отец передал изустный завет предков:

— Никогда не расставайтесь с родовыми башнями: в них заключается наше благополучие, в них секрет бессмертия ингушского народа. Башни своего рода энергетический реактор.

Архитектура башни символизирует семь уровней развития материи: на самом нижнем — заготовленные корма, выше скот, ещё выше хозяйственные помещения, кухонные, спальные... И венчает башню макушка — символ исхода человека с брэнной земли, возвращение к Создателю. Это философская модель, в соответствии с которой формируется сознание, дух самого человека. Когда ты пребываешь рядом с башней, в ней самой... ты явственно, почти физически ощущаешь ту силу, которой обладали предки. Необъяснимое чувство нереальности, неба... суетные мысли отступают... Ты испытываешь неземную благодать... состояние покоя, абсолютного покоя. Ничто не тревожит. Перед тобой открывается иной, недоступный смертному человеку мир.

И никого вокруг — Ты и Творец.

Вот такая родина у моих предков. Живая, нетленная...

И даже сегодня к древней истории можно прикоснуться наяву.

Здесь обитает дух моего рода.

Ещё одним ярким зрительным образом нашего тейпа является карта поколений, — Муса достал рукописный свиток длиной метров пять — и на всю длину убористым почерком — родословная, генеалогическое древо. — В ссылке, во время голода, разрухи, пожаров её спасли, уберегли, вновь и вновь перенося информацию с ветхого листа на свежий, переписывая от руки раз за разом.

— Как всё серьёзно... Чудо какое-то... — я был поражён. — Да, вот этими мощными извилистыми корнями, уходящими к первородству, и силён Кавказ...

— Эту генеалогическую карту мы составляли несколько веков... она переходила от отца — к сыну, от отца — к сыну. Материал всегда хранился у моего двоюродного брата. Я взял свиток на время, для работы, через день дом брата сгорел дотла. Сейчас многие пытаются «косить» под европейцев. Есть угроза, что всё самое важное останется лишь на бумаге и там тихо скончается. А ведь мы не имеем права допустить, чтобы эта бесконечная нить оборвалась, закончилась нами... Мы обязаны сберечь свою культуру, адаты, «наьна мотт» [1], кодекс чести Эздел в целостности, сохранности и передать своим детям. Это поможет им самим выжить и укрепить веру в себя.

— Чудо!.. Можно долго нудно говорить, рассказывать про Ингушетию, а можно просто показать, явить миру этот фолиант — и почтительно замолкнут даже враги... К своему стыду

должен признаться: ничего подобного у нас нет. После революции семнадцатого года память людям регулярно перезагружали, всю информацию удаляли, обнуляли. А ведь минимальное, что даёт история — это право на место под солнцем. Чем древнее история, тем глубже корни государства и народа, тем труднее их выкорчевать. Не знающий прошлого не принадлежит себе, он может стать собственностью кого угодно. Знающий своё прошлое принадлежит только самому себе, даже если его тело заковано в цепи. Моя малая родина — Республика Карелия — собирается отмечать аж 100 лет! Мы словно дерево, растущее на крыше... В романе Чингиза Айтматова «Плаха» описана самая страшная казнь — превращение человека в манкурта. Когда он переставал быть частью народа, забывал, кому принадлежит, кто он, откуда пришёл.

Могу себе представить, какие силы даёт ингушам это священное знание и ясное понимание того, что за спиной, прямо сейчас... в тот момент, когда мы с вами беседуем, — стоят не просто какие-то обезличенные тени пращуров, а дух конкретных основателей, продолжателей рода с фамилиями, датами, реальными судьбами. И какой одновременно груз на плечах, какая моральная ответственность пред тенью предков... Стыдно, невозможно — потомкам, наследникам этого свитка — стать никем, стать ничем... Пустоцветом... Принять эстафету поколений можно, лишь осознавая свою миссию по достойному продолжению рода. Приходится волей-неволей, хочешь-нехочешь соответствовать уровню.

Это был, пожалуй, первый случай, за время всей моей поездки по Ингушетии, когда говорил в основном я (хорош интервьюер!) Точнее, не то чтобы даже говорил — бормотал... слова бессвязные... междометия какие-то... восхищённый, ошарашенный, несказанно радуясь за гордый ингушский народ. Разглядывал карту, фотографировал Мусу...

Передо мной, будто в ускоренном кино, пролетела история ингушей за последние два века: несколько раз судьба подводила ингушский народ к гибели, к самому краю бездны, за которым — ничто. Профессиональные убийцы-властители едва не вывели под корень этот гордый народ, а ведь как старались, как корпели... Дедушка Сталин радел лично... (Уничтожать людей массово он умел и, чего греха таить, любил это дело... понимал в нём толк.) Однако не помогли ему ни НКВД, ни Берия, ни казахские морозы, ни голодовки, ни расстрелы духовных лидеров, ни взрывы мечетей, ни концентрационные лагеря, ни тюрьмы, ни сжигание заживо детей, беременных женщин и стариков... Ничего не вышло из этой дьявольской затеи! В адской машине произошёл где-то сбой. Ингуши взялись за руки и сплотились вокруг своего родового Древа.

И сейчас передо мной лежала не просто генеалогическая схема — матрица! [2] ключ к пониманию ингушского народа. Его секретный код!

Становой хребет и вещий символ Ингушетии.

Стало даже как-то торжественно... волнительно... и необъяснимо страшно.
Не возьмусь пересказать, описать своё состояние... не возьмусь. Это — таинство.
Ощущение... убеждение!
Я понимал, что присутствую в момент священнодействия...

Примечания:

[1] Наьна мотт (инг.) — родной язык, язык матери;

[2] Матрица (лат. matrix) — «первопричина».

*

Заключение

Молчание — начало всех начал.

Андрей Макаревич

Дорогие ингуши!

Эта книга писана — вашими молитвами.

Наш огромный совместный труд окончен.

В романе Идриса Базоркин «Из тьмы веков» изложено в поэтической форме его восприятие Ингушетии, точно передающее мои собственные чувства:

Знак времени иной. Иная жизнь течёт.
Кто пристально глядит, тот видит очень много.
Кто слушает, с тем время говорит.
Мне удлиннили годы старики.
Они меня водили в день вчерашний.

В Ингушетии со мной говорило само Время.

А седые старцы, соль ингушской земли, воплощение разума ингушского народа, были моими провожатыми, моими поводьями в стан ингушской мудрости, истины.

«Подвизайся за истину до смерти» — призывает Ветхий Завет.

И я стараюсь...

Достоинства народа — достоинство его духа, его разума.

Достоинство разума в его философии. Это взаимосвязано. Народ является великим не потому, что может надавать соседу по мордам, народ велик своей мыслью, своей культурой, своей глубиной. Велик тем, что питает человеческую душу, человеческий разум.

Поговаривают о возможности создания искусственного разума.

Он уже есть...

Уже есть сила, которая влияет на всю планету, на каждого землянина. Она могущественнее, чем ЦРУ, чем Мировое Правительство, чем «рука Москвы». Она сильнее всех сил, вместе взятых... В том смысле, что процесс запущен одним из этих центров влияния, но с какого-то момента стал неуправляемым. Эта сила — Интернет. Интернет работает абсолютно автономно и ни от кого не зависит. Он форматирует, формирует мозги людей, он уже привёл к тому, что люди начали одинаково питаться, одеваться, любить, петь, смотреть фильмы, вести себя, говорить, мыслить, жить — всё одинаково. Интернет запустил процессы урбанизации, глобализации. Цунами информационных технологий накрыло всех с головой, не зря же называется «сеть». Авоська, из которой не вырваться никому. Ты уже сегодня не можешь жить, как первобытный человек, не можешь пойти, взяв курс на звезду: нужны паспорт, нужны деньги — много чего. Тебя уже сосчитали, ты — в системе. Уже попал! Искусственный интеллект существует и давно орудует. Бояться этого — нерационально. Надо принять данную вводную как неизбежное. А дальше... Если процесс не остановить, его надо возглавить. Силой, которая день ото дня растёт и становится влиятельнее, нужно научиться управлять, как ядерной реакцией. Однако, находясь в самом реакторе, внутри процесса, координировать его невозможно! Пребывая в одной

точке, никогда точно не сориентируешься в пространстве и в итоге останешься на нуле. Для управления нужна устойчивая, математически-точная система координат, дополнительный, наряду с верой, с Богом дедов и прадедов, — вектор направления, измерения. Нужен лазерный луч, святой животворный источник из самой глубины веков. Незатухающий ветхозаветный импульс силы самой Земли связывающий с космосом... И этот дополнительный вектор в системе координат — дух ингушского народа.

Дух ингушского народа — та незамеченная, по достоинству не оценённая пока, сакральная сила, которая сделает Россию... всех нас сильнее.

Вместо фразы «вначале было слово» ингушские жрецы, вероятно, сказали бы: «Сначала было безмолвие». Жрец на священной горе Мят-Лоам во время праздника вначале долго молчал, глядя на восходящее солнце, только потом начинал речь. Не на все вопросы можно найти ответ. И не всегда нужно спешить сказать. Бывает, лучше помолчать.

Молчать и свято верить: «Бог не покинет...»

И строки эти — просто первые капли будущего дождя.

*

Антонина Романова-Осипович

Свече заказано гореть,
Не тлеть,
Не дёргаться,
Не прыгать,
Лишь темноту лучами двигать,
А догоревши — умереть
Нам жизнь подарено прожить,
Не ныть,
Не злиться,
Не пугаться,
Подарком так распоряжаться,
Чтоб научиться всех любить
Спектакль положено сыграть
Достойно,
Смело,
Ждать оваций,
Среди прекрасных декораций
Нельзя комедию ломать

Свече заказано гореть?

*

Словарь

- Азан (араб.) — в исламе призыв к молитве;
Алим — (араб.) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый;
Аллах-акбар! — Аллах велик;
Ангушт — село на юге Пригородного района, осетины называли его Тарским;
Ассаламу алейкум! (араб. — мир Вам; дословно: мир на Вас) — исламское приветствие;
Ахи (собств.) — жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные;
Баракат (араб.) — «благодать, небесный дар». С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат — это Божественная тайна. Баракат — это прибавление и дополнение;
Буро — древне-ингушское название Владикавказ;
Ваьр (инг.), тейп (чеч.), тухум (даг.) — род;
Гяур (араб. аль-кяфирун) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама;
Даьла ший духьа саг la да! (инг.) — «Милостью Аллаха, помогите!»;
Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы;
Дихон (инг.) Дий хьона — понимаешь — присказка Махмуда;
Дулх-хьалт lam — мясо с галушками;
Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца;
Зина (арабск.) — изнасилование, прелюбодеяние;
Зиндан (персидск. — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в средней Азии;
Зиярат — у мусульман святое место;
Кипиш — волнение, паника по поводу какого-то события;
Къунах (инг.) — мужчина;
Къяр дун — ложная клятва;
Ма зокх болаш саг ва (инг.) — какой интересный человек.
Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;
Маслиат — обряд примирения;
Мехк Кхел — Совет страны, Совет Судей;
Муэдзин — читающий азан;
Мюрид — последователь, ученик;
Нах (инг.) — люди;
Нашид — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов;
Наьна воша (инг.) — дядя, брат матери;
Наьна мотт (инг.) — родной язык, язык матери;
Рахмат (араб.) — милость;
Салам маршал! (инг.) — пожелание здоровья;
Сий (инг.) — честь; йоIал (инг.) — целомудрие;
Сунна (араб.) — путь, дорога. В исламе под Сунной понимают действия пророка Мухаммада;
Ураза (тюрк.), рузе (перс.), сауи (араб.), 30-дневный пост у мусульман в месяце рамазане. Восходит к древнеараб. культам. Условия поста регулируются Кораном (сура 2): мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты. Обязателен для всех верующих, кроме детей до 7 лет, больных, беременных женщин, безумных, путешествующих.
Устаз (араб.) — наследник Пророка, учитель;
Хабар (араб.) — рассказ, молва, слух;
Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);
Хадис (араб.) — высказывания пророка Мухаммада;
Харам (араб.) — в шариате запретные действия;
Хашица (инг.) — специальная комната для гостя в ингушском доме;
Худуди (араб.) — наказание;
Хьящ чицир (инг.) — гостеприимство;
Ца вагIав (инг.) — «вернулся домой», так ингуши говорили про смерть;
Чапengiшь (инг.) — блины с творогом;
Шура (инг.) — молоко
Эздел — кодекс чести, нравственности;

*

Моя задача на ближайшее время: рассказать о сказочной, прекрасной, самобытной Стране Башен, о гордых, мужественных ингушах, для которых на первом месте стоит честь. Рассказать своим друзьям и друзьям моих друзей. Вот увидите: весь мир узнает о вас!.. Клянусь! А в переводе на ингушский — «Ашитбля»!

В конце письма обычно делают приписку: «Жду ответа, как соловей лета!» А я, поскольку ингушский теперь знаю, не буду изъясняться экивоками и скажу напрямик: «Дорогие читатели, мне не терпится увидеть ваш жоп!» Свои отзывы, дополнения, уточнения присылайте по адресу: A-Kostjunin@yandex.ru; Большая просьба, если заметите опечатку — сообщите! Не хочется, чтоб получилось, как в советские времена, когда при наборе заголовка газеты «Советское Беломорье» в слове «Беломорье» впопыхах поменяли местами первые две буквы. Ну, а коли ошибка обнаружится слишком поздно, сильно не гневайтесь. По примеру нижегородского монаха Лаврентия, в конце своей летописи я тоже обращаюсь к вам с нижайшей просьбой: «Оже ся где буду описал или переписал или недописал, чтите исправливая Бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел».

подорогеназанрьюрыбуреливпылимолитвагосподняотченашотченашежесинанебесехдасвятитсямя твоедапридетцарствиетвоедабудетволятвоаяконанебесииземлихлебнашасущныйдаждьнамднесьи оставинамдолгинашаякожеимыоставляемдолжниконашиминевведединасвоискушениеноизбавинасотл укавагоотецнашесущийнанебесахдасвятитсямятвоедапридетцарствиетвоедабудетволятвоаяназемлек акнанебехлебнашасущныйдайнамнасейденьипростинамдолгинашикакимыпроцаемдолжникамнаши миневведединасвоискушениеноизбавьнасотлукавагоиботвоеестьцарствоисилаислававовекиаминьблагодаре ниезавсякоеблагодеяниебожиеблагодарнишущенедостойниирабитвоигосподиотвоихвеликихблагоде яниихнашасбывшихславящестяхвалимблагословимблагодаримпоемивеличаемтвоеблагоутробиеирабск илюбовиювопиемтиблагодетелюспасенашславатебетвоихблагодеянийидаровтунякорабинепотребнии сподоблшесявладыкотебеусерднопритекающеблагодарениеипосилеприносимитебеякоблагодетеляит ворцаславящевопиемславатебебожевсещедрыйславаотцуисынуисвятомудухуинынеиприсноивовекиве коваминьбогородиченбогородицехристианомпомощницетвоепредстательствостяжавшерабитвоиблаго дарнотетебевопиемрадуясьпречистаябогородицедевоиотвсехнасбедтвоимолитвамивсегдаизбавиедин авскорепредстательствующаясимволверыверуювоединагобогаотцавседержителятворцанебуиземливи димымжевсемирневидимымвоединагосподаисусахристасынабожияединороднагоижеототцарожде ннагопреждевсехвексветаотсветабогаистиннаотбогаистиннарожденнанесотвореннаединосущнаотцу ижевсябышанаградичеловекинашегорадиспасенияшедшагоснебесивоплотившагосятдусвятияимар иидевыивочеловечшасяраспятагожезаныприпонтийстемпилатеистрадавшиаипогребеннаивоскресшагов третийденьпописаниемивозшедшагонанебесаиседящаодеснуюотцаипакигрядущагосославоуюсудитиживымимертвymeгожецарствиюнебудетконцаивдусахвятагогосподаживотворящагоижеототцаисходящ агоижесоотцемисыномспокланяемаисславимаглаголавашагопрокивоединусвятуюсоборнуюиапостол ьскуюцерковьисповедуюединокрещениевоеоставлениегреховчаювоскресениямертвыхижизнибудущаго векаминьпризываниепомощидухасвятагонаважкоеделодоброетворческоздателювсякихбожеделар укнашихкославетвоейначинаемаятвоимблагословениемспешноисправинаотвсякагозлаизбавиякоеди нвсесиленичеловеколюбецскорыйвзаступлениеикрепкийвпомощьпредстаниблагодатиюсилытвоеянын еиблагословивукрепивиисвершениенамеренияблагагоделаработвоихпроизведивсябоеликахощешияк осильныйбогтворитиможешимолитванаосвящениевсякойвещисоздателюисодетелючеловеческагорода дателюблагодатидуховныяподателювечнагоспасениясамгосподипослудухатвоегосвятагосвышнимбла гословениемнавещсияюкодавооруженасилоюнебеснагозаступленияхотящимуюупотреблятипомощнаб удетктелесномуспасениюизаступлениюипомощиохристеиисусегосподенашемаминьикропитьвещьсвя тойводойтриждыпоокончанииделаисполнениевсехблагихтыесихристеиисполнирадостиивеселияду шумоюиспасимяякоединмногомилостивгосподиславатебедостойноестьяковоистиннублажититябогор одицуприсноблаженнуюипренипорочнуюиматерьбоганашегочестнейшуюехерувимиславнейшуюбезсра внениясерафимбезистлениябогасловарождшуюсущуюбогородицутявеличаемпередиконоюказанскоюз аступницеусерднатьмагигосподавышнягозавсехмолишисынатвоегохристабоганашегоивсемтворишисп астисявдержавныйтвойпокровприбегающимвсехназаступиогоспожецарицеивладычицеижевнапастех ивскорбехивболезнехобремененныхгрехимногимипредстоящимомляющимсятебеумиленноудушеюисо крушеннымсердцемпредпречистымтвоимобразомсослезаминевозвратнадеждуимущихнатяизбавле ниявсехзольсемполезнаядаруйивсяспасибогородицедевотыбоесибожественныйпокровработвоимпри тецемлюдиктихомусемудобромупристанишускоройпомощницеготовомутепломуспасениюпокрову девыускоримнамолитвиупотщимсянапокаяниеисточаетбонамнеоскудныямилостипречистаябогородиц апредваряетнапомощьиизбавляетотвеликихбедизолблагонравныяибогобоящиясярабысвоямолитваопр ечистаявладычицебогородицецариценебесииземливышшаяангелиархангеливсестваричестнейшаячист аядевомариемурублагаяпомощницеивсемлюдемутверждениеивовсякихнуждахизбавлениепризринын егоспожевсемилостиваянарабытвоатебеумиленноудушеюисокрушеннымсердцеммолящихсяслезам иктебеприпадающияпречистомуицельбоносномуобразутвоемупомощиизаступлениятвоегопросящия овсемилостиваяипремилосердаядевобогородицетчимаявоззригоспоженалюдитвоямыбогрешнииима мыиньяпомощиразветебеиоттебярождшагосяхристабоганашеготыесизаступницаипредстательницана шатыесиобидимымзащищениеискорбящимрадованияесирымприбежищевдовамхранительницадевамслав аплачущимвеселиебольнымпосещениенемощнымисцелениегрешнымспасениесегорадиобогоматиктеб еприбегаеминатвойпречистыйобразпречнымнарукутвоеюдержимыммладенцемгосподемнашимиис усомхристомвзирающеумиленноепениетебеиносимивопиемпомилуйнасматибожияипрошениенаше исполнисябосутьвозможнаходатайствувоемуякотебеславаподобаетнынеиприсноивовекивековаминь

Из телефонного разговора с кунаком

— Интерес к книге есть, но хочу, чтобы он стал массовым!

— Александр, может тебе стоит умереть? — любезно поинтересовался Гамзат.

*